ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

ОРЛОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени И.С. Тургенева

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Сборник научных трудов
IX Международной научно-практической конференции
(г. Орёл, 15-16 октября 2025 г.)

Орёл
ОГУ имени И.С. Тургенева
2025

УДК 811.15(08)
ББК 81.2
Я41

Главный редактор:
А. Д. Бакина – доктор филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английской филологии
Института иностранных языков
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Я41 **Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение :** сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции (г. Орёл, 15-16 октября 2025 г.) / главный редактор А. Д. Бакина. – Орёл : ОГУ имени И.С. Тургенева, 2025. – 374 с.

ISBN 978-5-9929-1971-4

Сборник научных трудов отечественных и зарубежных ученых посвящен актуальным проблемам лингвистики в аспекте взаимосвязи языка, культуры, коммуникации, проблемам обучения иностранному языку и переводу, проблемам когниции, коммуникации и анализа дискурса.

Издание адресовано лингвистам, филологам, специалистам в области методики, перевода, межкультурной коммуникации, студентам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами языка, культуры, коммуникации в их взаимодействии.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 811.15(08)
ББК 81.2

ISBN 978-5-9929-1971-4 © Оформление. ОГУ имени И.С. Тургенева, 2025

Редакционная коллегия:

Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент
Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент
Бакина Анна Дмитриевна – заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, доцент
Иванова Оксана Юрьевна – заведующий кафедрой иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент
Клочков Алексей Валерьевич – заведующий кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент
Ретинская Татьяна Ивановна – заведующий кафедрой романской филологии, доктор филологических наук, доцент
Щекотихина Ирина Николаевна – заведущий кафедрой английского языка, кандидат филологических наук, доцент
Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент
Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, доцент
Ильминская Виктория Игоревна – старший преподаватель кафедры английской филологии,
Кирюхина Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии, кандидат филологических наук
Тимошенко Ирина Владимировна – доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук
Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии, кандидат педагогических наук, доцент
Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка, доктор филологических наук, профессор

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ 8

Абакумова О. Б. Мифологема «Зеркало» в русском и английском паремическом дискурсе о правде и лжи 8

Аксёнчикова-Бирюкова А. А. К вопросу перевода номинанта эмоции *печаль* в стихотворениях Ли Цинчжао 15

Бакина А. Д. Актуализация антропоморфного кода культуры во фразеологии английского и русского языков. Сопоставительный аспект 19

Боева-Омелечко Н. Б. Стилистика портретных описаний в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» 32

Бриз Э. Ч. 493 CE: Ambrosius Aurelianus and the Vale of Severn 38

Иванова С. В. Текстуализация вежливой критики в жанре театрального интернет-отзыва 61

Калашникова Л. В. Реализация модусной категории оценки в медийном дискурсе с помощью метафорических номинаций 66

Карасик В. И. Символизация пыли и праха в языковом сознании 73

Козловский Д. В. Категория эвиденциальности как языковая универсалия: вопросы типологического описания 83

Левицкий А. Э. Вербальное и невербальное в пространстве коммуникации: памяти Г. Е. Крейдлина 89

Орлова О. С. Когнитивно-культурологический аспект перевода эвфемизмов 93

Петрова О. В. Теория и практика перевода на новом этапе: дидактический аспект 100

Полубиченко Л. В. Метафорический компонент языка науки 104

Савицкая Е. В. О противоречиях в трактовках понятия ‘лакуна’ 111

Савицкий В. М. Фразообразование в лингвопоэтическом аспекте 116

Юдкин-Рипун И. Н. Парцелляция прямой речи как средство выявления семантических прототипов в русской драме и прозе XX в. 121

НАУКА МОЛОДЫХ 129

Ададуров А. А. Антропонимы в межкультурной коммуникации: проблематика и специфика перевода 129

Горячева М. В. Эволюция библейской фразеологии: от устойчивых сочетаний религиозного дискурса до языковой игры в современной коммуникации 133

Иванова С. Г. Семантика процессуальных фразеологизмов с субстантивным компонентом «дом» (на материале немецкого, английского и русского языков) 137

Колесникова А. Л. Мифологема и ее репрезентация в немецких и японских пословицах (на материале пословиц о правде и лжи) 142

Мартынова М. А. Специфика отражения национально-культурных ценностей средствами фразеологии английского языка 147

Орехова М. А., Бакина А. Д. Прагматика перевода библейских фразеологических единиц в политической риторике 149

Петроченко И. С. Сравнительный анализ форм вежливости (комплиментов): на материале английского и русского языков 154

Сачиви Р. А. Структурные и семантические особенности концептов «счастье» и «несчастье» в бенинских пословицах 158

Станова М. В. Лексико-семантические средства репрезентации феномена любви в «женской поэзии» Викторианской эпохи 162

Фирсов О. А., Иванишин Д. А. Современные тенденции в оценке качества перевода в лингвистических исследованиях 166

Цуканов М. В. Выражение количественных отношений в английских пословицах 171

СЕКЦИЯ 1. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ 176

Азарова И. В. Лингвистические приемы создания комического эффекта в немецких анекдотах 176

Волошина С. В. Сохранение и трансляция памяти в автобиографических практиках жителей Сибири 179

Горюнова М. И. Репрезентация лингвокультурных концептов СЕМЬЯ, FAMILY в медийном русскоязычном и англоязычном дискурсах (в parenting- и family-блогах) 182

Ефимова Т. Г. Односоставные предложения в повести А. П. Чехова «Три года» 190

Клочков А. В. Образ французов в современных немецкоязычных анекдотах 194

Колесниченко Е. М., Цуканова Е. М. Построение и анализ лексико-семантического поля *Чувства* 199

Кузьмина О. А. О наиболее распространенных молодежных арготических лексемах в современном онлайн-пространстве 203

Мартынова Е. М. Символизм цветописи в прозе К.Г. Паустовского 206

Петухова М. И., Карасева М. С. Языковая актуализация модусов перцепции при репрезентации концепта SEA в романе Айрис Мердок “The Sea, The Sea” 211

Разумова Л. В. Аффиксальная система квебекского варианта французского языка: инновационность и консервативность 214

Хрисонопуло Е. Ю., Калинина С. А. Актуализация лексического значения заглавных слов в тексте рассказа 218

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ 224

Ильминская В. И. Пословицы в трилогии фильмов «Властелин Колец» 224

Кирюхина Н. В. К вопросу о провербиальности антипословиц 228

Котова М. Ю. Об адвербиальных компонентах в составе русских пословиц паремиологического минимума 2022 года на фоне словацких пословичных параллелей 231

Кудрявцев М. К., Цуканова Е. М. Описательная функция фразеологизмов: лингвокультурный аспект (на материале перевода А. Панкова романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на немецкий язык) 235

Мущинская В. В. Волк в украинской паремиологии (на материале сборника И. Я. Франко «Галицько-руські народні приповідки») 240

Полякова А. А. К вопросу о разграничении терминов, входящих в семантическое поле «Professional Activities of the Police» 244

Сидорова Е. В. Паремии семантического пространства «нравственные ценности» в русском и английском языках (лингвокультурологический аспект)..... 249

Шаненкова М. М., Калашникова Л. В. Сопоставительный анализ синтаксических и стилистических особенностей пословиц и поговорок английского и китайского языков..... 254

СЕКЦИЯ 3. ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ..... 258

Балухтина Ю. С., Иванишин Д. А. Многозначность слов в машинном переводе 258

Гавриленко К. А. Проблематика перевода психологических триллеров..... 262

Емелина М. А., Абакумова О. Б. Трудности передачи безэквивалентной лексики советского периода при переводе повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова..... 267

Илюхина В. А., Козельская Е. А. К переводу терминологических лексических единиц в текстах СМИ с французского языка на русский 270

Кудрявцев М. К., Клочков А. В. Об особенностях передачи библионимов на примере перевода названий книг Терри Пратчетта на русский и немецкий языки..... 275

Оленина А. С., Тимошенко И. В. Стратегии доместикации и форенизации в переводе художественных текстов (на материале романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»)..... 280

Скрипкина Г. В. Проблема перевода окказионализмов в художественном тексте: стратегии и приемы..... 285

Чечиль А. П. К вопросу о компонентах и структуре словаря ложных друзей переводчика 293

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ 298

Долгова Е. В., Кравцова А. А. Лингвистические приёмы воздействия в современных медиатекстах общественно-политической тематики..... 298

Кононова М. В., Иванишин Д. А. Имя собственное как концепт в речевом воздействии..... 301

Филичкина Т. П. Лингвистические ресурсы как оружие информационной войны в медийном дискурсе Великобритании..... 306

СЕКЦИЯ 5. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ..... 310

Бирюкова И. А. Европейские педагогические инновации на службе российского образования 310

Бондарева Н. А., Новикова Ю. Л. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс..... 318

Жарких О. И. Ассоциативные словари как инструмент обучения иностранным языкам: методические решения и практическое применение..... 323

Макарова Е. Л. Ориентировочная основа действий как фасилитатор построения дискуссии на английском языке..... 327

Насонова С. Л., Страждина Л. М. Особенности работы над устной темой на младших курсах факультета иностранных языков 330

Насонова С. Л., Страждина Л. М. Особенности работы с грамматическим материалом на младших курсах обучения иностранному языку в вузе..... 334

Терновых Т. Ю. Развитие краеведческой компетенции на уроках иностранного языка 337

Титова Г. А. Исследовательский подход в обучении английскому языку как иностранному: основные этапы 340

Филиппов В. С. Вторичная языковая личность как цель обучения иностранному языку: к вопросу об обоснованности подхода..... 344

Шульдешова Н. В., Шульдешов Д. Е. Использование искусственного интеллекта в освоении иностранных языков 348

Щекотихина И. Н., Тураносова Е. Е. Small talk как феномен английской лингвокультуры: специфика и проблема обучения 352

Яковлева Ю. М., Гревцева Ю. И. Организация работы разговорного клуба для старшеклассников, изучающих английский язык..... 360

Яковлева Ю. М., Рыжова Д. М. Практический аспект организации внеурочной деятельности «Английский книжный клуб» для учащихся основной общеобразовательной школы..... 364

Якушев М. В. Использование аутентичных видеоматериалов в обучении иностранным языкам в вузе..... 369

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ

УДК 81’373

Мифологема «Зеркало» в русском и английском паремическом дискурсе о правде и лжи

Ольга Борисовна Абакумова
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент, Орёл, Россия, anglfil@oreluniver.ru

Аннотация: статья посвящена реконструкции мифологемы зеркала в русских и английских паремиях о правде и лжи. Делается вывод о том, что в основе национальной специфики мифологемы могут лежать разные прототипы.
Ключевые слова: мифологема, паремический дискурс, пословица, квалитатив, концептуальная метафора, стереотип, прототип, русский язык, английский язык.

Mythologem *Mirror* in Russian and English paremic discourse about truth and lie

Olga B. Abakumova
Orel State University named after I. S. Turgenev, professor of English Philology Chair, Dr of Philological Sciences, Orel, Russia, anglfil@oreluniver.ru

Abstract: The paper is devoted to reconstruction of mythologem of mirror in Russian and English paremic units comprising paremic discourse in Russian and English linguo-culture. It was found out that mirror has different prototypes in these two different cultures.
Key words: mythologem, paremic discourse, linguo-culture, proverb, qualitative, conceptual metaphor, stereotype, prototype, Russian language, English language.

Как утверждают современные исследователи, оценочно-стилевая направленность знания наиболее явно представлена в *стереотипах, концептуальных метафорах, мифологемах и идеологемах* [Трошина 2008, с. 119]. В данной статье мы поговорим о мифологеме и концептуальных метафорах, которые могут способствовать ее реализации, а также стереотипах и прототипах, которые могут проявиться через анализ семантики вербализующих мифологему паремических единиц.

Карл Густав Юнг, который вместе с Кереньи первым использовал этот термин, дал мифологеме следующее определение: *мифологема* – это «всем известный мифологический сюжет, который служит материалом для нового творчества» [Юнг, 1996, с. 13]. Сравнивая мифологему с архетипом, В. Н. Топоров считала, что мифологема в отличие от архетипа, универсалии коллективного бессознательного, этноспецифична. Мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована [Топоров, 1995].

В. Б. Касевич так описал наиболее существенные черты мифа: 1) слияние морально-этических установок, «разумного» объяснения устройства мира и искусства как эмоционально-образного отражения действительности; 2) непосредственность

реакции и восприятие мира через чувственные впечатления; 3) персонифицированность элементов мифа; 4) наличие систем простых оппозиций; 5) неограниченность мифологического знания временем и пространством [Касевич, 1996].

Философы и лингвисты отмечают, что большинство признаков мифа присущи и обыденному сознанию. Обыденная когнитивная деятельность человека, как и мифологическое познание мира, основана не на логике, а на процедурах, оперирующих стереотипами и прототипами, а также характеризуется эмоциональностью, непосредственной реакцией на события и оценочностью. Обыденное сознание складывается с опорой на разнообразные жизненные установки: обычаи, нормы, традиции, социальный опыт, стереотипы, коллективные представления о мире, которые фиксируются чаще всего в *паремиологических единицах* [Касевич, 1996; Бочина, 2023].

В. А. Маслова считает, что именно *во фразеологии* лучше всего сохраняются сведения о мифах, поверьях, ритуалах, обычаях, о духовной культуре в целом. Она полагает, что чаще всего миф свертывается во фразеологизм, в котором можно увидеть и расшифровать этнокультурную информацию о взглядах наших предков на мир и на самих себя [Маслова, 2007, с. 197-198].

Термин «мифологема» оказался очень востребованным в лингвокультурологии. Так, В. Н. Телия под мифологемами понимала «мифологические представления о мире, в том числе отображенные в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе *анимизма* (одушевления неживого или несуществующего в действительности), *фетишизма* (придания природным и «вещным» объектам действенно-магического смысла) и т.п.» [Телия, 2006, с. 781]. Мифологема определяется её учениками, авторами «Словаря лингвокультурных терминов» М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым как знак «языка» культуры, «включающий как понятийное, так и образное содержание, конкретно чувственное воплощение образов коллективного бессознательного. Она является единицей мифологического сознания, актуализируется с помощью вербальных и невербальных символов, обладает лингвокультурной спецификой» [Ковшова, Гудков 2017, с. 103-104].

В данной статье для нас важным является также понятие паремического дискурса. Под дискурсом в паремиологии понимается как конкретный текст, так и совокупность текстов, закономерности их порождения и восприятия, функционирования в социальном пространстве. Пословицы, поговорки, поверья, приметы, присловья и др. определяются как «паремические микродискурсы»; различаются статический (реляционный) и динамический (операциональный) дискурс [Борботько 2007, с. 88]. Нами выделяются два типа паремического дискурса: Первый тип (ПД1) представляет собой совокупность традиционных пословичных дискурсивных практик, объединенных общей темой и условиями использования. В этом типе дискурса паремии сосуществуют как мини-тексты, соотносимые с одной или несколькими ценностями культуры, типичными ситуациями их использования, а также друг с другом как варианты и трансформы, их взаимоотношения могут строиться на принципах контраста, тождества, звукового и структурного подобия, использования одной синтаксической модели, образа, оценки и других типичных для этого жанра реалий. Такой тип дискурса можно назвать паремическим дискурсом объекта [Абакумова 2013, с. 66].

Второй тип дискурса (ПД2), «микродискурс» по Борботько, понимается нами как коммуникативный акт, в котором используется пословица, он имеет прототипическую диалогическую структуру, то есть диалоговое взаимодействие, но может эксплицитно иметь и монологическую форму высказывания (текст). Мы называем его паремический дискурс субъекта [Абакумова 2013, с. 67].

Мифологема «Зеркало» в западной и восточной культурах символизирует самопознание, правдивость, искренность, просвещение, предсказание [Трессидер, 2001].

Зеркало обладает характерным свойством: зеркальной поверхностью, которая дает возможность «беспристрастно и достоверно отражать материальную действительность». Данное свойство определило зеркало как ***метафору правды и истины***, а обманчивая иллюзорность, инверсия, кривизна и туманность отражения закрепили за ним также значения ***лжи и обмана*** [Рон, 2004, с. 9].

1. Мифологические основы

В основе возникновения мифологемы зеркала лежит известный греческий миф о прекрасном Нарциссе, сыне речного бога Кефисса и нимфы Лариопы, которому, по одной из версий мифа, было суждено прожить долгую жизнь, если он никогда не увидит своего лица. Его любви добивались многие красавицы, но он всегда оставался безразличным. Отвергнутые женщины потребовали наказать красавца. Богиня правосудия Немесида согласилась помочь. Возвращаясь с охоты, Нарцисс заглянул в чистый источник и, увидев там свое изображение, влюбился в него и умер от любви к себе [Мифологический словарь 1991, с.389].

2. Этимологические факты

В рус. языке XI-XVII вв. известно было церковно-славянское слово зьрьцало, зьрцало (с XIV в.), **зрьцало**, **зерцало** и позднее — **зеркало**. Из праслав. *зьркадло, образованного от основы глаг. *зьркати при помощи суф. орудия -дло. В этом праслав. сущ. угадывается старая словообразовательная калька с лат. speculum. Speculum – *зеркало, отражение*, от лат. specere *смотреть, видеть*. Глаг. *зьркати (рус. диал. зеркать) однокоренной с праслав. глаг. *зьрѣти «видеть» [Шапошников, 2010, с. 321]. Согласно данным этимологических словарей, практически во всех европейских языках слово «зеркало» восходит к глаголу «смотреть», «видеть».

3. Некоторые результаты исследования

Для выявления и сопоставления характеристик, составляющих содержательное ядро мифологемы в анализируемых пословицах мы используем падежную категорию «квалитатив» - «падеж, который квалифицирует имя, и является результатом взаимодействия семантики предиката и второго актанта или сирконстанта, характеризующих имя в семантической структуре пословичного предложения-высказывания» [Абакумова, 2013, с. 78].

В результате сопоставления пословиц и паремий двух неблизкородственных языков были выявлены следующие концептуальные признаки зеркала как инструмента отражения действительности, а также вербальные и символические средства их презентации.

Квалитатив объективного/беспристрастного отражения действительности

1) онтологическая метафора персонификации «***зеркало говорит правду***»:

(англ.) *The mirror doesn't lie* ("Proverbs" 1659).

2) ориентационная метафора [Лакофф, Джонсон 2004] «***зеркало указывает на недостатки»***

(англ) *Hold the mirror up to nature* – (изначально шекспировское выражение, употребляется в пьесе «Гамлет», где речь идет об актёрской игре). В современном английском используется вариант *hold the mirror up to something* – 'правдиво отражать, изображать что-либо, указывая на достоинства и недостатки' [Кунин 1984, с. 508].

3) *Метафора объективации* ***«лучшее зеркало - друг»****:*

(англ) The best mirror is an old friend (букв. 'Лучшее зеркало – это старый друг') – дружеский квалитатив.

Квалитатив (прескриптив) нравственного поведения:

(рус.) *На зеркало неча (нечего) пенять, коли рожа крива;*
Не брани зеркало, коли рожа крива;
Не на зеркало пеняй, коли рожа коса;
Нечего на зеркало пенять, коли рожа коса;
Сам кос - на зеркало не судачь [Мокиенко, Николаева, Никитина 2010].

Варианты пословиц содержат в основном лексические замены, которые не меняют смысла пословичного высказывания: Следует знать свои недостатки и не перекладывать свою вину на окружающих или обстоятельства.

(англ) *Look into the mirror before judging others* – "examine your own faults and shortcomings" (*Посмотрись в зеркало прежде, чем осуждать других*).

Пословицы данной группы содержат предикат в форме императива и образ зеркала как символ самопознания и самосовершенствования. Пословицы рекомендуют этические нормы контроля (Следует быть справедливым), нормы ответственности (Следует отвечать за свои ошибки). О социальных нормах в пословицах см. [Карасик 2004]).

Квалитатив нежелательности, непринятия правды, **квалитатив внешней непривлекательности** [Колесникова, Абакумова 2025, с. 59].

Метафора «**зеркало виновато в человеческих недостатках**»

(рус.) *Кривой зеркала не любит; У рябого всегда зеркало виновато* [Мокиенко 2010]. Расширение семантики свободного словосочетания приводит к формированию переносных смыслов, которые можно сформулировать в первом случае: "Виновный не любит, чтобы ему указывали на его недостатки", а во втором: *У виноватого всегда невиновный виноват.* Вспомним известную русскую сказку «Лиса и волк», где лиса, притворившись больной, заставила раненого волка нести себя на спине и приговаривала тихонько: «Битый небитого везет, битый небитого везет». В описанных ситуациях проявляется стереотип: Люди склонны обвинять в своих ошибках и недостатках окружающих, обстоятельства, но не самих себя.

Квалитатив необходимости, полезности

Метафора персонификации «***зеркало – лучший друг женщины***»

*(англ.) A woman's mirror is her best friend (*букв.'*Зеркало женщины – её лучший друг') – эстетический/гендерный квалитатив*. Расширение семантики пословицы приводит к формированию обобщенного, провербиального значения: Женщина должна всегда заботится о своей внешности. Стереотип: мужчины всегда ценят в женщине прежде всего внешнюю привлекательность.

Квалитатив искажения реальности

Метафора персонификации **«зеркало лжет, обманывает»**

(англ.) He who looks into a mirror, sees not himself but the image of himself – (букв. *'Тот, кто смотрит в зеркало, видит не себя, а свое отражение/образ'*).

Словарь «Longman Dictionary of Contemporary English» (LDCE 1992) дает такое определение для *mirror image*: 1) an image of smth in which the right side appears on the left, and the left side on the right; 2) smth such as an object or a situation , that looks like or is very similar to smth else , but whose various parts may sometimes be arranged in a different or opposite way (LDCE, c. 663).

Перевернутое изображение мира с позиции человека, оказавшегося по другую сторону зеркала, прекрасно представлено Льюисом Кэрроллом в его произведении «Алиса в Зазеркалье». Паремический дискурс включает следующие единицы:

A distorting mirror – ‘кривое зеркало’ (Кунин 1984).

All done with mirrors – “an apparent achievement with an element of trickery” (‘*достижение результата с помощью хитрости и обмана’*) [Oxford Dictionary of Idioms, p.231];

Smoke and mirrors - “the obscuring or embellishing of the truth of a situation with misleading or irrelevant information’ [Oxford Dictionary of Idioms, p. 327] – *(‘затемнение или приукрашивание правды о ситуации ложной или неверной информацией*’).

Очевидно, что прототипом в данном случае являются зеркала, которые использует иллюзионист для создания своих фокусов.

(рус) *В кривом зеркале и рот на боку* [Мокиенко 2010].

В славянской мифологии зеркало в народных представлениях является символом удвоения действительности. Зеркало – это граница, разделяющая земной и потусторонний миры. Зеркало наделяется сверхъестественной силой, способностью воссоздавать не только видимый мир, но и невидимый и даже потусторонний [СМ 2002, с. 182]. В «Королевстве кривых зеркал» В. Губарев показывает роль зеркала как переправы в волшебную сказку, функции удвоения, взаимодействия и взаимопроникновения двух миров. В одноименном художественном фильме стоит и другая, морально-нравственная, цель, высказанная устами одной из юных героинь фильма: иногда следует посмотреть на себя со стороны, чтобы увидеть свои недостатки и избавиться от них.

Квалитатив бесполезности

Выменял слепой у глухого зеркало на гусли [Мокиенко 2010]. Ситуация, описанная во внутренней форме пословицы, в расширительном плане передает значение стереотипа: Люди иногда совершают поступки, совершенно лишенные смысла.

Квалитатив общения с потусторонними силами

Не бери чужое зеркало (зирьгяло), дай бы Бог тебя задирьгяло [Мокиенко 2010]. С античных времен зеркало воспринималось как «дьявольское стекло» и оружие колдовства, магии. «Маги, колдуны, ведьмы могли с помощью зеркала вызывать духов, демонов или удерживать души в потустороннем зеркальном мире» [Белова 2017, с. 42]. Зеркало является ритуальным предметом и связано с религиозными традициями. Например, когда в доме находится покойник, нужно строго соблюдать обычай завешивать зеркала или поворачивать их к стене. Существует поверье, что если этого не сделать, то граница в потусторонний мир будет открыта, и «покойник станет вампиром», т.е. будет вторгаться с «того света» в мир живых. Тем же страхом перед открытой границей в потусторонний мир объясняется требование закрывать глаза покойнику. Как и другие границы (межа, окно, порог, печная труба, водная поверхность и т.п.), зеркало считается опасным и требует осторожного обращения» [СМ 2002, с. 182]. У славян считалось, что, посмотрев в чужое зеркало, человек оставляет в нем часть себя и/или приобретает часть души хозяина зеркала, и, возможно, перенимает, наследует его негативные стороны или несчастья.

Квалитатив предсказания несчастья

Отрицательным свойством зеркала является то, что оно хрупкое и может легко разбиться. Разбитое зеркало символизирует нарушенную границу, сулит несчастье. С этим связан «запрет смотреться в зеркало ночью, а также во время грозы» [СМ 2002, с. 182].

Зеркало разбилось – разобьется любовь [Мокиенко 2010].

Анализ пословицы в контексте (ПД2)

Рассмотрим использование пословицы в рецензии на спектакль по пьесе Н.В. Гоголя «Ревизор»:

Пьесу «Ревизор» обрамляют две яркие смысловые координаты: эпиграф и «немая сцена». Эпиграф с дидактической основательностью народной мудрости предупреждает: «***На зеркало неча пенять, коли рожа крива***». А финальный эпизод во всей полноте театральной конкретности эту кривизну являет: действующие лица образуют «окаменевшую группу» и, по авторскому замыслу, «почти полторы минуты» должны неподвижно стоять перед зрителем в самых нелепых позах. Текст «Ревизора» замыкается указанием на установление «зеркала» для зрительного зала в виде застывших фигур, в которых надо разглядеть себя. …Применительно к содержанию пьесы «немая сцена» становится сценическим воплощением смысла пословицы, что позволяет говорить о кольцевой композиции «Ревизора» (Потапенко, 2009).

Коммуникативная составляющая пословицы: автор использует пословицу как собственно коммуникативное действие по Ю. Хабермасу, т.е. действие, нацеленное на взаимопонимание и последующую совместную деятельность, с целью обратить внимание людей на свое поведение в обществе.

Когнитивная (констативная) составляющая: пропозиция представлена предикатами *пенять* (‘жаловаться’) и *крива* (“некрасива”). Пословичный сценарий можно представить как наложение трех типов фреймов:

Образный фрейм: некрасивый человек недоволен своим изображением в зеркале и не любит зеркала;

Ситуативный фрейм: зрителям не нравится поведение и внешний вид персонажей пьесы;

Обобщенный фрейм: по классификации Г.Л. Пермякова это второй тип логико-семиотической модели: Если вещь обладает одним свойством, она обладает и другим (Пермяков 1979): Если зеркало имеет способность отражать действительность, то оно покажет все так, как оно есть на самом деле, и хорошее, и плохое.

Экспрессивная составляющая: Оценка ситуации говорящим/писателем отрицательная: он осуждает тех, кто винит в своих ошибках и неправильных поступках окружающих и обстоятельства, но не себя самого. Экспрессивность достигается за счет использования сниженной устаревшей лексики и конструкции, типичной для речи крестьян, то есть низшего слоя общества.

Регулятивная составляющая: опираясь на утилитарные нормы реализма (Следует знать правду) и этические нормы ответственности (Следует признавать свои ошибки и исправлять их), писатель рекомендует людям посмотреть на себя со стороны, сделать выводы для себя, честно оценить свою систему ценностей и нормы поведения в обществе, чтобы не оказаться в такой ситуации и не было бы стыдно перед близкими, друзьями, сослуживцами за свое поведение.

Заключение

Наш анализ показал, что мифологема Зеркало включена в сюжеты паремических текстов как один из ключевых компонентов и способствует развитию концептуальной информации о таком базовом бинарном аксиологическом концепте, как Правда-Ложь. Делается вывод о том, что мифологема Зеркало реализует свой содержательный потенциал по-разному в сопоставляемых лингвокультурах: в большинстве случаев через анимизм, концептуальную метафору персонификации в английских пословицах и фразеологизмах, где передается идея о том, что правда может быть, как объективной, так и субъективной, она имеет человеческую природу и поэтому часто может быть даже намеренно искажена. Через фетишизм, анимизм (в сказках), расширение значения

пословиц-максим и примет в русских паремиях транслируется необходимость видеть правду, какой бы она не была, и не стараться переложить свою вину на окружающих, а стремиться исправить свои ошибки. Мифологема связана с определенным событием, способствует культурной интерпретации паремических текстов и делает возможным модификации их смыслов. Сопоставительный анализ показал, что в основе русской и английской мифологем лежат общие, бытовые, а также функционально различные прототипы зеркала: зеркала, используемые для гадания и предсказания будущего в русской культуре и зеркала фокусников в английской.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2013, 354 с.

2. Бочина Т. Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.

3. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.:Либроком, 2007.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004.

5. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996.

6. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

7. Колесникова А.Л., Абакумова О.Б. Пословичный концепт Правда/Макото и лингвокультурные коды в русских и японских паремиях // Славистика. Славяне в контексте мировой культуры. Сборник статей по материалам LIII Международной научной филологической конференции имени Л.А. Вербицкой. СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. С.54-62.

8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем /; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). 252 с.

9. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. Монография. М.:Гнозис, 2007.

10. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.

11. Рон М. В. Метаморфозы образа зеркала в истории культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии / Рон Мария Витальевна. Санкт- Петербург, 2004.

12. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.

13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995.

14. Трошина Н.Н. Когнитивная парадигма в лингвостилистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: РАН ИНИОН, 2008. С.104-122.

15. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: ЗАО «Совершенство», 1996.

Словари

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО: «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

2. Мифологический словарь. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991.

3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984.

4. СМ-Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002.
5. Тресиддер Д. Словарь символов. - Москва : Изд.-торг. дом "Гранд" : Фаир-пресс, 2001. - 444 с.
6. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. – М.: Флинта: Наука, 2010.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1992.
8. Oxford Dictionary of Idioms. Edited by J. Speake. Oxford: University Press, 1999.

УДК 81’255,4:[811.161.1+811.581]:159.942.2

К вопросу перевода номинанта эмоции *печаль* в стихотворениях Ли Цинчжао

Ангелина Александровна Аксёнчикова-Бирюкова
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомель, Беларусь, angelaleks99@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение семантики иероглифа 愁 *печаль*, а также выявление особенностей перевода данного иероглифа на русский язык в некоторых стихотворениях Ли Цинчжао. Материалом послужили оригинальные стихотворения, а также поэтические переводы А. Алексеевой, М. И. Басманова и С. А. Торопцева.
Ключевые слова: китайская классическая поэзия, Ли Цинчжао, печаль, иероглиф, перевод

On the Question of Translating the Nominee of the Emotion of Sadness in Li Qingzhao's Poems

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Alexandrovna
Gomel State University named after Francisk Skorina, Senior Lecturer of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Belarus, Gomel, angelaleks99@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to examine the semantics of the character 愁 (sorrow), as well as to identify the peculiarities of translating this character into Russian in some poems by Li Qingzhao. The material for the study includes the original poems, as well as poetic translations by A. Alekseeva, M. I. Basmanov, and S. A. Toroptsev.
Keywords: Chinese classical poetry, Li Qingzhao, sorrow, ideogram, translation.

Китайская классическая поэзия является концентрированным выражением китайской традиционной философии, эстетики, тесно связанным с такими традиционными искусствами, как каллиграфия и живопись. Одним из основных понятий в китайской классической поэзии, определяющим ее самобытность, является образность. Китайские стихи представляют собой картину мира, которая воспринимается не только

на слух, но и зрительно. Дополнительный смысл способны создавать как сами иероглифы, так и те элементы, из которых они состоят.

Следует отметить, что для китайской классической поэзии характерна «традиция печали». В лирических произведениях большинства древних китайских поэтов выражены эмоции скорби и грусти. Доминирующим иероглифом-номинантом, выражающим эмоцию печали в поэзии Ли Цинчжао (1084–1151), является **愁** [chóu] – ‘печаль’, ‘грусть’, ‘тоска’, ‘беспокойство’ [Ошанин 1984, с. 887]. Данный иероглиф состоит из знаков 秋 ‘осень’, ‘сбор урожая’ [Ошанин 1984, с. 793] и 心 ‘сердце’, ‘душа’, ‘рассудок’, ‘желания’, ‘воля’, ‘центр‘ [Ошанин 1984, с. 841], а его первоначальное значение ‘беспокойство’. Иероглиф 心 выражает переживания, волнение человека [Сюй Шэнь 2010, с. 664]. Сердце представляет собой состояние души человека, в нем сосредоточены его чувства, характер, а также мыслительная деятельность [Тань Аошуан 2004, с. 182]. В гадательных надписях иероглиф 秋 изображен в виде двух сверчков. Появление этих насекомых и их скорбное пение стали символизировать наступление осени. В 《诗经·豳风·七月》 «Ши цзине» сказано: 十月蟋蟀，入我床下 – *В октябре сверчок прячется под мою кровать*. Позже иероглиф 秋 ‘осень’ был представлен сочетанием 火 ‘огонь’ и 禾 ‘колосья’, ‘зерно’. Значение иероглифа 秋 ‘осень’ определено в 《说文解字》 «Рассуждениях о письменах и толковании иероглифов»: 秋，禾谷熟也 – *Осень – это время созревания злаков* [Сюй Шэнь 2010, с. 5]. В 《礼记》 «Книге обрядов» сказано: 西方者秋, 秋之为言愁也 – *Запад – это осень, осень – это печаль.* В китайской мифологии Владычицей Запада считалась обладательница снадобья бессмертных Си Ванму – богиня страны мертвых, которая находилась на западе [Рифтин 2007, с. 568]. Таким образом, в основе номинации иероглифа 愁 ‘печаль’ содержатся причины проявления данной эмоции – *смерть, разлука, увядание.*

Рассмотрим особенности перевода иероглифа номинанта эмоции **愁** *печаль* в некоторых стихотворениях Ли Цинчжао поэтами А. Алексеевой, М. И. Басмановым и С. А. Торопцевым.

В стихотворении 《蝶恋花 暖雨晴风初破冻》 «Бабочка, влюбленная в цветок. Теплый дождь, ясный ветер начали разрушать лед» поэтесса передает чувство любовной тоски лирической героини, ожидающей своего возлюбленного: 独抱**浓愁**无好梦，夜阑犹剪灯花弄。 – *В одиночестве таю в сердце* ***глубокую печаль****, нет приятных снов, на исходе ночи играя снимаю нагар со свечи* [Ли Цинчжао]. В оригинальных строках семантика одиночества, заложенная в иероглифе **愁** *печаль*, подчеркнута иероглифом **独** *один*, *в одиночестве* и эпитетом 浓*глубокая.*

А. Алексеева	М. И. Басманов	С. А. Торопцев
Сижу одиноко ***в глубокой тоске****, / о снах позабыла в ночи, Не скоро заря, и забава одна – снимаю нагар со свечи* [Алексеева 2019].	*Все мне снились тревожные сны, / Оттого так* ***тоскливо*** *в ночи. / Чтоб себя чем-нибудь да развлечь, / Я снимаю нагар со свечи* [Басманов 1974].	***В печали*** *сон не дарит благодати, / ночь – острый нож. На свечке тает воск* [Торопцев 2020].

А. Алексеева переводит иероглиф **愁** как *тоска,* при этом она сохраняет эпитет *глубокая* и указание на одиночество лирической героини, что позволяет ей точно

передать ее эмоциональное состояние и его причину. М. И. Басманов при переводе иероглифа 愁 акцентирует внимание на тоскливом состоянии лирической героини, выделяя в качестве его причины отсутствие развлечений и приятных снов. С. А. Торопцев интерпретирует иероглиф 愁 как *печаль*, при этом он также не отмечает, что причиной печального состояния лирической героини служит одиночество, подчеркивая лишь отсутствие благодати – спокойствия, благополучия.

Стихотворение 《行香子 天与秋光》 «С неба осенний свет» выражает очень сложное эмоциональное состояние лирической героини в канун праздника хризантем, когда вся семья собиралась вместе, чтобы любоваться цветами хризантемы, пить хризантемовое вино и молиться о долголетии: 黄昏院落，凄凄惶惶，酒醒时往事愁肠。那堪永夜，明月空床。闻砧声捣，蛩声细，漏声长。 – *Двор в сумерках, сильно опечалена, когда протрезвела,* ***безысходная печаль о былом****. Как вынести всю ночь при яркой луне в пустой кровати. Слышу звук ударов вальков, стрекотание сверчков и долгий звук водяных часов* [Ли Цинчжао].

А. Алексеева	М. И. Басманов	С. А. Торопцев
Спускаются сумерки медленно в сад, / В смятении сердце, – печаль глубока, / и хмель незаметно прошел, / ***Все в прошлом*** *теперь,* ***безысходна тоска.*** */ Уснуть этой ночью удастся ли мне? / Холодное ложе, свет лунный вокруг, / Разносятся стуки вальков в тишине, / и тихая песня сверчка, / Клепсидры немолкнущий звук* [Алексеева 2019].	*А на притихшем дворе / Сумерек серая мгла, / И опьяненье прошло, / Только тоска не прошла. / Все пережитое мной /* ***Мечено скорбью одной.*** */ Долгая ночь впереди – / Как мне ее скоротать! / Месяц свой призрачный свет / Льет на пустую кровать. / Стрекот сверчков, / Постук вальков, / Капель / Водяных часов* [Басманов 1974].	*Двор спрятан тьмой ночною, / мне муторно, тревожно. / Как хмель сойдет,* ***гнетет былое.*** */ Ночь – невозможна / в пятне луны на сиром ложе / под мерный стук вальков, / печальный цвирк сверчков, / капель часов* [Торопцев 2020].

А. Алексеева акцентирует внимание на выражении сложного эмоционального состояния лирической героини, сочетающего тревогу, печаль и тоску, причиной которого послужили одиночество и мысли о счастливом прошлом. Эпитет безысходная подчеркивают всеобъемлющий характер негативных эмоций. Таким образом, переводчица сохраняет семантику потери и одиночества, заложенную в иероглифе 愁. М. И. Басманов обращает внимание на то, что жизненный путь лирической героини был полон потерь и печали, интерпретирует номинант эмоции 愁 как *скорбь* – крайняя степень печали, связанная со смертью. Таким образом, переводчик также раскрывает значение номинанта эмоции. С. А. Торопцев не переводит иероглиф 愁. Он акцентирует внимание на внутреннем состоянии лирической героини, связанном с воспоминаниями о прошлом, которые для нее мучительны.

В Стихотворение 《点绛唇 寂寞深闺》 «Покрасить алые губы. Уединенная женская часть дома»: 寂寞深闺，柔肠一寸**愁千缕**。惜春春去，几点催花雨。 – *Уединенная женская часть дома, в одном цуне мягкого сердца* ***тысячи нитей печали****. Сожалею о завершении весны, весна уходит, сколько времени идет цветочный дождь* [Ли Цинчжао] Ли Цинчжао передает печаль, причиной которой послужили окончание весны, увядание лирической героини и одиночество.

А. Алексеева	М. И. Басманов	С. А. Торопцев
*В покоях моих я скучаю одна, / **Тоска** словно тысяча шелковых ниточек / в сердце мое вплетена. Печалюсь о том, что весна позади, / Цветы мэйхуа / срывают, терзают дожди*. [Алексеева 2019].	*Всюду в доме моем тишина, / И душа паутиною **грусти** / Крепко-крепко оплетена. Вот и снова уходит весна: / Лепестки под дождем облетают, / И опять я на башне одна.* [Басманов 1974].	*Опустела спальня, / кроха-сердце – / лишь комок **печали**. Алчу так весны! Ушла, / Ливнем лепестки смела*. [Торопцев 2020].

А. Алексеева при переводе 愁 использует номинацию *тоска*, дополняя ее глаголом *скучаю.* Она акцентирует внимание на переживаниях лирической героини, связанных с одиночеством и увяданием. Таким образом, А. Алексеева воспроизводит идею разлуки и потери, заложенную в иероглифе. М. И. Басманов переводит номинант эмоции 愁, используя лексему *грусть.* При этом он также выделяет одиночество в качестве причины негативного эмоционального состояния лирической героини. Переводчик передает глубину переживаний лирической героини, отмечая, что грусть овладела ее душой. С. А. Торопцев переводит иероглиф 愁 как печаль, подчеркивая, что она полностью завладела сердцем лирической героини. Он акцентирует внимание на ее желании вернуть весну и молодость. Ее скорбь в связи с уходом весны выражена лаконично – устаревшим словом книжной лексики *алчу*. Кроме того, С. А. Торопцев, отмечает пустоту вокруг лирической героини, как символ одиночества и разлуки.

При анализе перевода иероглифа 愁 во всех стихотворениях Ли Цинчжао различными авторами было установлено, что А. Алексеева в 80% использует лексему *тоска*, в остальных случаях она применяет лексему *печаль*; М. И. Басманов и С. А. Торопцев при переводе 愁 используют лексемы *тоска*, *печаль*, *грусть, скорбь* и в редких случаях не переводят данный иероглиф.

Следует отметить, что создание литературного перевода сопоставимо с самостоятельным поэтическим творчеством. Поэт, работая над переводом поэтического текста, подбирает эквиваленты слов и выражений, а также выражает эмоции автора, его мысли, в какой-то степени пишет новое произведение. В связи с этим возникают различные варианты переводов, которые отражают особенности мировоззрения переводчиков и различное понимание оригинального поэтического текста.

Список литературы

1. Большой китайско-русский словарь / В. С. Кузес [и др.]; под общ. ред. И. М. Ошанина. – Т. 1–4. М., 1983–1984.

2. 许慎 图解 说文解字 : 画说汉字 / 许慎. – 西安 : 使西师范大学出版社 – 2010. – 515 с. = Сюй Шэнь. Иллюстрированный «Шовэнь цзецзы» : Рассказы о китайских иероглифах в картинках / Сюй Шэнь. – Сиань : Издательство Шэньсийского педагогического университета, 2010. – 515 с.

3. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.

4. Рифтин, Б. Л. Си Ванму / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энцикл. в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. – М. : Вост. Лит., 2006. – Т. 2 Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – 2007. – С. 568–570.

5. Китайская поэзия Ли Цинчжао (1084-1151?) 李清照 Династия Сун. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php? action=show&author_id=113 (дата обращения: 15.09.2022).
6. Цинчжао Ли. Яшмой звенящие цы. В переводах А. Алексеевой / Ли Цинчжао. – Екатеринбург: «Издательские решения», 2019. – 37 с.
7. Цинчжао Ли. Строфы из граненой яшмы / Ли Цинчжао ; пер. с кит. М. И. Басманова. М., Изд-во «Художественная литература», 1974. – 104 с. 5.
8. Я – птица. Лирика Ли Цинчжао / пер. с кит. С. А. Торопцева. СПб. : Нестор-История, 2020. – 116 с.

Сведения об авторе:

Аксёнчикова-Бирюкова Ангелина Александровна; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания, 246053, Республика Беларусь, Гомель, ул. Мазурова, д. 61, кв. 52; angelaleks99@mail.ru; +375 44 726 40 71.

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Alexandrovna; Gomel State University named after Francisk Skorina, Senior Lecturer of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Belarus, Gomel, Mazurova st., 61/52; angelaleks99@mail.ru; +375 44 726 40 71.

УДК 811.161.1’373.23+811.111’373.23

Актуализация антропоморфного кода культуры во фразеологии английского и русского языков. Сопоставительный аспект

Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, доцент, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается специфика фразеологических единиц с компонентом-антропонимом: затрагиваются аспекты структуры и семантики, лингвокультурологические характеристики, а также проблема перевода исследуемых единиц. Фразеологические единицы сохраняют культуру народа и его менталитет, передавая и воспроизводя их от поколения к поколению, поэтому их смело можно назвать «кладезем премудрости». Система образов, которые используются во фразеологизмах, различных по времени происхождения, отражает исторический опыт коммуникации внутри определенного этноязыкового коллектива и особенности номинации, обусловленные материальными характеристиками эпохи. В языковой картине любого народа фразеология занимает важное место, потому что, если сравнивать с другими составляющими языковой картины, именно фразеология характеризуется большим количеством специфических черт, особенно – когда фразеологизм имеет элемент-антропоним. Знание, понимание и умение употреблять фразеологические единицы с антропонимическим компонентом позволяет говорящему не только точнее понимать язык и владеть им, но и встать на путь к углублению в историю народа и его культурное наследие.

Ключевые слова: фразеологизм, антропоним, антропонимический компонент, антропонимический фразеологизм, перевод, прагматика перевода.

Actualization of the anthropomorphic code of culture in the phraseology of English and Russian languages. Comparative aspect

Anna D. Bakina
Oryol State University named after I.S. Turgenev, Head of the Chair of English Philology, Doctor of Philology, Associate Professor, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru

Abstract. The paper argues the specificity of phraseological units with an anthroponymic component: aspects of structure and semantics, linguistic-cultural characteristics, as well as the problem of translation of the studied units are addressed. Phraseological units preserve the culture of the people and their mentality, transmitting and reproducing them from generation to generation, so they can be boldly called «a treasure trove of wisdom». The system of images that are used in phraseology, different by time of origin, reflects the historical experience of communication within a certain ethno-linguistic collective and features of nomination, conditioned by material characteristics of the era. In the linguistic picture of any nation, phraseology occupies an important place, because, if compared with other components of the linguistic picture, it is phraseology that is characterized by a large number of specific features, especially - when phraseology has an anthroponymic element. Knowledge, understanding and the ability to use anthroponymic phraseological units allows a speaker not only to better understand and master the language, but also to embark on a path of deepening in the history of the people and its cultural heritage.

Keywords: phraseologism, anthroponym, anthroponymic component, anthroponymic phraseologism, translation, translation pragmatics.

Введение

Фразеологические единицы с компонентом-антропонимом вызывают особый интерес из-за их тесной связи с культурными кодами (в частности, с антропоморфным культурным кодом), историческими аллюзиями и национальной идентичностью. Их перевод на другой язык представляет собой сложную задачу, поскольку они часто не имеют прямых эквивалентов, требуя от переводчика креативности и учета прагматических факторов, таких как контекст, культурные особенности и цели коммуникации [Кибизова, Бакина 2020]. Адекватный перевод этих фразеологизмов критичен для эффективной межкультурной коммуникации и предотвращения искажения смысла, поскольку они отражают уникальное восприятие мира носителями языка [Бакина 2023а], [Бакина 2023б].

Материалом исследования послужили контексты, содержащие фразеологические единицы с антропонимическим компонентом, и примеры их перевода, извлеченные методом сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных художественных произведений и медиатекстов.

Методы исследования: метод лингвистического наблюдения, метод сплошной выборки, метод количественного и сопоставительного анализа, дефиниционный и компонентный анализ, структурно-семантический анализ, метод контекстуального анализа.

Антропонимы в составе фразеологических единиц

Имя собственное – культурная универсалия, которая хранит и транслирует историю, культуру и традиции народа [Маркевич 2021]. Они напрямую связаны с восприятием мира, поэтому участвуют в формировании его языковой картины. Антропоним представляет собой важный атрибут человека, который является одним из

«кирпичиков», составляющих его личность, как и, например, рост, профессия, происхождение или цвет кожи. Антропонимы наличествуют во всех языках мира, но, несмотря на то, что в антропонимических системах разных стран и языков есть сходства, у каждой нации складываются собственные уникальные именования людей, которые отражают их этнический взгляд на окружающий мир и место человека в этом мире [Суперанская 2009].

Огромная часть прецедентных фразеологизмов связана с человеком и разнообразными сферами его деятельности, поэтому существенная роль в образовании фразеологизмов принадлежит антропонимическому фактору. Наиболее ярко эту связь можно проследить во фразеологизмах, в составе которых присутствует элемент-антропоним. В составе фразеологизмов антропонимы утрачивают «умение» быть именем собственным, которое закреплено за определенным человеком, и становится именем для обозначения абстрактного объекта, выделяемого из группы объектов, объединенных неким общим свойством. Таким образом, антропоним перестает относиться к своему носителю, а дает названия людям или ситуация, похожим друг на друга.

По своему происхождению английские и русские фразеологизмы с компонентом-антропонимом достаточно разнообразны, их источником послужили, например:

1) сюжеты Библии *(поцелуй Иуды, Фома неверующий, утешитель Иова, the worship of Mammon, to out-herod Herod)* [Бакина 2022], [Бакина 2024];

2) фрагменты реальных исторических событий *(Марий на развалинах Карфагена, Ганнибал у ворот, как Мамай прошел);*

3) античная мифология *(ахиллесова пята (Achilles' heel), авгиевы конюшни, сизифов труд, геркулесовы столбы, подвиг Геракла).*

Культурная значимость антропонимов в составе подобных фразеологизмов и важность их роли в передаче и сохранении знаний о мире подчеркивается этим многообразием источников. Обогащая язык и делая его еще более многогранным, фразеологизмы употребляются в художественной литературе, повседневной речи, публицистике и СМИ. Они позволяют задавать речи определенный стиль, а также демонстрируют языковую компетентность, историческую подкованность и образованность говорящего.

В русском языке фразеологизмы с элементом-антропонимом образуют разнообразную и богатую систему, которая является предметом интереса лингвистов, этимологов, культурологов, дискурсологов, когнитологов и мн.др. Например:

а) *Сизифов труд* – бесконечная, тяжелая и бесплодная работа. Происхождение: из древнегреческой мифологии. Сизиф был царем, который обманул богов и за это был наказан вечно закатывать огромный камень на гору, который, достигнув вершины, всегда скатывался вниз. Контекст употребления: «Попытки убедить его поехать и отдохнуть были **сизифовым трудом**. Он никого не слушал» (НКРЯ).

б) *Гомерический смех* – очень громкий, безудержный смех. Происхождение: из древнегреческой литературы, в частности из поэм Гомера («Илиада» и «Одиссея»). В этих произведениях часто описывается громкий, раскатистый смех богов. Контекст употребления: «Его рассказ был настолько нелепым, что аудитория разразилась **гомерическим смехом**» (НКРЯ).

в) *Фома неверующий* – человек, который не верит во что-то, пока сам не увидит доказательства. Происхождение: Из Нового Завета Библии. Апостол Фома не поверил в воскресение Христа, пока сам не увидел его раны. Контекст употребления: «Снова ты за свое, **Фома неверующий**, нельзя быть таким скептиком и во всем сомневаться!» (НКРЯ).

Как и русский язык, английский отличается – и всегда отличался – достаточным количеством фразеологических единиц. Они активно употребляются в письменной и устной речи, видоизменяясь вместе с развитием и сменой культурных реалий в

англоговорящих странах. Английская фразеология обладает многовековой историей, что делает ее очень богатой. Согласно исследованиям, проведенными специалистами (с использованием частотных словарей, лексической статистики, корпусной лингвистики, фразеологических исследований) на материале английского языка, 3-4% от общего числа словоупотреблений в текстах художественной литературы приходится на долю имен собственных, при этом 2,5-3,0% составляют антропонимы.

В качестве примеров можно привести следующие фразеологизмы:

а) *John Hancock* – подпись, поставить подпись. Происхождение: Джон Хэнкок – это американский государственный деятель XVIII века, президент Второго Континентального Конгресса, который был известен своей замысловатой и вычурной подписью. Контекст употребления: “Put your **John Hancock** here” (BNC).

б) *Prince Albert coat* – подобные вещи в прошлом являлись свидетельством изысканного вкуса королевской особы, манер, вызывающих почтение английского народа. В современном английском языке данный фразеологизм в речи чаще употребляется для обозначения предмета гардероба, как правило, в иронической функции. Происхождение: людям, сведущим в истории, известен длиннополый сюртук, в котором Альберт – супруг королевы Виктории – посетил США в 1860 году.
Контекст употребления: “Dressed in a **Prince Albert coat** and top hat, the actor perfectly embodied the character of a Victorian gentleman” (BNC).

в) *According to Hoyle* – согласно правилам. Происхождение: Эдмонд Хойл – британский писатель и игрок, который написал ряд работ по правилам различных карточных игр. Контекст употребления: «That‘s wrong. **According to Hoyle**, this is the way to do it (BNC)».

Специфика фразеологических единиц с антропонимами

Фразеологизмы с антропонимами отражают языковой и культурный опыт народа, взгляды на мораль, религию и общество. Это тесно связывает фразеологизмы с антропонимами с менталитетом и историей носителей языка. Такая связь обуславливает специфику данного рода фразеологизмов.

1. Лексические особенности:

1) Преимущественно используются мужские имена.

Русские: *Иван, не помнящий родства, куда Макар телят не гонял, Демьянова уха, не по Сеньке шапка, мели, Емеля, твоя неделя!, я про Фому, а он про Ерёму.*

Английские: *Hamlet with Hamlet left out, every Tom, Dick, and Harry.*

Во фразеологизмах обоих языков также встречаются мужские имена из Библии: *Judas – Иуда, Solomon – Соломон, David – Давид.*

Это указывает на наличие в культуре гендерных стереотипов и распределение социальных ролей по патриархальному типу.

2) Используются отантропонимические прилагательные. Использование прилагательных, которые образованы от имен собственных (например, *потёмкинские*, *Solomon-like*), создает емкие и яркие образы, которые способны транслировать культурно значимые характеристики. Эти прилагательные могут приобретать иронический или сатирический оттенок.

2. Семантические особенности:

1) Преобладает субъективная фразеология. Фразеологизмы с антропонимами могут описывать человека, его поведение, характер, внутренний мир и эмоциональное состояние, отражая антропоцентризм культуры.

2) Существуют группы, объединенные способом отражения национально-культурного своеобразия. Различаются фразеологизмы, например, связанные с реальными историческими личностями (например, *мамаево нашествие, a Hobson’s*

choice) и литературными персонажами (например, *демьянова уха*, *Hamlet with Hamlet left out*). Это демонстрирует влияние литературы на формирование национального сознания.

3. Стилистические характеристики:

1) Оценочность и эмоциональная окрашенность. Фразеологизмы с антропонимами бывают нейтральными довольно редко; они часто выражают положительную или отрицательную оценку, благодаря своей образности и метафоричности. Положительная эмоциональная окрашенность: *as rich as Croesus*; отрицательная коннотация: *Pyrrhic victory, филькина грамота, валаамова ослица* (в значении «глупая, упрямая женщина»).

4. Культурные отсылки. В любом языке найдутся устойчивые выражения с именами, в которых можно найти культурные и исторические коннотации, которые специфичны именно для этого народа. Эти слова в сознании людей имеют прочную ассоциацию с некими выдающимися чертами, которые распространены среди носителей языка.

Фразеологические единицы национально маркированы, особенно, если в их состав входит антропоним. В подобных случаях у антропонима переносное значение, которое становится символом каких-либо признаков, качеств и характеристик людей. Именно поэтому фразеологизмы с компонентом-антропонимом зачастую будут непонятны человеку, не обладающему необходимыми лингвокультурологическими фоновыми знаниями. Фразеологизмы, в которых присутствуют имена реальных людей, будь то известные литературные персонажи или исторические личности, представляют особый интерес.

Рассмотрим несколько примеров:

A Hobson's choice: выбор между чем-то. Происхождение фразеологизма связано с владельцем конюшни в Кембридже (в 17 веке) Томасом Хобсоном. Он вынуждал своих клиентов брать лошадь, которая стояла ближе к двери конюшни несмотря на то, что там были и другие лошади. Эта идиома подчёркивает специфическую историческую практику и вытекающее из неё чувство ограниченности.

To be a Benedict Arnold: предательство. ФЕ происходит от имени американского генерала Бенедикта Арнольда, участвовавшего в Войне за Войны за независимость США. Бенедикт Арнольд перешел на сторону британцев, поэтому его имя стало ассоциироваться с предательством.

Потёмкинские деревни: создание видимости благополучия и процветания, скрывающей реальные проблемы и недостатки. Происхождение ФЕ связано с легендой о Григории Потёмкине, фаворите Екатерины Великой, организовавшем строительство «показных», декоративных селений, которые должны были впечатлить императрицу, скрывая нищету. Они располагались вдоль маршрута императрицы, пролегающего к Югу России (когда Екатерина путешествовала к югу страны в конце XVIII века).

Берендеево царство: сказочная страна, где царят счастье и гармония. Выражение известно благодаря пьесе А. Н. Островского «Снегурочка». Происхождение фразеологизма связано с именем Берендея – лесного духа, одного из хозяев леса в русском фольклоре.

Таким образом, фразеологические единицы, содержащие элемент-антропоним, отражают лингвокультурный опыт народа, его религиозные, морально-этические взгляды, мифологические представления и исторические события.

Понимание лингвокультурной специфики фразеологизмов с антропонимами помогает развить межкультурную коммуникацию, позволяя увидеть разное выражение одних и тех же образов и концепций в разных языках и культурах (и понять, сохраняется ли их эмоциональная оценка и окраска), что уменьшает риск появления недоразумений и конфликтов в процессе общения.

Антропонимы как отражение культурных стереотипов и ценностей

Фразеологизмы сами по себе являются носителями культурной информации, а наличие антропонима в их составе усиливает эту нагрузку, добавляя исторический, мифологический, литературный или религиозный контекст [Маслова 2001]. Именно в отборе и использовании различных образов для выражения определенных понятий проявляются особенности мировосприятия народа, ведь разные этносы имеют уникальную систему восприятия мира, которая сформирована на основе опыта и традиций предыдущих поколений.

Само существование и использование фразеологических единиц с антропонимом проявляет ценности и стереотипы народа, его историю и культурную память. Именно по этим признакам внешняя часть социума будет оценивать носителей языка. Такие фразеологизмы имеют способность (а часто и тенденцию) закреплять стереотипы о людях: их судьбе, характере или поведении. Также они могут выражать морально-этические нормы общества, например:

1. Концентрированное выражение культурных смыслов и ценностей:

1) осуждение предательства *(«поцелуй Иуды» – Judas kiss).* Антропоним *Иуда* берет свое начало из Библии; Иуда Искариот был одним из апостолов Христа, который предал его. Именно образ Иуды теперь символизирует предательство доверия, которое осуждается моралью. Более того, сам антропоним имеет религиозный подтекст, что указывает на влияние Библии на сообщество данного языка, демонстрируя распространенность христианства и его влияние на формирование морали. Эмоциональная окраска – отрицательная.

2) восхищение героизмом (*подвиг Геракла – Labours of Hercule или Herculean labours*). Данный фразеологизм берет свое начало в мифологии Древней Греции. Геракл (в римской мифологии – Геркулес) – один из известнейших героев, совершивший 12 сложных и опасных подвигов. Подвиги Геракла, согласно мифологии, требовали огромной силы, смелости, выносливости и отваги, а также приносили большую пользу людям (хотя Геракл и совершал подвиги по приказу), Геракл сталкивался со стихийными бедствиями, чудовищами, кознями богов и людей, но всегда побеждал. Поэтому подвиги Геракла стали известным символом опасности, сложности преодоления препятствий и преданности обществу.

Как и в предыдущем случае, здесь можно сделать вывод о том, что повлияло на культуру народа и, соответственно, его язык – мифология Древней Греции

2. Сохранение и передача культурной памяти.

1) Исторический контекст. Фразеологизмы с именами исторических личностей позволяют сохранять память о важных исторических событиях и их последствиях. Например, *пиррова победа – Pyrrhic victory*. Этот фразеологизм обозначает победу, достигнутую слишком высокой ценой, когда потери настолько велики, что ставят под сомнение ценность самой победы. Иными словами, победа, которая по своим последствиям равносильна поражению. Фразеологизм связан с именем царя Эпира Пирра, который в III веке до н.э. воевал с римлянами. Пирр одержал несколько побед, но каждая из них стоила ему огромных потерь в армии.

2) Мифологические образы. Фразеологизмы с антропонимами, называющими мифологических, персонажей передают знания о легендах и мифах, являющихся частью культурного наследия. Например, *нить Ариадны* (*Ariadne's thread*) – способ, метод или средство, которое помогает выйти из затруднительного положения. Фразеологизм происходит из древнегреческого мифа о Тесее и Минотавре, где Ариадна, дочь критского царя Миноса, помогла Тесею, который должен был сразиться с Минотавром в лабиринте, дав ему клубок ниток. Тесей разматывал нить Ариадны, когда входил в лабиринт, а затем,

победив Минотавра, смог выбраться из лабиринта, следуя по этой нити обратно. Эмоциональная окраска – положительная.

3) Литературные аллюзии. Фразеологизмы с именами литературных героев отсылают к известным произведениям литературы и их темам, обогащая язык и культуру литературными аллюзиями. Например, *гамлетовские сомнения – Hamlet-like indecision* – выражение состояние сомнения, колебаний, нерешительности, часто перед важным решением. Отсылает к трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц Датский». Гамлет – герой, известный своими размышлениями, сомнениями и нерешительностью. Эмоциональная окраска – нейтральная или меланхоличная.

3. Экспрессивность и образность языка:

1) усиление эмоциональной окраски: фразеологизмы с антропонимами зачастую ярко эмоционально окрашены. Эмоциональная окраска может быть положительной, отрицательной или ироничной, она делает речь более выразительной и убедительной. Например, *мудрость царя Соломона* – Solomon's *wisdom* (происходит от имени библейского царя Соломона, известного своей мудростью). ФЕ используется носителями для передачи восхищения мудростью и рассудительностью человека. Эмоциональная окраска – положительная.

2) создание ярких образов: использование антропонимов во фразеологизмах позволяет создавать яркие и запоминающиеся образы, которые помогают лучше понять и усвоить информацию. Например, «Ромео» – "Romeo" (от имени героя пьесы Шекспира «Ромео и Джульетта»). Использование этого фразеологизма создает образ страстного, влюбленного и готового на жертвы человека. Эмоциональная окраска – положительная.

3) юмор и ирония: многие фразеологизмы с антропонимами используются для создания иронического или юмористического эффекта – это делает общение более легким и непринужденным. Например, «Что ты тут Цезарем себя возомнил?» – "Who do you think you are, Julius Caesar?" Это может быть ироничным замечанием человеку, ведущему себя высокомерно. Отсылка к Юлию Цезарю. Преувеличение и сравнение с исторической фигурой здесь подчеркивает нелепость завышенной самооценки.

Структурные особенности антропонимических фразеологизмов

Фразеология рассматривает широкий круг проблем, вокруг которых часто возникают вопросы и противоречия. К таким проблемам относятся вопросы, связанные со структурой и составом фразеологических единиц, их семантикой, закономерностями их образования и функционирования. Например, устойчивость грамматической формы компонентов фразеологизма и единство употребления свойственны большинству фразеологических единиц, однако у отдельных фразеологизмов есть, наряду с полной, сокращенная форма. Так, например, фразеологизм *Jack of all trades, master of none* чаще всего употребляется без второй части.

Фразеологические единицы принято делить на 5 групп: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные и междометные [Кунин 1996].

1) Глагольные фразеологизмы: *appeal from Philip drunk to Philip sober; appeal to Caesar; bow down in the house of Rimmon; keep up with the Jones; let George do it; live the life of Riley; not know someone from Adam; out-Herod Herod.* Для глагольных фразеологизмов характерна способность видоизменения элемента-глагола. Такая мобильность позволяет им встраиваться в языковую картину предложений, в котором они, как правило, выступают в роли сказуемого.

2) Субстантивные фразеологизмы номинативны, то есть дают название явлению, действию, состоянию и т. п. Находясь в синтаксической связи в составе предложения, они могут быть управляемыми, так и управлять каким-либо членом предложения.

К субстантивным фразеологизмам относятся следующие группы:

а) фразеологические единицы, в которых компонент-антропоним «соединен» с другим словом (словосложение): *Janus-faced; Johnny-come-lately; Johnny-on-the-spot;*

б) именные словосочетания: *Benedict Arnold; John Doe (fem.: "Jane Doe"); John Hancock/Henry;*

в) фразеологизмы, построенные по схеме «звание/титул/статус/социальная роль + антропоним»: *Aunt Sally; Uncle Sam;*

г) фразеологизмы, построенные по схеме «определение/прилагательное/ причастие наст. вр. + антропоним»: *admirable Crichton; doubting Thomas; every man Jack; every Tom, Dick and Harry; nosey Parker; peeping Tom; plain Jane; real McCoy; sweet Fanny Adams;*

д) фразеологизмы, построенные по схеме «антропоним + 's + существительное»: *Achilles' heel; Adam's ale; Hobson's choice; Pandora's box;*

е) фразеологизмы, построенные по схеме «антропоним + существительное»: *Augean stables; Herculean labour; Homeric laughter; Judas kiss; Midas touch; Potemkin village; Sisyphean labor/task.*

ж) биномы, составленные по схеме «антропоним + союз + антропоним»: *Damon and Pythias; Darby and Joan; Jekyll and Hyde; Ozzie and Harriet.*

3) адъективные фразеологизмы: сравнения, основанные на стереотипизации: *as rich as Croesus; as wise as Solomon; as old as Adam; as poor as Lazarus*. В предложении адъективные фразеологические единицы выступают в качестве именной части сказуемого или определения.

4) адвербиальные фразеологические единицы: идиомы, которые являются частью придаточного предложения: *before you could say Jack Robinson*. Подобно наречиям, адвербиальные фразеологизмы выполняют в предложении роль обстоятельств, характеризуют качество действия.

5) междометные фразеологические единицы: фразеологизмы, которые представлены в виде фразы или выражения: *Bob's your uncle; Elementary, my dear Watson; For the love of Mike; I'm all right, Jack.*

Прагматические аспекты перевода фразеологизмов с антропонимами

Прагматическое значение фразеологизма с антропонимом должно исследоваться в конкретных речевых контекстах, поскольку именно контекст определяет коммуникативный эффект фразеологизма. Антропонимические фразеологизмы зачастую приобретают субъективное отношение со стороны говорящего, которое со временем закрепляется в семантической структуре и становится его постоянным компонентом, и может влиять на восприятие фразеологизма.

В лингвистической теории существует тройственный подход к прагматике перевода [Комиссаров, 2009]. В нем прагматический аспект перевода рассматривается с трех сторон: (1) передача прагматических значений. Отвечает на вопрос «Как точно передать прагматические значения ФЕ оригинала, включая ее стилистическую функцию, эмоциональную окраску и культурные аллюзии?»; (2) прагматическая задача перевода: «Какова прагматическая задача того или иного акта перевода? К достижению какого эффекта на читателя перевода нужно стремиться?»; (3) прагматическая адаптация перевода: «Как адаптировать перевод, чтобы и обеспечить равенство коммуникативного эффекта оригинала и перевода, и учесть различия в языковом и культурном контексте?»

Прагматическая адекватность может быть достигнута через прагматическую адаптацию текста, которая включает в себя несколько видов:

а) адаптация для достижения понимания (уточнения, разъяснения);

б) адаптация для достижения эмоционального воздействия (выбор стилистических средств);

в) адаптация под конкретные ситуации и для конкретного получателя;
г) адаптация по дополнительным причинам (например, политической корректности). Переводчик должен стремиться к прагматической нейтральности, чтобы не исказить коммуникативное намерение автора.

Отсутствие у реципиента перевода нужных для правильного понимания перевода знаний (которые связаны с культурными, историческими и социальными реалиями) порождает необходимость внести в текст перевода соответствующих разъяснений и дополнений. Для фразеологических единиц с элементом-антропонимом это особенно актуально, так как они могут отсылать к незнакомым носителям драгой культуры историческим и литературным персонажам.

Например, фразеологизм doubting *Thomas (Фома неверующий)* требует разъяснения для тех, кто не знаком с библейским сюжетом об апостоле Фоме.

Таким образом, при переводе фразеологизмов с антропонимами необходимо учитывать как общеизвестные, так и узкоспециальные знания о личности, упомянутой во фразеологизме.

Прагматические трансформации. Прагматические трансформации в переводе – это изменения, которые вносятся в текст перевода, чтобы адаптировать его к культурным нормам и коммуникативной ситуации, а также специфичных четах целевой аудитории, чтобы достичь желаемого коммуникативного эффекта и обеспечить максимально возможную степень понимания. Прагматические трансформации связаны с передачей эмоциональной окраски, интенции автора, культурных реалий и прочих факторов, влияющих на восприятие текста; это отличает их от грамматических или лексических трансформаций, направленных на сохранение семантической и формальной эквивалентности,

Виды прагматических трансформаций приведены ниже.

1) Экспликация (разъяснение): добавление в текст перевода уточнений, пояснений или комментариев. Это призвано сделать смысл более прозрачным для целевой аудитории, экспликации особенно важны, если речь идет о культурно-специфических реалиях, исторических фактах или сложных понятиях (на которые могут ссылаться в том числе антропонимы).

2) Адаптация или локализация: замена культурно-специфических элементов оригинала на аналоги, которые являются понятнее и привычные носителям целевой культуры. Локализация может включать в себя замену имен и названий, мер измерения, валюты и так далее.

3) Модуляция (смысловой сдвиг): изменение перспективы или точки зрения, с которой описывается ситуация. Подобного рода изменения призваны сделать текст естественнее и понятнее для целевой аудитории.

4) Компенсация: восполнение потери какого-либо элемента смысла или стилистического эффекта в одном месте текста добавлением этого элемента в другом месте. Это может быть использовано для сохранения иронии и юмора, а также эмоциональной окраски и прочих стилистических особенностей текста.

5) Элиминация (опущение): удаление из текста перевода избыточных элементов, которые неуместны или непонятны целевой аудитории.

Стоит помнить, что злоупотребление прагматическими трансформациями может исказить авторский замысел и привести к утере уникальности оригинала, чего нельзя допускать: именно поэтому переводчик должен «чувствовать» баланс между сохранением идентичности текста и его адаптацией в угоду понимания целевой аудитории.

Специфика перевода фразеологизмов с антропонимами

Лингвисты В. Н. Комиссаров, Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова отмечают, что перевод фразеологизмов сложен из-за их культурной специфики, идиоматичности и, конечно же, образности.

Уже на этапе идентификации фразеологизма в тексте могут появиться трудности, как отмечает В.Н. Комиссаров. Они могут привести к искажению смысла, например, если переводчик воспримет фразеологизм как обычное свободное сочетание слов.

К способам перевода фразеологизмов с антропонимами относим:

1. Фразеологический эквивалент. Подбор фразеологического эквивалента – это наиболее удачная стратегия перевода, при которой в языке перевода уже есть фразеологизм, который совпадает по смыслу, стилистической окраске и образности с фразеологизмом исходного языка (включая антропонимический компонент). Фразеологические эквиваленты, то есть фразеологизмы с идентичным значением и структурой в разных языках, встречаются сравнительно редко, особенно, когда речь идет об антропонимах. Это обусловлено тем, что фразеологизмы часто бывают связаны с конкретными историческими, культурными или литературными событиями, уникальными для определенной языковой общности. Антропонимы же, в свою очередь, могут иметь разную степень известности и коннотации в различных культурах.

Тем не менее, фразеологические эквиваленты с антропонимами все же существуют, но это чаще всего – интернациональные имена и события, которые получили широкое распространение. Например, во многих языках фразеологизм *Judas kiss* имеет эквивалент (включая русский *поцелуй Иуды*). Это объясняется общеизвестностью библейской истории об Иуде, предавшем Иисуса Христа.

В. Н. Комиссаров также отмечает: фразеологические эквиваленты встречаются среди интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из третьего языка-источника, современного или древнего. Даже в этом случае коннотации и культурный контекст должны быть учтены. Например, *the sword of Damocles – дамоклов меч*. Использование такого соответствия воспроизводит иноязычный фразеологизм наиболее полно [Комиссаров, 2009].

Поиск фразеологического эквивалента для фразеологизма с компонентом-антропонимом может осложняться его национально-культурной окраской. Хотя случаи прямого соответствия и встречаются, фразеологизмы, например, *as old as Methuselah* могу быть переданы только с утратой антропонима (что на смысл, конечно, не влияет).

2. Фразеологический аналог. Если фразеологический эквивалент невозможно найти, в языке перевода подбирается фразеологический аналог, то есть фразеологизм, значение которого похоже, но не идентично. Такой аналог имеет сходное переносное значение, но основанное на другом образе. Стоит заметить, что подобный компромисс требует особой переводческой осторожности, потому что для переводящего особая сложность заключается в том, что нужно учитывать не только основное значение фразеологизма, но и его стилистическую окраску (например, разговорную, книжную, ироничную), эмоциональное воздействие (позитивное, негативное, нейтральное) и культурную значимость. Использование аналога обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности, но при этом важно учитывать эмоциональные и стилистические значения фразеологизма, особенно в контексте антропонимов. Например, английский фразеологизм *to be a Scrooge (быть скрягой)* может быть переведен как *быть Плюшкиным.* Оба фразеологизма описывают чрезмерно скупого и жадного человека, однако сами фразеологизмы, как и антропонимы в их составе, имеют абсолютно разную культурную окраску. Плюшкин – это персонаж русской литературы, который знаком русскоязычному читателю, это персонаж из произведения Гоголя «Мертвые души», в то время как Скрудж – персонаж английской литературы, из повести

Диккенса «Рождественская песнь в прозе», которая вполне может быть незнакома для инокультурных читателей. Удачно выбрать аналог – максимально сохранить стилистическую семантику и эквивалентность.

Как отмечает В. Н. Комиссаров, при использовании аналогов необходимо учитывать эмоциональные и стилистические значения ФЕ. Английское выражение *Jack of all trades* и русский вариант перевода *мастер на все руки* не являются полными аналогами из-за разных коннотаций, но это может быть использовано при отсутствии более удачного аналога с антропонимом [Комиссаров 2009].

3. Калькирование (ограничено). Калькирование, то есть буквальное перенесение структуры и значения фразеологизма из исходного языка в целевой, – наиболее рискованный способ перевода. Калькирование ограничено тем, что семантика и структура фразеологизмов нередко могут быть идиоматичны, то есть совсем не соответствовать лексическим и грамматическим нормам языка перевода. Использование калькирования в некоторых случаях все еще может быть успешной стратегией, если нужно передать интернациональный фразеологизм, имеющий аналогичную структуру и общий корень в разных языках. Например, выражение *Achilles' heel* вполне приемлемо перевести как *ахиллесова пята*, так как эта метафора является широко распространенной и понятной в русской культуре, как и в англоязычной.

Однако в большинстве случаев калькирование приводит к неточностям, неадекватности или даже абсурдности перевода. Например, буквальный перевод английского выражения *to rob Peter to pay Paul (грабить Петра, чтобы заплатить Павлу)* будет непонятен для русскоязычного читателя.

4. Описательный перевод. Описательный перевод – передача значения фразеологизма иными словами, что является одним из наиболее распространенных и, что важно, надежных способов перевода. Как отмечают Л. Ф. Дмитриева, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, именно описательный перевод должен использоваться и используется для разъяснения значения фразеологизма, которые аналога или эквивалента в языке перевода не имеют, а поэтому и не подлежат дословному переводу. Это особенно актуально для фразеологизмов с антропонимами.

В рамках описательного перевода можно выделить несколько подходов:

1) перефразирование: передача значения фразеологизма другими словами, но сохранение при этом его эмоционального воздействия и основной сути. Например, *to be a Benedict Arnold* (*быть предателем*) можно перевести *как предать свою страну* или *изменить Родине*;

2) замена антропонима на общее описание, которое отразит характерные качества и черты, связанные с рассматриваемым антропонимом.

Описательный перевод позволяет передать смысл культурно-исторических коннотаций антропонимов. Например, фразеологизм *doubting Thomas* может быть переведен как *скептик, сомневающийся во всем*, как *апостол Фома, не поверивший в воскресение Христа*. В случае если есть необходимость в пояснении, применение описательного перевода наиболее уместно. Преимущество описательного перевода очевидно, когда требуется разъяснить культурно-историческую коннотацию.

3) добавление пояснения, которое раскроет смысл фразеологизма и сделает его понятнее для читателя.

5. Трансформационный перевод.

Метод трансформационного перевода подразумевает использование различных переводческих трансформаций (лексических, грамматических, стилистических). Такие трансформации позволяют перевести фразеологизм, передав адекватно смысл. Трансформационный перевод включает в себя различные типы преобразований, которые переводчик может использовать: перестановки (инверсии): изменение частей

предложения или порядка слов с целью соответствия нормам языка перевода (ПЯ). Например, изменение порядка подлежащего и сказуемого; замены (субституции): замена одной лексической единицы на другую, с отличной грамматической формой (или даже целой синтаксической конструкции на другую); добавления: добавление слов или фраз, которые необходимо внести для ясности или естественности в ПЯ; опущения (элиминации): исключение избыточных или нерелевантных элементов исходного текста, элементов которые не нужны или вовсе не имеют смысла в ПЯ; грамматические трансформации: изменение грамматических категорий, например, замена существительного глаголом или наоборот; стилистические трансформации: изменение стилистической окраски текста для того, чтобы соответствовать нормам и ожиданиям ПЯ.

В нижеприведенном списке наглядно показано, как полезен может быть трансформационный перевод при работе с антропонимами, особенно если они не являются широко известными в культуре языка перевода. В таких случаях переводчик может использовать описательный перевод, заменить антропоним на более понятный аналог или добавить контекст, чтобы улучшить понимание значения фразеологизма.

1) Исходный текст: “He thinks he’s a real Romeo”.

Дословный перевод: «Он думает, что он настоящий Ромео». (Понятно, но можно перевести лучше).

Трансформационный перевод: «Он возомнил себя Казановой». (Фразеологический аналог с другим известным «любовником»).

Описательный перевод с использованием другого антропонима: «Он считает себя неотразимым ловеласом».

2) Исходный текст: “Don’t be such a doubting Thomas”.

Дословный перевод: «Не будь таким сомневающимся Томасом». (Понятно, но не очень естественно).

Трансформационный перевод: «Не будь таким Фомой неверующим». (Фразеологический аналог, прямой эквивалент, так как это библейский персонаж).

Описательный перевод, упрощающий значение: «Не сомневайся так сильно».

3) Исходный текст: “He is a real Benedict Arnold”.

Дословный перевод: «Он настоящий Бенедикт Арнольд». (Непонятно, если человек не знает историю).

Трансформационный перевод: «Он настоящий предатель». (Описательный перевод, объясняющий суть, без антропонима).

Фразеологический аналог с другим, более известным предателем: «Он хуже Иуды».

Описательный перевод: «Он прямо Бенедикт Арнольд, предавший родину».

4) Исходный текст: “She is like a Cinderella.” (Имеется в виду внезапное внешнее преображение).

Дословный перевод: «Она как Золушка». (Понятно, но можно добавить контекст для раскрытия).

Трансформационный перевод: «Она внезапно преобразилась, как Золушка на балу». (Добавление контекста для усиления понимания).

5) Исходный текст: «Он у нас прямо Наполеон!» (Говорится о человеке, любящем командовать);

Дословный перевод: “He is our Napoleon!” (Понятно, но можно добавить контекст).

Трансформационный перевод: “He has a real Napoleon complex!” (Добавление термина, связанного с Наполеоном и его характером).

Описательный перевод: “He likes to be in charge”, “he thinks he’s Napoleon!”

6) Исходный текст: «Он повёл себя как Понтий Пилат».

Дословный перевод: “He acted like Pontius Pilate.” (В целом, понятно, но, возможно, пояснение потребуется для тех, кто не знаком с историей).

Трансформационный перевод: “He washed his hands of it.” (Фразеологический аналог, связанный с поступком Понтия Пилата).

Описательный перевод: “He refused to take responsibility”.

Трансформационный перевод актуален для антропонимических фразеологизмов, и часто используется в сочетании с другими методами, когда адаптировать фразеологизм под язык перевода необходимо, при этом учитывая его грамматические особенности или стилистические нормы, а также – культурный фон, связанный с антропонимом.

Заключение

В заключение, отметим, что важность фразеологизмов в отражении культуры народа неоспорима. Фразеологизмы с антропонимическим компонентом отражают его историю, культуру, ценности, стереотипы и менталитет. Они собирают в себе опыт поколений, религиозные верования, литературные традиции и исторические события, передавая их в емкой и образной форме. Изучение антропонимических фразеологизмов позволяет глубже понять национальный характер, увидеть мир глазами этого народа и оценить его уникальное культурное наследие.

Анализ переводческих аспектов показал, что переводчики используют разные стратегии, в зависимости от контекста, целевой аудитории и собственных предпочтений: контекст определяет необходимость сохранения антропонима или замены его на более понятный аналог, а целевая аудитория влияет на степень детализации пояснений и адаптации культурных реалий. Антропонимы часто сохраняются, особенно если они являются известными персонажами, но всегда требуется учитывать контекст. Переводчики часто прибегают к описательному переводу и фразеологическим аналогам, когда необходимо передать специфику идиоматических выражений, особенно с учетом культурных и исторических особенностей, связанных с антропонимами. В целом, перевод фразеологизмов с антропонимами представляет собой сложный и творческий процесс, требующий от переводчика знания не только лингвистических особенностей, но и глубокого понимания культуры.

Список литературы

1. Бакина, А. Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гум. и соц. науки», 2022. № 5. С. 40–48.

2. Бакина, А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография / А.Д. Бакина. – Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева: «Картуш», 2023а. 452 с.

3. Бакина, А. Д. Лингвокогнитивные аспекты библейской фразеологии / А.Д. Бакина // Когнитивные исследования языка. – Вып. № 3(54): Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. Часть I. –Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023б. С. 703–709.

4. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023в. – № 4(101). С. 384-387.

5. Бакина, А. Д. Интегративное описание библейской фразеологии: на материале английского и немецкого языков: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 5.9.6. / Бакина Анна Дмитриевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»; Диссовет 24.2.394.03 (24.2.394.03)]. - Архангельск, 2024. 43 с.

6. Бакина, А. Д. Интегративное описание германской библейской фразеологии: монография. ООО Модуль-К. - ОГУ: Орел. 2025. 300 с.

7. Кибизова, Е. Р. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Е. Р. Кибизова, А. Д. Бакина // Форум молодёжной науки. 2020. Т. 1, № 6. С. 101-109.

8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. 254 с.

9. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода [Текст] / предисл. М. Я. Цвиллинг. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 176 с.

10. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

11. Маркевич, В. И. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом-антропонимом в русском, белорусском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7–2. С. 136–139.

12. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. 208 с.

13. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст]. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 117.

Электронные ресурсы:

14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 04.09.2025).

Сведения об авторе:

Бакина Анна Дмитриевна; доктор филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: Heart-anna@yandex.ru

Bakina Anna Dmitrievna; Doctor of Philology, Associate Professor, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation, E-mail: Heart-anna@yandex.ru

УДК 81

Стилистика портретных описаний в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан»

Наталья Борисовна Боева-Омелечко

Южный федеральный университет, профессор кафедры теории и практики английского языка, доктор филологических наук, Ростов-на-Дону, Россия, nboeva-omelechko@sfedu.ru

Аннотация. В статье обосновывается положение о вариативности стилистики портретных описаний в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан», детерминированной жанровой гибридностью данного произведения. Автор устанавливает спектр этих описаний, уточняя значение понятий «реалистический», «сатирический» и «романтический» портрет и описывая содержательные и языковые особенности каждого

из них в рассматриваемом произведении. Особое внимание уделяется типологии романтических портретов.

Ключевые слова: романтизм, лиро-эпическая поэма, гибридный жанр, портрет, реалистистический портрет, сатирический портрет, романтический портрет.

The Stylistics of Portrait Descriptions in J. G. Byron's "Don Juan"

Natalya B. Boeva-Omelechko
Southern Federal University, Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language, Doctor of Philology, Rostov-on-Don, Russia, nboeva-omelechko@sfedu.ru

Abstract. The article substantiates the variability of the style of portrait descriptions in J. G. Byron's work "Don Juan", which is determined by the genre hybridity of this work. The author establishes a spectrum of these descriptions, clarifying the meaning of the concepts of 'realistic', 'satirical', and 'romantic' portraits and describing the content and linguistic features of each of them in the work under consideration. Special attention is given to the typology of romantic portraits.

Keywords: romanticism, lyro-epic poem, hybrid genre, portrait description, realistic portrait, satirical portrait, romantic portrait.

Создание художественного образа в литературном произведении предполагает его репрезентацию через портретное описание, которое является результатом взаимодействия визуального и вербального кодов и которое позволяет составить представление о внешности, манере одеваться, социальном статусе, особенностях невербального поведения (жесты и мимика), а во многих случаях и о внутреннем мире персонажа. При этом выбор деталей внешности мотивирован замыслом автора и особенностями его мировидения [Жанасова 2012, с. 163], а также спецификой жанра произведения [Хализев, 2002].

Эта мотивированность позволяет говорить о различной стилистике портретных описаний в литературном произведении. Данное понятие, как и понятие портрета в целом, заимствовано языкознанием и литературоведением из изобразительного искусства, где под стилистикой портрета понимается способ выражения содержания (внешнего облика, а через него и внутреннего мира человека) [Сорока 2021, с. 17]. С позиций литературоведения и языкознания этот способ выражения предполагает отбор деталей портретных описаний и воспроизводящих их языковых средств в соответствии с жанром произведения и авторскими предпочтениями. Речь идёт об эстетическом единстве всех элементов портретной формы, которая в силу своего эстетического совершенства является средством воздействия на читателей [Есин, 2003, с. 119].

Особый интерес представляет, на наш взгляд, изучение стилистики портретных описаний в синтетических жанровых формах и, в частности, в произведении Дж. Г. Байрона «Дон Жуан», которое по праву считается новаторским экспериментальным сочинением, оказавшим огромное влияние на мировую литературу, и которое требует дальнейшего изучения [Корнилова 2011, с. 135]. Данное произведение многие исследователи относят к промежуточной литературной форме лиро-эпической поэмы, представляющей собой синтез эпического и лирического начала и предполагающей, с одной стороны, наличие повествования, сюжетность, систему персонажей, воспроизведение предметного мира, свойственные эпосу, а, с другой, лирическую субъективность [Есин 2003, с. 146]. При этом в «Дон Жуане» «лирическая стихия преобладает» [Корнилова 2011,143] над эпосом, который можно охарактеризовать как

комический или сатирический [Корнилова 2011, с. 137]. Как отмечает М.Р. Чернышов, «при всём движении к реализму Байрон и в «Дон Жуане» остается романтиком» [Чернышов 2009, с. 392]. Но уникальность поэта состоит в том, что «Байрон единственный из романтиков в «Дон Жуане» создаёт новый жанровый гибрид: странствие + любовь + карьера + роман развращения молодого человека = сатира на общественные нравы и ханжескую мораль» [Корнилова 2011, с. 142].

Всё это позволяет сделать предположение о вариативности стилистики «Дон Жуана» в целом и портретных описаний, входящих в данное произведение, в частности. Вместе с тем эта проблема не освещена в исследованиях по литературоведению и лингвистике, что обусловливает актуальность данной работы. Её цель состоит в проведении классификации портретных описаний, содержащихся в «Дон Жуане», на основе стиля изложения. В работе используются методы лингвистического наблюдения и описания, филологического анализа текста и лингвостилистического анализа.

Результаты проведённого исследования позволили выявить следующие типы портретных описаний в рассматриваемом произведении.

Портреты с реалистической стилистикой, которые объективно изображают героев и в которых присутствуют бытовые черты, присущие людям в обычной жизни [Кунавин 2017, с. 204]. В реалистических портретах нет ничего экстраординарного или возвышенного. В рассматриваемом произведении таких портретов немного и, как правило, это портреты второстепенных для повествования персонажей. Создавая их, Дж. Г. Байрон не прибегает к использованию тропов, цветообозначений, лексики, направленной на идеализацию внешнего вида персонажей. Наоборот, внешность героев может иметь недостатки, а одежда отличаться простотой. Интересно отметить, что Дж. Г. Байрон неоднократно создаёт портреты с реалистической стилистикой на контрасте с портретами с романтической или сатирической стилистикой.

Так, многочисленным романтическим портретам, описывающим внешнюю красоту и роскошные наряды гречанки Гайдэ, возлюбленной Дон Жуана, антитетичен реалистический портрет её служанки Зои, полностью построенный на сопоставлении двух девушек, осуществляемом не только с помощью лексических, но и грамматических средств (степени сравнения прилагательных), и подчёркивающий их разный социальный статус: одежда Зои сделана из более простой и грубой ткани, чем одежда Гайдэ, у неё меньше украшений и среди них нет золотых, её внешний вид выражает меньшую уверенность, чем внешний вид госпожи. Если в описаниях Гайдэ присутствуют яркие насыщенные цвета, то портрет Зои практически лишён цветовой окраски (кроме описания цвета глаз). Её волосы менее длинны, чем у госпожи, а глаза меньше по размеру:

The other female's dress was *not unlike,*
But ***of inferior materials****: she*
Had not so many ornaments *to strike,*
Her hair had silver only*, bound to be*
Her dowry; and ***her veil, in form alike,***
Was coarser*; and* ***her air****, though firm,* ***less free****;*
Her hair was thicker, but less long*;* ***her eyes***
As black, but quicker, and ***of smaller size*** (*D.J., 2, CXXII, p.98).*

Контраст реалистической стилистики с сатирической мы наблюдаем в портретных описаниях полководца А. В. Суворова и турецкого султана, воплощающих диалектическое единство концепта «великое» и его антиконцепта «ничтожное» [Боева-Омелечко 2013; 2014].

Портрет полководца абсолютно реалистичен: в нём акцентируются такие детали, как пожилой возраст, неопрятность, полуобнажённость (отсутствие одежды выше линии талии), простота одежды и её загрязнённость. За счёт этих деталей происходит прозаизация образа:

*… an **old man**, rather wild than wise*
*In aspect, **plainly clad, besmear' d with dust,***
Stript to his waistcoat, and that not too clean (*D.J., 7, LXXIII, p.286).*

Антитезой этого портрета выступает сатирический портрет султана, которого повествователь иронично сравнивает с павлином, выставляющим напоказ своё оперение. Таким образом высмеивается стремление султана к излишней внешней роскоши, являющейся для него средством демонстрации власти и богатства:

Who were accustom'd, as a sort of god,
To see the sultan, rich in many a gem,
Like an imperial peacock abroad
(The royal bird, whose tail's a diadem) (D.J., 7, LXXIV, p.286).

Эта роскошь абсолютна чужда А. В. Суворову, внутренне величие которого подчёркивается контрастом с его скромным внешним видом, представленном в портрете с реалистической стилистикой.

Сатирический портрет, который обычно отличается ярко выраженным комизмом, смешными деталями и сравнениями [Николаев, 1962, с. 150], как это уже было отмечено при анализе портрета турецкого султана.

В «Дон Жуане» мы встречаем ещё один сатирический портрет турецкого султана, совпадающий с общей сатирической тональностью повествования и акцентирующий внимание на лице султана, практически полностью закрытому достигающим глаз тюрбаном и пышной бородой до носа. Акцент на этих деталях отражает насмешливое отношение представителей западной цивилизации к внешнему виду мусульман:

His highness was a man of solemn port,
***Shawl'd to the nose, and bearded to the eyes**,*
Snatch'd from a prison to preside a court,
His lately bowstring brother caused his rise (D.J., 5, CXLVII, p.225).

К сатирическим можно отнести и портрет донны Инессы, матери Дон Жуана. Рассказчик высмеивает излишнюю учёность героини и её склонность к моральному проповедничеству, уподобляя её общий внешний вид лекции, а отдельные детали внешности – проповеди:

*Some women use a tongues – **she look'd a lecture**,*
***Each eye a sermon, and her brow a homily** (D.J., 1, XV, p.14).*

Романтический портрет, для которого характерны яркость, экзотичность [Федосеенко 2008, с. 30], идеализация, сгущение красок, использование сравнений, эмоциональность [Никишов 2022, с. 65, 71]. В произведении «Дон Жуан» можно выделить разнообразные типы романтических портретов:

а) **идеализирующий портрет**, подчёркивающий телесное совершенство персонажа. В «Дон Жуане» к таким портретам относятся описания самого главного героя, его друга англичанина Джонса и многочисленных женских персонажей. В подобных портретах подчёркивается красота глаз, волос, кожи и других деталей внешности персонажей. Примером идеализирующего портрета может служить одно из описаний упомянутой ранее Гайдэ, в котором отмечаются красота её белоснежного лба, румянец, подобный цвету заката, изящная форма губ, восхищающих мужчин. Красота Гайдэ, по словам повествователя, столь совершенна, что могла бы быть запечатлена в скульптуре:

*Her **brow was white and low, her cheek's pure dye***
***Like twilight rosy still with the set sun**;*
***Short upper lip – sweet lips**! That make us sigh*
*Ever to have seen such; for **she was one***
***Fit for the model of a statuary** (D.J.,21, CXVIII, p.97)*;

б) **декоративный портрет**. Данный термин употребляется нами не как термин живописи, где он понимается как портрет, выполненный в определённой технике, а в общеупотребительном значении «нарядный, живописный». Этот портрет не влияет на развитие сюжета, он выполняет функции создания национального колорита и замедления темпа повествования. Так, Дж. Г. Байрон включает в текст поэмы красочные описания роскошных нарядов и аксессуаров (портретные описания Дон Жуана, Гюльбеи). Приведём пример портретного описания Гайдэ на пиру в её доме, в котором перечисляются многочисленные дорогие украшения из золота и драгоценных камней, а также изображается яркий национальный костюм:

Around, as princess of her father's land,
***A like gold bar above her instep roll'd**,*
*Announced her rank; **twelve rings** were on her hand;*
Her hair was starr'd with gems**; **her veil's fine fold
*Below her breasts **was fasten'd with a band***;
***Of lavish pearls**, whose worth could scarce be told;*
***Her orange silk full Turkish trousers** furl'd*
About the prettiest ankle in the world (D.J.,3, LXXII, p.141);

в) **демонический портрет**. Как известно, демоническая женщина – это обычно красивая женщина, с чёрными глазами и волосами, с сильным властным характером, привыкшая быть объектом поклонения [Дедюхина 2016, с.5]. В ней может присутствовать «искусительное, хищное начало» [Там же]. К таким героиням в «Дон Жуане» относится Гюльбея – жена турецкого султана, женщина необычайной красоты и очень властного характера, привыкшая, по словам повествователя, повелевать даже в любви. В одном из портретов, полностью соответствующих образу демонической женщины, она напрямую уподобляется дьяволу (змею-искусителю), предложившему запретный плод Еве. Этот портрет входит во фрагмент текста, описывающем попытку Гюльбеи завести любовный роман с Дон Жуаном:

Her form had all the softness of the sex.
Her features all the sweetness of the devil
When he put on the cherub to perplex
Eve, and paved (God knows how) the road to evil (D.J.,5, CIX, p.215);

г) **морбиальный** или **пороговый** портрет, предполагающий эстетизацию болезни и смерти и исключающий описание их натуралистических подробностей. В романтическом портрете этого типа умирающий или умерший человек трагически прекрасен, чему, в частности, способствуют используемые Дж. Г. Байроном сравнения. Так, в портретном описании физически истощённого после кораблекрушения Дон Жуана присутствует его сравнение с увядшей лилией, а бледность умершего Дон Жуана, которого видит во сне Гайдэ, уподобляется морской пене. Например:

And wet, and cold, and lifeless at her feet,
***Pale as the foam that froth'd on his dead brow** …*
Lay Don Juan (*D.J.,4, XXXIV, p.164)*;

д) **фантастический (мистический) портрет**, когда в повествовании появляются образы сверхестественных существ (привидений, духов), внешне похожих на людей. При этом их описание также эстетизировано, в нём нет ничего неприятного или отталкивающего. В «Дон Жуане» – это описание призрака монаха в типичном для монаха

тёмном одеянии и с чётками в руках. Отличительной особенностью портрета является его кинетическая составляющая: бесшумность и медленный темп передвижения привидения. Яркая деталь описания, которая достаточно часто встречается в романтических портретах, – горящий взгляд, направленный на застывшего от ужаса Дон Жуана:

It was no mouse, but lo! ***a monk, array'd***
In coal and beads, and dusky garb*, appear'd.*
Now in the moonlight, and now lapsed in shade,
With steps that trod as heavy, yet unheard*.*
His garments only a slight murmur made*.*
He moved as shadowy as the sisters weird,
But slowly*; and as he passed Juan by*
Glanced*, without pausing on him* ***a bright eye*** *(D.J.,16, XXI, p.506).*

Проведённый анализ позволил подтвердить предположение о том, что жанр лироэпической поэмы в силу его гибридности включает портретные описания с различной стилистикой: реалистические, сатирические и романтические. Последние представлены в произведении «Дон Жуан» наиболее широко и включают идеализирующие, декоративные, демонические, морбиальные (пороговые) и фантастические портреты. Каждый тип портрета может стать объектом изучения на материале произведений как Дж. Г. Байрона, так и других поэтов-романтиков.

Список литературы

1. Боева-Омелечко, Н.Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 39–42.

2. Боева-Омелечко, Н. Б. Средства вербализации сопряженных концептов "великое/ничтожное" в произведении Дж. Г. Байрона "Дон Жуан" // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3(75). С. 123 – 127.

1. Дедюхина О.В. Образ демонической женщины в повестях И. С. Тургенева // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 105–108.

2. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализы литературного произведения. 3-е изд. М.: Флинта, Наука 2003. 248 с.

3. Жанасова Ж. Г. Художественный портрет в живописи и литературе: особенности функционирования // Вестник КазНУ. Сер. филологическая. 2012. № 5–6. С. 139–140.

4. Корнилова Е. Н. Автор и жанр в поэме Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» // Балтийский филологический курьер. 2011. № 8. С. 134–147.

5. Кунавин О.Б., Кунавина И.И. Проблема портрета в художественной литературе //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 202–207.

6. Николаев Д. Смех – оружие сатиры. М.: Искусство, 1962. 224 с.

7. Никишов Ю. М. Романтические краски на портретах в поэзии Пушкин // Мир романтизма: Памяти И.В. Карташовой (1931–2019). Статьи и воспоминания. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2022. С. 61–73.

8. Сорока А.В. Живопись (портрет). Тольятти: Поволжский православный институт, 2021. 73 с.

9. Федосеенко Н. Г. Типология романтического героя в русской литературе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С. 28–39.

10. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш.шк., 2002. 436 с.

11. Чернышов М.Р. К проблеме жанровой номинации «Дон Жуана» Байрона в отечественном литературоведении // Русская литература: национальное развитие и

региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: матер. IX Межд. науч. конф. — Екатеринбург, 2009. – Т. 2. – С. 390–394.

Сведения об авторе:

Боева-Омелечко Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; nboeva-omelechko@sfedu.ru;

Boeva-Omelechko Natalya Borisovna; Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaja st., 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; nboeva-omelechko@sfedu.ru.

УДК 930.2

493 CE: Ambrosius Aurelianus and the Vale of Severn

Andrew Charles Breeze
University of Navarra, PhD, Professor, Pamplona, Spain, abreeze@unav.es

Abstract. Thanks to Gildas in the sixth century, Bede in the eighth, and Geoffrey of Monmouth in the twelfth, Ambrosius Aurelianus has never been forgotten. By decisive military action, he (it seems) and other British leaders halted the fifth-century advance of the Anglo-Saxons and granted a stay of execution to post-Roman Britain. Ambrosius, thought to have lived in the Gloucester region after about 450, has thereby enjoyed longer fame than anyone else from the area. In this paper we set out discussion of him since the 1890s (including his bizarre transformation into a medieval Welsh wizard). By indicating a new location in Wiltshire for the victory of Mount Badon, we also sharpen focus on his achievement and its relation to 'King' Arthur (d. 537), North British hero. The result is an assembly of opinion on Ambrosius, with obvious implcations for British survival in the south-west Midlands, including (of course) Worcestershire.

Key words: Ambrosius Aurelianus, King Arthur, Worcestershire.

We begin in 1896 with Charles Plummer (1851-1928). Bede took much from Gildas for book one of his Historia Ecclesiastica, and (while editing it) Plummer quoted Sir Francis Palgrave (1788-1861) on Cardinal Baronius (1538-1607) in seeing Ambrosius as perhaps continuing 'the legitimate succession of the Empire in the West'. Plummer was less high-minded. He preferred to follow Sir John Rhys (1840-1915) on Ambrosius as 'last of those so-called tyrants or usurpers who, from Maximus downwards, attempted to exercise Roman authority in Britain.'[1] His rule may have been Roman in style and effectiveness, but Plummer doubted if it was Roman in legality or legitimacy. Ambrosius may not have been so different from Magnus Maximus (d. 388), a Spaniard who stripped Britain of its legions in 383 and ruled from Trier until he was killed by Theodosius (his former patron). Maximus certainly resembled Ambrosius in becoming a figure of Welsh legend, as the Roman Emperor in the (thirteenth-century?) Mabinogion tale of 'Macsen's Dream'.

The actual words of Gildas were edited and translated by Hugh Williams (1843-1911). When Anglo-Saxon invaders had slaughtered many Britons or forced them into exile, others resolved to 'take up arms and challenge their victors to battle under Ambrosius Aurelianus. He was a man of unassuming character, who, alone of the Roman race, chanced to survive in the

shock of such a storm (as his parents, people undoubtedly clad in the purple, had been killed in it), whose offspring in our days have greatly degenerated from their ancestral nobleness. From that time, the citizens were sometimes victorious, sometimes the enemy, in order that the Lord, according to his wont, might try in this nation the Israel of today, whether it loves him or not. This continued up to the siege of Badon [sic] Hill, and of almost the last great slaughter inflicted upon the rascally crew.'[2]

With Bede and Gildas now in critical editions, historians were free to comment. Sir John Lloyd (1861-1947) was judicious but more positive than Plummer, if admitting that the origins of those who grasped power in fifth-century Britain were hard to define. Describing Ambrosius as 'son of one who had worn the imperial purple, having, no doubt, been made emperor by the Britons', he noted Gildas's view of him as the sole 'Roman' left amongst them. Lloyd concluded that Ambrosius 'belonged, it is likely, to a family founded by some Roman official', for Rome 'still exercised her majestic sway over the minds of the Britons, though she had ceased to command their obedience.' As for Aurelius Caninus, one of five British kings contemporary with Gildas and receiving the lash of his invective, he was probably the 'degenerate offspring' of the 'great Ambrosius Aurelianus or Emrys Wledig', with the implication that the family's territory lay not in Wales but near the English settlements. For Gildas, scornful of the rulers in his own time, the 'sole survivor in the catastrophes of the fifth century of the Roman and imperial race' was the long-dead Ambrosius.[3] That warlord is elsewhere called a 'doughty defender of Britain in the South against the Saxon pirates.'[4]

In a posthumous work, Hugh Williams again noted how Gildas stressed Ambrosius's Romanitas, as solus forte Romanae gentis. This last Romanized provincial 'gave the British, some time before 500, the leadership they required', and the Welsh revered his memory. Williams regarded him as a man 'elected king by the Britons on account of the helpful patriotism which he showed and inspired in the time of their need', with the later epithet (g)wledig 'lord' implying 'not the idea of overlordship, but rather that of patriotism.'[4] Yet modern readers may regard the words of Rhys and Plummer on 'tyrants' and 'usurpers' as closer to the realities of power than those of Williams, with implications of nineteenth-century Liberalism and constitutionalism. Far from either is the wizard Emrys, making a weird appearance in a Mabinogion tale of about 1200, where he works wonders at Dinas Emrys, an archaeological site near Beddgelert, Snowdonia. In his edition, Ifor Williams (1881-1965) explained how Latin Ambrosius gives Emrys in Welsh.[6] But this remote spot in Gwynedd was hardly linked with the historical Ambrosius.

In an edition not of Gildas but of Lucan, the poet and scholar A. E. Housman (1859-1936) remarked that understanding of him 'makes no steady and continuous progress, and relapse accompanies advance. Later editors often miss what their predecessors clearly apprehended, and his earliest interpreters are still in many ways his best.'[7] We shall recall these comments later.

Sir Edmund Chambers (1866-1954) contrasted Gildas's hero with the child prodigy of the ninth-century Historia Brittonum. He said this. A victory of the historical Ambrosius stemmed the flood of Saxon conquest, with battles of varying outcomes thereafter until obsessio Badonis montis, a crushing defeat for the English, which (according to Chambers) Gildas certainly did not attribute to Ambrosius. Over three centuries later came Historia Brittonum and the wild tale of Vortigern's tower, built each day, collapsing each night. A boy, supposed fatherless, is found for sacrifice; but he has gifts of prophecy, and reveals a pool beneath the foundations, with dragons fighting within it. He is none other than Ambrosius, son of a Roman consul. We hear too how his son came to rule Buellt and Gwrtheyrnion (= north Breconshire and most of west Radnorshire, where Chambers was yet in error. The ruler was Vortigern's son Pasgen, granted dominion by Ambrosius, 'king among all the kings'). Historia Brittonum adds another scrap of information, that twelve years passed between Vortigern's coming to power and

the contention between Vitalinus and Ambrosius at Guoloppum (which must be Wallop, near Stockbridge, west Hampshire). Chambers remarked that 'one is tempted to find here the name, unrecorded by Gildas, of the battle in which Ambrosius made head against the Saxons.' Unfortunately, Vitalinus is otherwise unknown. After remarks on Ambrosius and Geoffrey of Monmouth, Chambers concluded by seeing his name in those of Amesbury (Wiltshire), Amberley (Sussex), Ambrosden (Oxfordshire), and Ombersley (Worcestershire).[8] Yet for the last (near Droitwich), described as 'very difficult', the English Place-Name Society at the time preferred 'Ambre's clearing', with a Germanic personal name.[9]

A glossary of early Welsh has an entry on the wonder-worker Emrys Wledig, often alluded to by the bards. The legend of how he was discovered near Cowbridge in Glamorgan and brought to Vortigern's tower in Gwynedd was expanded by Geoffrey of Monmouth, who made him a son of Constantine, brother of Uthr Pendragon, and uncle of King Arthur. To complicate things further, he was confused with Merlin the magician, and it is often hard to see whether a medieval reference is to the hero or the sorcerer. These references have another surprising implication. In vernacular Welsh tradition, the fame of Badon is entirely due to influence from Geoffrey of Monmouth. It does not figure in Welsh texts prior to him.[10] The Chadwicks made brief mention of Ambrosius the boy-wizard.[11]

With Collingwood and Myres we are jolted into mainstream history, at least of a kind; for their reliance on medieval sources as well as ancient ones was to mix iron and clay. Both occur in their assertions that Vortigern (a shadowy figure) ruled in Kent and was afraid of Ambrosius, who is datable to the 470s; that there is 'no point of contact' between the English chronicles and what Gildas says of Ambrosius and Badon; and that we 'shall never know where Mons Badonicus was'.[12] On Amesbury, the parish of Stonehenge, place-name scholars thereafter suggested again a link with Old Germanic Ambri, and so 'Ambre's fortress'.[13]

The influence of Collingwood and Myres was considerable. Although a Welsh textbook ignored Ambrosius, it did echo Collingwood on Arthur as equivalent to 'the Count of Britain, the generalissimo-at-large of the early fifth century', commander of 'a mobile field army', and so 'the last of the Romans; the last to understand Roman ideas and use them for the good of the Roman people', whose victory at Mount Badon gave 'the Britons an interval of peace for half a century.'[14] Henry Lewis (1889-1968), in editing a Welsh translation of Historia Regum Britanniae, explained Geoffrey of Monmouth's cavalier way with history, making Ambrosius a son of the usurper Constantine III (d. 411), who seized Britain, Gaul, and Spain in 407-10.[15] Difficulties of the period for archaeologists appear in the question on what archaeology can do 'when the historian admits failure?' Even so, Gildas's censure of Maelgwn, Vortipor, and Cuneglas betrays the importance of local rulers; and archaeology shows how life 'ebbed away from the towns'.[16]

A reminder that modern scholars can be as misleading as their predecessors occurs in a selection from Y Ffydd Ddi-ffuant by Charles Edwards (1628-after 1691), auhtor of an ultra-Protestant history of the Church. Edwards lamented the tribulations of the Britons at the hands of Saxon aggressors, even if, 'through the valor and wisdom of Ambrosius (Emrys Aurelianus)' and his kin, 'God saw fit to give the Field to the Britons in many an engagement'. The editor states that, according to Gildas, Ambrosius was son of a Roman emperor (Gildas does not say that), and that he had the title dux (=Welsh gwledig), like Cunedda and Ceredig, supposed guardians in about 400 of Hadrian's Wall (but Gildas is silent on them).[17] A 'Defence of Gildas' concludes that for this period Ambrosius was 'the true hero, and that Arthur, if he ever had a separate existence, shines with the glory of the deeds performed by Ambrosius.'[18]

Discrimination and its opposite appear in another episode from the past. In 1525 the Italian scholar Polydore Vergil (1470?-1555?) published an edition of Gildas's De Excidio, probably at Antwerp. 'It is only a tiny volume of forty-five pages, but it is the first serious study of an early historical source attempted in England, for it was a collation of two texts', one of

them belonging to Robert Ridley, Polydore's co-editor. The book raised a storm of 'clamorous and angry indignation'. Polydore's denunciations therein of the Arthurian legend were resisted and abused, as new ideas always are. In his Assertio Inclytissimi Arturii (Londoni, 1544), the antiquary John Leland (1506?-52) hence came to the rescue of Arthur and the valour of the Britons, mentioning 'the prowess of Aurelius Ambrosius' as praised by Paul the Deacon (d. 799) in his Historia Romana, where an allusion to Ambrosius as clad in purple reveals Paul's source not as Bede (who omits the reference) but Gildas himself.[19] In Leland's little book, loyally dedicated to Henry VIII, Ambrosius thus figures as proof of British defiance.

Early Anglo-Saxon settlement and British resistance are clarified by two maps, showing cemeteries of the former and kingdoms of the latter, separated by a sinuous line from the Hampshire Avon to Flamborough Head. Of the British kings in Gildas's philippic, it locates Constantine in Devon and Cornwall; Aurelius in Gloucestershire; Vortipor in Dyfed; and Maelgwn in Gwynedd.[20] We infer that, if Aurelius ruled the Gloucester area, so did Ambrosius. Polydore Vergil's 1525 edition of Gildas is described as 'a very respectable piece of scholarship' even by later standards, with the assertion that one of the manuscripts used was 'Cotton A. XVI'.[21] This is London, British Library, Cotton Vitellius A.vi, to which we shall return. Kenneth Jackson (1909-1991) of Edinburgh quoted Gildas on Ambrosius as last of the Romans, and saw him as 'a man of good family, and no doubt a Lowlander', whose battles occurred in the 470s or so. 'He seems to represent a last effort to assert the true Roman organization, and it would appear that the "tyrants" were opposed to him', to judge from traditions of Vortigern and Vitalinus. Whether Arthur was 'a leader of the official Roman kind' or 'only another "tyrant" like Vortigern, we cannot really know; and nothing useful can be said about him here.'[22]

Jackson's teacher H. M. Chadwick (1870-1947) had comments in a volume with much on Ambrosius, 'the most prominent figure after Vortigern' for the period. Gildas calls him 'almost the only man of Roman nationality' to have survived into it, with a family who 'had worn the purple', but whose descendants had 'greatly degenerated'. Gildas speaks of him not as a king but 'leader (dux) of the Britons.' By the time we come to Historia Brittonum in the ninth century, he is son of a consul and 'king among all the kings of the British nation.' The resemblance between 'Aurelianus' and 'Aurelius' suggests that his descendants included the Aurelius Conanus savaged by Gildas. Because his kingdom and genealogy are unknown to Welsh tradition, his dynasty presumably ended after the time of Gildas. Chadwick concluded that its domain could 'hardly have been any other than that of the lower Severn and neighbouring regions', or Gloucestershire and beyond, a region overwhelmed by the Saxons in 577.[23] Jackson himself made an oblique comment on Ambrosius in stating his own unchanging view on Arthur (supposedly active in about 500) that philological evidence on his battles hardly supports the view that he 'was a chief of northern Britain, and that his famous battles were all fought in the north.'[24] Jackson had an unshaken (if unfounded) confidence that, if Arthur existed, he was a southerner.

Jackson's approach contrasts with that of Geoffrey Ashe. He tells us things of which Gildas says nothing. Ambrosius, of a family 'long domiciled in Britain', was 'acclaimed by patriots as king' and perhaps 'even organized a navy'. His victories made him a focus for Catholic anti-Pelagians. Rome thereby recovered prestige, so that the title of tribune gave the Welsh personal name 'Triphun'. (This is quite false.) The result was 'a spell of sunshine lasting fifty or sixty years; and its light glinted on the armour of Arthur', destined successor of Ambrosius.[25] Almost as unrestrained are remarks by Nora Chadwick (1891-1972) on the 'British Heroic Age', the time 'of Arthur, of Ambrosius or Emreis Wledig, and of the great Vortigern of unenviable fame and flamboyant power. It is the period to which we owe our finest early British literature, our most cherished British or Welsh traditions, preserved orally for centuries by professional bards under royal auspices.'[26]

We now come to a very great historian. Gibbon stated that 'Ambrosius Aurelian was descended from a noble family of Romans, his modesty was equal to his valour, and his valour,

till the last fatal action, was crowned with splendid success.' Like a good scholar, Gibbon did not go beyond what was stated by his sources, even if he was misled by 'the unanimous, though doubtful, conjecture of our antiquarians' on Ambrosius as the Natanleod who, according to the Saxon chronicle entry for 508, died in a battle (somewhere near Southampton) against the English.[27] Nobody accepts that now.

Distant from Gibbon's poise, Ambrosius was taken as perhaps the 'Emrys' appearing with witches and monster-killers (a 'strange company') in an archaic poem from the thirteenth-century Black Book of Carmarthen.[28] Better is Sir John Lloyd's convenient if anachronistic treatment of Ambrosius as a Welshman. He was active in about 475, a descendant of 'illustrious Roman ancestors' who had ruled in Britain but 'perished in the struggle with the English invaders.' Despite being 'unambitious, he had been drawn by the desperate Britons into the bitter conflict'; of his posterity, Gildas 'had no good opinion', unsurprisingly 'if his Aurelius Caninus was of their number'.[29] Lloyd's factual approach contrasts with an interpretation (fashionable in the 1960s and 1970s) of Vortigern and Ambrosius, that they represented respectively 'an anti-Roman and a pro-Roman party', the 'memory of this conflict' after three centuries assuming a 'legendary form' in which the wonder-child Emrys, 'by his superior skill and knowledge, defeats Vortigern and his magicians.'[30] Others may feel that the tale says more about Welsh politics in the ninth century than British ones in the fifth.

Another historian who mentioned Ambrosius was the Rev. Theophilus Evans (1693-1767). In a violent Protestant history of Wales, he accepted wholesale the inventions of Geoffrey of Monmouth, including the poisoning of King Ambrosius or Emrys by a treacherous Saxon, posing as a doctor. His death was marked by the appearance of a comet and Merlin's prophecy that the Britons would be widowed and defenceless thereafter.[31]

In a useful account of the twelve battles of King Arthur listed in Historia Brittonum, Count Tolstoy comments as well on Ambrosius. He dates his accession to power in 458, with Badon being in 501. Aurelius he places not on the lower Severn but in south-east Wales; it was Cuneglasus who ruled the whole region from Somerset to Warwickshire. (This is untenable.) As for Arthur, he was born probably about 470, in Cornwall; after the death of Ambrosius, he became dux bellorum; in about 497-8 he 'subdued for the Britons the Lowlands of Scotland'; in 500-1 he 'defeated the invasion of Cerdic and Cymric' at Badon; he 'then ruled Britain for nearly forty years, when he was killed putting down the rebellion of his relative Medrawd.'[32] Count Tolstoy shows characteristic boldness, but few historians have followed up his courageous foray into the past, which is a pity, for his paper deserves careful reading.

So, too, does Hunter Blair's sober relating of Saxon victories in Kent and beyond (between 449 and 473) to how the Britons eventually found a leader in Ambrosius, 'who led them to victory over the remaining Saxons.' Yet he remains 'something of a puzzle'. 'We cannot connect him securely with any particular location, nor can we place him in time except to say that he flourished after the Saxon rebellion and before the battle of Mons Badonicus', itself 'probably within five or ten years of 490.' That puts him in the middle or later half of the fifth century.[33] Leslie Alcock observed that, although archaeology shows Dinas Emrys in Snowdonia to have been occupied at that date, it was surely 'the seat not of Ambrosius himself but of some lesser leader.'[34] Early Welsh genealogies and king-lists mention the Maelgwn of Gwynedd, Cynlas of Rhos, and Gwerthefyr of Dyfed who were denounced by Gildas. Custennin of Devon and Emrys Wledig appear only later, with clear influence from Geoffrey of Monmouth's fabrications. Also dubious is mention of Vitalinus as grandfather of Vortigern and son of the mythical Gloiu who gave his name to Gloucester.[35] As noted in H. M. Chadwick's paper of 1954, Welsh tradition knows nothing of the realm of Ambrosius and his dynasty. The silence indicates territory outside Wales.

Modern Welsh respect for Ambrosius as a hero of about 473, energetically stemming the flood of Saxon invasion, and thereby safeguarding a land where there laboured just as

energetically a 'great generation' of Celtic saints, occurs in an original study by Pennar Davies (1911-96), theologian and political martyr.[36] On military matters, the map for the period clarifies much. It charts the Roman roads crucial in attack and counter-attack, many of them converging on Cirencester. It also marks battlefields on the Winchester-Cirencester road, including Bedwyn in 675, Beranburh (north of it) in 556, and Ellendun (near Swindon) in 825, as well as the fall of Cirencester, Gloucester, and Bath to the West Saxons in 577. It shows too the graves which designate Saxon conquests up to that date.[37]

Perceptions of Ambrosius Aurelianus by Gildas, Bede, and the author of Historia Brittonum were set out by Robert Hanning. Scholars have regarded Gildas's remark on this last of the Romans as 'rather cryptic'. Yet his coming 'by the Lord's favor' in answer to prayers of the beleaguered Britons shows him as 'an image of combined Christian and Roman virtue', a 'historiographic descendant of Constantine', the first Christian emperor. Unlike him, however, Ambrosius was 'not the precursor of a golden age' in Britain. His descendants were degenerate, even if the comment says more on Gildas's historical pessimism than historical actuality, for he writes as a preacher, urging 'spiritual criteria' as 'a basis for judgement and for action in Britain'. Bede, naturally, saw things differently. Despite his positive depiction of Ambrosius, this leader was a Roman, not one of the Britons whom Bede despised. As for the Wunderkind of Historia Brittonum, his significance is different again. He is a prophet of 'ultimate national victory' to 'a defeated nation' which 'will rise up against its oppressors'.[38] (The last dream was long-lived. It figures in Armes Prydein 'The Prophecy of Britain', a poem urging the Welsh to exploit the political crisis of 940, after West Saxon capitulation to the Vikings at Leicester, and crush the English for ever. A negative version of it appears in the Mabinogion tale of Branwen, whose brother Bendigeidfran is 'exalted with the crown of London', but who loses his kingdom to a foreign invader, where the narrative, composed in about 1128, accurately reflects the way that Henry I then had Wales in his grip. Later Welsh writers thought the prophecy fulfilled by the victory at Bosworth in 1485 of another Welshman, Henry VII.)

Transformations of a further kind are due to Geoffrey of Monmouth. His 'Aurelius Ambrosius' is a feudal monarch who invades Britain at Totnes in Devon, vanquishes the Saxons and others with warlike deeds, restores the churches of York and London, and (more unusually) commissions Merlin to bring a Giants' Ring over by magic from Ireland to England, where it becomes Stonehenge, a monument to those slain by massacre at Salisbury. After a Saxon treacherously poisons him, Aurelius is buried within it.[39]

In a standard book, Ambrosius is represented as leader of the 'Romanising party' (his parents having 'worn the purple'), who 'succeeded to the leadership' of the 'pro-Roman and Catholic party' (as opposed to the Pelagians countered in 429 by St Germanus of Auxerre), winning victory for a time over the German settlers. He was probably succeeded by Arthur, whose title of dux bellorum in Historia Brittonum 'suggests a memory of late Roman military titles' and a 'unified command' over 'several petty kingdoms'. Both are taken as cavalry leaders, the twelve battles listed including eight at fords, where a few British horsemen might easily defeat Saxon infantry.[40] On this we may say that its assumptions on the North British cattle-raider Arthur (d. 537) are devoid of truth. The ninth-century Historia Brittonum is too readily cited for fifth-century events. The political implications of Pelagianism are also uncertain (even if Gildas would hardly have praised Ambrosius if he had been heterodox on grace and divine sovereignty).

Ambrosius, variously seen by historians of Roman Britain and early Wales, is approached from another angle by those of the Anglo-Saxons. In one account we are told how he 'checked' their advance, and how the main sufferers in events leading up to Badon have been taken as the South Saxons (under &lle, their king), thereby for ever confined in a petty coastal kingdom. A civil war between Ambrosius and Vitalinus, perhaps a kinsman of the tyrant Vortigern, may yet have helped the English, with the shadowy form of Arthur and his twelve

battles coming thereafter.[41] But Arthur was nothing to do with it.

Large-scale interpretation is found in an extended commentary on Ambrosius, a leader 'connected with Gloucestershire, in which the villa society reached an apogee'. He is portrayed even in legend 'as leading a rival party', hence standing for 'a different culture and conviction'. We hear once more of Ambrosius's navy, and of the Britons of his time as 'the last nation north of the Alps to show any active loyalty to a Western emperor.' We are again offered the derivation of Old Welsh name Triphun from Latin tribunus 'tribune'.[42] (The etymology is impossible.) We are better off with Bishop Hansen, an Irish Protestant offering healthy doses of scepticism. Reviewing work by Rachel Bromwich (1915-2010), Nora Chadwick, and John Morris (d. 1977), he remarks how the extent to which we can reconstruct British campaigns 'varies from writer to writer', including Morris's identification of an Arthurian battle near Portsmouth. Hansen concludes that the historian should 'suspend his judgement about the details' of events in fifth-century Britain, including H. M. Chadwick's belief that Arthur was related to the Constantine of Devon and Cornwall, was born in the 450s or 460s, and achieved victory at Badon at some date in the 490s.[43] The bishop was wise.

Martial feats aside, Ambrosius is occasionally seen as a protagonist in theological strife. Myres believed that 'the Pelagian controversy in Britain provides a clue to the mysterious conflicts between Vortigern and Germanus, and between Vortigern and other British chieftains, such as Ambrosius, which are mentioned briefly in later authorities as factors which fatally weakened the resistance of Britain to the Anglo-Saxon authorities.'[44] Apart from observing that Ambrosius, whose parents wore the imperial purple, would not have been flattered by the expression 'chieftain' (as if he were a Highland clansman out in the '45), one may say again that it is difficult to draw firm conclusions from Historia Brittonum; and that one should avoid seeing fifth-century Britain as like Gibbon's Constantinople (where theological disputes caused riots).

Ambrosius appears as 'a man of Roman ancestry, under whose leadership the Britons were able to check the English drive' in a volume by the Wales Herald Extraordinary. Dedicated 'most humbly, dutifully, and respectfully' to HRH Prince Charles, it is more accurate and scholarly than others, despite (after Geoffrey of Monmouth) locating Badon near Bath.[45] Bede's words on Ambrosius Aurelianus, 'a discreet man', of parents 'who bore a royal and famous name', occur with mention of Badon and the words 'But more of this hereafter', although we hear no more.[46]

Scepticism, indirectly relevant to Ambrosius, was provided by Kenneth Jackson on cavalry and Romanization. 'It has become a favourite dogma amongst some writers that the British peoples in the Dark Ages had a great military organization like a sort of Horse Guards or Dragoons, and that in particular this is true of King Arthur', even though 'there is not the sightest evidence that Arthur, if he ever existed, had anything to do with cavalry.'[47] The same may be true of Ambrosius. Caution is required. With Leslie Alcock we come to venturesome archaeology. He said much on Ambrosius, 'who appears also in other acceptable sources'. Because Gildas does not describe him as the victor at Badon, this 'leaves open the possibility that the traditional attribution of Badon to Arthur was sound.' (It is not.) Despite his Roman name, we should not think of Ambrosius as 'representing a pro-Roman, anti-Catholic element in British politics', but 'as supreme commander of the Britons' under a tyrant identified with Vortigern. The words of Gildas on his parents 'decked with the purple' indicate 'senatorial or magisterial rank', not imperial. He began the British resistance leading to Arthur's assumed victory at Badon, 'fought against the English about 490, most probably on a hill outside Bath', with British forces numbering perhaps no more than a thousand.[48] (But Arthur had no link with with Badon, which was fought not outside Bath but near Braydon, Wiltshire.)

This view of Ambrosius the general may be compared with that of D. Simon Evans (1921-98) of Lampeter, who spoke of him as 'a man of good family, a Romanized Briton' from the Gloucester region, who 'succeeded in temporarily stemming the advance of the invaders

around the years 470-480.' More surprisingly, he was a Welsh patriot, like Gildas, St David, Vortigern, Arthur, Aneirin, Taliesin. These men of 'widely different spheres' nevertheless 'all contributed' to 'the growth and development of a new people', wherein the Welsh language and Christian faith, 'basic elements in the birth of a new people, have survived to our own day as the essential elements of Welshness.'[49] Even those who love the Welsh language and Christianity must wonder at presentation of Ambrosius as founder-member of Plaid Cymru.

When we turn to Sir Frank Stenton, we find the judicial authority and soberness characteristic of this great historian. British defences were reorganized by Ambrosius Aurelianus, a man of Roman race 'whose descendants in the second generation were still ruling somewhere in Britain when Gildas was writing.' A long struggle came to an end at Badon, about the year 500, to be followed by forty years of peace and 'ordered society' in southern Britain.[50] From Professor Charles Thomas (1928-2016), an archaeologist whose comments on place-names are not reliable, is the statement on 'Vespasian's Camp', a hill-fort west of Amesbury, Wiltshire, with a first element representing 'Emrys, or Ambrosius', and so suggesting '"Ambrosius Aurelianus", last of the Romans and the forerunner of the historic Arthur.'[51] No reference here to the forms as treated by the English Place-Name Society.

In a report on excavations at Cadbury, Somerset, we hear of Arthur as 'successor of the Romanized general Ambrosius', of about 450, a man 'commanding a combined British force' under an overlord or high king, who received allegiance from 'the forces of several tyranni'. If there is 'no reason to connect Cadbury with the campaigns waged by Ambrosius', who was 'already an eminent soldier by AD 437' and 'had probably retired before Cadbury was refortified in the 470s or later', that date 'would fit Arthur, especially if we put his victory at Badon in AD 490 or 499.'[52] (John Morris's later hypothesis of two Ambrosii, father and son, would at once collapse this, also eliminating the need for Arthur.) Another archaeologist, at Tel Aviv, made these statements. Ambrosius, 'who fought the battle of Guoloppum (Wallop, Hants?) in 437', was probably 'a Romanized landowner of south-west Britain'. His enemy in that year was Vitalinus (Guitolin), a 'resident in Gloucester', while 'the estate of Ambrosius may have been Amesbury' in Wiltshire. Places in Sussex (Amberley, Ambersham), Gloucestershire (Amberley), Hampshire (Lyndhurst), and the Isle of Wight (Bowcombe), the last with remains of a 'Roman rural building', are also regarded as part of Ambrosius's 'considerable' estates.[53] It needs little scepticism to reject the last. Place-name scholars consistently treat the first element here as Germanic, and nothing to do with Latin. Professor Applebaum also confused the Gloucestershire origins of Ambrosius (for which there is evidence) with those of Vitalinus, who had no known link with the region. More promising is the comment on Gildas's writing by an Australian that 'Beyond the celebrated allusions to the superbus tyrannus (identified plausibly with Vortigern) and to Ambrosius Aurelianus, the evidence which it supplies of education and church life a century after the Romans finally left Britain is uniquely valuable.' Offering insights into the author's profound scriptural learning (and that of his readers), with unstinted strictures on the the corruption of clerics, it is 'unique' as 'a general source for the atmosphere of Britain' in his day.[54] That 'atmosphere' was the result of victories by Ambrosius.

What Geoffrey of Monmouth did with Ambrosius was summed up by the editor of his life of Merlin.[55] Thereafter we come to John Morris of London University and audacious surmise. Here is some of the latter. Ambrosius, 'son of an emperor who had been killed in the troubles', was 'perhaps the Ambrosius who is reported to have been Vortigern's rival in the 430s', for the Ambrosius of those years could hardly have been 'the resistance leader of the 460s'. The cavalry achievements of the younger Ambrosius perhaps inspired Ecdicius, a Gaulish magnate who in about 471 'routed thousands of Goths at Clermont-Ferrand with only eighteen men.' Units raised by Ambrosius were probably called 'Ambrosiaci', perhaps giving their name to Ambrosden, Amberley, Amesbury, and the like, either 'places where they were garrisoned' or 'lands they recovered and pacified'. We even have a map of them, stretching from Hereford to

Eastbourne, with a concentration of seven in Essex and its borders.[56] In short, a pile of speculation requiring a sharp eye to spot diamonds amongst dust.

Archaeological findings at Dinas Emrys, including a cistern of about the year 500, are cited for medieval legends of Emrys Wledig.[57] There is a sound and clear account of Ambrosius, 'last of the Romans', whose 'descendants were still known in the days of Gildas himself', forty-four years after conflict at Badon, dated by Bede (after Gildas) to about 493 but by Welsh annals to 517.[58] Another discussion outlines the transformation of Roman leader into a 'miraculous child prodigy'.[59] On a different level, the notion that Ambrosius 'must have regarded Brythonic culture as beneath the notice of an aristocrat' is described as 'absurd'.[60]

There is much on Ambrosius in a study of Gildas's writings and date, including various misconceptions. That the Aurelius Caninus railed at by Gildas was his descendant is thought unlikely, in part because it does not explain 'Caninus'. (But the genealogy cited for him as 'Cynin' lacks authority, because it postdates Geoffrey of Monmouth, who took the name of Aurelius from Gildas.) There is a good deal on dating, where some proposals of Count Tolstoy are doubted, such as Gildas's birthday being Friday, 29 January 501. The conclusions are reached that Ambrosius was active between 447 and 457, Badon was in the 490s, and Gildas wrote as a young man between 515 and 530.[61] We shall correct this. Badon was in 493; Gildas (493-570) wrote in early 536; and he knew nothing of Arthur (d. 537).

Peter Sawyer of Leeds spoke of Mons Badonicus as 'probably a hill-fort'. (This is correct.) He observed that Ambrosius was a leader and not a king, even if for contemporaries the difference was 'hard to detect'. (Nothing, then, on Ambrosius as serving a high-king or overlord.) Nor is there any suggestion that 'the leader at Badon was Ambrosius'.[62] His careful analysis is pessimistic on politics. Like Plummer in 1896, his Ambrosius is probably a tyrant, and certainly the founder of a dynasty. A semi-popular historian states that 'Vortigern' was not a name but a title (a view to be exploded by Jackson, but repeated even now), and (after John Morris) that there was an elder Ambrosius, 'who may have been the father of Ambrosius Aurelianus.'[63] This second suggestion has merit. It should be taken seriously. We could distinguish the combatant at Wallop in 437 from the hammer of the Saxons later in the century.

Now for two collections of original sources. Dorothy Whitelock reproduced Bede's words on Ambrosius with comment on Badon's dating, either to 502 x 506 or ten years later. Gildas himself was active before the death in 547 of his bête noir, Maelgwn (not 'Maelgwyn') of Gwynedd.[64] A second book is still essential for daily use. It brings together almost all the early material on Ambrosius and Badon. Two points may be made on it. First, the Maes Elledi where Vortigern's emissaries discovered Emrys the fatherless boy-wonder, playing ball with others, is located (in a charter from the twelfth-century Book of Llandaff) within the parish of Llansannor, north of Cowbridge and five miles east of Bridgend, Glamorgan. That Vortigern's men should find him there for a mission in Gwynedd is faint evidence for his family's associations with the Lower Severn and south-east Wales. More secure is the reference to 'the quarrel (discordia) between Vitalinus (Guitolin) and Ambrosius' at Guoloppum or (in Old Welsh) Catguoloph 'the Battle of Wallop', twelve years after Vortigern came to power (and so in 437). The allusion must be to Wallop in west Hampshire, as shown below. Quite insecure is the genealogy of Ffernfael, who ruled territory on the Upper Wye in about 800. He traced his descent from Vortigern, grandson of Vitalian, son of Gloiu, legendary founder of Gloucester. Some have regarded this Vitalian as the opponent of Ambrosius at Wallop when Vortigern had ruled for twelve years.[65] He would have been a very old man if so. Yet the reference is almost worthless. 'Gloiu', his name formed from a place-name, will be as fictitious as Myrddin or Merlin the Magician, similarly created from misunderstanding of Caerfyrddin or Carmarthen. That Vitalinus fought Ambrosius at Wallop we may accept; perhaps too that Ambrosius ruled Gloucester and its environs; but there is no good reason to associate Vitalinus with Gloucester.

For further dubious comments on the last Roman in Britain, we go to Brittany. Léon

Fleuriot was a respected authority on the Breton language; but, when he attended to Breton history, we soon rub our eyes. He took the Riothamus addressed by Sidonius Apollinaris (d. 479?) and Ambrosius as the same man, active in about 470. This was on the basis of the Irish translation of Historia Brittonum, which calls the British leader 'king of the Franks and the Bretons'. Quoting this and other late sources, he himself admitted his own amazement at his conclusions. 'Ambrosius "Roi des Francs!" Qu'il soit roi des Bretons continentaux passe encore, on l'admet, mais roi des Francs!' Despite its quoting standard authors like Jackson, Bartrum, and Kirby, the passage is really the fruit of Breton nationalism; for the author assures us in italics, 'A aucune période les Bretons n'ont pu soumettre des Francs, sauf pendant le grand recul de Childéric du 465 à 481.'[66] In his desire to show Bretons as for a time lording it over the Franks, Fleuriot rashly identified the unlike.

There is an older but more solid use of historical material by an early Welsh humanist. In an address of 1585 to Sir Henry Sidney (father of Sir Philip Sidney), David Powel (1552-98) listed sources on the Britons: Caesar, Juvenal, Tacitus, Bede, Eutropius, Nennius, Gerald of Wales, and Gildas, 'who mentions Ambrosius Aurelianus, the siege of Mount Badon, Constantine, Vortipor, and Maelgwn.'[67] Modern writers are still obliged to use the same historical spectacles as Powel (even if we know more of Celtic philology than he did). An account of British resistance to the English terminated by the 'decisive victory at the battle of Badon', as well as the earlier triumph over Vitalinus at Wallop, derives from much the same authors.[68]

A fundamental and influential book offers further discussion of sources, with a useful distinction after John Morris between Ambrosius I, who fought at Wallop in 437 or so, and his son (?) Ambrosius II Aurelianus, active in the 470s. This makes sense of Gildas's remark on how the parents of his Ambrosius had 'worn the purple', as also that of Procopius on the 'usurpers' who ruled the Britons, with the implication of 'would-be emperors'. Lacking sense are the notions, long repeated by archaeologists (not philologists), that Vortigern means 'high-king' and that the names of Amberley, Ambersham, and the like embody the name of Ambrosius, indicating estates on 'on a wide scale' or (according to John Morris) garrisons in south Britain. One might feel the same of conjectures that the dynasty of Ambrosius as kinsmen of St Ambrose (d. 397), and so possessing 'family connections with the imperial and Catholic Roman court' that might have brought 'Roman military support from the Continent.' (What could Gildas have said, had he known of this? But, by 400, Ambrose was dead. The writer spins long threads out of little wool.) Nevertheless, in remarks added at press, Professor Salway drew attention to David Dumville's attacks on speculations about the fifth century.[69]

So, too, does Professor Charles Thomas, including a belief that Arthur's battles were 'in northern England and southern Scotland' and not (with a hit at Leslie Alcock) 'as far south as Somerset, with its mythical "Camelot".' Because Gildas addresses five kings in the order Constantine of Dumnonia (in the south-west), Aurelius Caninus, Vortipor (Dyfed), Cynlas, and Maelgwn (Gwynedd), 'it is hard not to see Aurelius Caninus as a direct descendant of Ambrosius and other Aureliani' and place him in 'in the region of Gloucester and Cirencester and Bath'. These cities were captured in 577 by the West Saxons, who killed their kings Conmail, Condidan, and Farinmail (all with archaic Welsh names), who were 'probably inflated from local praefecti, but perhaps also latter-day Aurelian descendants.' An alternative view would locate the Ambrosii at Wroxeter, near Shrewsbury.[70] It is worth making three points in support of Gloucestershire and the 'Aurelian descendants'. First, the name of 'Condidan' in the Saxon Chronicle is surely corrupt. We may read 'Condilan', giving later Cynddylan 'hound of the sea' (dylan is early Welsh for 'sea'). Second, the names of Cynfael and Cynddylan (as they would be now), with the element cyn- 'hound', echo that of Aurelius Caninus. He was perhaps their father. Third, whether or not their ancestors wore the purple, we discern in these Celtic forms an encroachment of native on Roman as regards British rulers of the fifth and sixth centuries.

Britain was being re-Celticized.

James Campbell (1935-2016) of Oxford had stimulating comments. Because Gildas elsewhere distinguishes between 'Britons' and 'Romans' (when he called Ambrosius 'perhaps last of the Romans'), he may have meant that he 'was not of British origin'. (If so, his apparent descendants acquired increasingly British names.) Campbell stated that the most natural interpretation of parentibus purpura nimirum indutis (nimirum = 'undoubtably') is that those parents 'had been emperors of some kind; if so, it could have been in Britain.' Yet Campbell admitted the 'slight and inconclusive' nature of evidence for the fifth century, as here.[71]

Many doubts on the 'slight and inconclusive' can be dispelled by philology. It does so in a splendid paper by Kenneth Jackson, which explains the names of rulers referred to by Gildas and his verbal tricks on them. The king of his tu quoque ... catule leonine, Aureli Canine, who he 'charged with murders of kindred, fornications, and adulteries', was not really called caninus 'dog-like'. He was surely Cunignos 'whelp, little dog', giving later Welsh Cynin. Jackson observed that the Celts adored dogs, so that 'hound' in the name of kings and saints (like Maelgwn 'princely hound' of Gwynedd, or St Kentigern 'lordly hound' of Glasgow) had the implications of English 'lion' or 'wolf': a 'noble and mighty animal'. He stressed too that Cuneglasus ('grey hound', later Cynlas), prince of Rhos in North Wales, had his stronghold in the hillfort of Dineirth, near Colwyn Bay. He ended by mocking the notion that Vortigern was 'a title not a name' meaning 'high-king', a view for which there is no evidence at all.[72] But it is repeated just the same by scholars who do not read Jackson. His comment of 1955 on 'Emreis' in an archaic Black Poem poem was, however, questioned by A. O. H. Jarman (1911-98), who observed that Ambrosius and Arthur were not contemporary, and the form is perhaps an adjective meaning 'very beautiful, shining'.[73] We need not, then, think of Ambrosius in the company of witches and monsters.

We move from the precision and security of philology to fogs of speculation, at times lit by flashes of inspiration, in a posthumous book by John Morris. It includes these statements. Vitalinus 'in or about 437 fought a major battle in Hampshire against the armies of Ambrosius, probably a former emperor whom Vortigern had dethroned and exiled. No text reports who won the battle, but its outcome was the triumph of the Saxons. In or about 441, they rebelled.' The result was the 'sudden end in the early 440s' of Roman civilization in Britain. Ambrosius Aurelianus is regarded as 'son of a former British emperor, possibly Vortigern's successor, the Ambrosius who had fought against him in the 430s.' Britons and Saxons clashed as 'mounted troops without significant support on one side against infantry without cavalry on the other', because 'the horse was the one weapon that gave immediate and unassailable advantage to the Roman provincials of the fifth century.' Yet Ambrosius disappeared from the scene in the 470s, to be 'replaced by Arthur'.[74] From what Campbell termed the 'slight and inconclusive' evidence for this period, Morris conjured up a whole memoir of fifth-century campaigning, at cost to his reputation (not sales), even if he was right in locating the battle of 437 in Hampshire, and probably right in discerning two fifth-century Ambrosii.

Quite different are remarks of David Dumville, of a questioning and negative nature, tending to undermine certainty (sometimes without need). The 'slaughter of the siege of Mount Badon' was significant for Gildas 'because it marked the year of his birth' (forty-four years previous?), but may have been less significant for everyone else. As for the grandchildren verbally abused by Gildas, they may be rulers 'of the area which Ambrosius Aurelianus defended and led to victory', the 'third generation of now presumably hereditary rulers.' That Ambrosius was not the victor at Badon 'is an inference from Gildas's silence, and not a mandatory conclusion'; even so, some fifty years between the event and time of writing 'will not be at all too much'. On where Gildas was writing, a problem which 'urgently demands a solution', we at once find ourselves 'far into the domain of speculation'; while his words on Vortigern, Hengist and Horsa, Ambrosius, and Badon 'give us no assurance that we can yet place these people and

events in a credible geographical and political context', even if Dumville later put Ambrosius to the 490s, Badon to about 500, and Gildas's lifetime to 500 x 545.[75] Contrast with this the misplaced confidence of Margaret Gelling on the name Wallop as anomalous both for 'the apparent use of the West-Midland form of well' (='spring') and 'the word hop for a valley in this area', which she thought perhaps settled by West Midlanders.[76] The evidence of Historia Brittonum being ignored, we may dismiss her Hampshire Midlanders. Wallop was inhabited by Britons. Further conjecture appears with the comments that the elder Ambrosius was perhaps 'held by a large faction to be more suited than Vortigern to the position of High King'; that the conflict between him and Vitalinus was 'unlikely to have been a clear-cut battle, for both sides must have relied heavily on mercenary forces'; and that the younger Ambrosius, despite possessing 'cavalry forces' (if insufficient 'to achieve a decisive victory'), is 'said to have built a navy'.[77]

Published thereafter, but reflecting views of an older generation, are remarks of a former Bodley's Librarian and President of the Society of Antiquaries. The name of Ambrosius Aurelianus implies exalted social contacts and even 'a close link of some kind with the Catholic doctrinal circles centred on St Ambrose, the very influential Bishop of Milan (373-97)' and son of another Ambrosius Aurelianus. The parallel 'must surely be significant'. Badon is placed between 490 and 516, and probably late in the period; the Welsh annals put Gildas's death in 570. Ambrosius may have operated from Silchester in Hampshire, or else from Wiltshire, where Badon would be. (The last point is correct.) The reluctance of place-name scholars to associate Ambrosius with Amesbury in Wiltshire appears with an aside on their 'largely unjustified tendency' to interpret it and its fellows from 'unrecorded Germanic personal names', and further comment on Ambrosius's 'probable stronghold' at Amesbury.[78] Yet supposed links with Milan's Doctor of the Church are frail; while the place-names may be due to men called called Ambrosius who never held political power. Other opinions are voiced by Kerlouégan, on 'l'hostilité entre Vortigern et Ambrosius Aurelianus, dont l'écho nous est parvenu par des textes postérieurs' and (citing Tolstoy and Barry Cunliffe) whether Gildas's silence on Arthur as victor at Badon is due to anti-nativism. 'Les clercs romanisés auraient-ils attribué les mérites de la résistance à Ambroise, Italien d'origine ou Breton pro-romain, plutôt qu'à un chef de souche indigène et de tendance plus "autonomiste"?'[79] Wallace-Hadrill cited C. E. Stevens on Ambrosius as a possible relative of Vortigern, and Campbell (after Fleuriot) on his supposed Continental activities.[80]

A virile Middle English description (after Geoffrey of Monmouth) of Ambrosius's life, death, and burial at Stonehenge reminds us how Geoffrey's cavalier association of nearby Amesbury with Ambrosius has (like that of Badon with Bath) provoked an extended wild-goose-chase amongst scholars.[81] The ambigious allusion in the Black Book of Carmarthen's poem on Arthur and the Porter is translated 'lords of Emrys' or 'splendid lords'.[82] More significant is an observation of Oliver Padel on the text of Gildas. He observed that in the oldest copy of De Excidio, the tenth-century London, British Library, MS Cotton Vitellius A.vi, there is no break between the passage on Ambrosius and that on Badon. Hence no basis for the separate paragraphs of modern editions. If the editorial paragraph-break is removed, 'then Mount Badon reads naturally as the victory which crowned the career of Ambrosius Aurelianus himself.' Naturally, this leaves no room for Arthur. We need not therefore assume that Gildas deliberately ignored Arthur, or that he was too well known to require mention, with Gildas resembling (in Kenneth Jackson's comparison) a Victorian bishop who felt it superfluous to state that Waterloo was won by the Duke of Wellington.[83] If this view is accepted, then precise location of Badon will indicate the territory ruled by Ambrosius.

Revisionism of a similar kind occurs in Alcock's excavation report on the re-occupied Iron Age hillfort at Cadbury, near Ilchester. His books of 1971 and 1972 had alluded to Arthur and been best-sellers. By 1995, mindful of criticisms by Charles Thomas and David Dumville,

he was at pains to distance himself from the hero, speaking briefly of a popular misconception that 'the object of research was to prove the historicity of Arthur', and how, even before 'sustained minimalist criticism' began in the late 1970s, he himself 'had rejected the historicity of Camelot by 1969.' On Ambrosius he likewise trod with care. In an interesting attempt to place Cadbury within the politics of the fifth century, he saw Badon as a turning-point, the result of 'the emergence among the Britons of a strong military command.' Yet he thought that Ambrosius may not have been the general at Badon, because his grandchildren were of age to be victims of Gildas forty-four years later. Nevertheless, 'Ambrosius was probably active around the time of the founding of Cadbury 11', and in any case is 'a model of military and political authority for the creation of a major fortification.' Alcock went on to question the image of Ambrosius 'as a Late (not Sub-) Roman aristocrat of Imperial descent, with Continental parallels among those great Late Roman landowners who raised military forces after the collapse of Imperial authority in the West.' Citing E. A. Thompson and Dumville, he noted interpretation of Gildas's nimirum as an ironic 'it may be so'.[84] Yet why would Gildas want to malign Ambrosius? He hated the Saxons; why should he denegrate a man who for a time halted their conquests?

In a difficult paper, a Cork professor maintains that Gildas was taught by 'Irish masters, as is in fact claimed in his eleventh-century biography', which gives his place of education at Iren.[85] This has long been regarded as Ireland, even though sixth-century Ireland had no school of Roman rhetoric and law for Gildas to acquire his mastery of them. The real significance of Iren, with implications for Gloucestershire in about 500, is dealt with below.

Kenneth Dark places Gildas's Cuneglasus or Cynlas in Ceredigion or Powys (whereas Kenneth Jackson in 1982 put him in Rhos, on the north Wales coast), and Aurelius Caninus in either Glywysing (=South Wales between the Tawe and Usk estuaries) or Brecknock.[86] Against that is the objection that we hear nothing of the dynasty in any Glamorgan saint's life, genealogy, or charter. The silence is telling. The Ambrosii will have ruled from outside Wales, as stated in H. M. Chadwick's paper of 1954; even if Historia Brittonum's reference to the boy-wonder Emrys at the 'Field of Ellud' in Glywysing perhaps implies control of south-east Wales as well. Other interpretations are given by Nick Higham. Historia Brittonum was written in Gwynedd to exalt Gwynedd, with Emrys-Ambrosius as a 'personification herein of secular virtues' that is 'obviously derived from Gildas', and Vortigern as the opposite, a 'pagan arch-traitor to the British cause', whose descendants ruled Buellt and Gwtheyrnion (on the Upper Wye) and Gloucester. Whereas their kings had an 'arch-traitor' as ancestor, those of Gwynedd 'could claim descent from the virtuous Ambrosius'. Hence their just claim to 'general leadership of the Welsh nation'.[87] The representation here of Emrys is consistent with Hanning's in 1966, who regarded him as the prophet and embodiment of British sovereignty. But Emrys was not an ancestor of the house of Gwynedd. His name is absent from their genealogies. As for Vortigern, he figures in those of dynasties ruling territory around modern Builth Wells, as also Gloucester, where court historians clearly saw him in a different light from those in Anglesey and Snowdonia.

Gildas's words on our subject are worth quoting in later translation. 'Under the leadership of Ambrosius Aurelianus, a sober man, who perhaps alone of the Romans had survived the shock of so great a storm, a storm in which his parents, who had surely worn the purple, had perished ... they [the Britons] recovered their strength and challenged the victorious Saxons to battle.'[88] Rodney Castleden, who believes that Gildas wrote enthusiastically of Ambrosius as 'brave on foot' but 'braver still on horseback' (words denoting a 'preference for cavalry action' unknown to other researchers), also swallows the Galfridian fiction that the existence of Ambrosius is demonstrated by Amesbury and 'a score of place-names'.[89] And so modern myths join ancient ones.

Not mythical, however, is the ascription of an Ambrosian battle of the 430s to Hampshire, where something new may be said. Middle, Nether, and Over Wallop (SU 2838) are villages in a west Hampshire valley, north of the Roman road from Winchester to Salisbury.

Coates cites Jackson on Guoloppum and the battle of Guoloph in Historia Brittonum, as also Margaret Gelling, who (knowing nothing of Celtic) preferred to interpret the form as containing 'an alien Mercian Old English name'. Professor Coates (unlike the present writer) thinks her view 'deserves respect'. Yet he himself relates the first element to the Welsh prefix g(w)o- 'under; little', as with Watchet on the Somerset coast, where the sense will be 'under wood' (cf. Welsh coed 'wood') or 'little wood'. Significant for Badon (as we shall see) are Braydon and the River Biss, both in Wiltshire, the first an old forest near Swindon (and once notorious for thieves, so that Coates refers its name to Welsh brad 'treachery'), the second flowing through Trowbridge.[90] For Guoloppum, the element -loppum has been obscure. Yet, if we consult Welsh dictionaries, we find llop(p)an 'rough shoe', related to Middle Irish lópa 'vampless stocking' and found in the twelfth-century Four Branches of the Mabinogi. The implications are surprising. Old Welsh Guoloppum (to be emended to Guoloppan?) will mean 'little stocking', referring to the Wallop. Celtic place-names often refer to parts of the body. Ekwall long ago referred the Biss of Wiltshire to Welsh bys 'finger'. More unexpectedly, they refer as well to tools and other objects. So Welsh dictionaries explain the Cleddau of Pembrokeshire as 'sword', the Nodwydd of Anglesey as 'needle', and the Rhymney of South Wales as 'large auger' or rhwmp). The Wallop would resemble these. Early Welsh g(w)o- and llop(p)an allow interpretation of Guoloppum as 'little stocking, little legging' (but not 'little shoe', which does not suit a stream six miles long) on the analogy of gobant 'small valley', gofron 'hillock'. Welsh scholars may note not only the proposed emendation Guoloppan, but how Guoloph shows a scribe mistaking pp as an Old Welsh spelling of f, when the p of 'Wallop' shows this to be an error. The upshot of this philological excursus is to demonstrate that the battle between Ambrosius and Vitalinus was fought by the Wallop in the late 430s, their armies presumably having approached each other on the Roman road between Winchester and Salisbury, which passes immediately south of the Wallop.

Ken Dark, providing a map of places mentioned by Gildas, thinks that Badon had a 'hilltop' location.[91] Elsewhere he takes issue with David Dumville, arguing for the historicity of Arthur. He nevertheless cites Charles-Edwards on the Welsh annals and Historia Brittonum as the sole early sources which ascribe the victory of Badon to him. Other Welsh tradition knows nothing of it.[92] The implication is that an Arthurian enthusiast stole glory for his hero. Oliver Padel further observes that 'if Arthur had played a major part in the British resistance, we might have expected Gildas to name him, as he does Ambrosius Aurelianus.'[93] Frank D. Reno thinks that the terms 'Arthur' and 'Riothamus' are 'epithets pointing directly to Ambrosius Aurelianus.'[94] Not so.

There are many comments on Ambrosius in an ambitious study which endeavours, sometimes with success, to take on the British sources. In a review of previous discussion, it stresses Gildas's association of godliness with military prowess. Hence Ambrosius's triumphs. It also provides (after John Hines) updated maps of Anglo-Saxon cemeteries in about 475 and 520, showing incursions by the later date into the Roman province of Britannia Prima, with its capital at Cirencester. More than a dozen cemeteries in the Cotswold region of Gloucestershire show English encroachments before the conquest of 577. Oliver Padel's adjustment of paragraphing in De Excidio, implying that Ambrosius was the victor of Badon, is noted as receiving strong support from Ian Wood of Leeds. Thereafter, Badon was 'detached from Ambrosius Aurelianus' in Historia Britannia 'to be given to Arthur'.[95] In contrast is a page full of misinformation, where Derek Pearsall located Badon as 'probably on Salisbury Plain'.[96]

For association of Amesbury (near Stonehenge) and other places with Ambrosius, out of which some authors build a fantastic history of a Roman landowner's estates and garrisons sent to defend them, is now the observation in the Cambridge dictionary that the proposal is 'unncessary', because (unattested) Old English Ambri has an exact (and attested) equivalent in Old German. Alternatively, we may have the Old English bird-name amer 'bunting', certainly to be found at Amberley 'bunting wood' in Gloucestershire and Sussex, and perhaps at South

Ambersham in Sussex. Ombersley near Worcester would also be 'bunting wood' or 'bunting clearing'. The same authority sets out facts on the Biss of Wiltshire and the hamlet of Blissford (originally 'ford on the River Biss "finger"') near Fordingbridge on the Hampshire Avon, but has nothing on Braydon in Wiltshire and Bradon in south Somerset.[97]

An important study of Merlin's prophecies in medieval Europe has some off-focus statements on British tradition. It claims that 'Les historiens s'accordent pour voir en lui [Merlin] le souvenir d'un chef de clan.' (Not so. Welsh historians know that Merlin is a construct from the name of Carmarthen 'stronghold of a sea-fort', with the second part misunderstood as a personal name.) He was confused with 'celui que Gildas, vers 550, appelle Aurèle Ambrosius' [recte, 'Ambrosius Aurèle']. 'Il n'a rien d'un divin', even though Philippe Walter in 2000 declared that 'son nom signifie l'immortel dans une forme latinisée du grec ambrosius.' The author does, however, give useful citations of French publications unfamiliar to English readers.[98]

Other errors appear elsewhere. Ambrosius is called 'another of the mythic, though vaguely plausible, figures of sub-Roman Britain, second only to Arthur perhaps.'[99] We reply that he was not 'mythic' but historical, living in Late Roman Britain. A still more popular writer tells his readers how 'The tradition of Arthur dominates, that of Ambrosius ended up forgotten.'[100] A better account cites Hanning and Higham, with the observation that, when adopted wholesale by Bede, the words of Gildas on the Fall of Britain 'insistent sur la culpabilité collective des Celtes insulaires, châtiés par les Germains, qui assument, sous la plume de cet auteur d'origine anglo-saxonne, le rôle positif d'anges exterminateurs exécutant la volonté divine', despite the valour of Ambrosius, who 'par la volonté du Seigneur', won victories for the Britons.[101] Higham puts Anglo-Saxon 'destroying angels' into a twentieth-century context.[102] John Koch provides updated archaeological information (with map) for pagan Anglo-Saxon cemeteries and, to the west of them, Bath, Gloucester, and Cirencester as 'Romano-British towns' where post-Roman urban life is known from textual evidence.[103] Ambrosius figures as 'political and military leader' in a Welsh encyclopaedia.[104]

In a text published only in 2009, there are observations on Ambrosius by Philip Perry (1720-74), Rector of the English College, Valladolid. Perry was (unlike Gibbon) an uncritical historian; he took on equal terms the accounts of Gildas, Bede, Historia Brittonum, and Geoffrey of Monmouth. So the British hero appears with 'his brother Uther Pendragon, and Uther's son, Arthur', he being 'a person of singular valour and conduct' who was eventually succeeded 'by his brother Pendragon and he by Arthur. These, however, as well as Aurelius, seem to have been generals of the Britons rather than kings.' It was Arthur who won the battle of 'Bannesdowne, or Mons Badonicus', which was 'almost the last advantage the Britons gained over the enemy, and from henceforwards their affairs went back, not so much by the superiority of their enemies as by their civil dissensions and misconduct.'[105] Perry's eighteenth-century account reminds us that those of the twenty-first century have almost as few resources as he did. Karen George, citing Richard Sharpe and Clare Stancliffe, thus dates the British recovery under Ambrosius to 470 x 485, and Gildas's writing as 43 years after that (not after Badon), and so in 510 x 530, not 540 (as often said). She makes no reference to Oliver Padel's reparagraphing of Gildas to indicate Badon as Ambrosius's triumph, despite its implications for dating.[106]

An entry on Gildas contains various misconceptions. His birth is placed in Strathclyde, despite criticisms by E. A. Thompson and Dumville, who thought it unlikely that a master of Latin prose should come from outside the Empire. (The archaic Arecluta of a Breton-Latin life of Gildas may allude not to the Cluta or Clyde but to Arclid Green, twenty-five miles east of Chester and so within reach of a Roman city.) Kerlouégan is there cited on the siege of Badon as in about 450 and Dumville's preference for 500; Gildas in any case lived 'after the British leader Ambrosius Aurelianus had won decisive battles against the Saxons.' His De Excidio 'is extant in full in four manuscripts, the earliest from the eleventh century' (British Library, MS Cotton Vitellius A.vi).[107] On this manuscript, dated by others to the tenth century (and assigned

to St Augustine's Abbey, Canterbury), we note that it postdates Gildas by four centuries, unlike the passages of Gildas quoted by Bede two centuries earlier. Bede's words might therefore be thought closer to the original.

At this point an epoch-making paper of 2010, which has yet been strangely unnoticed (and which the present writer was alerted to only in 2015). Dabid Woods of Cork, quoting Gildas's words (in chapter 93) on a 'thick mist and black night' sitting upon the 'whole island' of Britain, explained them as an allusion to the cloud extending over the Northern Hemisphere during the volcanic winter of 536-7, a phenomenon also described by Procopius (d. after 562), historian of Byzantium. It produced harvest failure and a terrible famine recorded in Welsh and Irish annals. Because Gildas, a British Jeremiah, refers to the cloud but not the famine, he will have written after March 536, when the first appeared over Europe, but before late summer, when crops began to fail. So we can be sure that Gildas wrote in 536 and that 'Badon' was fought in 493, the year of his birth, forty-three years previous.[108]

Returning to a lower level, we find much on legend, including unreliability in Welsh annals, from N. J. Higham (for whose 'Maelgwyn' of Gwynedd read 'Maelgwn').[109] Fiona Tolhurst echoes Bonnie Wheeler on Gildas's vir modestus as one whose 'brand of heroism "subverts the traditional model of warrior masculinity" in the West: a model "largely identified by action, and primarily by violent action".'[110] Still, Ambrosius would not have defeated the Saxons without plenty of action and violence. Thomas O'Loughlin cites Owen Chadwick on Gildas as a mere deacon (and not a monk) when he wrote De Excidio.[111]

There are cautious conclusions in volume one of the Oxford 'History of Wales'. What prevented a complete Anglo-Saxon conquest of Roman Britain was 'the resistance of "the survivors" under the leadership of Ambrosius Aurelianus'; this 'period of shifting fortunes ended with the battle of Mount Badon', which Professor Charles-Edwards dates as perhaps in the 480s or 490s, with Gildas writing forty-four years later, between about 530 and 545. Ambrosius was 'apparently in the same generation as Gildas's grandparents.' Aurelius Caninus is noted without location, except that the five tyrants denounced by Gildas all seemingly belonged 'to the province of Britannia Prima, which had its capital at Cirencester.' (Whether Aurelius Caninus was related to Ambrosius Aurelius is not stated.) There is reference to the title gwledig 'lord' applied to the legendary Ambrosius, 'a very strange figure' in Historia Brittonum.[112] Implications of these remarks are given below.

The new corpus of early Welsh Christian monuments echoes Dumville in 1984 on Aurelius Caninus as perhaps 'connected with one of the royal lines in Powys'. Other Powys claims appear on the ninth-century 'Pillar of Eliseg' near Llangollen, which (spuriously) associates local rulers with Magnus Maximus in the fourth century and Vortigern in the fifth.[113] Nevertheless, Aurelius can here be ruled out for three reasons. First, 'Caninus' represents Cunignos or Cynin, which are common names (as Dumville admits). Second, the Cynin cited from an tenth-century genealogy was son of Maugan son of Pasgen, whereas Aurelius Caninus was apparently the grandson of Ambrosius Aurelius. Third, if any basis to link a ruling dynasty with the Ambrosii existed, the Welsh would have been quick to take it. The proof of that is the bogus attempt to trace origins in Magnus Maximus and Vortigern. We again recall H. M. Chadwick's declaration that Ambrosius and Aurelius left no descendants known to Welsh record. The obvious explanation is that their realm vanished in the later sixth century.

At this point we recall Housman's comments on how scholarship 'makes no steady and continuous progress, and relapse accompanies advance', how later writers 'often miss what their predecessors clearly apprehended', and the 'earliest interpreters are still in many ways' the best'; for we are now obliged to consider Professor Halsall's Worlds of Arthur. Amongst many surprises are suggestions that Historia Brittonum's Guoloppum is a corruption of vallum alpium, referring to the Alps in the period 392-4 (with the footnote 'I cannot resist saying that the western army was walloped at this battle'), and the claim on Badon (on which 'it seems unlikely that

Gildas does say that Badon was won by Ambrosius Aurelianus') and Arthur's other eleven battles that (with two exceptions) THE LOCATIONS OF ALL THESE BATTLES ARE UNKNOWN AND UNKNOWABLE (author's capitals).[114] This paper will fail of its purpose if all this is not cast into outer darkness.

Remaining publications will not detain us. In the repaginated (but otherwise unchanged) text of his book of 2000, Oliver Padel repeats that Mount Badon was 'probably in southern England', with Gildas 'by implication' attributing the victory to Ambrosius Aurelianus.[115] An independent scholar in the USA says much on the subject (if making virtually no reference to research since the early 1990s). He notes how Ambrosius 'is not present in any of the extant British genealogies and therefore may have been no more than a local leader.' The names of St Patrick and Ambrosius 'are both distinctly Roman', but after them in the fifth century 'Latin and even Romanized names almost completely disappear', especially amongst laymen. Ambrosius would have become leader in 448 x 461, Badon would have been in 478 x 491, so he could not have fought there. He 'founded no dynasty that was recorded.'[116] We find the same mixture of genuine learning, astuteness, and flawed reasoning elsewhere. After the Romans left, 'British forms of government emerged almost immediately. Some local aristocrats such as Ambrosius and Vortigern managed to transfer their land wealth into gold and war-bands.' Gloucester 'is a city of modern Hampshire' (!); the battle of Guolloph, 'probably Wallop in the same region' (correct), was against a kinsman of Vortigern, implying that his family 'was based in Hampshire, ancient Dubonnia (!). it is feasible that Gloucester was his chief residence.' That Ambrosius 'is nowhere directly associated with any kingdom suggests that his dynasty was taken over by another through conquest [correct].'[117] Finally, amongst speculation in an Aberystwyth paper is one on Mount Badon. 'Was it near Badbury in Somerset [recte, Wiltshire] or Badbury Rings in Dorset, or Mynydd Baedan near Bridgend'?[118]

Now for the second of this paper's three parts, on the location of Gildas's obsessio Badonici montis, the siege of Mount Badon. There is agreement that it took place in southern England, with the Britons repelling the West Saxons. But proposed identifications of Bath or various places called Badbury have never been accepted. The reason is obvious. Gildas's Badonicus must be a Celtic form (at once ruling out Bath, an English toponym). At the same time, nobody has ever related Badonicus to any Celtic name-element. Its etymology has been obscure. A little thought releases us from this linguistic labyrinth. Textual scholars know well the corruptions of early manuscripts, especially for names of people or places in languages unfamiliar to the scribe. A famous example is 'Boadicea' in the text of Tacitus, which (on the basis of Welsh buddig 'triumphant') Celtic scholars emend to Boudica (with stress on the second syllable, a long one) and supply a meaning 'Victoria, she who is victorious'.[119] If 'Boadicea' in Tacitus is corrupt, might the same be true of 'Badonicus' in Gildas, also to be corrected through comparison with the Celtic languages?

If we do this, an answer comes. Near Swindon is the parish of Braydon, an ancient forest area (and still with many woods). In 2000, as pointed out above, Richard Coates of Bristol related its name to Welsh brad 'treason', perhaps because the forest was notorious for thieves. If we then consult maps, we find that Braydon is looked down on by the hillfort of Ringsbury (SU 0786), five miles west-north-west of Swindon. This allows a solution. Emend obsessio Badonici montis in Gildas to obsessio Bradonici montis, and the hill on which Ringsbury is situated above Braydon becomes the likely place of conflict. If so, it casts new light on fifth-century campaigns of Briton against Saxon, and fifth-century Britain as a whole.

We now reach our third and final part. If the hill surmounted by Ringsbury, above the woods of Braydon, is Mount 'Badon', then (with the other material above) it allows eight conclusions.

1. A battle near Cirencester tends to confirm the Gloucestershire associations of Ambrosius and his family. If the original paragraphing of De Excidio implies that the victory

was his, as Dr Padel argues, then he would have been defending territory under the control of what became his dynasty. He would have operated and commanded from Cirencester, Gloucester, and beyond.

2. The Ambrosius who defeated Saxons in the later fifth century will not, however, be the Ambrosius who fought Vitalius at Guoloppum (emend to Guoloppan?) in Vortigern's time, in 437. John Morris was surely correct in seeing the two as different, and perhaps father and son, the elder Ambrosius and his wife eventually being victims of Saxon violence, as stated by Gildas.

3. The battle of 437 or so was certainly at Wallop in Hampshire. The Wallop valley lies north of the Roman road from Winchester to Salisbury and west of the River Test; it can be made out even on maps where it is not named.[120] Presumably the conflict occurred near where Wallop Brook joins the Test, six hundred yards north of the point at which the old Salisbury-Winchester road crossed it. It is reasonable to imagine an army led by Ambrosius from Old Sarum there meeting troops brought by Vitalinus from Winchester.

4. Jackson in 1982 explained the Aurelius Caninus who received Gildas's venom as Aurelius Cunignos, his name part-Latin, part-British. We have two clues on where he ruled. The absence of the name from Welsh genealogies implies that his territory was not in Wales; while Gildas's mentioning its king after that of Dumnonia and before those of Dyfed, Rhos, and Gwynedd, suggests a location between south-west Britain and Wales. For these reasons, H. M. Chadwick associated the dynasty with the Gloucester region. Braydon-'Badon' would, it seems, have been on its southern border.

5. The realm fell in 577, as recorded by the Saxon Chronicle. 'Here Cuthwine and Ceawlin fought against the Britons and they killed three kings, Coinmagil and Candidan [var. Condidan] and Farinmagil, in the place called Dyrham, and took three cities: Gloucester and Cirencester and Bath.' The defeat separated the Britons of Wales from those of the south-west, and opened up the Severn lowlands to the invaders.[121] Dyrham (ST 7475) is in Gloucestershire/Avon, seven miles north of Bath. The English scribes had difficulty with the Celtic forms, but the first will be Welsh Cynfael 'hound-prince' and the second apparently a corruption of Cynddylan 'sea-hound'. Each shares the element meaning 'hound' with Cunignos or Cynin. It may thus denote a family, with Cynfael (of Gloucester?) and Cynddylan (of Cirencester?) as sons or grandsons of Ambrosius Caninus (in Modern Welsh, Emrys Cynin). This, again, strengthens associations of the Ambrosii with Gloucestershire.

6. But it surely rules out associations with Amesbury in Wiltshire and other supposed estates of Ambrosius or even garrisons established by him, despite the popularity of the idea with archaeologists (not place-name scholars). These places are best ignored. The same is probably true of St Ambrose (d. 397), where nothing useful can be said on alleged namesakes and kinsmen in Britain.

7. Another person to be dissociated from Gloucester and 'Badon' is Arthur. Not only does Gildas not mention him, but Welsh tradition outside Historia Brittonum and Annales Cambriae knows nothing of Arthur and Badon until Geoffrey of Monmouth's inventions spread to Wales in the twelfth century. It might be that Badon really was a victory of Ambrosius Aurelianus, as Dr Padel suggests. We may go further. Corruption of Gildas's form to proposed Badonicus will already have taken place by the eighth century, when Bede quotes the form. Welsh-Latin knows no other, showing how it depended on Gildas for knowledge of the event. That undermines an association with Arthur still further. He will have been a leader in North Britain (where eleven of his battles can be located) and not a southern one.

8. As for Gildas's emphasis on 'Badon', this may be due to his education at Cirencester. The Romans allegedly knew the city as Corinium (surely an error for Carinium).[122] Asser (d. 909) of St Davids gives the Old Welsh name as Cair Ceri.[123] In the Welsh prophecy Armes Prydein, a call to arms written after West Saxon humiliation at Leicester (not Chester) in 940, it

is Kaer Geri (with soft mutation).[124] Despite doubts, the Old Welsh forms relates to 'Corinium' (as does Cirencester itself), if indirectly.[125] There has been false association with Welsh ceri 'service tree' (a member of the pear family native to the Continent and introduced to Britain). The obscure Iren of the Breton-Latin life of Gildas, of the place to which he moved after elementary studies in Glamorgan, can thus be related to reconstructed British-Latin Carinium or Cirencester. It would have nothing to do with Ireland (which had no fifth-century schools of Roman rhetoric and law). There is no surprise in this. Cirencester was the second city of Roman Britain; once London had fallen, it would be first city of the Britons. Archaeologists in Gloucestershire need no reminding of the splendid buildings once there, both public and private. If it remained a centre of traditional Roman education even into Gildas's day, it would not be remarkable; nor would a famous victory at Braydon (nine miles south-south-east of it) be forgotten there.

Inferences from the above raise the curtain dramaticslly on the south-west Midlands in the fifth and sixth centuries. Important in Roman Britain, the region survived as a Roman-British polity after the loss of London and the south-east to the English. The Ambrosii, first known to us from an action at Wallop in Hampshire in 437, ruled and defended it to such effect that Gildas was apparently able to get an excellent education at Cirencester in the early sixth century, British power there collapsing only in 577 after defeat at Dyrham. Like Waterloo in 1815, Mount 'Badon' in the 490s or so inaugurated a long period of peace; it allowed Romano-British civilization to survive in the Vale of Severn and Cotswolds for another eighty years; a main beneficiary of that being Gildas, who provided a vital clue on how it came about. It will be interesting to see if archaeologists can now find evidence for re-occupation at Ringsbury in the later fifth century, when, it seems, it was the site of a decisive engagement between Britons of the soith-west Midlands, and Saxons of Winchester and beyond. Archaeological investigation may even revealed who besieged whom. The sole disappointment here is for Arthurian enthusiasts. The absence of allusions to Badon in vernacular sources, and incorrect name of the battle in Latin ones (where we should expect Bradon-), mean that we must dismiss Arthur as champion at the siege of Ringsbury, near Braydon, in 493 CE.

POSTSCRIPT. The above was written enarly a decade ago, its last citations being from publications of 2014. So reference to what has happened since then will sharpen focus on its conclusions. In 2015 appeared arguments for Arthur as a North British hero killed at Camlan (= Castlesteads, on Hadrian's Wall) in 537. He thus had no part in the British siege at 'Mount Badon' or Ringsbury, near Braydon Forest, Wiltshire, and near the Roman road north-west to Cirencester, capital of the Britons. That crushing defeat of Saxon attackers by (it would seem) Ambrosius Aurelianus, can thus now be dated in 493. We can be sure (a) that the Britons triumphed in 493, at 'Badon' or Braydon, Wiltshire; (n) that this was very probably due to Ambrosius Aurelianus, ruler of the Gloucester-Cirencester region; (c) that it had nothing to do with Arthur (d. 537), who was raiding British neigbbours years later in what is now southern Scotland; and (d) that Gildas wrote in 536.[126]

This is certain, despite recurrent scepticism on all these points. Here are examples. Mount 'Badon' (we hear) would have been in 'around 500'.[127] In a thorough study we are assured (without being told why) that there is no 'compelling' reason to regard 'Badon' as Braydon, Wiltshire.[128] The Britons fought battles 'culminating in victory at Badon Hill'; but not a word on when and where that might have been.[129] Nine years after David Woods proved that De Excidio Britanniae was written in 536, it is given as 'probably written between AD 530 and 545'.[130] Yet full acknowledgement of Woods's discovery came thereafter.[131] Woods was yet then completely ignored with a comment on (unlocated) Badon as perhaps in the early 'soxth century' or 'late sixth century'.[132] Woods is, however, cited (vaguely) in a chapter with a (penetrating) comment on the Saxon commander at Badon 'very likely' &lle, a powerful monarch who is mentioned by Bede, massacred the British garrison at Pevensey (in east Sussex), but is then heard of no

more.[133] If he was the aggressor whom the Britons killed in 493, it will accord perfectly with other information. As for Woods, he is ignored again in a confused note on Gildas's dates.[134] Nor is he mentioned in a popular account, despite a question (now answered by Peter Field) on &lle and why this formodable ruler 'disappears from the record' so abruptly.[135] Woods does not appear in a better study, frequent reference to Gildas notwithstanding.[136] He does, all the same, receive full acknowledgement now.[137]

The above leaves us with various conclusions. Of these, the partial-to-total unreliability of recent publications from British university (and other) presses is the most obvious. As for those which concern Worcestershire, the special study of this volume and its honorand, we list the following.

1. For the Siege of Mount 'Badon' we must read Bradon and locate it at the hill-fort of Ringsbury (SU 0786), overlooking Braydon Forest, north-west of Swindon, Wiltshire.
2. The conflict occurred in 493, as demonstrated in 2010 by David Woods.
3. Gildas (493-570) wrote 43 years therafter, in the spring or summer of 536.
4. The victor in 493 was surely Ambrosius Aurelianus, ruler of the Cirencester-Gloucester region.
5. The Saxon ruler defeated (and killed?) was very likely &lle, whom Bede styles bretwalda.
6. The conflict had no link whatsoever with Arthur (d. 537), a Strathclyde commander active in North Britain, where he fought battles against other Britons (the Gododdin of later Bernicia, those of Rheged around Carlisle and Penrith), and certainly not the English.
7. The triumph at 'Badon' in 493 gave the Britons a respite from Saxon attack still effective in 536, when Gildas wrote.
8. Not until 577 did Cirencester and Gloucester (together with Bath) fall to the Saxons.
9. British success in 493 hence not only gave long-term security to their capital of Cirencester, but also to Worcestershire, a district protected to the north by the forests of Kinver and Arden, and to the east by the River Avon. The region's soft belly was to the south. With Cirencester and Gloucester captured in 577, Saxon occupation of Worcester would come soon after.
10. When Ambrosius Aurelianus (as we imagine) crushed &lle's forces at Braydon in 493, then, he provided Romano-British society in the Vale of Severn with an Indian summer. The languages spoken there (at Cirencester, Gloucester, Worcester) continued to be Latin and British. English was held off for almost a century. Clear and evidence-based statements on events of 493 and 577 thus have obvious applications for the entire region, including Worcester in its last century of British rule.

References

1. Venerabilis Bedae Historia Ecclesiastica, ed. Charles Plummer (1896), II, 30
2. Gildae de Excidio Britanniae, ed. Hugh Williams (1899-1901), 61, 63
3. J. E. Lloyd, A History of Wales (1911), 101, 132, 140
4. J. E. de Hirsch-Davies, A Popular History of the Church in Wales (1912), 8
5. Hugh Williams, Christianity in Early Britain (1912), 182, 332, 337
6. Cyfranc Lludd and Llevelys, ed. Ifor Williams (1922), 28
7. M. Annaei Lucani Belli Civilis Libri Decem, ed. A. E. Housman (1926), vi
8. E. K. Chambers, Arthur of Britain (1927), 3-6, 16, 201
9. Allen Mawer and F. M. Stenton, The Place-Names of Worcestershire (1927), 268-9
10. John Lloyd-Jones, Geirfa Barddoniaeth Gynnar Gymraeg (1931-63), 49, 474-5
11. H. M. and N. K. Chadwick, The Growth of Literature: The Ancient Literatures of Europe (1932), 105, 132-4
12. R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, Roman Britain and the English Settlements, 2nd edn (1937), 314, 319, 333, 381-2, 432, 439
13. J. E. B. Gover, Allen Mawer, and F. M. Stenton, The Place-Names of Wiltshire (1939), 358-9
14. A. H. Williams, An Introduction to the History of Wales: Prehistoric Times to 1063 (1941), 73

15. Brut Dingestow, ed. Henry Lewis (1942), 234-5
16. Aileen Fox, 'Early Christian Period: Settlement Sites and Other Remains', in A Hundred Years of Welsh Archaeology, ed. V. E. Nash-Williams (1946), 105-22
17. Charles Edwards, Hanes y Ffydd yng Nghymru, ed. Hugh Bevan (1948), 26, 67
18. Michael W. Hughes, 'The End of Roman Rule in Britain', The Transactions of the Honourable Society of Cymmrodorion: Sessions 1946-1947 (1948), 150-187
19. T. D. Kendrick, British Antiquity (1950), 83, 94
20. William Rees, An Historical Atlas of Wales (1951), plates 18, 19
21. Denys Hay, Polydore Vergil (1952), 29-31
22. K. H. Jackson, Language and History in Early Britain (1953), 115-16
23. H. M. Chadwick, 'The Foundation of the Early British Kingdoms', in Studies in Early British History, ed. N. K. Chadwick (1954), 47-56
24. K. H. Jackson, 'The Britons in Southern Scotland', Antiquity, xxix (1955), 77-88
25. Geoffrey Ashe, King Arthur's Avalon: The Story of Glastonbury (1957), 69-70
26. N. K. Chadwick, 'Introduction', in Studies in the Early British Church, ed. N. K. Chadwick (1958), 1-28
27. Edward Gibbon, The End of the Roman Empire in the West, ed. J. B. Bury (1958), 162
28. K. H. Jackson, 'Arthur in Early Welsh Verse', in Arthurian Literature in the Middle Ages, ed. R. S. Loomis (1959), 12-19
29. J. E. Lloyd, 'Ambrosius Aurelianus', in The Dictionary of Welsh Biography (1959), 8
30. A. O. H. Jarman, The Legend of Merlin (1960), 10-11
31. Nikolai Tolstoy, 'Nennius, Chapter Fifty-Six', The Bulletin of the Board of Celtic Studies, 19 (1960-2), 118-62
32. Theophilus Evans, Drych y Prif Oeseoedd, ed. Garfield H. Hughes (1961), 85-6
33. Peter Hunter Blair, Roman Britain and Early England (1963), 174-6, 214-15
34. Leslie Alcock, 'Wales in the Fifth to Seventh Centuries', in Prehistoric and Early Wales, ed. I. Ll. Foster and Gñlyn Daniel (1965), 177-211
35. Early Welsh Genealogical Tracts, ed. P. C. Bartrum (1966), 7-8, 9, 10, 46, 94, 50, 109
36. Pennar Davies, Rhwng Chwedl a Chredo (1966), 59-60, 66
37. C. W. Phiilps, Map of Britain in the Dark Ages, 2nd edn (1966)
38. R. W. Hanning, The Vision of History in Early Britain (1966), 55-6, 77-8, 111-12
39. Geoffrey of Monmouth, The History of the Kings of Britain, tr. Lewis Thorpe (1966), 151-202
40. S. S. Frere, Britannia (1967), 368-9, 382
41. D. P. Kirby, The Making of Early England (1967), 15-16, 19-20
42. Geoffrey Ashe, 'The Arthurian Fact', in The Quest for Arthur's Britain, ed. Geoffrey Ashe (1968), 27-57
43. R. P. C. Hanson, Saint Patrick (1968), 15, 18-20
44. J. N. L. Myres, 'Introduction', in Christianity in Britain, 300-700, ed. M. W. Barley and R. P. C. Hanson (1968), 1-8
45. Francis Jones, The Princes and Principality of Wales (1969), 7
46. Bede's Ecclesiastical History of the English People, ed. Bertram Colgrave and R. A. B. Mynors (1969), 54-5
47. K. H. Jackson, The Gododdin: The Oldest Scottish Poem (1969), 84-6
48. Lealie Alcock, Arthur's Britain (1971), 26-9, 358-9
49. D. Simon Evans, 'Our Early Welsh Saints and History', in G. H. Doble, Lives of the Welsh Saints (1971), 1-55
50. F. M. Stenton, Anglo-Saxon England, 3rd edn (1971), 2-3
51. Charles Thomas, Britain and Ireland in Early Christian Times (1971), 117
52. Leslie Alcock, 'By South Cadbury is that Camelot' (1972), 17-18, 193-4
53. Shimon Applebaum, 'Roman Britain', in The Agrarian History of England and Wales: AD 43-1042, ed. H. P. R. Finberg (1972), 5-277
54. R. Ian Jack, The Sources of History: Medieval Wales (1972), 18
55. Vita Merlini, ed. Basil Clarke (1973), 158-9
56. John Morris, The Age of Arthur (1973), 37, 48, 71, 96-7, 100-1

57. Cyfranc Lludd a Llefelys, ed. Brynley F. Roberts (1975), xxxvii
58. Peter Hunter Blair, An Introduction to Anglo-Saxon England, 2nd edn (1977), 29-30
59. Rachel Bromwich, Trioedd Ynys Prydein, 2nd edn (1978), 345-6
60. Thomas Charles-Edwards, 'The Authenticity of the Gododdin', in Astudiaethau ar yr Hengerdd, ed. Rachel Bromwich and R. Brinley Jones (1978), 44-71
61. Thomas D. O'Sullivan, The 'De Excidio' of Gildas (1978), 97, 141-5, 175-8
62. P. H. Sawyer, From Roman Britain to Norman England (1978), 80, 83, 85
63. Lloyd and Jennifer Lang, Anglo-Saxon England (1979), 29-30
64. English Historical Documents c. 500-1042, ed. Dorothy Whitelock (1979), 647
65. British History and the Welsh Annals, ed. John Morris (1980), 29-31, 33, 39, 70-2, 74, 80
66. Léon Fleuriot, Les Origines de la Bretagne (1980), 170-6
67. Rhagymadroddion a Chyflwyniadau Lladin 1551-1632, ed. Ceri Davies (1980), 51
68. Stephen Johnson, Later Roman Britain (1980), 112, 119-21, 123
69. Peter Salway, Roman Britain (1981), 461-2, 468-9, 474, 476, 483-4, 490, 501
70. Charles Thomas, Christianity in Roman Britain (1981), 245, 251-2, 269
71. James Campbell, 'The End of Roman Britain', in The Anglo-Saxons, ed. James Campbell (1982), 8-19
72. K. H. Jackson, 'Gildas and the Names of the British Princes', Cambridge Medieval Celtic Studies, 3 (1982), 30-40
73. Llyfr Du Caerfyrddin, ed. A. O. H. Jarman (1982), lxiii
74. John Morris, Londinium (1982), 323, 336, 338
75. D. N. Dumville, 'The Chronology of De Excidio Britanniae, Book I', in Gildas: New Approaches, ed. Michael Lapidge and D. N. Dumville (1984), 61-84
76. Margaret Gelling, Place-Names in the Landscape (1984), 112
77. Robert Jackson, Dark Age Britain (1984), 26, 27, 36, 38
78. J. N. L. Myres, The English Settlements (1986), 14-15, 154, 158-62, 212-13
79. François Kerlouégan, Le 'De Excidio Britanniae' de Gildas (1987), 19, 517
80. J. M. Wallace-Hadrill, Bede's 'Ecclesiastical History of the English People': A Historical Commentary (1988), 25, 215
81. Lawman, Brut, tr. Rosamund Allen (1992), 209-33
82. Culhwch and Olwen, tr. Rachel Bromwich and D. Simon Evans (1992), xxxvi
83. O. J. Padel, 'The Nature of Arthur', Cambrian Medieval Celtic Studies, 27 (1994), 1-31
84. Leslie Alcock, Cadbury Castle, Somerset (1995), ix, 5-6, 150
85. K. R. Dark, Civitas to Kingdom (1995), 103
86. N. J. Higham, An English Empire (1995), 141
87. Stanley Ireland, Roman Britain: A Sourcebook, 2nd edn (1996), 168
88. Pádraig Ó Riain, 'Finnio and Winniau', in Ildánach, Ildíreach: A Festschrift for Proinsias Mac Cana, ed. John Carey, John T. Koch, P.-Y. Lambert (1999), 187-202
89. Rodney Castleden, King Arthur: The Truth Behind the Legend (2000), 81-4
90. Richard Coates and Andrew Breeze, Celtic Voices, English Places (2000), 272, 302, 339, 360
91. K. R. Dark, Britain and the End of Roman Empire (2000), 34, 35
92. K. R. Dark, 'A Famous Arthur in the Sixth Century?', Reading Medieval Studies, 36 (2000), 77-95
93. O. J. Padel, Arthur in Medieval Welsh Literature (2000), 3
94. F. D. Reno, Historic Figures of the Arthurian Era (2000), 144
95. N. J. Higham, King Arthur (2002), 48, 52, 53, 58, 147
96. D. A. Pearsall, Arthurian Romance (2003), 2
97. The Cambridge Dictionary of English Place-Names, ed. Victor Watts (2004), 12, 13, 66, 451
98. Catherine Daniel, Les prophéties de Merlin et la culture politique (2006), 13-14
99. David Mattingley, An Imperial Possession (2006), 536
100. Adrian Murdoch, The Last Roman (2006), 40-1
101. Martin Aurell, La Légende du roi Arthur 550-1250 (2007), 80
102. Nick Higham, 'Introduction', in *Britons in Anglo-Saxon England*, ed. Nick Higham (2007), 1-15
103. J. T. Koch, *An Atlas for Celtic Studies* (2007), 36-7
104. Anon., 'Ambrosius', in *The Welsh Academy Encyclopaedia of Wales* (2008), 22

105. *Philip Perry's Sketch of the Ancient British History*, ed. Anunciación Carrera and María José Carrera (2009), 120-1
106. Karen George, *Gildas's 'De Excidio Britonum' and the Early British Church* (2009), 3-4
107. E. D. Kennedy, 'Gildas', in *The Encyclopaedia of the Medieval Chronicle* (2010), 706-7
108. David Woods, 'Gildas and the Mystery Cloud of 536-7', in *The Journal of Theological Studies*, 61 (2010), 226-34
109. Nick Higham, 'The Chroniclers of Early Britain', in *The Arthur of Medieval Latin Literature*, ed. Siân Echard (2011), 9-25
110. Fiona Tolhurst, *Geoffrey of Monmouth and the Feminist Origins of the Arthurian Legend* (2012), 16
111. Thomas O'Loughlin, *Gildas and the Scriptures* (2012), 24
112. Thomas Charles-Edwards, *Wales and the Britons 350-1064* (2013), 56, 210-11, 217, 321, 334-5, 443-4
113. Nancy Edwards, *A Corpus of Early Medieval Inscribed Stones and Stone Sculpture in Wales: North Wales* (2013), 5, 332-3
114. Guy Halsall, *Worlds of Arthur* (2013), 67, 210
115. O. J. Padel, *Arthur in Medieval Welsh Literature*, 2nd edn (2013), 3-4
116. Flint F. Johnson, *Evidence of Arthur* (2014), 139, 145, 163, 188
117. Flint F. Johnson, *Hengest, Gwrtheyrn, and the Chronology of Post-Roman Britain* (2014), 10, 88, 94
118. Gerald Morgan, 'The Early Welsh Cult of Arthur', *Res Celticae*, 1 (2014), 133-45
119. K. H. Jackson, 'The British Languages and Their Evolution', in *The Mediaeval World*, ed. David Daiches and Anthony Thorlby (1973), 113-26
120. C. W. Phillips, *Map of Roman Britain*, 3rd edn (1956)
121. *The Anglo-Saxon Chronicle*, ed. M. J. Swanton (1996), 19
122. A. L. F. Rivet and Colin Smith, *The Place-Names of Roman Britain* (1979), 321-2
123. Simon Keynes and Michael Lapidge, *Alfred the Great* (1983), 85
124. G. R. Isaac, 'Armes Prydain Fawr and St David', in *St David of Wales*, ed. J. Wyn Evans and J. M. Wooding (2007), 161-81
125. Patrick Sims-Williams, *Ancient Celtic Place-Names* (2006), 205
126. A.Breeze, 'Arthur's Battles and the Volcanic Winter of 536-37', *Northern History*, 53 (2016), 161-72
127. Tim Clarkson, *Scotland's Merlin* (Edinburgh, 2016), 110.
128. N. J. Higham, *King Arthur: The Making of the Legend* (2018), 192.
129. Elissa R. Henken, 'Folklore and Popular Tradition', in *Arthur in the Celtic Languages*, ed. Ceridwen Lloyd-Morgan and Erich Poppe (2019). 214-30
130. E. R. Roberts, 'Britain, Wales, England', in *The Cambridge History of Welsh Literature*, ed. Geraint Evans and Helen Fulton (2019). 13-25
131. A. Breeze, *British Battles 493-937* (2020), 1-10
132. Rory Naismith, *Early Medieval Britain* (2021), 182
133. Peter Field, 'King Arthur: Hero or Legend?', in *The Arthurian World*, ed. V. Coldham-Fussell, M. Edlich-Mutt, Renée Ward (2021). 25-34
134. Stephen J. Joyce, *The Legacy of Gildas* (2022), 47 n. 84
135. Tony Sullivan, *The Battles of King Arthur* (2022), 99
136. Rebecca Thomas, *History and Identity in Early Medieval Wales* (2022), 114-17
137. A. Breeze, *The Historical Arthur and the 'Gawain' Poet* (2023), 14

УДК 81

Текстуализация вежливой критики в жанре театрального интернет-отзыва

Светлана Викторовна Иванова
Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия, svet_victoria@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности выражения критического суждения в театральных интернет-отзывах. Исследование проводится на стыке жанроведения, дискурс-анализа и лингвистики текста. Объектом исследования выступает критическое суждение. В рамках анализа выделяются уровни текстуализации критики как выражения неодобрения. Результирующим итогом становится выравненная тональность отзыва, но сама коммуникация имеет тенденцию терять правдивость, переходя в разряд non-bona-fide.

Ключевые слова: критика, текстуализация, вежливость, коммуникация non-bona-fide, театральный интернет-отзыв, жанр.

Textualization of polite criticism in the genre of theatrical online reviews

Svetlana V. Ivanova
Saint Petersburg State University, the Department of the English language in the sphere of philosophy and social sciences, doctor of Philology, professor, St. Petersburg, Russia, svet_victoria@mail.ru

Abstract. The article examines features of expressing critical judgment in theatrical online reviews. The study is conducted at the intersection of genre studies, discourse analysis, and text linguistics. The object of the study is critical judgment. The analysis identifies levels of textualization of criticism as an expression of disapproval. The resulting outcome is a balanced tone of the review, but the communication itself tends to lose sincerity, becoming non-bona-fide.

Keywords: criticism, textualization, politeness, non-bona-fide communication, theatrical online review, genre.

В фокусе данного исследования особенности выражения вежливой критики в жанре интернет-отзыва в паблике группы в социальной сети. Согласно толковому словарю, критика как термин предполагает разбор чего-либо с целью вынесения оценки в результате выделения достоинств и недостатков. Объектом исследования выступает вежливая критика в жанре интернет-отзыва. Предметное поле исследования составляют средства текстуализации вежливой критики. Соответственно, с одной стороны, исследование касается выражения критики, то есть критического суждения, а с другой, критическое суждение рассматривается в рамках современной интернет-коммуникации.

Объект и предмет исследования задают четыре ракурса проблематизации. Во-первых, исследование сосредоточено на выражении критики, представляющей собой сложнейший тип коммуникативного акта, в котором могут совмещаться различные, если не прямо противоположные коммуникативные плоскости. Критика может быть как

частью конфликтного, так и конструктивного дискурса, она может сопровождаться речевой агрессией, но может быть нацеленной на совместное решение проблем, она может быть как негативной, так и позитивной. Такая контрадикторность критики обусловливает сложность выражения данного речевого высказывания, а также его лингвистического анализа, но и не может не привлекать внимания, бросая вызов исследователю, занимающемуся вопросами коммуникации.

Второй аспект исследования обращен к вежливой критике. Соответственно, критика как выражение несогласия подвергается действию стратегии вежливости, направленной на гармоничное и бесконфликтное общение [Ларина 2009, с 164-171]. Таким образом, гипотетически стратегия вежливости как генеральная стратегия анализируемых отзывов должна определять характер построения текстов и способ выражения критического суждения, в основе которого лежит отрицательная оценка.

Третий вектор исследования задан направленностью на изучение особенностей интернет-коммуникации. Интернет-коммуникация внесла и продолжает вносить значимые изменения в типы текстов и их форматы, что находит подтверждение со стороны лингвистов, занимающихся в русле генристики, теории текста и дискурс-анализа. Цифровые технологии и возможности, которые они предоставляют пользователям, служат триггерами трансформаций порождаемых текстов, что ломает устоявшиеся каноны, регламентирующие их жанровые признаки. Одним из примеров подобного рода является театральный отзыв. Театральный отзыв представляет собой отдельный жанр, то есть самостоятельный текстотип, предполагающий анализ и субъективную оценку театрального представления. Под влиянием интернет-коммуникации данный текстотип претерпевает заметные изменения в связи с доступностью для рядового зрителя возможности написания отзыва в многочисленных создаваемых пабликах.

Наконец, четвертый аспект данного исследования связан с понятием текстуализации – термин, который находит объяснение в работах Майкла Сильверстайна как «how we “do things with words” and with other modalities of interpersonal behavior, looking “upward” and “outward” from particular events to the framing sociocultural structures that give meaning and value to event-bound particulars» / То, как мы „совершаем действия посредством слов“ и иных модальностей межличностного взаимодействия, глядя „вверх“ и „вовне“ от конкретных событий к формирующим социокультурным структурам, которые придают значение и ценность конкретным событиям [Silverstein 2019, с. 56]. Таким образом, речь идет о том, как в текст вводятся коммуникативные практики, какие текстовые средства и на каких его уровнях оказываются задействованными.

Материалом исследования послужили посты отзывов в сообществе любителей театра (Общество любителей Мариинского театра, далее ОЛМТ). Выборку для анализа составили тексты интернет-отзывов пользователей названной группы, опубликованные в 2025 г. и содержащие критическое суждение, то есть выражающие неодобрение по отношению к театральному представлению или его элементов в виде отрицательной оценки. Поставленная проблема обусловлена заставляющими задуматься цифрами: из 1000 отзывов только 167 содержали критику. Безусловно, эта пропорция свидетельствует не только о высоком качестве представлений одного из лучших театров страны и мира, но и о том, что перед автором критического отзыва стоит очень сложная коммуникативная задача. В таком случае как решается эта задача, какие коммуникативные практики в ходу у авторов критических постов? Как вербально проявляется критика и влияет ли канал коммуникации на вербализацию критического суждения? Влияет ли вежливость на оформление критического суждения и если влияет, то как? Обозначенные исследовательские вопросы определили формулировку цели настоящего исследования, которая состоит в том, чтобы выявить коммуникативные

практики через средства текстуализации, связанные с выражением вежливой критики в анализируемом жанре. Анализ этих средств проводится на стыке парадигм, где соединяется проблематика генристики, дискурс-анализа, лингвистики текста. Необходимость обращения к генристике связана с оперированием понятием жанрового канона для данного типа текстов. Дискурс-анализ позволяет обратиться к дискурсивным практикам, напрямую связанным с социокультурными параметрами коммуникации и коммуникантов. Теория текста позволяет воспользоваться понятием текстуализации, которая предполагает выражение в тексте некоторого опыта за счет превращения его в осмысленную структуру.

Жанровый взгляд на особенности выражения критики в интернет-отзыве связан с тем, что жанр, по Клэр Крамш, является своеобразным средством контроля общества над формой выражения, это социально санкционированный тип коммуникативного события [Kramsch 2014, с. 62-63]. И в этом отношении надо заметить, что жанровый канон интернет-отзыва избранной для анализа официальной группы направлен на исключение неодобрительного высказывания, что вербально выражается авторами отзывов.

(1) *Но всё же на каких-то недостатках не хочется заострять внимание*. (ОЛМТ, 11.07.2025)

(2) Конечно, *можно задаться целью оттоптаться* как следует на огрехах - тут тиховато, там сипловато, а здесь вообще мимо нотки – *но зачем*? Совсем безупречное исполнение бывает нечасто, а технические ошибки бывают у всех. К тому же солист и без нас, зрителей, знает, где ошибся. 💯 (ОЛМТ, 20.07.2025)

Тем не менее, задача выражения критического суждения все равно остается, и ряд авторов хотят выразить свою точку зрения, связанную с негативной оценкой увиденного. В таком случае одной из альтернатив избеганию критического суждения как такового является возможность поместить его в середину текста, которая обычно рассматривается как слабая текстовая позиция. Таким образом достигается выравнивание тональности текста за счет снижения интенсивности критического суждения.

Дискурсивная практика смягчения критического суждения осуществляется и посредством того, как производится текстуализация критического суждения. Анализ эмпирического материала показывает, что текстуализация критического суждения может реализовываться на нескольких уровнях текста. Представляется, что выделение инструментов текстуализации можно осуществить на основе экстраполяции теории юмора С. Аттардо, который выделил такие ответственные за выражение юмора уровни текста, как ситуация, цель, нарративная линия, язык и логические механизмы [Attardo 2020, с. 113-156]. Продуктивность этого подхода для реализации цели настоящего исследования исходит из того, что он позволяет обратить внимание на разноуровневые средства текстуализации вежливости в театральном интернет-отзыве.

Прежде всего, текстуализация вежливо сформулированного критического суждения может производиться за счет переориентации ситуации, когда критикующий переносит критику на себя (возможно, я не понимаю, с моей дилетантской точки зрения и т.п.).

(3) В целом, интересно было послушать, как Большой театр справится с такой сложной оперой, не все удалось, *на мой слух*, но впечатление общее скорее положительное. (ОЛМТ, 14.03.2025)

(4) Показалось лишним "Три песни на стихи Цветаевой" в начале, как отдельное произведение это было бы интересней, *на мой взгляд*. (ОЛМТ, 26.09.2025)

Текстуализация вежливого критического суждения может касаться изменения цели высказывания, когда оно формулируется как выражение надежды (в следующий раз будет лучше), а также предположения (почему не получилось).

(5) Но, конечно, это мелочи, так – для легкой критики ☺! *Главное – любимый театр развивается, хорошеет и богатеет, и в любой день зрителей – полный зал!* Значит, жизнь продолжается! (ОЛМТ, 04.03.2025)

(6) Думаю, что после нескольких спектаклей всё станет великолепно, просто надо впеть партии и всё. Потенциал у всех огромный! (ОЛМТ, 22.03.2025)

(7) <…> немножко не в голосе был Нажмеддин и поэтому не получилось таять в его медовом и таком любимом тембре), но *тут виноват ураган с красивым именем «Энджи»*, любовь зрительская она сильнее урагана! (ОЛМТ, 04.07.2025)

Может изменяться нарративная линия – автор предупреждает, что не будет касаться недостатков:

(8) Но всё же *на каких-то недостатках не хочется заострять внимание*, потому что в целом певица была хороша и роль удалась, а артистически было всё правдиво и прекрасно! (ОЛМТ, 09.07.2025)

Язык критического суждения также обращает на себя внимание вследствие использования большого количества минимайзеров, средств выражения субъективной модальности, коллоквиализации.

(9) Масштабный хор периодически двигался задом, было видно, что певцы боятся оступиться, наткнуться на какую-нибудь часть декорации и это их несколько напрягало, поскольку влияло на идеальное исполнение, а вообще хор звучал замечательно. <…> Амонасро *как-то сильно* треплет Аиду, требуя, чтобы она узнала у Радамеса о движении египетских войск – на полу это смотрелось *несколько неэстетично*. <…> По поводу сегодняшнего исполнения: оркестр под управлением Валерия Гергиева звучал шикарно, хор *почти безупречно*. (ОЛМТ, 07.02.2025)

Частотным является использование логического механизма выражения уступки, который объективируется посредством союзов *хотя, но*.

(10) Амброджо Маэстри обязательно слушать – неудивительно, что в зале было много студентов и даже кое-кто из коллег басов. Пел он своего фирменного героя, конечно, уже не так пронзительно чисто, как, скажем, лет 5-7 назад. Где-то переходил в рычание, где-то в фистулу. *Но* обыгрывал партию так, что не возникло вопросов, почему его очередной приезд в Россию – событие. Это настоящий оперный артист. Не солист, не певец, а именно артист, старой доброй школы и с соответствующим отношением к спектаклю и залу. (ОЛМТ, 18.03.2025)

(11) Не все вокалисты дотягивали до самой высокой планки, *но* при таком количестве персонажей идеально выровнять состав – задача вообще трудно исполнимая. (ОЛМТ, 16.03.2025)

(12) Сегодняшняя Турандот от Екатерины Семенчук была для меня загадкой, некоей интригой, ибо партия написана для драматического сопрано, а у Екатерины глубокое меццо. *Хотя*, её Лиза в "Пиковой даме" мне очень импонирует. (ОЛМТ, 02.03.2025)

(13) О постановке. Такое впечатление, что декорации не согласованы по стилю и эпохе. Последнее действие как будто из другой оперы. А декорации таверны выполнены в темным тонах, артистов не видно. *Но* все это было совершенно неважно, настолько увлекательной была игра. (ОЛМТ, 18.03.2025)

Важным инструментом для смягчения критического высказывания служат эмодзи – знаки эмотикона. Подчиняясь сформулированному Умберто Эко закону о том, что «вербальному языку недоступна полнота выражения» [Эко 2007, с. 33], авторы вводят в текст знаки, которые коррелируют с невербаликой в личной коммуникации и нацелены на уравновешивание негативного воздействия текста.

(14) Сложность, навороченность и подробнейшие детальки у каждого образа! (за исключением унылых Катерины и Данилы😊) (ОЛМТ, 07.02.2025)

(15) Костюмы на первый взгляд "богатые" (не знаю, до какой степени они соответствуют эпохе – 1519 году). У меня простой вопрос к постановщикам: почему придворные дамы одеты в одинаковые платья? Мужчины-военные могут носить одинаковую форму, но дамы? 🧐 (ОЛМТ, 11.07.2025)

Нередки случаи, когда текстуализация критики вовлекает средства нескольких уровней:

(16) Еще *какие-то* моменты *показались* "не потрясающими" 😊 *Но в целом, конечно,* это *просто праздник* какой-то..! (ОЛМТ, 26.09.2025)

Несмотря на то, что критика как выражение неодобрения представляет собой неотъемлемую часть отзыва, как было сказано выше, количество отзывов, содержащих критическое суждение, невелико, что гипотетически было связано со сложностью коммуникативной задачи. Данное исследование, направленное на выявление инструментов текстуализации критического суждения, то есть того, как производится отрицательная оценка в жанре театрального интернет-отзыва, подтверждает первоначальную гипотезу и позволяет заключить, что все инструменты текстуализации вежливой критики направлены на смягчение отрицательной, неодобрительной тональности, создание которой влечет за собой критическое суждение. Однако следствием оказывается то, что коммуникация теряет свою правдивость и честность, приобретая некоторую неестественность и переходя в разряд того, что С. Аттордо именует non-bona fide communication [Attardo 2020, с. 133]. Таким образом, автор отзыва, содержащего вежливую критику, старается свести критические замечания в область несерьезной коммуникации, преумаляя степень суровости замечаний или пытаясь объяснить их потусторонними причинами.

Список литературы

1. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 507 с.

2. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб: Александрия, 2007. – 423 с.

3. Attardo S. The Linguistics of Humor. An Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – [XXI], 465 p.

4. Kramsch C. Language and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – [X], 134 p.

5. Silverstein M. Texts, Entextualized and Artifactualized: The Shapes of Discourse // College English, Volume 82, Number 1, September 2019. – Pp. 55-76.

Источники практического материала

ОЛМТ – Общество любителей Мариинского театра. – URL: https://vk.com/mariinsky.friends.

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; svet_victoria@mail.ru; +7 (812) 329–08–92.

Ivanova Svetlana Viktorovna; Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; svet_victoria@mail.ru; +7 (812) 329–08–92.

УДК 81.811.161.1+81'42+81’22+81’23

Реализация модусной категории оценки в медийном дискурсе с помощью метафорических номинаций

Лариса Валентиновна Калашникова
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, профессор кафедры английского языка института иностранных языков, доктор филологических наук, Орел, Россия, lkalashnikova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли метафорических номинаций в процессе реализации модусной категории оценки в рамках медийного дискурса. Полученные результаты дают основания рассматривать метафору как инструмент воздействия, которое делает медийный дискурс эффективным и доходчивым до сознания индивида и общества в целом.
Ключевые слова: медийный дискурс, концепт, понятийный компонент, оценочный компонент, метафора, номинация

The Implementation of the Modal Category of Evaluation in Media Discourse through Metaphorical Nominations

Larisa V. Kalashnikova
Oryol State University named after I. S. Turgenev, professor of the English Language Department, Foreign Language Institute, Professor of Philology, Oryol, Russia, lkalashnikova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of metaphorical nominations in the process of implementation of the modal category of evaluation within media discourse framework. The results obtained provide grounds to consider metaphor as a tool of influence that makes media discourse effective and accessible to the consciousness of both the individual and society as a whole.
Keywords: media discourse, concept, conceptual component, evaluation component, metaphor, nomination.

Когнитивная наука во главу угла ставит взаимосвязь речевой и когнитивной деятельности, рассматривая язык в структуре лингвоментального механизма [Будаев, Чудинов 2013, с. 6–13]; [Скребцова 2018]; [Cuccio, Steen 2018, p. 133–137]; [Gentner, Mutsumi, Boroditsky 2002, p. 537–565]; [Rasse, Onysko, Citron 2020, p. 310–342] как особое средство воздействия на сознание. Наряду с описанием и изучением систем представления знаний, процессов обработки и переработки информации, изучением когнитивных способностей человека особое внимание уделяется ментальным процессам при восприятии, осмыслении, познании действительности сознанием; видам и формам их ментальных репрезентаций [Rugg, Renoult 2025].

Процессы в когнитивной лингвистике часто описываются с помощью базовой единицы — концепта. Существующие на сегодняшний день подходы к исследованию концепта можно свести к следующим направлениям: лингвистический (Вежбицкая А., Чернейко Л. О., Ляпин С. Х. и др.), лингвокогнитивный (Алефиренко Н. Ф., Бабушкин А. П., Кубрякова Е. С., Попова З. Д., Стернин И. А., Пименова М. В. и др.), лингвокультурологический (Степанов Ю. С., Арутюнова Н. Д., Воркачёв С. Г., Карасик В. И., Телия В. Н. и др.), психолингвистический (Лурия А. Р., Выготский Л. С., Залевская А. А. и др.).

Современную жизнь нельзя представить вне медийного пространства. С развитием средств массовой информации, переходом медийной информации на просторы интернет ушли в прошлое обсуждение новостей на кухне и посиделки на завалинке. Средства массовой информации превратились в сложное явление, оказывающее постоянное воздействие на сознание, образ жизни, поведение как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Их безграничная власть распространяется на культурную жизнь, пищевые привычки, моду, семейные отношения и здоровье, новости мирового и местного масштаба, политические и каждодневные события. «Яркий фон медийной коммуникации порождает медиадискурс, представляющий собой сложный феномен, речемыслительную деятельность и понимаемый как совокупность условий и особенностей производства, распространения и восприятия медиатекста» [Коновалова 2018]. По мнению Добросклонской Т. Г. медийный дискурс – «функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2014]. Целью медийных текстов как продуктов медиадискурса является не только информирование читателя, но и воздействие на него определенным образом при интерпретации событий и явлений реального мира.

Знания людей об объективной действительности представлены в виде концептов, абстрактных ментальных структур, хранящих опыт из разных областей деятельности. Концепт как продукт сознания содержит информацию о фрагменте реального мира и включает понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик 2002]. Ядерный слой концепта несет наиболее значимые понятийные признаки. Как правило, в образном компоненте содержится базовый чувственный образ, так называемый «универсальный предметный код», а аксиологические признаки: оценка объекта, явления, соответствие или несоответствие принятым в обществе нормам заключаются в ценностном компоненте концепта. Периферия представлена менее существенными ассоциациями и смыслами, легко трансформируемыми под воздействием происходящих явлений и фактов. На основании схожести тех или иных категориальных признаков концепты могут объединяться в концептуальные метафоры, которые способствуют переосмыслению информации, ее фиксации в языке и лаконичности передачи в процессе коммуникации, эмоциональному воздействию на адресата.

В послании Федеральному собранию президент РФ Путин В.В. обратил внимание на «недружественные акции некоторых стран по отношению к России» и сравнил «задирающие Россию страны с шакалом Табаки, крутящимся вокруг тигра Шерхана» [Гунеев 2012]. Метафора оказалась настолько яркой и точной, что вызвала мощный резонанс как в политическом мире, так и в медийном дискурсе.

Политические деятели в образе Шерхана довольно быстро и безошибочно узнали США [Мирзоян 2021]. В медийном дискурсе понятийные признаки концепта «тигр Шерхан» переосмысливаются под воздействием экстралингвистических факторов. Если Шерхан-тигр убивал своих жертв, добывая себе пропитание, то Шерхан-США убивает изощренно, ради наживы, стремясь к политическому и экономическому господству.

США стали очень «избирательными в выборе жертв. охотятся лишь на слабых и медленных», добивают тех, «кто страдает от коронавируса, организовывая покушения» на неугодных им иностранных лидеров, отгоняют других от законной добычи: «инициируют масштабные пропагандистские и шпионские кампании», претендуют на мировое лидерство.

Расстановка сил на политической арене свидетельствует о том, что вопрос «кто же Шерхан» сегодня весьма спорный. Не отрицая претензий США, «заокеанского хозяина», на мировое господство, стоит обратить внимание на факт, что страны ЕС все чаще и громче заявляют о своих претензиях на роль «коллективного Шерхана». Самый главный вопрос, вставший перед мировой политической общественностью, а кто же Табаки, заставил поволноваться многих. Западные политики стали лихорадочно примерять образы [Перла 2021], в которых узнали себя.

Аллюзия к персонажу известной сказки сделала образ шакала из сказки метафорическим. В международной политике полно Табаки: Чехия действует как «большая, нынешняя Украина шакалит напропалую, не видит для себя другого счастья, кроме американских объедков…от подержанного оружия до подержанной же антирусской риторики», Польша, которая сделала ставку на то, что «станет щитом и мечом, на деле ведёт себя совершенно так же, как Чехия, лает на Россию, пока уверена в своей безопасности» [Перла 2021].

Образ шакала отлично подходит странам Прибалтики, отличающимся особым недостойным, агрессивным и русофобским поведением. «Старый Свет …в лице «трибалтов» вырастил собственную погибель» [Орлов 2025]. Эффект когнитивной языковой игры: «трибалты» – три маленькие Прибалтийские страны, объединившиеся против России, коалиция прибалтийских тройняшек [Стрельников 2025], достигается за счет пренебрежительного жаргонизма.

Метафора «прибалтийские табаки» быстро устанавливает ассоциативную связь с персонажем сказки Р. Киплинга «Книги джунглей», т. к. образ, с детства хранящийся в сознании человека, очень прочный и быстро узнаваем. Р. Киплинг наделил Табаки самыми порочными качествами: пронырливость, недружелюбность, лесть и подхалимство, трусость, готовность к подлости, воровству и сплетням, которые превращают образ в нарицательный. Обитатели джунглей не любят его, но и боятся его. Заболев бешенством, он кусает всех, кто оказывается на его пути. При этом он не обделен хитростью и умом, иногда прикидывается тупым, но с ним нужно быть осторожным, он знает гораздо больше, чем о нем думают. Табаки не гнушается объедками со стола Шерхана, считается его прихвостнем и всегда его сопровождает, но, если будет выгодно, легко, не задумываясь, предаст своего господина.

В медийном дискурсе концепт «табаки» приобретает новые качества: мстительность по отношению к «ненавидимой ими России, злость от презрения и унижений», стремление к власти и получение должностей, объект опасности. Страны Старого Света, дав полномочия странам Прибалтики, вырастили «собственную погибель». Прибалтийские табаки-оборотни, «периферийные политики и захолустные госслужащие», очень быстро меняют свое обличье, превращаясь из прихвостня, заискивающего перед европейскими странами, в господина «комиссара Европейского союза по вопросам евро и социального диалога». Добавляется эмоционально-оценочная модальность.

Страны Прибалтики сравниваются с «прибалтийскими тиграми». Первоначально, значение слова «тигр» в русском языке – обозначение животного, его этимологические корни указывают на связанные с ним качества – быстроту и остроту. Понятийный компонент содержит следующие признаки: самый крупный хищник семейства кошачьих, обитает в определенных регионах Азии. Метафорические значения «тигр»,

часто связаны с физическими характеристиками (сила, скорость) и историческими представлениями о нем (символ храбрости и силы в различных культурах).

В медийном дискурсе с точки зрения событийного аспекта метафора «прибалтийские тигры» актуализирует совершенно другой смысл, имплицитно указывая на политическое бессилие стран Прибалтики. В политике *тигры* – страны с быстрым экономическим ростом, например, Азиатские тигры (Гонконг, Сингапур, Южная Корея, Тайвань) и Балтийские тигры (Эстония, Латвия, Литва). Несмотря на то, что тигр – символ силы, влиятельности, уверенности в себе и т. д.: «любому более или менее здравомыслящему человеку понятно, что ни в политическом, ни в экономическом, ни тем более в военном плане прибалтийские «тигры» не оказывают даже мизерного влияния на реальные расклады коллективного Запада в целом, и Европейского союза, в частности» [Орлов 2025]. Сегодня от «прибалтийских тигров» ничего не осталось. Ради российской истерии они жертвуют остатками своей экономики.

Получив рычаги власти, люди, не отличающиеся выдающимися способностями, осознали свой «звездный час, когда они смогут отомстить своим обидчикам. Но самым забавным в данной ситуации является то, что их мстительные устремления направляются не только в сторону ненавидимой ими России» [Орлов 2025], в категорию обидчиков включены и их «боссы, старые европейцы».

Страны Прибалтики сравниваются со злобным ничтожеством и злым карликом. Если в начале века образ карлика воспринимался как «образ изгоя, уже к XX веку он превращается в метафору нацизма и рассматривается как символ иррациональной части человеческого сознания, которая торжествует во время войны, эпидемии чумы, государственного хаоса» [Кобленкова 2014, с. 192]. Признаки не только физической, но и умственной, нравственной убогости, исступленной русофобии и агрессии очень четко и емко характеризуют страны Прибалтики, которые после вступления в ЕС превратились в орудие для реализации самых грязных замыслов и провокаций.

В итоге, концепт «прибалтийские тигры» приобретает следующие негативные признаки: политическое бессилие, мстительность, агрессия, исступленная русофобия, орудие для реализации самых грязных замыслов и провокаций, символ иррациональной части человеческого сознания, умственной, нравственной убогости.

Образ «боевых хомячков» вызывает иронию. Намеренное использование диминутивного суффикса указывает на небольшие размеры этих стран по сравнению со странами Старого Света. Суффиксы диминутивы – маркеры языкового сознания говорящего или пишущего, передают субъективно-оценочное суждение. Имеет место речевая дискредитация.

В политических джунглях страны Прибалтики «мельче чем Табаки и противнее». Они хотят, чтобы их заметили, для этого проявляют высокую степень агрессии по отношению к России. Эти «хомячки» опасны для окружающих, в том числе и для друзей, стран Старого Света. Они не щадят никого из-за комплекса убогости, который проявляется в осознании собственной неполноценности, в том числе и интеллектуальной, выражающейся в претензии на избранность, в требовании исполнения воли и подчинения.

В медийном дискурсе понятийный аспект концепта «хомяк» получает следующее семантическое расширение: злоба из-за комплекса убогости, неполноценность, агрессия, опасность для окружающих, претензии на избранность, требование исполнения воли и подчинения.

В фокус метафоры «хомячки» выводится концептуальный признак модели поведения – гиперагрессия, кроющаяся в маленьком и тщедушном зверьке-обжоре, для метафоры «табаки» подлость, предательство, лицемерие; для метафоры «тигры» политическое бессилие и бесполезность. Имплицитно актуализируется негативный

оценочный компонент. Все очевидно, недружественное поведение несовместимо с установленными нормами и подлежит осуждению.

По мере увеличения размеров животного снижается уровень морали и степень значимости Литвы, Латвии и Эстонии как государств после их вступления в ЕС, но растет осознание собственной важности в политических процессах. Это пример проявления действия универсальной понятийной категории – градуальности, отражающей субъективные представления человека о степени проявления свойств объекта, основанные на знаниях и опыте, и тесно связанной с модусными категориями оценки.

Страны Европы, переложив на периферийных политиков и захолустных госслужащих Прибалтики «бумагоперекладывательные обязанности», раздавая бюрократические должности вроде «комиссар Европейского союза по вопросам евро и социального диалога, вдруг обнаружили, что аппарат Еврокомиссии превратился в клуб выходцев из Прибалтики» [Орлов 2025]. Как правило, клуб объединяет людей по интересам: деловым, познавательным, развивающим, развлекательным, денежным.

Метафоры устанавливают множественные ассоциации между объектом и его наименованием, причем внимание сознательно акцентируется на негативных характеристиках и действиях объекта. Поступки депутатов сеймов Литвы, Латвии и Эстонии совершенно неадекватны. Они, потеряв моральные принципы, вмешиваются в дела других государств, поддерживают нелегитимных президентов: «полку нелегитимных прибыло».

В контексте происходящих событий, с позиции здравого смысла страны Прибалтики, возомнившие себя неким «И.О. гендиректора по Европе» [Орлов 2025], нездоровы. Об этом красноречиво говорит метафора «трибалтийские вымираты», акцентирующая внимание на негативных тенденциях развития: серьезные внутренние проблемы, милитаризация страны, падение уровня жизни, катастрофическое уменьшение населения на фоне углубляющегося демографического кризиса, миграции в поисках лучшей жизни, депортации русскоязычного населения и т. д. За счет языковой игры «вымираты – эмираты» достигается аллюзия с Арабскими Эмиратами, группой небольших арабских стран, являющихся мировым лидером по добыче нефти и уровню жизни. Имплицитно представляется не только фактологическая информация и убедительные доказательства, но и дается отрицательная оценка.

Были выделены метафоры, относящиеся к области «болезнь: шизофреническая эскапада, белая горячка, маразм». Концепт болезни рассматривается как событие (культурное или биологическое). В рамках пространственной ориентации это движение вниз, связанное с упадком, деградацией. Понятийный компонент концепта «болезнь» – нарушение нормальной жизнедеятельности организма, расстройство здоровья, отклонение от нормального развития, повреждение, разрушение, то множество различных элементов, которые отражают ее сущность, в медийном дискурсе получает семантическое расширение. В медийном дискурсе названия заболеваний, связанных с нарушением психической деятельности, исчезновением индивидуальных черт личности, ухудшением приспособляемости к различным условиям, потерей трудоспособности и т. д.: «шизофреническая эскапада, белая горячка, маразм» приобретают статус метафор.

В контексте сложившейся ситуации, страны Прибалтики, находясь в состоянии полной экономической, моральной и интеллектуальной деградации, не осознавая собственной неполноценности, безумны в своих претензиях на мировое господство.

В медиадискурсе позиционируется негативный образ стран Прибалтики и мирового сообщества. В соответствии с определением Толкового словаря психиатрических терминов налицо симптомы мегаломании (мания величия), психической ненормальности, выражающейся в преувеличенном мнении больного о себе, своих достоинствах и способностях, которая проявляется на фоне шизофрении.

Обладая самым ограниченным суверенитетом в масштабах Евросоюза, страны Прибалтики вмешиваются во внутриполитические процессы других стран. Самоуверенность выражается в абсурдных устремлениях продолжения войны с Россией даже вопреки воле Вашингтона, повышении «трампоустойчивости» Североатлантического альянса», в мечте создать коалицию из Литвы, Эстонии, Латвии, Великобритании и скандинавов для защиты Украины [Орлов 2025]. Окказионализм «трампоустойчивость» подчеркивает политическую самоуверенность стран Прибалтики и их стремление выработать иммунитет к политике президента Америки. Слишком громки и абсурдны заявления о планах по блокаде Калининграда и блокировке российского судоходства под предлогом «безопасности коммуникаций» [Орлов 2025]. Они противоречат здравому смыслу, поэтому все происходящее сравнивается с балаганом.

За счет экстралингвистического и дискурсивного контекста, личных коммуникативных установок и интенций автора, актуализации внутренней формы метафор конструируется фрагмент политической реальности: Прибалты, заразившись манией величия, русофобией неспособны разумно и здраво оценивать свои силы.

Мания величия проявляется в уверенности в том, что «Балтийское море выступит в роли следующей арены геополитического противостояния с Российской Федерацией» [Орлов 2025]. Всем известно, что Балтийское море ассоциируется со странами Прибалтики. С очевидным сарказмом Балтийское море сравнивается с «Балтийской лужей. Для Вооруженных сил России это даже не тир» [Орлов 2025]. Это аллюзия на «Маркизову лужу» – ироничное название Невской губы Финского залива в среде офицеров балтийского флота в XIX веке и связано с именем морского министра России маркизом де Траверсе. При нем все дальние морские походы прекратились, а манёвры и учения кораблей балтийской эскадры проводились лишь в восточной части Финского залива на мелководье. Метафора «Балтийская лужа» скрывает в себе критику и злую насмешку и порождает эффект комизма. Внезапно осмелевшую «могучую кучку» [Орлов 2025] ожидает большое разочарование. Эта метафора может рассматриваться как пример речевой стилистической фигуры оксюморона. Иронический подтекст возникает в результате совмещения двух контрастных понятий «могучая» и «кучка». Весь комизм ситуации: угрожать России – это абсурд, «бой между младенцем и чемпионом по боксу» [Орлов 2025], слишком различны весовые категории. Противопоставление метафор «младенец и чемпион по боксу», имеющих в своей основе различные сферы-источники, в медийном дискурсе активизирует значимые осознаваемые фрагменты опыта [Карасик 2002]. Попытка стран Прибалтики противостоять России безумна. В фокус метафоры выводится концептуальный признак «победитель», из определения «младенец» – признак «беспомощный».

В контексте событий противопоставление метафор «младенец» и «чемпион по боксу» в медийном дискурсе вносит новый элемент знания в концептуальную структуру «страны Прибалтики», ведет к переосмыслению и изменению представлений об окружающей действительности.

Медийный дискурс отражает реальную расстановку политических сил на международной арене после вступления стран Прибалтики в НАТО, когда зазвучали гигантские пропагандистские амбиции и воинствующая риторика, но полное отсутствие как возможностей осуществлять собственную военную политику, так и экономического потенциала делает страны Прибалтики беззащитными, именно поэтому: «поладить с Россией – это очень хорошая идея» [Орлов 2025]. Отвечая на вопрос «так кто же табаки», полагаем, что результаты исследования дают основание сделать вывод: страны Прибалтики не табаки, а воинствующие хомячки, страдающие от комплекса убогости.

Таким образом, в результате исследования роли метафорических номинаций в процессе реализации модусной категории оценки в рамках медийного дискурса были сделаны следующие выводы.

1. В медийном дискурсе, представляющем единство лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих изменению и обновлению имеющихся ментальных представлений о фрагментах действительности, понятийный компонент концепта приобретает новое содержание.

2. За счет метафорических номинаций, стилистических приемов (например, когнитивной языковой игры, приемов градации, окказионализмов, словообразовательных элементов и т. д.) в качестве маркеров языкового сознания индивида, создается эффект образности и экспрессивности, устанавливается обратная эмоциональная связь с аудиторией, создается эффект убедительности транслируемой информации.

3. Разное прочтение образа, основанного на одном метафорическом концепте, обеспечивается выведением в фокус метафорического переноса нужных автору концептуальных признаков, предпочтение отдается негативной модальности. Метафорические номинации, связывая новые идеи с известными концепциями, изменяют ассоциативное поле, направляют концептуализацию аудитории в нужное русло и оказывают значительное эмоциональное воздействие на реципиента, обладают мощным манипулятивным, прагматическим и когнитивным потенциалом.

Список литературы

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты. // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. №1(110). С. 6–13. URL: http://hdl.handle.net/10995/18228. (дата обращения: 08.09.2025).

2. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). М.: Издательский Дом ЯСК. 2018. 392 с. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/publications/691. (дата обращения: 08.09.2025).

3. Cuccio V., Steen G. Metaphor in language, cognition, and communication: Attention to metaphor: From neurons to representations. Amsterdam and Philadelphi: John Benjamins. 2018. P.p. 133–137. URL: https://doi.org/10.1075/milcc.7 (дата обращения: 18.09.2025).

4. Gentner D., Imai M., Boroditsky L. As time goes by: Evidence for two systems in processing space → time metaphors. // Language and Cognitive Processes. 2002. 17(5). P.p. 537–565. URL: https://doi.org/10.1080/01690960143000317 (дата обращения: 18.09.2025).

5. Rasse C., Onysko A., Citron F. Conceptual metaphors in poetry interpretation: a psycholinguistic approach. // Language and Cognition. 2020. Vol. 12. Issue 2. P.p. 310–342. Cambridge University Press. URL: https://doi.org/10.1017/langcog.2019.47 (дата обращения: 19.09.2025).

6. Rugg M. D., Renoult L. The Cognitive Neuroscience of Memory Representations. 2025. 39 p. URL: https://doi.org/10.31234/osf.io/wvsuz_v1 (дата обращения: 19.09.2025).

7. Коновалова М. В. К вопросу о понятиях медиатекста и медиадискурса. // Филология: научные исследования. 2018. №3. С.212–219. https://doi.org./10.7256/2454-0749.2018.3.26685 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26685 (дата обращения: 19.09.2025).

8. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия:

Гуманитарные науки. 2014. №13(184). С. 181-187. URL: https://core.ac.uk/reader/151226412 (дата обращения: 20.09.2025).

9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 2002. 477 с. URL: https://www.phantastike.com/linguistics/yaz_krug_lichnost_kontsepty_diskurs/djvu/view/. (дата обращения: 19.09.2025).

10. Гунеев С. Вокруг Шерхана крутятся табаки: Путин высмеял задирающие Россию страны. РИА Новости 21.04.2021. URL: https://ria.ru/20210421/kipling-1729267652.html (дата обращения: 17.09.2025).

11. Мирзаян Г. Яркая метафора Путина описала положение США и их вассалов. Политика. URL: https://vz.ru/politics/2021/4/21/1095814.html (дата обращения: 17.09.2025).

12. Перла А. Код от Путина: «Встань, когда с тобой говорит Человек». Кто сегодня Шерхан, кто Табаки, кто обезьяны. Первый русский. 22.04.2021 URL: https://tsargrad.tv/articles/kod-ot-putina-vstan-kogda-s-toboj-govorit-chelovek-kto-segodnja-sherhan-kto-tabaki-kto-obezjany_347727 (дата обращения: 17.09.2025).

13. Орлов В. Комплекс убогости: Прибалтийские боевые хомячки берут власть в Европе. Свободная пресса. Политика / Евросоюз и Еврозона 08.02.2025. URL: https://svpressa.ru/politic/article/450111/. (дата обращения: 17.09.2025).

14. Стрельников К. Идеальный момент настал: прибалты наконец жестоко отомстят России за все. РИА Новости 25.01.2025. URL: https://ria.ru/20250125/pribalty-1995351704.html. (дата обращения: 17.09.2025).

15. Кобленкова Д. В. Метафоры роста: карлики в шведской литературе XX века. // Вестник ННГУ. Филология. 2014. №2(2). С. 191–194. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2014_-_2-2_unicode/40.pdf (дата обращения: 17.09.2025).

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; lkalashnikova@inbox.ru; +7 (903) 6374205.

Kalashnikova Larisa Valentinovna: Doctor of Philology, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; lkalashnikova@inbox.ru; +7 (903) 6374205.

УДК 81

Символизация пыли и праха в языковом сознании

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; доктор филологических наук, профессор; декан филологического факультета; vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается символизация пыли и праха в русском и английском языковом сознании. Понятийные характеристики этого материального объекта сводятся к обозначению совокупности мельчайших частиц, которые носятся в воздухе, или возникают при обработке твердых предметов, или оседают на поверхности. Перцептивно-образное осмысление пыли и праха уточняет физические,

операциональные и утилитарные признаки этой субстанции. В русской языковой картине мира существует двойственное обозначение этого концепта – обиходно-бытовое («пыль») и ритуальное («прах»), в английской лингвокультуре он обозначен одним словом (“dust”). Оценочные смыслы этого концепта акцентируют идеи малости, незначительности и грязи, прах противопоставлен жизни и духу. В поэтических текстах пыль ассоциируется со странствиями, пустыней, затхлостью, ее можно смыть, прах подразумевает увядание и мимолётность.

Ключевые слова: символ, концепт, понятие, образ, ценность.

Symbolization of dust and ashes in language cognition

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Doctor of Philology, Professor, the Dean of the Philological Faculty; vkarasik@yandex.ru

Abstract. The symbolization of dust and ashes in Russian and English language cognition is considered. The conceptual characteristics of this material object are reduced to a collection of tiny particles that are carried in air, or arise during the processing of solid objects, or settle on the surface. The perception of dust and ashes clarifies the physical, operational and utilitarian features of this substance. In the Russian language world picture there is a dual designation of this concept – everyday-domestic (‘dust’) and ritual (‘ashes’), in English linguiculture it is denoted by one word (dust). The evaluative meanings of this concept emphasize the ideas of smallness, insignificance and dirt, ashes opposed to life and spirit. In poetic texts, dust is associated with wanderings, deserts, dullness, it can be washed away, ashes imply wilting and transience.

Keywords: symbol, concept, notion, image, value.

Символизация как образно-оценочное осмысление важных идей привлекает к себе внимание многих исследователей. В семиотике символ трактуется как знак, содержащий некую программу выполнения определенных действий [Бразговская 2008; Моррис 2001; Пирс 2000], в концептологии символ понимается как свернутое отражение фрагмента осмысливаемого мира [Колесов 2004; Пименова 2007], в герменевтике символ объясняется как образ с высокой ценностной значимостью, допускающий многомерное толкование [Аверинцев 1983; Лосев 1995]. В данной работе с герменевтических позиций рассматривается языковое осмысление пыли и праха в обиходном и поэтическом тексте на материале русского и английского языков. В основу работы положено следующее предположение: символизация пыли и праха развивается как осмысление распада. Такое осмысление включает антиномии, эвфемистические замещения и является одним из базовых аксиологических векторов отрицательной оценки [Вольф 1985; Воркачев 2024; Дементьев 2013; Карасик,2019; Леонтович, 2022; Маркелова 1996].

Обратившись к толковым словарям, констатируем следующее.

Пыль – 1. Мельчайшие сухие твёрдые частицы, носящиеся в воздухе или осевшие на поверхность предметов. 2. Мельчайшие частицы, получившиеся при обработке или измельчения чего-либо, мелкая порошкообразная масса. 3. Пыльца, клетки, развивающиеся в пыльниках тычинок и участвующие в размножении растений (БТС).

Прах – 1. *Высок*. Тело человека после смерти; останки, труп. 2. *Книжн*. О том, что недолговечно, ничтожно, малоценно. 3. *Трад.-поэт*. Мельчайшие частицы чего-либо; пыль (БТС).

Этимология этих слов свидетельствует о следующем развитии их значений. Лексема «пыль» представляет собой вариант слова «пыл» («жар», «пена», «пламя»), общей основой которых является и.-е. *p(h)u-, «дуть», откуда также «пыхать», «пух» (Фасмер). Отсюда, кстати, и метафорическое обозначение человека, который легко переходит в раздражение и гнев – «вспыльчивый». Слова «прах» и «порох» восходят к и.-е. корню *prs-, «брызги», «пузыри», «снежинки», «пёстрый», «перхоть» и др. (Черных), т.е. в основе лежит идея множества мелких частиц. От движения воздуха поднимаются и затем оседают мелкие частицы, в результате возникает масса этого вещества, которое воспринимается как грязь. Метафорически это переосмысливается как труп и мусор. Общим понятийным компонентом семантики этих слов является идея мельчайших частиц сухого вещества, отсюда возникает идея распада и ничтожности чего-либо.

Dust – 1. Dry powder consisting of extremely small bits of dirt that is in buildings on furniture, floors etc if they are not kept clean. 2. Dry powder consisting of extremely small bits of earth or sand. 3. Powder consisting of extremely small bits of a particular substance (LDCE).

Этимология этого слова показывает его развитие из германского корня dunst – vapour; the primary notion being app. that which rises or is blown in a cloud, like vapour, smoke, or dust (OED). То, что поднимается и разносится как пар, дым или пыль. Впоследствии под влиянием сказания о сотворении человека в семантике этого слова возникло одно из его осмыслений как исходного праха.

В дефинициях отражены следующие признаки рассматриваемого объекта: 1) мельчайшие частицы, 2) сухого вещества, 3) которые носятся в воздухе, 4) оседают на поверхности предметов, 5) получаемые при измельчении чего-либо, 6) пыльца растений.

Образно-перцептивное осмысление пыли можно увидеть в высказываниях о ней. Приведем примеры из «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и «Британского национального корпуса» (natcorp.ox.ac.uk).

В текстовых иллюстрациях уточняются признаки пыли.

Называются вещества, образующие пыль:

Сегодня шахтера на улицах Кемерова узнать несложно: степенный человек средних лет с въевшейся вокруг глаз угольной пылью (К. Анохин).

В ногу, в ногу, отбивая шаг, двинулся строй, вздымая известковую пыль (Г. Бакланов).

У Бранденбургских ворот грохотали взрывы, поднимались облака кирпичной пыли, сносили дома (Д. Гранин).

Вниз по Садовому кольцу время от времени задувал ледяной ветер, сдувая с тротуара небольшие вихри снежной пыли, и подгонял редких прохожих (Ф. Искандер).

Есть книжная пыль:

Конечно, чтобы попасть в Амстердаме в музей, нужно быть человеком недюжинной воли — шататься по улицам или плавать по каналам здесь гораздо интереснее, чем вдыхать академическую пыль (Е. Малик).

Пыль выглядит как слой пушистого вещества:

Но там лежал длинный плоский ящик, покрытый мягкой, толщиной в палец пылью (С. Юрский).

Пол, покрытый слоем пыли и мелкими-мелкими крошками бумаги, воду не принимал (В. Астафьев).

Ветер поднимает дорожную пыль:

Навстречу попался трактор, обдав велосипедиста клубами пыли (А. Варламов).

У пыли есть характерный цвет:

Ничего не осталось в этом доме, кроме серой пыли, плотно затянувшей старинную мебель (И. Муравьева).

Отмечен специфический запах пыли:

…когда со сцены тянуло запахом грима вперемежку с пылью и гас свет, у меня, как у лошади на манеже, начинало щипать в носу (С. Спивакова).

Дождливый октябрь, запах нафталина и пыли, коридор завален связками книг, узлами, чемоданами, мешками, свертками (Ю. Трифонов).

Пыль может быть вредной для здоровья:

Мелкая асбестовая пыль, появления которой нельзя избежать при добыче и переработке асбеста, является чрезвычайно опасной для органов дыхания (К. Перепелкин).

Пыль вредит и определенным предметам, в частности книгам:

Библиотекарь привычно заботился о своем богатстве — оберегал от пыли и сырости, от крыс и пожаров (В. Быков).

Пыль обычно убирают:

Екатерина Михайловна стояла на табурете и помахивала в воздухе свернутой картой советского наступления, чтобы стряхнуть с нее пыль (А. Геласимов).

…кактусы удобно очищать от пыли обычной кисточкой для рисования (Т. Булгакова).

Стружку и пыль при строгании, пыль и мелкий мусор при разборке и ремонте мягкой мебели рекомендуется удалять пневматическими переносными пылесосами (Т. Матвеева).

Обычно пыль поднимается при ремонте:

Однажды утром жители дома N 12 проснулись от шума и, увидев столбы пыли, поняли, что начался ремонт (И. Александрова).

Жители со своим скарбом разъезжались кто куда, потом притащился бульдозер и в считанные часы соскреб эти жилища с лица земли, превратив их в труху и пыль (А. Слаповский).

Пыльца растений плотно пристает к одежде:

Зыбин залез в куст степной полыни, и она обмарала его желтой, плотно пристающей пылью (Ю. Домбровский).

Примеры показывают, что образные признаки пыли сводятся к ее физическим свойствам, к обстоятельствам, вызывающим ее появление, и к действиям, связанным с уборкой пыли.

Образные признаки праха таковы.

Прах воспринимается как пыль:

Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва (М. Лермонтов).

Возвращались по-птичьи пугливые ветра и постилали степь ровным прахом (О. Павлов).

Отмечен специфический цвет праха:

Ветер налетал, тянул по асфальту струи бледного праха, мертвенно-белые бумажки, скачущие мячами пустые баллоны из-под летних напитков (О. Славникова).

Повсюду мертво лежали перекаленные желтые пустоши, и желтого-то в них не осталось, а была бесцветность праха, и травы не осталось, а был ее хрупкий остов (Д. Гранин).

У праха может быть особый запах:

Сначала поля заблагоухали телами юных растений, а потом, в июне, оттуда понесло прахом вянущих листьев и остротой скисающих от жаркого мора цветов: не было дождя (А. Платонов).

Прах часто воспринимается как остатки мертвого тела:

И уже после этого прах будет перевезен и захоронен на Волковском кладбище (А. Лебедев).

И так часто мы думаем о смерти как о мгновении, когда бессмертная душа вступает в Божественную жизнь, а тело распадается в прах (Антоний).

Но тут вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом (М. Булгаков).

Прах представляет собой порошкообразную массу и может быть развеян:

Некоторые народы хоронят своих мертвецов в воде или развеивают прах над водой, хотя, в сущности, никакой разницы между землёй и водой нет (В. Авченко).

Игорь нагнулся за рюкзаком, раскрыл его, проверяя целостность урны с прахом (А. Сальников).

Прах осмысливается как исходный материал для сотворения людей:

Подобно Адаму, все големы сотворены из праха (И. Плыткевич).

Уничтожить или рассыпать в пух и прах – значит уничтожить полностью:

Потом все наши сценарные планы уничтожались в пух и прах (Ю. Лепский).

И только вид безмятежно посапывающего во сне товарища рассыпает в прах ночные страхи (А. Растворцев).

В расширительном смысле прах – это нечто ничтожное:

Но на то и наука, чтобы из всякого праха выведать хоть что-то (С. Дробышевский).

Скажи мне, могу ли я немного поспорить с Тобой, хотя я пыль и прах, а Ты господин всего (А. Топорова).

Таким образом, образные признаки концепта «прах» отчасти совпадают с признаками ментального образования «пыль» (физические характеристики), но часто конкретизируются в виде мертвого тела или его остатков.

Аналогичные признаки видны в примерах на английском языке.

Определяется источник пыли:

Glass dust (silica) is one of the worst things to get into lungs. Стеклянная пыль (кремнезем) – одно из самых вредных веществ, попадающих в легкие.

It is very difficult for me to determine where and how the glass dust was being dispersed. Мне очень трудно определить, где и как рассеивается стеклянная пыль.

...the chalk dust in a rock climbing gym is not good for asthma. ...меловая пыль в скалодроме вредна для астматиков.

Пыль является частью пейзажа:

...something out of the American west: landscapes of the desert, sand and dust, the cowboy image, a muddy pickup truck, a whiskey and beer. ...что-то из американского запада: пейзажи пустыни, песок и пыль, образ ковбоя, грязный пикап, виски и пиво.

...the combination of sunlight dimmed and filtered through thick dust and smoke from disintegrating and burning buildings. ...сочетание солнечного света, тусклого и пропущенного сквозь толщу пыли и дыма от разрушающихся и горящих зданий.

Dust in the atmosphere has a major role in shaping the climate on Mars. Пыль в атмосфере играет важную роль в формировании климата на Марсе.

Отмечено, что пыль ассоциируется с мусором и требует очистки:

I had banana chips, walnuts and cereal just standing there gathering dust in a cabinet and I emptied them all in a bowl. У меня были банановые чипсы, грецкие орехи и хлопья, которые просто стояли и собирали пыль в шкафу, и я высыпал их все в миску.

After listening – you'll need to get up to wipe off the dust of the desert from your pants and shoulders. После прослушивания вам придется встать, чтобы вытереть пыль пустыни со штанов и плеч.

Пыль вредна для здоровья:

My lungs can not withstand dust and no one else's should either. Мои легкие не выдерживают пыли, и ничьи другие тоже не должны.

Есть специальные устройства для очистки помещений от пыли:

Second step is the use of a dust capture station to gather and control the dust while and where it is being created. Второй шаг – использование станции улавливания пыли для сбора и контроля пыли в процессе ее образования.

This is mostly a filter box with a fan to draw the dust away from the operator. В основном это фильтрующая коробка с вентилятором для отвода пыли от оператора.

Vacuuming will also get rid of the dust mites. Пылесос также поможет избавиться от пылевых клещей.

В примерах часто используется выражение *when the dust settles – когда пыль уляжется*, т.е. когда всё успокоится:

…his new owners I have heard are good people. Hopefully with time for the dust to settle maybe they can communicate and visit. …Его новые хозяева, как я слышал, хорошие люди. Надеюсь, со временем, когда пыль осядет, они смогут общаться и навещать его.

Now, the dust is finally settling, and it is blissfully quiet and mellow around our home. Сейчас пыль наконец-то осела, и в нашем доме стало блаженно тихо и спокойно.

В английском языке *dust* означает не только обиходную пыль, но и прах, в том числе и тот, из которого создан человек согласно Библии:

He created him from dust, then said to him, "Be," and he was. Он создал его из праха, потом сказал ему: «Будь», и он стал.

As Daniel says, "And many of those who sleep in the dust of the earth shall awake, some to everlasting life". Как говорит Даниил, «и многие из спящих в прахе земном пробудятся, и некоторые пробудятся к жизни вечной».

Соответственно, превратиться в пыль – значит исчезнуть:

When all the great houses fall from favor and are turned to dust we shall remain. Когда все великие дома впадут в немилость и превратятся в прах, мы останемся.

В переносном смысле «поднимать пыль» значит совершать что-либо:

Am I supposed to be sorry that I lift dust where my footsteps once were? Должен ли я сожалеть о том, что поднимаю пыль там, где когда-то были мои шаги?

Когда хотят подчеркнуть, что кто-либо вышел из социальных низов, используется выражение *to crawl out of the mud and dust – выползти из грязи и пыли:*

…a population of poor, ignorant crackers crawled out of the mud and dust to find themselves wealthy car dealers and strip mall magnates …из грязи и пыли выползли бедные, невежественные кретины, чтобы стать богатыми автодилерами и магнатами торговых центров.

В дополнение к тем признакам, которые выделены в примерах на русском языке (физические, операциональные и утилитарные характеристики пыли), в английских примерах можно увидеть расширительное осмысление этой субстанции как исходного праха, из которого был создан человек.

Оценочные характеристики рассматриваемого концепта даны в аксиологически маркированных высказываниях, прежде всего – в пословицах и афоризмах.

Следует знать, что большое возникает из малого: *И пыль может образовать гору. В иных руках и горсть пыли в золото превращается. Когда счастье улыбается, так и горсть пыли золотом обернется.*

Не нужно обращать внимания на нечто незначительное: *Придорожная пыль неба не коптит.*

За внешней суетой часто нет результата: *Пыль да копоть, а нечего лопать.*

Нужно соизмерять усилия и результат: *Бросая пыль, луну не скроешь.*

Маленькая неприятность доставляет много проблем: *Пылинка не видна, да выедает глаза.*

Всё ценное возникает из достойного источника: *Пословицы и поговорки из пыли не рождаются.*

Не следует искать неприятностей: *He that blows in the dust fills his eyes with it. Tom, кто дует на пыль, наполняет ею свои глаза (Кто сеет ветер, пожнет бурю).*

Не следует покушаться на святыни: *None ever took a stone out of the temple but the dust did fly in his eyes. Том, кто пытался вытащить камень из храма, получил лишь пыль в глаза.*

Нужно знать, что обиды запоминаются: *Injuries we write in marble, kindnesses in dust. Обиды высекаются в мраморе, добрые поступки остаются в пыли (Добро скоро забывается).*

Нужно знать, что люди падки на богатство: *Gold dust blinds all eyes. Золотая пыль всем ослепляет глаза.*

Нужно знать, что даже малые усилия важны: *Small rain lays great dust. Маленький дождь укладывает много пыли.*

Нужно знать, что из незначительных ошибок может возникнуть большая беда: *From that dust comes this mud. Из той пыли вышла эта грязь.*

Пыль в приведенных пословицах ассоциируется с чем-либо малым, незначительным и недостойным.

Образ пыли используется и в афористике.

Пыль ассоциируется с суетой и тщетой: *Не поднимайте пыли на жизненном пути (Пифагор). Музыка вымывает прочь из души пыль повседневной жизни (Б. Ауэрбах).*

В афористике используется синонимический коррелят слова «пыль» – «прах». Исходной ассоциаций является сказание о сотворении человека из праха:

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою (Бытие, 2:7). Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах (Экклезиаст, 3:20).

Эта идея комментируется в текстах разных авторов:

Так как создан ты из праха, в прах сойди, отбросив страх, / Ибо прах — твое жилище, ты в жилище этом — прах (А. Рудаки). Ты взвешивай слово на точных весах: / Бездушное слово – лишь ветер и прах (Х. Дехлеви).

В англоязычной культуре хорошо известно выражение "*Ashes to ashes, dust to dust" («Пепел к пеплу, прах к праху»)* – фраза с заупокойной службы англиканской Книги общих молитв (The Book of Common Prayer). Идея праха как смерти выражена в известной фразе Т.С. Элиота: *I will show you fear in a handful of dust (T.S. Eliot). – Я покажу тебе ужас в пригоршне праха.*

Значимым является метафорический перенос «пыль забвения»: *Все в мире покроется пылью забвенья, / Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья: / Лишь дело героя да речь мудреца / Проходят столетья, не зная конца (А. Фирдоуси).*

В более оптимистичном ключе пыль осмысливается в следующих афоризмах: *Назвался пылесосом, не жалуйся на пыльную работенку (Ц. Меламед). Со временем пыль превращается в почву (Д. Квиллар).*

Заслуживает внимания ироничный афоризм:

Завещал себя похоронить, а имущество кремировать и распылить над всеми родственниками (Г. Малкин).

Таким образом, аксиологическое осмысление пыли и праха акцентирует идею малости, незначительности и грязи.

В русской поэзии пыль осмысливается как нечто конкретное и чувственно воспринимаемое:

С веселых струн во дни покоя / Походную сдувая пыль, / Ты славил, лиру перестроя, / Любовь и мирную бутыль (А.С. Пушкин).

Молю, да снидет день прохладный / На знойный дол и пыльный путь, / Чтоб мне в пустыне безотрадной / На камне в полдень отдохнуть (М.Ю. Лермонтов).

Так блудный сын срывает с плеч сорочку, / Так соль морей и пыль земных дорог / Благословляет и клянет пророк, / На ангелов ходивший в одиночку (А.А. Тарковский).

В приведенных примерах речь идет о дорожной пыли. Пыль ассоциативно связана с походами, пустыней, плаванию по морям. Интересно тактильное описание пыли:

Опять бреду я босоногий, / По ветру лоснится ковыль. / Что может быть нежней, чем пыль / Степной, разъезженной дороги? (М. А. Волошин).

Пыль может получать и расширительное толкование:

Вперед же, солдатская песня пира! / Открылся поход. За стеной враги. / А мы постарели. — И пылью мира / Покрылись походные сапоги (Э. Г. Багрицкий).

На пыльных тропинках далёких планет / Останутся наши следы (В. Н. Войнович).

В поэтическом тексте пыль обыденной жизни противопоставлена приключениям:

Чья не пылью затерянных хартий, – / Солью моря пропитана грудь, / кто иглой на разорванной карте / Отмечает свой дерзостный путь (Н.С. Гумилёв).

Пыль ассоциируется с книжной мудростью и отчасти со смертью:

Рукой не прикоснулся я / К томам библиотеки пыльной, / Но радостен был для меня / Их запах, затхлый и могильный (В.Ф. Ходасевич).

Пыль сравнивается с невзгодами, которые можно убрать или смыть:

Огнем свободы пламенея / И заглушая звук цепей, / Проснулся в лире дух Алцея / И рабства пыль слетела с ней (Ф.И. Тютчев).

Сердца мне были точно ванна: / Прохлады взять и пыль омыть, – / И пролетала неустанно / Дней нескончаемая нить (Г. Шенгели).

Предельно широкий смысл вкладывается в образ пыли как безжизненного вещества:

Внутри у предметов – пыль. / Прах. Древоточец-жук. / Стенки. Сухой мотыль. / Неудобно для рук.

Пыль. И включенный свет / только пыль озарит. / Даже если предмет / герметично закрыт (И.А. Бродский).

Прах символизируется в русской поэзии как нечто нереальное или мёртвое:

Мои стихи скользнули в Лету. / Что слава мира?.. дым и прах! (А.С. Пушкин).

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит (А.С. Пушкин).

Прах противопоставлен духу:

К груди моей, / Младенец, льни: / Рождение – паденье в дни. / С заоблачных нигдешних скал, / Младенец мой, / Как низко пал! / Ты духом был, ты прахом стал (М.И. Цветаева).

Но при этом прах осмысливается как легкое вещество:

Твоя душа уже в цепях; / Ее коснулись вихрь и бури; / Моя – вольна: так тонкий прах / По ветру носится в лазури (А.А. Блок).

Как весел грохот летних бурь, / Когда, взметая прах летучий, / Гроза, нахлынувшая тучей, / Смутит небесную лазурь (Ф.И. Тютчев).

Прах – это материальный мир, который неизбежно стареет и увядает:

Я всюду шествую, минувшим окруженный. / Я вопрошаю прах дряхлеющей вселенной: / И грады, и поля, и сей безмолвный ряд / Рукою времени набросанных громад (Е.А. Боратынский).

Прах осознаёт свою мимолетность и временность:

Человек воскрешен из праха, / Сеет новые семена. / Но живет в ожиданье страха / И дает ему имена (А.П. Цветков).

Прах может воспарить по зову музыки:

Я на скрипочке играю, поднимая лёгкий прах. / Я не Байрон – просто ранен на колчаковских фронтах, / и на раненую ногу опираясь, бледный весь, / вот играю понемногу, зарабатываю здесь (Г.Л. Каневский).

Символизация пыли и праха в поэтическом тексте развивается в оппозициях жизни и смерти, души и материи, приключений и обыденности. Пыль осмысливается как нечто конкретное, прах – как отвлеченная идея материального мира.

В англоязычной поэзии осмысление неизбежной смерти традиционно выражается через образы пыли и праха. Эта идея видна в 108 сонете У. Шекспира:

So that eternal love in love's fresh case, / Weighs not the dust and injury of age, / Nor gives to necessary wrinkles place, / But makes antiquity for aye his page (W. Shakespeare). – Бессмертная любовь, рождаясь вновь, / Нам неизбежно кажется другою. / Морщин не знает вечная любовь / И старость делает своим слугою (Пер. С. Маршака).

С.Я. Маршаку пришлось пожертвовать некоторыми деталями исходного текста, а именно – описанием неизбежных следов старения, букв. «пыль и раны возраста». В другом переводе (на мой взгляд, менее удачном) мы видим более точное приближение к исходному тексту: *Так вечная любовь в своем теченьи / Не знает пыли и обид времен, / Не зрит морщин, – и в вечном обновленьи / След дряхлости в рабы ей присужден (Пер. М. Чайковского).*

Прах ассоциируется со смертью:

Such was my own belief and trust; / This hand, this hand that holds the pen, / Has many a hundred times been dust / And turned, as dust, to dust again (J. Masefield). Вот во что я верю и чему я доверяю: эта рука, рука, которая держит перо, сотни раз была прахом, и как прах, вновь превращалась в прах.

Круговорот праха поэтически осмыслен как реинкарнация.

Обратим внимание на важную установку в англоязычном мировосприятии – не сдаваться и сохранять спокойствие духа в любой ситуации:

The troubles of our proud and angry dust / Are from eternity, and shall not fail. / Bear them we can, and if we can we must. / Shoulder the sky, my lad, and drink your ale (A.E. Housman). Беды нашего гордого и злобного праха / Идут от вечности и не уйдут. / Вынести их мы можем, а если можем, то должны. / Поддерживай, мой друг, плечами небо и пей свой эль.

Запах пыли – это запах разложения:

The moon has lost her memory. / A washed-out smallpox cracks her face, / Her hand twists a paper rose, / That smells of dust and old Cologne, / She is alone with all the old nocturnal smells / That cross and cross across her brain (T.S. Eliot). Луна потеряла память. / На ее лице трещины от оспы, / Ее рука крутит бумажную розу, / Которая пахнет пылью и старым одеколоном, / Она наедине со всеми старыми ночными запахами, / Которые пересекают и пересекают ее мозг.

Пыль может осмысливаться в индивидуально-авторском тексте как некое пространство, наделяемое чувствами:

How grandly would our virtues bloom / In a more conscionable dust / Where Freedom dwells because it must, / Necessity because it can, / And men confederate in Man (W.H. Auden). Как пышно расцвели бы наши добродетели / В более совестливой пыли, / Где свобода живет, потому что должна, / Необходимость, потому что может, / И люди объединяются в Человеке.

Необычным символом является тонкая пыль заклинаний, которую поэт рассеивает на людей:

In the deep heart of man a poet dwells / Who all the day of life his summer story tells; / Scatters on every eye dust of his spells, / Scent, form and color; to the flowers and shells / Wins the believing child with wondrous tales (R.W. Emerson). В глубине человеческого сердца

живет поэт, / Который весь день жизни рассказывает свою летнюю историю; / Рассыпает на все глаза пыль своих заклинаний, / Запах, форму и цвет; к цветам и раковинам / Очаровывает верующее дитя чудесными сказками.

Образ пыли на ветру стал темой песни популярной американской рок-группы «Канзас» (интересно отметить, что название этого штата связано с индейским племенем Канза, буквально – «Люди ветра»):

I close my eyes, only for a moment, and the moment's gone. / All my dreams, pass before my eyes, a curiosity. / Dust in the wind, all they are is dust in the wind. / Same old song, just a drop of water in an endless sea. / All we do, crumbles to the ground, though we refuse to see / Dust in the wind, all we are is dust in the wind (K. Livgren). Я закрываю глаза, лишь на мгновение, и это мгновение уходит. / Все мои мечты проходят перед глазами, как диковинка. / Пыль на ветру, все, что они есть, это пыль на ветру. / Все та же старая песня, лишь капля воды в бесконечном море. / Все, что мы делаем, рассыпается в прах, хотя мы отказываемся видеть. / Пыль на ветру, все, что мы есть, — это пыль на ветру.

Резюмирую.

Символизация пыли и праха разворачивается в русском и английском языковом сознании в следующем направлении: от обозначения совокупности мельчайших частиц, которые носятся в воздухе, или возникают при обработке твердых предметов, или оседают на поверхности, к оценочной констатации ничтожности этой субстанции. В перцептивно-образном осмыслении пыли и праха актуализируются физические, операциональные и утилитарные признаки этого объекта. В русской языковой картине мира существует двойственное обозначение этой субстанции – обиходно-бытовое («пыль») и ритуальное («прах»), в английской лингвокультуре этот концепт обозначен одним словом (“dust”). Ритуальное осмысление праха относится к мертвому телу, при этом оно обусловлено библейским сказанием о сотворении человека из глины и пыли, с одной стороны, и эвфемистическим замещением наименования тела умершего человека, с другой стороны. Оценочные смыслы этого концепта акцентируют идеи малости, незначительности и грязи, прах противопоставлен жизни и духу. В поэтических текстах пыль ассоциируется со странствиями, пустыней, затхлостью, ее можно смыть, прах подразумевает увядание и мимолётность. Подчеркивается идея эфемерности телесного бытия и круговорота перевоплощений.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 607-608.

2. Бразговская Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. 201 с.

3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки, М.: Наука, 1985. 229 с.

4. Воркачев С.Г. О свойствах страсти: семантическое единство страсть-бесстрастие в лингвокультуре: монография. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 2024. 252 с.

5. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013. 336 с.

6. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 424 с.

7. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с.

8. Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.

9. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. Искусство, 1995. 320 с.

10. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.
11. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд.2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. С.45-97.
12. Пименова М.В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ: монография. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
13. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6. vkarasik@yandex.ru

Karasik, Vladimir Ilyich – Dr. Sc. (Philology), Professor, Pushkin State Russian Language Institute. Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 6.

УДК 81’42:070

Категория эвиденциальности как языковая универсалия: вопросы типологического описания

Дмитрий Валентинович Козловский

Московский городской педагогический университет, профессор кафедры языкознания и переводоведения, доктор филологических наук, Москва, Россия, kozlovskijjdv@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассматривается эвиденциальность как языковая универсалия. Предлагается авторская типология эвиденциальности, основанная на пересечении трех параметров: источника информации, модусной интерпретации и интенциональной направленности сообщения. Установлено, что данная модусная категория не только указывает на источник сведений, но и обеспечивает вариативность их интерпретации, а также коммуникативное воздействие на адресата.

Ключевые слова: эвиденциальность, модусная категория, медиадискурс, интенция, источник информации.

The Category of Evidentiality as a Linguistic Universal: Issues of Typological Description

Dmitry V. Kozlovsky

Moscow City University, Professor at the Department of Linguistics and Translation Studies, Doctor of Philology, Moscow, Russia, kozlovskijjdv@mgpu.ru

Abstract. The article examines the modus category of evidentiality as a linguistic universal. The author proposes a typology of evidentiality developed across three parameters: the source of information, modal interpretation, and the intentional orientation of the message. It is established that evidentiality not only indicates the source of information, but also provides variability of its interpretation as well as communicative impact on the addressee.

Keywords: evidentiality, modal category, media discourse, intention, source of information.

В современных условиях цифровой коммуникации особую значимость приобретают вопросы передачи и восприятия информации. Высокая динамика новостного потока и множественность источников делают актуальным исследование способов представления и интерпретации различного рода сведений [Тарева 2018, с. 85]. В этой связи ключевое значение приобретает обращение к категории эвиденциальности, выполняющей функцию языковой маркировки источника информации и раскрывающей механизмы ее интерпретации адресатом. Исследование эвиденциальности оказывается релевантным как для теоретической лингвистики, так и для прикладного анализа медиадискурса.

Определение эвиденциальности восходит к ее узкому пониманию как грамматической категории, фиксирующей способ получения и источник передаваемой информации [Плунгян 2000; Сусов 2006; Aikhenvald 2004], и постепенно расширяется до функциональных и прагматических трактовок, учитывающих социальные и когнитивные параметры коммуникации [Иванова, Хакимова 2024; Падучева 2014]. В современных дискурсивных исследованиях эвиденциальность трактуется как модусная категория, обеспечивающая не только маркировку источника сведений, но и их оценку и интерпретацию субъектом коммуникации, а также специфику воздействия на адресата [Болдырев 2012; Чанышева 2016; Козловский 2023]. Подобный подход позволяет рассматривать эвиденциальность в качестве фундаментальной характеристики языка, проявляющейся в различных языках и типах дискурса.

Цель настоящей статьи заключается в представлении модусной категории эвиденциальности как языковой универсалии. Достижение поставленной цели предполагает рассмотрение основных направлений типологизации эвиденциальности, а также разработку авторской трехосевой классификации данной категории на материале англоязычного медиадискурса.

Вопрос типологизации эвиденциальности занимает центральное место в лингвистических исследованиях последних десятилетий. Одной из первых попыток систематизации категории эвиденциальности считается работа Т. Уиллетта, в которой разграничивается прямая эвиденциальность (основанная на непосредственном восприятии событий говорящим) и косвенная эвиденциальность (опирающаяся на выводы или сообщения, полученные от третьих лиц) [Willett 1988]. Тем самым Т. Уиллет выделяет три базовых способа получения информации: (1) личный опыт (сенсорный, визуальный, слуховой); (2) вывод (инференция); (3) чужая речь (репортатив). Данная модель служит отправной точкой для последующих классификаций.

Существенное влияние на развитие теории эвиденциальности в отечественной лингвистике оказали работы В. А. Плунгяна и И. П. Сусова. В. А. Плунгян трактует эвиденциальность как категорию, отражающую способ получения знаний о событии: прямой (основанный на личном свидетельстве и непосредственном доступе к сведениям) и косвенный (опирающийся на выводы или внешние сообщения) [Плунгян 2000, с. 321]. И. П. Сусов конкретизирует данное разграничение, различая прямую непосредственную (репрезентирующую перцептивное восприятие), косвенную непосредственную (представляющую логические выводы, умозаключения) и косвенную опосредованную (актуализирующую передачу чужой речи – репортатив, цитатив) эвиденциальность [Сусов 2006, с. 134]. Подобная градация позволяет более детально описывать семантические нюансы маркировки источника информации.

Важный вклад в развитие исследований, посвященных интерпретации эвиденциальности как модусной категории, внес Я. Нюйтс. Он выделяет два типа

эвиденциальности: субъективную (содержащую знания, связанные с личным восприятием и оценкой говорящего) и интерсубъективную (опирающуюся на коллективное восприятие или чужую точку зрения) [Nuyts 2001].

Таким образом, существующие классификации эвиденциальности демонстрируют разнообразие подходов к описанию данной категории, однако преимущественно сосредоточены на ее грамматической репрезентации. Современные исследования выходят за рамки указанного подхода, рассматривают эвиденциальность в когнитивно-дискурсивном ключе и интерпретируют ее как модусную категорию. В подобном ракурсе она предстает не только средством локализации источника информации, но и инструментом его интерпретации, а также выражения отношения субъекта коммуникации к достоверности и значимости передаваемых сведений [Иванова, Хакимова 2024, с. 814; Козловский 2023, с. 26]. Тем самым в рамках модусной интерпретации эвиденциальность характеризуется рядом параметров, отражающих вариативность отношения говорящего (субъекта коммуникации) к сообщаемому: (1) достоверность ↔ недостоверность, позволяющая разграничить фактические и непроверенные сведения; (2) уверенность ↔ неуверенность, указывающая на степень уверенности автора в источнике и сообщаемых фактах; (3) категоричность ↔ некатегоричность, проявляющаяся в противопоставлении прямых утверждений и некатегоричных высказываний; (4) актуальность ↔ потенциальность, фиксирующая временной статус информации (реальное событие или возможное будущее развитие ситуации); (5) явность ↔ скрытность, отражающая степень эксплицитности эвиденциального маркера в тексте.

Данные параметры задают широкий спектр модусного варьирования и определяют специфику коммуникативного воздействия на адресата: автор (говорящий) может усиливать достоверность сообщения, выражать сомнение, дистанцироваться от фактов или, напротив, навязывать их адресату как несомненные. Таким образом, эвиденциальность следует понимать не только как универсальный способ фиксации источника сведений, но и как модусную категорию, обеспечивающую гибкую настройку интерпретации информации и ее восприятия адресатом.

При этом модусная специфика эвиденциальности неизбежно сопряжена с интенциональной направленностью медиадискурса. Так, новостные сообщения преимущественно реализуют информативную функцию, рекламные – регулятивную и оценочную, а политические тексты – суггестивную, направленную на убеждение и формирование определенного взгляда адресата на описываемые события [Борисова 2018; Чупрына 2021]. Подобная интенциональная структура дискурса соотносится с классификацией Л. Р. Дускаевой, выделяющей информационные, оценочные и персуазивные группы жанров [Дускаева 2013]. Следовательно, эвиденциальность как модусная категория в медиадискурсе проявляется в трех формах: информативной, регулятивной и суггестивной.

Опираясь на существующие классификации эвиденциальности, учитывая ее модусный характер и интенциональную направленность, представляется возможным предложить трехосевую модель данной категории. Трехосевая модель позволяет интегрировать различные типологические подходы, продемонстрировать универсальный характер эвиденциальности и раскрыть особенности ее функционирования в медиадискурсе. Графическая репрезентация модели представлена на рисунке 1.

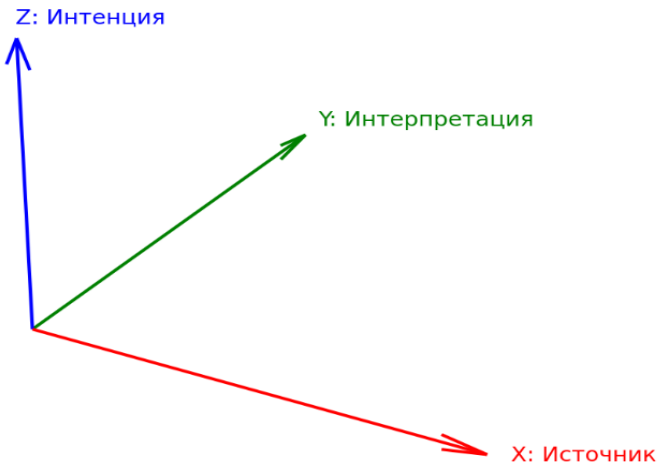


Рис. 1. Трехосевая модель категории эвиденциальности

Предлагаемая модель включает три измерения, отражающие ключевые параметры и задающие основу для функционального описания модусной категории эвиденциальности:

- **Ось *X* – источник информации.** В рамках данного измерения фиксируется способ получения сведений: прямой (*direct*), включающий сенсорные и документальные данные, а также косвенный (*indirect*), описывающий инференциальные выводы, репортативные и предположительные (гипотетические) сообщения.
- **Ось *Y* – модусная интерпретация.** Данное измерение отражает отношение субъекта коммуникации к информации. Здесь выявляются противопоставления: достоверность ↔ недостоверность, уверенность ↔ неуверенность, категоричность ↔ некатегоричность, актуальность ↔ потенциальность, явность ↔ скрытность. Перечисленные параметры задают спектр модусного варьирования и обеспечивают возможность тонкой настройки воздействия на адресата.
- **Ось *Z* — интенция дискурса.** В контексте данного измерения раскрывается, каким образом коммуникативные задачи медиатекста актуализируются при помощи различных типов эвиденциальности: (1) информативной (связанной с передачей фактических сведений); (2) регулятивной (ориентированной на оценку и интерпретацию данных, а также привлечение внимания адресата); (3) суггестивной (направленной на убеждение, побуждение или навязывание адресату точки зрения автора / субъекта коммуникации) [Козловский 2023, с. 142].

Для демонстрации работы трехосевой модели обратимся к эвиденциальным высказываниям англоязычного медиадискурса. В ходе исследования было проанализировано 1500 примеров, полученных из Британского национального корпуса [BNC] методом целевой выборки по эвиденциальным маркерам. Представленные ниже эвиденциальные высказывания демонстрируют актуализацию определенной интенции медиадискурса (ось *Z*), характеризуются конкретным источником информации (ось *X*) и модусной интерпретацией (ось *Y*). Немаловажно, что в силу ограничений по объему статьи приводятся лишь наиболее показательные примеры реализации эвиденциальности в медиадискурсе.

1. Информативная эвиденциальность

According to the official report, the incident occurred at midnight [BNC] / *Согласно официальному отчету, инцидент произошел в полночь* (Здесь и далее перевод наш – Д.К.)

- Ось *X* (источник сведений): косвенный (репортатив, ссылка на документ).
- Ось *Y* (модусная интерпретация): достоверность, уверенность, явность.
- Ось *Z* (интенция): информативная – нейтральная передача фактов.

2. Регулятивная эвиденциальность

It seems likely that the government will reconsider its position [BNC] / *Похоже, что правительство пересмотрит свою позицию*.

- Ось *X* (источник сведений): косвенный (инференция, умозаключение автора).
- Ось *Y* (модусная интерпретация): потенциальность, неуверенность, некатегоричность.
- Ось *Z* (интенция): регулятивная – интерпретация данных и побуждение адресата к оценке ситуации.

3. Суггестивная эвиденциальность

It is obvious that the opposition has no real alternative [BNC] / *Очевидно, что у оппозиции нет реальной альтернативы.*

- Ось *X* (источник сведений): прямой (субъективный, не имеющий фактического подтверждения).
- Ось *Y* (модусная интерпретация): достоверность, уверенность, категоричность.
- Ось *Z* (интенция): суггестивная – навязывание адресату точки зрения автора.

Таким образом, отдельные высказывания из медиадискурса наглядно демонстрируют, каким образом категория эвиденциальности реализуется в координатах *X–Y–Z.* При этом весь спектр параметров модусной интерпретации проявляется лишь при обращении к более широкой выборке эмпирического материала.

Проведенный анализ позволяет рассматривать эвиденциальность как модусную категорию универсального характера, реализующуюся в дискурсе по трем взаимосвязанным осям: источник информации (*X*), модусная интерпретация (*Y*) и интенция дискурса (*Z*). Разработанная трехосевая модель обеспечивает целостное понимание данной категории: (1) ось *X* фиксирует способ получения сведений (прямой или косвенный); (2) ось *Y* отражает отношение субъекта коммуникации к сообщаемому (достоверность ↔ недостоверность, уверенность ↔ неуверенность, категоричность ↔ некатегоричность, актуальность ↔ потенциальность, явность ↔ скрытность); (3) ось *Z* задает коммуникативную направленность текста (информировать, регулировать восприятие, убеждать и побуждать).

Примеры из *BNC* показали, что высказывания с эвиденциальной семантикой могут быть описаны в координатах *X–Y–Z*, что позволяет учитывать не только источник и интерпретацию, но и интенцию дискурса. Таким образом, предлагаемая модель систематизирует существующие классификации эвиденциальности и расширяет их за счет модусного измерения, соотнося семантику категории с прагматическими целями медиадискурса. Трехосевая модель эвиденциальности применима как в теоретическом изучении языковых универсалий, так и в прикладном анализе медиатекстов, что открывает перспективы для дальнейших исследований в области когнитивной и дискурсивной лингвистики, а также лингвосинергетики. Тем самым трехосевая модель позволяет рассматривать эвиденциальность не только как частное языковое явление, но

и как универсальную модусную категорию, проявляющуюся в различных языках и типах дискурса.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17–120.

2. Борисова Е. Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 4. С. 436–444.

3. Дускаева Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров // Жанры речи. 2013. № 1 (9). С. 51–58.

4. Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Эвиденциальность и эпистемическая модальность: сопряжение на уровне семантики слова. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024, 21 (4): 802–824.

5. Козловский Д. В. Реализация категории эвиденциальность в дискурсивном пространстве массмедиа: лингвосинергетический аспект. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. 184 с.

6. Козловский Д. В. Регулятивная эвиденциальность в пространстве рекламного медиадискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 141–154.

7. Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, № 3. С. 529–541.

8. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.

9. Сусов И. П. История языкознания. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 295 с.

10. Тарева Е. Г. Цифровая эпоха и педагогические профессии // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2018. № 3 (27). С. 85–90.

11. Чанышева З. З. Репрезентация модусной категории эвиденциальности в модальной рамке переводного текста // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 2. С. 402–408.

12. Чупрына О. Г. Языковая репрезентация социополитической реальности в дискурсе американских СМИ // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2021. № 1 (41). С. 42–52.

13. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 481 p.

14. BNC – British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 20.08.2025).

15. Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: a cognitive-pragmatic perspective // Human cognitive processing. Vol. 5. Amsterdam: J. Benjamins, 2001. 429 p.

16. Willet T. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language. Amsterdam, 1988. Vol. 12. №1. Pp. 38–64.

Сведения об авторе:

Козловский Дмитрий Валентинович; доктор филологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация,

Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1; kozlovskijjdv@mgpu.ru; +79873658824.

Kozlovskii Dmitrii Valentinovich; Doctor of Philology, Professor, Moscow City University, 129226, Russian Federation, Moscow, 4, 2-nd Selskohozoyastvenny street, 129226; kozlovskijjdv@mgpu.ru; +7 987 365 88 24.

УДК 81

Вербальное и невербальное в пространстве коммуникации: памяти Г. Е. Крейдлина

Андрей Эдуардович Левицкий

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия, science&research@ffl.msu.ru

Аннотация. В статье, посвященной памяти профессора Г. Е. Крейдлина, рассматривается его вклад в развитие отечественной лингвистики. В частности, признаётся значимость исследований Г. Е. Крейдлина в общую невербальную семиотику, лексикографию, теорию коммуникации и ряд других направлений лингвистики. На основе анализа данных НКРЯ доказываются его заслуги в изучении семиотики, в том числе невербальных и вербальных средств общения.

Ключевые слова: Г. Е. Крейдлин, невербальная семиотика, прагматика, функционирование, коммуникация, данные НКРЯ

Verbal and Non-verbal Means in Communication: in memoriam G. Ye. Kreydlin

Andrei E. Levitsky

Moscow Lomonosov State University, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow, Russia, science&research@ffl.msu.ru

Abstract. The article gives the account of the late Professor G. Ye. Kreydlin's contribution into Russian Linguistics. For instance, his efforts into the rise of General Non-Verbal Semiotics, Lexicography, Communication Theory as well as some other spheres of Present-day Linguistics have been admitted. According to the Ruscorpora data G. Ye. Kreydlin's merits in investigating Semiotics, Non-Verbal and Verbal Means of Communication got appreciation.

Keywords: G. Ye. Kreydlin, Non-Verbal Semiotics, Pragmatics, Functional Linguistics, Communication Theory, Ruscorpora data

22 июня 2025 года не стало доктора филологических наук (с 2000 года), профессора (с 2002 года), Заслуженного профессора РГГУ (с 2016 года), выдающегося советского и российского лингвиста, специалиста по общему языкознанию, невербальной семиотике, русистике, теории коммуникации, методике преподавания лингвистики в школе и высших учебных заведениях. Им было опубликовано более 200

научных и научно-методических изданий, включая целый ряд монографий и учебных пособий. Среди них особо выделим «Словарь языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001], «Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык» [Крейдлин 2002], «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации» [Крейдлин 2005].

Г. Е. Крейдлин наиболее значительный вклад в разработку проблем общей семиотики, невербальной семиотики, решение ряда вопросов семантики и синтаксиса русского языка, лексикографии, прагмалингвистики, межкультурной коммуникации и многих других направлений современной лингвистики. Нельзя не сказать о нем, прежде всего, как о человеке, который разработал универсальную семиотику в Российской Федерации. Его работы представляют серьёзный интерес для тех, кто проводит исследования по полимодальности текста и полимодальности высказывания. В этих сферах научного поиска результаты исследований Г. Е. Крейдлина помогают молодым лингвистам понимать, какую роль выполняют невербальные средства общения и каким путём они передают информацию. Исследователи, безусловно, должны опираться на то, что обозначают невербальные знаки в определенной культуре и в процессе коммуникации, в частности. Таким образом, мы можем выявить сходства и отличия в действии невербальных средств общения в разных культурах. Кроме того, мы можем оценить место невербалики в мире, в котором мы живём, а также описать её роль в отражении взаимодействия между людьми, а также со средой обитания в целом. Такой подход позволяет описать систему средств невербальных средств коммуникации в полном объеме, что и было им сделано лично на материале мимики и жестов в коммуникации на русском языке.

Григорий Ефимович действительно сделал большой шаг в разработке теоретико-методологических основ коммуникативной лингвистики и прагмалингвистики. Ему удалось систематизировать роли невербальных средств в русской культуре, а также глубоко рассмотреть каждый невербальный сигнал и осветить вопросы его семантики и функционирования в процессе коммуникации. Именно внимание к ситуации общения, когда невербальное средство успешно дополняет поданную вербально информацию, на наш взгляд, позволило Г. Е. Крейдлину опередить своё время, предвосхитив развитие современной теории полимодальности.

Отметим, кроме того, что он был чутким и внимательным к невербальным средствам общения как маркерам культуры. Г. Е. Крейдлин не рассматривал любой невербальный знак как этнокультурный маркер. Он очень старался быть внимательным к такому статусу. Мне довелось быть свидетелем того, что он не давал без раздумья ответ на вопрос о принадлежности невербального знака к определенной культуры как её маркера. Лишь, изучив значительный эмпирический материал, проанализировав разные ситуации употребления того или иного невербального средства коммуникации, делался вывод о его этнической маркировке. Как человек, владевший энциклопедическими знаниями в области лингвистики, семиотики, межкультурной коммуникации, прагмалингвистики, теории коммуникации, он успешно синтезировал знания из разных сфер и направлений современного языкознания, был открыт для нового и в силу своей феноменальной работоспособности и ответственности за свои слова, он смело шёл навстречу экспериментам, чем восхищал коллег во время выступлений на конференциях, участием в дискуссиях, беседами в кулуарах, ответами на вопросы, иногда выходившими за границы его собственных исследований.

До сих помню его яркие выступления, всегда сопровождаемые аргументацией на основе многочисленными аргументами на основе богатого иллюстративного материала, что не могло не убедить слушателя в своей правоте.

Не могу не отметить доходчивость выступлений и формулировок Григория Ефимовича, что сказалось в его публикациях, обращенным к молодому поколению. Не могу не отметить его учебные пособия для школьников, где мэтр, признанный ученый с мировым именем, доступным для детей языком осветил важнейшие постулаты языкознания. Эти материалы бесценны. Надеюсь, что педагоги, ведущие факультативные занятия по основам языкознания еще долгие годы будут использовать эти учебные пособия (см., напр., [Крейдлин, Кронгауз 2015]).

В целом, открытость ко всему новому характеризовала Г. Е. Крейдлина. В частности, он принял предложение одного из уральских театров выступить в качестве эксперта по использованию невербальных средств общения в постановке спектакля по произведению В. Шекспира. Помню, с каким интересом он рассказывал об этом эксперименте и последующей удачной постановке. Сейчас, размышляя над этим фактом, считаю, что взгляд лингвиста на театральный дискурс имеет ценность для людей театра. Взгляд со стороны на произведения сценического искусства может быть полезным именно в процессе подготовки нового спектакля, а также в ходе дальнейшей работы над ним.

Но всё же в нашей памяти Григорий Ефимович Крейдлин останется как ярчайший учёный-лингвист, посвятивший свои исследования проблемам коммуникации во всех её проявлениях, в особенности семиотики и функционирования невербальных средств, а также вопросов взаимодействия вербального и невербального в процессе передачи информации.

Именно поэтому моё обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) связано непосредственно с его именем и теми проблемами, которых он касался. Во-первых, хотелось найти цитаты из работ Г. Е. Крейдлина и упоминания о нём. Имя Г. Е. Крейдлина в НКРЯ упоминается в 9 текстах и 14 примерах. В качестве ресурсов корпуса используются две работы Г. Е. Крейдлина [Падучева, Крейдлин 1974]; [Крейдлин 2006].

Мы также обратили внимание на анализ слова «семиотика». В качестве его толкования указывается: «*Наука о свойствах знаков и знаковых систем*» [www.ruscorpora.ru]. Корпус признаёт в качестве определения: *тартуская* (в память о Ю. Лотмане) и *современная* (очевидно, с учётом исследований Г. Е. Крейдлина). Сочинёнными существительными подаются: *герменевтика, информатика, лингвистика* и *наука*, что не вызывает замечаний. В портрете этого слова значатся: *культурология, филология, этология, социология, психоанализ, лингвистика, антропология, этнология, сексология* и *политология*. Для всех вышеназванных научных сфер «семиотика» важна в качестве основы, поскольку знаковая природа присутствует в каждой из них. Частность в корпусе «семантика» относится к низкой, характерной исключительно для нехудожественной литературы, хотя первое упоминание датируется 1827 годом в работе М. А. Маркуса «Гомеопатия», в то же время с 1996 года фиксируется стабильное этого слова и даже небольшой подъём с 2001 года, что доказывает интерес к семиотическим студиям в России.

Единица «невербальный» относится к новым, поскольку попала в НКРЯ лишь из работы М. Мамардашвили «Картезиантские размышления» (1981 год). Единица, которая трактуется как «не связанный со словом, речью; не имеющий вербального выражения», так же обладает низкой частотностью, хоть и употребляется как в художественных (0,08) и нехудожественных (0, 62) текстах. Динамика же функционирования в текстах положительная: от 2 в 2007 и до 10 в 2022 году. Фиксированная динамика сказывается на росте определений (*коммуникация, общение, сигнал, мышление, информация, средство, выражение, язык*) и близких по смысловому соположению слов (*аффективный,*

непрямой, речевой, вербальный, интонационный, коммуникативный, диалогический, дискурсивный, миметический, экспрессивный).

Наконец, наиболее частотным и динамичным словом в НКРЯ из ключевых слов в работах Г. Е. Крейдлина является «вербальный». Портрет слова выглядит так: первое упоминание – 1872 год (Н. Н. Страхов «Мир как целое»); более высокая частность по сравнению с другими сопоставляемыми единицами в художественной и нехудожественной литературе; равно как и резкий рост востребованности в текстах, начиная с 2018 года, который в 2022 году достиг 46 (сравним данные в том же году: *невербальный* – 10, а *семиотика* – 3). Впечатляет перечень определяемых слов (*агрессия, коммуникация, нота, мышление, оформление, общение, символ, составляющее, компонент, информация*) и сочиненных прилагательных (*невербальный, визуальный, словесный*), по смысловой близости (*миметический, речевой, визуальный, метафорический, монологический, невербальный, объектный, коммуникативный, интонационный, нарративный*).

Анализ корпусных данных показал, что вербальное значительно чаще встречается в НКРЯ, что отражает более весомую роль вербального по сравнению с невербальным и анализ этих двух ипостасей полимодальности заслуживает внимания. Отметим, что Г. Е. Крейдлин сделал много для роста интереса к исследованию невербальной семиотики и общей лингвистики, что доказывают данные НКРЯ.

Список литературы

1. Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки русской культуры, 2001. 254 с.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое научной обозрение, 2002. 592 с.
3. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки русской культуры, 2005. 224 с.
4. Крейдлин Г. Е. Эмфатические ответные реплики в диалоге // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы. М.: Институт русского языка РАН, 2006. Вып.4. С. 283-294.
5. Крейдлин Г. Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или Азбука общения. М.: Наука, 2015. 267 с.
6. НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 20.09.2025).
7. Падучева Е.В., Крейдлин Г. Е. Значение и синтаксические свойства союза «а» // Научн.-тех. информ. Сер.2, Информационные процессы и системы. – № 9, 1974. – С. 31 – 37.

Сведения об авторе:

Левицкий Андрей Эдуардович; доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1; info@rector.msu.ru; +7 (495) 939-10-00.

Levitsky Andrei Eduardovich; Doctor of Philology, Professor, Moscow Lomonosov State University, Leninskiye Gory, 1, 119991, Russian Federation, Moscow, Leninskiye Gory № 1; info@rector.msu.ru; +7 (495) 939-10-00.

УДК 81

Когнитивно-культурологический аспект перевода эвфемизмов

Орлова Ольга Сергеевна
Институт языкознания РАН, научный сотрудник Отдела теории и практики коммуникации имени Ю. С. Степанова, кандидат филологических наук, Москва, Россия, OrlovaOlgaS@list.ru

Аннотация. Статья посвящена трудностям перевода эвфемизмов. Рассматривается понятие эвфемизма, основные способы перевода эвфемизмов на материале английского и русского языков; подчёркивается необходимость соблюдения принципа непрямой номинации, лежащего в основе эвфемизмов как знаков языка с насыщенной культурной коннотацией; предпринимается попытка разработать рекомендации, которых следует придерживаться при переводе эвфемизмов с позиции когнитивно-культурологического подхода в их исследовании.
Ключевые слова: эвфемизм, перевод, метафора, когнитивно-культурологическое исследование

Cognitive-cultural aspect of euphemism translation

Olga S. Orlova
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, researcher, Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, candidate of Philology, Moscow, Russia, OrlovaOlgaS@list.ru

Abstract. The article deals with issues associated with euphemism translation. Great attention is paid to the notion of euphemism and common ways of translating euphemisms as applied to English and Russian languages. The paper finds it significant that indirect nomination principle should be complied with while translating euphemisms as language signs filled with cultural connotation. An attempt is made to provide euphemism translation recommendations in the framework of cognitive-cultural research.
Keywords: euphemism, translation, metaphor, cognitive-cultural aspect

Под эвфемизмами понимаются смягчающие выражения, которые служат средством для нейтрализации негативных и деликатных тем в различных ситуациях общения. Лингвистические исследования эвфемизмов активно ведутся в рамках историко-этимологического, функционально-стилистического, структурно-семантического, дискурсивного, коммуникативно-функционального, когнитивного, лингвокультурологического и когнитивно-культурологического подходов. В зависимости от подхода к их исследованию, эвфемизмы могут рассматриваться как «тропы состоящие в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [Ахманова 1969, с. 521]; «заменные, разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых, табуированных» [Реформатский 1996, с. 56]; «смягчённые слова и выражения» [Сеничкина 2012, с. 3]; «языковые единицы, которые используются в качестве более приемлемых альтернатив вместо других языковых единиц, которые по причинам этики, морали и т. д., могут считаться неуместными в данной прагматической ситуации» [Порохницкая 2018, с. 43-44]; «разрешённые слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в

употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе» [Ковшова 2019, с. 36] и др.

С позиции когнитивно-культурологического подхода важным представляется рассмотрение эвфемизмов как знаков языка с насыщенной культурной коннотацией, в основе которых лежит принцип непрямой номинации. Такой подход предполагает выявление культурных импликатур в семантике эвфемизмов с целью показать, как тот или иной тип культурной информации «подрабатывает» кодирование денотата, ложится в основу образно мотивированной внутренней формы эвфемизмов. Сделать это позволяет фреймовый анализ эвфемизмов с выделением особой зоны культурно-языкового скрипта (об этом см. подробнее в [Ковшова, Орлова, 2024]). В качестве примера рассмотрим эвфемизм *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*]. Ср. контекст употребления эвфемизма в современной интернет-коммуникации: «*Если бы сейчас в моде были кустодиевские дамы, женщин это порадовало бы?*» [otvet.mail.ru/]; «*Да, смотрят на 90-60-90, а пользуются Кустодиевскими!!*» [Там же]; «*Хм... ты на Кубани была когда-нибудь?))) Там кустодиевские дамы НИКОГДА не выходили из моды...*» [Там же]; «*У тебя фигура Кустодиевской барышни или ты на йогу ходишь?*» [Там же]; «*Нравятся женщины Бальзаковского возраста и Кустодиевских форм. Есть такие?.. Хочу пригласить на чай…*» [Там же]; «*Почему кустодиевские женщины не в моём вкусе?*» [Там же].

Таблица 1.

Когнитивно-культурологический анализ эвфемизма *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*]

	Кустодиевская / кустодиевская [*барышня / дама / женщина*]		Толстая [женщина]
	Область-источник	**Конституирующие признаки**	**Область-цель**
Типовые ситуации	Женщина, изображённая на одной из картин Б. М. Кустодиева	**Внешность [женщины]**	Женщина крупного телосложения
Элементы ситуации	Женщина	**[Женский] пол**	Женщина
	Пышные формы	**Выдающееся телосложение**	Избыточный вес

Культурно-языковой скрипт	«Кустодиевских качеств — вм. толстая. О женщине. <…> Рус. художник Кустодиев любил изображать пышнотелых красавиц» [Сеничкина 2008, с. 172].	**Крупные формы [женского] тела**	Толстый — «пртвпл. тонкий, <…> — человек, плотный, <…> тяжёлый, объёмистее среднего размера» [Даль 2006 Т4, с. 404].
	Артефакты, **произведения искусства** — картины Б. М. Кустодиева, на которых изображены красивые, пышные женщины с округлыми формами, широкими бёдрами; часто — в богатой и пёстрой одежде.		
	Стереотипные представления русского народа о привлекательной женской внешности, отражённые на картинах Б. М. Кустодиева: дородные, румяные, яркие женщины.		**Стереотипные представления** о толстых женщинах: женщина с округлыми формами, избыточным весом, некрасивая, имеет проблемы со здоровьем и личной жизнью.
	Эталоны красоты эпохи, запечатлённой на полотнах Б. М. Кустодиева: Купчиха за чаем, Купчиха с зеркалом, Купчиха с покупками и др.; Русская Венера; Красавица. Ср.: Прекрасная как Венера; «кустодиевская купчиха».		**Эталоны** *толстая как бочка, толстая как корова, толстая как свинья*; «как купчиха» — «о толстой, дородной, грубой и важной женщине» [Мокиенко, Володина 2018, с. 360].
	Положительная **оценка**	**Оценка**	Отрицательная **оценка**

Эвфемизм *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*] интерпретируется в антропном и артефактивном кодах культуры. Конституирующими признаками эвфемизма выступают внешность [женщины], [женский] пол, выдающееся телосложение, крупные формы [женского] тела и оценка. Отрицательная оценка подменяется положительной и с опорой на существующие в культуре артефакты, произведения искусства, сложившиеся стереотипные представления и эталоны создаётся широко известный в русской, но не в других культурах, эвфемизм. Перевод эвфемизма на другие языки представляет особую трудность из-за его насыщенной культурной коннотации.

Вопрос о трудностях перевода эвфемизмов, в целом, не является новым и получил подробное освещение в теории и практике перевода. Особое внимание при этом уделяется проблемам идентификации эвфемизмов и способам их перевода.

В теории перевода описаны основные способы перевода эвфемизмов. Передача эвфемизмов при переводе осуществляется с помощью подбора эквивалентных эвфемизмов языка перевода или с помощью применения переводческих трансформаций. Ср.: подбор эквивалентного эвфемизма: *find a baby under the gooseberry bush* («найти ребёнка под кустом крыжовника») — *найти ребёнка в капусте*; *six feet of earth* («шесть футов земли») — *два метра / вотчина в косую сажень*; формальные лексические трансформации: *depopulation* (об уничтожении населения) — *депопуляция*; англ. *MM* (сокр. от mother's milk) — рус. *ММ* (сокр. от материнское молоко); *final curtain — последний занавес*; *meet your maker — встретить своего создателя*; содержательные лексические трансформации: *chance child — дитя любви*; *D* (сокр. от death) — *она*; *buy a one-way ticket — отправиться в последний путь*; грамматические замены: *Gift from God* (baby) — *дар Божий*; *be late — задержка*; лексико-грамматические трансформации: *seriously ill — мало надежды на выздоровление*; *in a/the family way — готовит(ь)ся стать матерью*.

При этом один и тот же эвфемизм можно перевести с помощью различных способов и получить разные варианты перевода. Ср.: *She is expecting — Она ждёт ребёнка / готовится стать матерью / в интересном положении / Её на солёненькое тянет* и т. п. На что же следует опираться переводчику и как выбрать наиболее подходящий способ перевода эвфемизма?

Эвфемизмы представляют собой особые знаки языка и культуры, знаки, насыщенные культурной коннотацией, в основе которых лежит преднамеренно иносказательное обозначение объекта — принцип непрямой номинации (см. подробнее в [Орлова 2022]). Этот принцип отвечает самому предназначению эвфемизмов, их основным знаковым функциям. Таким образом, основополагающим фактором в осуществлении адекватного перевода эвфемизмов с одного языка на другой является соблюдение этого принципа. Так, при переводе на английский язык эвфемизма *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*] переводчику необходимо использовать непрямое именование полной женщины, распространённое в англоязычной культуре. Таковыми являются, например, *full-figured, heavily-built, with maturer figure, person of size, well-built, a super-sized girl, Rubenesque, triple-plus size, Fattala* и др. Среди существующих вариантов непрямых номинаций необходимо рассматривать те, что используются в англоязычной культуре для смягчения речи. В данном случае необходимо исключить такие экспрессивные номинации с отрицательной коннотацией, как *triple-plus size* и *Fattala*, так как их употребление противоречит главной функции эвфемизмов. Как показал когнитивно-культурологический анализ эвфемизма *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*], принцип непрямой номинации в эвфемизме реализуется с помощью опущения существенных деталей исходной негативной ситуации. Данная стратегия осуществляется с помощью

следующих когнитивных тактик: подмена типового сценария и замена элемента ситуации с имеющего негативную оценку (толстый) на обладающий положительной оценкой (кустодиевский). Данной стратегии отвечают, например, эвфемизмы англоязычной культуры *person of size, well-built, a super-sized girl* и *Rubenesque.* Для достижения максимально возможного уровня эквивалентности при переводе, переводчику необходимо выбрать в английском языке такую эвфемистическую номинацию объекта кодирования, конституирующие признаки и культурная маркированность которой будут наиболее близки эвфемизму языка оригинала. Среди приведённых вариантов эвфемизму *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*] наиболее близок эвфемизм англоязычной культуры «*Rubenesque*». Ср. контекст употребления эвфемизма в современной интернет-коммуникации: «*I find her super-hot. I've had SRs with ladies with typical model dimensions, but usually go for woman with more classically rubenesque figures*» [Reddit.com]; «*How do I make a rubenesque lady feel like the goddess she is? My SB, who I adore, is having a hard time with her body image. She is on the larger side of life*» [Там же]; «*In the book she is described as rubenesque or full figured. Instead, we got a typical skinny actress playing the role*» [Там же]; «*I've said this in a few different spots, but Willow is a rubenesque woman of color. She's not getting the same kind of push up north*» [Там же]. Для наглядности представим фреймовый анализ эвфемизма в таблице.

Таблица 2.

Когнитивно-культурологический анализ эвфемизма *Rubenesque*

	Rubenesque		Fat
	Область-источник	**Конституирующие признаки**	**Область-цель**
Типовые ситуации	Женщина, изображённая на одной из картин Питера Пауля Рубенса	**Внешность [женщины]**	Женщина крупного телосложения
Элементы ситуации	Женщина	**[Женский] пол**	Женщина
	Пышные формы	**Выдающееся телосложение**	Избыточный вес
Культурно-языковой скрипт	Rubenesque – «having a round body with large breasts and hips. From the name of the Flemish painter Peter Paul Rubens, who often painted women with this type of body» [OED]; BrE: « (of a woman) having the physique associated with Rubens' portraits of women; plump and attractive» [CLED]; AmE: «1. of, characteristic of, or like the art of Rubens; colorful, sensual, opulent, etc. 2. full and	**Крупные формы [женского] тела**	Fat – « (of a person's or an animal's body) having too much flesh on it and weighing too much» [OED]; «having a lot of flesh on the body; thick or large» [CLED]. «If you say that a person or animal is fat, you mean that they have a lot of flesh on their body and that they weigh too much. You usually use the

	shapely; voluptuous said of a woman's figure» [CLED]		word fat when you think that this is a bad thing. [disapproval]» [CLED]
	Стереотипные представления о красоте женского тела, отражённые на полотнах Рубенса: крупные, упитанные женские тела, широкие бёдра, крепкое телосложение, полные ягодицы, пышная грудь.		**Стереотипные представления** о толстых женщинах: женщина с округлыми формами, избыточным весом, некрасивая, имеет проблемы со здоровьем и личной жизнью.
	Эталоны красоты эпохи Рубенса (женщина признавалась красивой в той мере, в какой её тело соответствовало задачам деторождения и материнства).		**Эталоны** *as fat as a house, as fat as a pig, as fat as a cow*
	Положительная **оценка**	**Оценка**	Отрицательная **оценка**

Эвфемизм *Rubenesque*, как и эвфемизм *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*], интерпретируется в антропном и артефактивном кодах культуры. Конституирующими признаками эвфемизма тоже выступают внешность [женщины], [женский] пол, выдающееся телосложение, крупные формы [женского] тела и оценка. Как и в случае с эвфемизмом *Кустодиевская / кустодиевская* [*барышня / дама / женщина*], отрицательная оценка подменяется положительной и с опорой на существующие в культуре артефакты, произведения искусства, сложившиеся стереотипные представления и эталоны создаётся широко известный в англоговорящей культуре эвфемизм.

Таким образом, рекомендации, которых следует придерживаться при переводе эвфемизмов в рамках когнитивно-культурологического подхода в их исследовании, можно кратко сформулировать следующим образом:

1. Единица языка оригинала и единица языка перевода должны иметь одинаковое денотативное значение, однако при переводе эвфемизмов необходимо соблюдать принцип непрямой номинации.

2. Непрямое именование, выбранное переводчиком, в языке перевода должно использоваться для смягчения речи.

3. Когнитивные стратегии и тактики в кодировании негативного денотата в единицах языка оригинала и языка перевода должны совпадать.

5. Для достижения максимально возможного уровня эквивалентности следует подобрать в языке перевода такую эвфемистическую номинацию объекта кодирования,

конституирующие признаки и культурная маркированность которой будут наиболее близки эвфемизму языка оригинала.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с. Режим доступа: по подписке. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=38392 (дата обращения: 1.10.2025).
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: Р – Я. М., РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
3. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35-48.
4. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков непрямой номинации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. 2024. № 4. С. 75–99.
5. Мокиенко В.М., Володина Т.В. Русско-белорусский словарь сравнений. Минск, Беларуская навука, 2018. 811 с.
6. Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. ЛЕНАНД. М., 2022. 240 с.
7. Порохницкая Л. В. Концептуальные модели в семантике эвфемизма: Монография. М., ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018. 167 с.
8. Реформатский А. А. Табу и эвфемизмы // Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М., Аспект Пресс, 1996. С. 56-57.
9. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М., Флинта: Наука, 2008. 464 с.
10. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Е.П. Сеничкина. 2-е изд., стер. М., Флинта, 2012. 120 с.
11. CLED — Collins English Dictionary [Электронный ресурс] // URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/rubenesque; https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fat_1?q=fat (дата обращения: 12.10.2025).
12. OED — Oxford English Электронный ресурс] // URL: Dictionary https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/rubenesque?q=Rubenesque; https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=fat (дата обращения: 12.10.2025).
13. otvet.mail.ru [Электронный ресурс] // URL: https://otvet.mail.ru/ (дата обращения: 1.10.2025).
14. Reddit.com [Электронный ресурс] // URL: https://www.reddit.com/ (дата обращения: 10.10.2025).

Сведения об авторе:

Орлова Ольга Сергеевна; кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, 125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. д. 1 стр.1; OrlovaOlgaS@list.ru

Olga Sergeevna Orlova; Candidate of Philology, researcher, Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, Moscow 125009, Russian Federation; OrlovaOlgaS@list.ru

УДК 81’25

Теория и практика перевода на новом этапе: дидактический аспект

Ольга Владимировна Петрова
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, кандидат филологических наук, Нижний Новгород, Россия, o.v.petrova.nn@gmail.com

Аннотация. Изменения, произошедшие в структуре рынка переводческих услуг, привели к тому, что многие базовые понятия и категории классической теории перевода сегодня не соответствуют реальному положению дел. Появление машинного перевода требует пересмотра понимания перевода как творческой интеллектуальной деятельности, психофизической по своей сути. Большинство существующих определений перевода не учитывают появившихся в последние годы новых видов и форм языкового посредничества. Это делает актуальным переосмысление многих понятий и создание новой теории перевода, основанной на новых принципах. Кроме того, это требует пересмотра курса теории перевода при подготовке студентов-переводчиков и согласования этой теории с практикой, сложившейся в сфере переводческих услуг.
Ключевые слова: теория перевода, сущность перевода, определение перевода, виды языкового посредничества, адекватность, переводимость, требования к переводу

Theory and practice of translation at a new stage: didactic aspect

Olga V. Petrova
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, candidate of Philology, Nizhny Novgorod, Russia, o.v.petrova.nn@gmail.com

Abstract. Changes in the structure of translation market have led to a situation where many fundamental concepts and categories of classical translation theory no longer correspond to the actual state of things. The emergence of machine translation necessitates a reassessment of the understanding of translation as a creative, intellectual activity, psychophysical in its essence. Most existing definitions of translation do not take into account the new types and forms of linguistic mediation that have emerged in recent years. This makes it crucial to rethink many concepts and create a new theory of translation based on new principles. Furthermore, it requires a revision of the translation theory course in the training of student translators and harmonization of this theory with the real situation in the sphere of translation.
Key words*:* translation theory, essence of translation process, definitions of translation, forms of linguistic mediation, adequacy, translatability, translation requirements

Пожалуй, за все время существования переводоведения теория и практика перевода еще никогда так сильно не расходились. Во-первых, раньше этого не происходило, потому что теория изначально вырастала из практики, создавалась как осмысление и обобщение того, что долгое время делали переводчики-практики. А во-

вторых, потому что по мере разработки теоретических положений именно они становились основой для подготовки, обучения новых переводчиков. Возникавшие между теоретиками разногласия обычно касались возможного осмысления одного и того же практического опыта и чаще всего оставались предметом научных споров, мало затрагивая то, что происходило в кабине синхрониста или за столом письменного переводчика. И даже когда в отечественном переводоведении возникли два противоборствующих направления – лингвистическое и коммуникативно-функциональное, – всё переводческое сообщество по-прежнему объединяло восприятие перевода как творческой интеллектуальной деятельности, требующей глубокого всестороннего анализа как самого исходного текста, так и множества внеязыковых факторов, связанных и с характером этого текста, и с самим его созданием, и с ситуацией его перевода. О психофизической сущности процесса перевода и необходимости такого анализа писали представители всех школ и направлений (см., например, определения и описания перевода в таких работах, как [Алексеева 2024], [Гарбовский 2007], [Рецкер 2007], [Сдобников 2015], [Федоров 2002], [Швейцер 1988] и другие). Однако в последнее время многие из этих представлений перестали соответствовать тому, что реально происходит на рынке переводческих услуг.

Прежде всего это касается определения сущности самого понятия «перевод». С появлением машинного перевода этот процесс уже не может однозначно восприниматься как творческая интеллектуальная деятельность психофизического характера, поскольку у искусственного интеллекта нет психики, а его креативность, по определению ChatGPT, имеет алгоритмическую природу: в отличие от человека, он не обладает интуицией или эмоциональным опытом и работает на основе алгоритмов и данных, на которых он был обучен.

Уже более 60 лет назад И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг писали о соотношении теории общего и машинного перевода [Ревзин, Розенцвейг 1964]. Однако, обсуждая целый ряд базовых положений и ключевых проблем теории перевода, таких как единица перевода, переводимость, адекватность и т. д., они в своей работе не определяют самого понятия «перевод», а машинный перевод рассматривают как модель процесса перевода как такового,

О необходимости в рамках науки о переводе выделить теорию машинного перевода 30 лет назад писал Р. К. Миньяр-Белоручев: «науке о переводе необходимо иметь общую теорию перевода, охватывающую все то, что типично для любого вида коммуникации с использованием двух языков. Науке о переводе важно также иметь теории перевода, построенные на специфике машинного, устного, художественного и специального перевода» [Миньяр-Белоручев 1996, с. 12]. При этом получается, что, наряду с отдельными теориями, описывающими специфику разных видов перевода, необходима некая общая теория, объединяющая их на единой понятийно-категориальной базе, чего до сих пор так и нет.

Сам по себе факт создания теории машинного перевода как раздела общей науки о переводе не решает проблемы выработки такого понимания сущности самого процесса перевода и таких требований к его результату, которые в равной степени соответствовали бы и машинному переводу, и переводу, осуществляемому человеком.

Помимо определения сущности перевода, пересмотра сегодня требуют и другие понятия и категории. Поскольку основы отечественной теории перевода разрабатывались в свое время главным образом на модели перевода художественного, по мере развития рынка переводческих услуг многие из ставших классическими определений и формулировок переставали соответствовать новым ситуациям и целям выполнения перевода. Помимо собственно перевода и описанных В. Н. Комиссаровым видов адаптивного транскодирования (которые он сам при этом терминологически обозначал

как разновидности *перевода – упрощенный перевод*, *реферативный перевод* и т. д.), переводческие агентства сегодня предлагают такие разновидности переводческих услуг, как выборочный (фрагментарный), аспектный, сигнальный (ознакомительный) перевод и др. Теоретики спорят, называть ли все это переводом или адаптивным транскодированием, но на практике термин «перевод» охватывает все варианты полного или частичного воспроизведения на одном языке того, что изначально было выражено на другом. Сам В. Н. Комиссаров объясняет это тем, что все эти способы языкового посредничества «включают в себя элементы перевода, предполагают создание текста на другом языке, основанного на содержании оригинала», добавляя при этом, что их «степень ориентированности на оригинал различна и определяется самим характером создаваемого документа или поставленной перед переводчиком конкретной задачей» [Комиссаров 2002, с. 400].

Таким образом, фактически с самого начала наряду с коммуникативно равноценным переводом, при котором переводчик должен «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 2002, с. 10] и который должен в сознании получателя отождествляться с оригиналом, допускалось существование другого перевода, который, не воспроизводя текста оригинала целиком, впрочем, все-таки соотносился с ним именно как с целостным текстом, а потому мог оцениваться с точки зрения эквивалентности и адекватности. И упрощенный, и реферативный перевод можно было рассматривать как «обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности» [Комиссаров 2002, с. 407]. Появившиеся же сегодня такие виды языкового посредничества, как выборочный или аспектный перевод, уже никак не соотносятся с оригиналом ни в плане структуры, ни в плане целостного содержания и общего смысла. И уж тем более не могут отождествляться в сознании получателя с этим оригиналом. Соответственно, и критерии оценки такого перевода должны быть совершенно иными.

Еще сложнее обстоит дело с мультмедийным и межсемиотическим переводом, где приходится пересматривать само понятие «текст оригинала» и, соответственно, все аспекты соотношения оригинала и перевода. Их появление, так же, как и появление машинного перевода, заставляет пересмотреть подходы к соотношению в переводе семантики и прагматики и такие понятия, как переводимость и ее границы.

Пересмотр любых, в том числе и фундаментальных понятий – явление, периодически возникающее в разных областях науки. Это естественный процесс, без которого развитие науки было бы невозможным. Какое-то время появление новой информации может осмысляться в рамках устоявшейся парадигмы, требуя лишь некоторых уточнений и дополнений в формулировках базовых понятий и категорий. Однако со временем количество и качественная новизна этой информации могут оказаться такими, что старые определения и толкования теряют свою объяснительную силу. Именно так сегодня обстоит дело с теорией перевода.

Произошедшие в последние годы изменения и в технологии перевода, и в требованиях не только к качеству, но и к самому его характеру привели к тому, что классическое определение перевода как вида языкового посредничества, «при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении», так что «для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем» [Комиссаров 1990, сс. 44-45] оказывается приложимым далеко не ко всем ситуациям создания перевода. Перестало быть универсальным и определение перевода, данное Л .С. Бархудоровым, в соответствии с которым перевод –

это «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [Бархударов 1975, с. 11], поскольку оно не учитывает существование мультимедийного и межсемиотического перевода. Нельзя считать универсальным и само по себе требование коммуникативной равноценности перевода оригиналу, поскольку коммуникативные цели создания оригинала и перевода далеко не всегда совпадают.

Наряду с понятиями адекватного и эквивалентного перевода появилось если не в теории, то на практике понятие «приемлемого» перевода – причем не в понимании Г. Тури как категории, существующей наряду с адекватностью и относящейся к приемлемости текста перевода с точки зрения языка и литературы ПЯ [Тури 1980], а в том смысле, что перевод может быть и не адекватным, и не эквивалентным, но таким, что получатель может понять из него общий (или выборочный) смысл, заложенный автором в текст оригинала или в отдельные его фрагменты. Именно такое требование получило распространение среди работодателей.

Переводчики-практики редко задумываются над понятийно-категориальным аппаратом переводоведения. Они обычно имеют дело с конкретными ситуациями, в которых их деятельность регламентируется либо техническими заданиями, либо более или менее эксплицитно сформулированными требованиями заказчика. Однако в процессе подготовки переводчиков сегодня возникает целый ряд проблем.

Прежде всего, это касается курса теории перевода. В большинстве вузов этот курс по-прежнему основан на классических определениях всех базовых понятий, которые, как было показано, все больше и больше отстают от современного состояния перевода. Сформулированные давно и на достаточно ограниченном материале, они не отражают тех изменений, которые произошли в связи с появлением новых технологий, новых видов перевода и новых требований к их результатам. Сегодня фактически нельзя говорить об общей теории перевода. Она распадается прежде всего на теорию машинного перевода и теорию перевода, выполняемого человеком, которые различаются по самой сущности описываемых в них процессов. Объединение их на одной теоретической платформе сегодня не представляется возможным. Кроме того, требуют пересмотра многие категории, так или иначе связанные а) с пониманием того, что такое «перевод», и б) с расширением и трансформацией рынка переводческих услуг, диктующего появление новых видов перевода и новых требований к его результатам.

Не может эта ситуация не сказываться и на осознании студентами характера практической деятельности переводчика. Преподаватели все чаще сталкиваются с разрывом между тем, чего они требуют от студентов в аудитории, и тем, какие реальные требования предъявляют к этим же студентам работодатели. И студентам действительно бывает трудно понять, почему один и тот же перевод оценивается преподавателем как неудовлетворительный и без всяких замечаний принимается не только заказчиком, но и переводческим агентством.

Речь в данном случае идет не о том, что вузы продолжают готовить переводчиков, ориентируясь на высокие стандарты, а работодатели часто снижают планку. Речь о том, что, по всей видимости, пришло время разрабатывать новую теорию перевода, отказавшись от принципа универсальности, поскольку он не соответствует реальному многообразию форм и видов переводческой деятельности. Возможно, нужно действительно создавать для них разные теории, поскольку попытки охватить, как предлагает Р. К. Миньяр-Белоручев, все то, что типично для любого вида коммуникации с использованием двух языков, неизбежно приведут к выхолащиванию сути самого процесса перевода.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. Издательство Московского университета. 2007. – 544 с.
3. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244 с.
4. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода. Докт. дисс. Нижний Новгород, 2015. – 607 с.
5. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО "Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2002. – 416 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. – С. 75.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996. – 208 с.
8. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: «Высшая школа», 1990. – 253 с.
10. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: «Международные отношения», 1975. – 240 с.
11. Toury G. In search of a theory of translation. – Jerusalem: Tel Aviv University, 1980. – 148p.

Сведения об авторе:

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, Провиантская, 20, кв. 153; o.v.petrova.nn@gmail.com;

Olga V. Petrova; Cand. Sc. (Philology), Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, 153 – 20 Proviantskaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; o.v.petrova.nn@gmail.com.

УДК 81'276.6:62+81'373.612.2

Метафорический компонент языка науки

Лидия Валериановна Полубиченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой английского языка для естественных факультетов факультета иностранных

языков и регионоведения, доктор филологических наук, профессор, Москва, Россия, lpolubichenko@mail.ru

Аннотация. На материале медико-биологического дискурса показано, что метафора является неотъемлемым компонентом научных текстов, выполняя познавательную / эвристическую функцию с привлечением единиц всех трех разновидностей лексики научного текста – общей, общенаучной и терминологической.

Ключевые слова: метафора, визуальная метафора, метафорическая терминология, метафорическая номенклатура, язык науки, научный дискурс

Metaphorical component of the language of science

Lydia V. Polubichenko
Lomonosov Moscow State University, Head of the English Department for Science Students of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Doctor of Philology, Professor, Moscow, Russia, lpolubichenko@mail.ru

Abstract. Based on biomedical discourse, the paper demonstrates that metaphor is an integral component of scientific texts, performing a cognitive/heuristic function with the involvement of all three types of scientific text vocabulary: general, general scientific, and terminological.

Keywords: metaphor, visual metaphor, metaphorical terminology, metaphorical nomenclature, language of science, scientific discourse

На протяжении более 2000 лет метафора привлекает к себе внимание ученых, и отсчет обычно ведется от Аристотеля, заложившего в трактатах «Поэтика» и «Риторика» основы понимания метафоры и как универсального свойства человеческого мышления, и как одного из риторических средств «словесного украшательства» [Федоров 2023, с. 73-74]. Современный всплеск интереса к метафоре начался во второй половине прошлого века и продолжается до сих пор, демонстрируя широкий спектр подходов представителей разных научных дисциплин и междисциплинарных областей знания – лингвистики, философии, литературоведения, психологии, педагогики, когнитивистики, лингвокультурологии и др. Только за 6 лет (1985 – 1990) вышло около трех с половиной тысяч посвященных метафоре работ [Noppen, Hols 1990]. В этом потоке разнообразных исследований метафоры есть и работы, изучающие функционирование метафор в научном дискурсе, однако они занимают достаточно скромное место, так как принято считать, что сегодня, в век переизбытка информации, язык науки должен быть точным, ясным, однозначным, компактным и без***о***бразным, особенно если речь идет о естественных науках, в которых за последние сто лет язык, стиль и формат публикации результатов исследования претерпели колоссальные изменения в направлении стандартизации и унификации.

Метафора, как известно, представляет собой «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» [Жеребило 2010, с. 192], что позволяет судить о свойствах одного фрагмента действительности на основе уже сложившихся представлений о другом ее фрагменте. Понятно, что такого рода инструмент познания действительности, являющийся частью когнитивного аппарата человека, не мог остаться невостребованным учеными, и неудивительно, что научный дискурс изобилует метафорами, используемыми, естественно, не в эстетической (для украшения речи) или эмоциональной, а в познавательной / эвристической функции; более

того, метафора рассматривается рядом ученых «как неустранимый, неотъемлемый и органичный элемент научного дискурса» [Гогоненкова 2005, с. 7]. В целом разделяя данную точку зрения, мы проиллюстрируем ее справедливость на материале медико-биологических текстов на английском и русском языках.

Установлено, что лексический состав научной речи на любом языке имеет тройственное членение: а) термины конкретных наук, б) общенаучная лексика, фигурирующая в любом научном тексте, независимо от его предметно-тематической принадлежности, и в) слова и словосочетания, тематически не относящиеся к науке и присутствующие в любом стиле речи (обиходная лексика, служебные части речи) [Полубиченко 2019, с. 26]. Метафорический перенос, как показало исследование, характерен для единиц всех трех категорий.

В общей и общенаучной лексике в полной мере реализуются свойственные человеческому мышлению переносы «по сходству», развивающие ее семантику, причем во многих случаях метафоричность переносного значения уже стерлась, метафоры перешли в разряд мертвых (узуальных) и соответствующие переносные значения зафиксированы в словарях. Вот несколько примеров из двух практически наугад взятых статей, представляющих результаты новейших исследований рака: *various immune* ***cell populations****, including T cells and natural* ***killer cells;*** *neutrophil* ***extracellular traps;*** *to markedly stimulate Treg* ***cell migration*** *and increase their* ***infiltration*** *into tumor sites; that are typically* ***silenced*** *immune T* ***helper cells****; less* ***recruitment of*** *IFN-γ-producing immune* ***cells;*** *reciprocal* ***crosstalk between different cell populations*** *ultimately determines tumor progression via diverse* ***"intermediate massagers"****; epigenetic dysfunction has emerged as a novel* ***hallmark of cancer****; the extracellular space can be* ***invaded, colonized*** *and remodeled* ***by neoplastic cells and their accomplices;*** *cancer* ***cells hijack*** *nearby tissues;* ***cells fighting*** *for living resources; enable constant* ***intercellular communications****; cancer-derived mediators can* ***recruit, activate or educate stromal cells****; stromal* ***cells populate*** *the onco-sphere; provides a protecting* ***niche for cancer stem cells*** *(CSCs) against chemotherapy in breast and lung cancers; chemokines and their cognate receptors* ***stand at the crossroads*** *of* ***tumor-CAF crosstalk;*** *tumor-associated* ***macrophages*** *(TAMs)* ***orchestrate*** *tumor-promoting inflammation; tumor vascular mural* ***cells also crosstalk*** *with tumor cells; malignant* ***cells compete*** *with the surrounding milieu for spaces and metabolic benefits; both internal and external factors of the primary onco-spheres* ***harness tumor cells*** *and their* ***accomplice*** *in the local milieu* и мн. др.

Существенно больший интерес представляет метафорическая терминология, так как само ее существование, казалось бы, противоречит стремлению к ясности, однозначности и непротиворечивости значений терминологических единиц. В самом деле, метафора – в силу органически присущей ей дву- (а нередко и много-) плановости за счет сопряжения объектов и явлений из совершенно разных жизненных сфер – потенциально неоднозначна, может допускать разные толкования и к тому же поначалу (пока не «сотрется») образна и эмоциональна / экспрессивна, что может отвлекать от сути обсуждаемой научной проблематики. Тем не менее, медико-биологические науки предоставляют богатый фактический материал для изучения метафоризации как весьма эффективного частного случая семантического способа терминообразования, который не может не привлекать к себе внимания не только лингвистов, но и самих биологов.

Так, молекулярный биолог д.б.н. А. Е. Седов выбрал из англоязычного глоссария генетических терминов все метафорические единицы, которых оказалось 859 (17% словника), причем введены в науку они были по большей части ведущими биологами, в том числе нобелевскими лауреатами. Приведем несколько русских эквивалентов этих метафорических терминов, распределенных А. Е. Седовым по группам в соответствии с – в его терминологии – «областями заимствования лексики», что в принятой сегодня лингвистической терминологии соответствует сфере-источнику / сфере-донору

метафоры: *вес признака, генетический груз, генетическое равновесие, генный поток, давление отбора, мутационный спектр, популяционные волны, барабанные палочки, хромосомный мост, мобилизация хромосом, сестринские хроматиды, спаривание хромосом, ген-хозяин, ген-раб, кочующие (номадические) гены, ассимиляция ДНК, мультигенное семейство, эгоистичная ДНК, молчащая ДНК, неразборчивая ДНК* и пр. [Седов 2019]. Среди областей заимствования лексики фигурируют физика (179 терминов), химия (21), география (24), кибернетика (91), лингвистика (66), быт (185), биология (155), антропология и психология (105), социология (26), даже мистика (7) [там же, с. 444].

Присмотримся повнимательнее к метафорическим терминам генетики, сферой-источником которых является лингвистика: *алфавит* (4 нуклеотида, которые сами по себе ничего не значат, как и буквы естественного языка, но, образуя триплеты-кодоны, кодируют аминокислоты - первичный строительный материал организма), *слово* (триплеты нуклеотидов, а также их организация в гены посредством ковалентных взаимодействий), *словарь* (таблица «значений» отдельных триплетов генетического кода, включающая 64 кодона), *предложение* (последовательность генов), *текст* **(**геном), *контекст, пунктуация* (3 стоп-кодона, сигнализирующих об остановке трансляции полипептидной цепи), *библиотека* (совокупность клонированных фрагментов ДНК), *грамматика* (физические и химические законы, по которым из нуклеиновых кислот образуются ДНК), *семантика* (функциональный смысл генетических «слов» и процессов), *транскрипция* (побуквенное «переписывание» последовательности нуклеотидов ДНК в РНК), *трансляция* (считывание информации с РНК для синтеза белка), *чтение / считывание*, *редактура* (исправление ошибок при копировании матрицы) и др. [Полубиченко 2023, с. 417]. Ясно, что все их так или иначе объединяет концептуальная метафора ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД – ЭТО ЯЗЫК, отражающая представление об изоморфизме естественного человеческого языка и механизма передачи наследственной информации в живой клетке, в чем убеждает и перечень названий ряда научных монографий и статей в серьезных рецензируемых научных журналах: ***Язык*** *генома; Генетический* ***язык: грамматика, предложения,*** *эволюция; Сравнительная иерархическая структура генетического* ***языка****; Введение в теорию генетических* ***текстов****;* ***Linguistics*** *of nucleotide sequences:* ***Morphology*** *and comparison of* ***vocabularies****; Genome structure described by formal* ***languages****; In search of more complex genetic codes – can* ***linguistics*** *be a guide? The organic codes: An introduction to* ***semantic biology****; The* ***linguistics*** *of DNA:* ***Words, Sentences, Grammar, Phonetics, and Semantics****; Imported sequences in the mitochondrial yeast genome identified by nucleotide* ***linguistics****; Readers of the* ***Book*** *of Life: Contextualizing developmental evolutionary biology* и мн. др. [там же].

По существу, такой подход переводит обсуждение роли метафоры в науке из сферы терминологии в парадигмальную область научных концепций, методов и подходов, обусловливающих появление тех или иных метафорических терминов. Еще одним примером этого подхода может служить работа американского биолога М. Флэннери, которая выявила скрывающуюся за привычными английскими метафорическими выражениями, обычно используемыми для описания научной деятельности (*wrestle secrets from nature, a voyage of exploration and discovery, conquering the unknown* и др.), парадигмальную концептуальную метафору SCIENCE IS HUNTING / НАУКА – ЭТО ОХОТА, отражающую традиционный, причем типично мужской, агрессивный взгляд на занятия наукой. В полном соответствии с господствующими в американской культуре принципами политкорректности и требованиями инклюзивности она предложила заменить ее более мирной, «женской» концептуальной метафорой SCIENCE IS QUILTING / НАУКА – ЭТО КВИЛТИНГ, то есть искусство изготовления

стеганых одеял из остатков разных тканей, считающееся типично американским художественным рукоделием, коллективным творческим занятием, изначально практиковавшимся чернокожими женщинами еще во времена рабовладения [Flannery 2001]. Тем самым феминистская метафора стеганого одеяла призвана соединить в сознании мир науки с миром искусства (to reveal the relationship between the worlds of art and science) [там же, с. 640], перенеся в исследовательской деятельности акцент с насилия над природой на взаимодействие с ней (research would be more a reflective conversation with nature than a hunting expedition) [там же, с. 642].

Концептуальные метафоры такого рода могут устаревать с развитием науки, как это произошло с метафорой GENES ARE BLUEPRINTS / ГЕНЫ – ЭТО КОД, которой несколько десятилетий руководствовались молекулярные биологи, пока исследование эпигенетических механизмов не выявило влияние на работу генов таких внешних факторов, как окружающая среда и образ жизни, не затрагивающих, однако, первичную структуру ДНК. Соответственно, была предложена другая, менее жесткая концептуальная метафора GENES ARE RECIPES / ГЕНЫ – ЭТО РЕЦЕПТ, не исключающая, как известно каждому, кто хоть раз пытался приготовить что-то по рецепту, отступлений от прописанных в кулинарной книге инструкций под влиянием многочисленных жизненных обстоятельств (наличие и качество всех продуктов и кухонной утвари, температура и влажность воздуха и т.п.) [Taylor, Dewsbury 2018].

Отдельного упоминания заслуживают процессы метафоризации, характерные для сферы медико-биологической номенклатуры, то есть совокупности наименований конкретных единичных объектов медико-биологических наук.

Бинарная (имя рода + имя вида) латинизированная номенклатура зоологии и ботаники, разработанная еще Карлом Линнеем в XVIII веке, действует и по сей день. С тех же времен сложилась традиция увековечивать в названиях животных и растений выдающихся личностей – ученых, покровителей наук и искусств, членов правящих династий и любых других людей, которых открывший тот или иной вид ученый сочтет достойными такой чести. С конца прошлого века, однако, первооткрыватели видов все чаще дают волю своей фантазии и чувству юмора, придумывая иногда совершенно неожиданные названия, в том числе основанные на визуальных метафорах, в которых перенос смысла закладывается не словом, а изображением.

Так, известный американский энтомолог Терри Ли Эрвин усмотрел в сильно увеличенных «бёдрах» средней пары ног самцов нового вида жужелицы, обнаруженного им в Коста-Рике в 2002 г., прямую аналогию с бицепсами Арнольда Шварценеггера в его бытность культуристом, что вдохновило его назвать открытый им вид *Agra schwarzeneggeri* (Рис. 1).

Рис. 1.

Аналогичным образом получил свое название и обнаруженный на Гавайях в 1996 г. новый вид мух – *Campsicnemus charliechaplini*, только мотивационным фактором на

этот раз послужили не руки, а ноги «прототипа», а точнее – знаменитая выворотная походка Чарли Чаплина (Рис. 2).

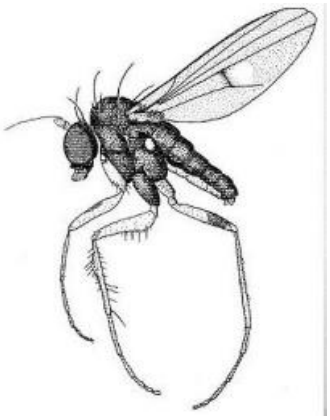


Рис. 2.

Найденный в 2019 г. в Австралии новый вид пауков-скакунов назвали в честь кутюрье Карла Лагерфельда – *Jotus karllagerfeldi,* так как существо напомнило обнаружившим его ученым лаконичный стиль черно-белой одежды, очки и неизменные перчатки «короля моды» (Рис. 3).

Рис. 3.

В той же Австралии в 2011 г. был обнаружен новый вид слепня, отличающийся ярко-золотистой окраской кончика брюшка, что вызвало у ученых ассоциации с американской певицей Бейонсе в одном из любимых ею золотых платьев. Отсюда и метафорическое название *Scaptia beyonceae* (Рис. 4).

Рис. 4.

Интересный материал для исследования предоставляет номенклатура генетики: названия генов могут быть даны на любом языке, но должны записываться латиницей, причем в американском варианте правописания. Названия в честь людей, как это имеет место в зоологической и ботанической номенклатуре, здесь не приняты, зато требуется отражать в названии функцию гена или проявление его мутации в фенотипе, что дает простор для неожиданных ассоциативных сближений и остроумных метафорических сравнений. Так, внешний вид мушек дрозофил с мутациями тех или иных генов подсказал ученым названия целого ряда соответствующих генов: *lame duck, armadillo*, *flamingo, penguin, hedgehog*, *porcupine, serpent, pigeon, turtle, huckebein* (нем. *хромой*), *hunchback (*нем. *горбун*), *knirps* (нем. *карапуз*)*, krüppel* (нем*. калека), one-eyed pinhead* и мн. др. Встречаются и более сложные метафорические ассоциации. Например, потерявшие подвижность и никак себя не проявляющие гены (в геноме есть и такие) вызвали у генетика русского происхождения и у немецких генетиков разные ассоциации: первый назвал открытый им ген *aurora,* усмотрев сходство с легендарным крейсером, поставленным на вечный прикол у Петроградской набережной, тогда как немецкие ученые вспомнили о героине известной сказки и назвали «свой» ген *sleeping beauty*. Ген, оказывающий влияние на бесплодие мушек-дрозофил из-за полного отсутствия у них наружных половых органов, получил название *ken and barbie*.

Представленные материалы свидетельствуют о том, что язык науки – причем не только гуманитарно-научный, что можно считать ожидаемым, но и естественно-научный дискурс – буквально пронизан метафорикой: ученые используют метафоры для наименования как новых конкретных объектов, так и новых абстрактных понятий, для осмысления и объяснения сложных теоретических концепций, для передачи и распространения знаний. Подобно бытовым метафорам, которые, стираясь, становятся неотъемлемой и незаметной частью бытовой картины мира человека, научные метафоры, стираясь, превращаются в столь же неотъемлемый и незаметный компонент научной картины мира ученого.

Список литературы

1. Федоров М. А. Метафора в философском дискурсе от Аристотеля до Милля // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 1. С. 73-80.

2. Noppen J-P van, Hols E. (comps.) Metaphor II: A Classified Bibliography of Publications 1985 to 1990. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1991. 497 p.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, Пилигрим, 2010. 486 с.

4. Гогоненкова Е. А. Метафора в науке: философско-методологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. философ. н. М., 2005. 19 с.

5. Полубиченко Л. В. Общенаучная лексика в составе научного дискурса: новые возможности изучения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Том 16. № 1. С. 26-30.

6. Седов А. Е. Логика и история науки, запечатленная в метафорах ее языка: количественный и структурный анализ профессиональных терминов и высказываний генетики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 426-445.

7. Полубиченко Л. В. Интеграция лингвистики и биологии: о путях, результатах и перспективах // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. – М.: Доброе слово, 2023. С. 416-425.

8. Flannery M. C. Quilting: A Feminist Metaphor for Scientific Inquiry // Qualitative Inquiry. 2001. Vol. 7. No. 5. P. 628-645.
9. Taylor C., Dewsbury B. M. On the problem and promise of metaphor use in science and science communication // Journal of microbiology & biology education. 2018. Vol. 19. No. 1. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5969428/pdf/jmbe-19-46.pdf (дата обращения: 24.08.2025).

Сведения об авторе:
Полубиченко Лидия Валериановна; доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1; lpolubichenko@mail.ru; +7 910 441 4081.

Polubichenko Lydia Valerianovna; Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; lpolubichenko@mail.ru; +7 910 441 4081.

УДК 81′33

О противоречиях в трактовках понятия ‘лакуна’

Екатерина Владимировна Савицкая
Самарский государственный социально-педагогический университет, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук, Самара, Россия, lampasha90@mail.ru

Аннотация. В статье сопоставляются точки зрения лингвистов на языковые лакуны и делается вывод о несостоятельности их межъязыковой трактовки. Доказывается, что лакуны представляют собой внутриязыковой феномен. Выясняется соотношение лакунарности и безэквивалентности.
Ключевые слова: лакуна, лакунарная (= виртуальная) единица языка, межъязыковые эквиваленты, безэквивалентная единица языка, парадигмальная ячейка

On contradictions in interpretations of the concept of lacuna

Ekaterina V. Savitskaya
Samara State University of Social Sciences and Education, Associate Professor, Department of English Philology and Cross-cultural Communication, Candidate of Philology, Samara, Russia, lampasha90@mail.ru

Abstract. The author compares linguists’ views on language lacunas, concludes that the interlingual interpretation of lacunarity is invalid, proves that it is an intralingual phenomenon, and analyzes the relationship between lacunarity and non-equivalence.
Keywords: lacuna, lacunary (= virtual) unit of language, interlingual equivalents, non-equivalent unit of language, paradigmatic cell

Термин *лакуна* (лат. *lacuna* ‘пробел, брешь’) применяется в ряде отраслей знания. В его отраслевых значениях выделяется смысловой инвариант ‘ограниченный участок

какого-либо пространства, пустой или заполненный инородным содержимым'. Применяется он и в науках филологического цикла (там речь идет о семиотическом пространстве). В лингвистике значимость и сложность этого феномена сначала недооценивались: лакуна трактовалась просто как нехватка элемента в речевой синтагме или единицы / формы в языковой парадигме. Выявлялись факторы возникновения лакун, проводилась вероятностная реконструкция недостающих фрагментов, и этими процедурами главным образом ограничивалось изучение лакун. Они долго считались интралингвистическим явлением, которое не вызывало острого интереса у филологов.

Но с середины XX века стал возрастать интерес к связи языка и культуры и к культурной специфике этноязыков. Это направило внимание ученых в кросс-культурный и межъязыковой план, стимулировало сопоставительные исследования. Вследствие этого лакуны оказались в фокусе внимания; они стали осмысливаться в ином ракурсе и на иных теоретических основаниях. Если прежде речь шла о том, что у означаемого отсутствует означающее в **своем** языке, то после выхода в свет работ [Vinay, Darbelnet 1958] и [Malblanc 1961] внимание заострилось на том, что у означаемого отсутствует означающее в **другом** языке.

В научных работах по лакунологии не всегда четко объясняется, **где** расположена лакуна. «Наряду с термином *лакуна* существуют и другие термины: *безэквивалентная лексика*, *культурно специфическое слово*, *реалия*» [Николаева 2005, с. 3]. Неясно, является ли термин *лакуна* синонимом этих терминов и вследствие этого предполагает **наличие** этноспецифичных единиц в языке, или он, напротив, имплицирует **отсутствие** этих единиц в данном языке по контрасту с их наличием в каком-либо ином языке. Не достигнут консенсус и по поводу того, в каком языке находится лакуна – в том, в котором **есть** эндемичная единица, или в том, в котором этой единицы (либо ее эквивалента) **нет**, или же лакуна расположена не в тексте и не в языке, а в когнитивном мире коммуникантов.

Пока не дан единый ответ не только на вопрос о местонахождении лакуны, но и на вопрос о ее сущности. В рамках сопоставительного подхода появился термин *межъязыковая лакуна*. В результате явление, которое сначала носило название *языковая лакуна*, получило название *внутриязыковая лакуна.* И поныне нет единого мнения касательно того, с чем лингвисты имеют дело: с двумя аспектами одного и того же феномена [Таргонская 2009] либо с двумя разновидностями лакун [Стернин, Быкова 1998]. В отечественной лингвистике лингволакунология возникла в основном как отрасль, посвященная этноязыковому своеобразию. В основополагающей монографии [Марковина, Сорокин 2008] первостепенное внимание уделяется безэквивалентности языковых единиц, трактуемых с точки зрения их отсутствия в других языках.

Исходя из теоретического положения Ф. де Соссюра, согласно которому язык **не** есть номенклатура наименований, исследователи сосредоточились на несовпадении семантических сеток систем языков, различиях в членении мира, специфике языковых картин мира. Например, в английской колоронимике существуют наименования *ecru*, *zaffre*, *russet*, *dun*, *mauve*, *bole*, *puce*, которым не соответствуют русские эквиваленты. Одни лингвисты называют лакунами **отсутствие в русском языке эквивалентов**; другие, напротив, именуют лакунами **наличие в английском языке** слов, безэквивалентных по отношению к русскому языку. Налицо противоречие точек зрения на сущность лакуны.

Если в каком-либо языке существует единица для десигнации определенного концепта, а в другом языке не существует такой единицы, этот факт расценивается как межъязыковая лакуна и предполагает **относительность** ее бытия. Например, в кенийском языке кикамба есть слово *mwambe*, которое десигнирует концепт 'приворотный обряд, состоящий в том, что девушка крадет у юноши мотыгу', тогда как

в русском и английском языках такого слова нет. Из межъязыкового толкования лакун следует, что данная лакуна есть в английском языке относительно кенийского языка, но ее нет в английском языке относительно русского языка: ведь ни в русской, ни в английской концептосферах нет ячеек для данного концепта, а в их семантических системах нет ячеек для данной семемы.

Может ли нечто существовать относительно чего-то, но не существовать относительно чего-то другого? Дилемма «Лакуна икс существует и не существует в языке В в момент *t*» нарушает логический закон непротиворечия; относительное существование лакуны вызывает сомнения.

Лакуны – своеобразный объект исследования: он заставляет изучать то, чего нет. Существует ли различие между отсутствием *m* и отсутствием *n*? Ответ

на этот вопрос нужно принимать во внимание при исследовании лакун, так как использование понятий ‘наличие’ и ‘отсутствие’ в их обычном толковании нередко вызывает логические противоречия в осмыслении сущности лакун. В порядке подтверждения приведем ряд определений лакуны: **«Отсутствие** … **единицы** в одном из языков при **ее** наличии в другом» [Стернин 1998, с. 55]. «**Отсутствие** в одном языке … **эквивалента единицы** другого языка» [Жаркова, Сороковых 2014, с. 146]. «**Отсутствующая** в одном языке и присутствующая в другом языке **единица**» [Смирнова 2008, с. 242]. «**Пустая клетка** в системе именования» [Матханова, Трипольская 2009, с. 40]. «**Идеальное содержимое**, представляющее собой **виртуальную единицу**, занимающую место в языковой системе» [Быкова 1999, с. 10]. «**Семема** без лексемы» [Быкова 1998, с. 136].

Можно ли совместить вышеприведенные толкования лакуны? Судя по публикациям на тему лакун, языковеды нечасто спорят о перечисленных нестыковках в определениях лакуны. Вероятно, они считают эти определения приблизительно совпадающими по смыслу. Отсутствие единицы в системе языка предполагает наличие вакантной ячейки, вакантная ячейка имплицирует существование виртуальной семемы, а ее существование подразумевает наличие **реальной семемы** в другом месте. Так почему бы не приравнять друг к другу эти определения, в которых термином *лакуна* поименованы сопредельные, подразумевающие друг друга и соответствующие друг другу явления?

Дело, однако, в том, что ни импликация («*m* подразумевает *n*»), ни корреляция («*m* соответствует *n*») не являются тождеством («*m* есть *n*»). Вещи, связанные между собой импликацией и / или корреляцией – это **разные** вещи. Факт отсутствия единицы в парадигмальной ячейке языка А нельзя отождествить ни с самой отсутствующей единицей, ни с пустой клеткой в парадигме языка А, ни с безэквивалентной единицей в ячейке языка В. Это разные вещи, но их порой именуют всё тем же термином *лакуна*, тем самым отождествляя нетождественное; это в ряде случаев ведет к противоречиям и недоразумениям.

Такая разноречивость исходных позиций создает неясность в ряде вопросов. Что представляет собой то, чего не существует? Можно ли считать ничто чем-то? Имеет ли пустота качественную определенность? Отличается ли одна пустота от другой? Возможно ли, что ячейка в одном языке занята единицей другого языка, хотя бы и виртуальной? И имеется ли эта вакантная ячейка в языке В, если она выявляется в нем относительно языка А, но не выявляется относительно других языков? Не фантомная ли это ячейка? Без четких ответов на эти вопросы неизбежны недоразумения.

И. А. Стернин отметил, что словарь межъязыковых лакун «представляет собой на первый взгляд теоретический нонсенс. Ведь лакуна – это отсутствие слова … Как можно описать то, чего нет? Оказывается, можно … Лакуна в русском языке описывается в

форме толкования … единицы того языка, на фоне которого она выявлена … Список языков планируется … расширять, пополняя словарь» [Стернин 2008, с. 39-40].

В принципе, этот список можно расширять до полного завершения, сопоставив рассматриваемый язык со всей совокупностью языков. Тогда придется признать, что в **системе** этого (и любого другого) языка существует несметное количество **бессистемно** накладывающихся друг на друга пустых ячеек. Оно во много раз превышает число заполненных ячеек, и неясно, как слова других языков ipso facto своего бытия смогли образовать пустые ячейки определенной конфигурации в лексических полях данного языка, тем самым влияя на структуру этих полей. Если же считать, что никакой пустой ячейки чужая безэквивалентная единица в языке не образует и что этой единицы в нем просто **нет** [Огурцова 1979, с. 79], то, называя этот факт лакуной, мы придем к противоречию. Если в системе данного языка нет ни единицы, ни ячейки для нее, то нет и соответствующей семемы, а значит, в данном языке **нет ничего** от данной единицы. Если трактовать «нет ничего» как «есть лакуна», то, по логике вещей, лакуна – это не пустая ячейка, а абсолютное ничто. Но если трактовать лакуну как ничто, это значит, что лакуны нет. Если принять данную трактовку, то межъязыковая лакунология и в самом деле предстанет как наука ни о чем, «теоретический нонсенс».

Безэквивалентные единицы и формы заслуживают тщательного изучения, но ниже мы приведем аргументы в пользу того, что они **не** образуют межъязыковых лакун в парадигмах других языков; в других языках соответствующих лакун либо нет, либо они вызваны внутриязыковыми причинами.

Если же называть словом *лакуна* (букв. ‘пробел’) безэквивалентную единицу, имеющуюся в языке («Лакуны − слова и словосочетания, не имеющие равнозначных элементов в сравниваемых языках» [Полянская 2003, с. 28]), то вновь возникнет противоречие: окажется, что отсутствие единицы есть единица, притом не отсутствующая, а наличная. На наш взгляд, межъязыковые эквиваленты и безэквиваленты должны изучаться не в рамках лакунологии, а в рамках дисциплины, которую можно назвать лингвистической эквивалентологией.

Межъязыковые безэквиваленты в своем большинстве **относительны** – они не имеют эквивалентов лишь в некоторых, а не во всех языках. Так, английское слово *shallow* эквивалентно русскому *мелкий*, но безэквивалентно по отношению к французскому языку, где такого слова нет (это понятие по-французски выражается путем отрицания: *peu profond* ‘мало глубокий’). Поэтому мы полагаем, что термин *безэквивалент* – **не** синоним терминов *языковая реалия* / *уникалия* / *эндемик*. Это их гипероним: языковые эндемики – это **вид** безэквивалентов, а именно **абсолютные** (= уникальные) безэквиваленты. По нашему мнению, лингвоэндемистику следует рассматривать как раздел лингвоэквивалентологии.

На наш взгляд, нецелесообразно характеризовать объект через отрицание, отсекая гигантское число **не** присущих ему признаков. Проще охарактеризовать объект, рассмотрев несравненно меньшее число **имеющихся** у него признаков. В частности, легче охарактеризовать английский язык через описание его собственного лексического фонда, нежели с этой целью описывать всю колоссальную совокупность слов остальных языков мира, безэквивалентных по отношению к английскому языку. Изучать безэквиваленты необходимо, но, на наш взгляд, нерационально считать все единицы языков мира, которые не имеют эквивалентов в английском языке, недостающими (виртуальными, лакунарными, нулевыми) единицами английского языка. Ведь это значило бы, что в его парадигмах есть ячейки (а значит, и семемы) для всего совокупного опыта человечества. Возникает противоречие: целое (весь опыт человечества) оказывается частью своей собственной части (семантической системы английского языка).

Если же считать, что лакунарная единица / форма – это не недостающий элемент своего языка, а такой элемент, который есть в одном языке, но которого нет в другом [Смирнова 2008: 242], то лакунарными относительно рассматриваемого языка придется признать **все** единицы и формы всех остальных языков мира – ведь они есть в своих языках, и их нет в данном языке. В такой трактовке слово *лакунарная* – попросту ненужный синоним слова *иноязычная*.

Таким образом, лакунарные единицы / формы **не** находятся в другом языке. Но они **должны** где-то находиться – иначе их не было бы вообще. На наш взгляд, они расположены в **своем** языке, в его виртуальном домене, составляющем часть схемы (системы) языка. По нашим представлениям, виртуальные (лакунарные) единицы – это те единицы языка, которые существуют в его схеме, но не реализуются в его норме и узусе, хотя могут реализовываться окказионально.

Наша статья содержит больше вопросов, чем ответов. Мы стремимся к тому, чтобы эти вопросы задали направление дальнейшим изысканиям в данной области, и выдвигаем их на коллективное обсуждение.

Список литературы

1. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. Paris: Didier; Montreal: Beau-chemin, 1958. 331 pp.
2. Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris: Didier, 1961. 351 pp.
3. Николаева Э. А. Лакунарность языка как переводческая проблема (опыт классификации лакун) // Современные проблемы перевода. Доклады междунар. конф. Академия ФСБ РФ. 17.05.2004. М.: МГИМО, 2005. С. 1-6.
4. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей. М.: Наука, 1998. С. 55-67.
5. Таргонская Е.П. Ядро лексико-семантической группы глаголов речи в русском языке по сравнению с другими славянскими языками: заполнение лакун // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Сб. статей. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. С. 46-49.
6. Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: Гэотар-Медиа, 2008. 144 с.
7. Жаркова Т. И., Сороковых Г. В. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку. М.: ФЛИНТА, 2014. 320 с.
8. Смирнова О. М. Языковые лакуны и безэквивалентные лексические единицы // Вестник Нижегородского ун-та. № 3. 2008. С. 241-245.
9. Матханова И. П., Трипольская Т. А. Лакунарность в системе эмотивных средств русского языка // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2009. С. 6-16.
10. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / 10.02.19. Воронеж, 1999. 33 с.
11. Быкова, Г. В. Внутриязыковая лакунарность в лексической системе русского языка. Благовещенск: изд-во АмГУ, 1998. 219 с.
12. Стернин И. А. Предисловие научного редактора // Г. В. Быкова, В. Л. Фраер. Лакуны русского языка. Вып. 2. Благовещенск: БГПУ, 2008. С. 39-56.
13. Огурцова О. А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц. Вып. 3. Краснодар: изд-во КубГУ, 1979. С. 77-83.
14. Полянская Л. П. Этнографические лакуны в русском и французском языках // Язык и культура: Материалы II междунар. науч. конф. 17-21.11.2003. М.: изд-во РАН, 2003. С. 28-34.

15. Смирнова О. М. Языковые лакуны и безэквивалентные лексические единицы // Вестник Нижегородского ун-та. № 3. 2008. С. 241-245.

Сведения об авторе:

Савицкая Екатерина Владимировна; кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, Самара, ул. Максима Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru;

Savitskaya Ekaterina Vladimirovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorki Street, 443090, Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru.

УДК 800.83

Фразообразование в лингвопоэтическом аспекте

Владимир Михайлович Савицкий

Самарский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, Самара, Россия, lampasha90@mail.ru

Аннотация. В статье описывается ономасиологическая модель фразообразования, разработанная автором с учетом лингвопоэтических свойств фразеологизмов. Рассматривается действие семантического, синтактического и прагматического факторов фразообразования. Исследование проведено на материале английской и русской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизм, модель порождения фразеологизмов, факторы фразообразования, стилистический повтор, уровни строения фразеологизмов.

Idiom formation in the linguopoetic aspect

Vladimir M. Savitsky

Samara State University of Social Sciences and Education, Professor, Chair of English Philology & Cross-cultural Communication, Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Samara, Russia, lampasha90@mail.ru

Abstract. The article contains a description of an onomasiological model of idiom formation created by the author with regard to the linguopoetic properties of idioms. Semantic, syntactic, and pragmatic factors of idiom formation are analyzed. The research is based on the material of English and Russian idioms.

Keywords: idiom, generative model of idioms, factors of idiom formation, stylistic iteration, levels of idiom structure

Р. О. Якобсон [1987], Ю. М. Лотман [1994], А. Ф. Лосев [2019], А. А. Потебня [2025] и ряд других исследователей неоднократно подчеркивали поэтичность естественного языка. Как известно, одним из важнейших средств реализации поэтической функции языка является его фразеологический фонд. Знаковая структура

фразеологизмов по ряду признаков (семантической целостности, функциональной соотнесенности со словом, характеру образности) сходна с организацией художественных, прежде всего поэтических текстов. Однако этим сходство не исчерпывается. В структуре художественного текста наблюдаются две противоположно направленные тенденции, характерные и для знакового строения фразеологизмов.

С одной стороны, во фразеологии имеет место стремление к формализации содержательных элементов, клишированию, «переходу из сферы содержания в условную область кода» [Лотман 2024, с. 25]. Аналогичный процесс протекает в ходе фразеологизации переменного словосочетания с буквальным значением: лексические и синтаксические единицы стремятся превратиться в строевые элементы целостного знака, лишенные самостоятельных значений, а всё словосочетание клишируется, становится знаком языка [Телия 1969, с. 211].

С другой стороны, в структуре художественного текста проявляется обратная тенденция – к семантизации формальных элементов. Утверждение о том, что «в художественном тексте нет ничего случайного», что в произведении искусства наблюдается стремление «осмыслить всё как значимое» [Лотман 2024, с. 25-26], справедливо и применительно к фразеологии.

Если процесс формализации содержательных элементов фразеологизмов подробно описан в лингвистической литературе, то противоположному явлению – семантизации формальных элементов – уделено гораздо меньше внимания, а ведь это важный компонент процесса фразообразования. Семантизируются как грамматические, так и фонетические единицы, входящие в состав фразеологизмов. Нами предпринята попытка показать, как формальный строй фразеологизма коррелирует с его образным строем и таким способом участвует в мотивировке фразеологического значения в ходе фразообразования.

Процесс фразообразования можно рассматривать в двух направлениях – семасиологическом, то есть от означающего к означаемому (как переосмысление словосочетаний с буквальными значениями) и ономасиологическом, то есть от означаемого к означающему (как выражение заданного смысла средствами вторичной номинации). Ниже приводится краткое описание разработанной нами ономасиологической модели фразообразования. Этот процесс представлен в ней как нестрогий (эвристический) алгоритм порождения фразеологизмов. В его состав входят: 1) правила отбора и комбинирования образных средств из арсенала этнокультуры; 2) правила отбора и комбинирования лингвистических средств из арсенала языка. Действие первых и вторых скоординировано.

В ходе отбора образов отбираются такие, которые способны выразить заданное содержание. Отбор образов определяется тремя факторами, которые соответствуют трем измерениям семиозиса: семантическим фактором (характером темы), синтактическим фактором (закономерностями комбинаторики образов) и прагматическим фактором (характером эмоциональной оценки денотата).

Действие **семантического** (тематического) фактора проявляется в том, что денотат должен быть репрезентирован с помощью образных средств в нужном (коммуникативно значимом) аспекте. Один и тот же денотат может быть представлен разными образами. В зависимости от того, какую грань объекта номинации требуется вывести в фокус внимания реципиента, в основание сравнения кладется соответствующий семантический признак. Для этой цели подбирается подходящий образ. Например, представления о любви воплощаются во множестве образов, высвечивающих разные ее грани: любовь – огонь (здесь подчеркнута страстность и муки любви), любовь – мелодия (здесь подчеркнута ее сладостность и красота), любовь – вольная пташка (здесь подчеркнута ее неподвластность обстоятельствам) и т.д.

Фразеологические примеры: вступить в брак, создать семью – а) англ. *to enter the bonds*, рус. *связать себя узами брака*, англ. *to part with one's freedom*, рус. *распрощаться с* (*холостяцкой*) *свободой* (здесь подчеркнуто ограничение свободы); б) англ. t*o come to a quiet harbor*, рус. *обрести* (*семейное*) *пристанище*, *тихая пристань* / *гавань* (здесь подчеркнуто обретение покоя); в) англ. *to build one's nest*, рус. *свить* (*семейное*) *гнездышко* (здесь подчеркнут конструктивный характер брака). Фразеологический образ не только высвечивает ту или иную грань денотата, но и моделирует его; с помощью образа реципиенту навязывается то или иное ви́дение, концепция денотата.

Действие **синтактического** (комбинаторного) фактора проявляется в том, что отбор и сочетание образов для формирования сложной образной конструкции осуществляется по принципу их функциональной совместимости. Согласно ему, (а) желательно, чтобы соединяемые образы принадлежали к одной и той же тематической области и были способны образовать единую сцену, без труда вообразимую мысленным взором (это требование может быть нарушено при создании фразеологизмов комического или абсурдистского жанра); (б) нужно, чтобы соединение образов порождало требуемый (согласно коммуникативному заданию) семантический признак.

Обратимся к примеру. Допустим, что, согласно коммуникативному заданию, нужно выразить образными средствами сложную абстрактную идею "контраст большого и малого". Для этого из образной системы английской культуры могут быть отобраны два образных ряда. 1) Возможные символы большого: гора, море, океан, бочка, куча, стог, воз, кит, слон, ведро, великан (гигант, титан, колосс, циклоп) и др. 2) Возможные символы малого: зернышко, капля, муха, комар, мошка, кочка, килька, плотва, буква йота, пигмей (карлик, гном, лилипут) и др.

Далее вступает в действие принцип функциональной совместимости. Вряд ли совместимы, например, образы горы и кильки, поскольку они относятся к разным тематическим областям, и представить их в рамках единой сцены трудно.

Несовместимы и образы ведра и карлика, потому что между ними нет ощутимого различия в размерах, и признак "контраст" при их соединении не порождается. Зато хорошо совместимы образы ведра и капли (англ. *a drop in the bucket*), моря и капли (*a drop in the sea*), океана и капли (*a drop in the ocean*), великана и карлика (*Gulliver among the Lilliputians*), стога и иголки (*a needle in a haystack*) и т.п. Символические значения образов могут быть постоянными, независимыми от контекста (капля, море) или контекстуально взаимозависимыми (стог, иголка).

Рассмотрим далее действие **прагматического** фактора. Оно проявляется в том, что отбираемые образы должны обладать заданными аксиологическими характеристиками. Желая внушить своему собеседнику то или иное отношение к денотату, говорящий подбирает образ с таким эмоционально-оценочным ореолом, который он хочет приписать денотату. Ореол образа переносится на денотат. Например, английский фразеологизм *the Prince of Darkness* (рус. *Князь тьмы*) изображает дьявола в торжественно-приподнятой тональности, а фразеологизм *the Old Nick* (букв. "старина Ник") – в шутливо-фамильярной.

Многие образы (свет, тьма, чистота, грязь и другие) в рамках образной системы культуры характеризуются более или менее однозначно определенным эмоционально-оценочным ореолом; в ходе образной номинации они передают свой заранее заданный ореол денотату. Но есть немало таких образов, которые не обладают сколько-нибудь определенным эмоционально-оценочным ореолом, и тогда требуемые (согласно коммуникативному заданию) коннотативные признаки порождаются в процессе образной номинации при сопоставлении темы и образа.

Например, образ лошади сам по себе не имеет негативных оценочных характеристик, но при сравнении женщины с лошадью возникает негативная

характеристика денотата (*тетя-лошадь*). Лошадь бежит грациозно, но когда о человеке говорят, что он «бежит как лошадь», это вызывает представление о тяжелой, неуклюжей поступи. Голова лошади красива, ее изображения стали элементом декоративного убранства интерьера, но когда о человеке говорят, что у него «лошадиное лицо», это отнюдь не комплимент. Дело здесь не в априорных негативных характеристиках образа, а в плохой совместимости темы и образа: возникающий комбинированный образ неэстетичен. Таким путем порождается нужный (в данном случае негативный) эмоционально-оценочный ореол.

Выше мы продемонстрировали действие правил образного отбора. Но отбор касается не только самих образов, но и их языковых десигнаторов. Параллельно образному отбору производится языковой отбор на фонетико-фонологическом (фонемном и просодическом), морфологическом, синтаксическом, лексическом уровнях. Критерием отбора языковых форм служит удачная схема повтора.

Повтор – это фундаментальный принцип организации литературных и фольклорных текстов, включая фразеологизмы как малые фольклорные формы. Он способствует со- и противопоставлению художественных образов (а значит, и передаваемых ими идей), выявлению эстетически значимых граней содержания и в целом росту экспрессии текста. Повтор обнаруживается на всех уровнях знакового строения эстетически маркированных единиц, в т. ч. фразеологизмов. Здесь мы рассмотрим в основном фонетико-фонологические средства повтора, применяемые в ходе фразообразования. К их числу относятся фонематическая аллитерация и ассонанс, рифма, парономазия, ономатопея, стихотворный ритм, акцентно-слоговой повтор (т. е. совпадение акцентно-слоговых структур сопоставляемых лексем), признаковая аллитерация и ассонанс (т. е. повтор на уровне дистинктивных признаков фонем).

Перечисленные средства обычно именуются эвфоническими; однако, на наш взгляд, такое наименование недостаточно полно характеризует их роль в семиотической организации фразеологизмов, поскольку в нем не учтена их семантическая нагрузка. Эти средства предназначены не только и, возможно, не столько для благозвучия, сколько для мотивировки фразеологического значения.

В результате действия правил языкового (и, в частности, фонетико-фонологического) повтора круг отбираемых образов еще больше сужается, и на пересечении линий образного и языкового отбора возникает фразеологизм. Отбираются лишь такие образы, языковые десигнаторы которых вписываются в канонические схемы повтора.

Возвращаясь к теме “контраст большого и малого”, рассмотрим английский пример: *to make a mountain out of a molehill* (букв. “делать гору из кротовины”, перен. “панически преувеличивать”). Противопоставление большого и малого подчеркнуто здесь аллитерацией на [m], акцентно-слоговым повтором (*mountain*, *molehill* – двусложные лексемы с ударением на первом слоге), ассонансом дифтонгов [au – ou] с глайдом [u], ассонансом безударных [i] и концентрацией сонорных в сопоставляемых лексемах ([m-n-n – m-l-l]).

С описанных позиций можно осуществить **причинный** подход к анализу процесса фразообразования. Не ссылаясь ни на историческую традицию, ни на случайную прихоть сочинителя, объясним мотивы отбора языковых средств для создания фразеологизма *to carry coals to Newcastle* (букв. “возить уголь в Ньюкасл”, перен. “доставлять что-либо туда, где этого и так вполне достаточно”. Выбор лексем *coals* и *Newcastle* обусловлен не только внеязыковыми причинами (Ньюкасл был центром угледобычи), но и тем обстоятельством, что эти лексемы обеспечивают аллитерацию [k-l – k-l]. Выбор лексемы *carry* из ряда синонимов *carry*, *take*, *deliver*, *bring* и др. тоже обусловлен аллитерацией на

[k], а в синтагме эти лексемы обеспечивают стихотворный ритм, что тоже является значимым.

Число подобных примеров можно множить. Необходимость гармонично сочетать формальный и содержательный критерии отбора – фундаментальное условие порождения поэтических текстов и фразеологизмов. Это подтверждается сравнением вариантов не только фразеологизмов, но и черновиков классических стихотворений. Явное предпочтение одного из критериев в ущерб другому ведет к снижению художественного качества (это характерно для дилетантского стихосложения). Умение найти баланс между содержанием и выражением, слить их в единый сплав, создать органичное структурно-семантическое единство, в котором форма плана содержания (внутренняя форма) и плана выражения (внешняя форма) состоят в оптимальном соотношении, – такое умение составляет важную часть поэтического дарования.

По С. И. Карцевскому [2004], неустойчивое равновесие означаемых и означающих проявляется в том, что они «ищут» друг друга, пока не соединяются в акте речи. Создание поэтического произведения можно назвать венцом такого творения; превращение динамического равновесия в статическое в его самом совершенном варианте может быть охарактеризовано фаустовским восклицанием «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

При создании фразеологизмов в роли даровитого поэта выступает коллективный интеллект, который оттачивает до совершенства произведения индивидуального интеллекта и отфильтровывает неудачные варианты.

Далеко не во всех фразеологизмах наблюдается интенсивное взаимодействие единиц семантического, образного и формального уровней их знаковой структуры.

Однако, как показывают наблюдения, в той или иной степени межуровневое взаимодействие присуще большинству фразеологизмов.

Итак, если в обыденной речи для выражения мысли языковые единицы отбираются по принципу их соответствия контексту и речевой ситуации, то в художественной речи и во фразообразовании они отбираются по принципу их соответствия канону. Правила образного и языкового отбора находятся в равновесии, взаимовлиянии и координации. В процессе фразообразования не формируется сначала внутренняя, а затем внешняя форма и тем более не наоборот; обе формы фразеологизма образуются в зависимости одна от другой, исходя из принципа повтора на всех уровнях знаковой структуры фразеологизма – от семантического до фонетического. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в ходе фразообразования, как и в поэтическом творчестве, «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Вышеописанная модель фразообразования носит гипотетический характер. Подтверждение выдвинутой гипотезы видится нам в том, что практически весь проработанный нами фразеологический материал соответствует критериям этой модели. Верификация модели может быть продолжена.

Список литературы

1. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 461 с.
2. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С.11-263.
3. Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка // А. Ф. Лосев. Учение о стиле. М., СПб.: Нестор-История, 2019. С. 402-437.
4. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Юрайт, 2025. 239 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2024. 512 с.
6. Телия В. Н. О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка: Сб. статей / отв. ред. Э. А. Макаев. М.: Наука, 1969. С. 198-211.

7. Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. Том II. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 239-245.

Сведения об авторе:

Савицкий Владимир Михайлович; доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, Самара, ул. Максима Горького, 65/67; lampasha90@mail.ru;

Savitsky Vladimir Mikhailovich; Doctor of Philology (Advanced Doctorate), Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorki Street, 443090, Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru

УДК 821.161.1

Парцелляция прямой речи как средство выявления семантических прототипов в русской драме и прозе XX в.

Игорь Николаевич Юдкин-Рипун

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины dr.iyudkin@gmail.com SPIN 4354-7669

Аннотация. Обособление высказываний как традиционное средство воспроизведения разговорной речи создает предпосылки неполной предикации, где рему определяет превращение в предикатный признак обозначений отдельных событий, в частности, через отрицание. Ввиду неопределенности аспектуальных показателей приоритет обретает интенциональная характеристика намерений высказывания, которая раскрывается через субъектную перспективу (в тексте роли), определяющую смысл как в тираде, так в диалогическом обмене репликами. Восстанавливается соответствующая концептуальная схема (в отличие от семантического перехода тропа) как дизъюнкция понятий, отсылающая к прототипам.

Ключевые слова: приложение, коллоквиализм, телеграфный стиль, эмфаза, эллипсис, семантическая модуляция, амбивалентность

Parcellation of direct speech as the device of detecting semantic prototypes in the Russian plays and prose of the XX c.

Igor N. Yudkin-Ripun

Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, leading researcher, habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine dr.iyudkin@gmail.com SPIN 4354-7669

Abstract. The partition of utterances as a traditional device of reproducing colloquial speech procures premises for the incomplete predication where a rheme is determined with the transformation of the designation of separate events into a predicative feature, in particular, with the negation. Due to the arising indefiniteness of aspectual parameters it is the intentional load of an utterance's goals that gains priority and reveals itself through a subjective perspective (in

a role's text) that determines the contents both in a tirade as in a dialogical cues' interplay. One restores the respective conceptual scheme (in opposite to a semantic transition of a trope) as the disjunction of notions referring to prototypes.

Key words: parenthesis, colloquialism, telegraph style, emphasis, ellipsis, semantic modulation, ambivalence.

Старинный риторический прием парцелляции – обособления членов предложения, в частности, в виде отдельных назывных предложений – является общеупотребительным и практически обязательным средством европейской драматургии, прослеживаемым с момента ее зарождения. Этот прием применяется как в построении реплик диалогов, так и в монологических тирадах. Например, в шекспировском «Гамлете» (сцена 2.2., строки 201-202) в обмене репликами между главным героем и Полонием парцелляцией выделается слово «могила» как противопоставление «открытому воздуху» (в смысле «воля»): «P.: *Will you walk out of the air, my lord? H.: Into my grave? P.: Indeed, that is out o'th'air*» (*– Не хотите ли вы уйти из этого воздуха, принц*? *– В могилу*. *– Действительно, это значило бы уйти из этого воздуха*) (пер. М. Лозинского). Именно слово, вставленное Гамлетом как дополнительное обстоятельство, становится ключевым предсказанием. В «Короле Лире» (сцена 2.1, строки 19-21) парцелляция применяется в тираде Эдмонда после полученной вести о предстоящих усобицах: «- *briefness and fortune, work! – Brother, a word; - descend; - brother, I say! My father watches: - O sir, fly this place*» («*потребуются скорость и решимость*. *Брат, на два слова*! *Слышишь, брат*! *Спустись. Брат, за тобой отец следит. Спасайся*») (пер. Б. Пастернака). Здесь обособленные фразы имеют разных адресатов и передают разные по направленности (открытые и тайные) сообщения.

Столь же вездесущей в театре остается парцелляция и спустя три века. У А. П. Чехова в «Дяде Ване» (4) она предстает в предпоследней реплике Астрова: «*Придется в Рождественском заехать к кузнецу*. *Не миновать*». Под эмфазу попадает рема «неминуемость», указывающая не только на бытовую неизбежность ремонта, но и намекающая на фатальность событий в жизни персонажа. В «Иванове» (3.7) обособление служит выявлению сути спора между главным героем и его возлюбленной: «(Иванов:) *Это красиво и похоже на правду только в романах, а в жизни* … (Саша:) *И в жизни то же самое*!». Обособление понятия «жизни» в смысле «действительности» очерчивает актуальный предикат как ведущий предмет разногласий. Наиболее значимые члены предложения отделяются и представляются фактически в виде приложения. Такие приложения в постпозитивной позиции вводят уточняющие обстоятельства, которые обретают ключевое значение ремы.

За пределами театра парцелляция обрела особую значимость как средство воссоздания разговорной речи в реалистической прозе. Тем самым изучение этого приема вписывается в большую проблему соотношения коллоквиализмов и их воссоздания в литературе. В одном из недавних исследований, например, сравниваются образцы записи разговорной речи (из общения в богемной среде: «*Написал, потом переделал*. *Какая-то ерунда*») и литературного представления (телефонного разговора: «*Понятно, одну секундочку*. *Это надо записать*. *Вот черт*. *В доме никакой нормальной ручки*»), что дает основания для вывода об эллипсисе, асиндетоне, специфической лексике [Gladrow 2008, S. 137 – 138]. В литературной традиции обращения к коллоквиализмам хрестоматийный пример – это речевая манера Джингла – одного из персонажей «Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, представляющая собой «the most broken speech» (предельно разорванную речь) [Lai-Ming 2008, p. 192].

В прозе, связанной с «потоком сознания», нацеленной на раскрытие внутреннего мира героев и развертывающейся как внутренний монолог повествователя, складывается

«телеграфный стиль», граничащий с «аграмматизмом», где парцелляция возводится в ранг нормы. Так построена, например, повесть «Мысли и сердце» выдающегося хирурга Н. Амосова, построенная как сплошной внутренний монолог. Например, мысли о воспитании молодежи выражены такой последовательностью назывных предложений: «*Развивать любопытство*. *Тогда потянется к науке, творчеству*. *Это большое наслаждение – искать, мучиться*. *Научить работать и добиваться*. *Настойчивость*. *Тогда не упустит мечту*. *Будет усталость и радость отдыха*» (кн. 2, день 3, завершение). По существу здесь представлено перечисление, за которым восстанавливается повествовательный гипотаксис, что легко получить, например, из такого преобразования: * «*Если развивать любопытство, то она (он) потянется к науке* …». Значит, телеграфный стиль как средство «протоколирования» собственных мыслей необходим не только для решения особых коммуникативных задач, но и для представления исследуемой реальности как предмета художественного исследования.

Между тем возможности парцелляции и тем более ее значимость в литературе исследованы недостаточно. Полвека назад киевская исследовательница С. С. Волкова привлекла внимание к необходимости разграничивать собственно парцелляцию и явления эллипсиса, в частности, «невозможность объединить два высказывания в одно» либо же «превратить посредством трансформации эллипсиса» в связное повествование [Волкова 1977, с. 38 – 39]. О семантических переходах тогда речь не шла, и только в последние годы Ю. В. Богоявленская получила результаты, позволяющие прослеживать смысловую нагрузку парцелляции. В частности, был получен вывод о том, что «постоянным свойством основы парцеллемы является наличие по крайней мере одного грамматического предиката, как правило, распространенного» причем открываются «имплицитные приращения смысла», «инференция» [Богоявленская 2018, с. 8 – 9], Этот вывод позволяет привлечь внимание к проблеме «парцелляция - предикация».

Для исследования этой проблемы особенно значимым представляется восходящее к положению А. А. Потебни о наличии разных рангов предикации учение Г. А. Золотовой, где «используются понятия полупредикативность и полипредикативность. … Обычно понятие полупредикативности связывается с “обособленными оборотами”, … Простое предложение, включающее в свой состав такие обороты, становится полипредикативным» [Золотова 1995, с. 100]. В случае парцелляции, где предикатные функции распределяются сообразно обособлениям, полупредикативность проявляется особенно выразительно: «Части речи имеют разные предикативные ранги», причем «… предикативные ранги именных членов предложения сохраняются и при аппозитивном функционировании» [Фурашов 2010, с. 294 - 295]. Особенно показательно тут использование понятия местоглаголия (термин, по аналогии с местоимением, впервые предложен Л. Н. Засориной, 1965) или местоименного предиката, что «генетически восходит к словам с неопределенной семантикой, употребляется в качестве эвфемизма» [Сеничкина 2002, с. 109], как разговорное выражение *того* в приводимом примере из «Кащеевой цепи» М. Пришвина: «*– Ну-те-с, временно, а как же и того**?/** – Вы хотите сказать, как я буду устраиваться с моей действительной невестой?».* Со своей стороны, полипредикативность восстанавливается в перечислениях «телеграфного стиля», как в приведенном примере Н. Амосова. Это могут продемонстрировать приводимые Г. А. Золотовой «именные цепочки» [Золотова 1973, с. 88], например, запись из дневника А. Блока: «*Месяц на ущербе за окном над крышами на востоке – страшный, острый серп*». Здесь предстает набор предикатов, сужающих смысловое поле. Наконец, в силу отмеченной многоступенчатости и многосоставности именно предикация вносит возможность отрицания, поскольку Согласно К. А. Переверзеву, «язык действует в режиме “обманутого ожидания”…, включая отрицание в значение предиката» [Переверзев 1998, с. 50]. Связь предикации с отрицанием в обособленных высказываниях

демонстрирует такая реплика из драмы К. Симонова «Так и будет» (1.1); «*Все знаю. Тем лучше. Буду сам с вами и водку пить, и шуметь! И не спорьте со мной*». В устах персонажа, эвакуированного строителя, принимающего возвратившегося фронтовика, здесь представлена полипредикативность, где центральная рема «знаю» несет значение намерений, а не констатации («настоящее намеченного действия», по А. В. Бондарко), и предполагает опровержение возражений.

Эти предварительные замечания относительно проблемы «парцелляция – предикация» дают основания обратиться к подробно разработанной в трудах И. И. Ковтуновой концепции поэтического синтаксиса, согласно которой, в частности, лирика характеризуется феноменом тотальной предикации: «Лирическое стихотворение развивает и варьирует одну тему. Поэтому оно представляет сплошную рему» [Ковтунова 1986, с. 151]. Заметим, что тут проявляется парадокс парцелляции, когда сплошная субстантивация в перечислениях оборачивается сплошной предикацией, поскольку «номинативные предложения представляют нечленимый предикат» [Ковтунова 1986, с. 157], или выказывают полипредикативность, как видели в приведенных примерах. Имена с предметным значением переосмысливаются как обозначения признаков, так что происходит «выдвижение на первый план действия, состояния или качественного признака, тогда как его носитель остается в тени» [Ковтунова 1990, с. 20].

Применительно к проблеме предикатной функции парцелляции это учение примечательно прежде всего тем, что позволяет включить рассматриваемый феномен в более широкий класс явлений поэтического языка, где запускаются механизмы дейксиса, арочного соотнесения высказываний, характерные для сценической речи: «Частичная инверсия сопровождается дислокацией (разъединением, размещением на расстоянии) … При этом возникает рамочная акцентная структура» [Ковтунова 1976, с. 120]. Со своей стороны, дислокация предстает как средство актуализации, а тем самым определения ремы высказывания: «Изменение порядка слов …, актуализация заключается в превращении синтагматически независимых высказываний в синтагматически зависимые» [Ковтунова 1976, с. 45]. Таким образом, дислокация и парцелляция как ее вид открывают возможности разнообразных «тема-рематических переходов», превращений предметных и признаковых значений.

Такие поиски предикатных признаков приводят к тому, что «неназываемым носителем признака может быть предмет речи, стоящий за целым текстом», особенно «неуловимый или неизвестный предмет» [Ковтунова 1986, с. 148 – 149]. Но тем самым создается и особая проблематичность предикации, в частности, «неизвестность читателю предмета указания» [Ковтунова 2006, с. 270]. В частности, у А. Блока неопределенность, амбивалентность, проблематичность предметно-признаковых отношений создает особый эффект неполноты, близкий эллипсису: «Поэт воспринимает признаки вещей»; «Одно из проявлений неполноты – определения без определяемых» [Ковтунова 1976, с. 46, 50]. Такая предметно-признаковая неполнота, амбивалентность составляет характерную черту раздробленных парцелляцией реплик. Характерный пример такой ситуации встреваем в драме В. Пановой «Сколько лет, сколько зим», где действие происходит в аэропорту, среди пассажиров, собравшихся в условиях нелетной погоды. В одном эпизоде (сцена 3) начальник говорит подчиненному: «*Ты думаешь, я бы тебя не отпустил в Одессу*? *Ты бы еще договорить не успел – я бы отпустил*. *Если б ты не состроил гримасу*». Далее следует спор о сути упомянутого поступка. Парцелляция в постпозиции здесь выделяет рему, превращение предметного значения мимики в обобщенный предикатный признак чего-то более значимого, в непостижимый фантом. Возникает мотив отчуждения, неведомой силы, направляющей поступки и создающей неопределенность. Концепт «гримаса» как обобщение этой силы является локальным,

возникшим только в обстановке ночного аэропорта, и вовлекающим в обсуждение только двоих лиц, которым он понятен только в текущий момент драмы.

Особо значимым представляется отмеченное И. И. Ковтуновой явление «подхвата (повтор конечного слова строки в начале следующей строки)», свойственное как раз обмену репликами в сценической речи, где один персонаж повторяет партнера по диалогу: «Повторы слов с признаковым значением … занимают ведущее положение» [Ковтунова 2013, с. 19, 13], что прямо указывает на предикатное призвание такого построения. Между тем сочетание обособления с повторением как средство определения предикатного признака очевидно в такой реплике персонажа Ани из повести К. Симонова «Дни и ночи» (19): «*Я хочу вместе. Нет, нет, не слушай, делай, как хочешь. Но я все-таки хочу вместе. Вот если бы сейчас сюда бомба попала, мне это не страшно, потому что вместе*». Очевидно, что наречие «вместе», выделенное как «рематическая доминанта» (термин С. Г. Ильенко), обретает функцию обобщенного признака, выходящего далеко за пределы предметного обозначения совместного нахождения в точке пространства. Здесь возникает локальный концепт, относящийся уже к духовному единству, к узам, скрепляющим людей. Показательны и отрицательные, противительные моменты («нет», «но») в развертывании предикации. При этом интенциональная нагрузка этой реплики заключается еще и в раскрытии чувств героини (троекратное повторение глагола «хотеть»).

Итак, парцелляция как разновидность дислокации обнаруживает возможности формирования предикации, представления переходов и совмещений предметно-признаковых значений, а тем самым и построения субъектно-предикатных отношений. Здесь уместно обратиться к положениям учения об аспектологии А. В. Бондарко, позволяющим осветить очерченные обособлением актуальные предикаты. Прежде всего, семантические переходы, инициируемые при обособлении, вовлекают субъектную перспективу текста, поскольку понятие «семантического предиката необходимо соотнести … с понятием семантического субъекта», откуда следует «интерпретация субъекта как источника приписываемого ему непассивного предикативного признака» [Бондарко 2002, с. 627 – 628]. Определение обобщенного признака предполагает целеполагание (выдвижение обобщенной абстракции искомого результата) и действие (достижение цели), предикация есть акция, целенаправленная операция субъекта. Такая целенаправленность особенно значима для прямой речи, непосредственно представляющей намерения субъекта, откуда следует ведущая роль интенциональности, выходящей за рамки предикации: «Интенциональные функции – это … семантические комплексы, включающие элементы разных категорий» [Бондарко 2002, с. 144]. Интенциональность вовлекает необходимость восстановления тех прообразов, прототипов, к которым отсылают оглашенные в репликах предикаты: «Прототипы в сфере семантики пор своей сути интенциональны» [Бондарко 2002, с. 266], и потому раскрытие смысла ремы как следствия интенций персонажа предполагает знание такого прототипа. Такая интенциональность отношения к прототипу видна в реплике из рассказа К. Паустовского «Растрепанный воробей»: «– *Берите*! *С варежкой*. *А то удерет*. *Варежку мне потом принесете*». Речь идет о спасенном зимой воробье, и ремой оказывается «варежка», в которой хранится выжившая птичка, как обобщенный признак защиты жизни. Предмет одежды меняет назначение, интенциональность – становится пристанищем живого существа, а потому обретает признаковое значение орудия охраны, протекции. Восстанавливается первоначальный, прототипный смысл оберегания жизни.

Наряду с интенциональностью для прямой речи как речи наблюдаемой участниками и свидетелями всегда наличествует перцептивный аспект, откуда выводится понятие «литературной перцептивности» как основы категории «образно-поэтическое актуальное настоящее», являющейся «производным от первичного прототипа –

актуального настоящего в устной разговорной речи» [Бондарко 2002, с. 277 – 278]. Для характеристики времени предикатов реплик А. В Бондарко предложил (упоминавшееся выше) понятие «настоящее намеченного действия» (как в «Войне и мире» Л. Толстого: «*Я еду, потому …, ну потому что все едут*»), «настоящее воображаемого действия». В прямой речи возникает «форма настояще-будущего совершенного», применяемая «в выражении оттенков вынужденной необходимости» (как ироничное «*Обрадуешься*!» у А. Островского) [Бондарко 2005, с. 343 – 344, 306].

Образец «настояще-будущего» можно продемонстрировать репликой персонажа из упомянутой драмы «Сколько лет, сколько зим» (сцена 1) В. Пановой, встретившего подругу военных лет: «*Прошлого не вернешь? Да, конечно. Но не знаю, как вы, а я согреваюсь, вспоминая. Озябну – и греться*». Концепт «греться воспоминаниями» здесь непосредственно вводит в следующую сцену ретроспекции, построенную как воображаемый диалог этих персонажей о пережитом. В то же время он относится и к заснеженному, холодному аэропорту, мотивируя холодом обстановки обращение к пережитому. И наконец, концепт непосредственно касается тех событий, о которых пойдет речь – образов очага, уюта. Как видим, превращение коллоквиализмов в реплику приводит к аспектуальным трансформациям.

О том, что в обособленных оборотах прямой речи формируются именно концепты, а не тропы, свидетельствует характеристика концепта, где, согласно В. И. Карасику, имеется «алгоритм развертывания смысла … с уточнением существенных признаков», как совмещение исходного и деривационного значений в эпидигматике, в противоположность тропу, запускающему «бесконечное появление ответных образов» [Карасик 2012, с. 100]. Именно благодаря алгоритму семантического перехода возникает кумулятивный эффект накопления и совмещения смыслов, а не состояние переходности, свойственное тропам. О предикативной основе концепта свидетельствует, в частности, имманентно присущая ему амбивалентность, внутренняя поляризация – своеобразная энантиосемия, которую В. И. Карасик продемонстрировал в ряде примеров, особенно в концепте «благополучие», где из «контраста счастья и благополучия» (продемонстрированного примером прямой речи, вложенной в уста Байрона, из К. Паустовского: «– *счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина*») [Карасик 2012, с. 155 – 156] выводятся многочисленные противоречия. Еще нагляднее противоречия выявляются в концептах, связанных с юмором, где обязательно присутствует абсурд «на грани коммуникативного конфликта» [Карасик 2002, с. 156]. **Кумуляция** и **поляризация** значений как свойства концепта обнаруживаются в обособленных высказываниях прямой речи, отсылающих к прототипам.

Применительно к сиюминутным, преходящим ситуациям разговорного общения создаются временные, локальные и транзитные концепты, обслуживающие коммуникативные задачи hic et nunc и накапливающие смыслы в обозначенный момент. Маркировке таких локальных концептов служат приемы обособления, парцелляции прямой речи, создающие в повествовании или действии «точки конденсации» смыслов. Примером может служить обмен репликами в финале комедии Л. Леонова «Обыкновенный человек» (4) между Свеколкиным и его дочерью Аннушкой после пребывания в гостях у знакомого артиста (сцена упаковки чемодана) и разочарования дочери в прежнем намерении стать артисткой. А.: «*Смотри, платье, в котором я на экзамен в театральное собиралась. Самое <u>любимое</u> у меня*» (следует эпизод с голосами хозяев дома за сценой, за которым – ремарка: «… *торопливей принялась забивать вещи в чемодан*»); С.: «*Этак сомнешь ты <u>любимое</u>-то*!» А.: «*Все равно гладить придется, ничего*!». Рема «измятое любимое (платье)», восстанавливаемая в диалоге, представляется тропом – аллегорией отброшенных целей. Однако за этим очевидным семантическим переходом прослеживается еще иной смысл – наружного покрова,

сброшенного за ненадобностью и подлежащего корректировке («гладить») сообразно с новыми целями. Так предмет одежды становится обобщенным признаком, накапливающим смысловые слои, своеобразной точкой конденсации в развертывании действия.

Как видим, простая перестановка слов и знаков препинания влечет за собой последствия, раскрывающие намерения лица и отсылающие к прототипам, к глубинным представлениям, используемым в текущем коммуникативном акте. Как заметил Ф. И. Шаляпин, «самая как будто незначительная фраза третьестепенного персонажа неожиданно освещала всю драматическую ситуацию» [цит. Россихина 1985, с. 140]. Обособления и сопутствующие преобразования, вызываемые парцелляцией, указывают на исходные мотивы событий на сцене или в повествовании.

Список литературы

1. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен. // Вестник Томского гос. университета. Филология. 2018. № 55. С. 5 – 16
2. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 С.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 622 С.
4. Волкова С. С. Парцелляция или эллипсис? // Исследования по романской и германской филологии. Киев: Изд. при Киевском гос. университете «Вища школа», 1977. С. 36 – 40
5. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 С.
6. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С. 99 – 109
7. Карасик В. И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 478 С.
8. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2012. 320 С.
9. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 240 С.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986 – 210 С.
11. Ковтунова И. И. Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтичекий язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука. 1990. С. 7 – 27
12. Ковтунова И. И. Очерки по языку русских поэтов. М.: Азбуковник, 2003. 206 С.
13. Ковтунова И. И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. Т.1. М.: Азбуковник, 2006. С. 239 – 297
14. Ковтунова И. И. Соотношение и взаимодействие лексики и грамматики в композиционной структуре стиха. // Поэтическая грамматика. Т.2. М.: Азбуковник, 2013. С. 7 – 28
15. Переверзев К. А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24 – 52
16. Россихина В. Д. Оперный театр С. Мамонтова. М.: Музыка, 1985. 240 С.
17. Сеничкина Е. П. Местоименный предикат *того* как средство семантики умолчания // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 12-16 ноября 2002 г.). М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г. Белинского; Пензенский ИПКиПРО, 2002. С. 109-110

18. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Владимир: ВГГУ, 2010. 370 С.

19. Gladrow Wolfgang. Der Funktionalstil der Alltagssprache und die Umgangssprache. // Die Welt der Slaven. Deutsche Beiträge. 14. Internat. Slavistenkongress Ohrid. 2008. S. 133 - 143

20. Lai-Ming Tammy. Reading aloud in Dickens // Oral Tradition. 2008. V. 23. N. 2. P. 185 – 206

Сведения об авторе:

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, dr.iyudkin@gmail.com;

Yudkin-Ripun, Igor N. habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine, Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, dr.iyudkin@gmail.com.

НАУКА МОЛОДЫХ

УДК 81`25

Антропонимы в межкультурной коммуникации: проблематика и специфика перевода

Андрей Андреевич Ададуров
Орловский государственный университет, аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орел, Россия, adadurov.a@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается антропоним как ключевой элемент межкультурной коммуникации. Автор анализирует их классификацию, социально-культурные функции и специфику перевода. Выделяются основные переводческие трансформации, применяемые при передаче антропонимов, и подчёркивается необходимость баланса между сохранением аутентичности и культурной адаптации. Исследование демонстрирует значимость антропонимов как носителей культурного кода.

Ключевые слова: антропоним, перевод, переводческая трансформация, имя собственное, оним, адаптация, межъязыковая коммуникация.

Anthroponyms in intercultural communication: challenges and specificities of translation

Andrei A. Adadurov
Orel State University, postgraduate student, Orel, Russia, adadurov.a@mail.ru

Abstract. This article examines the anthroponym as a key element of intercultural communication. The author analyzes their classification, socio-cultural functions, and translation specifics. The main translation techniques used in the rendering of anthroponyms are identified, and the necessity of maintaining a balance between preserving authenticity and cultural adaptation is emphasized. The research demonstrates the significance of anthroponyms as carriers of cultural code.

Keywords: anthroponym, translation, translation techniques, proper name, onym, adaptation, intercultural communication.

Ежедневно человек сталкивается с большим количеством имен собственных, которые в свою очередь стали неотъемлемой частью языковой картины мира. В связи с этим в современной лингвистике исследователи пришли к такой особой категории языковых единиц, как онимы, которые предназначены для индивидуализации объектов действительности. Среди различных видов онимов центральное место занимает антропоним, поскольку именно личные имена, фамилии, псевдонимы и другие номинации человека являются основными маркерами социальной и культурной идентичности. Мы ежедневно сталкиваемся с антропонимами в самых разных сферах коммуникации: в официальных документах, в научных исследованиях, в художественной литературе, в средствах массовой информации, а также в повседневном общении.

Чтобы понять сущность данного явления и приступить к его анализу, в первую очередь целесообразно будет обратиться к существующим в лингвистике определениям понятия «антропоним».

«**Антропоним** – разряд онимов. Любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т. ч. личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [8].

«**Антропоним** – это имя собственное (или набор имён, включая все возможные варианты), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак» [4].

Стоит понимать, что антропонимы не могут обладать только функцией идентификатора без семантической наполненности. Их содержание не сводится к набору дескриптивных признаков, а отражает принадлежность к определённой когнитивной категории. В связи с этим антропоним обладает понятийным значением, которое формируется в рамках представления о человеке как объекте номинации и может отражать ряд признаков. Сюда относятся:

Референциальная спецификация – обозначение человека как носителя имени (ср.: Peter, Lewis по сравнению с топонимами London, Thames) [4].

Этнокультурная маркированность – указание на соотнесённость индивида с определённой национально-языковой традицией (например, Robin, Henry, William в отличие от René, Henri, Wilhelm) [4].

Гендерная дифференциация – закрепление в форме имени признака пола (ср.: John, Henry и Mary, Elizabeth) [4].

Таким образом, антропоним функционирует как семиотическая единица, в которой отражаются не только индивидуализирующие, но и социокультурные параметры личности.

Изучая антропонимику также, можно обнаружить, что она оперирует целым спектром различных категорий. Эти категории, или виды антропонимов, помогают нам систематизировать знания и глубже понять их функции. Далее рассмотрим ключевые из них:

Личное имя – базовый элемент антропонимической системы и закрепляется за человеком в момент рождения. Оно служит первичным средством идентификации индивида [8, 12].

Отчество, или **патроним**, представляет собой антропоним, образованный от личного имени отца или более дальнего предка по линии отца. В русском языке отчество является обязательным элементом полного имени и используется как форма официального и уважительного обращения. В других языках и культурах патроним выражается с помощью приставок, суффиксов или определённых морфологических моделей [8, 12].

Фамилия является наследуемым наименованием, обозначающим принадлежность человека к определённому роду или семье. Она выполняет функцию юридического и социального идентификатора. Исторически фамилии формировались на основе личных имён предков, профессиональной принадлежности, места проживания либо прозвищ. Таким образом, фамилия отражает как родовые связи, так и социально-культурный контекст своего возникновения [8, 12].

Прозвище относится к числу неофициальных антропонимов, возникающих на основе индивидуальных особенностей личности: её внешности, характера, поведения, рода занятий или социальных обстоятельств. Оно может носить оценочный характер и служить средством социальной маркировки. В историческом и литературном контексте прозвища нередко становились устойчивыми идентификаторами (например, прозвища князей и военачальников), а в дальнейшем могли трансформироваться в фамилии [8, 12].

Псевдоним представляет собой условное, вымышленное имя, используемое автором или публичной личностью вместо настоящего. Оно выполняет широкий спектр функций: скрывает личность, формирует художественный образ, облегчает восприятие имени или придаёт ему выразительность. Известными примерами могут послужить псевдонимы писателей, например, Антоша Чехонте – А. П. Чехов, Салтыков-Щедрин – М. Е. Салтыков [8, 12].

Криптоним – форма условного имени, основанная на инициализации, сокращении или шифровании подлинного имени. Он используется с целью сокрытия личности автора или участника коммуникации. В современном цифровом пространстве криптонимы нередко проявляются в форме никнеймов и других вариантов скрытой идентичности [8, 12].

Стоит отметить, что мы перечислили самые основные виды антропонимов, которые встречаются в жизни чаще других. Необходимо понимать, что видов антропонимов гораздо больше и все они также подразделяются на единичные и множественные антропонимы.

Единичные имена выполняют функцию персональной идентификации, выделяя конкретного человека в обществе. Такие имена тоже принадлежат большому количеству их носителей, но прежде всего они ассоциируются с каким-то одним человеком, получившим широкую известность. Например, Shakespeare, Newton, Einstein [4].

Множественные антропонимы представляют собой собственные имена, которые не обладают абсолютной уникальностью и могут принадлежать множеству носителей. Личные имена и фамилии, такие как John, Elizabeth, Thomas, вне конкретного коммуникативного контекста не указывают на определённого человека и не соотносятся в языковом сознании коллектива с какой-либо одной личностью. Именно такие антропонимы, не закреплённые за индивидуальным референтом, характеризуются как множественные [4].

Понимание сущности антропонимов и их классификации служит необходимой теоретической основой для дальнейшего анализа проблем перевода. Ведь именно многообразие форм именования человека, их культурная и социальная обусловленность порождают значительные трудности при межъязыковой передаче. Стоит понимать, что значимость антропонимов выходит далеко за рамки чисто номинативной функции. Они могут нести культурно-историческую информацию, отражать традиции именования, этнические и религиозные особенности, а также социальные и временные контексты. Именно поэтому при межъязыковой и межкультурной коммуникации перевод антропонимов становится задачей особой сложности, одним из значимых аспектов которой является правильный выбор подходящей переводческой трансформации.

В практике перевода антропонимов принято выделять следующие распространенные переводческие трансформации, к использованию которых прибегают гораздо чаще других, поскольку они отличаются универсальностью и простотой применения, а также позволяют приблизить звучание имени к оригиналу и обеспечить сохранение графической формы [6].

Транскрипция – основывается на записи антропонима с максимальным приближением к его исходному звучанию. Классическим примером служит имя литературного персонажа Шерлок Холмс – Sherlock Holmes [1, 3].

Транслитерация – предполагает буквенную передачу исходной формы антропонима по соответствию знаков. Такой метод сохраняет графическую форму, но не всегда отражает фонетику. Примером может служить традиционный перевод имени Dr. Watson как доктор Ватсон [1, 3].

Транспозиция – заключается в воспроизведении антропонима средствами, аналогичными оригинальным. Данный метод чаще всего применяется при передаче

исторических личностей и закреплённых в традиции имён (John Lackland – Иоанн Безземельный) [3].

Калькирование – представляет собой дословный перевод компонентов антропонима с сохранением семантики и структуры сложносоставного слова или словосочетания [1, 3].

Полукалькирование – частичное заимствование из оригинала и адаптация в соответствии с языком перевода. Например, William the Conqueror – Вильгельм Завоеватель.

В практике перевода антропонимов часто встречаются случаи, когда вышеперечисленные переводческие трансформации не всегда подходят для корректной интерпретации. В связи с этим переводчику приходится прибегать к приёмам, перечисленным ниже.

Описательный перевод – трансформация, при которой имя раскрывается через пояснительную конструкцию, что позволяет сохранить смысл, но утрачивает краткость [1, 3].

Уподобляющий перевод нацелен на поиск такого эквивалента, который вызовет у читателя ассоциации, аналогичные восприятию оригинала. Иногда этот приём может предполагать сознательное изменение имени для культурной адаптации. Например, Snow White – Белоснежка.

Преобразующий перевод применяется при отсутствии в языке перевода прямого аналога. В этом случае формируется новое имя, часто используемое для передачи «говорящих» антропонимов (Zlorf Flannelfoot – Злорф Мягкоступ).

На выбор переводческой трансформации может влиять ряд ключевых аспектов, обеспечивающих корректность, естественность и уместность перевода. В первую очередь следует ориентироваться на цель и жанр текста. В художественной литературе имена персонажей могут выполнять функцию характеризации, передавая определённые черты или особенности персонажа. В официальных и юридических документах критически важна точность передачи имени, что предполагает строгую транслитерацию или использование официально закреплённых форм. Таким образом, стратегия перевода определяется функциональной ролью антропонима в конкретном контексте.

Культурные и исторические ассоциации имени также играют важную роль. Многие антропонимы имеют закреплённые традиционные формы в языке перевода или несут религиозный, исторический или социальный контекст. Например, имя Elizabeth в русском языке традиционно передаётся как Елизавета, а George может быть передано как Георгий или Джордж в зависимости от исторической или современной ситуации [7].

Проблематика перевода антропонимов заключается в поиске баланса между сохранением аутентичности имени и его адаптацией для рецептора другого языка и культуры. Это особенно актуально в условиях глобализации и активного культурного обмена, когда имена собственные становятся не только элементами текста, но и важными маркерами идентичности, влияющими на восприятие произведения или документа в целом.

Таким образом, исследование перевода антропонимов имеет особую значимость для теории и практики перевода. Оно позволяет не только глубже понять механизмы межъязыковой коммуникации, но и осознать роль антропонима как носителя культурного кода.

Список литературы

1. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 341 с.

3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

4. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп.– Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

6. Кибизова, Е. Р. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Е. Р. Кибизова, А. Д. Бакина // Форум молодёжной науки. – 2020. – Т. 1, № 6. – С. 101-109.

7. Миньяр-Белоручева А.П., Княжинская Е.В. Перевод антропонимов исторических личностей // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 2. С. 79-93.

8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 1978; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988.

9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / - 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Просвещение, 1985. - 399 с.

10. Рылов Ю. А. Антропонимы и проблемы перевода // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Фененко. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. Вып. 10. С. 118-123.

11. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 368 с.

12. Тихонов А.Н., Хашимов Р.И., Журавлева Г.С., Лапыгин М.А., Ломов А.М., Рацибурская Л.В., Тихонова Е.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. – Т. 1. – 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. – 840 с.

13. Ярцева В.Н., Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. - 707 с.

Сведения об авторе:

Ададуров Андрей Андреевич; аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; adadurov.a@mail.ru; 89996052113.

Adadurov Andrei Andreevich; second-year postgraduate student of the Department of English Philology, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; adadurov.a@mail.ru; 89996052113.

УДК 81

Эволюция библейской фразеологии: от устойчивых сочетаний религиозного дискурса до языковой игры в современной коммуникации

Мария Викторовна Горячева

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орёл, Россия, e-mail: starshinova.masha@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция библейской фразеологии в диахроническом аспекте, в частности анализируются семантико-прагматические трансформации фразеологических единиц библейской этимологии, функционирующих в современном дискурсе. На материале корпусных данных НКРЯ, English Corpora выявлены механизмы десакрализации, включая контекстуальные подмены с элементами иронии. Установлено, что языковая игра является элементом адаптации БФ в современной коммуникации, сохраняя их экспрессивный потенциал при изменении культурных кодов.

Ключевые слова: библейские фразеологизмы, семантические трансформации, языковая игра, ирония.

The evolution of biblical phraseology: from set phrases in religious discourse to pun in modern communication

Maria V. Goryacheva

Orel State University named after I.S. Turgenev, Postgraduate Student, 2nd year, the Chair of the English Philology, starshinova.masha@yandex.ru

Abstract. The present article investigates the evolution of biblical phraseology from a diachronic perspective, analysing the semantic and pragmatic transformations that have occurred from the biblical text to contemporary discourse. Drawing on corpus data from the National Corpus of Russian Language and English Corpora, the study identifies mechanisms of desacralisation, including contextual substitutions that incorporate elements of irony. It has been established that linguistic play serves as an element in the adaptation of biblical phrases within modern communication, thereby preserving their expressive potential amidst changing cultural codes.

Key words: biblical phraseological units, semantic transformations, linguistic play, irony

Библейская фразеология как лингвокультурный феномен занимает особое положение в системе языка. Изначально закрепленные в тексте Священного Писания библейские фразеологизмы (БФ) подверглись существенным семантико-прагматическим трансформациям в процессе адаптации к различным видам дискурса: от религиозного до художественного и политического [Бакина, 2022а]. В условиях современной языковой динамики прослеживается тенденция к десакрализации [Бакина, 2022б] и иронической интерпретации указанных фразеологических единиц, что обусловливает необходимость исследования семантических сдвигов БФ в диахроническом аспекте и изучения прагматических функций трансформированных вариантов в дискурсе [Бакина, 2021]. В качестве метода исследования применяется анализ контекстов употребления на основе корпусных данных НКРЯ и English Corpora, что позволяет проследить закономерности эволюции от канонических форм до иронических модификаций.

БФ представляют собой устойчивые сочетания, восходящие к текстам Священного Писания и обладающие рядом дифференциальных признаков, среди которых можно выделить: клишированность, идиоматичность и антропоцентрическую маркированность [Бакина, 2023]. В религиозном дискурсе БФ выполняют функцию сакральных маркеров и помогают актуализировать библейские концепты в коммуникативном пространстве. Более того, БФ устанавливают интертекстуальные связи, являясь элементами культурного кода носителей языка, и формируют поведенческие модели посредствам дидактического воздействия.

В своем первоначальном семантическом наполнении БФ характеризуются: назидательностью, где каждая единица представляет собой кодифицированный дидактический прецедент; символичностью, реализуемой через многослойную семантическую структуру, в которой поверхностное значение актуализирует архетипические образы; и авторитетностью, апеллирующей к тексту Библии.

Указанные семантические свойства закономерно детерминируют прагматический потенциал БФ, реализуемый через три взаимосвязанные составляющие: перформативную функцию, аксиологическую маркированность, которая проявляется в бинарной организации ценностных координат, противопоставляя святость греховности, истину заблуждению и текстообразующую роль, как третью составляющую, реализующую прагматический потенциал БФ, поскольку через нее реализуются интертекстуальные связи. Эти свойства в своей совокупности образуют уникальный лингвокультурный статус БФ, который создает предпосылки для их последующих семантических трансформаций в современном дискурсе, проявляющихся в конкретизации, генерализации или модуляции фразеологических единиц.

Особый интерес представляет развитие БФ в контексте языковой игры, которая выступает катализатором семантических трансформаций, провоцирующих деавтоматизацию восприятия БФ через намеренное искажение формы и содержания. Более того, языковая игра позволяет закрепить новые коннотации БФ через повторяемость трансформированных вариантов в дискурсе. Языковая игра представляет собой «намеренное отклонение от языковых норм, которые имеют место, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, <…> Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов …» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983, с.175]. Другими словами, языковая игра является сознательным нарушением языковых норм для достижения экспрессивного эффекта.

В контексте библейских фразеологизмов языковая игра, проявляющаяся в авторском переосмыслении, контекстуальных подменах и элементах иронии, находит свое отражение в современных художественных текстах и политическом дискурсе. Характерный пример – фраза *«Регистрация, цветы, кольца, тещин* ***иудин поцелуй****, …»* [Иванов, 2003], где ирония, будучи особым проявлением языковой игры, сознательно противопоставляет изначальную сакральную семантику БФ «иудин поцелуй» как символ предательства с прозаическим описанием семейных отношений, создавая тем самым выразительный прагматический эффект.

Аналогичный механизм языковой игры наблюдается и в политическом дискурсе, где происходит контекстуальная подмена с элементами иронии, что демонстрирует заголовок *«****Кто не работает, тот*** *вернет мандат»* [НКРЯ, 2016]. Из примера видно, что БФ «кто не работает, тот не ест» подвергается семантической трансформации, но сохраняет свою дидактическую функцию в рамках политического контекста.

В качестве контекстуальной подмены, реализующей семантический диссонанс между прототипом и актуальным употреблением, можно привести пример употребления БФ ***the salt of the Earth*** в английском политическом дискурсе: *" I expect a golden era, " said Mrs Simincu. " The people here are* ***the salt of America*** *and Donald Trump has given us all hope."* [NOW, 2025]. В данном случае происходит переосмысление исходного сакрального значения «духовная элита» через призму политической риторики, где БФ приобретает новые коннотации национальной исключительности и патриотического воодушевления, сохраняя при этом свою экспрессивную функцию и наполняясь актуальным идеологическим содержанием.

Основными причинами указанных изменений выступают изменение культурных кодов представителей лингвокультурных сообществ и потребность в экспрессивных

средствах языкового воздействия в различных типах дискурса. Данный факт демонстрирует переход БФ от устойчивых религиозных маркеров к средствам языковой игры в современной коммуникации.

Таким образом, эволюция БФ отражает переход от сакрального функционирования к десакрализованным формам в современном дискурсе. Библейские фразеологизмы демонстрируют устойчивую способность к семантико-прагматическим трансформациям, в которых языковая игра выступает как элемент адаптации и интеграции БФ в дискурсе, что обеспечивает их прецедентный потенциал.

Список литературы

1. Бакина, А. Д. Библейская фразеология и ее актуализация в современных русскоязычных, англоязычных и немецкоязычных медиатекстах / А. Д. Бакина, Н. И. Проконина // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : Сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко, Белгород, 17–19 сентября 2021 года. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2021. С. 137-144.

2. Бакина, А. Д. Прагматика трансформаций английских и русских библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина, А. А. Тимофеев // Фразеологические единицы: Семантика, прагматика, лингвокультурология: Материалы Международной научной конференции по фразеологии, Москва, 01 января – 31 2022 года / Гл. редактор Т.Н. Ширяева, ред. В. Мидер, А.П. Василенко. – Москва: Издательский Дом "Академия Естествознания", 2022а. С. 14-20.

3. Бакина, А.Д. К вопросу о десакрализации библейской фразеологии / А. Д. Бакина А. В. Толмачева // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: памяти профессора Ф.А. Литвина / ОГУ имени И.С. Тургенева. – Орел: Издательство «Картуш», 2022б. С. 116-121.

4. Бакина, А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра / А. Д. Бакина. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2023. 452 с.

5. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.И. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214

6. Иванов А.В. Географ глобус пропил. М.: Вагриус, 2003. С. 135.

Источники примеров:

1. Совфед поддержал закон о лишении мандатов депутатов-прогульщиков // Коммерсант, 2016. – Режим доступа: URL: https://www.kommersant.ru/doc/2974236 (дата обращения: 28.07.2025)

2. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. − Режим доступа: URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 28.07.2025)

3. News on the Web (NOW) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.english-corpora.org. (дата обращения: 28.07.2025)

4. Trump fans crowd inside Washington arena for Maga // uk.news.yahoo.com, 2025. – Режим доступа: URL: https://www.yahoo.com/news/inside-trump-second-inauguration-scenes-171906047.html (дата обращения: 28.07.2025)

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Горячева**;** Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орёл, Россия, e-mail: starshinova.masha@yandex.ru; +7(910)2034227.

Maria V. Goryacheva; Orel State University named after I.S. Turgenev, Postgraduate Student, 2nd year, the Chair of the English Philology, starshinova.masha@yandex.ru; +7(910)2034227.

УДК 80

Семантика процессуальных фразеологизмов с субстантивным компонентом «дом» (на материале немецкого, английского и русского языков)

Светлана Геннадьевна Иванова
Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянск, Россия, sveta_galutvo@mail.ru

Аннотация. Фразеологизмы являются не только отражением культуры, но они формируют определенные стереотипы поведения, а также качества, достоинства и недостатки человека, которые ценятся или порицаются в обществе и соответствующей культуре. Язык любого народа передает определенные качества национального характера. Фразеология помимо отражения черт характера и поведения человека воспитывает индивида в рамках национальной традиции. В данной статье рассматривается семантика состояния и действия одной из самых важных ценностей людей – «дом» в контексте процессуальных фразеологизмов.
Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, состояние, движение, культура, ценности, дом.

Semantics of procedural phraseological units with the substantive component “house” (based on the material of German, English and Russian)

Svetlana G. Ivanova
Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, postgraduate student of department of English language theory and translation studies, Bryansk, Russia, sveta_galutvo@mail.ru

Abstract. Phraseological units are not only a reflection of culture, but they form certain patterns of behavior, as well as qualities, advantages and disadvantages of a person that are valued or censured in society and the corresponding culture. The language of any nation conveys certain qualities of a national character. Phraseology, in addition to reflecting a person's character traits and behavior, educates him within the framework of a national tradition. This article examines the semantics of the state and actions of one of the most important values of people – "home" in the context of procedural phraseological units.
Keywords: procedural phraseological units, condition, movement, culture, values, home.

Взаимосвязь языка и культуры очевидна. Проблема заключается в том, как язык соотносится с культурой. Некоторые ученые, например Э. Сепир и Б. Уорф, утверждали, что человек способен познавать мир через призму языка. Согласно гипотезе Сепира-Уорфа, каждый язык создает уникальную картину мира [Уорф 1960, 174 – 175]. С.Г. Тер-Минасова считает, что язык — это отражение культуры. Он не просто передаёт информацию о мире, но и отражает общественное сознание, менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции и обычаи, моральные принципы, систему ценностей, мировоззрение и видение мира [Тер-Минасова 2000, 14].

Когда в культуре меняются ценности, это неизбежно отражается в языке. Как отмечала В. Н. Телия, культура — это многозначительная память народа. Язык хранит и отражает её, обеспечивая связь между поколениями [Телия 1996: 226]. Поэтому для изучения любого языка, необходимо изучать его культуру. Для изучения культуры другой страны необходимо изучать ее язык.

Поскольку язык является связующим звеном между людьми и окружающим их миром, можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, любой язык отражает все богатство культуры, с другой – народ смотрит на этот мир через призму языка, а язык влияет на мышление и восприятие картины мира [Василенко, Рыбакина 2022: 56].

На любом этапе развития национальной культуры есть определенные ценности, точные понятия о добре и зле. Ценностными понятиями занимается аксиология. Аксиология, по словам В.Ю. Кузнецова, – это философское учение о моральных ценностях, которые устанавливают ход человеческой деятельности [Кузнецов 1988: 1198]. Итак, термин *аксиологический* используется в значении ‘связанный с ценностями’. Основываясь на определениях *аксиология* и *фразеологизм*, можно утверждать, что *аксиологический фразеологизм* представляет собой устойчивое выражение, которое отражает концепцию ценностей [Скачева 2015: 216].

Так, в любой культуре *дом* играет огромную роль и является одной из главных ценностей в жизни человека. Лексема *дом* может формировать следующий ряд ассоциаций: семья, родина, люди, жилище, здание. Дом — это не только место, где живут люди. Пространство дома включает в себя помимо жилых помещений территорию вокруг дома, состоящую из таких элементов, например, как двор и сад [Синяк 2023: 971].

Дом всегда ценен, поэтому его значимость нашла отражение в процессуальных устойчивых выражениях. Во фразеологических оборотах с процессуальным значением антропоцентричность выражается в акценте на состоянии человека, его отношении к другим людям и его деятельности [Лебединская 1999: 6]. Глагольные фразеологические единицы играют важную роль в раскрытии смысла. Они помогают передать движение событий во времени и пространстве, состояние, описывают мысли, эмоции и действия человека.

Дом – живой организм, во многих случаях выступает для обозначения *места проживания* живого существа, связан с чувствами и эмоциями, а также описанием качеств человека или сравнения с другими людьми, например: *ohne Herr verwaist das Haus* (букв.: без хозяина дом осиротеет) [Цвиллиг 1984: 20] ‘без хозяина дом – сирота’, где процессуальный компонент *verwaisen* (осиротеть) указывает на состояние, так как объект лишился близкого человека и находится в состоянии одиночества; *meine Hütte steht am Rande* (букв.: моя хижина стоит на краю) [Цвиллиг 1984: 50] ‘моя хата с краю’ – глагольный компонент *stehen* (стоять) также указывает на состояние объекта, так как *стоять* – это ‘находиться в вертикальном положении, не двигаясь’ [Евгеньева 1988: 278].

Дом – место, где всегда хорошо и лучше, чем где-нибудь в другом месте: *als Gast hat man’s gut, aber zuhause ist besser* (букв.: в гостях всё хорошо, но дома лучше) – состояние, передаваемое глагольными компонентами *haben* (иметь) и *sein* (быть) в форме второго лица единственного числа: в образном основании речь о чувствах, которые

говорящий *имеет* в момент разговора; *jeder Schlammläufer lobt seinen Sumpf* [Цвиллиг 1984: 27] ‘всяк кулик свое болото хвалит’, действие, выражаемое процессуальным компонентом *loben* (хвалить) в форме второго лица единственного числа; *zuhause helfen auch die Wände* (букв.: дома стены тоже помогают) [Цвиллиг 1984: 34] ‘дома и стены помогают’ и *eigenes Dach gibt Mut* (букв.: собственная крыша придает смелости) [Шалагина 1962: 74] ‘собственная крыша придает мужества’ – состояние, метафорично передаваемое компонентами *helfen* (помогать) и *geben* (давать), так как в привычной среде человек ощущает прилив сил и уверенности, поскольку знакомые места дарят чувство безопасности; *eigenes Nest hält wie eine Mauer fest* (букв.: собственное гнездо держится крепко, как стена) [Петлеванный 1980: 12] ‘собственное гнездо словно крепкая стена’/‘в своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет’, *festhalten* – глагол состояния, который означает ‘держать, удерживать’ [Duden 2010: 374], так как свое жилище или пространство, где человек ощущает себя в безопасности, можно уподобить надёжному убежищу; *das Bauernhaus schmüken nicht die Ecken, sondern die Kuchen* (букв.: в фермерском доме украшают не углы, а торты) [Цвиллиг 1984: 58] ‘не красна изба углами, а красна пирогами’ – действие, выраженное процессуальным компонентом *schmüken* (украшать) – дом прекрасен не столько своим внешним видом, стилем и обстановкой, сколько людьми, которые в нём живут, их гостеприимством, а гостеприимство, в свою очередь, заключает в себя много работы и отдачу сил; *to feel at home* [Литвинов 2007: 33] ‘чувствовать себя как дома, непринужденно’ и *to be on home ground* [Литвинов 2007: 33] ‘чувствовать родные стены/чувствовать себя уверенно, занимаясь привычными делами’ – оба выражения посредством процессуальных компонентов *feel* (чувствовать) *be* (быть) демонстрируют состояние человека.

Дом – место, где существуют правила, придя в это место, нарушать правила не стоит, ведь они были созданы поколениями, и у каждого человека есть свои определенные устои, например: *im Hause des Gehängten spricht man nicht vom Strick* [Цвиллиг 1984: 23] ‘в доме повешенного не говорят о веревках’, действие, реализуемое глагольным компонентом *sprechen* (говорить) в форме второго лица единственного числа, так как *говорить* – ‘словесно выражать мысли’ [Евгеньева 1988: 322] – физическое действие, сопровождаемое открытием рта, что, в свою очередь, демонстрирует отношения следования [Miller 1993: 40]: для того чтобы Х-у что-то *сказать*, для начала необходимо *открыть* рот; *man bringt nicht die eigene Regel in ein fremdes Kloster* (букв.: нельзя приносить свои правила в чужой монастырь) */ in Rom tu, wie Rom tut* (букв.: в Риме делай так, как делает Рим) [Цвиллиг 1984: 24] ‘в чужой монастырь со своим уставом не лезут’ – действие, реализуемое глагольными компонентами *bringen* (приносить) и *tun* (делать, творить); *deine Wäsche wasche zu Hause* (букв.: свое белье стирай дома) [Duden 2013: 820] ‘из избы сору не выноси, а смети да в уголок сгреби’ – действие, демонстрируемое процессуальным компонентом *waschen* (мыть, стирать).

Дом – место, где как бы хорошо там не было, в нем все равно найдутся свои изъяны, например: *jedes Häuslein hat sein Kreuzlein* (букв.: в каждом домике есть свой крестик) [Петлеванный 1980: 22] ‘в каждом доме свои заботы, в каждой семье свои невзгоды’ – состояние, передаваемое *haben* (иметь); *jedes Dach hat sein Ungemach* / *kein Haus ohne Maus* (букв.: у каждой крыши есть свои проблемы / нет дома без мыши) [Петлеванный 1980: 22] ‘под каждой крышей свои неприятности’ / ‘нет дома без мышей’ – состояние, реализуемое глагольным компонентом *haben* (иметь); *худо жить тому, у кого ничего нет в дому* [Даль 1989: 30] ‘бедность и нужда делают жизнь человека тяжёлой и несчастной’ – действие, раскрывающееся через компонент *жить*. Компонент *жить* передает несколько значений: 1) ‘вести деятельную жизнь’; 2) ‘быть поглощенным чем-л’; 3) ‘вести определенный образ жизни’; 4) ‘проживать где-л’ [Евгеньева 1988: 487]. Вся

представленная выше семантика реализует единый денотат ‘нахождение в процессе бытия’.

Дом также рассматривается во фразеологических оборотах в качестве определения отношений между членами семьи, например: *die Frau prügelt ihren Mann nicht, hält ihn aber unter dem Pantoffel* (букв.: жена не бьет своего мужа, но держит его под тапочкой) [Шалагина 1962: 28] ’худо мужу тому, у которого жена большая в дому’ – действие, выражаемое глагольными компонентами *prügeln* (бить, колотить) и *halten* (держать). *Halten* может также выражать состояние объекта, например: *держаться на плаву* ‘быть в состоянии продолжать существовать вопреки трудностям’ [Ларионова 2014: 135], но, исходя из семантики оборота, можно сказать, что *halten = führen* (вести, направлять, руководить), который демонстрирует движение; *Katze aus dem Haus, rührt sich die Maus* [Петлеванный 1980: 23] ‘кошка из дому, мышь шевелится’ / ‘без кота мышам масленица’ – действие, реализуемое процессуальным компонентом *sich rühren* (шевелиться) ‘слегка двигаться, приходить в движение’ [Евгеньева 1988: 707]; *an zu Hause hängen* (букв.: висеть дома) [Бинович 1995: 291] ‘быть привязанным к своей семье’, состояние, выражаемое компонентом *hängen* (висеть) ‘находиться в подвешенном состоянии’ [Евгеньева 1988: 177].

Таким образом, анализируя количественную взаимосвязь фразеологизмов с компонентом *дом* в немецком, английском и русском языках, относящихся к различным тематическим группам, можно констатировать, что процессуальных устойчивых оборотов, реализующих состояние (78% от общего числа обнаруженных оборотов), встречается сравнительно больше, чем демонстрирующих действие (22% от общего числа обнаруженных оборотов). Это можно объяснить тем, что для человека *дом* – это особое место, придя в который он может чувствовать свою связь и принадлежность к семье, ощутить себя в безопасности, т.е. *дом* = ‘состояние безопасности’. Однако меньшее число выражений, указывающих на действие, показывает, что *дом* – это неотъемлемая часть каждого человека: хранитель устоев, отражение работы и воспитания, где также требуется вложение физических сил и труда, что было продемонстрировано процессуальными фразеологизмами. Фразеологический материал показывает, что в немецком языке *дом* – это объект, вызывающий эмоции, связанный с важными аспектами и обычаями немецкой культуры; в английском языке – это место, где англичанин чувствует себя как дома, где он может быть самим собой; в русском языке – это «семейный очаг», а также чувства и переживания, которые говорят о том, что дом необходим для жизни.

Список литературы

1. Duden. Das Bedeutungswörterbuch. Verlag: Bibliographisches Institut GmbH, 2010. 4., aktualisierte und erweiterte Auflage. —1152 S.

2. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Ideomatik. – Berlin: Dudenverlag. – 2013. – Band 11: neubearbeitete und aktualisierte Auflage.

3. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь [Текст] : 15 000 фразеологических единиц / составитель Л. Э. Бинович ; под редакцией С. И. Константиновой. — Москва : Аквариум, 1995. — 766 с.

4. Василенко, А.П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А.П. Василенко, В.С. Рыбакина // Филологический аспект. – 2022. – № 4(84). – С. 56–60.

5. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в 2. томах. Т. 2 1989 / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. — Москва : Художественная литература, 1989. — 443 с.

6. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньева . – Москва : Рус. яз., 1988.

7. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка – СПб.: Норит, 1988.

8. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка [7000 выражений и словосочетаний] / Ю. А. Ларионова. — Москва : Аделант, 2014. — 511 с.

9. Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 1999. 186 с.

10. Литвинов, П.П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний/П.П. Литвинов. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 285.

11. Петлеванный Г.П., 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок: Учеб. пособие/Сост.; Петлеванный Г. П., Малик О. С.— 4-е изд., испр. и доп,—М., Высш, школа, 1980.—48 с.: ил.

12. Синяк Д.А. Семантическое поле концепта home в английских пословицах и поговорках // Вестник науки №12 (69) том 4. С. 971 - 979. 2023 г.

13. Скачева, Н.В. Значимость аксиологических фразеологизмов в культуре // Проблемы современной аграрной науки: мат-лы международ. заоч. науч. конф. / отв. За вып. А.А. Кондрашев, Ж.Н. Шмелева; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015.

14. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семант., прагмат. и лингвокультурол. аспек-ты. – М.: Языки рус. культуры, 1996.

15. Тер-Минасова, С.Г. Языки и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М., Слово, 2000. – 262 с.

16. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб.пособие) – М.: Слово, 2000.

17. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание. Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 169 – 182.

18. Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: Ок. 700 единиц. – М.: Рус. Яз., 1984. – 216 с.

19. Шалагина В.К. Немецкие пословицы и поговорки [Текст] / сост. В. К. Шалагина. - Москва : Изд-во ИМО, 1962. - 88 с.

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Геннадьевна; аспирант кафедры теории английского языка и переводоведения, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, 241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; sveta_galutvo@mail.ru; +79307250534.

Ivanova Svetlana Gennadievna; postgraduate student of the Department of English Language Theory and Translation Studies, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bezhitskaya str., 14, Bryansk, 241036, Russian Federation; sveta_galutvo@mail.ru; +79307250534.

УДК 81

Мифологема и ее репрезентация в немецких и японских пословицах (на материале пословиц о правде и лжи)

Анна Леонидовна Колесникова
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Институт иностранных языков, ст. преподаватель кафедры немецкого языка, Орёл, Россия, anna-perevod@yandex.ru

Аннотация: Информация, связанная с мифами, поверьями, ритуалами, обычаями, духовная культура народа лучше всего сохраняется во фразеологических и паремических единицах языка. Цель нашего исследования – выявить мифологемы в немецких и японских пословицах о лжи/правде для изучения архетипических и этноспецифических представлений о мире, закодированных в пословицах. Методы исследования: лингвокультурологический и концептуальный анализ паремий. Материалом исследования послужили русские, немецкие и японские паремии о наиболее важных общечеловеческих концептах – лжи/правде. В результате проведенного исследования удалось выявить мифологемы, связанные с указанными базовыми концептами.

Ключевые слова: мифологема, метафора, пословица, пословичный концепт, лингвокультура, немецкий и японский языки

Mythologeme and its representation in German and Japanese proverbs (on the data of proverbs about truth and lie)

Anna L. Kolesnikova
Orel State University named after I.S. Turgenev, Institute of Foreign Languages, senior lecturer of the German Language Department, Orel, Russia, anna-perevod@yandex.ru

Abstract: In phraseology, information about myths, beliefs, rituals, customs, and spiritual culture is preserved. The aim of our research is to identify mythologems in German and Japanese proverbs about Lie/Truth in order to study archetypal and ethno-specific representations of the world encoded in proverbs. Research methods: linguocultural and conceptual analysis of proverbs. The material of the research: German and Japanese proverbs about the most important universal concepts - about lie/truth. As a result of the research we managed to identify mythologems associated with the basic concepts.

Key words: mythologeme, metaphor, proverb, proverbial concept, linguo-culture, German and Japanese languages

Пословицы причисляются к фразеологизмам при широком понимании фразеологии. Согласно широкому подходу к определению объема фразеологии, которого придерживаются В.В. Виноградов, В.Л. Архангельский, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский, А.Д. Райхштейн, и другие под фразеологизмами понимаются «устойчивые сочетания, воспроизводимые, и, следовательно, готовые единицы языка, существующие в виде целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре образований» [Шанский 1972, с. 173].

В семантике фразеологизма отражается длительный процесс развития культуры народа, фиксируются и передаются от поколения к поколению «культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2001, с. 82].

Во внутренней форме ФЕ присутствуют «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры. Образы, лежащие в основе фразеологизмов, связаны с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Коннотации отображают «связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами)» (Маслова 2001 Лингвокультурология, с. 84). Миф может рассматриваться не как специфический повествовательный текст, а как «феномен сознания» [Цветаева, Карпенко 2018, с. 184]

Занимаясь исследованием фразеологизмов, в семантике которых нашли отражение мифы и мифологемы, Маслова В.А. выделяет четыре группы фразеологизмов: 1) мифы о происхождении и устройстве мира; 2) природа как фактор культуры; 3) образ человека в восточно-славянской мифологии; 4) общество в зеркале мифологии и языка [Маслова 2007, с. 198]. Согласно В.Н. Топорову, космогонические мифы и космологические представления … описывают пространственно-временные параметры вселенной, т. е. условия, в которых протекает существование человека и помещается всё, что может стать объектом мифотворчества «Космогонические мифы – это первые наблюдения древнего человека над миром-космосом, первые попутки рассмотреть творение мира, порядок в нем» [Маслова 2007, с. 198]. «В мифопоэтическом модели мира космогония конструирует рамки мироздания, дает ответ на вопрос об истоках сущего, начале и конце [Топоров 1996, Маслова 2007 с. 198].

Впервые термин «мифологема» встречается в совместных трудах швейцарского психолога Карла Густава Юнга и венгерского филолога Карла Кереньи, которые определяют мифологему как всем известный мифологический сюжет, который «служит материалом для нового творчества» [Юнг 1996, с. 13].

Мифологемы следует отличать от архетипов, под которыми понимаются неизменные, то есть статические, универсалии коллективного человеческого существования. Мифологемы – это смысловая конкретизация архетипов.

По мнению В. Н. Телии, мифологемы – это «мифологические представления о мире, в том числе отображенные в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе *анимизма* (одушевления неживого или несуществующего в действительности), *фетишизма* (придания природным и «вещным» объектам действенно-магического смысла) и т.п.» [Телия 2006, с.781].

Проанализировав различные определения мифологемы, мы предлагаем следующее определение:

Мифологема – это сложившийся на основе древнейших мифов, отраженный в ритуалах и приметах способами анимизма, фетишизма, вербальных и невербальных символов знак «языка» культуры, включающий как понятийное, так и образное содержание, архетип, актуализированный в текстах культуры, всем известный мифологический сюжет, ключевой герой или важная ситуация, переходящая от текста к тексту и приобретающая в каждой культуре свою этническую специфику.

Под пословицей мы понимаем «сложный знак гибридного типа с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего. Взятые в совокупности своих интертекстуальных связей, образности и оценочности, они передают национально детерминированные представления об абстрактных сущностях и их видение в данной культуре» [Абакумова 2020, с. 56]

Мифологемы о Правде и Лжи в немецкой и японской лингвокультурах

В мифопоэтической модели мира, как и в классификации пословиц, ***правда*** противопоставляется ***лжи***. Ложь как «сложное переплетение интенциональных,

когнитивных и нравственных аспектов сопровождает человеческую коммуникацию и реализуется в ней, знаменуя конфликт между нормой, моралью и правдой как одной из фундаментальных бытийных ценностей» [Маслова, 2008, с. 250]. Рассмотрим, какую форму принимает мифологема Ложь/ Правда в немецких и японских паремиях.

Der Spiegel sagt immer die Wahrheit [Байер, 1989, с. 327] (букв. Зеркало всегда говорит правду). Мифологема "зеркало – правда / истина / реальность". Во многих культурах зеркалу приписываются сверхъестественные свойства: зеркало – проход в иное измерение, с зеркалом связаны ритуалы, гадания и предсказания. В Средние века в Европе зеркало причислялось к магическим предметам и использовалось для предсказаний будущего. Предсказатель, посмотрев в зеркало, мог увидеть будущее. В древнегреческой мифологии есть легенда о Нарциссе, который, увидев свое отражение в воде, влюбился и умер, так как не мог перестать любоваться собой. Вода, как и зеркало, имеет свойство отражать предметы. В сказке датского писателя Ганса Кристиана Андерсена «Снежная королева» есть волшебное зеркало, которое искажало реальность: все доброе представлялось злым, а все злое представлялось в отражении больше, ярче и хуже. В европейской культуре есть суеверие, связанное с зеркалом: разбитое зеркало принесет семь лет бед / несчастий. Особое отношение к зеркалу в европейской культуре находит свое отражение в пословицах. Например, в немецких пословицах зеркало символизирует правду: *Der Spiegel sagt immer die Wahrheit* (букв. Зеркало всегда говорит правду); ***Der Spiegel lügt nicht*** (букв. Зеркало не лжет); ***Ein falscher Spiegel gibt kein richtiges Bild*** (букв. Фальшивое / неправильное зеркало не дает истинной картины / не показывает правильную картину). В приведенных пословицах содержатся метафоры персонификации «зеркало говорит», «зеркало не лжет».

Lügen haben kurze Beine [Байер, 1989, с. 171] (букв. У лжи короткие ноги). Большинство носителей немецкого языка знают эту пословицу с детства. Значение данной пословицы: С ложью далеко не уйдешь. Неправда дает кратковременные положительные результаты, но рано или поздно она раскроется. Первичный образ, заложенный в пословицу: Человек / существо с короткими ногами не сможет убежать от человека / существа с длинными ногами. Образ лжи – человек / существо с короткими ногами. Образ правды – человек / существо с длинными ногами. Имплицитная метафора «правда догоняет» во внутренней форме пословицы означает «правда выходит наружу». В глубинной структуре пословицы выявляется мифологема, связанная с измерением времени с помощью преодоленного расстояния, проявляется во взаимосвязи "длинное расстояния = долгий промежуток времени", "короткое расстояние = короткий промежуток времени". Данная пословица была зафиксирована в источниках еще в 17 веке. Пословица предостерегает от того, чтобы говорить неправду. В повседневной речи пословица используется, когда хотят напомнить о том, что любая ложь разоблачается и может иметь негативные последствия. Синонимичная пословица *Ehrlich währt am längsten* [Граф, 1997, с. 66] (букв. Честно жить – долго жить).

Mit Lügen kommt man nicht weit [Röhrich, Mieder, 2017, с. 52] (букв. С ложью далеко не уйдешь). Метафора «далеко уйти = долго».

Zwischen Wahrheit und Lüge ist ein schmaler Pfad [Байер, 1989, с. 327] (букв. Между правдой и ложью тонкая тропинка). В данной пословице между правдой и ложью метафорически проведена граница – тропинка. Однако при этом подчеркивается, что эта граница – тонкая. Не всегда мы можем четко различить, где правда, а где ложь. Правда и ложь в данной пословице метафоризируются как физические объекты, разделенные границей – тонкой тропинкой (пространственный код культуры). Метафора «тропинка – граница», делящая два пространства «правду» и «ложь».

Die Wahrheit will an den Tag [Граф, 1997, с. 253] (букв. Правда хочет на свет / Правда хочет (быть) днем / в дневное время). Оппозиция день – ночь. Мифологема «день

– свет – видимость» в противоположность «тьме – ночи – скрытости». День символизирует "свет", т.е. открытость, видимость.

Wahrheit ist der Zeit Tochter (букв. Правда – дочь времени) [Seiler, 2012, с. 155]. Еще одна синонимичная пословица: ***Zeit gebiert Wahrheit*** [Körte, 1861, с. 526] (букв. Время рождает / порождает правду / истину). В данных пословицах абстрактные сущности «правда» и «время» метафорически представляются как живые существа (персонификация), состоящие в родственных отношениях «родитель – дитя». В первой пословице данные отношения выражены через лексему *Tochter (*дочь*),* во второй пословице – через глагол *gebären* (рожать, породить).

Теперь рассмотрим мифологическую представленность лжи в японских паремиях.

嘘つきは泥棒のはじまり*усоцуки ва доробо:-но хадзимари* [Судзуки, Хирота 1956, с. 104] (букв. Ложь – начало воровства). В данной пословице метафоризируется первый / начальный этап или шаг к воровству. Воровство метафорически представляется как отрицательный процесс, имеющий начальную стадию – ложь. Ср. рус. *Кто лжёт, тот и крадёт*.

嘘を言えば地獄へ行く [Судзуки, Хирота 1956, с. 105] *усо-о иэба дзигоку-э юку* (букв. Если будешь врать, отправишься в ад). Мифологема – *ад*.

嘘をつくと閻魔様に舌を抜かれる[Судзуки, Хирота 1956, с. 105] *усо-о цуку то эмма-сама-ни сита-о нукарэру* [букв. Если будешь врать, то бог Эмма вырвет тебе язык (после смерти, в аду)). Бог Эмма – в японской мифологии это судья мертвых, который правит подземным адом *дзигогу*. Данную пословицу часто говорят родители детям, чтобы дети боялись говорить неправду.

嘘をつかねば仏になれぬ [Судзуки, Хирота 1956, с. 105] *усо-о цуканэба хотокэ-ни нарэну*, (букв. Если не солжешь, не станешь Буддой / не достигнешь просветления). Основной смысл данной пословицы – ложь во спасение.

正直貧乏横着栄耀 *сё:дзики бимбо: о:тяку эё:* [Судзуки, Хирота 1956, с. 466] (букв. Честный в нищете, а нечестный в роскоши). В данной пословице содержится оппозиция *бедность – роскошь*. Толкование пословицы: из-за своей честности честный человек попадает в неприятности, в то время как нечестный человек действует хитро и наживается. Данная пословица указывает на одно из основных противоречий нашего мира.

Проведенный анализ немецких и японских паремий о Правде и Лжи позволил выявить мифологемы, закодированные во внутренней форме пословиц, и таким образом, расшифровать этнокультурную информацию. Наш анализ также позволил подтвердить бинарность способа членения и упорядочивания окружающей действительности, отраженной в мифах и в пословицах, а также приемы анимизма и фетишизма в мифологических представлениях и базовых концептах.

Как показал анализ немецких и японских паремий, Правда в немецкой лингвокультуре выражается через мифологему зеркала. Правда у немцев связана со временем. В немецких пословицах Время и Правда представлены в отношениях родитель – дитя, то есть, в немецкой лингвокультуре, как и в английской, Времени отводится ведущая роль по отношению к Правде как нравственному концепту.

Ложь в немецких паремиях связана главным образом с преодолением расстояния, гонкой, соперничеством с Правдой. При этом выявляется мифологема расстояние – время. В немецкой лингвокультуре через паремии указывается на то, что между ложью и правдой тонкая грань / граница, абстрактные сущности анимируются и представляются как физические объекты.

В японской лингвокультуре выявляется представление о лжи как о допустимом средстве, если эта ложь во благо других, позволяет им сохранить «лицо», а также

человеку приблизиться к Богу. Пословицы о лжи содержат мифологемы, связанные с религией, и имеют целью воспитание нравственности у молодого поколения японцев.

Список литературы

1. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва : Просвещение, 1972. – 368 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Цветаева Е. Н., Карпенко Е. И. Ментально-вербальное воплощение мифологемы "древо" в немецком языке в диахронии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. №8 (799), С. 181–191.
4. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007.
5. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: ЗАО «Совершенство», 1996.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.
7. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
8. Абакумова О. Б. Лингвокультурологические аспекты когнитивно-дискурсивной паремиологии // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Орёл. 2020. с. 53-60
9. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1989.
10. Граф А. Е. Словарь немецких и русских пословиц. Более 6000 единиц. Спб.: Лань, 1997.
11. Röhrich, L., Mieder, W. Sprichwort: Sammlung Metzler, 154. Германия: Изд-во J.B. Metzler, 2017. – 137 с.
12. Körte, F. H. W, Körte W. Die Sprichwörter und sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen. 1861. Германия: Изд-во Georg Olms Verlag, 1861. – 579 с.
13. Seiler, F. Deutsche Sprichwörterkunde (Немецкая паремиология). Германия: DOGMA. in Europäischer Hochschulverlag GmbH KG, 2012. – 468 с.
14. 鈴木、広田、故事ことわざ辞典(Судзуки Т., Хирота Э. Кодзи котовадза дзитэн. Словарь японских пословиц и поговорок). – Токио: изд-во «То:кё:до: сюппан». 1956.

Сведения об авторе:

Колесникова Анна Леонидовна; преподаватель кафедры немецкого языка, соискатель кафедры английской филологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 95; anglfil@mail.ru

Anna L. Kolesnikova; Oryol State University named after I. S. Turgenev, senior lecturer of the German Department, Foreign Language Institute, 302026, Oryol, Russia, anna-perevod@yandex.ru

УДК 81

Специфика отражения национально-культурных ценностей средствами фразеологии английского языка

Мария Андреевна Мартынова
ФГБОУ «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», студент 2 курса магистратуры института иностранных языков, Орел, Россия, Mariamartynovatyty@yandex.ru
Научный руководитель: Бакина Анна Дмитриевна, д.ф.н., доцент, ОГУ им И.С. Тургенева

Аннотация: В данной статье рассматривается фразеологизм как устойчивая, семантически целостная единица, несущая в себе исторический, социальный и культурный опыт. Особое внимание уделяется англоязычным идиомам, анализ которых помогает выявить и понять культурные ценности, мировоззрение, а также поведенческие модели британского и американского общества. На основе собранной информации из различных лингвистических источников показано, что фразеологизмы функционируют как носители культурного кода, представляя лингвонациональную картину мира.
Ключевые слова: фразеологизм, языковая культура, английский язык, идиома, культурный код, межкультурная коммуникация.

Phraseology as a reflection of the national cultural world picture

Maria A. Martynova
Orel State University named after I. S. Turgenev, 2nd year Master's Degree student at the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, Mariamartynovatyty@yandex.ru
Scientific Supervisor: Bakina Anna D., Doctor of Philology, Associate Professor, the Head of the Chair of English Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev

Abstract. The article examines phraseology as a stable, semantically integral unit that carries historical, social and cultural experience. Special attention is paid to English idioms, the analysis of which helps to identify and understand cultural values, worldviews, and behavioral patterns of British and American society. Based on the information collected from various linguistic sources, it is shown that phraseological units function as carriers of the cultural code, representing the linguonational picture of the world.
Keywords: phraseology, linguistic culture, English, idiom, cultural code, intercultural communication.

Язык является не только средством общения, но и важнейшим отражением языковой культуры нации. В лингвокультурологии особое внимание уделяется изучению языковых единиц, отражающих специфику культурного сознания. Одной из таких единиц является фразеологизм. Фразеологизм функционирует в языке как элемент системной структуры, представляя собой устойчивую, семантически целостную языковую единицу. Отечественный филолог В. В. Виноградов определяет фразеологические единицы как лексически закрепленные комбинации слов, которые в речи могут выступать в виде «готовых выражений», восприниматься как «неразложимые

целые», а также выполняют функцию сопоставление со словом [1]. В.В. Виноградов выделил три вида фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Согласно А. И. Смирницкому, фразеологизмы – есть семантически единые образования, при этом их семантическая цельность проявляется за счет идиоматичности. По его мнению, идиоматичность – «свойство единиц языка, состоящее в неразложимости их значений на значения единиц, вычленяемых в их формальном строении, и соответственно в несводимости значения целого к значениям частей в данной их структурно-семантической связи» [1]. То есть, значение фразеологической единицы не является суммарным значением ее компонентов.

Современная лингвистика расширяет понимание фразеологизма, включая в него крылатые выражения, пословицы, поговорки и идиомы, особенно рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Необходимость формирования фразеологической компетенции по иностранному языку объясняется также тем, что фразеологизмы несут в себе максимум информативности при минимуме лексического объекта, и в этом состоит их весомость как лексических единиц и словосочетаний [2].

С точки зрения лингвокультурологического подхода, фразеологизмы являются отражением культурных реалий и традиций общества. Данные единицы могут содержать элементы истории, фольклора, мифологии, а также географии. Например, *выражение to bite the bullet* (*сделать что-то неприятное и трудное*) связано с историческими событиями, когда раненые солдаты во время операции кусали пулю, так как анестезия была недоступна. Таким образом, фразеологизм отражает историю военных конфликтов. Фраза *to turn a blind eye* (*закрывать глаза* на что-л, *не замечать*) связано с адмиралом Нельсоном, который, по историческим сведениям, приложил подзорную трубу к слепому глазу, чтобы не увидеть сигнал прекращения боя. Данный фразеологизм является полным отражением исторических событий [3]. Данные примеры демонстрируют нам, что фразеологизмы – это не языковое клише, а культурный артефакт, помогающий сохранить память о прошлом и передать культурный багаж последующим поколениям.

Фразеологизмы также могут отражать социальные отношения, изменения и тенденции. Например, выражение *to break the ice* (*начать разговор в неловкой или напряженной ситуации)* возникло, когда рыбаки разбивали лед для ловли рыбы, что в свою очередь символизировало начало общения. В современном контексте данный фразеологизм стал популярен бизнес-среде, отражая стремление к установлению контакта [4]. Выражение to throw in the towel (*сдаться*) пришло из сферы спорта, а именно из бокса, когда секунданты бросали полотенце на ринг, чтобы остановить бой и спасти спортсмена от дальнейших повреждений.

Особый пласт занимают идиомы, связанные с домашним хозяйствам и сельской жизнью, характерные для традиционного британского общества. Выражение *It's raining cats and dog*s (*льет как из ведра*) отсылает к средневековым улицам, где после ливня по каналам плыли мёртвые животные.

Фразеологизмы также отражают базовые ценности культуры общества. Выражения *to pull yourself up by your bootstraps* (*преодолеть трудности без посторонней помощи*), *Don't cry over spilled* milk (*Не зацикливайся на прошлых ошибках*) подчеркивают рациональное, активное и прагматичное отношение к жизни, так как британское общество ориентировано на индивидуализм и прагматизм.

Некоторые фразеологизмы основаны на устойчивых стереотипах и мифах культурного сообщества. Например, выражение *rule of thumb* (*приблизительное правило*) происходит от старинного английского закона, разрешавшего мужу бить жену палкой толщиной не более дюйма. Хотя историки подвергают сомнению данную этимологию. [4].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что фразеологизмы кроме лингвистического значения несут в себе культурные коды и знаки. Они сохраняют исторические сведения, социальные отношения, фольклор и мифы, а также отражают базовые ценности культуры и языка сложившегося сообщества. Для лучшего понимания семантики фразеологизмов, особенностей их употребления необходимо не только знание языка, но и знание истории и культурных особенностей страны, изучаемого языка.

Список литературы

1. Смирницкий, А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий ; подготовил к печати и отредактировал В. В. Пассек. – Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327 2022 №3 ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ДНЕВНИК НАУКИ» Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
2. Бакина, А. Д. Развитие коммуникативной компетенции средствами фразеологии библейского происхождения / А. Д. Бакина // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. – 2023. – № 1(18). – С. 50-65. – DOI 10.37892/2218-1393-2023-18-1-50-65. – EDN VABPSA.
3. Phrase Finder. (2023). Origin of ‘turn a blind eye’. https://www.phrases.org.uk/meanings/turn-a-blind-eye.html .
4. Oxford Dictionary of Phrase and Fable. – Oxford, 2000

Сведения об авторе:

Мария Андреевна Мартынова, студент 2 курса магистратуры института иностранных языков, ФГБОУ «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 302001, Россия, Орел, ул. Комсомольская, д.39Б; Mariamartynovatyty@yandex.ru;

Maria Andreevna Martynova, 2nd year Master’s Degree student at the Institute of Foreign Languages, I. S. Turgenev Orel State University, 39B Komsomolskaya str., Orel, 302001, Russia; Mariamartynovatyty@yandex.ru.

УДК 81’373

Прагматика перевода библейских фразеологических единиц в политической риторике

Майя Алексеевна Орехова[1], Анна Дмитриевна Бакина[2]

[1] Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Институт иностранных языков, 4 курс, Орёл, Россия, maya.a.orehova@gmail.com

[2] Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено библейским фразеологизмам в политическом дискурсе. Определено и охарактеризовано понятие «политический дискурс». Изучен феномен библеизмов, их употребление в политической риторике и основные способы перевода. Работа фокусируется на трудностях перевода библейских фразеологизмов в речах исторических и современных американских политиков,

возможных ошибках при их прагматической адаптации и способах их избежать, чтобы достичь наибольшей адекватности и эквивалентности в переводе.

Ключевые слова: библеизм, библейский фразеологизм, перевод, прагматика перевода, политический дискурс

The pragmatics of translating biblical phraseological units in political rhetoric

Maya A. Orekhova[1], Anna D. Bakina[2]

[1]Oryol State University named after I.S. Turgenev, Institute of Foreign Languages, 4th year, Oryol, Russia, maya.a.orehova@gmail.com;

[2]Oryol State University named after I.S. Turgenev, Institute of Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of the English Philology, heart-anna@yandex.ru

Abstract. This study examines biblical phraseological units within political discourse. The concept of "political discourse" is defined and characterized. The phenomenon of biblical idioms, their use in political rhetoric, and primary translation strategies are explored. The paper focuses on the challenges of translating biblical phraseological units in the speeches of historical and contemporary American politicians, potential errors in their pragmatic adaptation, and methods to avoid such mistakes to achieve maximum adequacy and equivalence in translation.

Keywords: biblical idiom, biblical phraseological unit, translation, translation pragmatics, political discourse

Введение

Исследование посвящено изучению характеристик и особенностей перевода библейских фразеологизмов в политическом дискурсе. Актуальность исследования объясняется глубоким укоренением Библии в культуре, что делает её отсылки мощным инструментом воздействия на аудиторию [Бакина, 2023а]. В политических речах, часто требующих перевода, такие фразы усиливают эмоциональное влияние, однако их вариативное употребление в разных языках создаёт сложности для переводчика (См. работы [Кибизова, Бакина 2020], [Бакина 2023б], [Бакина 2023в], [Бакина 2023г].

В ходе исследования была поставлена следующая цель: проанализировать употребление БФЕ (библейских фразеологических единиц) в англо- и русскоязычном политическом дискурсе и их перевод.

В качестве объекта исследования были выбраны фразеологические единицы библейского происхождения. Предмет исследования — особенности их функционирования и перевода в политическом дискурсе.

Методы исследования: метод фразеологической идентификации, предпереводческий и постпереводческий анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, метод контекстуального анализа.

Понятие политического дискурса

Политический дискурс отражает сложную систему связей между личностью и социумом, выступая как инструмент воздействия на аудиторию с целью создания определенного взгляда на мир. В политическом тексте содержится как экстралингвистическая информация (собственно картина мира), так и знаковая информация. Он обладает не только смыслом, но и сущностной «привязкой» (соотнесен субъектно с определенной группой или группами людей).

Политический дискурс имеет специфические черты. Во-первых, основной целью политической коммуникации является борьба за власть. Оппоненты часто эмоционально и агрессивно критикуют друг друга, используют лозунги и идеологию для защиты и продвижения своих ценностей. Эмоциональная сторона речи превалирует над рациональной: главной задачей становится не проинформировать адресата, а убедить его в своей правоте и побудить к действию. Наконец, в борьбе за власть каждый стремится стать победителем, доказать свое превосходство над противником [Синеокая 2012].

Библеизмы и особенности их функционирования в политическом дискурсе

Библеизмы — это языковые элементы (слова, устойчивые выражения, афоризмы), заимствованные из текстов и сюжетов Библии. Библеизмы прочно вошли во все стили речи, причем многие из них воспринимаются как нейтральные, т. к. не осознаются носителями языка как заимствования. Термин «библейский фразеологизм» означает лишь подгруппу библеизмов, ограниченную устойчивыми выражениями.

Фразеология библейского происхождения играет ключевую роль в формировании языковой картины мира, выступая «зеркалом» культуры. БФЕ фиксируют исторически сложившуюся систему ценностей (например, *«нести свой крест»* — одобрение терпения, *«возлюби ближнего своего»* — призыв к любви и заботе). Их устойчивость и образность обеспечивают преемственность национального сознания.

Библия занимает важное место в политическом дискурсе. Помимо прямого и косвенного ее цитирования существуют и интертекстуальные включения: аппликация и аллюзия [Конашенко 2023].

К прагматическим целям употребления устойчивых выражений можно отнести формирование негативной или позитивной оценки, создание эмоционального резонанса, а также упрощение сложных политических концепций через образные выражения (например, *«Вавилонское столпотворение»* для описания хаоса). В современной политической коммуникации применение библейских фразеологизмов стало общепринятой практикой, поскольку они способствуют повышению авторитетности высказываний и усиливают воздействие на аудиторию через апелляцию к общеизвестным библейским ценностям. Именно эти свойства позволяют БФЕ наиболее эффективно реализовывать персуазивную функцию политического дискурса.

Основные приёмы и трудности перевода библейской фразеологии в политических текстах

Сложность перевода фразеологизмов заключается в их семантической целостности, многозначности и способности к трансформациям, что вынуждает переводчика быть крайне внимательным [Бакина 2024]. Особые трудности возникают с библейскими фразеологизмами, требующими от переводчика знания их исторического и культурного контекста [Адамия 2019]. В сфере политики, где важен точный и воздействующий перевод, специалисту необходим широкий кругозор и творческий подход для стилистической адаптации и компенсации неизбежных потерь.

Перейдем к практическим примерам употребления и перевода БФЕ в политической риторике. Во второй инаугурационной речи 42-го президента США Билла Клинтона (20 января 1997 года) можно найти интересный пример употребления фразеологизма «*the promised land*» и его производных: «*Guided by the ancient vision of a promised land, let us set our sights upon a land of new promise*» [Clinton 1997]. У данной БФЕ есть полный эквивалент в русском языке — «*земля обетованная*». Данный фразеологизм становится ключевым в этом тексте, т. к. он повторяется несколько раз в трансформированном виде, например: «*The promise we sought in a new land, we will find again in a land of new promise*». Эти трансформации призваны создать развернутую

метафору счастливой, успешной страны, а также подчеркнуть важность сочетания многовековой традиции и готовности к изменениям с наступлением нового века. При переводе могут возникнуть трудности с последовательным сохранением образа, заданного БФЕ в первоначальном виде. Перевод самой единицы не составит труда благодаря наличию полного эквивалента, но возможности для грамматических преобразований в русском языке ограничены из-за того, что слово *обетованная* не является общеупотребительным в современном языке, в отличие от английского *promised*. Для последующего сохранения отсылки к БФЕ в тексте предлагаем следующие варианты перевода приведенных отрывков:

1. «*Давайте направимся в сторону новой земли обетованной, следуя древнему представлению о ней*».
2. «*На нашей новой земле обетованной мы найдем то, что нам было обещано Богом*».

Далее рассмотрим инаугурационную речь 45-го и 47-го президента США Дональда Трампа, произнесенную 20 января 2017 года. В ней присутствует БФЕ «*breath of life*»: «*And whether a child is born in the urban sprawl of Detroit or the windswept plains of Nebraska, they look up at the same night sky, they fill their heart with the same dreams, and they are infused with the breath of life by the same Almighty Creator*» [Trump]. Согласно словарю А. В. Кунина, она означает что-либо, «нужное человеку как воздух» [Кунин 1984, с. 108]. Однако нам представляется, что в данном случае это значение не является основным. В то время как фразеологизм *«breath of life»* можно считать вторичным, т. е. утратившим прямую связь с первоисточником, в данном отрывке он все же к нему возвращается, что можно рассматривать как аллюзию к Библии (Genesis 2:7). Прежде всего, в этом фрагменте политик говорит о равенстве всех американцев. Цель употребления БФЕ — подчеркнуть, что все люди созданы равными перед Богом, и напомнить о христианских корнях американской идентичности.

Перевод был выполнен методом калькирования: «*Неважно, появился ли ребенок на свет в городских районах Детройта или на просторах ветреной равнины Небраски: они смотрят в одно и то же ночное небо, они наполняют сердца теми же мечтами, и они ловят дыхание жизни от одного и того же Всемогущего Творца*». Данный вариант не кажется нам удачным, поскольку при дословном переводе теряется смысл высказывания, пусть и сохранена его образность. Для сохранения отсылки к Библии целесообразно использовать ФЕ «*вдохнуть жизнь*» — сделать кого-либо или что-либо жизнеспособным. В таком случае мы можем предложить следующий вариант перевода: «*Неважно, появился ли ребенок на свет в городских районах Детройта или на просторах ветреной равнины Небраски: все они смотрят на одно и то же ночное небо, их сердца наполняются теми же мечтами, и жизнь в них вдыхает один и тот же Всемогущий Творец*».

Заключение

Таким образом, библейские фразеологизмы, связывающие современность с вечными ценностями, остаются ключевым инструментом политической риторики. Их адекватный перевод требует совмещения точности, культурной адаптации и прагматического воздействия. Работа имеет теоретическое значение для лингвистики и переводоведения, раскрывая закономерности перевода и демонстрируя, как библейские образы служат легитимации власти. Практическая польза исследования заключается в разработке алгоритмов перевода, предотвращающих коммуникативные сбои, а также в помощи политикам, СМИ и аналитикам в эффективном использовании и декодировании скрытых смыслов. Дальнейшее изучение этого феномена обогатит не только теорию перевода, но и практику межкультурной политической коммуникации.

Список литературы

1. Адамия, З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. – Т. 1: А–О / авт.сост.: [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 288 с.

2. Бакина, А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра / А. Д. Бакина. – Орёл: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2023а. – 452 с.

3. Бакина, А.Д. Библейская фразеология в политической коммуникации / А. Д. Бакина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2023б. – Т. 12, № 3. – С. 89–96.

4. Бакина, А.Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023в. – № 4(101). – С. 384-387. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-384-387.

5. Бакина, А.Д. Прагматика перевода библейской фразеологии (на материале английского и русского языков) / А. Д. Бакина // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Сборник научных статей IV Международный конгресс, Ростов-на-Дону, 06–08 октября 2022 года. – Ростов-на-Дону - Таганрог: Южный федеральный университет, 2023г. – С. 389–393.

6. Бакина, А.Д. Лингвокультурологические аспекты перевода библейской фразеологии / А. Д. Бакина // Славянская фразеология и паремиология: Сборник научных статей. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 2024. – С. 14–21.

7. Жунусова, Ж.Н., Нугуманова, А.Н. Функционирование фразеологизмов в политическом дискурсе (на материале выступлений казахстанских политиков) // Известия. Серия: Филологические науки. – 2023. – №4. – С. 107–117.

8. Кибизова, Е. Р. Семантические особенности библейских аллюзий и специфика их перевода / Е. Р. Кибизова, А. Д. Бакина // Форум молодёжной науки. – 2020. – Т. 1, № 6. – С. 101-109.

9. Конашенко, А.А. Лингвостилистические особенности цитирования библии в англоязычном политическом дискурсе // Вестник науки. – 2023. – №9 (66). – 266–273.

10. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. д-р. культурол. наук: 24.00.04. – М., 2000. – 464 с.

11. Кошкина, Е. Г. Об особой роли фразеологизмов в создании языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №4-2. – С. 106–111.

12. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.

13. Погодина, Т.Ю. Глас президента – глас Божий? Библия в американском политическом дискурсе // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Сер.: История, культура и искусство. – 2021. № 02 (03). Режим доступа: https://scipress.ru/fai/articles/glas-prezidenta-glas-bozhij-bibliya-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse.html(дата обращения: 30.09.2025).

14. Синеокая Н.А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=7695 (дата обращения: 01.10.2025).

15. Федуленкова, Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие / Т. Н. Федуленкова. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.

16. Шурыгина, Е.Н. Понятие «Картина мира» в лингвокультурологическом освещении // Ярославский педагогический вестник. 2014. №3. Режим доступа:

https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kartina-mira-v-lingvokulturologicheskom-osveschenii (дата обращения: 01.10.2025).

17. B. Clinton. January 20, 1997: Second Inaugural // UVA Miller Center URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-1997-second-inaugural (дата обращения: 25.09.2025)

18. Trump, D. Here's newly sworn-in President Trump's full speech // U.S. Embassy & Consulates in Russia. Режим доступа: https://ru.usembassy.gov/heres-newly-sworn-president-trumps-full-speech/ (дата обращения: 25.09.2025).

Сведения об авторах:

Орехова Майя Алексеевна; Институт иностранных языков, 4 курс, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: maya.a.orehova@gmail.com

Orekhova Maya Alexeyevna; Institute of Foreign Languages, 4th year, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation, E-mail: maya.a.orehova@gmail.com

Бакина Анна Дмитриевна; доктор филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: heart-anna@yandex.ru

Bakina Anna Dmitrievna; Doctor of Philology, Associate Professor, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation, E-mail: heart-anna@yandex.ru

УДК 81

Сравнительный анализ форм вежливости (комплиментов): на материале английского и русского языков

Петроченко Ирина Сергеевна

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Институт иностранных языков, студент 4 курса, г. Орёл, Россия, ira.petrochenko.2004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются комплименты как форма проявления вежливости в русском и английском языках. Исследование основано на теории речевых актов и анализе художественных текстов. Выявлены сходства и различия в структуре и прагматике комплиментов, отражающие культурные особенности двух лингвокультур.

Ключевые слова: речевой акт, комплимент, вежливость, межкультурная коммуникация, прагматика, лингвокультура.

A comparative analysis of politeness forms (compliments): based on English and Russian material

Irina S. Petrochenko

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Institute of Foreign Languages, student, 4th year, Oryol, Russia, ira.petrochenko.2004@mail.ru

Abstract. The article explores compliments as a form of politeness in Russian and English. The study is based on speech act theory and the analysis of literary texts. The similarities and differences in the structure and pragmatics of compliments reflect the cultural specifics of the two linguocultures.

Keywords: speech act, compliment, politeness, intercultural communication, pragmatics, linguoculture.

В нынешней эпохе, когда взаимодействие между представителями разных лингвокультур – обыденное явление, комплимент играет важную роль как речевой инструмент, способствующий установлению взаимопонимания между людьми. Он представляет собой общепринятый способ выражения вежливости, одобрения, однако его формы, содержание и то, как он воспринимается, во многом обусловлены культурными особенностями. Анализ английских и русских комплиментов представляет собой увлекательную задачу, поскольку позволяет обнаружить различия в лингвокультурных моделях общения.

В соответствии с теорией речевых актов, разработанной Дж. Остином и Дж. Серлем, комплимент относится к экспрессивам, поскольку отражает эмоциональное отношение говорящего к собеседнику [Серль 1986, с. 181-185]. В типологии, изначально предложенной Остином [Остин 1986, с. 119], он схож с бехабитивами – речевыми актами, связанными с проявлением социального поведения. Несмотря на различные подходы к классификации, исследователи сходятся во мнении, что комплимент играет ключевую роль в создании и поддержании позитивной атмосферы в общении. Комплимент можно рассматривать как любое высказывание, обращенное к конкретному человеку, которое выражает неподдельную симпатию к его достоинствам или служит условным выражением положительной оценки с целью продемонстрировать уважение говорящего. Главная задача любого комплимента – обеспечить успешное взаимодействие между участниками коммуникации посредством использования специальных речевых конструкций, которые по своей сути являются позитивными коммуникативными явлениями. Комплиментарный речевой акт является так же своего рода формой вежливости в определённых ситуациях коммуникации, в том числе и межкультурной.

Примечательно, что изначально комплименты были частью придворного протокола, а к XIX веку стали неотъемлемой частью светских бесед и повседневного общения [Формановская 1989, с. 67].

Русская литература XIX века изобилует комплиментарными высказываниями. В романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» были изучены русские оригиналы и их английские переводы. В первом случае («Прелестная девочка, прелесть!» / “Delightful child, delightful!”) русский текст подчеркивает внешнюю привлекательность и эмоциональную насыщенность с помощью уменьшительно-ласкательных форм и повторов, в то время как английский вариант смягчает нежность, сохраняя лаконичность. Во втором примере («А что за прелесть моя Варенька!… И как она красива, благородно красива!» / “How sweet my Varenka is!… And how good-looking she is — such a refined beauty!”) эмоциональная глубина и личный характер оригинала несколько теряются, а оценка становится более визуальной и рациональной.

Анализ нескольких комплиментарных высказываний из «Анны Карениной», «Воскресения» и «Юности» выявил общие тенденции: русские комплименты отличаются эмоциональной насыщенностью, использованием уменьшительно-ласкательных форм и акцентом на внешности, отражая субъективное восприятие и открытое выражение чувств. Английские переводы сохраняют основное содержание, но предпочитают

нейтральные формулировки, более строгую структуру и акцент на общем впечатлении или социальном статусе. В обоих языках комплименты являются инициативными, однако в русском варианте они объединяют оценочную, информативную и фатическую функции, в то время как в английском они более четко разделены.

Для анализа комплиментарных высказываний в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованном в 1862 году, и их английских переводах были рассмотрены три примера. В первом («Он всякому рад помочь…»/ “He’s glad to help any one…”) комплимент подчеркивает щедрость и альтруизм персонажа; перевод сохраняет прямую форму, двойную адресацию и позитивное восприятие. Во втором («В этом-то самый вкус и есть» / “That’s just what gives it piquancy”) комплимент выражает парадоксальное восхищение: сдержанность Одинцовой делает её привлекательной; метафоры, идиомы и настоящее время сохранены в обеих версиях. В третьем случае («чудесный малый» / «splendid fellow») акцентируется личностная оценка героя. Во всех примерах переводы сохраняют эмоциональную окраску, прагматическую направленность и культурно значимые акценты, обеспечивая точную межкультурную передачу комплимента.

Для анализа комплиментарных высказываний в произведениях Ф. М. Достоевского («Неточка Незванова», «Братья Карамазовы») и их английских переводов были рассмотрены примеры из повести «Неточка Незванова» (перевод Джейн Кентиш, 1985). В первом случае («Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая!» / “Ah, Katya, Katya, how lovely you are!”) комплимент акцентирует внешность, повтор имени, междометие и уменьшительно-ласкательная форма усиливают интимность и эмоциональность; перевод сохраняет ритм, оценку и настроение. Во втором примере («У неё чистое и благородное сердце… хорошенькая головка!» / “She has a pure and noble heart… and a pretty little head!”) внимание сосредоточено на внутренних качествах и внешности, уменьшительно-ласкательная форма передана через “pretty little head”, сохраняя эмоциональную окраску.

Анализ показал, что комплименты Достоевского служат той же прагматической цели — выражению искреннего восхищения внешними и внутренними качествами адресата. Переводы адекватно передают лексическое наполнение, эмоциональную окраску и интонационную организацию, включая междометия, повторы и эпитеты (“lovely”, “splendid”, “pure and noble heart”). Структура реплик, инициативность, личная вовлечённость и адресация сохранены, что подтверждает высокую семантическую и прагматическую сопоставимость и успешную межкультурную передачу комплиментарных единиц.

Если обратиться к английской литературе, можно заметить существенные отличия. Были рассмотрены примеры из романов Джейн Остин «Pride and Prejudice» и «Persuasion». В первом случае (“What painter could do justice to those beautiful eyes?” / «Разве какой-нибудь художник сумеет достойно запечатлеть на полотне эти прекрасные глазки?») оригинальный, изящный и сдержанный комплимент в русском переводе приобретает более интимный и эмоционально окрашенный характер благодаря уменьшительно-ласкательной форме и детализации. Во втором примере (“Very good-humoured, unaffected girls… and a very respectable family” / «Милые, добрые, искренние девушки… и семейство такое почтенное. Лучшей родни не сыскать») русский вариант усиливает выразительность и афористичность, хотя оригинал сформулирован сдержанно и формально.

Анализ показал, что русские переводы Остин сохраняют прагматическое ядро, но адаптируют форму к нормам русской речевой культуры: эмоциональность, личная окраска, ласкательные формы и конкретизация делают комплименты более непосредственными и «домашними». Перевод выступает как инструмент культурной

адаптации, обеспечивая естественное восприятие высказывания в русской среде, при этом остаётся точным и стилистически уместным.

Для анализа лингвокультурных различий в произведениях Чарльза Диккенса были рассмотрены примеры из «A Tale of Two Cities» и «The Posthumous Papers of the Pickwick Club». В первом случае (“my precious!”, “my bird!” / «Ах ты моё сокровище! птичка ты моя!») русский перевод усиливает эмоциональность за счет междометий и уменьшительно-ласкательных форм, тогда как английский вариант выражает заботу более тонко через метафоры и притяжательные местоимения. Во втором примере (“Fine girl, Sir” / «Хорошенькая девочка, сэр») эмоциональность также возрастает: английское «fine» нейтрально, русский вариант мягкий и разговорный.

Анализ показал, что комплименты сохраняют положительную оценку, инициативность и адресацию, однако различаются в соответствии с культурными нормами: английские — сдержанные и лаконичные, русские — более экспрессивные, с уменьшительными формами и интонационной окраской. Русские переводы усиливают эмоциональность и образность, сохраняя прагматическую целостность, что отражает успешную культурную адаптацию и релевантность комплимента в целевой культуре.

Анализ комплиментов в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и их русском переводе (перевод М. Абкина) выявляет особенности культурной адаптации. В примере “You are too charming…” / «Ну, можно ли такому очаровательному молодому человеку заниматься благотворительностью!» оригинальная ирония и сдержанность усиливаются в переводе через восклицания и дополнительные эпитеты. В другом примере (“You look more like a prince…” / «Вы скорее похожи на принца. Я буду называть вас Прекрасный Принц») сохраняются структура и образность, но добавляется эмоциональная насыщенность.

Оба перевода передают прагматическую функцию и инициативность комплимента, но демонстрируют характерную для русской культуры экспрессивность, субъективность и эмоциональную развернутость. Перевод сочетает точность смысла с культурной адаптацией, обеспечивая сохранение воздействия на читателя.

Сопоставительный анализ позволяет сформулировать несколько заключений. В русском языке комплименты, как правило, обращены к внешности, отличаются эмоциональной окраской и часто содержат уменьшительно-ласкательные формы [Шейнов 2015, с. 28]. В английской культуре акцент переносится на моральные качества, интеллект и социальное поведение. Русская речь тяготеет к эмоциональной выразительности, в то время как английская — к корректности и соблюдению устоявшихся норм [Brown, Levinson 1987, p. 92].

Особенно заметно различие в восприятии комплиментов. В русской традиции избыток похвалы может вызвать подозрения в неискренности или лести. В английской культуре же использование стандартных фраз, таких как “You look wonderful” или “That’s very kind of you”, не считается шаблонным, а воспринимается как неотъемлемая часть вежливости. Эти различия отражают разные модели речевого поведения: русская культура поощряет эмоциональную открытость, а английская — сдержанность и тактичность.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что комплимент как речевой акт обладает универсальными функциями, однако его воплощение варьируется в зависимости от лингвокультурных норм. В русской традиции приоритет отдается эмоциональной экспрессии и искренности, в английской — корректности и умеренности. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо учитывать эти различия в стратегиях вежливости, чтобы избежать недопонимания и неверной интерпретации высказываний.

Значимость данного анализа выходит за рамки теоретического описания различий и имеет практическое применение. Результаты могут быть использованы в переводоведении: переводчику необходимо не только подбирать лексические соответствия, но и передавать прагматический смысл высказывания. В обучении иностранным языкам знание особенностей комплиментов способствует формированию у студентов навыков межкультурной коммуникации. Кроме того, выводы исследования помогают лучше понимать речевое поведение представителей разных культур и предотвращать возможные коммуникативные барьеры.

Список литературы

1. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
2. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170 – 194.
3. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1989. 161 с.
4. Шейнов В. П. Неотразимый комплимент. — М.: Эксмо, 2015. 224 с.
5. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Сведения об авторе:

Петроченко Ирина Сергеевна; студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», 302026 , Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 95; ira.petrochenko.2004@mail.ru; +79624811617

Petrochenko Irina Sergeevna; student, 4th year Oryol State University named after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302026, Russian Federation; ira.petrochenko.2004@mail.ru; +79624811617

УДК 81

Структурные и семантические особенности концептов «счастье» и «несчастье» в бенинских пословицах

Сачиви Акует Родольфо Жан-Батист

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, аспирант, Орел, Россия, baptistesatchivi@gmail.com

Аннотация. В данной статье проводится анализ структурных моделей и семантических особенностей бенинских пословиц, репрезентирующих концепты «счастья» и «несчастья». На материале этих пословиц выявляются ключевые культурные коды, определяющие восприятие этих универсальных категорий в мировоззрении народов Бенина.

Ключевые слова: паремиология, пословицы Бенина, концепт «несчастье», структурный анализ, семантика, африканская картина мира.

Structural and semantic features of the concepts of "happiness" and "misfortune" in Benin proverbs

Satchivi Akouete Rodolpho Jean-Batiste
Orel State University named after I.S. Turgenev, Phd student, baptistesatchivi@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the structural patterns and semantic features of Beninese proverbs representing the concepts of "happiness" and "misfortune." Using these proverbs, we identify key cultural codes that shape the perception of these universal categories in the worldview of the peoples of Benin.

Key words: paremiology, Benin proverbs, concept of "misfortune", structural analysis, semantics, African worldview.

Понятие «пословица» имеет множество трактовок. В. И. Даль определил пословицу как краткое поучительное изречение, часто иносказательного характера [Даль, 2001: 500].

Профессор Дж. Мбити рассматривает пословицы как мощный культурный код — инструмент знания и оружие для маргинализированных социальных групп [Benin Proverbs, 2015: 16].

О.Б. Абакумова определяет пословицу как сложный гибридный знак, фразеологизм со структурой предложения, который функционирует как косвенный речевой акт [Абакумова, 2012: 60].

Пословица, как сосредоточение народной мудрости, является надежным источником для реконструкции культурной картины мира этноса. Концепты «счастья» и «несчастья» занимают центральное место в любой паремиологической системе, поскольку отражают базовые представления о добре и зле, справедливости и судьбе.

Н.Н. Болдырев определяет концепты как идеальные и абстрактные единицы сознания, которые оперируют в мыслительном процессе. Эти единицы являются продуктом познавательной деятельности человека, аккумулируя в себе его знания, опыт и результаты взаимодействия с миром, оформляя всё это в виде специфических когнитивных структур — «единиц знания». [Болдырев Н. Н. 2002: 23-24].

Пословичный концепт определяется как концепт-стереотип, репрезентированный в паремиологическом фонде языка. Он представляет собой культурно детерминированное представление о мироустройстве, структурированное в виде системы взаимосвязанных квалитативных признаков (онтологических, аксиологических, функциональных и модальных) и играющее ключевую роль в построении языковой картины мира. [Абакумова 2012].

Структурные модели репрезентации «несчастья» и «счастья»

Наш анализ позволяет выделить несколько доминирующих структурных моделей. ***Модель сравнения.*** Это наиболее распространенная структура, служащая для конкретизации абстрактных понятий через знакомые образы из природы и быта.

Несчастье как природное явление: ***«Nǔnyànyà ci jǐ ɖɔhun, é jà kaka ɔ́ , é nɔ kèn.»*** (букв. Беда подобна дождю: она всегда заканчивается), ***«Nǔnyànyà cí jǐ kpo aluǔn kpo hwenu ɖɔhun, é wà ɔ́, é nɔ wayi.»*** (букв. Беда подобна времени года: она проходит), ***«Nǔnyànyà ɔ́, ali wɛ é nyi bɔ̀ è nɔ̀ gbɔ̀n bo nɔ din, é nyi xwégbé bɔ̀ è nɔ nɔ̀ ǎ.»*** (букв. Несчастье — как дождь: оно мочит и богатых, и бедных). Данные сравнения подчеркивают временный и универсальный характер несчастья.

Счастье как внутреннее состояние и гармония: букв. ***«Nyɔ̆na ɔ ɖò mè ɖoko ɖokpo mè, é ɖò mè ɖokpo ɖokpo xwégbè, é lɛdo mè ɖokpo ɖokpo bo ɖ'àgá nu mè ɖokpo ɖokpo.»*** (букв. Счастье внутри нас, дома, вокруг нас и под нами). Эта модель, использующая

перечисление локаций, семантически приближает счастье к понятию гармонии с собой и миром, а не к внешним атрибутам.

Модель антитезы (противопоставления). Данная структура основана на контрасте, выявляющем глубинные свойства несчастья и счастья.

Противопоставление состояний: букв. ***Mè é nǔnyànyà ko wà kpɔn ɔ́, nɔ tuǐn nǔnyɔ́nutɛhwenu'xó bo nɔ ɖɔ̀ gànji.*** (букв. Кто познал несчастье, тот умеет ценить счастье), ***«Amè Ké Kpò Agbé Bada Kpó a, Eyé Djénasi Agbé Gñuin!» (Mina)*** (букв. Мы можем познать счастье, только если знаем, что такое горе). Здесь противопоставление служит для раскрытия диалектической и релятивной природы счастья, которое познается только через контраст с горем.

Противопоставление путей достижения: Появляется новый важный контраст. Активный путь: **«À n kperun tim kí a ku wunæn gbáan nøø mææri» (Bariba)** (букв. «Если хочешь добыть мёд из камня, не бойся за лезвие топора») счастье как результат тяжелого труда и жертв.

Пассивный путь: ***«Ibukun oluwa ni n la ni laifi laalaa kun-un» (***букв. Милость Божья, благословение спасает без усилий, боли и затруднений) счастье как «незаслуженная» милость высших сил. то есть именно Бог дарует человеку счастье. Эта антитеза показывает двойственность в понимании источников благополучия.

Афористично-императивная модель. Пословицы этой группы имеют форму краткого утверждения или совета, констатирующего непреложный закон.

Констатация: «***Nǔnyànyà ɔ́, ali wɛ é nyi bɔ̀ è nɔ̀ gbɔ̀n bo nɔ din, é nyi xwégbé bɔ̀ è nɔ nɔ̀ ǎ.»*** (букв. ***«Несчастье — это дорога, а не дом»)***. Эта метафорическая формула четко определяет несчастье как временное состояние, путь, который нужно пройти.

Императив (предупреждение/наставление): «***Nú à mà jlo ɖɔ̀ Nǔnyànyà ni ba jonɔ wè ǎ hun, ma nu nǔnyànyà ɖò nɔzo towe wa wɛ hun, é ni nɔ vivi nu we o»*** (букв. «Если не хочешь, чтобы несчастье постигло тебя, не радуйся чужому»), «***Mè é junjɔn àtin xúxú é ɖò tè è ji ɔ, na wa j'ayi kpo é kpo gbè ɖokpo.»*** (букв. «Кто сидит на стволе мёртвого дерева, тот упадёт вместе с ним»). Структура «если..., то...» служит для передачи причинно-следственной связи и практического наставления.

Семантические особенности концептов «несчастье» и «счастье»

Онтология «несчастья»: внезапность, неотвратимость и всеобщность.

Целый ряд пословиц рисует несчастье как силу, неподконтрольную человеку: ***«Nǔnyànyà nɔ ɖɔ̀ nu mɛ cobo nɔ wà ǎ, é nɔ́ wa zɔ̀n mèji kpowun wè.»*** (букв. «Беда не предупреждает; она нападает неожиданно»), «***Enyi Nǔnyànyà byɔ xwéɖé gbè ɔ́, é nɔ́ byɔ gbè mèɖé ǎ cobo nɔ dó nǔ sìn ǎ.букв.»*** (букв. «Когда беда входит в дом, она не спрашивает разрешения»). Это подчеркивает его фаталистический характер, близкий к концепту судьбы. При этом несчастье не «дискриминирует» она не делает разницу между людей: ***«Nǔnyànyà ɔ́, jǐ ɖɔhun w'ɛ ci, é nɔ jà, bo nɔ fa dɔkun nɔ kpo wamatɔnɔ kpo.»*** (букв. «Несчастье — как дождь: оно мочит и богатых, и бедных»).

Семантика «счастья»: гармония, умеренность и усилие.

Счастье как умеренность и достаток: букв. **«*Hɛnnu é ma ɖó dɔ̀kun sùkpɔ ǎ, bó má ká ɖò yà jì wè ǎ ɔ́, nyɔ̌na è é jló é mɔ w'ɛ dè.»*** (букв. «Семья, не имеющая слишком большого богатства и не страдающая от бедности, наслаждается желанным счастьем»). Ключевая семантика здесь – «золотая середина», отсутствие крайностей как основа благополучия.

Счастье как взаимопомощь и единство группы: ***«dƐrifƐnyo toosu no n'ma duu ka kpei hanni Ŋmaayo (Dendi)»*** (букв. «Куропатки встречаются прежде, чем начать есть»). Ценность коллективизма, или «квалитатив принадлежности группе», проявляется в идее, что настоящее благополучие невозможно в изоляции. Счастье мыслится не как личное достижение, а как общее благо.

Счастье как божественная милость: ***«Ibukun oluwa ni n la ni laifi laalaa kun-un»*** (букв. Милость Божья, благословение спасает без усилий, боли и затруднений) вносит важный семантический оттенок – признание высшей воли как источника счастья, которое может быть даровано вне зависимости от человеческих усилий.

Несчастье как социальный феномен и урок.

Урок для других: ***«Hwèɖelɛnu ɔ, àdǎngbomè mèɖokpo tɔn nɔ́ nyi nǔkplɔmɛ nú mèɖevo.букв.»*** (букв. «Беда одного человека часто становится уроком для другого»). Несчастье здесь – инструмент коллективного обучения.

Проверка человеческих отношении: ***«Nǔnyànyà ɔ́, wèkpɛn ɖɔhun w'ɛ ci bo nɔ ɖè nǔ è gbɛtɔ lɛɛ nyi tawun è xlé.»*** (букв. Несчастье — это зеркало, открывающее истинное лицо человека), ***«Nú nǔnyànyà jè dó ji towe gbèɖé ɔ́, yè towe ɖesu na hɔn jo we do»*** (букв. «Когда тебя постигает беда, даже тень твоя покидает тебя»). Горе обнажает суть человеческих отношений и характера.

Источник мудрости: «***Nùkun é yà àvǐ é ɔ́, nɔ́ mɔ̀ nǔ gànji.»*** (букв. «Глаз, заплаканный, видит яснее»), ***«Nǔnyànyà ɔ́, hǔn ɖɔhun w'ɛ ci, bo nɔ fɔ́n nǔnywɛtɔ́ lɛ sin amlɔ̀ mɛ lobo kɔn nɔ xwè taɖunɔ lɛ d'amlɔ mɛ.»*** (букв. «Несчастье — это барабан, который пробуждает мудрых и усыпляет глупых»). Страдание наделяется дидактической и трансформирующей функцией.

Динамика и цикличность.

Семантика пословиц отрицает статичность «несчастья» и «счатье». Они приходят и уходят: ***«Nǔnyànyà cí jǐ kpo aluǔn kpo hwenu ɖɔhun, é wà ɔ́, é nɔ wayi.»*** (букв. «Беда подобна времени году: она проходит»). Более того, считается что в каждой беде может скрываться возможность: ***«Enyi Nǔnyànyà zìn wè d'ayi ɔ, kpɔn fi è à j'ayi ɖe ɔ gànji hwè co bo site: àfɔ̀nyɔ̀ ɔ, à na mɔ̀ sikagan'kwèvi ɖokpo ɖò finɛ.»*** (букв. «Если беда заставила тебя упасть, осмотрись, прежде чем встать: может быть, ты увидишь золотую монету»).

Проведенный нами анализ показывает, что структурные модели бенинских пословиц о счастье и несчастье (сравнение, антитеза, императив) являются эффективным инструментом для передачи глубокой и сложной семантики.

Семантическое поле концептов в бенинской паремиологии характеризуется следующими признаками:

1. Диалектическая взаимосвязь: Счастье и несчастье познаются только друг через друга.
2. Двойственность источников счастья: оно может быть достигнуто через тяжелый труд и жертвы или даровано как божественная милость.
3. Идеал умеренности: Истинное счастье ассоциируется с гармонией и отсутствием крайностей.
4. Фаталистичность несчастья: оно внезапно, неотвратимо и всеобще, но при этом временно и циклично.
5. Социально-дидактическая функция несчастья: оно служит уроком для общины, проверкой характера и источником мудрости.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-Пресс, 2012. 354 с.

2. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. Филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 123 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка., М Эксмо-Пресс. 2001.500

4. Benin Proverbs. Practical Ethical Wisdom from African Proverbs. Angele Kolouche Biao, Aurelien Atidegla (eds). Globethicsnet, 2015.

УДК 81

Лексико-семантические средства репрезентации феномена любви в «женской поэзии» Викторианской эпохи

Мария Валерьевна Станова
Южный Федеральный Университет, аспирант 1 курса, Ростов-на-Дону, Россия, stmari2001@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяется потребностью в изучении лексико-семантических средств репрезентации феномена любви в лирических произведениях викторианских поэтесс. В работе выделяются эпитеты с положительными и негативными коннотациями и различные виды метафор. Анализ поэтического материала позволяет сделать вывод о строгости викторианской любви, её двойственности и повышенной духовности.
Ключевые слова: феномен любви, викторианская эпоха, метафора, эпитет.

Lexical and stylistic devices of representing the phenomenon of love in female poetry of the Victorian era

Maria V. Stanova
Southern Federal University, postgraduate student, Rostov-on-Don, stmari2001@mail.ru

Abstract. The relevance of the article is determined by the need to study lexical and semantic means of representing a love phenomenon in the lyrical works of Victorian poetesses. The work emphasizes epithets with positive and negative connotations and various types of metaphors. The analysis of the poetic material allows to conclude the rigor of Victorian love, its duality and elevated spirituality.
Keywords: the phenomenon of love, the Victorian era, metaphor, epithet.

Викторианская эпоха (1837–1901) является периодом масштабных изменений в обществе и культуре Англии, и, в частности, в восприятии феномена любви, который является многогранным и социально значимым [Боева-Омелечко, Станова 2025, с. 86]. К викторианской любви предъявлялись высокие требования и ограничения. Главным принципом женской любви было не позволять чувствовать себя удовлетворённой, не сделав что-то для уважаемого её человека; «любовь женщины – это вечно бьющий и неиссякаемый источник, который должен постоянно подпитываться из своего собственного благословенного источника» [Ellis 1839, p. 16]. Любовь – это серьёзная и хорошо взвешенная вещь, которая никак не связана с флиртом, кокетством и другими «ошибочными представлениями», которые девушки могли прочитать в «сентиментальных романах» [Etiquette 1859, p.7].

Удачное замужество стало главной миссией викторианской женщины, но идеальным считался именно брак по любви, образцом которого стал счастливый союз королевы Виктории и принца Альберта. Однако, даже «брак по любви» был ограничен родительскими требованиями и нормами общества. Так, любовь в Викторианскую эпоху – это скованное рядом условностей чувство, итог которого – брак, именно в нём она должна раскрыться и стать опорой для супругов, но при этом для женщины она проявлялось в ежедневном служении своему мужу и дому.

Цель настоящей работы – выявить своеобразие репрезентации феномена любви в женской поэзии Викторианской эпохи посредством лексико-семантических средств.

Нами были проанализированы лирические произведения таких поэтесс, как Кристина Россетти, Элизабет Браунинг, Фелиция Хеманс. В Викторианскую эпоху «женская литература», под которой обычно понимали сентиментальные произведения, воспринимали скептически, считая данные работы «для лёгкого чтения» [Нагайцева 2019, с. 98]. Однако, нам интересна поэзия данных авторов с точки зрения женского восприятия феномена любви в эпоху правления королевы Виктории.

Результаты проведённого исследования позволили выделить следующие лексико-семантические средства, использованные в поэтических произведениях Викторианской эпохи.

Эпитеты, среди которых были выделены эпитеты с положительной коннотацией, структуры значений которых содержат семы «чистота» и «подлинность»: *pure, white, virgin, innocent, mere, true, forsooth*; «красота» и «постоянство»: *beautiful, sweet, steadfast*; «тишина» и «смирение»: *quiet, silent, submissive*; «духовная высота»: *angelic, holy, sacred, supreme;* «новизна»: *new, untried*. Например:

(1) *And with **submissive love** to count the flowers* [The poems of Felicia Hemans 1875].

(2) *If as our love thy **love is pure and true**!* [The poems of Felicia Hemans 1875]

Данные эпитеты формируют представление об идеале викторианской любви – чистой, покорной, благочестивой. Такие высокие требования были связаны с влиянием пуританства, представлявшего мощную религиозно-политическую силу времён реформации и постреформации. Они придерживались принципов жёсткого контроля государства за всеми сферами жизни человека, которые проявлялись в строгости норм морали, запрещая любое проявление чувственности [Хачатрян 2015, с. 76].

Эпитеты, содержащие сему «новизна» в структурном значении помогают сформировать представление о любви неизвестной и новой, которая ожидает невесту при вступлении в брак. Тема замужества является одной из ключевых тем в женской поэзии данной эпохи, а именно переход из собственного дома в дом мужа. Например:

(3) *When the young bride goes from her father's hall;*
*She goes unto **love** yet **untried and new**,*
*She parts from **love** which hath still been **true*** [The poems of Felicia Hemans 1875].

Однако нами также были выделены эпитеты с негативными коннотациями, структуры значений которых включают такие семы, как «страх»: *fearful,* «страдание» и «печаль»: *mournful, suffering,* «горечь» и «чёрствость»: *soulless, bitter,* «обман» и «хрупкость»: *false, frail*. Например:

(4) *Light was but where he looked - life where he moved:*
*Oh! but such **love is fearful**!* [The poems of Felicia Hemans 1875]

(5) *A **mournful** thing is **love**. Mournful!* [The poems of Felicia Hemans 1875]

Утверждённые идеалы любви зачастую шли в разрез с действительностью, обещанная прекрасная любовь была иллюзией. Многие женщины становились жертвами обмана и грехопадения; в силу отсутствия осведомлённости в вопросах интимной близости молодые жёны не знали, как себя вести и прибывали в состоянии шока, а порой ужаса; в приоритете над личными желаниями стояли забота о муже, детях и поддержании дома в порядке.

Другим показательным средством репрезентации феномена любви являются **метафоры**. На основе классификации метафор А.П. Чудинова [6], в женских поэтических произведениях нами были выделены антропоморфные, природоморфные и социоморфные метафоры.

Антропоморфные метафоры, в которых приём олицетворения лежит в основе, изображают любовь как активного субъекта, который влияет на жизни людей. Среди них можно выделить следующие разновидности.

Физиологические метафоры, которые передают физиологические процессы человеческого тела и вербализуются с помощью лексем *be born, grow, come, breathe, sleep dream, laugh*. Так, в нижеприведённом примере появление любви уподобляется рождению ребёнка:

(6) ***Love was born*** *at Christmas* [Poems of Christina Rossetti 1904].

Метафоры действия, которые представляют любовь как человека, способного к совершению действий и вербализуются посредством лексем *seek, learn, requite, secure, leave, walketh, hold, transform, forgo, shrink, beguile.* Например:

(7) *But* ***love seeks*** *truer loving* [The poems of Elizabeth Barrett Browning 1844]

(8) *Lo, this is* ***Love*** *that* ***walketh*** *at my right* [Poems of Christina Rossetti 1904]

Эмоциональные метафоры, репрезентирующие любовь как способного переживать различные эмоции человека и вербализующиеся посредством лексем: *ashamed, devotion, boast, happiness*. Например:

(9) *My* ***love had been devotion*** *- till in death* [The poems of Felicia Hemans 1875].

(10) *Indeed this very* ***love*** *which* ***is*** *my* ***boast*** [The poems of Elizabeth Barrett Browning 1844].

Морбиальные метафоры, в вербализации которых зачастую участвуют лексемы *dead* и *died*, передающие печальный конец любви. Причиной трагедии любви Викторианской эпохи становится «гипертрофированное» соблюдение норм морали, которое проявляется в скованности чувства, соблюдении дистанции, отсутствием личного пространства и постоянным контролем со стороны родителей, как следствие – невозможность остаться наедине, а также вынужденные разрывы помолвок по экономическим причинам, всё это убивало чувство любви ещё в зачатке.

(11) ***Love****, strong as Death,* ***is dead****.*

He was born in the Spring,

And ***died*** *before the harvesting* [Poems of Christina Rossetti 1904].

Природоморфные метафоры, которые представлены посредством фитоморфных метафор и метафор неживой природы. Природа в творчестве викторианских поэтесс выступает важным инструментом для передачи внутренних состояний, в частности любви.

Метафоры неживой природы подразделяются в произведениях викторианских поэтесс на метафоры огня и водные метафоры, которые выражены такими лексемами и словосочетаниями, как *flood, river, sweep, sea, drink, bathe* и *lit hearth, fire, burn, glow.*

(12) ***To love*** you *much,* and yet *to love you more,*

As Jordan *at its flood sweeps either shore;*

Since woman is the helpmeet made for man [Poems of Christina Rossetti 1904].

(13) *To choose perhaps a* ***love-lit hearth****, instead of love and Heaven* [The poems of Elizabeth Barrett Browning 1844].

Последний пример иллюстрирует личностный конфликт эпохи, выбор между материальной любовью, представленной в виде домашнего очага и духовной. Как известно, роль викторианской женщины заключается в том, чтобы быть хранительницей домашнего комфорта, способной «молчать и терпеть», преодолевая все невзгоды, оставаясь «домашним ангелом» и «плющом, поддерживающим дуб» – частые сравнения по отношению к женщинам [Ellis 1839, p. 30–36].

Фитоморфные метафоры, которые чаще всего изображает любовь как розу. Изначально в христианской традиции красная роза была символом мученичества Христа и мученической крови. Однако, позже символ розы распространился на Богородицу и уже

роза как символ Богородицы закрепилась в западной христианской поэзии и искусстве: «rosa mystica». В этом контексте роза приобрела значение красоты и чистоты [Веселовский 1939, с. 134]. Также данные метафоры вербализуются лексемами *flower, lily, bloom, blossom*.

(14) *Love is like a rose* the joy of all the earth;

Love is like a lovely rose the world's delight [Poems of Christina Rossetti 1904].

Социомофрные метафоры, среди которых нами была выделена:

Религиозная метафора, которая вербализуется посредством лексем и словосочетаний: *virtue*, *Love of God, Christ, love's sake*, *chrism of love, divine self-abnegation*. Несмотря на развитие науки и как следствие – рост атеизма, религия всё ещё играла ключевую роль в культуре Англии в указанный период и служила основой морального кодекса, регулирующего нормы поведения. Многие женщины ставили божественную любовь превыше земной и находили в ней утешение и духовное обогащение. Например:

(15) *Were lifted up the **Love of God** to tell.*

*Ah**, Love of God**, which Thine own Self hast given*

To me most poor, and made me rich in love [Poems of Christina Rossetti 1904].

(16) ***Love is Christ**, and Christ is All in all* [Poems of Christina Rossetti 1904].

Таким образом, анализ лирических произведений поэтесс Викторианской эпохи позволяет сделать вывод о том, что в силу значительных изменений в обществе Англии, соответственно меняется и отношение к любви. Двойственный характер любви реализуется при помощи эпитетов с положительными и отрицательными коннотациями, где первые изображают любовь со свойственной ей чистотой, покорностью и добродетельностью в соответствии с идеалами эпохи, а вторые – сложности, возникающие, когда идеализированные представления становятся иллюзорными при столкновении с жесткой реальностью. Были выделены различные виды метафор, репрезентирующие феномен любви: антропоморфные, которые подразделяются на физиологические, эмоциональные, метафоры действия и морбиальные, передающие трагический финал любви в силу социальных условностей; природоморфные метафоры: метафоры неживой природы и фитоморфные, в которых передаётся красота и чистота любви подобной цветку; социоморфные: религиозная, которая изображает божественную любовь, как обогащающую женщину изнутри.

Список литературы

1. Боева-Омелечко Н.Б., Станова М.В. Метафорическая репрезентация феномена любви в поэтических произведениях С. Кольриджа и У. Вордсворта // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109, № 2. С. 85-92.

2. Нагайцева К. А. Женская поэзия: перспективы исследования // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам: сборник научных статей по итогам VII Междунар. научно-практической конференции. – Брянск: БГИТУ, 2019. С. 97-101.

3. Веселовский А. Н. Из поэтики розы. Избранные статьи. Л.: Наука, 1939. С.132-139.

4. Хачатрян Л. С. Мораль викторианской Англии как последствие «культурного взрыва» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1(63). С. 75-79.

5. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 250 с.

6. Etiquette. The Etiquette of Love, Courtship, and Marriage. To which is Added, the Etiquette of Politeness. London, Milner & Sowerby, 1895. 160 p.

7. Sarah Stickney Ellis The women of England, their social duties, and domestic habits. London, Fisher, son & co, 1839. 356 p.
8. Poems of Christina Rossetti. London, Macmillan and Co., 1904. 335 p.
9. The poems of Elizabeth Barrett Browning. London, E. Moxon, 1844. 250 p.
10. The poems of Felicia Hemans. London, Edinburgh: W.P. Nimmo, 1875. 647 p.

Сведения об авторе:

Станова Мария Валерьевна; аспирант 1 курса, Южный Федеральный Университет (ИФЖиМКК), 344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пер. Университетский 93; stmari2001@mail.ru;

Stanova Maria Valeryevna; 1st year postgraduate student, Southern Federal University, Unversitetskij avenue 93, Rostov-on-Don, 340000, Russian Federation; stmari2001@mail.ru.

УДК 81`25

Современные тенденции в оценке качества перевода в лингвистических исследованиях

Олег Алексеевич Фирсов[1], Дмитрий Александрович Иванишин[2]

[1] Орловский государственный университет, аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орел, Россия, firsow.ol21@gmail.com

[2] Орловский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции в оценке качества перевода в лингвистических исследованиях. Проведен обзор наиболее используемых автоматических метрик и рассмотрены как статистические показатели («BLEU», «METEOR», «TER»), так и нейросетевые модели («BERTScore», «COMET»). Отмечено, что развитие оценки качества перевода отражает переход от формального сопоставления текстов к семантически-ориентированным подходам.

Ключевые слова: оценка качества перевода, машинный перевод, автоматические метрики, «BLEU», «METEOR», «BERTScore», «COMET»

Modern Trends in Translation Quality Assessment in Linguistic Research

Oleg A. Firsov[1], Dmitriy A. Ivanishin[2]

[1] Orel State University, student, Orel, Russia, firsow.ol21@gmail.com

[2] Orel State University, Associate Professor of the Department of English Philology, Candidate of Philological Sciences, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

Abstract. The article examines modern trends in translation quality assessment within linguistic research. It provides an overview of the most widely used automatic metrics, addressing both statistical measures (BLEU, METEOR, TER) and neural network-based models (BERTScore, COMET). It is noted that the development of translation quality assessment reflects a shift from formal text comparison to semantically oriented approaches.

Keywords: translation quality assessment, machine translation, automatic metrics, BLEU, METEOR, BERTScore, COMET

Оценка качества перевода традиционно занимает центральное место в теории и практике перевода. Будучи инструментом для выявления ошибок и совершенствования методов для исследователей и практикующих переводчиков, она одновременно является и показателем эффективности различных подходов к межъязыковой коммуникации. По мере развития технологий автоматизированного и машинного перевода проблема оценки качества приобрела особую значимость: несмотря на высокую скорость, с которой системы переводят тексты, уровень точности и адекватности полученного перевода зачастую подвержен флуктуациям [Yang 2021].

На протяжении последних десятилетий методы оценки качества перевода претерпели существенные изменения. Если ранее приоритет отдавался субъективной экспертной оценке и простым статистическим показателям, то в начале XXI века на первый план вышли автоматические метрики, наиболее используемой из которых стала «BLEU». С одной стороны, новейшие подходы обеспечили единообразие и воспроизводимость оценки, но с другой – доказали, что формальное сравнение оригинала и перевода, а также различных вариантов перевода, имеет существенные ограничения. В данный момент преобладают методы оценки, использующие семантический анализ и нейросетевые архитектуры, наряду с гибридными методами, предполагающими активное участие человека в оценочном процессе [Araghi 2024].

До появления автоматических метрик основным инструментом анализа качества перевода была субъективная экспертная оценка. Лингвисты и профессиональные переводчики использовали категории адекватности, точности, синтаксической связности и информативности, сопоставляя перевод с оригиналом и выявляя ошибки на различных уровнях, от лексики до синтаксиса. Подобные экспертные оценки позволяли анализировать перевод глубоко и детально, однако при этом в значительной степени зависели от квалификации эксперта-оценщика. Из-за этого такие оценки качества перевода были крайне субъективными и характеризовались низкой воспроизводимостью результатов [Han 2022].

По мере развития систем машинного перевода возникла необходимость в более формализованных и воспроизводимых методах. Первые попытки автоматизации оценки перевода сводились к подсчету совпадений слов и простых статистических показателей, например, расстояния Левенштейна (количества минимальных правок, необходимых для преобразования одного текста в другой) или доли совпадающих словоформ. Ранние автоматические методы оценки перевода позволяли значительно упростить и ускорить процесс, но обладали рядом ограничений: они не в полной мере отражали смысловую эквивалентность текста и не учитывали синонимию или вариативность формулировок [Papineni 2002].

Одним из ключевых этапов в развитии методов автоматической оценки качества перевода стало появление метрики «BLEU» («Bilingual Evaluation Understudy»), предложенной исследователями из компании «IBM» в 2002 году. До появления этой метрики в машинном переводе не существовало стандартизированного и воспроизводимого способа измерения качества результата: разные исследовательские группы использовали собственные критерии, что затрудняло сопоставление систем между собой [Papineni 2002]. «BLEU» стала первой метрикой, получившей широкое распространение и закрепившейся в качестве основного инструмента оценки качества перевода в начале XXI века [Rivera-Trigueros 2022].

Принцип работы метрики «BLEU» заключается в сравнении полученного машинного перевода с одним или несколькими «эталонными» переводами,

подготовленными профессиональными переводчиками. Основным механизмом оценки является подсчет совпадений n-грамм (последовательностей из одного, двух, трех и более слов). Чем больше таких совпадений обнаруживается, тем выше итоговый показатель «BLEU». Алгоритм оценки также принимает во внимание длину перевода: слишком короткие тексты оцениваются ниже, так как они могут искусственного повышать точность совпадений [Papineni 2002].

Расчет метрики «BLEU» обычно осуществляется на уровне отдельных фрагментов текста (чаще всего предложений), после чего результаты усредняются по всему корпусу текста. Важно подчеркнуть, что данный показатель не оценивает ни грамматическую корректность, ни стилистическую выразительность перевода. Задача «BLEU» заключается в измерении степени формального сходства полученного перевода с эталонными вариантами перевода. Значение «BLEU» всегда находится в интервале от 0 до 1. Чем ближе результат к единице, тем выше степень совпадения с эталонным переводом. При этом показатель, равный единице, практически недостижим даже для профессиональных переводчиков, поскольку он предполагает полное совпадение с одним из эталонных текстов. Наличие нескольких эталонных переводов, напротив, способствует повышению итогового балла, так как оно увеличивает количество возможных совпадений [Papineni 2002].

Метрика «BLEU» получила широкое распространение благодаря простоте вычисления и возможности массового применения, позволив стандартизировать сравнение систем машинного перевода на больших корпусах [Papineni 2002]. Однако недостатки рассматриваемого показателя связаны с невозможностью распознавать синонимы и перефразирования, а также с отсутствием проверки грамматической корректности текста [Callison-Burch 2006]. Для устранения недостатков показателя «BLEU» был предложен ряд альтернативных методов оценки машинного перевода, одним из которых является метрика «METEOR» («Metric for Evaluation of Translation with Explicit ORdering») [Banerjee 2005].

Принцип работы «METEOR» основан на выравнивании слов в машинном и эталонном переводах. В отличие от «BLEU», данная метрика учитывает не только точные, но и однокоренные совпадения, а также синонимические соответствия. Кроме того, «METEOR» снижает оценку за нарушение порядка слов, тем самым уделяя большее внимание синтаксической организации текста. Благодаря своим преимуществам показатель «METEOR» отражает смысловую эквивалентность отдельных лексических единиц точнее и детальнее, чем «BLEU» [Banerjee 2005].

После разработки и становления метрики «METEOR» исследователи продолжили поиск способов повышения прозрачности и интерпретируемости оценки качества перевода. Одним из таких решений стал показатель «TER» («Translation Edit Rate»). В отличие от «BLEU» и «METEOR», метрика «TER» основана на принципе измерения объема редактирования: она подразумевает подсчет минимального количества правок, необходимых для преобразования машинного перевода в эталонный. К таким правкам относятся лексические и синтаксические преобразования, включающие в себя замены или опущения слов, добавление недостающих языковых единиц, перестановку частей предложения и т. д. [Snover 2006].

Одним из основных преимуществ метрики «TER» является ее наглядность. Полученный результат выражается в процентах и показывает, сколько правок необходимо внести на сто слов для приведения текста перевода к эталонному варианту. Чем ниже показатель «TER», тем меньше необходимый объем редактирования и тем ближе перевод к эталонному. В свою очередь, высокое значение «TER» указывает на необходимость значительной переработки текста [Snover 2006].

Появление больших языковых моделей на основе трансформерной архитектуры открыло новые возможности для оценки качества машинного перевода, позволив перейти от формального сопоставления словоформ к анализу их семантической близости. Одним из первых и наиболее известных инструментов, реализующих этот подход, стал «BERTScore» [Zhang 2020].

В основе метрики «BERTScore» лежит идея сравнения семантических представлений слов, которые извлекаются из предобученной модели «BERT» или ее модификаций. Для каждого слова в полученном машинном переводе определяется наиболее близкое по значению слово в эталонном переводе. Следующим этапом является вычисление косинусного сходства, то есть показателя того, насколько схожи направления векторов, которые представляют значения слов в многомерном семантическом пространстве. Если два слова имеют схожее значение, то их векторы ориентированы в одном направлении, а значение косинусного сходства приближается к единице – максимально возможному значению. После этого происходит усреднение всех полученных значений и формируется общий показатель, который отражает близость перевода к эталону на уровне смысла, а не только формы. Таким образом, метрика «BERTScore» учитывает не только точные совпадения слов, но и синонимы, перефразированные конструкции и изменение порядка слов, тем самым повышая близость оценки к семантической эквивалентности текста. Стоит отметить, что метрика «BERTScore» сопоставляет только полученный машинный перевод и эталонный перевод, не принимая во внимание исходный текст, что ограничивает ее оценку адекватности перевода по отношению к оригиналу [Zhang 2020].

Показатель «BERTScore» особенно эффективен при оценке перевода отдельных предложений или небольших текстов, при анализе которых более ранние метрики могут воспроизводить менее точные результаты из-за недостаточного объема информации. Основной недостаток метрики «BERTScore» заключается в зависимости от конкретной предобученной модели, на основе которой работает алгоритм оценки [Tang 2024].

Несмотря на значительный прогресс в оценке качества перевода, достигнутый благодаря «BERTScore», развитие методов оценки продолжилось. Следующим важным этапом этого процесса стала разработка метрики «COMET» («Crosslingual Optimized Metric for Evaluation of Translation»), которая представляет собой наиболее современную нейросетевую метрику, созданную для оценки качества машинного перевода с учетом как исходного текста, так и эталонного перевода. В основе метрики «COMET» лежат предобученные многоязычные модели глубокого обучения. Архитектура «COMET» построена на принципе использования нескольких источников информации одновременно. Изначально модель анализирует три текста: исходный текст, машинный перевод и эталонный перевод. Все три текста обрабатываются предобученной многоязычной нейросетевой моделью, которая преобразует их в числовые (векторные) представления смысла. Эти представления затем проходят через дополнительный слой модели, задача которого заключается в предсказании оценки качества перевода, максимально приближенной к человеческой [Rei 2020].

Обучение такой модели проводится на специальных корпусах текстов, в которых переводы заранее сопровождаются оценками специалистов, выполненных по разным методикам. Например, эксперты выставляют баллы переводу по определенной шкале, оценивают необходимое количество правок, а также используют многоуровневую систему описания ошибок, отмечая конкретные типы ошибок, допущенных при переводе. Благодаря обучению на такой разнообразной совокупности экспертных оценок «COMET» умеет воспроизводить логику человеческого оценивания и демонстрирует высокую степень совпадения с ней как на уровне отдельных предложений, так и на уровне целого текста [Rei 2020].

Одним из существенных преимуществ показателя «COMET» по сравнению с метрикой «BERTScore» является более высокая корреляция с оценками экспертов в ситуациях, когда важна оценка не только семантической близости, но и адекватности перевода и точности передачи смысла. В отличие от метрики «BERTScore», которая сравнивает только машинный и эталонный переводы, показатель «COMET» принимает во внимание и исходный текст, что позволяет оценивать, насколько перевод отражает смысл оригинала, а не просто определять степень схожести с эталонным вариантом [Kocmi 2022].

Таким образом, проведенный обзор показывает, что современные тенденции в оценке качества перевода в лингвистических исследованиях отражают общий переход от формальных и статистических методов к более сложным, семантически-ориентированным подходам. Исследователи постепенно перешли от простых количественных показателей к автоматическим метрикам, которые сделали процесс оценки более объективным и воспроизводимым. Появление показателя «BLEU» стало важным шагом к стандартизации, однако его ограничения в распознавании смысловой эквивалентности текста активизировали разработку более точных решений, таких как «METEOR» и «TER». Развитие больших языковых моделей позволило перейти от простого подсчета совпадений словоформ к более сложному анализу семантической близости, что нашло свое отражение в метрике «BERTScore». На данный момент наибольшую точность демонстрируют нейросетевые метрики по типу «COMET», которые учитывают исходный текст, машинный перевод и эталонный вариант перевода. Комплексный анализ всех трех текстов делает оценку максимально приближенной к человеческому восприятию. Развитие автоматических метрик оценки качества перевода открывает новые возможности для лингвистических исследований, так как такие инструменты позволяют детальнее изучать соответствие перевода оригиналу на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях. Кроме того, автоматические метрики позволяют обеспечить более точное сравнение качества различных систем машинного перевода в масштабных корпусных исследованиях, при проведении которых необходима объективная и воспроизводимая оценка качества.

Список литературы

1. Yang, Y. Measuring the usability of machine translation in the classroom context / Y. Yang, X. Wang, Q. Yuan. – Translation and Interpreting Studies, vol. 16, no. 1, 2021. – pp. 101-123.

2. Araghi, S. The link between translation difficulty and the quality of machine translation: a literature review and empirical investigation / S. Araghi, A. Palangkaraya. – Language Resources and Evaluation, vol. 58, 2024. – pp. 1093-1114.

3. Han, L. Meta-Evaluation of Translation Evaluation Methods: a systematic up-to-date overview / L. Han, S. Gladkoff. – Tutorial at LREC2022, Marseille, France, 2022. – 130 p.

4. Papineni, K. BLEU: a method for automatic evaluation of machine translation / K. Papineni, S. Roukos, T. Ward, W. J. Zhu. – Proc. of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL), 2002. – pp. 311-318.

5. Rivera-Trigueros, I. Machine translation systems and quality assessment: a systematic review / I. Rivera-Trigueros. – Language Resources & Evaluation, vol. 56, 2022. – pp. 593-619.

6. Callison-Burch, C. Re-evaluating the role of BLEU in machine translation research / C. Callison-Burch, M. Osborne, P. Koehn. – Proc. of the 11th Conf. of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, Trento, Italy, 2006. – pp. 249-256.

7. Banerjee, S. METEOR: An automatic metric for MT evaluation with improved correlation with human judgments / S. Banerjee, A. Lavie. – Proc. of the ACL Workshop on

Intrinsic and Extrinsic Evaluation Measures for Machine Translation and/or Summarization, 2005. – pp. 65-72.

8. Snover, M. A Study of Translation Edit Rate with Targeted Human Annotation / M. Snover, B. Dorr, R. Schwartz, L. Micciulla, J. Makhoul. – Proc. of AMTA, 2006. – pp. 223-231.

9. Zhang, T. BERTScore: Evaluating Text Generation with BERT / T. Zhang, V. Kishore, F. Wu, K. Weinberger, Y. Artzi. – Int. Conf. on Learning Representations (ICLR), 2020. – 43 p.

10. Tang, G. Improving BERTScore for Machine Translation Evaluation Through Contrastive Learning / G. Tang, O. Yousuf, Z. Jin. – IEEE Access, E-ISSN 2169-3536, Vol. 12, 2024. – pp. 77739-77749.

11. Rei, R. COMET: A Neural Framework for MT Evaluation / R. Rei, C. Stewart, A. C. Farinha, A. Lavie. – Proc. of the 2020 Conf. on Empirical Methods in Natural Language Processing (EMNLP), 2020. – pp. 2685-2702.

12. Kocmi, T. MS-COMET: More and Better Human Judgements Improve Metric Performance / T. Kocmi, H. Matsushita, C. Federmann. – Proc. of the Seventh Conference on Machine Translation (WMT), 2022. – pp. 541-548.

Сведения об авторах:

Фирсов Олег Алексеевич; аспирант 2 курса кафедры английской филологии, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; firsow.ol21@gmail.com;

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; ghostpanther@yandex.ru;

Firsov Oleg Alekseevich; second-year postgraduate student of the Department of English Philology, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; firsow.ol21@gmail.com;

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; ghostpanther@yandex.ru.

УДК 81

Выражение количественных отношений в английских пословицах

Михаил Викторович Цуканов

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, аспирант 3 курса, Орел, Россия, tsukanov1307@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается репрезентация количественных отношений в английских паремиологическом фонде. Анализ показывает, что количественные значения в пословицах редко являются буквальными, вместо этого они формируются через механизмы метафорического и метонимического переноса, категоризации и скаляризации, выступая в качестве мощного средства концептуализации качественных, оценочных и нормативных аспектов человеческого опыта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, количественные отношения, пословицы, метафора, метонимия, категоризация, квантификаторы, английский язык.

The expression of quantitative relations in English proverbs

Mikhail V. Tsukanov
Oryol State University named after I.S. Turgenev, Post Graduate Student, Oryol, Russia, tsukanov1307@yandex.ru

Abstract. This article examines the representation of quantitative relations in the English paremiological foundation. The analysis shows that quantitative meanings in proverbs are rarely literal; instead, they are formed through mechanisms of metaphorical and metonymic transfer, categorization and scalarization, acting as a powerful means of conceptualizing qualitative, evaluative and normative aspects of human experience.
Key words: cognitive linguistics, quantitative relations, proverbs, metaphor, metonymy, categorization, quantifiers, English.

Предметы окружающего человека пространства также явились отправной точкой в зарождении и развитии идеи числа. Имеющиеся на сегодняшний день данные в области археологии и этнографии, математики, истории, философии и культуры, свидетельствуют о том, что ключевым моментом в становлении и дальнейшем формировании идеи КОЛИЧЕСТВА и ЧИСЛА лежит несчитываемое множество предметов, типа куча, много, уйма и т.д. Другими словами, «в структуре зарождающегося рационального количественного видения мира первичным было не число как таковое, а “множество” с особым образно-смысловым содержанием» [Парнюк 1991: 31].

В нашей статье (Абакумова, Цуканов 2023) мы писали о проблемах отражения в языке нумерологического кода культуры. Теперь предметом нашего исследования является репрезентация количественных отношений в языке.

Количественные смыслы пронизывают наше мышление и речь, выполняя не только измерительную, но и классифицирующую, оценочную и аксиологическую функции. Заметим, что в отличие от количества, представленного числительным, грамматический способ репрезентации количества, представленный категорией числа существительных (базирующийся, как известно, на оппозиции «единственный» / «множественный»), в силу ее абстрактности (поскольку в ее основании лежит концепт ЧИСЛО) нейтрален по отношению к границам численности предметов, «описывая» ее как неограниченное неопределенное количество (ср. столы, книги и т.д.) [Н.Н. Болдырев, Е.В. Федяева, с. 9].

Целью данной статьи является выявление и описание когнитивных механизмов, которые лежат в основе формирования количественных смыслов в английских пословицах. Мы исходим из положения, что числа и количественные показатели в паремиях служат не для точного подсчета, а для построения бинарных оппозиций, выражения интенсивности, установления нормы и отклонения от нее.

Квантификаторы как маркеры избыточности и бесполезности

Одной из ключевых функций квантификаторов в пословицах является выражение идеи избыточности, которая метафорически связывается с бесполезностью или даже вредом.

Классический пример – пословица ***«Too many cooks spoil the broth»*** (У семи нянек дитя без глазу). Квантификатор *"many"* в сочетании с интенсификатором *«too»* создает смысл превышения оптимального количества. Это превышение приводит не к улучшению, а к порче результата. Таким образом, количественный избыток (*many cooks*) метонимически проецируется на качественную характеристику ситуации – ее неудачность и дисфункциональность.

Аналогичную функцию выполняет квантификатор *"much"* в пословице **"*Much wants more*"** (*У кого много, тому больше хочется*). Здесь *"much"* обозначает не просто большое количество, а состояние избыточного обладания, которое, однако, не приводит к удовлетворению, а порождает еще большую жажду. Количество переходит в качество жадности.

Квантификаторы активно участвуют в создании метафорических оппозиций, где количество материальных или абстрактных сущностей соотносится с интеллектуальными и моральными качествами человека.

Так, в пословице ***"He knows most who speaks least"*** (Букв.: *Кто много знает, тот мало говорит*) возникает прямая оппозиция: большое количество знаний (*most*) ассоциируется с малым количеством слов (*least*). Квантификатор *"most"* выступает здесь как вершина шкалы эрудиции и мудрости, которая проявляется не в многословии, а в сдержанности.

Напротив, в высказывании **"*Many words will not fill a bushel*"** (Букв.: «*Многими словами бушеля не наполнишь*) Русский эквивалент: *«Спасибо в карман не положишь»* [И. Л. Мостицкий]. Квантификатор *"many"* характеризует пустословие, которое метафорически уподобляется неспособности наполнить меру объема. Большое количество слов противопоставляется их качеству и ценности, которая оказывается нулевой.

Метафорический перенос количественных значений

Когнитивный механизм абстрагирования, понимаемый в данном случае как механизм отвлечения в процессе познания от качественных свойств и связей объектов, явился одним из ключевых в истории формирования идеи числа. Постепенно числа и цифры становятся универсальным инструментом репрезентации знаний о количественной стороне окружающей действительности. [Н.Н. Болдырев, Е.В. Федяева, с. 8].

Конвенциональные квантификаторы, являясь ядерными репрезентантами количества, имеют в своем значении только доминантный признак (МНОГО / МАЛО). Неконвенциональные квантификаторы – продукты процесса вторичной интерпретации представлены единицами, у которых происходит перефокусировка признаков: в фокус попадают периферийные, фоновые признаки, приобретающие статус доминантных, тогда как ядерные, понятийные – затушевываются. Приведем примеры одновременного использования механизмов концептуальной метафоры и фокусирования/дефокусирования: «*Langdon turned to face his **sea** of eager students»* [Н.Н. Болдырев, Е.В. Федяева, с. 11].

Квантификаторы *"many"* и *"much"* часто используются для создания обобщенных утверждений, которые претендуют на статус универсального закона. Они отсылают к коллективному, массовому опыту.

Пословица ***"There's many a slip between the cup and the lip"*** (Букв.: «*много плохого может случиться до того, как что-то будет закончено*»). [Cambridge Dictionary]. Русский эквивалент – *«Не говори "гоп", пока не перепрыгнешь».* В этой пословице используется конструкция *"many a slip"* для обозначения множества потенциальных

препятствий. Эта множественность подчеркивает ненадежность любого, казалось бы, гарантированного результата. Количество возможных неудач делает итог события непредсказуемым.

В пословице ***"So many men, so many minds"*** (Букв.: «Сколько голов, столько умов») квантификатор *"so many"* устанавливает прямую пропорциональную зависимость между количеством людей и количеством мнений. Это обобщение фиксирует в языке идею субъективности и разнообразия точек зрения как нормы человеческого общества.

Количественные показатели в пословицах часто используются для гиперболизации, чтобы выразить предельную степень качества или его отсутствия. Это создает яркие аксиологические (оценочные) смыслы.

Пословица **«*A thousand probabilities do not make one truth*»** (Букв.: *Тысяча вероятностей не составляют одной истины*) использует контраст между *«a thousand»* (гиперболически большое, но, по сути, не значимое количество) и *«one»* (единичное, но абсолютно значимое). Таким образом, формируется аксиологическая оппозиция: «множественность и недостоверность» против «единственности и истинности».

В основании грамматического способа представления количества материальных объектов, по мнению Л. Талми, лежит **когнитивный механизм мультиплицирования** (multiplexing), в результате действия которого исходный единичный денотат, в сущности, копируется в нескольких точках пространства, представляя собой множество предметов, т.е. мультиплекс [Talmy, 2001]. Например: *«He was reading his letters on the terrace outside the drawing-room»* (P.G. Wodehouse. Hot Water). Действие когнитивного механизма мультиплицирования воплощается в использовании в языке множественного числа существительных: letters, способствуя осмыслению объектов, находящихся в пространстве, как единого континуума, количественные границы которого не определены.

Значительный пласт пословиц использует количественные отношения для установления социальных норм и обозначения отклонений от них.

Известная пословица **«*Two is company, three is a crowd*»** (Двое – компания, трое – толпа) основана на тонкой количественной и социальной категоризации. Числа *«two»* и *«three»* здесь определяют не просто группу людей, а качество социального взаимодействия. «Два» – это норма для интимного, комфортного общения (категория «идеальной компании»), а «три» – это уже отклонение, ведущее к дискомфорту и избыточности (категория «помехи»).

Сказанное выше указывает на очевидную значимость числа в репрезентации знаний о мире, интерпретации свойств и характеристик действительности. Числовой символизм, таким образом, можно рассматривать в качестве одного из инструментов интерпретации свойств и отношений мира [Н.Н. Болдырев, Е.В. Федяева, с. 12].

Заключение

Таким образом, английские пословицы демонстрируют, как количественные смыслы, пройдя через фильтр когнитивных механизмов, становятся мощным инструментом концептуализации абстрактных понятий, моральных норм и социальных закономерностей. Квантификаторы неопределенной множественности в английских пословицах выступают не столько указателями на объем, сколько мощными концептуальными инструментами. Они структурируют народную картину мира, кодируя в лаконичной форме важнейшие этические и практические принципы, основанные на противопоставлении количества и качества, избытка и достаточности, множественности и единства.

Список литературы

1. Абакумова, О.Б., Цуканов М.В. Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М.: ИЯз РАН, 2023. Вып. № 1(18). С.4-24.

2. Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке //Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5-14.

3. Мостицкий И. Л. Англо-русский универсальный дополнительный практический переводческий словарь И. Мостицкого, 2002. (Доступ 30 сентября 2025 года по адресу: https://mostitsky_en_ru.academic.ru/19925/)

4. Парнюк М.А., Рыжко В.А. и др. Категория количества в науке. Киев: Наука Думка, 1991. [Parnyuk M.A., Ryzhko V.A. i dr. Kategoriya kolichestva v nauke. Kiev: Nauka Dumka, 1991.]

5. Cambridge Dictionary of Proverbs. (Доступ 30 сентября 2025 года, по адресу: https://dictionary.cambridge.org/)

6. Talmy L. Toward a cognitive semantics. V. I: Concept structuring system. Cambridge Massachusetts, London England: A Bradford Book The MIT Press, 2001.

СЕКЦИЯ 1. ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

УДК 811.112.2:398.23

Лингвистические приемы создания комического эффекта в немецких анекдотах

Азарова Ирина Владимировна
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орел, Россия, azarrina@yandex.ru

Аннотация. Юмор, как и национальный характер, носит специфический характер, что находит свое отражение в текстах анекдотов, построенных на языковой игре. Анализ корпуса 200 текстов немецких анекдотов позволил определить наиболее распространенные темы текстов данного типа, а также лингвистические приемы создания комического эффекта и типы механизмов его реализации.
Ключевые слова: юмор, анекдот, национально-культурная специфика, языковая игра, комический эффект, приемы языковой игры, типы реализации комического эффекта

Linguistic techniques for creating a comic effect in German jokes

Azarova Irina V.
I. S. Turgenev Orel State University, Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, azarrina@yandex.ru

Annotation. Humor, like national character, has a specific character, which is reflected in the texts of jokes based on the language game. An analysis of the corpus of 200 texts of German jokes made it possible to identify the most common themes of texts of this type, as well as linguistic techniques for creating a comic effect and the types of mechanisms for its implementation.
Keywords: humor, anecdote, national and cultural specifics, language game, comic effect, techniques of language game, types of realization of the comic effect

Чувство юмора – одна из эмоциональных способностей человека видеть в окружающем мире и повседневной жизни вызывающие улыбку и смех явления. Считается, если человек не видит комизма ситуации, не понимает суть шутки или анекдота, то он лишен чувства юмора. Такое мнение может быть отчасти справедливым, если речь идет о родной языковой и культурной среде, к которой принадлежат участники юмористического общения. Однако при столкновении с юмором чужой лингвокультуры, тезис об отсутствии чувства юмора из-за непонимания шутки или анекдота является спорным, поскольку юмор также национально и культурно специфичен, как и национальный характер.

В этой связи отдельного рассмотрения заслуживают такие ярко национально и культурно маркированные комические тексты, как анекдоты, представляющие собой особый вид прецедентных текстов, функционирующих в устном обиходно-разговорном

речетворчестве и теряющих порой свой комический смысл, если рассматривать их через призму иной лингвокультуры.

Национально-культурная специфика анекдотов, лингвистическая составляющая которых построена, как правило, на игре слов, проявляется, в том числе, и в выборе тем. Анализ корпуса 200 текстов шуток и анекдотов на веб-странице woxikon.de [1] позволяет определить основные тематические группы немецких анекдотов, в зависимости от того, кто или что является объектом шутки: профессии (15%), семейные отношения (9%), животные (8%), национальные и этнические группы (7%), рестораны и официанты (6%), автомобили и водители (5%), охота и охотники (4%), сфера IT и компьютеры (4%), алкоголь (3%), прочие (39%).

Следует отметить, что наибольшее количество анекдотов (39%), которые мы отнесли к группе «прочие», несмотря на формальную принадлежность по содержанию к одной из выделенных тем, являются так называемыми лингвистическими анекдотами. Комическое в таких текстах проявляется не столько в теме, сколько в использовании различных приемов языковой игры. Так, в проанализированных текстах наиболее типичными приемами языковой игры можно признать следующие:

1. Полисемия (36%): Treffen sich zwei Zapfsäulen. Sagt die eine: „Na, wie geht's?“ Sagt die andere: „Normal, und dir?“ - „Super!“. В разговоре двух топливозаправочных колонок употребляются слова „normal“ (нормально) и „super“ (супер) как ответы на вопрос «Как дела?». Комический эффект достигается за счет того, что в Германии эти названия используются для обозначения сортов бензина, где „normal“ означает бензин 2 сорта с октановым числом 91, а „super“ – бензин 1 сорта с октановым числом 95.

Другой пример: Er: „Liebling, du bist wie Zucker!“ Sie: „So süß?“ Er: „Nein, so raffiniert“. В данном случае игра слов построена на значениях слов „süß“ – сладкий (сахар), милый (человек) и „raffiniert“ - рафинированный, очищенный (сахар), утонченный (человек).

2. Омонимия (17%): Warum trinken Mäuse keinen Alkohol? - Weil sie Angst vorm Kater haben. Игра слов основана на омонимии слова „Kater“, которое в немецком языке имеет прямое значение «кот» (мужская особь кошки), а в переносном значении употребляется для описания состояния после злоупотребления алкоголем – «похмелье». В результате возникает комическая двусмысленность: Почему мыши не пьют алкоголь? – Боятся кота / похмелья.

3. Фонетическая игра слов (17%): Zwei Unbefugte gehen über eine Baustelle. Kommt ein Bauarbeiter und ruft: „He, könnt ihr nicht lesen? Da steht doch: Zutritt verboten!“. Meint der eine Unbefugte: „Wieso? Wir sind doch nur zu zweit!“. Фонетически слово „Zutritt“ (вход) созвучно со словосочетанием „zu dritt“ (втроём), что и создает фонетическую игру: вход запрещен – втроем запрещено.

Интересна и следующая лингвистическая шутка – Genitiv ins Wasser, weil es Dativ ist. Тематически она строится на современной тенденции в разговорной немецкой речи замещать Genitiv на конструкции с Dativ. С другой стороны – здесь использована фонетическая игра, опирающаяся на созвучие с предложением Geh nie tief ins Wasser, weil es da tief ist.

4. Словообразование (16%): „Warum heißt das Pferd Pferd?“ - „Weil es auf der Erde lebt. Wenn es fliegen könnte, hieße es Pfluft!“. В этом анекдоте используется игра слов, основанная на особенностях немецкого словообразования. В первой части анекдота: Почему лошадь называется лошадь (Pferd)? Потому что она живет на Земле (Erde). Затем следует предположение, что если бы лошадь могла летать по воздуху (Luft), то её название могло бы измениться на Pfluft.

5. Фразеологизмы (6%): Ein Amerikaner lebt erst seit kurzer Zeit in Deutschland. Er hat bereits davon gehört, dass man hier statt „Glück haben“ auch manchmal „Schwein haben“

sagt. Eines Tages ist er auf der Party seines deutschen Arbeitskollegen eingeladen. Der Deutsche fragt ihn: „Haben Sie schon mit meiner Tochter getanzt?“ „Nein“, sagt der Amerikaner, „dieses Schwein hatte ich noch nicht!“. Американец совсем недолго живет в Германии, но уже в курсе, что есть немецкий фразеологизм „Schwein haben“ (буквально: иметь свинью) в значении „Glück haben“ (иметь счастье, удачу). И на вопрос немецкого коллеги на одной вечеринке танцевал ли он уже с его дочерью, отвечает: «Нет, у меня еще не было этой свиньи!».

6. Грамматические особенности немецкого языка (3%): „Na, Fritzchen, wießt du, wogegen ich dich geimpft habe?“ „Gegen meinen Willen!“ «Ну, Фрицхен, ты знаешь, против чего я тебя вакцинировал?» «Против моей воли!». В данном случае комический эффект возникает из-за наличия двух вариантов валентности предлога gegen (против) – прививка от (против) чего-то и быть (возражать) против чего-то.

7. Антонимия (3%): Der Chef eines Supermarktes fragt den Chef eines anderen Supermarktes: „Stimmt es, dass Sie einen neuen Kassierer suchen?“ Der Chef eines anderen Supermarktes antwortet: „Ja, und den alten auch!“ Шеф одного супермаркета спрашивает шефа другого супермаркета: «Это правда, что вы ищете нового кассира?» Ответ: «Да, и старого тоже!». Данный текст – характерный пример использования антонимов для создания каламбура.

8. Эвфемизмы (2%): „Mein Mann ist ein Engel!“ - „Da hast du aber Glück, meiner lebt noch!“ «Мой муж - настоящий ангелочек!» - «Везет тебе, мой муж ещё жив!». Игра слов в этом анекдоте построена на использовании слова «ангел» в качестве эвфемизма для обозначения человека, который уже умер, а комический эффект получается с оттенком черного юмора.

Таким образом, анализ 200 текстов немецких анекдотов позволил выделить основные темы и лингвистические приемы создания комического эффекта. В целом механизмы реализации комического эффекта можно разделить на следующие типы: лексико-семантический тип, фонетический тип, словообразовательный тип, тип, базирующийся на фразеологизмах и грамматический тип. Отметим, что исследование всех аспектов иноязычных юмористических текстов – ключ к пониманию иностранного юмора, и, в конечном счете, ключ к пониманию национальной культуры и национального характера.

Список литературы

1. Witze für jeden Anlass & Witz des Tages. URL: https://witze.woxikon.de/ (дата обращения: 21.09.2025)

Сведения об авторе:

Азарова Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

Azarova Irina V., Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya str., Oryol, 302028, Russian Federation; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

УДК 81’42

Сохранение и трансляция памяти в автобиографических практиках жителей Сибири[1]

Волошина Светлана Владимировна
Томский государственный университет, профессор кафедры русского языка, доктор филологических наук, доцент, г. Томск, Россия, vsv1304@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются устные и письменные автобиографические практики сельских жителей Сибири как способ сохранения и трансляции индивидуальной и коллективной памяти. Выявлены средства репрезентации памяти, среди которых единицы, номинирующие мнемические процессы, а также лексические и грамматические средства конструирования прошлого.
Ключевые слова: автобиографические практики, автобиографическая память, память, Сибирь, воспоминание

Preservation and transmission of memory in the autobiographical practices of Siberian residents

Svetlana V. Voloshina
Tomsk State University, Professor of the Russian Language Department, doctor of Philology, associate professor, Tomsk, Russia, vsv1304@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to description of the oral and written autobiographical practices of Siberian rural residents as a way to preserve and transmission of individual and collective memory. The means of memory representation are revealed, including units nominating mnemic processes, as well as lexical and grammatical means of constructing the past.
Keywords: autobiographical practices, autobiographical memory, memory, Siberia, memories

Память как объект исследования разных гуманитарных наук (истории, социологии, культурологии, психологии), в последнее время становится объектом интереса со стороны лингвистов. Человек сохраняет и транслирует память о себе, о том, что и кто его окружает, о событиях, используя при этом различные жанровые формы. Ядерными в этом отношении наряду с воспоминаниями выступают автобиографические практики, главной чертой которых является ретроспективность и обращение к памяти.

Под автобиографической практикой понимается речевая деятельность людей, обусловленная обстоятельствами их жизни и социально-историческими, социально-культурными условиями, ориентированная на реализацию самопрезентационных интенций и порождение эгоцентрических, ретроспективно направленных текстов, посвящённых себе и своей жизни.

Цель статьи – выявить механизмы сохранения и трансляции памяти в автобиографических практиках жителей сёл Томской области.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, https://rscf.ru/project/25-18-00466/

Материалом исследования являются 150 устных автобиографических рассказов сельских жителей, записанных на территории Томской области с 1960-х по 2025 г. в результате диалектологических экспедиций и внесенных в Томский диалектный корпус [Томский диалектный корпус], и один автобиографический текст, написанный жителем с. Мельниково Шегарского района Томской области: «История семьи» (2002 г.) А. Ф. Назарова (1930-2021) [Назаров 2002]. Информанты и автор письменных автобиографических текстов – представители старшего поколения (от 65 лет и старше): *Ну,* ***возраст у нас уже пенсионный****, поэтому* ***есть, чё вспомнить****…*

По мнению В. В. Нурковой, «автобиографическая память вырастает вместе с личностью и приобретает всё большее значение с течением жизни. Функциональный акцент памяти о прожитом переносится с прагматических, организующих социальную жизнь задач, на экзистенциальные, достигая своего пика в последние годы жизни человека» [Нуркова 2000, с. 219]. Так, для авторов рассматриваемых текстов создание автобиографии является способом сохранения и трансляции памяти, осмысления своей жизни.

Если анализируемые устные автобиографические рассказы были инициированы исследователями, то книга «История семьи» была написана автором, желавшим рассказать о себе и считавшим ее написание выполнением долга по сохранению семейной памяти, обращением к потомкам с напутствием, надеждой, что они будут хранить в памяти историю своего рода: *«Я слишком поздно взялся за изучение своего рода, и многое было упущено навсегда. Но отдельные факты мне удалось восстановить, и* ***я хочу оставить детям и внукам хоть то немногое, что знаю, и хочу, чтобы они помнили и гордились нашим прошлым****. А. Назаров»* [Назаров 2002, с. 2]. В некоторых устных автобиографических рассказах также встречаются высказывания, демонстрирующие осознание ценности сохранения и трансляции памяти: *Да, вот* ***историю, конечно, передавать надо****. Очень интересно. У меня внучка, она закончила четыре класса, я вечером, когда она у меня ночует, ложусь и рассказываю ей. «Баб, ты это рассказывала мне уже!». То есть она много знает уже. Ну, и конечно,* ***писать надо, писать, чтобы всё это оставалось не просто на словах, что-то забывается,*** *а когда запишешь… Сама другой раз перечитываю то, что я написала. О, вижу, вот это я уже забыла.*

Во всех исследуемых текстах сообщается информация не только о себе и своей жизни, но и о социальном контексте, событиях окружающего мира, которые преломляются сквозь призму жизни отдельного человека, становятся частью личной истории. В них находят отражение воспоминания о детстве, молодости, родителях, обучении, работе, войне, праздниках, бытовых условиях, сёлах, о каких-либо случаях и т.д., о влиянии внешнего контекста на жизнь информантов / авторов (война, репрессии, коллективизация, распад СССР и др.). Вместе с тем, сам акт порождения автобиографического текста также является способом сохранения памяти о себе, закрепления себя в мире, фиксации настоящего, которое неизбежно станет прошлым, носителем памяти.

Типичными маркерами обращения к памяти в автобиографических рассказах выступают единицы лексико-семантического поля «память» *память, воспоминание, помнить, запомнить, вспоминать* и др., а также конструкции, в которые они включаются: *на память, как щас / сейчас помню, как помню, на моих памятях, при моих памятях: Начал одеваться, штаны хорошие купил, туфли, там свитер. Олени,* ***как помню****, тогда взял, свитер красивый был; Просо* ***на моих памятях*** *сеять стали; Какой-то туесок был такой, литров пять. Я этим туеском воду туда таскала на покос. И меня посадят вместе со всеми обедать,* ***как щас помню****. Суп горячий там наварят, хлеб.*

Сохранение и трансляция памяти в основном репрезентируется широким спектром лексических и грамматических средств.

Среди них можно отметить:

- имена собственные, отсылающие к какой-либо эпохе, времени существования чего-л. Например, названия деревень, которые исчезли: *Я замуж вышла и чё-то жила-жила, и вдруг у меня свидетельства о рождении нету. Я поехала в архив, мне дали повторное. И там уже написали: «Новые Ключи Чаинского района». Вот уже* ***Самодуровка*** *давно исчезла*. Имена политических деятелей упоминаются при рассказах о жизни в ту или иную эпоху: *В общем, я-то и говорю бате, семь классов закончил. Я прихожу и говорю. Вижу, он один зарплатишку носит, триста шшися'т шесть рублей, это старые те деньги, при* ***Сталине*** *ещё были, принесёт матери там. <…> А я закончил семь классов, говорю: «Так и так, надо деньги зарабатывать».*

- номинации исторических периодов: *А тётя Дуня, это бабушкина же дочь, она работала всю войну конюхом; А в школе уж училась в* ***советское время****, клуб тогда был, и туды хотелось сбегать;*

- названия реалий, свойственных какой-либо эпохе; предметов, вещей, которые использовались раньше и перестали существовать, вышли из употребления: *Родились, семья большая, десять человек, восемь ребятишек нас, и отец с матерью. А чё главное, отец-то* ***раскулаченный****, как «****враг народа»*** *был, кличка; Этот материал использовался для верхней одежды («****шабуры****» – отдалённо напоминают пальто)* [Назаров 2002, с. 3]; *А на ногах мы носили* ***чирки'****. Вот. Таке' **чирочки** были ма'ленькие. Сошьют ма'ленькие, а вот тут вот ешшо' материалом обошьют.*

- сенсорная лексика, отражающая разные типы восприятия человека, позволяющая убедить адресата в том, что говорящий был очевидцем какого-либо события, усилить степень достоверности информации: *А через нашу деревню Колчаковский отряд проходил. Вы ж ничаво' не знаете. А я помню,* ***сам видел****, хорошо запомнил: отряд скачет, с саблями верховые. Стояли у нашей деревне может сутки, может – двое. Расстреляли несколько человек; Он* ***услышал****, что закончилась война. А лошади не было, он до тракта с старшим сыном бежали. Дак он тода' рассказывал: «Бежим, бежим, а тропинка, маленко отдохнём, ага, забежали в посёлок». И кричат: «Война кончилася,* ***я сам слышал****».*

Верифицируемость воспоминаний подчеркивается также отсылками к документам, архивным данным: *Искала* ***в архивах*** *сидела. Мой прадед рождён был в тыща восемьсот двадцать восьмом году, Тимофей Василич; Мне показали* [в архиве] ***протоколы заседаний комендатуры****. Спрашивают коменданта по Пудинскому району: «Как живут переселенцы на новом месте?»*

Ответ: *«Не знаю»*

Вопрос: *«Почему?»*

Ответ: *«Нет дороги. Узнаю, когда болота замёрзнут и по зимнику будут ездить».*

Вопрос*: «Вам на обзаведение и инвентарь, семена для спецпереселенцев были выделены деньги. Вы их истратили?»* [Назаров 2002, с. 6].

- числительные, называющие даты, указывающие на какой-либо период, в течение которого происходило то или иное событие: *И помню, как он* [отец] *на руках меня носил, и чё-то кругом вода, вода была. Это в* ***сорок первом*** *году в Чаинском районе было небывалое, просто валом шла вода откуда-то...; Позвал её жениться, она не отказывала, уж* ***пятьдесят два*** *года вместе живём…*

- глаголы в форме прошедшего времени или настоящего исторического: ***Работали*** *с малого до старого. Нас ещё руками на коней* ***садили****, ма'ленькие таки* ***были****. Старик* ***посадит*** *наверх,* ***едешь, качаешься****...*

- конструкции, включающие наречия «раньше... сейчас» / «раньше... теперь», «тогда… сейчас», используемые при сравнении настоящего с прошлым и отражающие

ход времени, историю: *...я родилась в семье большой, нас пятеро детей, я вторая в семье, нас четыре сестры, одна уже умерла, и один брат, ну* ***раньше же*** *большие семьи были*; *До за'мужа одиноли'чно жила, а как только замуж вышла, сразу в колхоз. Нет,* ***раньше*** *так не жили,* ***сейчас*** *и телевизор, и стира'льны машины почти у всех есть.*

- лозунги, характеризующие жизнь в определенную эпоху: *Ну, работала, чё заставят работать. С работы придёшь, как сказать, в шесть часов, если уйдёшь на работу – до шести. Даже если све'тло, то останешься до двенадцати работать. Теперь с двенадцати часов приходили домой. А домой приходили – сразу нужно шишыпа'ть, готовить для фронта. Как говорится,* ***всё для фронта, всё для победы****. Всё делать нужно. Спать не'когды*

- конструкции с чужой речью, сопровождающие воспоминания: *Так и так, и жись прошла вся. Только я не видела, когда она прошла.* ***Как не лучше моёй бабушки, вот, говорит: «Ничё хорошего не видела в своей жизни. А как жизнь, – гыт, – прошла, не видела»****. А теперь её частенько вспоминаю.*

Таким образом, можно отметить, что автобиографические практики как способ самопрезентации выступают одним из возможных способов сохранения и трансляции памяти, передачи опыта. В них отражается индивидуальная память человека и преломляется коллективная память, которая становится частью личной истории. Основные средства вербализации памяти можно разделить на 2 группы: средства, маркирующие мнемические процессы (*как щас помню, на моих памятях* и др.), и средства, участвующие в вербализации событий прошлого.

Список литературы

1. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. – Томск, 2025. – URL: https://losl.tsu.ru/?q=corpus (дата обращения: 05.06.2025)
2. Назаров А. Ф. История семьи. – Томск, 2002. – 88 с.
3. Нуркова В. В. Свершенное продолжается : психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.

Сведения об авторе:

Волошина Светлана Владимировна; доктор филологических наук, профессор, Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36; vsv1304@yandex.ru; +79138780808.

Voloshina Svetlana Vladimirovna, doctor of Philology, professor, Tomsk State University, Lenin av., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; vsv1304@yandex.ru; +79138780808.

УДК 81

Репрезентация лингвокультурных концептов СЕМЬЯ, FAMILY в медийном русскоязычном и англоязычном дискурсах (в parenting- и family-блогах)

Маргарита Игоревна Горюнова, студент магистратуры, 1 курс, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Научный руководитель: Бакина Анна Дмитриевна, **д.ф.н., доцент, ОГУ им И.С. Тургенева**

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация лингвокультурных концептов СЕМЬЯ, FAMILY в современном медийном пространстве на примере русскоязычных и англоязычных parenting- и family-блогов. Проведен сравнительный контент-анализ, лексико-семантический анализ, анализ фреймов и метафор, выявлены ключевые тематические и ценностные особенности. Отмечены различия в восприятии семьи: русскоязычные блоги акцентируют традиционные роли, эмоциональную глубину и семейное единство, в то время как англоязычные – индивидуализм, инклюзивность и разнообразие форм семьи. Результаты показывают значимость блогосферы как инструмента формирования семейных ценностей и культурных моделей.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, СЕМЬЯ, FAMILY, parenting-блоги, семейные блоги, контент-анализ, лексико-семантический анализ, метафоры, фреймы, русскоязычный дискурс, англоязычный дискурс, семейные ценности, интернет-коммуникация.

Representation of the Linguocultural Concepts SEM'YA, FAMILY in Russian- and English-Language Media Discourses (in Parenting- and Family-Blogs)

Margarita I. Goryunova, Master's Degree Student, 1 year, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Scientific Supervisor: Bakina Anna D., **Doctor of Philology, Associate Professor, the Head of the Chair of English Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev**

Abstract. The article explores the representation of the linguocultural concepts SEM'YA, FAMILY in contemporary media discourse based on Russian- and English-language parenting and family blogs. A comparative content analysis, lexical-semantic analysis, frame and metaphor analysis are conducted, revealing key thematic and value features. Differences in family perception are noted: Russian blogs emphasize traditional roles, emotional depth, and family unity, while English blogs highlight individualism, inclusiveness, and diverse family forms. The findings demonstrate the significance of blogs as a tool for shaping family values and cultural models

Key words: linguocultural concept, SEM'YA, FAMILY, parenting blogs, family blogs, content analysis, lexical-semantic analysis, metaphors, frames, Russian discourse, English discourse, family values, internet communication

Введение. Институт семьи и брака за долгие годы его существования претерпел множественные изменения и столкнулся с большим количеством вызовов. Эти изменения особенно заметны в медийном пространстве, где разгораются острые дискуссии о гендерных ролях, воспитании и отношениях. Должны ли мы мириться с тем, что традиционные идеалы и ценности постепенно подменяются новыми, становящимися популярными на Западе в связи с возросшим стремлением к толерантности и искоренению дискриминации в отношении новому взгляду на состав семьи? Действительно ли это так, и семья переживает эпоху кризиса? Обосновано ли беспокойство властей по данному поводу? Какими нам мыслятся образ современной

семьи и перспектива стать родителями? Бесспорно, интернет-сообщество, в особенности блогеры и инфлюэнсеры оказывают значительное влияние на представления молодёжи о том, какой может быть семья, что стоит взять за образец для подражания. Согласно статистике за 2021 г., представленной в интернет-издании [executive], тематика «Семья, дети и отношения» является второй по популярности и насчитывает порядка 11,4 тыс. авторов в России. Популярность семейных блогов обусловлена сильной вовлеченностью и доверием подписчиков, которым показывают реальную семейную жизнь, советы по уходу за детьми, воспитанию, подбору товаров и услуг для всей семьи. Подписчики таких блогов часто смотрят лайфхаки, обзоры детских товаров и советы по семейным вопросам. Вовлеченность аудитории у таких блогеров в несколько раз выше, чем у многих других блогеров.

Концепты СЕМЬЯ, FAMILY неоднократно были изучены с точки зрения лингвистики, культурологии и социологии, однако эти данные никогда не анализировались комплексно. Уникальность нашего исследования состоит именно в изучении данного феномена с позиции ценностей, транслируемых в современных СМИ и его сопоставительном анализе в американском и российском медиадискурсах.

Целью данного исследования является выявление и сопоставление особенностей репрезентации лингвокультурных концептов СЕМЬЯ, FAMILY в русскоязычных и англоязычных parenting- и family-блогах, а также определение того, как эти особенности отражают культурные ценности и установки. Для достижения цели нашего исследования будут использованы методы контент-анализа, лексико-семантического анализа, анализ фреймов и метафор и метод сравнительного анализа.

Основная часть. Согласно определению В.А. Масловой, «лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2010, с. 5]. Предметом изучения лингвокультурологии является ценностно-смысловое пространство языка, т.е. совокупность культурных ценностей, накопленных в языке конкретного народа, необходимых для нормального развития культуры, а также «разноаспектные проблемы, связанные с пониманием этноязыковой картины мира, образа мира, языкового сознания, особенностей культурно-познавательного пространства языка» [Алефиренко, 2010, с. 14].

Понятие лингвокультурного концепта является одним из базовых понятий лингвокультурологии. Оно представляет собой основной интерес для изучения среди многих ученых (См. работы: [Абакумова, 2025], [Алефиренко, 2010], [Бакина 2024], [Карасик, 2014], [Маслова, 2010], [Степанов, 2012] и др., поэтому имеет достаточно большое количество трактовок.

В.А. Маслова понимает под культурным концептом «имена абстрактных понятий» [Маслова, 2010, с. 31], культурная информация к которым прикрепляется с помощью сигнификата. В своих работах она также обращается к ключевым концептам культуры, которые представляют собой базовые элементы картины мира, сформированные и обусловленные конкретной культурой. Они обладают высокой значимостью для индивидуального языкового сознания и для всего лингвокультурного сообщества.

В. И. Карасик определяет лингвокультурные концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость даёт возможность передать информацию о них другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и поэтому эмоционально переживаемые) характеристики действительности. Эти характеристики концептов представляют собой их образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик, 2005, с. 95].

Концепт в лингвокультурологии, по определению Ю. С. Степанова, представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека», «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2012].

Попробуем сформулировать определения понятий family-blog и parenting-blog, а затем произвести дальнейшую выборка аккаунтов в ВКонтакте и Instagram (запрещена в РФ, но лингвистическое исследование было начато в 2021 г., поэтому мы включили результаты в статью). Семейный блог – это специализированный интернет-ресурс или онлайн-дневник, в котором представители семьи, либо один из членов семьи систематически публикуют информацию о своей семейной жизни, включая хронику событий, воспитание детей, семейные традиции и бытовые аспекты. Семейный блог выполняет функции социального и культурного пространства, способствующего обмену опытом, поддержанию семейных связей и распространению семейных ценностей в сети. Он может выступать как платформа для диалога с аудиторией, социальной поддержки и образовательного взаимодействия, а также служить средством формирования идентичности и аутентичности семьи в медиапространстве. Родительский блог (parenting blog) – специализированный тип блога, фокусирующийся на вопросах воспитания и развития детей, предоставляющий научно-обоснованные, психологические и практические советы по уходу, образованию, эмоциональному развитию и безопасности детей. Этот вид блогов имеет прикладной и консультационный характер, нацелен на поддержку родителей в процессе родительства и адаптации к семейным ролям [Автаева, 2021].

Для отбора материалов для исследования мы также опираемся на такие критерии как высокая популярность, реальная активная аудитория, тематическая релевантность, т.е. наличие лайфстайл-контента, отражающего быт, культуру, ценности, образ жизни и традиции семьи, а не только развлекательные или танцевальные видео, а также наличие текстовых постов.

В рамках настоящего исследования был проведен систематический контент-анализ англоязычных семейных блогов, целью которого стало выявление ключевых тематических направлений и ценностных установок, транслируемых через блоговую коммуникацию. Материалом послужил корпус публикаций из блогов с тематикой родительства и семейной жизни. Единицей анализа служил отдельный пост из блога или подпись на видео-рилс. Для отнесения к категориям была применена кодировочная схема, разработанная на основе предварительного ознакомления с корпусом. Кодирование проводилось вручную, с отсылкой на конкретные цитаты. Для обеспечения надежности возможна повторная независимая кодировка, однако в данном исследовании работа велась одним исследователем. Анализ тематических направлений выявил существование таких тем как: семейные отношения и взаимопомощь; воспитание и развитие детей; традиции и ценности; баланс между карьерой и семейной жизнью; принятие многообразия семей; здоровье членов семьи; финансы; разрешение конфликтов и коммуникация. Семья трактуется как важнейший социальный и эмоциональный центр: “Our family is everything. We share love, respect, and care every day.” Подчеркивается значимость совместного труда и поддержки: “Building this life TOGETHER has been the most rewarding challenge we ever accepted.” Отмечается прочность партнерских отношений: “My husband and I support each other through every high and low.” Значительное место занимает тема parenting, с упором на баланс между дисциплиной и любовью: “Parenting is challenging but rewarding. Discipline and education are key.” Выделяется важность эмоциональной поддержки: “Being a mom isn't about doing it all. It's about having something that holds you when your brain can't.” Важен также аспект формирования отношений между детьми: “How do you foster sibling relationships with each new baby? It’s

all about patience and love.” Передача традиций связывает поколения и укрепляет семейные узы: “Family traditions keep us close, and holidays are always special times.” Иллюстрацией служит совместное празднование: “We always light sparklers together on the 4th of July.” При этом немаловажными для американцев являются такие праздники, как День Матери, День Отца, День Дочери и День Бабушек и Дедушек, с которыми они поздравляют своих близких, благодарят за все трудности и счастливые моменты, через которые они прошли вместе. Тематика баланса между профессиональной и семейной сферами выражена умеренно, но её значимость признается: “Balancing career and family takes effort, but it's worth it.” Значима поддержка партнера: “It’s not easy, but having a supportive partner makes everything possible.” В американских семьях все большую популярность набирает феномен tradwife - “a married woman, especially one who posts on social media, who stays at home doing cooking, cleaning, etc. and has children that she takes care of. Tradwife is short for traditional wife. Trad wives are not just traditional stay-at-home mothers, but social media influencers making money for content” [Cambridge Dictionary Online]. Такие девушки являются эталоном матери и жены, имеют свой онлайн-бизнес. Семья и блог, тщательно продуманная идеальная картинка становятся при этом маркетинговым инструментами, которые стимулируют продвигаемых товаров сбыт товаров и услуг, при этом не «крича» о том, что это реклама. Они играют на желании своей целевой аудитории быть ближе к идеалу, принятому в обществе и транслируемому в медиа. Отдельно подчеркивается принятие различных семейных форм, включая приемные, смешанные семьи: “We embrace diversity: families with adopted children”. Также встречается определение семьи как объединения любви вне зависимости от биологических связей: “Blended, bonus, step, chosen, or biological, family is family and all love counts.” Темы финансовой устойчивости и заботы о здоровье семьи поднимаются риторически эпизодически, но их важность отмечается: “Financial planning is important for family stability." "Health and wellbeing are essential for the whole family.” Однако мы считаем, что данные аспекты все же более широко представлены в блогосфере, что может подтвердиться увеличением анализируемого корпуса. Блоги рефлексируют естественность наличия конфликтов в семье, при этом утверждая эффективность коммуникации как инструмента разрешения проблем: “Conflict happens, but communication and understanding solve problems.” Поднимается тема решения конфликтов между детьми. Американские семьи репрезентованы в медиа в большинстве своем как многодетные (от 3 до 10 детей), поэтому данному аспекту семейных отношений уделяется большое внимание.

К ключевыми ценностям, транслируемым в блогах, относятся любовь, забота, поддержка, уважение: “Our family is everything. We share love, respect, and care every day.”; ответственность и зрелость; Индивидуальность в рамках семейных связей: “We celebrate individuality while maintaining strong family ties."; традиции и преемственность поколений: "Watching you grow up into this amazing young woman has been the greatest gift.”

Тональность блоговых текстов преимущественно позитивна, с акцентом на поддержку и мотивацию. Присутствует реализм, признание трудности семейной жизни, что усиливает доверительный характер высказываний: “Being a mom is the hardest, but most rewarding job.” “Every challenge brings us closer as a family.” Ряд сообщений содержит элементы иронии и юмора, что создает баланс эмоциональной нагрузки: “They say you can't turn a he into a housewife but I turned a he into a husband.”

Выявленные тематические приоритеты отражают современные лингвокультурные ценности американской семьи, построенной на принципах любви, взаимной поддержки и принятия. Эмоциональная насыщенность и открытость блогов свидетельствуют о стремлении создавать реальный и живой образ семьи, учитывающий комплексность ее внутреннего устройства и разнообразие форм.

Лексико-семантический анализ англоязычных семейных блогов показал, что в основе дискурса лежит лексема *family*, вокруг которой строятся основные смыслы и ценности. Часто употребляемые слова – *love*, *respect*, *support* и *care* – отражают акцент на эмоциональной поддержке и взаимном уважении в семье. Важное место занимает лексика, связанная с воспитанием и образованием (*discipline*, *education*), а также с семейными традициями и праздниками (*traditions*, *holidays*). Особое внимание уделяется разнообразию семейных форм через использование таких терминов, как *diversity, adopted* и упоминание нетрадиционных моделей семьи, что говорит о современном инклюзивном взгляде на семью. Темы конфликтов и коммуникации служат маркерами признания сложностей семейной жизни и способов их решения. Коллокации *love respect* и *family traditions* подтверждают позитивную эмоциональную окраску текстов. Анализ показывает, что в блогах формируется образ семьи как устойчивого, любящего и адаптивного социального института, готового к многообразию и вызовам современности. Семья – крепкая команда и фундамент жизни, живой и развивающийся организм, а также инклюзивное сообщество, где ценится любовь и поддержка независимо от биологических связей.

Жена и мать – центральная фигура семьи, играющая роль заботливой хранительницы домашнего очага и эмоционального центра. Она изображена как сильная, ответственная и деятельная личность, способная совмещать множество ролей: организатор домашнего быта, воспитатель, поддержка для супруга и детей, а также самостоятельная личность с собственными целями и интересами. Часто употребляются слова: *mom, motherhood, care, love, strength, support.* Отец и муж – надежный партнер и опора семьи, не только в традиционном понимании кормильца, но и как участник воспитания и быта. Он представлен как любящий, трудолюбивый и при этом гибкий человек, готовый помочь с бытовыми и воспитательными задачами, что отражается в фразах: “My rock, lover and best friend. He's also a pretty amazing father to all these babies of ours”. Основные лексические маркеры: dad, father, husband, partner, supporter, protector. Дети представлены как уникальные и неповторимые личности, предмет гордости и любви родителей. Они описываются с акцентом на развитие, эмоциональность, индивидуальные таланты, а также на сложные стороны роста – “wild”, “strong”, “kind”, “gentle” – иногда используемые слова указывают на разнообразие характеров и состояний.

Русские семейные блоги отображают семью как пространство эмоционального тепла, поддержки и совместного роста. Материнство представляется «важнейшей силой и главным ориентиром», мамы называются «опорой», «дающей тепло и заботу», значимыми словами выступают «терпение», «любовь», «самоотдача» («Мама — наш главный ориентир в жизни», «Быть мамой — это огромная самоотдача, терпение и любовь»). Отец чаще описан как «верный друг», «мужчина, который поддерживает», «защитник», «тихая гавань» («мой муж, моя тихая гавань, мой верный друг...»). Дети представлены как «маленькие учителя», «радость», «свет», «огонёк», а также как источник вдохновения и гордости («Такие маленькие учителя, которые помогают расти», «Ты – наша улыбка, наше счастье»).

В текстах поощряются совместные семейные ритуалы, традиции, праздники и поездки, которые укрепляют гармонию и жизненный настрой («Не изменяем традициям даже в путешествиях – устраиваем свидания...»). Семейные будни описаны как динамичные и разнообразные; признаются трудности воспитания, конкуренция между детьми, вызовы материнства («Для меня это чудо, не иначе», «С ребёнком столько эмоций, каждый день учишься новому»), а также моменты усталости и потребности в поддержке, что делает нарративы близкими и аутентичными («Иногда я не выгляжу

классно и на моём лице нет косметики. Я хочу, чтобы меня пожалели... примите меня такой»).

Корпус русскоязычных блогов насыщен ценностной и эмоционально окрашенной лексикой: «любовь», «забота», «поддержка», «гордость», «радость», «тепло», «взаимопонимание». Частотные обращения к членам семьи – «мама», «дети», «муж», «дедушка», «бабушка», «доченька», «сынок», «семья», «родные» – формируют ядро семантических полей. Коллокации типа «быть мамой», «родная семья», «верный друг», «маленький учитель», «тихая гавань» отражают специфическую культурную и эмоциональную связанность семьи.

Лексика, связанная с развитием и взрослением детей («учитель», «вдохновение», «развиваться», «самостоятельность», «ответственность», «мечты»), акцентирует воспитательную функцию семьи. Рядом с этим в текстах присутствует прагматическая и бытовая лексика, связанная с реальными трудностями и заботами: «недосып», «усталость», «болезни», «воспитание», «конфликт», «компромисс», «работа», «разделение обязанностей».

В блогах прослеживается уважительное отношение к старшему поколению, что выражается словами «опора», «мудрость», «забота», «передача традиций». Часто встречаются слова, связанные с праздниками и семейными событиями: «день рождения», «учеба», «путешествия», «подарки».

В русских блогах семья структурно представляется как крепкая «опора», «тихая гавань», «дом» – место эмоционального возвращения и защиты. Часты метафоры «мама – сила, изменяющая маршрут», «семья – крепость любви», «дети – учителя», «ребёнок – огонь, свет, энергия». Партнерство описывается через метафору «идти вместе», «строить кирпичики любви», «расти душой через детей».

Среди типовых фреймов прослеживаются такие как: семья – объединение любви, тепла, заботы; материнство – школа терпения и самоотдачи; отцовство – защита и спокойствие; дети – смысл и радость жизни, источник новых знаний и эмоций. Инклюзивность проявляется чуть слабее, но всё чаще присутствуют рассуждения о приёмных детях, разделении обязанностей, уважении личных границ, самореализации родителей.

Тексты семейных блогов аргументируют ценность семьи через личный опыт, реальные эмоции и преодоление трудностей. Суждения строятся на сопоставлении идеала семьи и трудностей повседневности, важности диалога, компромиссов и взаимного уважения («Мы оба работаем и оба занимаемся семьёй, но сохраняем женское и мужское начало», «В споре мы всегда пытаемся найти компромисс»). Оценивается счастье не по материальным аспектам, а по внутреннему ощущению гармонии, взаимопонимания и тепла в семье («Семья — это смысл жизни каждого из нас», «Не стоит пытаться переделать другого человека, принимай его таким, какой он есть»).

Русскоязычные семейные блоги конструируют сложный и глубокий образ семьи – как эмоционального центра, пространства поддержки и роста, а также школы жизненных навыков. Семейная жизнь насыщена заботой, ритуалами, признанием индивидуальности каждого члена, а также принятием несовершенств и личной уязвимости. Самые яркие смыслы воплощаются в благодарности, способности радоваться каждому дню, любви и стремлении к гармонии.

Заключение. Если провести параллель между восприятием лингвокультурных концептов СЕМЬЯ, FAMILY, то можно заметить, что американские семейные блоги отражают современный, либеральный и инклюзивный взгляд на семью, а русские – образ глубоко традиционной, эмоциональной и устойчивой семьи, сохраняющей культурные корни и духовную опору. Американские семейные блоги строят образ семьи как гибкого, динамичного сообщества, основанного на любви, взаимной поддержке и

индивидуализме. В текстах высока роль концептов совместной работы родителей, инклюзивности (включая «нетрадиционные» и приемные семьи), а также важность личной самореализации и баланса между карьерой и семейной жизнью. Семья метафорически представляется как «команда», «фундамент» и «развивающийся организм», с легкой иронией и позитивной тональностью высказываний. Русские семейные блоги формируют образ семьи как центра эмоциональной стабильности, тепла и традиционных ценностей. Материнство занимает в них исключительное место, мать воспринимается как опора и источник безусловной любви, отец — как защитник и друг. Семья часто описывается как «тихая гавань» или «крепость любви», с акцентом на благодарность, терпение и совестливость. Русские блоги более эмоционально насыщены, с признанием бытовых сложностей, необходимости компромиссов и поддержки.

Обе блогосферы ценят семейные традиции, любовь, поддержку и уважение, но американские блоги подчеркивают индивидуальную свободу и разнообразие, тогда как русские – единство, духовную близость и традиции. Американские тексты обладают большей открытостью к новым моделям семьи, русские – более консервативны, ролево-ориентированы и сакрализируют материнство.

Список литературы

1. Алефиренко В.В. Введение в лингвокультурологию. — М.: Инфра-М, 2010. 256 с.

2. Бакина А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бакина Анна Дмитриевна, 2024. 496 с.

3. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. с. 95-108.

4. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: Теория и методология. — М.: Языки славянской культуры, 2014. 208 с.

5. Колесникова, А.Л. Пословичный концепт «правда/Макото» и лингвокультурные коды в русских и японских паремиях / А.Л. Колесникова, О.Б. Абакумова // Славистика (Андреевские чтения; Славяне в контексте мировой культуры; Славянское языкознание) : Сборник статей по материалам LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой, Санкт-Петербург, 25–31 марта 2025 года. – Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. С. 54-62.

6. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. — М.: Флинта, Наука, 2010. 384 с.

7. Степанов Ю.С. Лингвокультурология: Учебник. — М.: Высшая школа, 2012. 320 с.

8. Популяризация ценностей семьи и родительства в блогосфере // CyberLeninka.ru. — 2021. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/populyarizatsiya-tsennostey-semi-i-roditelstva-v-blogosfere (дата обращения: 17.09.2025).

9. Cambridge Dictionary. Tradwife // Cambridge Dictionary Online. — 2023. — URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/tradwife (дата обращения: 20.09.2025).

10. Executive.ru. Обзор российских Instagram-блогеров: какие темы самые популярные и кто входит в топ-5. URL: https://www.e-xecutive.ru/management/marketing/1994568-obzor-rossiiskih-instagram-blogerov-kakie-temy-samye-populyarnye-i-kto-vhodit-v-top-5 (дата обращения: 15.09.2025)

УДК 811.161.1’367

Односоставные предложения в повести А. П. Чехова «Три года»

Тамара Григорьевна Ефимова
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, efimovat4m@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются односоставные предложения, используемые А. П. Чеховым в повести «Три года». Описываются типы односоставных предложений. Указывается частота их употребления в повести. Отмечается связь каждого типа односоставных предложений с содержанием произведения.
Ключевые слова: односоставные предложения, безличное, инфинитивное, определённо-личное, неопределённо-личное, обобщённо-личное, номинативное предложения

One-member sentences in A. P. Chekhov’s story “ Three Years”

Tamara G. Efimova
Orel State University named after I. S. Turgenev, associate professor, the Institute of Philology, candidate of philology, Orel, Russia, efimovat4m@jandex.ru

Abstract. The article touches upon one-member sentences used by A. P. Chekhov in his story “Three Years”. It describes the types one-member sentences. It points out the role and frequency of their usage in the story. The relation of each type of the sentence with the content of the story is indicated.
Key Words: one-member sentences, impersonal, of an infinitive type, definite-personal, indefinite-personal, aggregate-personal, nominative sentences

Синтаксические единицы в художественном произведении отражают существенные черты восприятия действительности писателем.

Одним из ярких художественно-изобразительных средств в русском языке являются односоставные предложения. Это такие предложения с одним главным членом, которые не требуют другого главного члена и не могут быть дополнены другим без изменения характера выражаемой мысли.

Рассмотрим использование односоставных предложений А. П. Чеховым в повести «Три года». В указанном произведении 384 односоставных предложения. Среди них преобладают безличные предложения (63%). Например: *Ей нездоровилось*. Наши данные подтверждают мнение В. В. Бабайцевой, что безличные предложения – это «центр односоставности», самая большая и неоднородная по структуре группа односоставных предложений [Бабайцева 2004, с.168]. В них называются действия или состояния, возникающие и существующие независимо от производителя и носителя признака. Это состояние природы, окружающей среды, физическое или психическое состояние человека, его предрасположенность к какому-либо действию или состоянию. Например: *Пахло липой и сеном* (с.33); *Ему было стыдно*…; *Ах, голубчик, как вообще мне не везло в любви! …его мутило*. С их помощью передаются чувства, восприятия, ощущения.

А. П. Чехов в повести «Три года» не называет конкретное время совершения того или иного действия. Для этого он использует безличные предложения, в которых выражаются природно-физические понятия или атмосферные явления природы,

указывающие на время суток. В таких предложениях употребляются безличные глаголы или личные в безличном значении. Повесть начинается безличным предложением: ***Было ещё темно***, *но кое-где в домах уже засветились огни*… Читатель может себе представить раннее утро. Рассказывая о том, как Ярцев и Кочевой после посещения Юлии Сергеевны возвращаются домой, сколько времени заняла их дорога, автор тоже прибегает к безличным предложениям. Когда герои вышли: …*на небе чуть брезжило*. За беседой они незаметно дошли до Красного пруда: *Когда дошли до Красного пруда*, ***уже светало***.

Безличные предложения помогают не только указать время того или иного действия, но и передать чувства героев. Так, показывая любовь Ярцева и Кочевого к Москве, описывая их состояние в других местах, А. П. Чехов отмечает: ***В Крыму, на Кавказе и за границей им было скучно, неуютно, неудобно***, *и свою серенькую московскую погоду они находили самой приятной и здоровой*.

В повести «Три года» некоторые безличные предложения имеют значение обобщения, то есть их содержание применимо к любому лицу. Например, в предложении: …*страшно бывает выглянуть из-под одеяла* – характеризуется не только состояние Юлии Сергеевны, но и жизнь в провинции в целом.

Обобщённый характер носят рассуждения старика Фёдора Лаптева о жизни в семье: *Она (Юлия Сергеевна) сидела рядом со стариком, и он говорил ей о том*, ***что нехорошо жить врозь, надо жить вместе, в одном доме***…. Эти слова относятся к любым представителям разных поколений.

Обобщение содержится в безличных предложениях с модальным значением возможности/невозможности, необходимости, желательности/нежелательности и т. п. Например: Не *ждать нужно, а бороться* – так говорит Костя во время разговора с Фёдором о неравенстве людей в обществе, о положении фабричных рабочих, о воспитании. Он считает, что люди не должны мириться со своим положением, а должны действовать. В таких предложениях представлены наблюдения, связанные с обобщённой характеристикой предметов, явлений, ситуаций: *Жизнь, голубчик коротка*, ***и надо прожить её получше***.

С помощью безличных предложений в повести передаётся наличие или отсутствие чего-либо. Например: *Неужели нет других сюжетов? … у неё не было собственных денег*.

А. П. Чехов использует безличные предложения, обозначающие действие, состояние как проявление какой-то стихийной силы, где сказуемые выражаются личными глаголами в безличном значении чаще всего в форме среднего рода прошедшего времени. Например: … *её* ***не тянуло*** *теперь ни на улицу, ни к знакомым*. … *и в сенях* ***дуло*** *со всех сторон*.

В анализируемом произведении безличные предложения употребляются чаще в составе сложных предложений. Например: Лаптев *уже не помнил, что он сказал,* ***но для него было ясно****, что ненавистны были не слова его, а уже одно то, что он вмешался в разговор*; *от электрического света, громкой музыки, запаха пудры, оттого, что встречные дамы смотрели на него,* ***его мутило***. Частота употребления таких конструкций составляет в повести 57,8%.

Наши данные подтверждают замечание Н. С. Валгиной, что художественный контекст практически не ограничивает писателя в образовании и использовании безличных предложений [Валгина 2001, с.145].

В повести А. П. Чехова «Три года» редко употребляются инфинитивные односоставные предложения. Они составляют всего 2,9%. Например: *А кстати сказать, другого такого одра, как этот папаша,* ***не сыскать днём с огнём***. Так говорит Панауров о докторе Белавине в беседе с Лаптевым. Инфинитивные односоставные предложения

свойственны разговорному стилю, характеризуются большей экспрессивностью, лаконичностью. Это подтверждает приведённый пример, в котором употреблено устойчивое выражение «не сыскать днём с огнём», имеющее модальное значение невозможности. Модальные значения заключены в самой форме инфинитива и в интонации и не выражаются лексически, как в безличных предложениях. В них независимый инфинитив обычно имеет форму совершенного вида. Художник слова обращается к инфинитивным предложениям как к средству непринуждённо-разговорной окраски речи и вводит их в монолог, насыщенный эмоциями.

Определённо-личные и неопределённо-личные односоставные предложения А. П. Чехов в своей повести употребляет почти с одинаковой частотой: 15,8% и 15,6% соответственно. Например: *Завтра уезжаю в Петербург*; *Позвали ужинать*.

В определённо-личных предложениях главный член – сказуемое выражен глаголом 1-го или 2-го лица изъявительного наклонения, а также глаголом 2-го лица повелительного наклонения. Например: ***Иду** потолковать с вашим батюшкой*; ***Можешь** меня **поздравить,** я сегодня сделал предложение Юлии Б*елавиной; ***Будем** её вместе **баловать***; ***Поклонитесь** вашей сестре, пожалуйста.* Форма множественного числа повелительного наклонения может использоваться при вежливом обращении к одному лицу. В данном случае Юлия Белавина обращается к Алексею Лаптеву. У них пока официальные отношения. Также её отец, обращаясь к Лаптеву, будущему зятю, использует форму множественного числа изъявительного наклонения. Например: *Что **скажете** хорошенького*?

Определённо-личные предложения придают речи лаконизм, динамичность. Они обозначают не только действие, но и само лицо, которому принадлежит это действие. Используются обычно и в диалогической, и в монологической речи.

В неопределённо-личных предложениях подчёркивается действие. Их употребление позволяет акцентировать внимание на глаголе-сказуемом, субъект действия отодвигается на задний план. Он может быть известен говорящему. Например: *Испытывая стыд, унижение человека, **которым пренебрегли**, который не нравится, противен, быть может, гадок, **от которого бегут**, он вышел из дому*. Из контекста читателю понятно, о ком идёт речь, кого имеет в виду Лаптев. Он сделал предложение Юлии Сергеевне, но она отказала ему. Лаптев страдает, пытается понять причину отказа, предположить, как относится к нему Юлия Сергеевна.

В неопределённо-личных предложениях переосмысливается значение числа. Множественное число формы главного члена не означает, что производителей действия тоже много. Так, Лаптев, обобщая свой жизненный опыт, опыт человека, которого Юлия Белавина не любила, но предложение которого приняла, по его мнению, только потому, что он богат, говорит: ***Когда меня не любят**, то я не могу заставить полюбить себя, хотя бы потратил сто миллионов*. Субъектом является конкретное лицо – героиня повести Юлия Сергеевна Белавина. Именно она не любит Алексея Лаптева, но, подумав, принимает его предложение.

Выбор формы неопределённости обусловлен прагматически – стремлением Алексея Лаптева отстраниться от данной противоречивой ситуации. Говорящий хочет убедить собеседника в своей правоте, придав рассуждениям вид истинного суждения, применяемого во всех подобных ситуациях.

В неопределённо-личных предложениях действующее лицо может быть не обозначено, так как указание на него несущественно, с точки зрения говорящего. На первый план выступает само действие, неважно, кем произведённое. Например: ***Принесли кадило**, из которого сыпались искры и шёл запах ладана и угля*. Как правило, сказуемое в таких предложениях выражено или формой настоящего времени 3-го лица множественного числа, или формой прошедшего времени множественного числа.

Например: В *меня чуть не* ***бросают*** *камнями и* ***ездят*** *на мне верхом*. Так говорит о себе Белавин, отец Юлии. *Няня что-то приказывала шёпотом, и её* ***не понимали***. Действие происходит в спальне, где собрались близкие Нины Фёдоровны перед её смертью.

А. П. Чехов обращается к неопределённо-личным предложениям тогда, когда автора интересует сам факт, событие, действие, а не действующие лица.

Обобщённо-личные предложения присутствуют в речи героев повести. Эти предложения составляют 3,1% от общего количества односоставных предложений. В них сказуемое выражено глаголом 2-го лица единственного числа. Представленное действие или состояние может быть соотнесено с любым лицом. Например: Ведь ***не пойдёшь*** *против бога!* Они используются писателем с целью скрыть характер чувств и мыслей говорящего, когда он, рассказывая о себе, о случаях из своей жизни или о своём отношении к чему-либо, прибегает к форме обобщения. С помощью таких предложений достигается также активизация внимания читателя, который как бы привлекается к участию в описываемых событиях. Так, Фёдор Лаптев пытается придать размышлениям о положении в их семейном деле убедительность и значимость. Он переходит от конкретных рассуждений к обобщению. Например: *В нашем деле нельзя прощать.* ***Если будешь всех прощать, то через три года в трубу вылетишь***.

А. П. Чехов употребляет в обобщённо-личных предложениях сказуемые в форме 2-го лица единственного числа настоящего и будущего времени. Однако форма будущего времени не указывает на то, что будет происходить потом, а форма настоящего времени не указывает на событие, происходящее в момент речи. Например: Когда ***имеешь*** *дело с каким-нибудь историческим источником и когда* ***читаешь*** *даже учебник русской истории, то кажется, что в России всё необыкновенно талантливо, даровито и интересно, но когда я смотрю в театре историческую пьесу, то русская жизнь начинает казаться мне бездарной, нездоровой, неоригинальной*.

Заканчивается повесть «Три года» обобщённо-личной конструкцией: «*Поживём – увидим*». Этими словами завершаются размышления Алексея Лаптева о будущем. Предложение включает в себя и субъекта действия, говорящего, и других героев повести, и автора, и читателя.

Несмотря на то, что номинативные предложения обладают большими изобразительными возможностями, в повести они представлены одним примером: *Какой беспорядок*! Такую картину наблюдает Лаптев в доме Панаурова, у которого жена, Нина Фёдоровна, тяжело больна и находится при смерти. Номинативное оценочно-бытийное восклицательное предложение писатель использует, чтобы через интерьер показать безысходность ситуации. Подобные описания не отражают динамики событий, указывают на статическое состояние обстановки в доме, фиксируют только настоящее время, выхватывая детали, способные отразить трагизм событий. Вероятно, поэтому А. П. Чехов не употребляет номинативные односоставные предложения в своей повести.

Таким образом, односоставные предложения – одно из важнейших средств создания целостного текста. Они позволяют небольшим количеством лексических средств создать лаконичное, ёмкое по своему значению произведение. Использование А. П. Чеховым в повести «Три года» односоставных предложений свидетельствует о связи всех единиц языка с художественным замыслом произведения.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке: Монография / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.

2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высшая школа, 2001, 304 с.

Сведения об авторе:
Ефимова Тамара Григорьевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 41; efimovat4m@jandex.ru
Efimova Tamara Grigorjevna; candidate of philology, associate professor, Orel State University named after I. S. TTurgenev, theInstitute of Philology, 302028, Russian Federation, Orel, Komsomolscaya Str., 41; efimovat4m@jandex.ru

УДК 811.112.2

Образ французов в современных немецкоязычных анекдотах

Алексей Валерьевич Клочков
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заведующий кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, klochkov.a_new@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается репрезентация образа французов в немецких анекдотах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов функционирования этнических стереотипов в малых фольклорных жанрах. Цель работы – выявить и систематизировать ключевые стереотипные черты, приписываемые французам в немецком анекдотическом дискурсе, и определить их частотность. В результате исследования выделены доминирующие стереотипные категории, которые отличаются от тех, которые указываются респондентами в опросах. Делается вывод о том, что анекдот служит инструментом не только снисходительно-иронической рефлексии над национально-культурными различиями французов и немцев, но и уничижительной.
Ключевые слова: этнический стереотип, анекдот, немецкий юмор, репрезентация образа, межкультурная коммуникация.

The image of the French in modern German anecdotes

Alexey V. Klochkov
Orel State University named after I.S. Turgenev, Head of the Chair of German Language, associate professor of the Department of German Language, Orel, Russia, klochkov.a_new@mail.ru

Abstract. This article examines the representation of the French in German anecdotes. The relevance of the study is due to the need to examine the mechanisms of ethnic stereotypes in small folklore genres. The aim of the study is to identify and systematize the key stereotypical features attributed to the French in German anecdotal discourse and to determine their frequency. As a result of the study, dominant stereotypical categories were identified that differ from those indicated by respondents in surveys. The conclusion is that anecdotes serve as a tool not only for indulgent and ironic reflection on the national and cultural differences between the French and Germans, but also for derogatory reflection.
Keywords: ethnic stereotype, anecdote, German humor, image representation, intercultural communication.

Юмор является неотъемлемой частью национальной культуры, а анекдот как одна из его форм представляет собой ценный материал для лингвокультурологических исследований. Анекдот способен аккумулировать в себе наиболее яркие и устойчивые представления одного народа о другом. В этом контексте немецко-французские отношения, имеющие многовековую историю, насыщенную как конфликтами, так и периодами тесного сотрудничества, создают плодотворную почву для формирования взаимных стереотипов, находящих отражение в юморе, и в частности в анекдотах.

В рамках данного исследования анекдот рассматривается как «короткий рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, где действуют постоянные персонажи, известные всем носителям языка» [Шмелева 2002, с. 22].

Анекдот является продуктом коллективного творчества и отражает стереотипные представления определенной лингвокультурной общности. Важнейшей характеристикой анекдота является его опора на общие для рассказчика и аудитории пресуппозиции, в нашем случае речь пойдет об этнических стереотипах.

Стереотип является представлением о каком-либо классе объектов, распространенным в определенной лингвокультурной общности, которое характеризуется устойчивостью и воспроизводимостью, этим объектам, в свою очередь, приписывается «определенный набор свойств» [Гузикова 2015, с. 94], что в конечном итоге предопределяет их восприятие реципиентом.

Если говорить об этническом стереотипе, то он отражает некое стандартизированное представление или образ представителей того или иного этноса, «обычно эмоционально окрашенный и обладающий высокой устойчивостью» [Пискарев 2010, 95]. Этническим стереотипам присущи определенные свойства как эмоциональность, оценочность, ригидность и неточность [Романов 2013, с. 115].

В анекдоте этнические стереотипы позволяют в сжатой форме смоделировать и обыграть в комической ситуации узнаваемый образ «другого». Часто анекдоты эксплуатируют именно те черты, которые воспринимаются как наиболее контрастирующие с собственными национальными качествами.

Нами были обобщены распространенные представления немцев о французах, как об этносе. Для этого были проанализированы результаты найденного опроса и свободного ассоциативного эксперимента, которые были проведены среди немцев, а также информация из различных немецкоязычных ресурсов в сети Интернет [1; 5; 7; 8; 9; 10; 11].

Самыми частотными являются стереотипы о еде, которые выявлены на всех проанализированных ресурсах. Среди них чаще упоминается багет, затем вино, сыр, круассаны, и наконец, лягушки.

Затем следуют представление о французах как о модниках, которые постоянно ходят в берете и мариньерке с повязанным на шее красным шарфом.

Следующим выявленным стереотипом является представление о том, что французы хорошие любовники.

В незначительном объеме упоминается нелюбовь французов к общению на английском языке, чрезмерное курение, а также готовность и даже рвение отстаивать свои права и бастовать.

Самыми редкими оказались стереотипы о высокомерности французов, а также единичные упоминания, о том, что французы нечистоплотны, невежливы и ленивы.

Эти результаты были сопоставлены с результатами анализа фактического материала, для которого путем сплошной выборки были отобраны 150 немецких анекдотов, главными действующими лицами в которых являются французы. Выборка осуществлялась из открытых интернет-источников (тематических сайтов, форумов, социальных сетей) и печатных сборников анекдотов.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что анекдоты могут позволить обнаружить те этностереотипы, которые сложнее выявить с помощью опросов и ассоциативных экспериментов, поскольку такие представления о том или ином этносе могут упоминаться в силу того, что носят неприятный, некорректный или оскорбительный характер.

В ходе анализа анекдотов было выявлено множество стереотипов, которые мы объединили в блоки.

Самыми многочисленными оказались анекдоты со стереотипами, которые не были упомянуты ни в одном из источников, проанализированных ранее. Так, было обнаружено, что 53% немецких анекдотов из выборки высмеивают трусость французов и неумение воевать, что связано с быстрым поражением французов против немецких войск во время Второй мировой войны. Это представление о французах прочно закрепилось в анекдотах и проявляется по-разному. Например, во множестве анекдотов фигурирует белый флаг, как символ капитуляции, это так называемые серийные анекдоты, например:

Wie sieht die französische Kriegsflagge aus? - Weißer Adler auf weißem Grund.

Du bist so überflüssig wie das Rot und Blau in der französischen Flagge.

Анекдоты про поднятие обеих рук - еще один способ показать, насколько французы легко сдаются:

Wie geht französiche Militär-Salut? – Beide Arme in die Luft und Waffen fallen lassen.

Was ist der Unterschied zwischen einem Hiphop-Konzert und der Französischen Armee? Bei dem Hiphop Konzert hat die Menge nur eine Hand oben

Есть также анекдоты, высмеивающие неспособность французов оказать сопротивление:

Warum fließen so viele Flüsse durch Frankreich? Das Wasser sucht sich immer den Weg des geringsten Widerstands.

Warum sind Franzosen schlechte Elektriker? - Weil sie keinen Widerstand kennen.

Поскольку анекдоты прямо или косвенно отсылают к событиям Второй мировой войны, в некоторых из них ощущается желание продемонстрировать полное доминирование немецкой армии над французской:

Stellt euch vor, ihr habt einen Adventskalender über die Chronologie des 2. Weltkriegs. Was ist im ersten Türchen? Der französische Rückzug.

Warum haben die Franzosen so viele Alleen? Weil die Deutschen so gerne im Schatten marschieren.

А если победа французов в сражении и достижима, то это возможно только в компьютерной игре, или это просто розыгрыш:

Was macht ein Franzose, nachdem er eine Schlacht gewonnen hat? Die Playstation ausschalten.

Was macht ein Franzose, wenn er gewinnt? Er checkt den Kalender, ob es der 1. April ist.

Исходя из проанализированных ранее анекдотов, мы можем понять, что большинство из них содержат в себе негативные гетеростереотипы, являющиеся довольно уничижительными и даже переходящими в черный юмор: *Warum hat die französische Flotte Glasböden? Damit sie auch den Rest ihrer Flotte sehen können.*

Следующей по частотности группой являются анекдоты со стереотипами о привычках французов в еде - 18%.

Стереотип о том, что французы любят багеты и постоянно с ними ходят под рукой очень устойчив, это показывали опросы, однако среди отобранных анекдотов такой был лишь один:

Was heißt auf französisch Zauberstab? Baguette maschicke.

Также всего один анекдот было посвящен круассанам, хотя в других источниках он был один из лидирующих стереотипных представлений:

Ich wurde gestern Nacht von einem Franzosen gebissen und jetzt habe ich mich beim nächsten Vollmond in ein Croissant verwandelt.

Большее количество анекдотов касалось того, что французы любят красное вино:

Warum beginnen die französischen Rezepte immer mit "Man nehme eine Flasche Wein"? Damit der Koch entspannt bleibt.

А также того, что французы любят есть улиток, и в целом того, что они любят есть долго, наслаждаясь при этом едой, а культура фастфуда им чужда:

Warum essen französische Personen Schnecken? Sie mögen kein Fast food.

Встречается и стереотип о том, что французы любят сыр, и притом разные необычные сорта, шутят именно о неприятно пахнущих сортах:

Sagt der eine Käse zum anderen: „Du stinkst" – Sagt der andere: „Ja, ich komme aus Frankreich."

А вот анекдоты том, что французы едят лягушек, в нашей выборке не выявлены.

6% анекдотов содержат в себе стереотипы об особенностях французского языка:

Dieser Moment, wenn du richtig viel Französisch gelernt hast, es gut kannst, nach Frankreich in den Urlaub fährst und die Leute dort schneller als Lichtgeschwindigkeit reden und du nichts verstehst.

В анекдотах также отображается представление немцев о том, что французы не умеют говорить на английском и в принципе не знают иностранных языков (3%):

Leute, die drei Sprachen sprechen nennt man trilingual. Leute, die zwei Sprachen sprechen, nennt man bilingual. Und Leute, die eine Sprache sprechen, nennt man Franzosen.

Ein englisches Ehepaar kommt in Calais an. Sie wollen nach Toulouse. Sie gehen an den Bahnschalter:"Please, two to Toulouse." Der französische Bahnangestellte kann kein Englisch, er glaubt, dass man ihn veralbern will. Er ruft zurück: "Täterätätäte."

Так же 3% анекдотов касались того, что французы плохо играют в футбол:

Warum findet in Frankreich kein Fußballspiel statt? Weil die Franzosen keine Chance zu gewinnen haben.

Warum trinken Franzosen immer Wein? Um die Erinnerung an ihre Fußballspiele zu vergessen.

Сборная Франции по футболу является двукратным чемпионом мира и Европы. Эти анекдоты наглядно подтверждают устойчивый характер стереотипов.

Малочисленными оказались анекдоты

1) о глупости французов:

Wie nennt man einen intelligenten Menschen in Frankreich? – Tourist;

2) несамостоятельности и зависимости от США или американцев:

Wie viele Franzosen braucht es um eine Glühbirne zu wechseln. Einen der einen Amerikaner fragt;

3) неумении французов пить:

Warum trinken Franzosen keinen Alkohol? Weil sie nach einem Bier besoffen sind.

4) нечистоплотности французов:

Wo ist der beste Ort, sein Geld zu verstecken? – Unter der Seife eines Franzosen.

5) И, наконец, о том, что французы – хорошие любовники:

Im Himmel sind die Italiener die Köche, die Engländer die Polizisten, die Deutschen die Mechaniker, die Franzosen die Liebhaber, und organisiert wird alles von den Schweizern. In der Hölle sind die Engländer die Köche, die Deutschen die Polizisten, die Franzosen die Mechaniker, die Schweizer die Liebhaber, und organisiert wird alles von den Italienern!

Единичными оказались анекдоты, которые высмеивают

1) высокое самомнение французов:

Wie erledigt man einen Franzosen? - Man schießt nen halben Meter über seinen Kopf in sein aufgeblasenes Ego;

2) лень

Warum haben die Franzosen so viele Feiertage? Damit sie üben können, nicht zu arbeiten.

Таким образом, анализ отобранных анекдотов показал, что почти все содержащихся в них стереотипы совпадают с опросными исследованиями, кроме желания французов бороться за свои права и бастовать. При этом важно отметить, что результаты исследования позволили выявить такое стереотипное представление немцев о французах, которое не встречалось в опросе и ассоциативном эксперименте, а именно то, что французы не способны оказывать сопротивление и воевать. Таким образом, анализ показал не только снисходительно-ироническую окраску образа французов, но уничижительную, которая была выявлена в результате изучения анекдотов. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, анекдот служит инструментом лингвокультурной рефлексии, в котором актуализируются и транслируются упрощенные, но очень устойчивые представления о национальном характере, чертах и умениях определенного этноса, при этом не всегда оправданных.

Список литературы

1. Ананьева В.Д. Франция глазами русских, итальянцев и немцев: стереотипы и реалии / В.Д. Ананьева. – Текст : электронный // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых : материалы 73-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых. – Петрозаводск, 2021. – С. 119-121. – URL: http://elibrary.petrsu.ru/books/56155 (дата обращения: 18.07.2025)

2. Гузикова М.О. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие] / М. О. Гузикова, П.Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 124 с.

3. Пискарев Д. П. Формирование стереотипов политического поведения молодежи: современный опыт и перспективы на будущее // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-stereotipov-politicheskogo-povedeniya-molodezhi-sovremennyy-opyt-i-perspektivy-na-buduschee (дата обращения: 01.09.2025).

4. Романов А. С. Этнический анекдот как средство отражения стереотипов об американских военнослужащих // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskiy-anekdot-kak-sredstvo-otrazheniya-stereotipov-ob-amerikanskih-voennosluzhaschih (дата обращения: 20.07.2025).

5. Фролова О.Н. Национально-культурная специфика стереотипа : на материале немецкого языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Фролова Ольга Николаевна; [Место защиты: Воен. ун-т]. - Москва, 2009. - 20 с.

6. Шмелева Б. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с. – (Studia philologica. Series minor).

7. Die Vorurteile über Franzosen URL: https://berlin-translate.de/kulturelle-unterschiede/die-vorurteile-ueber-franzosen/ (дата обращения: 21.06.2025).

8. Gängige Klischees über Franzosen URL: https://www.lutece-langue.com/de/blog/gaengige-klischees-ueber-franzosen/ (дата обращения: 21.06.2025).

9. Klischees Frankreich – was steckt dahinter? URL: https://www.mosalingua.com/de/klischees-frankreich/ (дата обращения: 21.06.2025).

10. Klischees über die franzosen: wie kann man zwischen wahr und falsch unterscheiden? URL: https://www.cia-france.de/blog/kultur-franzosisch-traditionen/klischees-uber-die-franzosen (дата обращения: 21.06.2025).

11. Vorurteilsafari: die 7 häufigsten Klischees über Frankreich URL: https://www.studieren-weltweit.de/frankreich-vorurteile-klischee-wein-kaese-baguette/ (дата обращения: 21.06.2025).

УДК 81

Построение и анализ лексико-семантического поля *Чувства*

Екатерина Михайловна Колесниченко[1], Елена Михайловна Цуканова[2]

[1] ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», аспирант кафедры английской филологии, Орел, Россия

[2] ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», к.ф.н., доцент, доцент кафедры немецкого языка Орел, Россия

Аннотация. В данной статье представлены результаты исследования, посвященного описанию структуры и состава лексико-семантического поля „Gefühle“ в рассказах современных писателей ФРГ, анализу функций входящих в его состав единиц и частотности их употребления. Исследование проведено на материалах рассказов Л. Тома с использованием идеографического словаря. Лексико-семантическое поле рассматривается как совокупность лексических единиц, связанных общим семантическим признаком, выражающим эмоциональную сферу человека. В структуре поля выделяются ядро, центр и периферия, охватывающие базовые и производные эмоции. В рамках макрополя „Gefühle“ выявлены микрополя, образуемые гипонимами: *Страх, Грусть, Злость, Радость* с соответствующими производными эмоциями. Полученные данные способствуют лучшему пониманию эмоционального сознания и психологического портрета современного немецкоговорящего общества.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, эмоции, микрополе, базовые эмоции, структура поля, лексические единицы, частотность употребления, языковая картина мира, психологический портрет.

Construction and analysis of the lexical-semantic field *Feelings*

Ekaterina M. Kolesnichenko[1], Elena M. Tsukanova[2]

[1] Oryol State University named after I.S. Turgenev, Postgraduate Student, the Chair of English Philology, Oryol, Russia

[2] Oryol State University named after I.S. Turgenev, Candidate of philological Sciences, Associate Professor, the Chair of German Language

Abstract. This article presents the results of a study dedicated to describing the structure and composition of the lexical-semantic field „Gefühle “ in the short stories of contemporary writers from Germany, analyzing the functions of its constituent units and the frequency of their usage. The research is based on the materials of L. Toma’s short stories using an ideographic dictionary. The lexicosemantic field is considered as a set of lexical units connected by a common semantic feature expressing the emotional sphere of a person. The field’s structure highlights the core, center, and periphery, encompassing basic and derived emotions. Within the macrofield „Gefühle“, microfields formed by hyponyms were identified: *Fear, Sadness, Anger Happiness*, with corresponding derived emotions. The obtained data contribute to a better

understanding of the emotional consciousness and psychological profile of contemporary German-speaking society.

Key Words: lexico-semantic field, feelings, microfield, basic emotions, field structure, lexical units, frequency of usage, linguistic worldview, psychological portrait.

В данной статье представлены результаты исследования, посвященного описанию структуры и состава лексико-семантического поля „Gefühle“ в рассказах современных писателей ФРГ, функций входящих в его состав единиц, анализу частотности употребления лексических единиц, входящих в состав выявленных в результате исследования микрополей, ядром которых являются базовые и производные эмоции.

Материалом исследования послужили рассказы современных писателей ФРГ Б. Браучек и Л. Тома. Для построения модели поля и выявления состава входящих в него единиц использовался идеографический словарь Ф. Дорнзайффа «Немецкий словарный состав по предметным группам» [5].

Стратегия анализа лексики с точки зрения теории поля охватывает множество научных концепций, представляющих собой весьма значительные варианты общей идеи – идеи семантической связи слов друг с другом в языке с непременным учетом человеческого фактора. Психолингвистические исследования показали, что в сознании человека реальные связи между предметами и явлениями действительности отражены как система связей и отношений. То есть, все слова, которые обозначают эти предметы и явления, также хранятся в памяти человека связанно, а значит, их можно представить как единство, некое поле, состоящее из сегментов, которые в свою очередь связаны с другими сегментами и соответственно с другими полями. Таким образом, семантическое поле – явление психологическое (логическое), находящее своё отражение в языке, изучение которого – это изучение языковой картины мира человека, внутреннего психического состояния языковой личности, ее эмоций как «устойчивых эмоциональных отношений человека к явлениям действительности, отражающих значение этих явлений в связи с его потребностями и мотивами, высший продукт развития эмоциональных процессов в общественных условиях» [3]. Сказанное выше обусловливает актуальность исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Примем за исходное, что лексико-семантическое поле – это «…совокупность лексических единиц, объединённых наличием общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля. Семантические поля характеризуются связью слов или их отдельных значений, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределяемостью лексических единиц, относительной автономностью полей, непрерывностью смыслового пространства, обозримостью и психологической реальностью для среднего носителя языка» [2, с. 380].

Основываясь на выводах Ю. Н. Караулова, «…структура лексико-семантического поля состоит из следующих частей: ядро, центр, периферия. Ядро поля представлено родовой семой – гиперсемой. Гиперсема поля – семантический компонент высшего порядка, организующий вокруг себя семантическое развёртывание поля. Центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное, общее с ядром значение. Периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра, общее родовое понятие здесь оттеснено в разряд потенциальной или вероятностной семантики. Периферийные единицы могут иметь контекстуальное значение, если поле строится по определённому тексту произведения. Обычно периферийные единицы поля могут вступать в контакт с другими семантическими полями, образуя лексико-семантическую непрерывность языковой системы» [1, с. 57].

Структура лексико-семантического поля „Gefühle“ на основе проанализированного нами фактологического материала, выглядит, на наш взгляд, так:

ядром поля, т.е. его гиперонимом будет являться родовое понятие „Gefühle“. В составе макрополя „Gefühle“ можно выделить несколько подвидов (гипонимов), образующих лексико-семантические микрополя, делящиеся, в свою очередь на:

– гипоним (ядро микрополя) «Страх» и микрополя «Паника», «Замешательство», «Недоверие», «Опасение», «Неловкость».

– гипоним (ядро микрополя) «Грусть» и микрополя «Сожаление», «Усталость», «Разочарование», «Несчастье», «Скука», «Одиночество», «Равнодушие», «Досада».

– гипоним (ядро микрополя) «Злость» и микрополе «Недовольство»

– гипоним (ядро микрополя) «Радость» и микрополя «Любовь», «Удовольствие».

Лексические единицы, называющие эмоции и чувства человека и лексические единицы, описывающие различные проявления эмоций и чувств человека образуют, по нашему мнению, центр поля, а лексические единицы, которые приобретают эмоциональную окраску в контексте – его периферию.

К микрополю «Грусть» можно отнести следующие лексические единицы: **„Traurig“** – состояние-результат эмоции: „*Wie traurig“* [7, S. 32]. „*Sie ist sehr, sehr traurig“* [7, S. 35]. *„* **Wehmütig“ –** состояние-результат эмоции: „*Wehmütig sehe ich aus dem Fenster“* [4, S. 8]. *„* **Missmutig“ –** состояние-результат эмоции: „*Ich räume den Tisch ab und gehe missmutig zurück ins Arbeitszimmer“* [4, S. 10].

Микрополе «Сожаление», входящее в состав микрополя «Грусть», характеризуется, например, такими лексическими единицами: **„Schade“ –** состояние-результат эмоции: „*Wie schade!“ denke ich“* [7, S. 48]. „**Tut mir leid“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Aber tut mir leid, nicht alles kann Abenteuer sein, es gibt auch Arbeit“* [6, S. 17]. **Leider –** состояние-результат эмоции: „*Mein Gott, das Leben eines Europapolitikers ist leider so“* [7, S. 22]. *„* **Mitleid“ –** объект, содержащие действие: „*Vor dem Café war es noch Schadenfreude, jetzt ist es Mitleid“* [7, S. 89]. „**Bemitleiden“ –** продолжительное действие: „*Sie bemitleidet mich“* [4, S. 11]. *„* **Bedauernd“ –** состояние-результат эмоции: „*Schade, sagen sie bedauernd und wünschen mir viel Erfolg*“ [4, S. 10].

Микрополе «Скука», также входящее в состав микрополя «Грусть», представлено, в частности, следующими лексическими единицами: **„Keine Lust haben“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Er hat keine Lust, über eine Stunde im Zug zu stehen“* [6, S. 50]. „**Langweilig sein“** – состояния, вызывающее эмоции: *Das war „doch total langweilig“* [6, S. 85]. *„* **Langweilen“ –** продолжительное действие: *„Bis mich auch dieses Spiel zu langweilen begann“* [6, S. 110].

Микрополе «Радость» представлено следующими лексическими единицами: **„Sich freuen“ –** продолжительное действие: „*Ich freue mich schon auf die leckere Pasta“* [7, S. 81]. *„* **Lust haben“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Wenn du Lust hast, kannst du ja mitkommen“* [6, S. 39]. „**Freude haben“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Ich glaube wieder an die Jugend und denke an meine Studentenzeit: diese Freude, diese Lebenslust, dieser Enthusiasmus“* [7, S. 21]. *„* **Glücklich“ –** состояние-результат эмоции: „*Müde, aber glücklich“* [7, S. 66]. „**Hurra“ –** результат эмоции: „*Heute hat er frei. Hurra“* [7, S. 42]! *„* **Toll“** – состояние, вызывающее эмоции: „*Aber das ist doch toll, einen Plan haben und ihn dann realisieren“* [7, S. 25]. „**Spaß machen“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Es macht Spaß“* [7, S. 32]. „**Gern“ –** состояние, вызывающее эмоции: „*Ich möchte gerne die großen Städte sehen“* [7, S. 25].

Микрополе «Страх» составляют, например, следующие лексические единицы: **„Angst haben“ –** активное продолжительное действие: „*Zu dumm aber auch, diese Scham und die Befürchtung, dass mir jemand meine Flugphobie anmerken“* [4, S. 8]. „**Erschrecken“ –** активное непродолжительное действие: „*Soll ich mich dann immer noch freuen, oder muss ich schon erschrecken“* [6, S. 7]. *„* **Frösteln“ –** действие-результат эмоции: „*Er schaute auf die Uhr und fröstelte“* [4, S. 7]. „**Zusammenzucken“** – действие-результат эмоции: „*Er*

zuckte leicht zusammen und sah zu der blonden Stewardess hoch, die vor ihm stand“ [4, S. 7]. „**Zittern** – действие-результат эмоции: *Seine Hände zitterten, als er versuchte, sie zu öffnen“* [4, S. 8].

Микрополе «Страх» включает также несколько микрополей. Микрополе «Нервозность», входящее в микрополе «Страх», можно проиллюстрировать следующими лексическими единицами: „**Nerven“ –** продолжительное действие: „*Die Kinder nerven heute, ich gehe mit ihnen auf den Spielplatz“* [7, S. 51]. „**Nervös machen“** – действие, вызывающее эмоции: „*Sie mag Schuhgeschäfte, ihn machen diese Läden nervös“* [7, S. 5]. „**Nervös“ –** состояние - результат эмоции: „*Dieser Stress an der Kasse, alle nervös und ungeduldig“* [7, S. 30].

К микрополю «Злость» относятся следующие лексические единицы: **„Verdammt“** – состояние-результат действия: *„Die Wohnung ist verdammt klein, das habe ich doch gesagt“* [7, S. 30]. „**Zum Kuckkuck“** – объект, выраженный устойчивым выражением: „*Warum zum Kuckuck sollte er sich an diesen verdammten Tag erinnern“* [7, S. 75]. „**Zum Teufel“** – объект, выраженный устойчивым выражением: „*Was zum Teufel ist hier los“* [6, S. 21]? *„***Idiot“ –** объект, выраженный существительным: „*Ich bin doch kein Idiot“* [7, S. 67]. *„***Ärgern sich“** – продолжительное действие: „*Tina würde natürlich wissen, was los war und ärgerte sich jetzt vielleicht, dass Hanna ihr nicht Bescheid gesagt hatte“* [6, S. 86]. *„***Ärger geben“** – действие, выраженное устойчивым выражением: „*Das würde Ärger geben, furchtbaren Ärger“* [6, S. 88].

Единицами микрополя «Недовольство», входящим в состав микрополя «злость», являются, например: „**Es geht nicht“** – действие, выраженное устойчивым выражением: So geht das nicht [7, S. 30]. „**Basta“** – объект, выраженный существительным: *„Definitiv. Basta“* [7, S. 31]. „**Die Nase voll haben“** – действие, выраженное устойчивым выражением: *So, basta, ich habe jetzt die Nase voll* [7, S. 52].

Итак, на основе проведенного нами анализа можно сделать следующие выводы: лексико-семантическое поле „Gefühle“ в проанализированных нами рассказах имеет следующую структуру: ядро – понятие „Gefühle“; в состав поля входят микрополя «грусть», «радость», «злость», «страх», которые, в свою очередь, состоят из микрополей. В зависимости от функций лексических единиц, входящих в состав микрополей их можно классифицировать следующим образом:

– действия (продолжительные / непродолжительные; действия – результат эмоции; действия, выраженные устойчивым выражением);

– состояния (состояния – результат эмоции; состояния, вызывающие эмоции);

– объекты (вызывающий эмоции; содержащий действие; выраженный устойчивым выражением).

В количественном плане соотношение лексических единиц выглядит следующим образом (данные представлены в порядке убывания): наиболее частотным являются лексические единицы, составляющие микрополе «Грусть» – 36% (от общего количества), далее следует микрополе «Радость» – 33%, следующим по количеству лексических единиц идет микрополе «Страх» – 22%, наименее частотными являются лексические единицы, составляющие микрополе «Злость» – 13%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители современного немецкого лингвокультурного сообщества чаще грустят или радуются, нежели боятся чего-либо или кого-либо, или злятся. Существует мнение, что эмоции, преобладающие в поведении человека, зависят от культуры, т.е. явление социальное. Можно предположить, что в современном немецком обществе «царят» эмоции достаточно «предсказуемые»: «грусть» как защитная реакция организма от потери чего-либо и «радость» как ощущение удовольствия от достижения цели.

Полученные в ходе исследования данные могут способствовать дальнейшему изучению менталитета представителей современного немецкого лингвокультурного сообщества и составлению их психологического портрета.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57.
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
3. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь – М., СПб.: АСТ, АСТ-Москва, Прайм-Еврознак. 2008. 633 с.): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elkniga.ru/static/booksample/00/19/15/00191530.bin.dir/00191530.pdf
4. Braucek B. Der Passagier und andere Geschichten. München: Hueber Verlag. 2009. 34 S.
5. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. 8. Auflage. Berl., N. Y.: W. de Gruyter, 2004. 933 s. 7. Wortschatz Universität Leipzig.
6. Thoma L. Die Blaumacherin. München: Hueber Verlag. 2003. 111 S.
7. Thoma L. Das Idealpaar. München: Hueber Verlag. 2007. 95 S.

УДК 811.133.1

О наиболее распространенных молодежных арготических лексемах в современном онлайн-пространстве

Ольга Алексеевна Кузьмина
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры романской филологии, кандидат филологических наук, Phd, Орел, Россия, frkuzmina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются топ-10 арготических лексем, активно используемых французскими подростками в настоящее время, зафиксированных поисковой системой по количеству запросов. Лексемы верифицируются по арготическим спискам и словарям, обозначаются словообразовательные механизмы и источники заимствования.

Ключевые слова: французское молодежное арго, арготизм, заимствование, словообразовательный механизм

About the most common youth argot lexemes in the modern online space

Olga A. Kuzmina
Orel State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor of the Romance Philology Department, candidate of Philology, PhD in Philology, Orel, Russia, frkuzmina@mail.ru

Abstract. The article analyzes the top 10 argot lexemes currently used by French teenagers, as recorded by the search engine based on the number of queries. Lexemes are

verified according to argot lists and dictionaries, and word-formation mechanisms and sources of borrowing are indicated.

Keywords: french youth argot, argotism, borrowings, word-formation mechanisms

Функционирование французского молодежного арго на любом витке своего развития вызывает живой интерес у отечественных и зарубежных исследователей. Под французским молодежным арго мы понимаем «комплекс арготических единиц, используемый представителями обозначенной референтной группы в качестве маркеров социальной ситуации и транслирующий интенции говорящего» [Кузьмина 2024, с.12]. Появляясь в речи подростков и молодых людей, многие арготизмы быстро становятся известными за пределами референтной группы и спустя некоторое время фиксируются сначала в арготографических списках, глоссариях, а затем могут оказаться на страницах серьезных лексикографических изданий.

Проанализировав молодежный неконвенциональный вокабуляр, зарегистрированный в авторитетных источниках в период с 2010 по 2020 год и отраженный в авторском глоссарии, насчитывающем 2060 лексических единиц, нам представляется крайне интересным рассмотреть лексемы, которые активно употребляются подростками в 2024-2025 гг. Необходимо отметить, что в настоящее время молодежное арго, которое подростки используют в ежедневном общении в социальных сетях, эволюционирует гораздо быстрее, чем это было 10-15 лет назад.

Для проведения исследования мы обратились на сайт французской онлайн-школы Les Sherpas, в которой преподают около трех тысяч преподавателей, проводящих уроки в дистанционном и офлайн-формате для учеников разных уровней: от коллежа до подготовки к вступительным экзаменам в Высшие школы. Школа основана в 2017 г. на платформе Session F, крупнейшем в мире стартап-кампусе, двумя молодыми выпускниками бизнес-школы. Кроме сайта Les Sherpas имеет Youtube-канал, а также блог с сотнями тысяч подписчиков и несколькими миллионами (по оценке на 2025 г.) читателей в месяц, на котором собрана полезная информация, включающая научные статьи, методические советы, тесты для учеников. В начале 2025 г. программисты Les Sherpas опубликовали глоссарий слов и выражений, наиболее активно используемых подростками, а также зафиксировали количество поисковых запросов в Гугл по значениям этих слов. Представим десять самых популярных слов и выражений.

1. *Seum* (5070 поисковых запросов в месяц, 53900 хештегов) от арабского *sèmm* “яд”, “злоба”, используется для выражения чувства гнева и ярости, отвращения. Отметим, что лексема активно употребляется и в период с 2010 по 2020 гг., так как была зафиксирована в шести лексикографических изданиях в двух значениях: 1) ненависть, отвращение; 2) марихуана хорошего качества [Goudaillier 2019, Mongaillard 2013, Ribeiro 2014, Tengour 2013, Valliet 2018, Vincenti 2017].

2. *Slay* (3900 запросов, более 4,8 миллионов хештегов) заимствовано из английского языка и используется в качестве синонима выражений *c’est mortel !* “великолепно”, “классно” [Ретинская 2005, с. 32] и *ça déchire* “отпад”. В предыдущем синхроническом срезе молодежного арго эта лексема не фиксировалась. Французские подростки спрягают данный неологизм по лицам, не меняя при этом орфографию и фонетику: *je slay*, *tu slay*, *il slay*… .

3. *Miskine* (3560 запросов) является заимствованием из арабских языков и означает “бедный”, “жалкий” с оттенком насмешки над человеком. Эта лексема активно используется уже более десяти лет: зафиксирована в арготических словарных работах 2013, 2014, 2018 гг. Нам встречалось следующее интересное замечание: слово появилось в XII веке из арабского и обозначало человека с низким достатком. Затем оно полностью исчезло в XVI веке, чтобы вновь появиться в следующем столетии через испанский язык

и впоследствии обрести свое нынешнее значение. Необходимо отметить, что во французском общенациональном фонде лексема *mesquin* отмечается с XIX века и, возможно, сегодняшний вариант написания лишь деформация давно известного слова, а первое официальное упоминание датируется 1690 годом [Furetière, 1690].

4. *OKLM* (3120 запросов, 54900 хештегов) – популярный акроним, образованный от выражения *au calme* “спокойно”. Данный пример иронической аббревиации присутствует в авторском глоссарии молодежных арготизмов второго десятилетия XX века.

5. *Askip* (2680 запросов) образуется путем сокращения фразы *à ce qu’il paraît* и означает “насколько мне известно”, “как мне кажется”. Прочно закрепившись в вокабуляре французов, это выражение является названием популярного французского телесериала, вышедшего в 2020 г., в котором продемонстрирована жизнь подростков со всеми их проблемами. Впервые зафиксирована в 2015 году в арготических списках, опубликованных на сайте *lecurionaute.fr.*

6. *Pécho* (1260 поисковых запросов) означает “флиртовать”, “соблазнять”, а также “заполучить что-либо” и даже “застать на месте преступления”. Верланизированная форма арготизма *chopper* “своровать” фиксируется в арготических списках, начиная с 1987 года. Исходная и верланизированная формы впервые встречаются в работе Ж. Бенсимон-Шукрун 1988 года. [Ретинская 2009, с. 112]. С тех пор лексема не теряет актуальности.

7. *Mood* (1060 поисковых запросов, 17,4 миллионов хештегов) – английское заимствование используется подростками в значении “настроение”.

8. *Bader* (1050 поисковых запросов, 25 000 хештегов) означает “расслабиться”, а еще “застыть, разинув рот (от восторга, от удивления)”. Заимствованное из английского языка прилагательное *bad* “плохой” посредством прибавления французского окончания *-er* преобразовалось в глагол первой группы и в период с 2010 по 2020 гг. использовалось в значении “волноваться” [Ribeiro 2014, Tengour 2013, Valliet 2018].

9. *Chokbar* (1120 поисковых запросов) “шокирован” служит для выражения сильного удивления. Лексема еще не зарегистрирована французскими арготологами. Можно предположить, что в ней реализуется людическая функция арготического вокабуляра, так как формирование лексической единицы происходит путем прибавления паразитарного суффикса *bar.*

10. *C’est carré* (140 поисковых запросов) буквально “это квадратное”, появившееся в начале 2010 г., стало популярно благодаря французскому рэпу (например, в текстах исполнителей Ninho 2018 г., Sneazzy 2020 г. и др). Выражение означает “само собой разумеющееся”, но чаще переводится как “отлично”, “мне подходит”. Квадратное – то есть правильной формы, с прямыми углами и равными сторонами, очевидно, что это высказывание можно рассматривать в качестве примера метафорического переноса. Активно используется не только молодежью, но и более старшим поколением. На сайте именитого французского словаря *Le Robert* опубликована статья лексикографа, директора редакции издательства *Éditions Le Robert*, с подробным описанием этимологии выражения и с информацией о включении данной лексемы в издание 2026 года [Moinard 2025].

Из десяти представленных выше арготизмов большая часть (6 лексических единиц) уже активно использовались в предыдущее десятилетие, а две из них известны с конца XX века. Из четырех, ранее не отмеченных в словарных работах, арготизмов два (*slay*, *mood*) являются заимствованием из английского языка, одно выражение (*c’est carré*) – пример метафоры и одно (*chokbar*) мы рассматриваем как пример паразитарной суффиксации. В новом списке не обнаруживаются верланизмы, которые активно были представлены в предыдущем синхроническом срезе, что вызывает вопрос, действительно

ли этот словообразовательный механизм утратил свою актуальность или такая небольшая выборка не позволяет делать достоверные выводы. В предстоящих исследованиях обратимся к большему числу арготизмов, чтобы дать более точную оценку неконвенционального вокабуляра представителей французской молодежи с точки зрения семантики, синонимики и словообразования.

Список литературы

1. Кузьмина О.А. Полиаспектный анализ французского молодежного арго (на материале новейшего синхронического среза): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Москва, 2024. – 25 с.

2. Ретинская Т. И. Арго французской учащейся молодежи. – Орел: ОГУ, 2005. – 104 с.

3. Ретинская Т. И. Словарь арго французской учащейся молодежи. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

4. Furetière A. Dictionnaire Universel, contenant generalement tous les mots françois tant vieux que modernes et les termes des sciences et des arts. – La Haye et Rotterdam: Arnoud et Reinier Leers, 1690. – 828 p.

5. Goudaillier J.-P. Comment tu thatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. – P. : Hémisphères Éditions, 2019. – 304 p.

6. Mongaillard V. Le petit livre de la tchatche. Décodeur de l'argot des cités. P. : Éditions First-Gründ, 2013. – 165 p.

7. Ribeiro S. Dictionnaire Ados Français. – P. : Éditions First. – 2014. – 399 p.

8. Tengour A. Tout l'argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2600 définitions. – P. : Les Éditions de l'Opportun, 2013. – 732 p.

9. Valliet B. Lexique ta mère. – Belgique : Fortuna. – 2018. – 127 p.

10. Vincenti A. Les mots du bitume. De Rabelais aux rappeurs, petit dictionnaire de la langue de la rue. – P. : Le Robert, 2017. – 221 p.

11. Moinard G. Droles d'expressions. URL: https://dictionnaire.lerobert.com (дата обращения: 29.09.2025).

Сведения об авторе:

Кузьмина Ольга Алексеевна; кандидат филологических наук, Phd, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; frkuzmina@mail.ru ; +79102082366.

Kuzmina Olga Alexeevna; Candidate of Philology, Phd, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302026, Russian Federation; frkuzmina@mail.ru ; +79102082366.

УДК 82-1

Символизм цветописи в прозе К.Г. Паустовского

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, доктор филологических наук, доцент, Орел, Россия

Аннотация. В статье исследуется колористика произведений К.Г. Паустовского. Предметом исследования выступают цвето- и светономинации пейзажного дискурса писателя, которому присущи цветовой минимализм и актуальная цветовая палитра. Особое внимание уделяется использованию тропов для усиления художественной выразительности колоративной лексики, отмечается ее контрастность и амбивалентность, указывается на неразрывную связь цветописи и светописи при порождении цветовых образов.

Ключевые слова: пейзажный дискурс, колористика, колоративная лексика, цветономинация/цветонаименование, светономинация.

Symbolism of Colour Representation in K.G. Paustovsky's Prose

Elena M. Martynova
Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor, Oryol, Russia

Abstract. The article touches upon colour representation of the novels written by K.G. Paustovsky. The subject of the study is the colour and light nominations of the writer's landscape discourse, which is characterized by colour minimalism and the use of an actual colour range. Special attention is paid to the use of tropes to enhance the artistic expressiveness of colorative vocabulary, contrast and ambivalence of colour representations, the inseparable connection of light and colour

Keywords: landscape discourse, colour representation, colour language, colour nomination, light nomination.

Советский писатель Константин Георгиевич Паустовский главную свою задачу видел в том, чтобы запечатлеть современность, нарисовать живые картины действительности, чтобы читатель через текст его произведений мог проникнуть в контекст эпохи, в которую он жил и творил. Паустовский мастерски работал в жанре своеобразного романтического портрета и, конечно, был замечательным художником, знатоком родной природы.

В повести «Кара-Бугаз» К.Г. Паустовский указывает на неодинаковость восприятия явлений природы в разные эпохи, его зависимость от профессии и социального статуса автора. Герой сравнивает свое видение Кара-Бугазского залива с представлениями лейтенанта Жеребцова: в глазах современника этот природный феномен теряет свою таинственность [Паустовский 1981, с. 396].

В фокусе нашего исследования находится пейзажный дискурс писателя, его цветопись и светопись. Актуальность выбранной темы определяется возросшим интересом к роли цветообозначений в конструировании и перцепции литературных произведений, а также недостаточной изученностью цветового мировосприятия К.Г. Паустовского.

Пейзажу К.Г. Паустовского свойственна сенсорная мультимодальность. Роман «Блистающие облака» открывается многослойным видом (пример 1), в котором переплетены визуальные образы: *дощатые крыши, стеклянные звезды, огородные грядки*, *облака,* цветообозначение *розовый*, светономинация *блистали*; дескриптор аудиальной модальности *шумно*; тактильный термознак *ледяная*; ольфакторные маркеры *пахло гарью и старым вином*; густаторный ингредиент *горькая*.

(1) Стояла ледяная и горькая осень. По ночам ветер шумно тряс над дощатыми крышами гроздьями стеклянных звезд. Огородные грядки были посыпаны крупной

солью мороза. Пахло гарью и старым вином. А в полдень над горизонтом розовым мрамором блистали облака [Паустовский 1981, с. 204].

Неотъемлемым элементом визуальной модальности служит цветовое восприятие окружающей действительности. Систематизируя результаты многочисленных исследований, О.В. Седова констатирует: художник осознанно выбирает цвета для выражения своих мыслей, чувств, воплощая в цветообразах свое миропонимание [Седова 2006, с. 5]. И.Е. Цегельник также обращает внимание на немаловажность анализа цветописи и светописи в конструировании полноаспектного представления об авторской картине мира литератора [Цегельник 2007, с. 3].

Колористическая картина мира писателя не только отражает цветовое мировосприятие последнего, но и помогает расставить идейные и философские акценты, передать настроение персонажей, содействует генерированию общей атмосферы произведения.

Лингвистика цвета – активно развивающаяся наука. Свидетельство тому – многочисленные исследования, посвященные изучению поэтики цвета, и многообразная, временами синонимичная терминология. Например, в диссертациях Е.А. Рыбальченко [Рыбальченко 2011], И.Е. Цегельник [Цегельник 2007] ключевым термином является колоратив, в работе Н.В. Коптевой – колоризм [Коптева 2005]. Цветообраз, цветолексема, цветоупотребление, цветонаименование, цветовидение – вот далеко не полный список употребляемых авторами неологизмов.

Описывая окружающий мир, К.Г. Паустовский-художник использует простую и строгую палитру: белый, синий, зеленый, желтый, черный, серый, красный, коричневый цвета и их основные оттенки. Автор нередко проводит параллели с живописными полотнами (пример 2), используя элементы экфрасиса.

(2) Горизонт лежал в кирпичной мгле. Свет стал желтым. Такие ландшафты Невская видела на выцветших от столетий картинах старых мастеров [Паустовский 1981, с. 533].

Пестрота открывающегося вида сочетается в цветописи писателя с монохромностью изображения. В романе «Романтики» морской пейзаж при входе в Босфор (пример 3) так же многоцветен, как и сухопутный (пример 4).

(3) Десятки пестрых, как попугаи, фелюг – карминных, желтых, зеленых, белых, синих и черных с золотыми обводами по бортам – шли, пеня воду, навстречу нашему теплоходу [Паустовский 1981, с. 44].

(4) Все состояло из красок, – ночь нависла кущами черной сирени, мигали белые зарницы, ртутные капли дождя падали с листьев… [Паустовский 1981, с. 253].

В романе «Блистающие облака» монохромность пейзажной зарисовки, намеренное повторение цветономинации *лиловый* (пример 5), усиливает цветовой эффект. Автор неоднократно обращается к лиловому цвету. Лиловыми в его цветовидении предстают темнота, море, глаза осени, цветы.

(5) Стояла уже лиловая южная осень. Листья платанов не желтели, а лиловели, лиловый дым курился над морем и горами. В лавочках продавали черно-лиловый виноград «изабелла» [Паустовский 1981, с. 336].

В повести «Кара-Бугаз» полностью серым цветом выписан образ геолога Карелина. Серые краски в колористическом воплощении Кара-Бугазского залива выступают символом безжизненности, монотонности, смерти. Помимо серого цвета, в первой части произведения преобладает еще один ахроматический цвет – черный. Поле черного цвета представлено лексемами *черный*, *чернеть*, *«черни»*. Кроме того, автор указывает на цвет, не называя его: *разведенная на саже, проведенная тушью*. Лексема *черный* используется в переносном значении – *черное имя* – для указания на предательство человека, его носящего.

Функции цветонаименований в нарративе К.Г. Паустовского расширяются до обозначения важных для индивида абстрактных явлений. Так, именно белая ночь раскрывает перед писателем тайны русской поэзии [Паустовский 1981, с. 47]; воспоминания обретают цветовые ассоциации (пример 6).

(6) Прошлое вспыхнуло в памяти капитана. Оно было окрашено в три цвета: синий, белый и коричневый. Это был океан, паруса и белые корабли, коричневые люди и плоды [Паустовский 1981, с. 345].

К.Г. Паустовскому интересно не только фотографическое цветовое отражение видимого ландшафта, но и динамические изменения цветовой гаммы, ее метаморфозы. Писатель отмечает переходы цвета *от свинцового зимнего горизонта к нагромождениям домов и желтому морю* [Паустовский 1981, с. 94]; цвет мглы на горизонте трансформируется *из красного в черный* [Паустовский 1981, с. 534].

В пейзажном дискурсе К.Г. Паустовского цвет приобретает положительную или отрицательную коннотацию. Палитра синего цвета используется при создании цветообразов явлений природы (моря, неба, ночи и т.д.) и несет в себе положительный заряд. Море и небо – зеркальные отражения друг друга – в хорошую погоду окрашены в яркие синие тона. Цветовое решение морских пейзажей передает бесконечную любовь автора к водной и воздушной стихиям: море разгорается *синим пуншем* [Паустовский 1981, с. 72]; вспыхивает в глазах *синими зеркалами* [Паустовский 1981, с. 285]; день напоминает *хрустальный стакан, налитый синей водой* [Паустовский 1981, с. 194]. В примере (6) синий и зеленый цвета связываются в представлении автора с грядущим счастьем.

(6) Поезд нес запыленные вагоны к синему утру, прибоям, к воде, зеленой, как спелый виноград. Я почему-то поверил, что этим зрелым, блистающим летом меня ждет незаслуженное счастье [Паустовский 1981, с. 137].

В главе «Черный остров» повести «Кара-Бугаз» черный цвет отождествляется с тяжелой судьбой заключенных, оставленных умирать на удаленном куске суши без воды и питья. Отрицательная коннотация проявляется и в изображении залива, который получил название «черная пасть» из-за того, что «наподобие пасти беспрерывно сосет воды моря» [Паустовский 1981, с. 394]. Во второй части произведения, которая посвящена разработке «белого золота» – глауберовой соли, превалируют розовый и белый цвета. Горы из розового мела напоминают писателю «обнаженный человеческий мозг» [Паустовский 1981, с. 466]. Развитие сюжетной линии сопровождается колористическими тропами. В поле белого цвета выявлены многочисленные сравнения — *как соль, как мел, как бы слеплены из снега.* Метафора встречается при описании покрашенных мелом домиков на Бухарской стороне. Автору они видятся *стаей белых птиц*. Белый – это цвет главного сокровища Кара-Бугаза – сульфата. Его значимость для государства трудно переоценить, поэтому один из основных цветов повести имеет исключительно положительную коннотацию.

Колористическое полотно повести «Кара-Бугаз» построено на контрастах. В письме лейтенанта Жеребцова черная пасть Кара-Бугазского залива противопоставляется зеленой траве, которая воспринимается как чудо. Серый цвет залива, который отождествляется с однообразием и небытием, резко контрастирует с синим морем. Молодой лейтенант Жеребцов пытается уберечь свою белоснежную рубаху от вездесущей коричневой пыли. Густой загар, въевшийся в кожу старика Жеребцова, особенно заметен на фоне седины и бледной осени. Полярность просматривается в использовании цветообозначений *серый* по отношению к московскому дню и *белый* — к ослепительно белому дню в пустыне. Амбивалентность отмечается в использовании одного и того же цвета. Так, в главе «Черный остров» желтый — это цвет болезни и истощения, в конце же произведения речь идет о каспийских пароходах, которые, по

мнению девушки-химички, «удачно выкрашены в желтый цвет» [Паустовский 1981, с. 496].

Один из летних пейзажей романа «Блистающие облака» основывается не просто на контрасте, а на противоборстве белого и синего цвета, в котором победа остается за последним (пример 7).

(7) Белым и синим горела земля. Белые автобусы, дороги, пески и ресницы сметал световой вихрь синего зноя, волн и синеющих от баклажанов фруктовых лавок [Паустовский 1981, с. 256].

В цветописи автора встречаются сложные цветообозначения: прилагательное *плакатно-желтые* (берега) [Паустовский 1981, с. 450] содержит в себе сравнение; *иссиня-древний* (туман) сочетает в себе обозначение цвета и отнесение к давним временам [Паустовский 1981, с. 252]. Необходимо также отметить частотность употребления прилагательных с суффиксом *-оват*, который обозначает смягчение признака (*красноватый, голубоватый, розоватый* и др.), что фиксирует внимание К.Г. Паустовского к деталям.

Колоративы используются автором как самостоятельно, так и в сочетании со светонаименованиями, при этом они дополняют и усиливают друг друга (пример 8).

(8) Розовые стены монастыря светили теплым огнем на Пушкина, озлащали молодые липы [Паустовский 1981, с. 120].

Светономинации подразделяются на две группы: 1) лексемы, имеющие в своем значении сему «много света» — *сверкать, светить(-ся), гореть, пылать, переливаться, поблескивать, блеск, сияние, зарево, (мощное) блистание, ослепительный, светящийся* и 2) лексемы, обозначающие недостаток света или его отсутствие — *отблеск, бледный (горизонт, осень), блеклая (голубизна), тусклая (вода), смутный (свет), слюдяное (солнце), неясные (звезды), (глухая) тьма*.

Свет, источаемый реалиями действительности, получает следующие сравнения и метафоры: *световой океан, светоносная крупа, стеклянная зыбь, купина неяркого света*, *хрустальная постель; фотоаппараты, которые «хватил солнечный удар»* и др.

Цветопись и светопись выполняют в художественном произведении прежде всего эстетическую, эмоционально-экспрессивную и символическую функции, а также нередко играют в нем концептуальную роль. Колористический узор произведений К.Г. Паустовского не воспринимается как фон, потому что цвет является активным действующим лицом. Выявленный цветовой минимализм указывает на значимость цвета в описании фигурирующих в авторском дискурсе ландшафтов и трансляции их духа. Для К.Г. Паустовского характерна строгость и тщательность в выборе цвета. Писатель использует реальную цветовую гамму, что позволяет читателю получить актуальный образ изображаемых локаций.

Список литературы

1. Коптева Н.В. Функционирование колоризмов в художественном тексте как результат взаимодействия лингвокультурного и креативного факторов (на материале творчества русских писателей XIX-XX вв.): автореферат дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 26 с.

2. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1. 623 с.

3. Рыбальченко Е.А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 20 с.

4. Седова О.В. Поэтика цвета в прозе Е.И. Замятина: автореферат дис. … канд. филол. наук. Елец, 2006. 21 с.

5. Цегельник И.Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: автореферат дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 22 с.

УДК 811.111

Языковая актуализация модусов перцепции при репрезентации концепта SEA в романе Айрис Мердок “The Sea, The Sea”

Татьяна Ивановна Петухова[1], Маргарита Сергеевна Карасева[2]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия, t.petuhova@spbu.ru

[2] Санкт-Петербургский государственный университет, студентка 4 курса филологического факультета, Санкт-Петербург, Россия, st109874@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация концепта *SEA* в романе Айрис Мердок *“The Sea, The Sea”* через призму языковой актуализации различных модусов перцепции: зрительного, слухового, тактильного, кинестетического и ольфакторного. Показано, что каждый из модусов выполняет не только описательную, но и эмотивно-символическую функцию, отражая психологическое состояние персонажа и транслируя авторский замысел.

Ключевые слова: художественный концепт, модус перцепции, лингвосенсорика, Айрис Мердок, роман *The Sea, The Sea*

The linguistic actualization of perception modes in the representation of the concept SEA in Iris Murdoch’s novel “The Sea, The Sea”

Tatiana I. Petukhova[1], Margarita S. Karaseva[2]

[1] St. Petersburg State University, Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia, t.petuhova@spbu.ru

[2] St. Petersburg State University, 4rd year student of the Faculty of Philology, St. Petersburg, Russia, st109874@student.spbu.ru

Abstract. The article examines the representation of the concept *SEA* in Iris Murdoch’s novel *“The Sea, The Sea”* through the linguistic actualization of various perception modes: visual, auditory, tactile, kinesthetic, and olfactory. It is shown that each mode performs not only a descriptive but also an emotive and symbolic function, reflecting the psychological state of the character and transmitting the author’s intention.

Keywords: literary concept, perception mode, linguistic sensory analysis, Iris Murdoch, novel *The Sea, The Sea*.

Проблема исследования концептуальных характеристик художественного текста занимает важное место в современной лингвистике. Ученые рассматривают художественный концепт в аспекте проявления индивидуального сознания, анализируют трансформации концепта в художественной картине мира, исследуют роль художественного концепта в формировании эстетики прозаического и поэтического произведения и многие другие вопросы [Гончарова, Карасик, Кононова и др. 2022]. По мнению Н. В. Красовской, художественный концепт выступает как «сверхтекстовое» образование, актуализирующееся в широком интертекстуальном контексте [Красовская 2009, с. 22].

Особый интерес представляет изучение способов языковой актуализации перцептивных модусов, поскольку они отражают как сенсорный опыт, так и

эмоционально-психологическое состояние персонажей. Язык рассматривается как «окно в мир ощущений» [Majid, Levinson 2011, с. 7]. Исследование перцепции в различных типах дискурса в настоящее время проводится в рамках такого междисциплинарного направления как лингвосенсорика [Харченко 2023, Нагорная 2017]. В качестве ключевого термина для обозначения области лингвистики, в фокусе внимания которой находится язык перцепции, Л.Б. Крюкова использует понятие «перцептивная лингвистика» [Крюкова 2019].

В романе Айрис Мердок *"The Sea, The Sea"* концепт *SEA* является центральным и многомерным: он объединяет природное, философское и личностное измерения. Через описание моря автор не только создает эстетический образ, но и репрезентирует внутренний мир героя Чарльза Арроби. Целью данной статьи является выявление средств языковой репрезентации модусов перцепции концепта *SEA* и определении их роли в формировании художественного смысла произведения.

Рассмотрим последовательно репрезентацию в романе различных перцептивных модусов - зрительного, слухового, тактильного, кинестетического и ольфакторного. Перцептивной доминантой в романе Айрис Мердок *"The Sea, The Sea"* является зрительный модус. Посредством его языковой актуализации формируются яркие и насыщенные по цвету и форме описания моря, отражающие эстетическое и философское восприятие героя. Рассмотрим пример:

"The sea which lies before me as I write glows rather than sparkles in the bland May sunshine… Near to the horizon it is a luxurious purple, spotted with regular lines of emerald green. At the horizon it is indigo." [Murdoch 1980, p. 14].

В данном фрагменте художественного текста визуальная перцепция актуализируется через описание цвета (*purple, emerald green, indigo*) и света (*glows rather than sparkles*), тем самым создается эффект яркой по цветовой гамме и сияющей поверхности. Личные местоимения *I, me* выступают в роли эгоцентрических маркеров, которые служат средствами репрезентации индивидуального восприятия моря героем повествования, а прилагательное с оценочной семантикой *luxurious* транслирует испытываемое им при восприятии эстетическое удовольствие.

Значимую роль в репрезентации моря, воспринимаемого персонажем через зрительный канал перцепции, играет метафора:

"…and the sea has a misleadingly docile silvered look, as if the substantial wavelets were determined to stroke the rocks as hard as they could without showing any trace of foam" [Murdoch 1980, p. 51].

Использование стилистического приема метафоризации (*a misleadingly docile silvered look*) позволяет автору создать иллюзию спокойствия, но вместе с тем передать скрытую силу водной стихии.

Слуховые образы в романе также находят разнообразную репрезентацию и варьируются от величественных до тревожных:

"…the sea has actually composed an arched bridge of rock under which it roars into a deep open steep-sided enclosure beyond. It affords me a curious pleasure to stand upon this bridge..." [Murdoch 1980, p. 23].

В данном текстовом фрагменте использование глагола *roar* позволяет подчеркнуть мощь моря, а сочетание *curious pleasure* передаёт амбивалентное по характеру восприятие — море одновременно вдохновляет и пугает героя.

При языковой актуализации слухового модуса перцепции также важную роль играет метафора, которая при описании создаваемого морем шума (*"the waves slapped the rocks")*, усиливает ощущение агрессивности стихии. Таким образом, слуховой модус фиксирует внутреннее напряжение героя, отражает трансформацию его психологического состояния, передает различные эмоциональные ощущения.

Тактильные ощущения в романе раскрываются через соприкосновение героя с объектами морского пейзажа:

"The yellow rocks, which look so smooth from a distance, have a rough scratchy surface, as if they were closely covered over with millions of tiny sharp broken-off limpet shells" [Murdoch 1980, p. 51].

В данном фрагменте текста противопоставляются зрительное и осязательное восприятие: гладкая, как кажется издалека, поверхность обрамляющих море скал оказывается шершавой и царапающей (*rough scratchy*), вызывающей неприятные телесные ассоциации. Сравнение с обломками раковин (*millions of tiny sharp broken-off limpet shells*) усиливает представление об опасности контакта.

Кинестетическая перцепция передаёт динамику движения тела героя в водной стихии:

"The gentle waves teased me, lifting me up towards the rock face, then plucking me away. My fingers, questing for a crevice, were again and again pulled off" [Murdoch 1980, p. 16].

Личные и неличные формы акциональных глаголов (*tease, lift, pluck, pull*), в контексте их использования с соматизмами (*fingers*) создают образ постоянного сопротивления героя стихии. Взаимодействие тела и моря описывается как напряжённое и ритмичное, символизируя одновременно борьбу и игру с природой.

Ольфакторная перцепция в романе представлена ограниченно, но и она играет определенную роль в создании сенсорной насыщенности образа моря. Так, например, в одном из эпизодов запах передаётся через описание водорослей:

"Below the tide line they are festooned with growths of glistening blistery dark brown seaweed which has a rather unpleasant smell." [Murdoch 1980, p. 16].

В данном текстовом фрагменте обонятельная характеристика (*a rather unpleasant smell*) в сочетании с деталями внешнего вида (*blistery, glistening*) подчёркивает неоднозначность эстетического восприятия природы героем.

В другом фрагменте автор обращается к запахам прибрежных растений: *"The campion has a very strong sweet smell."* [Murdoch 1980, p. 55].

Здесь прямое указание на запах сопровождается эпитетом *very strong sweet*, что усиливает впечатление насыщенности и эмоциональной окрашенности восприятия природы.

Особое значение имеет эпизод с описанием интерьера дома героя:

"There was a salty smell. Is it conceivable that the sea could be rising up through a hidden channel under the house?" [Murdoch 1980, p. 21].

В данном фрагменте текста актуализация ольфакторного перцептивного модуса становится маркером нарушения границ между внутренним и внешним пространством, символизируя тревогу и чувство угрозы, которые испытывает главный герой. Анализ показывает, что запахи в романе выполняют не просто описательную, но и символическую функцию: они маркируют эмоциональное состояние персонажа, подчеркивают амбивалентность восприятия моря и превращают обонятельный модус в значимый инструмент художественной репрезентации концепта *SEA*.

Таким образом, концепт *SEA* в романе Айрис Мердок репрезентируется через комплекс перцептивных модусов, каждый из которых выполняет эмотивную, эстетическую и символическую функцию. Модусы перцепции, получая языковую актуализацию в тексте произведения, обеспечивают многослойность художественного образа моря, превращая его в доминантный концепт произведения и инструмент реализации авторской интенции.

Список литературы

1. Гончарова Е.А., Карасик В.И., Кононова И.В. [и др.]. Художественный текст: формулы смысла / коллективная монография. Москва: ФЛИНТА, 2022. 296 стр.
2. Красовская Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2009. С. 21-25.
3. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47-54.
4. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М.: ИНИОН РАН, 2017. 86 стр.
5. Тарасова И. А. Лингвосенсорика: перцептивный опыт в языке и тексте. СПб.: СПбГУ, 2003.
6. *Харченко В.К.* Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2023. 216 стр.
7. Majid A., Levinson S. The Senses in Language and Culture // The Senses and Society. Vol. 6. Issue 1. 2011. P. 5-12.
8. Murdoch I. The Sea, The Sea. London: Vintage, 1980. 502 p.

Сведения об авторах:

Петухова Татьяна Ивановна; кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб. д. 7-9-11. t.petuhova@spbu.ru

Карасева Маргарита Сергеевна; студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб. д. 7-9-11. st109874@student.spbu.ru

Petukhova Tatiana Ivanovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, University emb., 7-9-11, Russian Federation. t.petuhova@spbu.ru

Karaseva Margarita Sergeevna, 4-year student, Saint Petersburg State University, University emb., 7-9-11, Russian Federation. st109874@student.spbu.ru

УДК 811.111

Аффиксальная система квебекского варианта французского языка: инновационность и консервативность

Лина Васильевна Разумова

Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры европейских языков, доктор филологических наук, Москва, Россия, lina.razumova@mail.ru

Аннотация. Словообразование квебекского варианта французского представляет большой интерес ввиду его чрезвычайного богатства и разнообразия. В отечественной романистике данный вопрос получил лишь частичное. Практически не затрагивался вопрос определения продуктивности словообразовательных моделей в квебекском французском. Не получил освящения и вопрос влияния английского языка на

словообразовательную систему квебекского варианта французского языка. Некоторые из этих вопросов будут затронуты в настоящей статье.

Ключевые слова: аффиксальная система языка, словообразовательная модель, инновационность/консервативность

Affixal system of the Quebec French: innovation and conservatism

Lina V. Razumova

Russian State University for the Humaities, Professor of the Department of European Languages, Doctor of Sciences, Moscow, Russia, lina.razumova@mail.ru

Abstract. The word formation of the Quebec French is of great interest due to its extreme richness and diversity. In Russian novelistics, this issue has received only partial attention. The issue of determining the productivity of word-formation models in Quebec French was practically not addressed. The question of the influence of the English language on the word-formation system of the Quebec version of the French language has not been sanctified either. Some of these issues will be discussed in this article.

Keywords*:* affixal language system, word-formation model, innovativeness/ conservativeness.

Аффиксальное словообразование выступает одним из ведущих способов пополнения лексического состава любого языка, в котором имеются аффиксы [Степанов, 1975, с. 151]. Это имеет непосредственное отношение и к французскому языку, в котором аффиксация является ведущим способом словообразования на протяжении всей истории его развития [Катагощина, 2006, с. 35-39]. Под аффиксом, вслед за Г.С. Чинчлей, будем понимать компоненты словообразовательной модели, предшествующие или следующие за производящей основой и придающие ей семантические и грамматические признаки [Чинчлей, 1991, с. 76].

Основой аффиксального словообразования является словообразовательная модель, под которой понимается цепочка оппозиций, представленная более или менее длинным рядом слов. При этом необходимо учесть, что не все цепочки оппозиций и словесных корреляций обладают одинаковой регулярностью воспроизводимости и типичностью [Степанов, 1975, с.152-153], что позволяет различать продуктивные и непродуктивные словообразовательные модели. Под продуктивными моделями, которые и будут рассмотрены в дальнейшем в работе, будем понимать словообразовательные оппозиции, в которых смысловые отношения между производным и исходным словом регулярно воспроизводятся [Степанов, 1975, с. 155].

Многие отечественные лингвисты, говоря о степени связности аффикса и корня, отмечают, что широко принятая в лексикологии оппозиция «связанных» и «несвязанных» аффиксов не имеет большой объяснительной силы, т.к. любой аффикс не может быть использован абсолютно самостоятельно [Виноградов, 1975, с. 92-101] и уже по определению связан с каким-либо корнем [Плунгян, 2003, с. 51], поэтому следует, скорее, говорить о постоянном и градуальном характере этой связи [Мельчук, 1997, с. 298-307].

Наличие собственного значения у каждого аффикса позволяет говорить о *деривационном значении* или о ***дериватеме*** [Мельчук, 1997].

Промежуточное положение дериватемы, которую она занимает между граммемой и лексемой, позволяет рассматривать аффиксальную подсистему языка как важнейший амальгамированный языковой «узел», соединяющий грамматический и лексический ярусы языка и обладающий существенной устойчивостью. Считаем также, что указанное

уникальное положение аффиксальной подсистемы в системе языка способно дать более систематизированное описание лексической системы, поддающейся, как известно, в меньшей степени какой-либо исследовательской формализации.

Исследуемый корпус примеров свидетельствует о том, что в квебекском разговорном XIX – начала XX вв., как и в старо- и среднефранцузский периоды, нет ограничений в сочетании основ и словообразовательных аффиксов, которые имелись в указанный период во ФЯ – одна и та же основа может соединяться с разнообразными суффиксами и образовывать ряд синонимов, не сохранившихся в дальнейшем во ФЯ Франции [Разумова, 2012; Разумова, 2016]. Таковы, например, приводимые в Глоссарии 1930 [Société, 1930] года ЛЕ, образующие следующие синонимичные ряды:

Achalement, achalenterie, achalage (=fatigue, ennui, embaras).

Accrochoir, accrochois, accrochouére, accrochat (=crochet, portemanteau, ganse à un habit pour l'accrocher).

Balancigne, balancine, balancille, balancignouére, balançoué (balançoire).

Причина этого языкового феномена заключается в пристрастии ФЯ в XV–XVI веках к суффиксальному образованию, в особенности, к суффиксам, выражающим абстрактные понятия. Эта тенденция в литературном языке Франции в XVII–XVIII вв. устраняется, однако во французских говорах, диалектах и общем просторечном регистре высокая продуктивность суффиксального словообразования сохраняется [Разумова, 2016, с. 379-406].

Рассмотрим ниже некоторые из изложенных выше положений. Представим в качестве примера особенности функционирования на территории Канады суффикса ***–ure***.

Суффикс ***–ure*** восходит к латинскому ***–atura.*** Л. Кледа отмечает, что в старофранцузском он использовался преимущественно с основами, выражающими *физические качества* – ***blessure, coupure, levure, enflure*** [Brunot, 1966].

Семантический анализ ЛЕ с данным суффиксом показывает, что в квебекском разговорном суффикс ***–ure*** сохраняет эту семантическую маркированность.

1. Целая серия ЛЕ с суффиксом ***–ure*** выражает значение «*физическое состояние человека или животного»*:

Attrapure (atteinte que se donne un cheval), boiture (état d'un animal qui boite), cramponnure (blessure que se fait un cheval), crevure (hernie), gearçure (gerçure), machure (contusion).

ЛЕ écharognure, égrafignure, grafignure, rifflure используются для передачи понятия «царапина».

Физическое состояние животного – в частности – лошади, и ряд предметов и действий, связанных с уходом за ней, также обозначаются ЛЕ, образованными при помощи суффикса ***–ure***:

Barrure (barre servant à barrer la porte, stalle), bouchure (clôture), boiture (état d'un animal qui boite), cramponnure (blessure que se fait un cheval), clôture (*à pleine cloture*=en grande quantité: se dit uniquement du foin), bavure, bavelure (bave, salive).

2. Ряд ЛЕ обозначают *конкретные предметы*:

Batture (endroit où les herbes sont battues), bourrure (bourrage, rembourement), bordure (broderie), ceinture (chemin de fer circulaire), champlure (chantepleure, robinet de toute espèce), couvarture (couverture), devanture (partie devant la porte, chemin en face de la propriété).

3. ЛЕ freidure (froid), temperature (temps) обозначают общие *погодные условия*.

4. Группа существительных, выряжающих *абстрактные понятия* немногочислена:

Agoinchure (travail mal fait), allure (bonne mine, talent, habitude, caprice, entrain), cléricature (étude d'une profession), comprenure (compréhension, entente), lecture (conference, leçon, cours publique), parlure (manière de parer), usure (usage), revoyure (revoir).

Оценивая продуктивность суффикса ***–ure*** в квебекском разговорном, подчеркнем незначительное число канадианизмов; к ним относятся, например, amanchure, batture, cloture, écorchure, emmanchure, fersure/forsure, gratture, parlure, râtelure. Они образованы путем расширения уже имеющихся значений. Новые канадские значения фигурируют как вторые и последующие значения указанных ЛЕ. Так, ЛЕ batture, имеющая во Франции значение «partie de rivage, glace qui adhère au bord d'un lac, d'une rivière», формирует на сонове буквального «прочтения» формальной стороны данной ЛЕ в канадском разговорном дополнительное лексическое значение «endroit où les herbes sont battues». Аналогична структура значений ЛЕ gratture, которая в центральных диалектах Франции имеет общее значение «restes, rebuts»; в квебекском разговорном данное значение становится более конкретным – restes de foin sur les champs.

ЛЕ lecture не имеет в квебекском разговорном общепринятого французского значения «action de lire». Под воздействием английского глагола to lecture она получает значение «conference, leçon, cours publiques» и, таким образом, может считаться заимствованием из английского.

Большинство ЛЕ с суффиксом ***–ure*** образовано в старофранцузский период и ранее (58,4%). Уже к 16 веку подавляющая их часть становится неузуальной на территории Франции. Вероятно, в Канаду эти ЛЕ ввозятся из диалектов Франции, где они сохраняются еще значительное время.

Таким образом, суффикс ***–ure*** на территории Канады продолжает использоваться с основами, характеризующимися семантической маркированностью: они передают значение конкретной предметности и физических состояний человека или животного. В Канаде продуктивность суффикса ***–ure*** в образовании этой группы лексики составляет 12,5%. При этом, как указывалось выше, речь идет не об образовании новых ЛЕ с данным суффиксом, а о разработке дополнительных значений к уже существующим. Продуктивность суффикса ***–ure*** в образовании ЛЕ с абстрактной семантикой в Канаде нулевая: приведенные выше ЛЕ с абстрактной семантикой образованы в старофранцузский период и заимствованы впоследствии из диалектов Франции, а ЛЕ lecture заимствована из английского.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что практически все ЛЕ с суффиксом ***–ure***, функционирующие на территории Квебека к началу XX столетия, являются частью того первоначального лексического фонда, который был импортирован первыми французскими колонистами на американский континент, причем некоторые ЛЕ в дальнейшем расширяют свое первоначальное семантическое значение. Вместе с тем, развиваемые в Канаде значения выступают как дополнительные к уже имеющимся. Подавляющее большинство новых дополнительных значений имеет конкретный характер.

Список литературы

1. *Виноградов* В.В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. [Ред. тома Н.Ю. Шведова]. М.: Наука, *1975*. 559 с.

2. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М.: КомКнига, 2006. 112 с.

3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 1997. 416 с.

4. Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

5. Разумова Л.В. Квебекская лексикографическая традиция XVIII-XIX веков // Ученые Записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия Филология, история, востоковедение. 2012 г. - № 2 (43). С. 103-105.

6. Разумова Л.В. Репрезентация языковой нормы в вариантах французского языка за пределами Франции (квебекский и бельгийский варианты). Дисс. … канд. наук. М.: Моск. пед.гос. ун-т, 2016. 572 с.

7. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания**.** М.: Просвещение, 1975. 271 с.

8. Чинчлей Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке. Кишинев: Штиинца, 1991. 117 с.

9. Brunot F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. P.: Armand Colin, T. 4, *1966*. 653 p.

10. Soci*été* du parler français au Canada (SPFC). *Glossaire du parler français au Canada*. – Québec: L'Action sociale, 1930. 454 p.

Сведения об авторе:

Разумова Лина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Москва, Российская Федерация, Миусская площадь, д. 6; lina.razumova@mail.ru ; +903 617 27 55.

Razumova Lina Vassilievna, Professor of the Department of European Languages, Doctor of Sciences, 125047, Moscow, Russia, Miusskaya square, 6, lina.razumova@mail.ru; +903 617 27 55.

УДК 81

Актуализация лексического значения заглавных слов в тексте рассказа

Екатерина Юрьевна Хрисонопуло[1], Софья Андреевна Калинина[2],

[1] ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный институт культуры, к. филол.н., доцент, Санкт-Петербург, Россия, hrisonopulo@mail.ru

[2] Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, студентка 1 курса магистратуры, Санкт-Петербург, Россия, sofja.kalinina@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа компонентов лексического значения заглавных слов художественного текста, а также особенности актуализации этого значения в рассказе американского писателя Э. Хемингуэя «Кошка под дождем». В работе исследуется роль заглавных слов "rain", "cat", их лексическое значение при использовании методов компонентного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: лексическое значение, компонент значения, денотативный компонент, коннотативный компонент, эмоциональная окраска.

Realization of the lexical meaning of title words in the text of a short story

E.Y. Hrisonopulo[1], Sofia A. Kalinina[2]

[1] Saint-Petersburg State University of Culture, Ph, Saint Petersburg, Russia, hrisonopulo@mail.ru
[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 1st year master student, Saint Petersburg, Russia, sofja.kalinina@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of analysis of the title words by addressing the components of their lexical meanings and their realization in a literary text on the basis of the short story “Cat in the Rain” by the American writer E. Hemingway. The article examines the role of the capital words “rain”, “cat”, their lexical meaning, as well as words that reveal the meaning of these lexical units in the space of a literary text by using methods of componential and contextual analysis.

Keywords: lexical meaning, meaning component, denotative component, connotative component, emotional coloring.

Введение

Многогранность и полифункциональность языка проявляются в его богатстве и магии слов. Лексика всегда отражает изменения времени, быстро усваивает новшества и выделяется своей динамичностью. Процесс изучения слова и словарного состава языка, а именно совокупности всех имеющихся в этом языке слов и устойчивых сочетаний привлекает внимание исследователей-лексикологов, которые постоянно обсуждают значение и интерпретацию слов [Арнольд, 2012, с. 7-8]. Лексикология как раздел языкознания остается полем активных дискуссий, требующим новых методов исследования, ведь значение слова неоднородно, а компоненты, из которых оно состоит, постоянно требуют разъяснений. Различное грамматическое функционирование служит признаком наличия у слова разных словарных значений. Так, одним из компонентов значения слова является эмоционально-оценочное [Арбекова, 1977, с. 63]. Эмоции и оценка, которые вносятся в употребляемое слово, могут различаться в зависимости от сюжета и контекста, а также от авторского замысла, который автор хочет передать [Стернин, 2015, с. 4].

Лексическое значение каждого слова является сложным единством, состоящим из компонентов, которые можно рассматривать с помощью принципа деления речевой информации на информацию, связанную с предметом сообщения, и информацию, связанную с условиями коммуникации. Денотативное значение слова относится к понятию, которое отражает действительность. Коннотация, в свою очередь, содержит эмоциональные, оценочные, экспрессивные и стилистические компоненты значения, которые связаны с условиями общения. Первая часть информации является обязательной, в то время как коннотация является факультативной и может включать в себя различные комбинации или отсутствовать вовсе [Арнольд, 1981, с. 153].

Соотнесенность денотативного и коннотативного макрокомпонентов, задаваемая автором, влияют на понимание произведения читателем. Важно понимать связи, которые образуют слова, расположенные рядом в абзаце, так и во всем тексте. Ведь именно так возможно уловить жизнь слова, его функционирование согласно лексическим и формальным свойствам, которые заложены в изначальном толковании слова, так и его авторском понимании [Мамараев, 2009, с. 49].

Важно отметить, что в художественном произведении слово может передавать содержание нескольких компонентов, входящих в структуру его лексического значения (в большинстве случаев их называют отдельными значениями слова). На выражение конкретного значения влияет не только сюжетный контекст, создаваемый автором, но и связь анализируемого слова с художественными средствами выразительности. Так, метафоры могут передавать и предметно-логическое значение, в котором – в случае

использования глагольной единицы – передается сущность действия, обозначаемого словом, и контекстуальное значение, связанное с передачей эмоционального состояния героя, о котором говорится при использовании метафоры [Гальперин, 1974, с. 96].

Передача конкретных значений слова предопределяет содержательную материальную основу любого текста, в том числе художественного произведения. И.Р. Гальперин использует термин содержательно-фактуальной информации для описания всех средств языка, которые формируют концепт произведения. В результате у читателя возникает не только с поверхностное понимание текста, но и создается возможность для верной интерпретации текста как связного произведения [Кухаренко, 1988, с. 77].

Методика исследования

Проводимый в настоящей работе анализ особенностей актуализации лексического значения заглавных слов рассказа «Кошка под дождем» Э. Хеминугэя (“Cat in the Rain” by E. Hemingway) опирается на языковые примеры, которые автор употребляет в своем рассказе. Совокупный объем рассмотренного материала составляет около 30 примеров, включающих слова в самом заголовке, так и их употреблении в тексте в словах автора, а также в репликах героев, выступающих в качестве главных участников действия рассказа.

В качестве теоретической основы для исследования поступили положения о лексикологии английского языка, изученные Арбековой Т.И. [Арбекова, 1977], о наличии коннотативного и денотативного компонента значения у всех языковых единиц независимо от их уровневой системной принадлежности, и роли этих значений в художественном тексте, что показано в работах отечественных ученых [Арнольд, 1981; Кухаренко, 1988]. Актуализация обоих компонентов лексического значения в дальнейшем анализируется при обращении к методам компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа.

Данные и результаты исследования

Далее на примере рассказа Э. Хэмингуэя «Кошка под дождем» анализируется лексическое значение заглавных слов “rain”, “cat”, а также их производных.

В анализируемом произведении, согласно языковым данным, на исходном языке слово *cat* встречается 22 раза, а *rain* – 8, что достаточно много для небольшого рассказа. Заглавные слова в рассказе выступают как разные типы номинаций со своими частеречными характеристиками и, соответственно, выполняют различные синтаксические функции. Использование повторений определенных словосочетаний несет дополнительную информацию, так как каждое последующее употребление слова сознательно или бессознательно присоединяется читателем к предыдущему. Выступая в роли подлежащего, *cat* функционирует как главный член предложения. Роль дополнения обязует существительное *cat* постоянно находиться после сказуемого, придавая этому члену предложения второстепенную роль.

Используя существительные в своем рассказе, автор употребляет различные артикли, как определенные, так и неопределенные. Данный факт свидетельствует о том, что категория детерминативности позволяет зафиксировать единственность предмета в описываемой сюжетной ситуации (определенность) или его принадлежность к классу подобных (неопределенность). Авторский выбор артикля *a* или *the* имеет значение как для целостного понимания текста, так и для отдельных его частей. Благодаря артиклям читатель понимает по сюжету, когда речь идет о конкретной кошке из окна, а когда о желании иметь кошку в доме для создания атмосферы уюта и тепла. Определенный артикль, иногда вводит место действия и подкрепляет создавшуюся импликацию

предшествования. Рассказ начинается с середины, что характерно для писателя Хэмингуэя вообще, как и для произведений многих его современников и последователей.

В заголовке рассказа определенный или неопределенный артикль перед существительным *cat* отсутствует, т.е. здесь можно говорить о нулевом артикле. Отсутствие артикля позволяет автору сообщить обобщающее или же абстрактное значение, то есть передать саму сущность стоящего за словом понятия.

Во втором абзаце мы уже видим перед существительным cat как неопределенный артикль a, так и определенный the. Сначала автор говорит о том, что кошка сидит под столом. Она сидит в неудобном месте, ее местонахождение скрыто от глаз. Кошка как объект не выделяется из класса по определенному признаку, а относится ко всему бесконечному классу объектов. Но уже в следующем предложении употребляется определенный артикль со словом cat. Именно здесь выделяются отличительные признаки объекта, о котором ранее уже говорилось в тексте. Теперь эту кошку можно выделить из ряда ей подобных и акцентировать внимание читателя на том, что об описываемом предмете в речь идет не впервые.

В реплике американки, главной героини, встречается первый раз слово kitty. По ее высказыванию можно сделать вывод о субъективном восприятии животного. Автор также добавляет указательное местоимение перед словом kitty, и читатель делает вывод, что главная героиня находится на некотором расстоянии от кошки, но при этом выделяет ее уменьшительно-ласкательным словом. По стилистически маркированным словам, которые окрашивают отношение американки к кошке, можно сделать вывод о ее трепетном отношении к домашнему животному, в отличие от ее мужа. Существительные cat и kitty встречаются в тексте 13 раз. Так, американка говорит *poor kitty out in the rain, a kitty to seat on my lap*, в то время как ее муж отстраненно использует просто слово *cat*. Девушка с особой теплотой в сердце говорит о животном, сравнивая питомца со своей собственной красотой, выражая таким образом эмпатию. Использование американкой именно kitty свидетельствует о ее трепетном отношении не просто к животному с улицы, а как к домашнему питомцу, который создает особую домашнюю атмосферу. Позже кошка уже будет подразумеваться не через прямое значение существительного *cat*, а через личное местоимение *it.* Через использование другого слово происходит референтное переосмысление описываемых субъектов.

Первый раз слово *rain* встречается в заголовке. Употребляя предлог перед существительным, автор делает акцент на осмыслении значения слова *rain* как среды, пространства, в котором находится действующий участник ситуации. Так, *cat* буквально находится внутри чего-то, а именно внутри дождя. Животное находится под воздействием и влиянием обволакивающей среды дождя как водной стихии, которая придает свежее дыхание всему живому миру.

В первом абзаце рассказа слово “rain” с определенным артиклем the встречается 4 раза. Также можно заметить употребление этого же корня в составе глагольной формы was raining, что подчеркивает длительность действия и его динамичную смену. Смена времени от общего описания переводит нас к настоящему моменту: от “glistened in the rain” к “it was raining”. При использовании различных частей речи и реализации синтаксических функций слов с основой rain автору удается передать основное значение слова “rain” через разные формы слова.

Монотонность дождя подчеркивается косвенными деталями: пустые улицы, лужи на дорожках, дождь струится с пальм. Глагол “drip” ("струится") передает характер дождя — это не гроза, а долгий осенний дождь. Сочетание «дождя» с «морем» усиливает ощущение нудного дня и вписывается в систему причинно-следственных отношений рассказа. Использование глагола rain в различных временных формах придает дождю характеристики живого объекта.

Важной особенностью текста является использование слов на итальянском языке, что придает эмоциональную окраску реплике героя. Здесь проявляется такая лингвистическая характеристика текста, как эмотивность, а именно как «использование совокупности языковых средств, которые способны произвести эмоциогенный эффект, то есть вызывают у реципиента (читателя) соответствующие эмоции» [Маслова, 1991, с. 185]. Во фразе "*brutto tempo*" содержится оценочная коннотация. Компоненты, заложенные в значение слова, устанавливают ценность высказывания и связывают реплику говорящего с внутренними переживаниями и собственными чувствами.

Заключение

Слова "*cat*", "*rain*", которые автор использует как в заголовке своего рассказа, так и в излагаемом сюжете, реализуют не только стратегически важное понимание текста читателем, но и создают важное художественное значение для самого автора. Выбор артикля перед существительным влияет на восприятие сюжетной ситуации. Определенный артикль *the cat* дает читателю возможность представить кошку как реальный объект, о котором говорят действующие лица. В то же время неопределенный артикль или его отсутствие позволяют понять целостное восприятие кошки как живого существа, которое существует на планете. В свою очередь, в зависимости от коммуникативной задачи высказывания и текста в целом, удается передать длительность действия и его динамичную смену через разные формы слова.

Важной особенностью является употребление заглавных слов в роли различных членов предложения, благодаря чему создается семантическое разнообразие. Автор умело предоставляет читателю возможность создать несколько трактовок одного сюжета и самостоятельно сделать вывод о развивающемся характере действий.

Список литературы

1. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка (практический курс). Учеб. пособие для II—III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М., «Высш. школа», 1977.-240 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. - 2-е изд.,. изд. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. - 376 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). — Л.: Просвещение, 1981. — С. 295-312.
4. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. Учеб. пособие для вузов. М., «Высшая школа», 1974. - 174с.
5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. м 2103 «Иностр. яз.». -- 2-е изд., перераб. - М.: Просвещение, 1988.- 192 с.
6. Мамараев Р. М. Слово в контексте и вне его // Русская речь. - 2009. - №6. - С. 48-52.
7. Стернин И. А. Значение слова и его компоненты: методическое пособие / сост. И. А. Стернин; 2-е изд., стер. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. –27 с.
8. Штелинг Д. А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: Учебное пособие. —М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. - 254 с.

Сведения об авторах:

Екатерина Юрьевна Хрисонопуло; ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный институт культуры, к. филол.н., доцент, Санкт-Петербург, Россия, hrisonopulo@mail.ru

E.Y. Hrisonopulo, PhD Saint-Petersburg State University of Culture hrisonopulo@mail.ru

Калинина Софья Андреевна; студентка 1 курса магистратуры, Санкт-Петербургский политехнический университет, 195220, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; sofja.kalinina@rambler.ru; +79118577674.

Kalinina Sofia Adreevna; 1st year master student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Politekhnicheskaya, 29, Saint Petersburg, 195220, Russian Federation; sofja.kalinina@rambler.ru; +79118577674.

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

УДК 81

Пословицы в трилогии фильмов «Властелин Колец»

Виктория Игоревна Ильминская
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английской филологии, Орёл, Россия, vera2455prue5@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена авторским псевдопословичным высказываниям в творчестве Дж.Р.Р. Толкина и их дальнейшей адаптации в фильмах, снятых по мотивам его произведений, а также их влиянии на трактовку содержания коммуникативных эпизодов фильма.
Ключевые слова: художественный текст, пословица, перевод, коммуникативный эпизод, кинодискурс.

Proverbs in the works of John R.R. Tolkien and their film adaptation

Victoria I. Ilminskaya
Orel State University named after I.S. Turgenev, senior lecturer of the Department of English Philology, vera2455prue5@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of J.R.R. Tolkien's pseudoproverbs in his works, their adaptation in films based on the books and the influence of the idioms on the interpretation of the content of communicative episodes in the film.
Keywords: literary text, proverb, translation, communicative episode, film discourse.

Пословицы считаются одним из самых сложных явлений в языке, представляя особую трудность для изучающих иностранный язык, потому что заложенные в них образы могут быть непонятны представителям другой культуры, ведь каждый народ развивается и проходит свой путь становления, отличный от других, и чтобы лучше понять историю и язык, необходимо уделить существенное внимание пословицам. Под пословицей понимается «языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями <…> в актуализованном режиме пословица с точки зрения теории речевых актов является потенциальным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [Абакумова 2013, с.16, 25].

Пословицы находят своё отражение во всех проявлениях жизни: в речи людей, в литературе и даже в кино. И если в текстах они раскрываются в полной мере, донося до читателя основную мысль автора, углубляя образы создаваемых персонажей, с помощью контекста ситуации, в которой фигурируют, так и в рамках всего произведения в целом, то в фильмах пословицы достигают своей цели с помощью системы образов, актёрской игры, мимики и жестов, которые присущи только для кино.

В данной статье мы придерживаемся точки зрения М.Ю. Лотмана, который высказывает точку зрения, что «художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный» [Лотман 1970, с. 78], а к текстовым категориям относятся

такие как информативность, членимость, модальность, проспекция, автосемантия отрезков текста, интеграция, ретроспекция, континуум, внутритекстовые связи и завершённость [Гальперин 1981: 4]. Нельзя обойти стороной такие важные понятия как макроструктура и макропропозиция, впервые упомянутые и введённые Т. Ван Дейком для семантического описания глобального содержания и глобальной связности дискурса. Помимо этого, он даёт определение, считая, что макроструктура – «то значение – или пропозициональная структура, – которое является результатом применения к линейной смысловой структуре текста серии отображений, «свертывающих» эту смысловую структуру в макроструктуру, которая служит кратким выражением содержания текста» [Дейк 1978, с. 318-319].

В данной статье мы понимаем под художественным текстом как возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания [Адмони 1994], и считаем, что это верно и для фильма, который также является сложной семиотической системой, как и текст, т.е. является кинотекстом. О произведении киноискусства как о тексте писали Ю.М. Лотман (1992), Ю.Г. Цивьян (1984), Ю.Н. Усов (1980), А.В. Федоров (2000), Е.Б. Иванова (2000) и другие, однако единого определения данного понятия нет. Ю.Н. Усов считает, что кинотекст – это «динамическая система пластических форм, которая существует в экранных условиях пространственно-временных измерений и аудиовизуальными средствами передаёт последовательность развития мысли художника о мире и о себе» [Усов 1980, с. 17]. Ю.М. Лотман отмечает, что кино – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной [Лотман 1973].

Художественные фильмы, являясь сложными семиотическими системами (кинотекстами), часто используют паремиологический фонд языка для передачи глубинных смыслов, характеристики персонажей и усиления культурного фона повествования [Абакумова, Ильминская 2024]. В экранизациях произведений Дж.Р.Р. Толкина этот приём особенно важен, поскольку сам автор насыщал свои тексты псевдопословицами и традиционными пословицами, однако режиссёр Питер Джексон, снявший фильмы, сделал акцент на действии, а не на философских диалогах из романа, поэтому многие сцены, содержащие пословицы, были вырезаны, за что он впоследствии подвергся критике как со стороны сына писателя, так и фанатов произведения.

Материал и метод

Материалом для исследования послужил эпизод из фильма «Властелин Колец: Братство Кольца» (2001), а именно диалоги персонажей, отобранные по признаку наличия в них устойчивых, афористичных высказываний, выполняющих назидательную функцию. В фокус анализа попали авторские реплики персонажей, которые, не являясь каноническими народными пословицами, обладают их ключевыми признаками: обобщённостью, поучительностью, образностью и лаконичностью. Для анализа применяется когнитивно-дискурсивный подход, рассматривающий пословицу как речевой акт, встроенный в конкретный коммуникативный контекст и подкреплённый визуальными средствами кино.

Анализ эпизода

Спрятавшись в пещерах Мории после нападения, герои вскоре вынуждены остановиться, потому что Гэндальф, ведущий их через подземные лабиринты, честно признаётся, что не помнит место, в котором они оказались (“I have no memory of this place”). Во время привала хоббиты тихо переговариваются, обсуждая, что они, скорее всего, заблудились, когда Фродо внезапно замечает движение в темноте и торопится

рассказать об этом волшебнику, на что тот отвечает, что это Голлум, который идёт по их следу уже три дня. Гэндальф кратко сообщает о связи существа с Кольцом и что оно сделало с ним, после чего звучит следующий диалог:

“It’s a pity Bilbo didn’t kill him when he had the chance”.

“Pity? It is pity that stayed Bilbo’s hand. Many that live deserve death. Some that die deserve life. Can you give it to them, Frodo? ***Do not be too eager to deal out death and judgement.*** *Even the very wise cannot see all ends. My heart tells me that Gollum has some part to play yet, for good or ill before this is over”.*

«- Жаль Бильбо не убил его, когда была возможность.

- Жаль? Жалость остановила руку Бильбо. Многие из живущих достойны смерти, и многие из умерших – жизни. Ты можешь возвращать жизнь, Фродо? Тогда не спеши осуждать на смерть. Даже мудрейшим не дано провидеть всё. Сердце подсказывает мне, что Голлум ещё сыграет свою роль: плохую или хорошую, прежде, чем всё кончится» (Русский профессиональный многоголосый дубляж).

Kommunikativa (коммуникативная составляющая): Гэндальф не просто волшебник, но и мудрый наставник, а Фродо только находится в начале своего пути. Он не просто «носитель» Кольца, которому поручено уничтожить его, но и тот, кому необходимо сохранить в себе моральный стержень, «не сломаться» под тяжестью возложенной на него миссии и не поддаться искушению. Гэндальф обращается к Фродо в важный момент морального выбора. Это прямое социально-стратегическое коммуникативное действие, имеющее целью предотвратить у Фродо формирование упрощённого и жестокого мировоззрения, подготовить его к принятию сложных этических решений в будущем. Волшебник переносит акцент с сиюминутной выгоды (устранить угрозу) на высшую мораль (у тебя нет права вершить суд) и одновременно прямо говорит, что будущее непредсказуемо, и даже Голлум может сыграть свою роль. *Оператор: желая, чтобы ты осознал опасность поспешных суждений и понял, что милосердие может быть не слабостью.*

Konstativa. Пропозиция высказывания строится на связи между эмоциональным состоянием “be too eager” (“eager” – very interested and excited by sth that is going to happen or about sth that you want to do” [OALD] и действием “deal out” (to say what punishment somebody should have) [OALD].

Логическая структура: If you are eager to do sth, then you should not do sth. Не следует поспешно стремиться вершить суд и смерть, ведь это ведёт к ошибкам, которые невозможно исправить.

Семантический класс глагола: предикат состояния (be eager) и предикат действия (deal out). “Be too eager” – семантический маркер, который осуждает не сам акт суда, а эмоциональную готовность к нему. Семантически глагол “deal out” подразумевает собой формальное действие (как судья выносит приговор), что усиливает моральную тяжесть поступка. Присутствует модальность запрета – Do not.

Образный фрейм: в центре ситуации – судья-палач, который выносит приговор и исполняет его.

Окказиональный фрейм: Гэндальф произносит фразу в темноте пещер Мории, где герои окружены тьмой, а атмосфера и предыдущая битва давят и подталкивают к жестоким и простым решениям. Слова волшебника – свет мудрости в темноте. Он говорит о Голлуме, жалком существе, порабощённым кольцом, оттого и преследующим его, но его жизнь, сохранённая Бильбо, в конце концов сыграла ключевую роль в судьбе всего Средиземья.

Обобщённый фрейм: Никто не обладает правом вершить суд над другим живым существом, особенно находясь в сильном эмоциональном состоянии (гнев, страх, праведное рвение). Это прямая отсылка к библейскому *«Не судите, да не судимы*

будете», но с более конкретным уклоном в необратимость смертного приговора. По классификации Г.Л. Пермякова это четвертый класс пословиц: «Если две вещи связаны и одна обладает каким-либо свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй» [Пермяков 1979]. *Оператор: я говорю, что не стоит идти на поводу у эмоций, чтобы не совершить ошибку, которую невозможно будет исправить.*

Representativa. Гэндальф абсолютно искренен и опирается на глубокое знание истории и морали. Он утверждает это как фундаментальную истину. Модальность высказывания – деонтическая (нормативная) и аксиологическая (оценочная). Волшебник утверждает норму поведения и даёт отрицательную оценку поспешной жестокости, положительно оценивая сдержанность и милосердие. *Оператор: я считаю, что непродуманная жестокость ведёт к катастрофе, и утверждаю милосердие как высшую мудрость.*

Regulativa. Фраза выполняет регулятивную функцию, целью которой является изменить мышление Фродо и его поведение в будущем. Деонтические нормы, которые передаются в результате речевого акта, это утилитарные нормы безопасности («Следует быть осторожным», «Не следует принимать необдуманное решение») и моральные нормы контроля («Нельзя руководить/судить, не имея на это права»)

Перлокутивный эффект: Фродо затихает, его лицо из озлобленного становится задумчивым. Он усваивает этот урок, что влияет на его дальнейшие решения, в частности, на его отказ убить Голлума позже, когда у него появляется такая возможность, что в последствии спасает всё Средиземье. *Оператор: сделай вывод: не торопись принимать необдуманные решения, это может повлиять на всеобщее будущее.*

Интересно отметить тот момент, что в книге данная псевдопословица присутствует в совершенно другом моменте: когда Гэндальф, узнав, что за Кольцо хранится у Фродо, возвращается к нему и рассказывает историю Голлума. Также в книге псевдопословица звучит несколько иначе: "*Then* ***do not be too eager to deal out death in judgement"*** [Tolkien "Lord of the Rings" 2007: 73]**.** В фильме предлог "in" заменён на предлог "and", что объединяет два понятия ("death" и "judgement") в единое действие, создавая более мощный образ: верша суд, можно с лёгкостью вершить и смерть. Одно влечёт за собой другое. Таким образом, в фильме осуждается готовность к совершению двойного акта: вынесению приговора и его смертельной реализации. Это прямая критика самосуда и тирании, что становится ключевым моральным принципом, определяющим разницу между героизмом Фродо и тиранией Саурона.

Анализ показал, что данная псевдопословица является стержневым этическим принципом не только для персонажей, но и для всей саги. Она функционирует как полноценный речевой акт, выполняющий ключевые прагматические функции. Режиссёр интегрирует её в визуальный ряд и сюжет, превращая в двигатель фабулы. Этот приём позволяет донести до зрителя одну из центральных тем Толкина — тему милосердия как высшей формы силы и дальновидности, противопоставленной слепой и поспешной жестокости.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. докт. филол. наук. Орел, 2013. 47 с.

2. Абакумова О.Б., Ильминская В.И. Текстовые и прагматические функции пословиц и их перевод в художественном дискурсе (на материале фильма Э.Рязанова «Жестокий романс» и его перевода на английский язык) // Пословицы в театральной драматургии и кинематографе славянских стран: Коллективная монография / под редакцией М.Ю. Котовой. – СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2024. - С. 76-93

3. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб: Наука, 1994. – 151 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 144 с.
5. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. - Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004. – С.28-29.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: «Искусство», 1970. – 383 с.
8. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
9. Усов Ю.Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8-10 классов. – Таллин, 1980. – 125 с.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/ (дата обращения: 1.10.2024).
11. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. – London, 2007. – 1580 p.

УДК 811.111'38

К вопросу о провербиальности антипословиц

Надежда Владимировна Кирюхина
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, Орёл, nkir001@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие антипословицы, а также предлагается обзор различных номинаций данного явления. Изучается вопрос о степени провербиальности подобного рода единиц лингвистического творчества, а также исследуются истоки возникновения как антипословичного жанра в целом, так и ряда антипословичных единиц в частности.
Ключевые слова: антипословица, лингвистическая креативность, пратекст, трансформация, провербиальность, пословичный маркер.

On the question of proverbiality of anti-proverbs

Nadezhda V. Kirjukhina
Oryol State University named after I.S. Turgenev, a senior lecturer at the chair of English philology, candidate of Philology, Oryol, Russia, nkir001@yandex.ru

Abstract. The article examines the concept of anti-proverb and offers an overview of various nominations of this phenomenon. The question of the degree of proverbiality of such units of linguistic creativity is studied, and the origins of the emergence of both anti-proverb genre in general and a number of anti-proverb units in particular are explored.
Key words: anti-proverb, linguistic creativity, proto-text, transformation, proverbiality, proverbial marker.

Сложно не согласиться с В. М. Мокиенко и Х. Вальтером, что «одной из доминант современного языкового узуса России является активизация употребления пословиц, поговорок и крылатых выражений и их креативная трансформация в речи» [Мокиенко, Вальтер 2007, с. 157].

Понятие *антипословица* теснейшим образом связано с понятием *пословица*. Равно как и пословица, антипословица обладает некоторой неоднозначностью определения, что опосредовано многоаспектной природой паремий, а именно их особенностями на семантическом, структурном и функциональном уровнях. Фиксация исследователем ряда пословичных (и антипословичных) маркеров и признаков мыслится необходимым этапом, позволяющим декодировать то или иное изречение как пословицу или антипословицу. Однако уже сейчас можно поставить вопрос о степени применимости пословичных маркеров к инновационным паремиологическим единицам.

А. Крикманн рассматривает следующие маркеры пословиц: 1) своим непосредственным значением текст не соответствует ситуативному и/или речевому контексту; (2) в своем непосредственном значении он представляется слишком очевидным для понимания и тривиальным, или (3) неправильным, или (4) бессмысленным; (5) он является по форме слишком упорядоченным и орнаментальным [Krikmann 1974]. Заметим, что общеупотребительность выделяется как важный признак пословиц О. Лаухакангас: «Сила пословиц – в их общеизвестности, в первую очередь это касается структуры. Употребление пословичного клише вызывает чувство «общего языка» у говорящего и его аудитории» [Лаухакангас 2015, с. 102]. Таким образом, *провербиальность*, образуемая совокупностью факторов (возраст и степень употребительности), обозначается как один из важнейших сигнификаторов пословиц [Mieder 2004, p. 4; Arora 1994, p. 8; Rogers 1994, p. 162; Obelkevich 1994, p. 213].

Тем не менее, антипословицы, будучи инновационными речетворческими продуктами априори, не могут так быстро «обрасти» фактором провербиальности, обеспечивающим проверку антипословицы временем и преемственностью поколений. Кроме того, можно говорить «о значительном сокращении периода приобретения пословицей авторитета традиционности, когда благодаря новейшим средствам коммуникации удачно сказанное *bon mot* молниеносно распространяется по планете» [Антонова, Бредис, Владимирова и др. 2020, с. 29]. Также можно заметить, что антипословицы обладают рядом паремийных признаков, например, обобщенность смысла, разноплановость мотивировки, стилистическая и звуковая оформленность, реализация пословичных функций и др.

Как отмечает И. В. Зыкова, «современное общество развивается в условиях глобальных социальных преобразований, имеющих непосредственное отражение на состоянии языков и их изменении» [Зыкова 2024, с. 192]. Факторы проявления креативности в языке И. В. Зыкова предлагает называть *лингвокреативностью*. Антипословицы можно рассматривать как примеры лингвистической креативности. Изучение динамики развития языка и речи позволяет Е. Н. Ремчуковой прийти к выводу, что «языковое творчество выступает именно на фоне стереотипа, и это позволяет выявить закономерности сложных и одновременно гармоничных взаимоотношений языка и речи» [Ремчукова 2016, с. 210]. Кроме того, новый опыт человека, «расширяемый за счёт изменений в рамках политического, экономического и социальных дискурсов каждой отдельной страны, смещений культурно значимых полоролевых прескрипций, популяризации ранее латентных и табуированных моделей поведения в том или ином сообществе, диктует новые истины, одетые в вербальную одежду антипословицы» [Кирюхина 2025, с. 31].

На данный момент термин «антипословица» является наиболее распространенным способом номинации инновационных пословичных трансформаций.

Отсутствие однозначного толкования данного термина стало почвой для порождения самых разнообразных номинаций: переделка (alteration), пародия (parody), трансформация (transformation), вариация (variation), саркастическое замечание (sarcastic remark), намеренная пословичная инновация (deliberate proverb innovation), мутация (mutation) [Litovkina 2017, p. 15], пословично-поговорочное выражение [Загребельный 2015, с. 40].

В. Мидер рассматривает антипословицы как любые преднамеренные изменения пословиц в форме каламбуров, преобразований, опущений, дополнений, которые способны реализовывать как поучительную, так и морализирующую функции [Mieder, Litovkina 2002, p. 3]. Можно предположить, что новообразованные паремии «можно рассматривать в терминах антипословицы, построенной на базе традиционной пословицы, и современной пословицы, выступающей как противоборствующая сила устаревшему хрестоматийно-поучительному семантическому потенциалу традиционной пословицы» [Кирюхина 2025, с. 52]. Мы поддерживаем точку зрения В. М. Мокиенко и Х. Вальтера о том, что «одной из актуальных задач становится регистрация не только традиционных и новых паремий, но и фиксация и функционально-стилистическая интерпретация их трансформ» [Мокиенко, Вальтер 2007, с. 158].

Антипословицы широко используются в медийном дискурсе, а именно, в газетных статьях, журналах, в комиксах, в рекламных слоганах, граффити, а также в книгах, афоризмах, собраниях шуток и анекдотов. Более того, нами фиксируются случаи употребления антипословиц в лозунгах Сбербанка, а именно, в рекламе стикеров с персонажами «Куся и СберКот», 2024 г.: «*Один кот – хорошо, а два – лучше*» (праформа «*Одна голова – хорошо, а две – лучше*»). На заседаниях правительства РФ (из речи В.В. Путина), 2025 г.: «*Слово не воробей, вылетит – не поймаешь, а у нас догонят, поймают и посадят*» (праформа «*Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*»). Или, например, в фильме английского режиссера Гая Ричи «Джентельмены» (Guy Ritchie ‘The Gentlemen’), 2019 г.: «*The way to a man`s heart is through his wife*» (праформа ‘*The way to a man`s heart is through his stomach’*).

Как мы видим, антипословицы весьма востребованы в современном мире, где они вербализируются как обычным человеком, так и журналистом, писателем, креативным директором и даже президентом.

Список литературы

1. Антонова Е. Н., Бредис М. А., Владимирова Т. Е., Гишкаева Л. Н., Иванов Е. Е., Зиновьева Е. И., Комова Д. Д., Ломакина О. В., Макарова А. С., Мокиенко В. М., Нелюбова Н. Ю., Николаева Е. К., Селиверстова Е. И., Семененко Н. Н., Фаткуллина Ф. Г., Хайруллина Р. Х., Цао Ц. Паремиология без границ: монография [под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной]. М.: РУДН, 2020. – 244с.

2. Загребельный А.В. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. 2015. – № 3. – С. 39–47.

3. Зыкова И. В. Параметризация как метод анализа креативности в дискурсе и языке // Эмпирические исследования германских языков: Сборник статей по материалам VII Чтений памяти В. Н. Ярцевой. – М.: Языкознание, 2024. – С. 180-194.

4. Кирюхина Н.В. Гендерный компонент в семантике русских и английских пословиц и антипословиц: дис. … к-та филол. наук. Волгоград, 2025. – 180 с.

5. Лаухакангас О. Пословицы в дискуссионных интернет-форумах // Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О. В. Ломакиной. – М.: Ленанд, 2015. – 304 с.

6. Мокиенко В. М., Вальтер Х. Русские антипословицы и их лексикографическое описание / Acta Ethnographica Hungarica, Vol. Vol. 52, 2007, p. 157–175.
7. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. – М.: УРСС, 2016. – 224 с.
8. Arora Sh. The Perception of Proverbiality // W. Mieder. Ed., Wise Words: Essays on the Proverb. – New-York: Garland, 1994. – P. 3-29.
9. Krikmann A. On Denotative Indefiniteness of Proverbs // Tallinn, Estonia: Academy of Sciences of the Estonian SSR, Institute of Language and Literature; repr. in Proverbium 1, 1974 (1984). – P. 47-91.
10. Litovkina A T. Teaching Proverbs and Anti-Proverbs. – Komárom, 2017. – 260 p.
11. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport, CT: Greenwood, 2004. – 304p.
12. Mieder W., Litovkina A. Twisted Wisdom Modern Anti-Proverbs. AustraliaHobart, Tasmania, 2002. – 260 p.
13. Obelkevich J. Proverbs and social history// Wise words. Essays on the proverb/ Ed. By W. Mieder. N.Y., 1994. – P. 211-252.
14. Rogers C. Psychological approaches to proverbs. A treatise on the import of context // Wise words. Essays on the proverb / Ed. By W. Mieder. N.Y., 1994. – P.159-181.

Сведения об авторе:

Кирюхина Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, ОГУ им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия). E-mail: nkir001@yandex.ru

Kirjukhina Nadezhda Vladimirovna – a senior lecturer of the chair of English philology, candidate of Philology, the Institute of foreign languages, Oryol State University named after I.S. Turgenev. E-mail: nkir001@yandex.ru

УДК 811.161.1; 811.162.4

Об адвербиальных компонентах в составе русских пословиц паремиологического минимума 2022 года на фоне словацких пословичных параллелей

Марина Юрьевна Котова

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, доктор филологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Россия, m.kotova@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются характеристики адвербиальных компонентов в составе русских пословиц из паремиологического минимума русского языка 2022 года на фоне словацких пословичных параллелей. Указывается на малочисленность адвербиальной вариантности в составе русских пословиц этого списка, а также на отсутствие параллельной адвербиальной вариантности у словацких пословичных эквивалентов.

Ключевые слова: вариантность, наречие, паремиологический минимум, пословица, русский язык, словацкий язык.

Towards adverbial elements in the structure of Russian proverbs from the paremiological minimum of 2022 and their corresponding Slovak proverbs

Marina Yu. Kotova
Saint Petersburg State University, Professor at the Department of Slavonic Philology, Faculty of Philology, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg, Russia;
m.kotova@spbu.ru

Abstract. The Russian adverbial elements in the structure of Russian proverbs from the paremiological minimum of the Russian language of 2022 are considered against the background of Slovak paremiological parallels. It is pointed out that there are a few adverbial variants in the Russian proverbs of this list, as well as the absence of parallel adverbial variability in Russian-Slovak paremiological correspondences is highlighted.

Key words: adverb, paremiological minimum, proverb, Russian language, Slovak language, variability.

1. Вступление

Доклад подготовлен в русле предыдущих исследований автора, посвященных вариантности русско-словацких пословичных параллелей [2; 3] на материале собственных опубликованных источников [4; 5; 6].

После рассмотрения в указанных статьях именной и глагольной вариантности русских пословиц (далее ПЕ – паремиологических единиц) из паремиологического минимума 2022 года, в данном исследовании объектом выбраны адвербиальные компоненты в составе русских пословиц на фоне их словацких пословичных параллелей.

Целью исследования является выявление особенностей адвербиальных компонентов в русских ПЕ паремиологического минимума на фоне их словацких пословичных параллелей.

Теоретическую основу данного доклада составляет академическая грамматика русского языка в разделе «Наречие» [10, с. 703-705], а также современные работы, посвященные природе наречия как части речи, например, работы Л. Н. Горобец и Т. Н. Крамской [1], и те немногие статьи российских авторов, в которых анализируются особенности адвербиального компонента в русской пословице [7; 8; 9].

2. Характеристики наречий в русских пословицах и вариантность адвербиального компонента в их составе

Выборка русских ПЕ с адвербиальным компонентом из списка паремиологического минимума 2022 года [5, с. 23-46] показала всего 88 русских ПЕ, в структуре которых встречается адвербиальный компонент (один или несколько), например: *Где тонко, там и рвётся* [5, с. 26], *Лучше меньше, да лучше* [5, с. 32] и др. (что составляет 16 % от общего количества русских ПЕ паремиологического минимума 2022 года)

В этих восьмидесяти восьми русских ПЕ встретилось 91 наречие в ста тридцати семи употреблениях.

Рейтинг употребительности адвербиального компонента в русских ПЕ выглядит следующим образом: *лучше* (13 употреблений), *только* (6 употреблений), *хорошо* (6 употреблений), *никогда* (5 употреблений), *много* (4 употребления); по 2 употребления:

больше, быстро, впереди, врозь, всегда, дальше, дважды, завтра, зимой, летом, меньше, наперед, поздно, потом, *скоро, там, хуже*; остальные наречия – по одному употреблению, например: *ближе, близко, вдруг, вместе, вон, востро, высоко, выше, глубже, далеко* и др. (всего 69 наречий).

Отметим также свойства таких адвербиальных компонентов рассматриваемых русских ПЕ, как наречия на -о, -е, мотивированные качественными прилагательными. В нашем материале данный тип наречий зафиксирован в положительной и в сравнительной степени:

1. в положительной степени: *близко, быстро* (2 употребления), *высоко, долго, жестко, зелено, молодо, мягко, насильно, недалеко, не скоро, плохо, поздно* (2 употребления), *приятно, рано, редко, скоро* (2 употребления), *скучно, смело, тесно, тихо, тонко, тошно, хорошо* (6 употреблений);
2. в сравнительной степени: *ближе, больше* (2 употребления), *выше, глубже, дальше, дороже, крепче, лучше* (13 употреблений), *мудренее, не легче*, *не слаще, почаще, пуще, тише*, *хуже* (2 употребления).

По сравнению с именной и глагольной вариантностью в том же материале адвербиальная вариантность оказалась весьма ограниченной: всего в двенадцати русских ПЕ. Выявленную адвербиальную вариантность можно рассматривать в следующих видах:

I. Лексическая вариантность.

а) лексико-синонимическая (в составе восьми русских ПЕ), например:

Вместе тесно (тошно), а врозь скучно [5, с. 25],

Меньше знаешь, крепче (лучше) спишь [5, с. 32] и др.

б) лексико-словообразовательная (в составе трех русских ПЕ), например: *Хорошего (Хорошенького) понемножку (понемногу, помаленьку)* [5, с. 44] и др.;

II. Синтаксическая вариантность: *Не буди лихо, пока /оно/ тихо (пока спит тихо)* [5, с. 34];

III. Оптативная вариантность (у двух русских ПЕ), например: *Это еще /только/ цветочки, /а/ ягодки /будут/ впереди (потом)* [5, с. 45].

3. Типы словацких пословичных параллелей русских пословиц с адвербиальным компонентом (из русского паремиологического минимума 2022 года)

К девятнадцати русским ПЕ словацкие пословичные параллели выявить не удалось. К остальным русским ПЕ с адвербиальным компонентом выявлено два типа словацких пословичных параллелей: со сходной образной основой (полные и относительные эквиваленты) и с различной образной основой (аналоги).

Полные и относительные словацкие эквиваленты зафиксированы у двадцати девяти русских ПЕ с адвербиальным компонентом. Это параллельные словацкие ПЕ, имеющие сходную структуру и внутреннюю форму, например: рус. *Много шуму из ничего* [4, с. 177; 5, с. 33] – словац. *Mnoho kriku pre nič* [6, с. 172], рус. *Лучше поздно, чем никогда* [4, с. 85; 5, с. 32] – словац. *Radšej neskoro, ako nikdy* [6, с. 223], рус. *В гостях хорошо, а дома лучше* [4, с. 44; 5, с. 24] - словац. *Všade dobre, /ale/ doma najlepšie* [6, с. 261], рус. *Чем больше, тем лучше* [4, с. 24; 5, с. 44] – словац. *Čím viac, tým lepšie* [6, с. 40] и др. В этой группе пословичных параллелей идентичная адвербиальная вариантность не обнаружена.

Среди аналогов выявлен один пример сходной адвербиальной вариантности: рус. *Сначала (Сперва) думай, а потом делай* [4, с. 56; 5, с. 42] – словац. *Dvakrát (Dva razy, sedemkrát) meraj, a raz rež (strihaj)* [6, с. 83].

У остальных русско-словацких пословичных параллелей в нашем материале параллельную вариантность адвербиальных компонентов выявить не удалось.

Заключение

Русские пословицы с адвербиальным компонентом составляют всего 16 % от общего количества русских ПЕ паремиологического минимума 2022 года. Наиболее частотными адвербиальными компонентами оказались наречия *лучше, только, хорошо, никогда, много*. Адвербиальная вариантность зафиксирована в нашем материале только у двенадцати русских пословиц: лексическая вариантность (у одиннадцати ПЕ), синтаксическая (у одной ПЕ), оптативная (у двух ПЕ). Словацкие пословичные параллели удалось выявить к 78 % рассматриваемых русских ПЕ, причем параллельная вариантность адвербиальных компонентов проявилась только в одной русско-словацкой пословичной параллели.

Привлечение в дальнейшем новых дополнительных источников, безусловно, позволит внести уточняющие корректировки в результаты данного исследования.

Список литературы

1. Горобец Л. Н., Крамская Т. Н. Изучение темы "наречие" на основе системно-функционального подхода // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 349-361.

2. Котова М. Ю. К вопросу о вариабельности лингвокультурем русско-словацкого паремиологического ядра. В сб.: Славянская фразеология и паремиология. Сборник научных статей. Основан в 2020 году. Выпуск 5. Отв. редактор И. В. Гомонова. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. С. 104-108.

3. Котова М. Ю. Об именной вариантности активно употребительных русских пословиц на фоне их актуальных словацких пословичных параллелей // Мир русского слова 2024. № 3. С. 14-22.

4. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с. (РССПАС)

5. Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Мущинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. Тетради паремиографа. Выпуск 8. Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: Учебно-методическое пособие для студентов / Под ред. М. Ю. Котовой. – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. — 560 с. (ТП8)

6. Котова М. Ю., Сергиенко О. С., Тарараева О. Н. Тетради паремиографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума: Учебное пособие для студентов. Под редакцией М. Ю. Котовой. СПб.: Политехника-принт, 2017. 286 с. (ТП 3)

7. Кудлаш М. В. Грамматический и лингвострановедческий аспекты русских пословиц и поговорок с компонентом-наречием. В сб.: Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте - VII. Сборник научных статей VII Международной научной конференции. Могилев, 2022. С. 122-127.

8. Мухарлямова Л. Р. Наречие как средство выражения темпоральной ориентации в пословичном фонде русского, татарского и английского языков // В мире научных открытий. 2014. № 11-2 (59). С. 1027-1031.

9. Павлоцки Е. П. Особенности выражения компаратов в русских пословицах со сравнительной степенью наречия // Язык. Словесность. Культура. 2017. № 4-5. С. 19-27.

10. Русская грамматика. Том 1. Ред. коллегия: Шведова Н. Ю. (главный редактор), Арутюнова Н. Д., Бондарко А. В., Иванов Вал. Вас., Лопатин В.В., Улуханов И. С., Филин Ф. П. М.: Наука, 1982. 784 с.

Сведения об авторе:

Котова Марина Юрьевна; доктор филологических наук, профессор, кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; m.kotova@spbu.ru; +79119236346.

Kotova Marina Yurievna; Doctor of Philology, Professor, Department of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; m.kotova@spbu.ru; +79119236346.

УДК 81’37:811.112.2

Описательная функция фразеологизмов: лингвокультурный аспект (на материале перевода А. Панкова романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на немецкий язык)

Максим Константинович Кудрявцев[1], **Елена Михайловна Цуканова**[2]

[1] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студент 1-го курса магистратуры института иностранных языков, Орел, Россия, inkweller@yandex.ru

[2] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, tsukanova68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию способов перевода фразеологизмов, являющихся частью культуры каждого лингвокультурного сообщества. Анализ перевода с точки зрения лингвокультурного подхода позволяет глубже погрузиться в культуру того народа, на языке которого был создан исходный текст, дает представление о традициях, системе ценностей, что способствует конструктивному диалогу культур. Основное содержание исследования составляет анализ перевода фразеологических единиц, выполняющих в тексте описательную функцию действующих лиц.

Ключевые слова: фразеологизмы, описательная функция фразеологизмов, способы перевода, лингвокультурный аспект.

The descriptive function of phraseological units: a linguistic and cultural aspect (based on A. Pankov's translation of I.S. Turgenev's novel "Fathers and Sons" into German)

Maksim K. Kudryavtsev[1], **Elena M. Tsukanova**[2]

[1] Oryol State University named after I.S. Turgenev, Master’s Degree Student, 2 year, the Chair of the German Language, Oryol, Russia, inkweller@yandex.ru

[2] Oryol State University named after I.S. Turgenev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, the Chair of the German Language, Oryol, Russia, tsukanova68@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the description of the ways of translation of phraseological units, which are part of the culture of each linguistic and cultural community. The analysis of translation from the point of view of the linguistic and cultural approach allows us to dive deeper into the culture of the people whose language the original text was created in, gives an idea of traditions, the system of values, which contributes to a constructive dialogue of cultures. The main content of the study is the analysis of the translation of phraseological units, which perform the descriptive function of the characters in the text.

Keywords: phraseological units, descriptive function of phraseological units, translation methods, linguistic and cultural aspect

Традиционно в научной литературе под фразеологизмами принято понимать «семантически связанные сочетания слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [3].

Актуальность научных исследований, связанных с изучением значений фразеологизмов и способов их передачи на другие языки, неоспорима. Фразеологизмы являются особой категорией лексики, которая не только отражает культурные особенности того или иного народа, но и является носителем переносного значения, что часто представляет сложность для переводчиков. Отсутствие точного эквивалента в другом языке приводит к необходимости поиска альтернативных решений.

Целью данного исследования является описание *способов перевода* выявленных в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» [4] фразеологизмов переводчиком А. Панковым на немецкий язык [5].

В процессе анализа нами выявлены следующие способы перевода 96 фразеологизмов, частотность применения которых дается в порядке убывания: описательный перевод – 44 единицы; перевод фразеологическим аналогом – 39 единиц; перевод эквивалентным фразеологизмом – 7 единиц; дословный перевод или калькирование – 6 единиц.

В рамках данной статьи нам хотелось бы акцентировать внимание на описательной функции фразеологизмов в тексте романа, что является отличительной чертой идиостиля И.С.Тургенева в целом [2]. Язык персонажей романа «Отцы и дети» индивидуален, отражает их духовный мир. В их языке проявляется их яркая индивидуальность, широта или, наоборот, немощность духовного развития, их интересы, наклонности. Через фразеологизмы автором выражается настроение говорящего и конкретные особенности характера. Личность Базарова выбрана нами не случайно: И.С. Тургенев в одном из писем признался, что когда он писал Базарова, то, в конце концов, «почувствовал к нему не неприязнь, а восхищение». А когда он писал сцену смерти Базарова, то «рыдал навзрыд» [6]. Это не были слезы жалости, это были слезы художника, который видел трагедию человека, в котором воплотилась часть его собственного идеала.

Базаров значительно превосходит других героев по количеству употребляемых в его речи фразеологизмов. Они составляют 29,33% от общего количества фразеологизмов, выявленных нами в тексте романа И.С.Тургенева «Отцы и дети». Для анализа нами были использованы словари: Фёдоров А.И. «Фразеологический словарь русского литературного языка» [7], Бинович Л.Э. «Немецко-русский фразеологический словарь» [1], „Duden Redewendungen“ [8].

Противоречивые черты характера Базарова ярко проиллюстрируют следующие примеры.

Для выражения близости Базарова к народу в его речь вводятся разговорные и даже просторечные фразеологизмы. Например, фразеологическая единица «вилять хвостом» – (прост., пренебр.) переводится как “wie ein Hund kuscheln“, которая является и в немецком языке фразеологизмом и в переводе означает «прильнуть как собака», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологическим аналогом. «Днём с огнём» – с величайшим трудом (можно найти, отыскать и т. п.) кого-либо или что-либо) – используется для обозначения чего-то очень редкого или труднодоступного. Фраза подразумевает, что найти такое что-то можно только при большом усилии, как если бы пытались искать огонь в дневное время, когда он менее заметен. Выражение „mit der Laterne in der Hand suchten” в немецком языке также является фразеологизмом и в переводе также означает «днём с огнём искать», следовательно, переводчиком был использован приём перевода фразеологизма фразеологическим аналогом. Фразеологизм «какими судьбами?» – (устар. экспрес.) используется в неформальном общении, часто этот оборот употребляется в сочетании с вопросом о том, что нового, или о том, как идут дела у собеседника. Выражение „was führt Sie hierher” в немецком языке также является фразеологизмом и в переводе означает «что привело вас сюда», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологизма фразеологическим аналогом. Фразеологизм «из кожи лезть» означает «усердствовать, стараться изо всех сил». Выражение „für dessen Wohl ich schanzen soll”, использованное переводчиком, в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «за благополучие которого я должен сражаться», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Ясно как день» – (разг., экспрес.) – совершенно ясно, понятно – используется для обозначения чего-то очевидного и понятного. Когда говорят, что что-то «ясно как день», имеется в виду, что это не вызывает сомнений и не требует дополнительных объяснений. Такое выражение подчеркивает ясность и простоту какого-либо факта или утверждения. Выражение „halten die Hand ins Feuer” в немецком является фразеологизмом и в переводе означает «ручаться за кого-л. головой», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологическим аналогом. «Не стоит ломать голову» – (устар.) – не нужно усиленно думать, придумывать что-либо, стараясь помочь кому-либо, устраивая кому-либо приём, увеселение и т. п. Выражение „beunruhigen Sie sich nicht” в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «не беспокоиться», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Висеть на нитке» – (устар., экспрес.) – едва сохраняться; быть под угрозой гибели, исчезновения. Часто используется для описания критической ситуации, когда что-то может легко измениться в худшую сторону. Выражение „hängen an einem Fädchen” в немецком является фразеологизмом и в переводе означает «висеть на волоске», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологизма фразеологическим аналогом.

Незаурядный ум, образованность Базарова выражается во многих фразеологизмах. Например, «обломать дело» – (устар., разг.) – устроить, совершить что-либо с пользой, выгодой для кого-либо. Выражение „noch vieles zu leisten” в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «многое еще предстоит сделать», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода.

Твердость и прямота Базарова выражаются в таких фразеологизмах, как «туда и дорога» – пусть так и будет; не стоит жалеть о том, что случилось. Выражение „so müssen wirs uns gefallen lassen” в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «придётся смириться», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Никуда не годится» – (разг., экспрес.) – нельзя этого допустить; не следует этого делать. Используется для обозначения человека или вещи, которые абсолютно не соответствуют ожиданиям, не пригодны для заданной цели или не имеют ценности. Чаще всего он применяется в негативном контексте, чтобы подчеркнуть бессмысленность или

бесполезность чего-то или кого-то. Выражение „das abgeschmackt ist" в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «это отвратительно», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. Фразеологизм «в силу чего» – по причине, в результате чего-либо переводится как „für unser Handeln bestimmt nur", что в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «предназначенный только для наших действий», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Тёртый калач» – (разг., ирон.) – опытный, бывалый и хитрый человек, которого трудно провести, обмануть – заменяется в переводе на выражение „während die andere", которое в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «в то время как другие», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода.

Ирония Базарова выражаются в следующих фразеологизмах: «видать виды» – (разг. экспрес.) – многое знать, испытать, пережить в жизни. Обычно это выражение используется, чтобы подчеркнуть наблюдательность или стойкость человека, который столкнулся с множеством различных ситуаций. Часто этот фразеологизм используется в контексте обсуждения чьих-то знаний о жизни или способности справляться с трудностями. Выражение „weiß sich auch zu helfen" в немецком не является фразеологизмом и в переводе означает «знает, как помочь», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Ещё бы» – (разг. экспрес.) – конечно же; разумеется, так; не стоит сомневаться – в переводе звучит как: „Ich zweifle nicht daran", не является фразеологизмом и в переводе означает «знает, как помочь», т.е. переводчиком был использован приём описательного перевода. «Губа не дура» – (прост.) – кто-либо обладает хорошим вкусом, знает, что выбрать, предпочесть – переводится как „lieben die guten Bissen", не является в немецком языке фразеологизмом и в переводе означает «любит хорошо поесть», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологизма фразеологическим аналогом. «Песенка спета» – (разг. экспрес.) – то же, что песенка пропета. Выражение „Lied ist zu Ende" в немецком является фразеологизмом и в переводе означает «песня спета», т.е. переводчиком был использован приём перевода фразеологизма фразеологическим эквивалентом.

Проведенный нами анализ позволяет сделать определенные выводы. Произведение «Отцы и дети» является одним из главных произведений Тургенева. И Базаров в этом произведении отражает точку зрения автора на мир. Базаров выступает достаточно неоднозначной личностью, что хорошо прослеживается в самих фразеологизмах, используемых им в речи. Вместе с твёрдостью и образованностью, читателю представляется ещё и ирония, к которой Базаров достаточно часто прибегает в общении с окружающими его людьми. Это делает его отражением времени, когда произведение было написано.

Что касается перевода А. Панкова, то наиболее частотным приёмом перевода является описательный перевод, но не перевод фразеологическим аналогом и или фразеологическим эквивалентом, также применяемых автором в качестве способов перевода в приведенных выше контекстах. На наш взгляд, в данном случае несколько «теряется» уникальный идиостиль И.С. Тургенева, о котором говорилось выше. Черты характера Базарова – нигилиста, т.е. отрицателя и революционера, принадлежащего к социальному слою демократической интеллигенции и отличающегося близостью к народу, верой в свои силы и в науку, надеющегося обрести общий язык с мужиками, отличающегося мощью темперамента и неукротимостью протеста, к сожалению, были лишь отчасти «донесены» до немецкоязычного читателя и привели, на наш взгляд, к стилистическим потерям.

Таким образом, возвращаясь к названию нашей статьи, можно говорить о том, что герой Базаров в тексте - источнике И.С. Тургенева и в переводе на немецкий язык А.

Панкова – две разные личности, обладающие разными чертами характера и темпераментом.

Список литературы

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. URL: https://djvu.online/file/lYSfJpEoyEMKZ (дата обращения: 25.02.2025).

2. Лаврушина Е.В. Фразеология как компонент идиостиля И.С.Тургенева и проблема сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя. URL: https://www.dissercat.com/content/frazeologiya-kak-komponent-idiostilya-i-s-turgeneva-i-problema-sokhraneniya-etogo-komponenta (дата обращения: 02.04.2025).

3. Лингвистический энциклопедический словарь URL: https://tapemark.narod.ru/les/559a.html (дата обращения: 16.03.2025).

4. Тургенев И.С. Отцы и дети. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Turgenev_Otcy_i_deti.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

5. Тургенев, И.С. Отцы и дети в переводе на немецкий язык URL: https://originalbook.ru/ottsy-i-deti-deutsch-vater-und-sohne-iwan-turgenew/ (дата обращения: 02.09.2025).

6. И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем. URL: https://imwerden.de/pdf/turgenev_pss_pisma_tom12_1872-1873_2000_text.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка – URL: https://gufo.me/dict/fedorov (дата обращения: 20.01.2025).

8. Duden „Redewendungen“, Band 11. URL: https://archive.org/details/dudenredewendung0000unse/mode/2up (дата обращения: 20.01.2025).

Сведения об авторах:

Максим Константинович Кудрявцев, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студент 1-го курса магистратуры института иностранных языков, 302027, Российская Федерация, Орел, ул. Игнатова, д. 29, кв.6, inkweller@yandex.ru, +79534142003

Maxim Konstantinovich Kudryavtsev, Turgenev Orel State University, 1st year master's student at the Institute of Foreign Languages, 302027, Russian Federation, Oryol, Ignatova Street, 29, Apt. 6, inkweller@yandex.ru, +79534142003

Цуканова Елена Михайловна, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Tsukanova Yelena Mikhailovna, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

УДК 81.81-22

Волк в украинской паремиологии (на материале сборника И. Я. Франко «Галицько-руські народні приповідки»)

Виктория Владиславовна Мущинская
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры славянской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, Россия v.mushinskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу особенностей специфической составляющей паремиологического фонда украинского языка, а именно паремий с анималистическим компонентом *волк* на материале украинского сборника И. Франко «Галицько-руські народні приповідки». Анализ показал: с образом волка в сознании носителей украинского связаны отрицательные эмоционально-оценочные характеристики человека.

Ключевые слова: анимализм, паремиологический фонд, паремия, И. Франко, украинский язык

The wolf in Ukrainian paremiology (based on the collection of I. Ya. Franko «Galician-Russian folk pripovedki»)

Viktoriia V. Mushchinskaia
Saint Petersburg State University, docent of the department of slavic philology, candidate of philology sciences, Saint Petersburg, University embankment, 11, Russia, v.mushinskaya@spbu.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the features of a specific component of the paremiological fund of the Ukrainian language, namely paremias with the animalistic component wolf based on the material of the Ukrainian collection by I. Franko "Galician-Russian folk tales". The analysis showed that negative emotional and evaluative characteristics of a person are associated with the image of a wolf in the minds of native speakers of Ukrainian.

Keywords: animalism, paremiological basis, paremia, I. Franko, Ukrainian language

В культуре восточных славян *волк* – одно из наиболее мифологизированных животных. В «Словаре русской ментальности» *волк* характеризуется как «хищный безжалостный дикий зверь, предпочитающий жить в стае. Волка боятся, но не до ужаса («волка бояться, и в лес не ходить»), и по возможности жестоко наказывают за дело («не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел»). В отличие от лисы, волк не наделён хитростью (волк в овечьей шкуре не способен никого ввести в заблуждение), обычно стремится овладеть жертвой с наглой прямотой хищника («ты виноват уж тем, что хочется мне кушать, – сказал и в тёмный лес ягнёнка поволок» – Крылов). Ночной образ жизни Волка рождает подозрение, что он может быть посредником между мирами света и тьмы (оборотень). Вместе с тем сила, энергия («волка ноги кормят»), стремление к свободе («как волка ни корми, а он всё в лес глядит») заставляют видеть в Волке не только разбойника, но и воина; сходство с собакой позволяет надеяться на его помощь (серый волк сказок) [Колесов, 2014, с. 121-122]. Представление о волке как животном дается в толковых словарях. Так, «Академический толковый словарь украинского языка» выделяет два значения слова *волк*: 1. хищник семейства псовых, обычно серой масти. *Вовки дуже шкідливі хижаки, бо знищують багато свійської худоби, особливо овець*

(Зоологія. Підручник для 7 кл., 1957, 154); 2. диалект. Средняя часть арбуза без зерен. *Скибки [кавуна] розпались, і з середини випав червоний вовк* (Нечуй-Левицький, І, 1956, 501) [СУМ, 1970, І, с. 711].

Волк является диким животным. Постоянное, ежедневное сосуществование человека с дикими животными не было естественным. Они воспринимались чаще всего либо как объект промысла (охоты, рыбалки), либо как источник потенциальной угрозы для самого человека или для его «домашнего» мира. Так, в энциклопедии «Русская мифология» отмечается, что основным признаком, определяющим символику волка в славянских народных представлениях, является принадлежность к «чужому» миру. Эта чужеродность волка отчетливо прослеживается в легендах о его происхождении. Возникновение волка в мифопоэтическом сознании связывается с землей [Мадлевская 2005, с. 41].

А. В. Гура в результате анализа, приходит к выводу, что во всех славянских зонах наиболее распространена легенда о том, что волк был сотворен чертом против Бога [Гура, 1997, с. 122].

Однако в книге Г. Булашева «Украінскій народъ в своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣнияхъ и вѣрованіяхъ. Выпуск первый. Космогоническія украинскія народныя воззрѣния и вѣрованья» зафиксирована украинская легенда, в которой волк был создан Богом по просьбе черта. Приведем полностью эту легенду. «Однажды, говорит легенда, черт явился в Богу и говорит: «Люди совсем не досматривают своего скота, и он «робить шкоду». Нужно сделать так, чтобы люди на будущее время боялись пускать его одного». Бог велел черту слепить из глины волка. Черт скорехонько побежал, слепил волка и привел его к Богу. Бог нашел волка слишком большим (волк был с добрую лошадь) и признал, что его нужно острогать. Черт взялся острогать волка, - и из стружек понаделались – из больших шершни, из меньших мухи, а из самых маленьких – комары. Он острогал волка до такой величины, каким мы его видим теперь, и пустил. Волк страшно разозлился от нестерпимой боли и сказал Богу, что будет есть не только скот, но и людей. Черт привел волка к людям и напустил его на первого же человека. Человек тот стал просить волка, чтобы позволить ему перед смертью помыться. Волк позволил. Человек взял ладную дубину, спрятал ее, а потом попросил у волка позволения вытереться его хвостом. Волк позволил и это и отставил хвост. Тогда человек схватил волка за хвост и ну его бить дубиною изо всей мочи. Волк вырвался от человека и набросился на черта. Черт испугался и пустился бежать, волк – за ним. И теперь, если бежит волк с раскрытой пастью, люди обыкновенно не трогают его, иначе черт убежит от волка, и он бросится тогда на того человека, который помешает ему догнать черта» [Булашев 1909, с. 417]. Кроме это на Украине существует верование, что волки едят чертей. Говорят, если бы их не убивал гром, и не пожирали волки, в таком случае чертей расплодилось бы столько, что свету Божьего не было бы видно» [Булашев 1909, с. 418].

С другой стороны, как отмечает Г. Булашев, волками заведует св. Юрий. В некоторых местностях волка называли еще «Юрьевыми собаками». Волки едят только то, что укажет им св. Юрий. Св. Юрию (Георгию) приписывается власть над волками, без сомнения, потому, что на него, как равно на св. прор. Илию и архистр. Михаила, перенесены черты языческого бога-громовика, волк же является зооморфическим образом демона. В русском фольклоре есть пословица «что у волка в зубах, то Егорий дал». И в украинских, и в русских легендах наряду со св. Георгием, выводятся также Спаситель и св. Николай [там же].

Волку присуща хтоническая символика, поскольку само происхождение волка в легендах связано с землей: волк слеплен из грязи или из глины. Этот зверь в народных представлениях причастен к нечистым животным. Эта близость зафиксирована как в русских, так и в украинских легендах. Так, Г. Булашев отмечает, что волк, помимо своего

прямого значения, играет важную роль и в зооморфическом представлении демона [Булашев 1909, с. 416].

Методом сплошной выборки из сборника И. Я. Франко «Галицько-руські народні приповідки» [Франко, Т. 1-6, 1901-1910] было отобрана 201 паремия с компонентом «волк».

Наибольшее количество паремий характеризуют хищную природу, стайное поведение и хитрость этого животного:

*Вовка ноги годують. Вовк лежачи не утне (*в знач. должен бегать, работать*). Переказами вовк не ситий. Голод вовка з ліса гонить. Вовка скільки не годуй, а він у ліс дивиться. Вовка натура до ліса тягне. Не за те вовка б'ють, що сиру нема, але що вівцю з'їв. Укажи ся вівцею, а вовки готові. Біда вівцям, де вовк пастушить. Вовк і пораховану вівцю з'їсть. Хто стає вівцею, того вовк з'їсть. Такий сторож з вовка при вівцях, як з кози при капусті. Вовк ліняє, але натури не змінить. З вовком жити, вовком бути. З вовком жити, по вовчому вити. Ловив вовк, а колись і вовка зловлять. Носить вовк носить, а колись і вовка понесуть. Не буде з вовка барана. Пожалував вовк кобилу, лишив хвіст і гриву. То ще вовк в овечій шкурі. І в баранячій шкурі вовка пізнати. Голодний як вовк.*

Паремии с компонентом *волк*, зафиксированные И. Франко, можно распределить на группы, с одной стороны, характеризующие поведение человека, его эмоции, физическое состояние, отношение к людям, с другой стороны, бытовые ситуации.

1. Общественное положение:

1.1. Иерархия в обществе и взаимоотношения с окружающими людьми: *Коза дере лозу, вовк козу дере, вовка пастух дере, пастуха пан дере, пан адукат (адвокат) дере, адуката государ дере, а государа сам чорт дере; то вже велика біда в лісі, як вовк вовка їсть; жид і вовк ніколи не ситий; жид хрешений, а вовк пещений, то на єдно виходить; вовк хований, приятель перепрошений, син прибраний і Жид хрещений, то все непевні;*

1.2. Негативное отношение к служителям церкви: *ксьонз і дяк оба вовчі горла; попове око, а вовче горло*; *ксьонз і дяк, воба вовчі горла.*

2. Физическое состояние человека:

2.1. голод: *голодний як вовк*; *клацає зубами як голодний вовк*;

2.2. переохлаждение: *змок як вовк.*

3. Эмоциональное состояние человека:

3.1. Отчаяние: *на, вовче, заїдж мі!* (крик отчаяния, когда человек придавленный бедой, не может себе помочь); *заїв вовк кобилу, най бере й лоша*.

4. Интеллектуальный уровень (умственные способности):

4.1. Нерадивость, бездарность: *заклав до воза вовк кобилу, та лишив лишень гриву* (смеются с неловкого помощника, помогая сделает больше вреда, чем пользы); *уклепав як біда вовка*.

5. Поведение и качества человека:

5.1. враждебность: *зиркає очима як вовк; дикий як вовк в лісі*; *бурий як вовк; дивиться як вовк на вівцю;*

5.2. скупость, жадность: *не видереш, як вовкові з горла; жид і вовк ніколи не ситий*;

5.3. злость, неприязнь: *не навчиш вовка орати; дивиться на мене як вовк на вівцю; добрий як баранчик, лише по-вовчому виє; жалує його як вовк вівці; клацає зубами як голодний вовк; був би добрий за вовка до ягнят; лихий як кітна вовчиця*; *не буде з вовка барана; не навчиш вовка орати; недобрий як вовк; вовк ся старії, але не добріє*; *пізнати вовка, хоть в баранїй шкірі*;

5.4. слабость, бесхарактерность: *ні вовк ні пес*;

5.5. трусливость: *що сїре, то й вовк*; *як не вовк, то бурий пес*;

5.6. опытность: *був вовк у сіти і перед сітю* (перен. про бывалого человека, который много пережил и сам много зла делал);

5.7. коварность: *впустив вовка до обори;*

5.8. неблагодарность: *годуй вовка, аби тї ззїв*; *вовка скілько не годуй, а він у лїс дивиться;*

5.9. лживость: *пожалував вовк кобилу, лишив хвіст і гриву; то ще вовк в овечій шкурі; добрий як баранчик, лише по вовчому виє; жалує го як вовк вівцї;*

5.10. корысть: *не туди вовка тягне, де для нього нїчого не пахне*; *ци видїлисте, аби вовк дав мньисо псови?*

5.11. невежливость: *дикий як вовк у лїсї*;

5.12. пагубные пристрастия, которые рано или поздно одержат верх: *вовка натура до лїса тягне; вовка щось усе до лїса тягне*.

6. Бытовые ситуации:

Аби вовк був ситий і баран цїлий; вовк ситий і вівця цїла; вовк ситий і коза цїла (обе стороны довольны результатом дела).

Викликав вовка з лїса; вовка не треба кликати з лїса, він і сам прийде; *за вовка помовка, а вовк іде (у хату, тут, суне); о вовку помовка, а вовк у кошарі* (не следует накликать на себя беду).

Вовк вовка в яму не втрутит (о людях, которые легко понимают друг друга и стараются соблюдать взаимные, не всегда законные, интересы).

З вовком жити, вовком бути; з вовком жити, по вовчому вити (человек уподобляется своему окружению даже, если это ему не нравится).

З живого вовка ськиру продає; ще вовка не зловив, а вже шкіру пропив; пє на вовчу шкуру (преждевременное празднование какого-либо дела).

На таке діло й вовк не пристане (об очень невыгодных условиях).

Певне вовк у лїсї здох! (о неожиданной новости).

На передї медвідь, а по заду вовк (о большой опасности).

Вовком орати не будеш; тяжко вовком орати; захотів ти від вовка каянья, а від п'яного встиду! Тяжко вовка за хвіст упіймати; на таке сі вовк женив, та й досі жінки не має; не продавай вовка, аж його забєш (о фантастических невыполнимых планах или невозможной ситуации).

Кізьми вовка не тровити; дай, Боже, нашому теляті вовка спіймати (использование несоответствующих способов при работе).

На таке й вовк не пристане (о несправедливых условиях).

Остатня річ вовком орати (о безвыходном положении).

Таким образом, анализ показал, что в украинском паремиологическом фонде анимализм *волк* занимает заметное место и формирует в значительной степени «зоологический код» украинской культуры и ментальности. Все паремии с анимализмом *волк* в сборнике И. Франко «Галиць-руські приповідки» имеют негативную коннотацию и свидетельствуют об отрицательных эмоционально-оценочных характеристиках при переносе на человека признаков животного. Они относятся к сфере моральных качеств и оценки поведения человека в ситуациях, в которых он оказывается.

Список литературы

1. Булашев Г. О. Украінскій народъ в своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣнияхъ и вѣрованіяхъ. Выпуск первый. Космогоническія украинскія народныя воззрѣния и вѣрованья. Киев. 1909. – 515 с.

2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.- 912 с. (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования.)

3. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 1. А – О. – С. Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.
4. Мадлевская Е. Л. Русская мифология. СПб.: Мидгард, 2005. – 781 с.
5. СУМ – Словник української мови в 11 томах 1970-1980. Т. 1. Київ «Наукова думка», 1970. - 711 с.
6. Франко І. Я. Галицько-руські народні приповідки в 6 томах 1901-1910. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка.

Сведения об авторе:
Мущинская Виктория Владиславовна
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры славянской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, Россия v.mushinskaya@spbu.ru
Mushchinskaia Viktoriia V.
Saint Petersburg State University, docent of the department of slavic philology, candidate of philology sciences, Saint Petersburg, University embankment, 11, Russia, v.mushinskaya@spbu.ru

УДК 81’373

К вопросу о разграничении терминов, входящих в семантическое поле «Professional Activities of the Police»

Алиса Алексеевна Полякова
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, курсант 2 курса факультета подготовки следователей, Орёл, Россия

Научный руководитель – Валентина Николаевна Шашкова
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, профессор кафедры иностранных и русского языков кандидат филологических наук, доцент, Орёл, Россия, valentina.shash@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семи терминов, входящих в семантическое поле «Professional Activities of the Police»: investigation, inquiry, detection, examination, search, probing, reconnaissance. На основании анализа словарных дефиниций для рассматриваемых терминов выявлены 17 семантических признаков, разные конфигурации которых формируют семантическую структуру каждого термина: целенаправленный процесс сбора информации, официальный или систематический характер, установление фактов, их анализ и интерпретация, возможность включения допросов, сбора доказательств и экспертиз в качестве следственных действий, акцент на выяснении причин, обстоятельств и установлении виновных, формальный запрос информации, устная / письменная форма, первоначальная стадия расследования, вопросная форма взаимодействия, акт обнаружения чего-либо, часто скрытого и неочевидного, акцент на моменте нахождения, не на процессе поиска, использование специальных технологий,тщательный осмотр или анализ, случайный характер, отсутствие необходимости глубокого анализа, латентная форма и многоэтапность.

Выявленные признаки организованы в денотативную матрицу, на основании которых сделаны выводы о специфике терминов.

Ключевые слова: семантическое поле, референтная область, анализ словарных дефиниций, денотативная матрица, семантический признак.

The question of semantic difference of terms forming the semantic field “Professional Activities of the Police” revisited

Alisa A. Polyakova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, cadet of the 2nd year at the faculty of investigators’ training, Orel, Russia

Scientific supervisor – Valentina N. Shashkova

Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, professor of the Chair of foreign and Russian languages candidate of Philology, associate professor, Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of seven terms included in the semantic field of «Professional Activities of the Police»: investigation, inquiry, detection, examination, search, probing, reconnaissance. Based on the analysis of dictionary definitions for the terms in question, 17 semantic features were identified, different configurations of which form the semantic structure of each term: a targeted process of collecting information, official or systematic nature, establishment of facts, their analysis and interpretation, the possibility of including interrogations, collection of evidence and examinations as investigative actions, an emphasis on clarifying the causes, circumstances and identifying the perpetrators, a formal request for information, oral / written form, the initial stage of the investigation, the question form of interaction, the act of discovering something, often hidden and non-obvious, an emphasis on the moment of finding, not on the search process, the use of special technologies, a thorough inspection or analysis, a random nature, no need for in-depth analysis, a latent form and multi-stage nature. The identified features are organized into a denotative matrix, on the basis of which conclusions are drawn about the specificity of the terms.

Keywords: semantic field, reference zone, analysis of dictionary definitions, denotation matrix, semantic feature.

Изучение особенностей функционирования лексических единиц, входящих в одно семантическое поле, позволяет глубже понять механизмы номинации в языке и выявить те семантические признаки, которые являются дифференциальными для лексем конкретного терминологического поля. Как показывает практика исследования семантики терминологических единиц, относящихся к области юриспруденции, они часто отличаются семантической вариативностью, что обусловливает необходимость уточнения их семантического состава для правильного употребления в рамках правового поля.

В качестве объекта исследования был избран ряд лексических единиц, входящих в семантическое поле «Professional Activities of the Police»: investigation, inquiry, detection, examination, search, probing, reconnaissance. Все лексические единицы являются «существительными пропозитивной семантики» [1, с. 334], допускающими экспликацию атомарной пропозиции с обязательными субъектно-предикатными отношениями и факультативными элементами, заданными валентностью глагола-предиката в структуре пропозиции. На первом этапе исследования был проведён анализ словарных дефиниций.

Для этого были отобраны словари, онлайн-версии которых использовались в качестве инструментов исследования: Cambridge English Dictionary [3], Oxford Learner's Dictionary [4], MacMillan Dictionary [5], Merriam-Webster Dictionary [6] и the Free Dictionary [7]. Далее для единиц, выступивших в качестве объекта исследования, были выявлены интегральные и дифференциальные семантические признаки и организованы в форме «денотативной матрицы» [2, с. 137–138] (см. Таблицу 1).

Таблица 1. *Денотативная матрица для терминологических единиц, формирующих семантическое поле «Professional Activities of the Police»*

Лексемы Семы	**investigation**	**inquiry**	**detection**	**examination**	**search**	**probing**	**reconnaissance**
✓ Целенаправленный процесс сбора информации	+	+	+/–	+	+	+	+
✓ Официальный или систематический характер	+	+	–	+/–	+	–	+
✓ Установление фактов, их анализ и интерпретация	+	+	–	+	+	+	+
✓ Может включать допросы, сбор доказательств, экспертизы	+	+	–	+	+	+	–
✓ Акцент на выяснении причин, обстоятельств и установлении виновных	+	+	–	+	+/–	+	–
✓ Формальный запрос информации	–	+	–	–	–	–	–
✓ Устная форма ✓ Письменная форма	+/– +/–	+ +	– –	– –	– –	+ +/–	– –
✓ Является первоначальной стадией расследования	–	+/–	–	–	+/–	–	+
✓ Вопросная форма взаимодействия	–	+	–	–	–	+	–
✓ Акт обнаружения чего-либо, часто скрытого и	–	–	+	–	–	–	–

неочевидного							
✓ Акцент на моменте нахождения, не на процессе поиска	–	–	+	–	–	–	–
✓ Использование специальных технологий (детекторы, сенсоры)	–	–	+	+/–	+/–	–	+
✓ Тщательный осмотр или анализ объекта, ситуации	+	+	–	+	+	+	–
✓ Случайный характер (может быть случайным)	–	–	+	–	–	–	–
✓ Не подразумевает глубокого анализа, именует факт обнаружения и/или раскрытия (преступления)	–	–	+	–	–	–	–
✓ Латентная форма	–	–	–	–	–	+	+
✓ Многоэтапность	+	+	–	–	+/–	–	–

По итогам первой стадии анализа были выявлены 17 семантических признаков, из которых самыми частотными в плане вхождения в семантическую структуру рассматриваемых лексем стали целенаправленный процесс сбора информации, официальный или систематический характер, установление фактов, их анализ и интерпретация, допущение включения допросов, сбора доказательств и проведения экспертиз в сам процесс, именуемый лексической единицей, акцент на выяснении причин и обстоятельств совершения деяния, а также на установлении виновных лиц. К семантическим признакам, проявляющимся лишь в одной лексеме из рассматриваемого ряда, относятся акт обнаружения чего-либо, часто скрытого и неочевидного, важность момента нахождения чего-либо, а не самого процесса поиска, допущение случайного характера находки / раскрытия преступления, неакцентирование аналитической деятельности, стоящей за результатом. Все указанные семантические маркеры фактические являются дифференциальными признаками одной лексемы – *detection*.

На основании проведённого анализа можно заключить, что лексема *investigation* является ядром семантического поля. Она инкорпорирует самый широкий состав семантических признаков из тех, которые были выявлены для компонентов поля. Семантическое наполнение лексемы может быть представлено как целенаправленный и официальный процесс установления истины относительно выявления виновного в совершении преступления лица и доказательства его виновности. Ядро поля типично используется для номинации всего процесса расследования.

Семантический признак, отражающий вопросно-ответную форму, находит выражение в двух лексемах, а именно: *inquiry* и *probing*. При этом *inquiry* предполагает более строгий и официальный характер взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с гражданами, *probing* часто имеет скрытую форму.

Отрицательные признаки имеют огромное значение для смыслоразличения, поэтому важно, что рассматриваемые лексемы отличаются ещё и по признаку начального этапа расследования. Лексема *probing* в контексте деятельности полиции используется для номинации техники ведения скрытого допроса, когда необходимо посредством косвенных вопросов заполнить лакуны в показаниях свидетелей, выявить несоответствия, при этом по очевидным причинам эта техника не используется на начальном этапе расследования. Основанием для её применения является подозрение в виновности лица при отсутствии серьёзной доказательной базы. Лексема *inquiry,* являясь многозначным термином, включает лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) «расследование», а также «следствие» и «дознание». Сами по себе эти ЛСВ иллюстрируют гиперо-гипонимические отношения, в которых ЛСВ «расследование» является родовым, а ЛСВ «следствие» и «дознание» являются гипонимами, то есть видовыми ЛСВ. Семантический признак «начальный этап расследования» актуализируется в двух ЛСВ из указанных трёх: в случае следствия лексема типично используется в синтагматической связи с прилагательным *preliminary*, в случае дознания никаких дополнительных лексических модификаторов обычно не используется. Необходимо сделать уточнения относительно употребления лексемы *inquiry* в рассматриваемых ЛСВ. Они реализуются, когда лексема функционирует в качестве англоязычного аналога для описания правовой реальности в Российской Федерации. При описании реалий англо-саксонской правовой семьи рассматриваемые ЛСВ неактуальны. Терминологическая лексема *inquiry* типично используется для обозначения дознания, поэтому вопросно-ответная форма, целенаправленный процесс сбора информации, анализ, интерпретация фактов, формальный характер – это отличительные признаки этой лексемы.

Лексемы *search* и *detection* используются для номинации процесса и результата следственных действий соответственно. Акцент падает не на аналитическую деятельность, а на поиск и обнаружение информации, лиц и / или объектов. В составе комплексной номинативной единицы *crime scene search* рассматриваемая лексема используется для обозначения целого комплекса следственных действий: первичного осмотра места происшествия, фото- и/или видеофиксации доказательств, их сбора, упаковки и обеспечения их сохранности.

Основным семантическим компонентом лексемы *examination* является тщательный осмотр или анализ объекта и/или ситуации. В отличие от лексем *search* и *detection*, для которых анализ словарных дефиниций не выявил эксплицитного указания на аналитический характер деятельности, *examination* предполагает именно анализ физических доказательств в случае актуализации лексико-семантического варианта «экспертиза» или обработку места происшествия в случае актуализации комплексной номинативной единицы *crime scene examination*, что включает в себя осмотр места происшествия в поисках конкретного вида доказательств. Собственно анализ выносится за пределы процедуры осмотра места происшествия, но ввиду комплексного характера этого оперативно-следственного мероприятия уже на этом этапе выдвигаются первичные гипотезы, проверке которых и подчинён сбор доказательств.

Лексема *reconnaissance* используется в качестве технического термина для обозначения тактических действий по исследованию территории или объекта. Часто именно синтагматические связи уточняют инструмент исследования: *aerial reconnaisance* – воздушная разведка (как правило, с использованием беспилотных летательных аппаратов) или *IT reconnaissance* – информационная разведка, предполагающая процесс сбора информации о подозреваемом. Одним из дифференциальных семантических признаков этой лексемы выступает использование специальных технологий.

Перспективы своего исследования мы видим в обращении к текстовым корпусам для установления специфики актуализации рассматриваемых лексем и выявления регулярных вербальных контекстов употребления лексико-семантических вариантов, непосредственно связанных с референтной областью «Профессиональная деятельность полиции».

Список литературы

1. Падучева Е. В. Предикативные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 317–337.
2. Шашкова В. Н. К вопросу о разграничении англоязычных терминов, выступающих функциональными аналогами русскому глаголу «обвинять» // Филологический аспект. 2025. № 4 (120). С. 133–142.
3. Cambridge Dictionary / URL: https://www.dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 16.09.2025).
4. Macmillan Dictionary Online / URL: https://www.macmillan dictionary.com/ (дата обращения: 16.09.2025).
5. Merriam-Webster Dictionary / URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 16.09.2025).
6. Oxford Learner's Dictionary / URL: https://www.oxfordlearners dictionaries.com/ (дата обращения: 16.09.2023).
7. The Free Dictionary / URL: https://www.thefreedictionary.com./ (дата обращения: 16.09.2023).

УДК 81

Паремии семантического пространства «нравственные ценности» в русском и английском языках (лингвокультурологический аспект)

Елена Вячеславовна Сидорова
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент кафедры ГЕНД, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, lenasid_08@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лингвокультурологического аспекта паремий русского и английского языков, включенных в концептосферу моральных, нравственных ценностей и религиозного мировосприятия. Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом лингвистов к проблеме фразеологической единицы как особого этнокультурного знака в системе языка, отражающего национально-культурные особенности картин мира, оценки действительности и ментальных установок представителей разных лингвокультурных общностей.
Ключевые слова: лингвокультурология, культурный код, паремия, духовно-нравственные ценности

Paroemias of the semantic space "moral values" in the Russian and English languages (linguistic and cultural aspect)

Elena V. Sidorova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Candidate of Philological Sciences, Oryol, Russia, lenasid_08@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the linguistic and cultural aspect of the paroemias of the Russian and English languages included in the conceptual sphere of morality, moral values and religious worldview. The relevance of the topic is due to the relentless interest of linguists in the problem of phraseological units as a special ethno-cultural sign in the language system, reflecting the national and cultural characteristics of worldviews, assessments of reality and mental attitudes of representatives of different linguistic and cultural communities.

Key words: linguoculturology, cultural code, paroemias, spiritual and moral values

Одним из актуальных и остросовременных направлений развития аксиологии является вопрос определения роли нравственных ценностей в научном познании, а также актуализация различий, дифференциации и взаимосвязи общечеловеческих (универсальных) и национальных духовных ценностей. Проблема отражения культуры и культурных кодов в паремиях семантического поля лексико-семантической (далее ЛСГ) группы «нравственные ценности», безусловно, должна рассматриваться в русле лингвистики, лингвокультурологии, философии, истории, паремиологии, лексикологии, стилистики, аксиологии. Паремии – это отражение прошлого народов, картины мира, быта, мировосприятия, сохранение и трансляция опыта, обычаев, традиций и духовных ценностей той или иной лингвокультурной общности. «Паремия – это малый жанровый тип фольклора: поговорка, пословица, загадка, примета, прибаутка, пожелание, скороговорка. Паремия характеризуется краткостью и устойчивостью формы» [Матвеева 2010, с. 295]. Лингвокультурологический аспект изучения «паремиологического пространства» (термин Кацюба Л.Б. [Кацюба 2013, с.277]) ЛСГ "базовые моральные (нравственные) ценности" особенно актуален в современном обществе, ориентированном на построение многополярного, полицентричного мира с учетом духовно-нравственных, религиозных ценностей и традиций всех народов, говорящих на разных языках, а также поиск путей достижения гармоничного взаимопонимания и единства.

Моделирование концептосферы семантического поля фразеологических единиц (далее ФЕ) «нравственные ценности» – актуальная проблемная область исследований. Культурологический аспект фразеологических единиц изучают: В. И. Карасик, В. Н. Телия, М. Л. Ковшова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Г. Гак, О. Б. Абакумова, А.Д. Бакина и др.

А. Д. Бакина описывает «библейскую картину мира фразеологическими средствами и группирует фразеологизмы согласно выделенным библейским концептам, которые они вербализуют». В ходе исследования было выявлено, что «общекультурная концептосфера включает в себя целую совокупность библейских концептов, основная часть которых образует самостоятельную концептосферу библейской фразеологии» [Бакина 2023б, с. 290-292]. Разноаспектный, глубокий анализ лингвокультурных концептов провели С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и пр. В социологии ценность – это убеждение в желательности определённого поведения. Нравственные ценности и мораль – это система правил поведения в социуме. Базовые духовные ценности являются безусловным ориентиром поступков, мыслей и чувств личности, теряя его, человек лишается права быть полноценной частью социума, так как не принимает законы и правила, согласно которым общество функционирует и развивается. В паремиях (пословицах, поговорках, фразеологизмах, пословичных изречениях) в наибольшей степени отражены ценности наших предков. Паремии, являясь квинтэссенцией их мудрости, рассматриваемые в русле лингвокультурологического подхода, представляют

собой связь поколений и важную часть культуры и культурного наследия [Бакина 2022]. В паремиях, как в зеркале, отражается идентичность народа. Пословицы в русском языке представляют собой (в основном) суггестивную форму поучения, завета, наставления, сформулированного с опорой на нативное мировосприятие, репрезентируя речевой жанр «совет». Например, «лучше умереть в поле, чем в бабьем подоле», «жизнь прожить – не поле перейти», «не единым хлебом жив человек», «не рой другому яму, сам в нее попадешь», «под лежачий камень и вода не течет», «семь раз отмерь, один раз отрежь», «терпение и труд все перетрут», «не спеши языком, спеши делом», «добро помни, зло забывай», «люби ближнего, как самого себя», «тише едешь, дальше будешь», «лучше имя доброе нежели богатство», «береги платье снову, а честь – смолоду», «не давши слова, крепись, а давши, держись». Концептуальное пространство паремий в русском и английском языках сформировано согласно принципам антропоцентризма. В структуре русских паремий часто содержаться антитезы, противопоставления, сочетание аксиологических оценочных категорий «хорошо\плохо», сравнения, эмотивы («не место красит человека, а человек место», «худой мир лучше доброй ссоры», «гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется», «старый друг лучше новых двух», «лихо долго помнится, а хорошее скоро забывается», «делу время, а потехе час», «лиха беда начало», «доброму Савве добрая и слава», «честь лучше бесчестия», «не имей сто рублей, а имей сто друзей» и т.д.). Несмотря на то, что русский и английский языки являются разноструктурными, некоторые пословицы и поговорки семантически очень близки (почти идентичны), в их основе может быть различная образность, метафоричность, но при этом одинаковый смысл и посыл (кто рано встает, тому Бог дает – an early bird catches the worm; в чужой монастырь со своим уставом не ходят – when in Rome, do as the Romans do; глуп тот, кто глупо поступает – stupid is as stupid does, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними – do unto others as you would have them do unto you). Паремии о морали и нравственности практически всегда эмоциогенны, даже если в их составе и структуре нет эмоциональных слов и эмотивов, ведь они актуализируют призывы к человечности, милосердию, проявлению положительных эмоций чувств. Для англичан особой ценностью является концепт «честность», в семантическое пространство которого входит честная игра (в спорте), а также честность и искренность в межличностных отношениях. A straight arrow – честный, порядочный человек, to play a straight bat – быть честным и простым, руководствоваться традиционными идеалами и ценностями, repentance is good, but innocence is better – раскаяние – хорошо, а невинность – лучше, to do something fair and square – делать что-то честно, без обмана, practice what you preach – поступай в соответствии с провозглашенными принципами, слово с делом не расходится.

Исследователи проблем аксиологии считают, что традиционные ценности и их тесная связь с христианской моралью и религией уже не являются таким нравственным императивом для европейцев, англичан и американцев, как это было еще столетие назад, поэтому пословицы, фразеологические единицы, паремии, репрезентирующие наставления и призывы к следованию традиционным ценностям, возможно, не очень частотны и актуальны, по крайней мере, в разговорной речи и в медиатекстах [Бакина 2023а]. Вольфганг Мидер утверждает, что «золотое правило нравственности»*: do unto others as you would have them do unto you* было одним из ключевых и экзистенциально важных в социально-политическом дискурсе США на протяжении многих столетий. В. Мидер убежден в том, что выдающиеся политические деятели Америки верили в необходимость следования данному моральному императиву, так как стремились помочь гражданам своей родной страны в их борьбе за равенство, свободу и справедливость [Мидер 2022, с. 239].

Не углубляясь в изучение данной проблемы, отметим, как согласно современным политическим деятелям Америки и Англии, должен выглядеть набор базовых ценностей и приведем классификацию и типологию нравственных ценностей, принятую в России. В энциклопедии «Азбука веры» представлена общая классификация христианских ценностей: «**Религиозно-онтологические ценности:** Бог, бытие, природа (как творение Бога); **религиозно-антропологические:** человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, благодать, спасение; **религиозно-этические:** благо, любовь к ближнему и своему врагу, прощение, святость, добродетель; **религиозно-эстетические:** красота как проявление Бога в мире, прекрасное как форма добра; **религиозно-когнитивные:** Священное Писание и Священное Предание **религиозно-символические:** икона, богослужение, молитва; **религиозно-социальные:** Церковь, христианская община, соборность, человечество» [Азбука веры 2023].

Согласно указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «4. Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. 5. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. 6. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [Указ президента 2022].

В 2015 году Майкл Гоув (министр образования Великобритании) выступил с заявлением о том, что школы должны уделять больше внимания продвижению «британских ценностей». По мнению мистера М. Гоува, британские ценности включают в себя: «демократию, верховенство закона, свободу личности, взаимное уважение и терпимость к людям с другими верованиями и убеждениями», а также «первенство британского гражданского и уголовного права, религиозную терпимость и оппозицию гендерной сегрегации <…> терпимость, свобода, вера в личную ответственность, взаимное уважение и справедливость» [Гоув 2015, с. 61-62]. Стремясь соответствовать современным тенденциям гипертрофированного внимания к вопросам толерантности и политической корректности, политики англоязычных стран, подчеркивают в своих выступлениях смещение акцентов с традиционных ценностей на более современные и актуальные для политической конъюнктуры. Ф. Нил пишет в своей книге «Британия и Америка» о данных, полученных в результате исследования исторических источников, созданных в период формирования государственности и независимости и преобразования зависимых от Британской империи колоний в единое государство США. «1983 году профессора политологии из Хьюстонского университета Дональд Лутц и Чарльз Хайнеман опубликовали результаты масштабного десятилетнего исследования, в ходе которого они изучили более 15 000 документов, написанных отцами-основателями Америки в период с 1760 по 1805 год. Они обнаружили, что Библия была самым цитируемым источником: на её долю приходилось 34 % всех цитат. На самом деле

Библию цитировали в четыре раза чаще, чем любой другой источник. Тем не менее, эти исторические записи игнорируются, когда дело доходит до обучения будущих поколений. Современные основные учебные программы — от начальной до старшей школы — практически не затрагивают наше христианское наследие. Многие представители элиты даже отрицают очевидные факты, связанные с верой наших отцов-основателей. Очевидно, что есть силы, которые хотят представить Америку как светское, нерелигиозное государство. Почему? Опять же, всё сводится к отрицанию Библии как источника нравственных ценностей. Как отмечает ДеМар, основатели Америки "исповедовали одну религию и придерживались схожих ценностей. Первые основатели Америки были христианами, и в их учредительных документах выражалась вера в христианское мировоззрение"» [Нил 2014, с. 22].

Итак, паремии английского и русского языков эмоционально заряжены и содержат в себе призыв к миру, справедливости, созидательному труду, милосердию и эрадикации неравенства, несправедливости, агрессии. Нравственные ценности уходят корнями в исторические социально-политические процессы и тесно связаны с культурным контекстом, являясь одновременно универсальными, а также коррелированными с культурной и национальной идентичностью. Паремии лексико-семантической группы «нравственные ценности» в наибольшей степени являются моральным камертоном, определяющим, что является хорошим, а что – плохим.

Список литературы

1. Бакина А. Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 22, № 5. – С. 28-38.

2. Бакина А. Д. Лингвокогнитивная парадигма исследований библейской фразеологии // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – Белгород, 2023а. С. (290–300). URL: https://jpl-journal.ru/index.php/journal/article/view/233 (дата обращения: 11.09.2025).

3. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023б. – № 4(101). – С. 384-387. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-384-387

4. Кацюба Л. Б. Нравственные ценности русских паремий как фактор духовной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. – Челябинск, 2013. С. 277–280.

5. Корниенко О. Ю. Базовые ценности Великобритании вчера и сегодня // Ценности и смыслы. № 5 (69). –2020. С. 60-73.

6. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

7. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

8. Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/aksiologiya (дата обращения: 02.09.2025).

9. Mieder W. “Do Unto Others as You Would Have Them Do Unto You.” The Golden Rule as an Emotional Appeal for Humanity in American History// Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. – Москва, 2020. 264 с.

10. Neal P. America and Britain. URL: https: //www.cbcg.org/booklets/america-britain/chapter-fifteen-the-shocking-moral-decline-of-britain-and-america (дата обращения: 22.09.2025).

11. All schools must promote 'British values', says Michael Gove // The Guardian. June 2014. URL: https://www.theguardian.com/politics/2014/ jun/09/michael-gove-says-all-schools-must-promote-british-values-after-trojan-horsereports (дата обращения: 21.08.2025).

Сведения об авторе:

Сидорова Елена Вячеславовна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орёл, Россия, 8-е марта, 23, 120, lenasid_08@mail.ru, 89606488867.

УДК 81

Сопоставительный анализ синтаксических и стилистических особенностей пословиц и поговорок английского и китайского языков

Шаненкова Мария Максимовна[1], Калашникова Лариса Валентиновна[2]

[1]Орловский государственный университет, студентка 3 курса, Орел, Россия, mariashanenkova@gmail.com

[2]Орловский государственный университет, профессор кафедры английского языка, доктор филологических наук, Орел, Россия, lkalashnikova@inbox.ru

Аннотация. В настоящей статье авторы обращают внимание на значимость народных изречений, говоря об их культурной ценности. Помимо этого, проводят сопоставительный анализ пословиц и поговорок английского и китайского языков, выявляют стилистические и структурные особенности построения высказываний. В работе приводятся примеры, наглядно иллюстрирующие сходства и различия тех или иных лингвистических тенденций.

Ключевые слова: пословицы, культурные ценности, структура предложения, английский язык, китайский язык.

Comparative analysis of the syntactical and stylistic features of proverbs and sayings in English and Chinese

Shanenkova Maria Maksimovna[1], Kalashnikova Larisa Valentinovna[2]

[1]Orel State University, student, Orel, Russia, mariashanenkova@gmail.com

[2]Orel State University, professor of the Department of English, doctor of Philology, Orel, Russia, lkalashnikova@inbox.ru

Abstract. In this article the authors draw attention to the significance of folk sayings and their cultural value. In addition, the article provides a comparative analysis of proverbs and sayings in English and Chinese identifying the stylistic and structural features of their construction. The article provides examples that clearly illustrate the similarities and differences between these linguistic trends.

Keywords: proverbs, cultural values, sentence structure, English, Chinese.

Многим из нас порой проходится вступать в контакт с носителями других языков. При этом очень важно учитывать культурные и национальные особенности. Мы уверены, что ничто иное как пословицы и поговорки наиболее точно и четко отражают

ценности и мировоззрение разных народов. Можно сказать, что подобные изречения являются квинтэссенцией в вопросе национального сознания. Благодаря этим небольшим высказываниям мы имеем возможность узнать больше об устройстве быта, коллективном опыте и многом другом.

На сегодняшний день английский и китайский языки занимают лидирующие позиции по распространенности в мире. Согласно результатом исследования известной организации SIL INTERNATIONAL, **английский** является родным и вторым языком 1,53 миллиарда человек в 188 странах, а **китайский мандарин** 1,18 миллиарда человек [6]. Рассматриваемые языки – представители разных лингвистических семей. При этом их объединяет наличие богатого фонда пословиц и поговорок. В настоящей статье мы рассмотрим стилистические, структурные и грамматические особенности английских и китайских пословиц и поговорок. Кроме того, выявим общим черты и различия в способах выражения народной мысли в представленных языках.

Для начала хотелось бы рассмотреть особенности синтаксиса, которые демонстрируют английские и китайские пословицы. Стоит сказать, что представленные языки существенно различаются в этом отношении. Одной из главных особенностей английского можно считать соблюдение порядка слов в предложении**.** В основном предложения строятся по принципу Subject + Verb + Object. Например, “He works as a doctor”. То же самое правило прослеживается и в структуре пословиц и поговорок данного языка. Приведем несколько примеров:

- A bad workman blames his tools - плохой работник винит свой инструмент (аналог в русском языке: плохому танцору туфли мешают). В данном случае “a bad workman” – subject; “blames” – verb; “ his tools” – objects.

- Honey is sweet, but the bee stings – сладок мед, да пчелы жалят (аналог в русском языке: и хочется, и колется). Здесь мы видим сложное предложение, состоящее из двух грамматических основ, при этом каждое из них выстроено по все той же схеме со строгим соблюдением порядка слов.

- You can take a horse to the water, but you cannot make it drink – ты можешь отвести лошадь к водопою, но не можешь заставить ее пить (аналог в русском языке: насильно мил не будешь), где в обоих случаях “you” – subject, “can take” и “cannot make” – verb; “ a horse to the water” и “ it drink” – дополнительные члены предложения.

Конечно, встречаются и исключения, когда какой-либо компонент предложения опущен или даже встречаются инверсии. Например, by hook or by crook, что в русском языке имеет эквивалент «всеми правдами и неправдами», но таких случаев крайне мало в отличие от китайского языка. В нем порядок слов может варьироваться для достижения мелодичности и рифмы. Это связано с тем, что китайский язык уникален своей тоновой системой. Рассмотрим детально на примерах: 熟能生巧 [shú néng shēng qiǎo] – практика ведет к совершенству/искусный благодаря практике (аналог в русском языке: дело мастера боится) [5]. В данном случае 熟 [shú] – обстоятельство образа действия, означает «искусный, опытный, благодаря опыту»; 能生 [néng shēng] – сказуемое, состоящее из модального глагола и смыслового «может порождать, способен создавать»; 巧[qiǎo] – дополнение, имеющее знание «ловкость, искусство». Следовательно, подлежащее отсутствует в этом случае и порядок слов в предложении не соблюдается. Подобным образом складываются и другие китайские изречения. К примеру, 欲速则不达 [yù sù zé bù dá] – если желать скорости, то далеко не уехать (эквивалент в русском языке: поспешишь – людей насмешишь). Данное предложение имеет следующую структуру: 欲 [yù] – сказуемое «желать»; 速 [sù] – прямое дополнение «скорости»; 则 [zé] – союз «то»;

不达 [bù dá] – сказуемое, состоящее из отрицательной частицы и глагола, что означает «не достигать».

Исходя из ваше сказанного, становится ясно, что одно из существенных синтаксических различий в английских и китайских пословицах – соблюдение или варьирование порядка слов в высказывании.

Далее хочется обратить внимание на такое явление как эллипсис – пропуск подразумеваемых единиц в предложении. Стоит сказать, что рассматриваемая стилистическая фигура присуща обоим языкам. Она служит для создания краткости и лаконичности выражения. Проиллюстрируем это следующими примерами: “A stitch in time saves nine” [4]. Предложенная английская поговорка является эквивалентом русскому варианту «дорога ложка к обеду». Мы можем заметить, что здесь опушен ряд слов с целью достижения ритма, рифмы и запоминаемости. То есть в «идеальном», правильном варианте поговорка должна звучать так: “ A stitch *that is made* in time saves nine *stiches*”. Эллипсис встречается и в китайском языке. Чаще всего он проявляется в виде опущенного подлежащего: 画蛇添足 [huà shé tiān zú]. В дословном переводе мы получаем такой вариант: «Приделываешь змее ноги» (значение выражения: заниматься ненужными делами, тратить время попусту). Становится ясно, что отсутствует один из главных членов предложения.

Невозможно не обратить внимание на стилистическое оформление пословиц и поговорок в английском и китайском языках. Они обогащены разнообразными тропа и приемами. Наиболее распространенным является метафора. В английских пословицах часто используются образные сравнения с животными, насекомыми и так далее. Например, в поговорке “Don’t count your chickens before they hatch” образ цыплят применен в качестве символа ненужных, несвоевременных надежд, ожиданий. Тенденция к употреблению средств художественной выразительности, образами которых являются птицы, животные и другие существа присуща и китайскому языку: 望子成龙 [wàng zǐ chéng lóng] – желать сыну стать драконом. Образ дракона является олицетворением чего-то могущественного, процветающего, поэтому был выбран именно этот герой.

Одной из важных стилистических особенностей китайского языка является параллелизм. Например, 苦尽甘来 [kǔjìn gānlái] – горькое иссякнет, сладкое придет (аналог в русском языке: за неудачей следует удача»), где 苦 – подлежащее (сущ.) 尽 – сказуемое (гл.) 甘 – подлежащее (сущ.) 来 – сказуемое (гл.). В изречениях английского языка параллелизм тоже встречается, но значительно реже: “**The rich get richer, the poor get poorer**” (аналог в русском языке: богатые богатеют, а бедные беднеют). Параллелизм служит для создания некой гармонии, а также способствует запоминанию выражений.

Рифма и аллитерация – неотъемлемые составляющие идиоматических выражений как в английском, так и в китайском языке. В обоих случаях эти явления крайне важны поскольку с их помощью достигается ритмичность и мелодичность. Более того, с помощью рифмы и повторов звуков выражения кажутся более созвучными и складными. Довольно ярко это прослеживается в таких изречениях: “A friend in need is a friend indeed”- друзья познаются в беде; 人心齐，泰山移 [rén xīn qí, tài shān yí] – дружной работой можно горы свернуть [2].

Таким образом, сопоставительный анализ китайских и английских пословиц и поговорок помог выявить как общие черты в синтаксисе и стилистике, так и различия. Несмотря на факт того, что языки относятся к разным языковым семьям, их объединяет наличие образности в изречениях. При этом, конечно, структурно выражения

существенно отличаются. Это делает пословицы и поговорки каждого языка уникальными и запоминающимися.

Список литературы

1. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
2. Биньюн, И. Сто китайских идиом и устойчивых выражений. СПб.КАРО, 2007
3. Афанасьева Т.Ю. Методическая ценность английских пословиц и поговорок в обучении иностранному языку. URL: https://clk.li/WjRG (дата обращения:07.09.2025).
4. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. — Изд. 2-е, испр. — М.: URSS, 2004.
5. Спенсер М. Крылатые фразы на английском языке. Идиомы, пословицы. URL: https://clk.li/ajAF (дата обращения: 07.09.2025)
6. Корнилов, О. А. Жемчужины китайской фразеологии. – М.: КДУ, 2010
7. SIL INTERNATIONAL. URL:// https://www.sil.org/ (дата обращения:07.09.2025).

Сведения об авторах:

Шаненкова Мария Максимовна; студентка; Орловский государственный университет; Российская Федерация, Орловская область, д.Образцово, ул. Зеленина, д.16; mariashanenkova@gmail.com; +79102032443.

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор; Орловский государственный университет; Российская Федерация, Орел, ул. Генерала Родина, д.62; lkalashnikova@inbox.ru; +79036374205.

Shanenkova Maria Maksimovna; student; Orel State University; Russian Federation, Orel Region, Obraztsovo v., Zelenin st.16; mariashanenkova@gmail.com; +79102032443.

Kalashnikova Larisa Valentinovna; Doctor of Philology, Professor; Orel State University; General Rodin st., 62; Orel, Russian Federation; lkalashnikova@inbox.ru; +79036374205.

СЕКЦИЯ 3. ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

УДК 81

Многозначность слов в машинном переводе

Юлия Сергеевна Балухтина[1], Дмитрий Александрович Иванишин[2],
[1]Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, магистр 2 курса кафедры английской филологии института иностранный языков, Орел, Россия, jullia816@mail.ru
[2]Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема многозначности слов в машинном переводе с английского языка на русский. Лексическая полисемия представляет собой серьезное препятствие для точности перевода. В статье рассматриваются примеры, иллюстрирующие данную проблему в контексте специальных текстов.
Ключевые слова: машинный перевод, полисемия, многозначность слов, искусственный интеллект, онлайн-переводчики.

Lexical Polysemy in Machine Translation

Julia S. Balukhtina[1], Dmitry A. Ivanishin[2]
[1]Orel State University named after I. S. Turgenev, 2nd year master's degree student, English Philology Department, Foreign Languages Institute, Orel, Russia, jullia816@mail.ru
[2]Orel State University named after I. S. Turgenev, Associate Professor of the English Philology Department, Candidate of Philology, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

Abstract. The article addresses the topical issue of word polysemy in machine translation from English into Russian. Lexical polysemy poses a significant problem to translation accuracy. The article deals with examples that illustrate this problem in the context of specialized texts.
Keywords: machine translation, polysemy, multiple meanings, artificial intelligence, online translators

В настоящее время с развитием компьютерных технологий машинный перевод набирает все большую популярность. В большинстве случаев перевод требуется в ограниченные сроки, и специалисты прибегают к различным способам достижения быстрого и качественного перевода. К таким способам относят использование систем искусственного интеллекта и онлайн-переводчиков.

«Машинный перевод – это процесс перевода некоторого текста с одного естественного языка на другой, реализуемый компьютером полностью или почти полностью. В ходе данного процесса на вход машины подается текст, словесная честь которого не сопровождается никакими дополнительными указаниями, а на выходе получается текст на другом языке, являющийся переводом входного, причем преобразование входного текста в выходной происходит без вмешательства человека (допускается постредактирование)» [1, с. 5].

Машинный перевод предоставляет возможность мгновенного доступа к информации на разных языках, что особенно важно в таких сферах жизнедеятельности человека как научные исследования, бизнес-коммуникацию и другие виды межкультурного обмена. Однако, учитывая разнообразие значений слов, важность контекста при переводе остается неоспоримой. Отсюда вытекает проблема многозначности слов при машинном переводе с одного языка на другой.

Многозначность, или полисемия, слова (от латинского poly – «много» + sema – «знак») – это «наличие у языковой единицы более одного значения при условии семантической связи между ними или переноса общих либо смежных признаков или функций с одного денотата на другой» [4, с. 48]. Возможность слова иметь несколько значений в зависимости от употребления затрудняет точность перевода. Машинные переводчики могут не распознать правильное значение слова, если не учитывают контекст целого предложения или текста, что ведет к искажению смысла, что особенно критично в специализированных текстах, таких как научные статьи, юридические или медицинские тексты и т. п. Полисемия может быть как грамматической, так и лексической [4, с. 48]. В данной статье исследование направленно на рассмотрение лексической многозначности и способности систем онлайн-перевода адекватно переводить полисемичные слова. Целью работы является анализ того, насколько онлайн-переводчики учитывают контекст при переводе полисемичных слов и насколько качественными, и адекватными являются представленные варианты. Исследование основано на эмпирическо-сравнительном методе с контекстным анализом. Мы отобрали 5 слов методом случайной выборки, составили по 3 предложения в разных контекстах для каждого слова и перевели их в выбранных онлайн-системах. Полученные варианты перевода мы проанализировали и сравнили, ключевым критерием для чего была контекстная адекватность.

Для сравнения переводов мы взяли 3 системы: Google Translate, Yandex Translate и систему на основе искусственного интеллекта – DeepSeek.

Оригинал	GoogleTranslate	YandexTranslate	DeepSeek
Charge 1. Please charge your phone. (эл.) 2. The soldiers returned to the charge. (воен.) 3. I am in charge of this department. (юр.)	1. Пожалуйста, зарядите свой телефон. 2. Солдаты вернулись в атаку. 3. Я отвечаю за этот отдел.	1. Пожалуйста, зарядите свой телефон. 2. Солдаты вернулись к атаке. 3. Я руковожу этим отделом.	1. Пожалуйста, зарядите свой телефон. 2. Солдаты вернулись к атаке. 3. Я отвечаю за этот отдел.
Stand 1. To stand for the harbour. (мор.) 2. The order will stand. (юр.) 3. A stand of ammunition. (воен.)	1. Стоять за гавань. 2. Приказ останется в силе. 3. Стойка с боеприпасами.	1. Отстаивать интересы гавани. 2. Приказ останется в силе. 3. Стойка с боеприпасами.	1. Держать курс на гавань. 2. Приказ останется в силе. 3. Партия боеприпасов.

Turn 1. The troops turned the enemy's flank. (воен.) 2. She turned a somersault. (спорт.) 3. The turn of the market. (бирж.)	1. Войска обошли фланг противника. 2. Она сделала сальто. 3. Поворот рынка.	1. Войска обошли противника с фланга. 2. Она сделала сальто. 3. Поворот рынка.	1.Войска обошли фланг противника. 2. Она сделала сальто. 3. Поворот рынка (изменение ситуации на рынке).
Carry 1. Our guns wouldn't carry as far as the enemy ships. (воен.) 2. The Shop carries a full range of equipment. (торг.) 3. The atoms carry the same electrical charge. (физ.)	1. Наши орудия не долетали бы до вражеских кораблей. 2. В магазине имеется полный спектр оборудования. 3. Атомы несут одинаковый электрический заряд.	1. Наши пушки не смогли бы долететь так далеко, как вражеские корабли. 2. В магазине представлен полный спектр оборудования. 3. Атомы несут одинаковый электрический заряд.	1. Наши пушки не могли стрелять так далеко, как вражеские корабли. 2. В магазине представлен полный ассортимент оборудования. 3. Атомы несут одинаковый электрический заряд.
Bank 1. I must go to the bank and change some money. (экон.) 2. We sat on the river bank. (геогр.) 3. The plane banked sharply to the left. (авиац.)	1. Мне нужно пойти в банк и поменять деньги. 2. Мы сидели на берегу реки. 3. Самолет резко накренился влево.	1. Я должен пойти в банк и разменять немного денег. 2. Мы сидели на берегу реки. 3. Самолет резко накренился влево.	1. Мне нужно пойти в банк и обменять деньги. 2. Мы сидели на берегу реки. 3. Самолет резко накренился влево.

Первое многозначное слово – «charge». В англо-русском словаре В. К. Мюллера данное слово имеет 15 значений как существительное, и 9 – как глагол. Сравним перевод этой лексической единицы в трех видах контекста. В первом представленном контексте данная лексическая единица должна переводиться как «заряжать», поскольку речь идет об электронике. В военном контексте «charge» имеет значение «нападение, атака», а в юридическом – «возлагать на себя ответственность, брать на себя» [3]. Несмотря на то, что переводы не полностью идентичны, онлайн-переводчики верно подобрали варианты в каждом контексте.

«Stand» имеет более 15 значений в качестве глагола и 13 – в качестве существительного. В морском контексте слово «stand» употребляется в значении «держать курс, направляться», в юридическом – «оставаться в силе, действовать», в военном контексте используется в качестве «комплекта» чего-либо [2]. Сравнивая эти

контексты, мы видим, что статистические онлайн-переводчики не смогли распознать значение данного слова, нейронная система же предоставила адекватные варианты перевода во всех трех случаях.

«Turn» имеет более 20 значений на русском языке в качестве как существительного, так и глагола. В военном контексте данная лексическая единица употребляется в значении «охватывать чей-л. фланг, обходить кого-л. с фланга», в спортивном контексте – «делать, выполнять прыжок, упражнение». На биржевом рынке «turn» также употребляется в нескольких значениях, например, может означать «разницу между курсом покупателей и курсом продавцов» или «прибыль от купли или продажи ценных бумаг» [2]. В первых двух контекстах переводчики предоставили подходящие варианты перевода в соответствии с контекстом, однако в третьем примере системы не смогли подобрать верное соответствие на русском языке. Только система DeepSeek дала уточняющую информацию, скорее, в попытке объяснить, что именно подразумевается под словом «поворот».

Следующее слово, взятое для рассмотрения – «carry». В словаре В. К. Мюллера можно найти более 20 глагольных и 4 субстантивных значений на русском языке. В военном контексте данное слово используется как «долетать, достигать», если речь идет о заряде, как в представленном предложении. В торговом контексте «carry» означает «торговать, продавать, держать», а в физике – «проводить электричество» [3]. Для первого примера наиболее подходящее значение смогла подобрать система DeepSeek, верно определив, что речь идет именно о заряде пушки. Сравнивая варианты перевода данной лексической единицы в рамках каждой отдельной онлайн-системы, мы видим, что все они справились с распознаванием различных значений, несмотря на неточности в передаче смысла предложения в целом.

Последним полисемическим словом является «bank». Английское слово имеет более 15 субстантивных и более 10 глагольных эквивалентов на русском языке. В первом предложении данное слово является существительным и переводится как «банк», в следующем примере «bank» употреблено в значении «берег», что обусловлено географическим контекстом. В последнем предложении слово употреблено в глагольной форме в значении «накрениться» [3]. Все системы дали подходящие варианты перевода, не исказив смысл предложений.

Таким образом, можно сделать вывод, что, в целом, все системы онлайн-перевода увидели разницу использования одного слова в разных контекстах и отразили это в своих вариантах перевода. Однако, если контекст является более узким, не настолько часто употребляемым для конкретного слова, например, торговым или физическим, а слово имеет много эквивалентов в русском языке, в таких случаях онлайн-системы не могли точно и корректно распознать коннотацию данной единицы. С переводом выбранных нами слов в данных контекстах наиболее успешно справилась система DeepSeek. Тем не менее, у нее все же были неточности в определении значения некоторых лексических единиц, но не в таком количестве, как у Google Translate или Yandex Translate. Поэтому многозначность слов остается одной из основных проблем машинного перевода. Для успешного и адекватного перевода необходимо точное понимание контекста и семантических особенностей слов. Развитие современных технологий, искусственного интеллекта и гибридных онлайн-переводчиков облегчают процесс перевода, однако роль человека все еще остается важной, в том числе на этапе постредактирования текста.

Список литературы

1. Воронович В. В. Машинный перевод: учебно-методический комплекс для специальности 1-21 06 01-01 «Современные иностранные языки (преподавание)» // В.В.

Воронович; БГУ, Фак. социокультурных коммуникаций, каф. компьютерной лингвистики и лингводидактики. – Минск: БГУ, 2017. – 57 с.

2. Малыхина Н. И., Стернина М.А. Словарь лексико-грамматической полисемии наиболее частотных английских глагольных лексем. – Воронеж: Истоки, 2013. – 151 с.

3. Мюллер В. К. Самый полный англо-русский русско-английский словарь. – М: Изд. «АСТ», 2021. – 800 с.

4. Семенова Е. В., Немчинова Н.В. Лексикология английского Изд. 2-е испр. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный–языка. ун-т, 2019. – 152 с.

Сведения об авторах:

Балухтина Юлия Сергеевна; магистр 2 курса кафедры английской филологии института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; jullia816@mail.ru; +79192758603.

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

УДК 81

Проблематика перевода психологических триллеров

Кристина Андреевна Гавриленко

Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева, студент 2 курса, Орел, Россия, kristinagavrilenko002@gmail.com

Аннотация. Работа посвящена анализу проблем, возникающих при переводе текстов жанра «психологический триллер», особенностям данного жанра и применению переводческих трансформаций. В данной работе основной фокус внимания будет посвящен переводу текстов жанра «психологический триллер». Такого типа тексты имеют свои специфические стилистические, лексические и грамматические особенности. Актуальность данной работы заключается в специфике жанра психологического триллера как вида художественного перевода, а, следовательно, и подхода к его переводу, а также отсутствием большого количества литературы, посвященной особенностям жанра «психологический триллер» и его перевода.

Ключевые слова: остросюжетная литература, триллер, психологический триллер, художественный перевод, переводческие трансформации, художественная литература

The problems of translating psychological thrillers

Kristina A. Gavrilenko

Oryol State University named after I.S. Turgenev, student, Oryol, Russia, kristinagavrilenko002@gmail.com

Abstract. This paper analyzes the problems encountered in translating psychological thriller texts, the genre's characteristics, and the use of translation transformations. This paper will focus primarily on the translation of psychological thriller texts. These texts have their own specific stylistic, lexical, and grammatical features. The relevance of this study lies in the specificity of the psychological thriller genre as a type of literary translation, and therefore the approach to its translation, as well as the lack of extensive literature devoted to the specifics of the psychological thriller genre and its translation.

Keywords: suspense genre, thriller, psychological thriller, literary translation, translation transformations, fiction.

Введение

Данная работа посвящена проблематике перевода психологических триллеров как жанра художественной литературы.Главной целью перевода является передача смысла оригинала путем его воссоздания на языке перевода. Переводчику для этого нужно использовать трансформации из-за различий, которые встречаются в языках, чтобы текст перевода как можно точнее передавал весь смысл текста оригинала. Перевод художественного текста – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Это связано со специфическими способами отражения мира в разных языках и различными культурными особенностями, поэтому дословный перевод не в состоянии передать всю силу оригинала.

В данной работе основной фокус внимания будет посвящен переводу текстов жанра «психологический триллер». Такого типа тексты имеют свои особенности. Целью работы является анализ переводческих трансформаций при переводе текстов жанра «психологический триллер», и выявление переводческой специфики жанра.

Специфика художественной литературы

Наука, изучающая особенности художественной литературы, ее развитие и оценки современниками – литературоведение [Тимофеев Л.И., Тураев С. В., с.181].

По определению Л. В. Чернец «художественная литература – это множество литературных произведений, каждое из которых представляет собой самостоятельное целое» [Чернец Л.В., с.153]. К основным стилевым чертам художественной литературы относятся: образность, эмоциональность, единство коммуникативной и эстетической функции. Характерные особенности литературно-художественного стиля: переносные значения слов, иносказания, широкое использование лексики и фразеологии других стилей, применение различных средств художественной выразительности, проявление творческой индивидуальности автора (авторский стиль) [Есин А.Б., с.23] тропы, особенно – метафоры, метонимии, сравнения и эпитеты, являющиеся одним из источников поэтичности и образности [Хализев В.Е., с.264].

Некоторые основные функции художественной литературы, которые описаны в книге А. Б. Есина [Есин А.Б., с.5] – гносеологическая, аксиологическая, воспитательная, эстетическая. Гносеологическая функция заключается в познании жизни через особую призму, которая, к примеру, науке не свойственна. Аксиологическая функции заключается в том, что автор произведения в любом случае дает оценку явлениям, описанным в тексте. В воспитательной функции, чаще всего, акцент делается на подражании положительным героям. Однако следует рассматривать эту функцию шире: она формирует личность человека, влияет на систему его ценностей и учит его мыслить и чувствовать [Есин А.Б., с.6]. Эстетическая функция состоит в том, что произведение оказывает на читателя «мощное эмоциональное воздействие, доставляет ему интеллектуальное, а иногда и чувственное наслаждение» [Есин А.Б., с.6].

Особенности жанра остросюжетной литературы

К характерным особенностям остросюжетной литературы относятся [Ахманов]:

1. Необычность или нереальность ситуации, описанной автором. Понятие «необычный» охватывает события, которые могли произойти в прошлом или настоящем, например рискованные путешествия, катастрофы или преступления. Нереальное же – преимущество фантастики, так как описываемые события – космические полеты, контакты с инопланетянами, войны сверхъестественных существ и тому подобное – никогда непроисходили и являются чистой выдумкой автора.

2. Напряженность и увлекательность повествование и более динамичный ход событий, чем в произведениях, которые не относятся к остросюжетным жанрам.

3. Наличие тайны является не обязательным элементом, ноэтот аспект очень часто встречается в остросюжетных произведениях, особенно в детективах.

4. В мистических и произведениях жанра хоррор (ужасы), а также в боевиках, романах катастроф и т.д. могут иметь место пугающие сцены, сцены жестокости и насилия – эпизоды, предназначенные нагнать ужас на определенную категорию читателей.

Отличительная черта остросюжетного произведения заключается в поддержании ощущения напряженности и беспокойства на протяжении всей книги. Наличие таких элементов как саспенс, драйв и любопытство помогаютчитателю ощутить такие эмоции.

Психологический триллер

Поджанр «психологический триллер» сочетает в себе напряженный сюжет и психологическую составляющую. Особенностью данного жанра является то, что фокус внимания сосредоточен на внутреннем мире героя, на его эмоциональном состоянии и внутренних конфликтах. Читатель становится свидетелем поведенческих и психологических изменений персонажа во время чтения [Белялова Н. А., Норец М.В.].

Неотъемлемой частью психологического триллера является нарастающее напряжение. Авторы данного жанра умеют подогревать интерес аудитории, используя сюжетные повороты, интриги, неожиданные развязки. Благодаря таким элементам интерес читателя не пропадает, он находится в постоянном напряжении и беспокойстве [Белялова Н. А., Норец М.В.].

Довольно часто в психологическом триллере можно встретить элементы психологической драмы, когда герои становятся заложниками собственного разума и вступают в противостояние со своими темными сторонами. Данный прием позволяет исследовать внутренний мир персонажа, что делает этот жанр более проникновенным. В психологических триллерах внимание акцентируется на событиях, которые происходили с героем раньше (в его детстве). С помощью такой информации читатель сможет проследить разлом личности, который вредит герою и заставляет его совершать ужасные деяния [Белялова Н. А., Норец М.В.].

Композиционные приемы произведения жанра триллер, которые помогают вызвать у читателя любопытство, драйв и саспенс [Макгаф С]:

- основная интрига, достигаемая за счет необычности ситуации (персонажу надо спасти планету от маньяка со смертельным химическим оружием) или тайны;
- поддерживающая интрига, которая достигается за счет неожиданных поворотов;
- локальная интрига, которая возникает, в большинстве случаев, в результате острых сцен;
- динамика событий и непредсказуемая развязка.

Перевод. Художественный перевод. Переводческие трансформации.

«Перевод – передача информации, содержащейся в данном произведении речи средствами другого языка» [Ахманова О.С., с.316]. В переводе сталкиваются культуры, личности, разные эпохи и склады ума, литература и традиции.

«Художественный перевод – перевод произведений художественнойлитературы» [Комиссаров В.Н., с.95]. Задача художественного перевода – не просто передать смысл произведения, но и сохранить авторский стиль и манеру написания. Также, одной из основных задач такого вида перевода является в достижении определенного эстетического воздействия и создании художественного образа. Именно эстетическая направленность отличает художественную речь от других актов речевой коммуникации. Трудность художественного перевода заключается в том, что это «вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на переводящем языке речевого произведения, способного оказывать адекватное художественно-эстетическое воздействие на читателя, на язык которого переведено художественное произведение» [Абдрахманова Р. Дж.с.6]. При переводе художественной литературы от переводчика требуются определённые знанияи умения, которые можно получить, изучая теоретические и практические курсы художественного перевода.

В работе также обратим внимание на классификацию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова [Комиссаров В.Н., с.172].

По его мнению, все переводческие трансформации можно разделить на три группы: лексические, грамматические и комплексные.

К лексическим трансформациям относятся транслитерация, транскрибирование, калькирование, конкретизация, генерализация и модуляция. К грамматическим – синтаксическое уподобление, замены, членение предложения, объединение. К комплексным – экспликация, антонимический перевод, компенсация.

Проблематика перевода психологических триллеров

«It lay on an old-fashioned porcelainembalming table, reflected many times in the glass panes of cabinets holding trochars and ***packages of Rock-HardCavity Fluid»****.*	*«Он (мешок) лежал на старомодном бальзамировочном столе с фаянсовым верхом; стеклянные дверцы шкафов, хранящих троакары и бесчисленные* ***упаковки с составом для промывания брюшной полости****, многократно отражали белый фаянсстола.»*
«Here we go: No distinct respiratory organs on the ***dorsocephalic region****,* ***spiracles on the mesothorax*** *and some* ***abdominals****, let's start with that.»*	*«Нет выраженных респираторныхорганов в* ***дорсоцефальной области****,* ***дыхальца на мезоторакс*** *и ещенесколько* ***абдоминальных*** *– давай начнем отсюда.»*

В двух данных примерах много медицинских терминов, которые обычному человеку, без определенных знаний, ни о чем не говорят. Здесь мы видим, что психологические триллеры отличаются обширным использованием терминов из области медицины и криминологии. В первом случае, при переводе профессионализма переводчик использовал синтаксическое уподобление, а во втором – калькирование. В данных случаях авторские добавления или замены неуместны, так как суть будет нарушена и читатель не сможет погрузиться в атмосферу и тематику произведения. Мы

можем заметить, что второй пример (dorsocephalic region, spiracles on the mesothorax, abdominals) больше свойственен специальному тексту, так как автор не дает расшифровок данным терминам. Текст кажется сухим, похожим на криминальную хронику и, тем самым, позволяет читателю погрузиться в атмосферу расследования преступления.

I WAN TOO GO TO JESA	*Я ХАЧУ УЙТИ К ИССУССУ*
I WAN TOO GO WIV CRIEZ	*Я ХАЧУ С ХРЕСТОМ ПАЙТИ*
I CAN GO WIV JESA	*Я СМАГУ УЙТИ С ИССУССАМ*
EF I AC RELLNIZE	*ЭСЛЕ БУДУ ХАРАШО СИБЯ ВЕСТИ*
SAMMIE	*СЭММИ*

В данном примере мы наблюдаем компенсацию. Фраза принадлежит душевнобольному человеку, который не может здраво мыслить, его мучают голоса в голове. Как результат – ему тяжело правильно мыслить и формулировать предложения. Переводчик смог сохранить элемент безумства и агонии, передав языковые особенности оригинала.

Заключение

Данная работа была посвящена вопросу проблематики переводов психологических триллеров. Главной целью стало определение трансформаций, которыми пользуются переводчики для достижения адекватного результата. В нашем исследовании мы рассмотрели характерные особенности жанра «психологический триллер». Было выявлено, что тексты данного жанра отличаются своей лексической составляющей: медицинские термины, названия оружий и должностей.

В текстах данного жанра было замечено отсутствие большого количества стилистических средств из-за чего текст выглядит более сухим, в некоторых моментах он похож на криминалистическую сводку, по сравнению с другими жанрами художественной литературы.

Список литературы

1. Абдрахманова Р. Дж Художественный перевод (лингвистические аспекты) : учебное пособие для студентов старших курсов переводческихотделений. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 86с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е,стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.

3. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 3-е изд. –М.: Флинта, Наука, 2000. – 248с.

4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб.для инт-ов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. –253с.

5. Макгаф С. Остросюжетные жанры и их специфика, 2012

6. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-С48 сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., «Просвещение», 1974. 509с.

7. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. –3- изд., испр. и доп.– М.:Высш. шк., 2002.–437с.

8. Чернец Л.В. Введение в литературу. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб.пособие – М.: Высш.шк.; Издательский центр «Академия», 1999.–556с.

Электронные источники

9. Белялова Н.А., Норец М.В. Жанр «Психологический триллер и его спецификация» [Электронный ресурс] 2023, – 3с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-psihologicheskiy-triller-i-ego-spetsifikatsiya/viewer

УДК 81

Трудности передачи безэквивалентной лексики советского периода при переводе повести «Собачье сердце» М.А. Булгакова

Емелина Маргарита Алексеевна[1], Абакумова Ольга Борисовна[2]

[1]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студентка 1 курса института иностранных языков, Орел, Россия, m.emel1na@mail.ru

[2]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент, Орел, Россия, abakumova-ob@mail.ru

Аннотация: Анализ перевода советской лексики в английской версии повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» направлен на поиск наиболее эффективных методов передачи советизмов. Исследование включало систематизацию переводческих решений, семантический анализ терминов и сопоставление вариантов перевода. Результаты позволили оценить эффективность существующих стратегий перевода и выявить основные трудности передачи советских реалий на английский язык.

Ключевые слова: советизм, безэквивалентная лексика, перевод, способы перевода, художественный перевод, М.А. Булгаков.

The difficulties of transferring the equivalent vocabulary of the Soviet period when translating the novel “The heart of a dog” by M.A. Bulgakov

Margarita A. Emelina[1], Olga B. Abakumova[2]

[1]Oryol State University named after I.S. Turgenev, 1th year student of the Foreign Language Institute, Oryol, Russia, m.emel1na@mail.ru

[2]Oryol State University named after I.S. Turgenev, Professor of the Department of English Philology, Dr. Philol. Sc., docent, Oryol, Russia, abakumova-ob@mail.ru

Abstract: The analysis of the translation of Soviet vocabulary in the English version of M. A. Bulgakov's novella "The Heart of a Dog" is aimed at finding the most effective methods of transmitting Sovietism. The research included systematization of translation solutions, semantic analysis of terms and comparison of translation options. The results made it possible to evaluate the effectiveness of existing translation strategies and identify the main difficulties in translating Soviet realities into English.

Keywords: Sovietisms, equivalent vocabulary, translation, methods of translation, artistic translation, M.A. Bulgakov.

Все значительные особенности жизни народа и его государства — будь то природные условия, география, историческое развитие, социальная структура, а также направления общественного мышления, науки, искусства и культуры — обязательно находят отражение в языке. Поэтому можно утверждать, что язык служит носителем национально-культурного кода каждого народа. В свою очередь, национально-культурный код формируется с помощью лексических единиц, в значении которых особенно ярко проявляется взаимосвязь между языком и культурой. Советский период существенно повлиял на русский язык, менталитет и мировоззрение людей. Появились новые слова и выражения, расширились значения существующих понятий, что было связано с изменениями в политике, социальной сфере, идеологии и мышлении. Спустя более 30 лет после распада СССР многие слова той эпохи вышли из активного употребления, но остаются понятными для русскоязычных людей. При встрече с такой лексикой в литературе или кино большинство русских людей понимают её значение и скрытые смыслы.

Однако перевод советских реалий на другие языки остаётся сложной задачей. В лингвистике нет единого определения термина «советизмы», так как исследователи предлагают разные толкования, основанные на собственных критериях и понимании этой лексической группы.

Так, О. П. Ермакова предлагает более широкое понимание термина «советизмы». По её мнению, эта категория лексики охватывает не только специальные термины, связанные с деятельностью советских силовых структур (таких как ГПУ и НКВД) и партийно-политическими реалиями коммунистического режима. В этот список также входят слова, описывающие особенности советской экономики и повседневной жизни.

По мнению исследователей, воспроизведение культурного контекста исходного текста — одна из самых сложных задач для переводчиков. Нередко в процессе адаптации текста они вынуждены упрощать его содержание. Это создаёт определённые трудности при передаче оригинального смысла и атмосферы произведения [6].

В ходе исследования мы проанализировали способы передачи советизмов с русского на английский язык в трёх различных переводах повести «Собачье сердце» (выполненных М. Гинзбург, М. Гленни и А. Пайман) и разработали классификацию методов перевода советских реалий.

1. **Калькирование** – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка.

В произведении М. А. Булгакова «Собачье сердце» встречается ряд советских терминов, которые переводчики передают с помощью калькирования: proletarian (пролетарий); citizen (гражданин); bourgeois (буржуй); comrade (товарищ); house committee (домовой комитет); commissars (комиссары); workers’ credit (рабочий кредит).

Использование калькирования для данных советизмов оправдано их интернациональным характером. Многие из этих терминов в современном языке утратили советское значение и стали самостоятельными лексическими единицами без специфической культурно-исторической окраски.

Аврил Пайман при переводе реалии «столовая нормального питания служащих Центрального совета народного хозяйства» использует следующий вариант: *“canteen of Normative Nourishment for the employees of the Central Council of the People’s Economy”*.

2. **Прием транскрипции или транслитерации** – это способы предполагают перевод с максимальным приближением к оригинальной фонетической и/или орфографической форме.

Эти приемы наглядно демонстрируют такие примеры, как: большевик — bolshevik; перестройка — perestroyka; колхоз — kolkhoz; комсомол — komsomol.

Аврил Пайман при переводе реалий «Нэпман» и «Москвошвея» применяет метод транскрипции, представляя их как *Nepman и Moskvoshveya*.

3. **Описательный перевод** – это способ передать значение иностранного слова с помощью объяснения, когда в языке перевода нет эквивалентов и аналогов.

В качестве примера рассмотрим перевод реалии *«белый билет».* Майкл Гленни использует описательный метод, передавая её как «to be exempt on medical grounds». Аврил Пайман применяет более комплексный подход, комбинируя описание («to have exemption on medical grounds») с калькой («a white ticket»), которая выступает в роли дополнительного пояснения.

4. **Уподобляющий перевод или поиск функционального аналога** – использование слова, обозначающего нечто близкое, хотя и не тождественное по функции, к иноязычной реалии.

Перевод реалии *«социалприслужница»* представляет собой непростую задачу, решение которой вызывает определённые сложности. Майкл Гленни выбирает функциональный аналог *«domestic worker»*, который, хотя и соответствует основному значению слова, но полностью утрачивает заложенный автором комический эффект.

В своём переводе реалии *«нэпман»* Майкл Гленни прибегает к использованию функционального аналога «*capitalist»*. Однако такой подход не только не раскрывает семантическое значение термина, но и утрачивает социально-культурный контекст и уникальность данного понятия.

В процессе перевода повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» на английский язык переводчики применили различные подходы. Мирра Гинзбург преимущественно использовала метод калькирования для сложных сочетаний советизмов и транслитерацию для значимых культурных терминов. Аврил Пайман комбинировала приближенный перевод и детальную работу на уровне морфем и отдельных слов. Майкл Гленни ориентировался в основном на метод функциональной замены для максимальной адаптации текста под восприятие англоязычного читателя.

Список литературы

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Под ред. А. В. Федорова. – Харьков, 1972. – 215 с.

2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Монография. – М.: Высшая школа, 1986. – 384 с.

3. Ермакова О. П. Жизнь российского города в лексике 30-40-х годов XX века. – М.: Флинта; Наука, 2011. 192 с.

4. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

5. Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии: ок. 10000 слов и выражений: [для специалистов-филологов, историков, политологов] / С.-Петерб. гос. ун-т, Межкафедр. словар. каб. им. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: АСТ: Астрель, 2005. 505 с.

6. Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н., Карданова К. С., Лягушкина Н. В. и др. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса. – М.: Ленанд, 2015. 272 с.

7. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М.: Воениздат, 1973. — 280 с.

УДК 811.133.1

К переводу терминологических лексических единиц в текстах СМИ с французского языка на русский

Виктория Андреевна Илюхина[1], Елена Анатольевна Козельская[2]

[1]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, бакалавр лингвистики, Орел, Россия, ilukhina_v_2003@mail.ru

[2]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, kozelskaya@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода терминов и внутриязыковых заимствований, инкорпорированных в тексты средств массовой информации как научной и научно-популярной направленности, так и периодики общей, в том числе общественно-политической, тематики.

Ключевые слова: термины, внутриязыковые заимствования, публицистический стиль, перевод, переводческие трансформации

On the translation of terminological lexical units in media texts from French into Russian

Viktoria A. Ilukhina[1], Elena A. Kozelskaya[2]

[1]Oryol State University named after I.S. Turgenev, Bachelor of Linguistics, Oryol, Russia, ilukhina_v_2003@mail.ru

[2]Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the Romance Philology Department, Foreign Language Institute, candidate of Philological sciences, Oryol, Russia, kozelskaya@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of translating terms and intra-linguistic borrowings incorporated into the texts of mass media of both scientific and popular science orientation, as well as general periodicals, including socio-political topics.

Keywords: terms, intra-linguistic borrowings, journalistic style, translation, translation transformations

Язык современных французских газетно-информационных материалов включает широкий и постоянно пополняемый пласт слов и выражений, характерных для различных научных направлений и областей человеческой деятельности. Термин, инкорпорированный в текст статьи, посвященной информированию о развитии отрасли, ключевым, важным или периферийным понятием которой он является, функционирует в тексте в своем прямом значении, не предполагая какой-то иной интерпретации его смысла. Если же речь идет о внутриязыковом заимствовании, омонимичном термину той или иной сферы, то такие лексические единицы употребляются в языке публицистики образно, метафорически, служат привлечению внимания читателя к основным идеям автора, интенсификации выражения мысли, эмоциональной характеристике действия, свежести и оригинальности аргументации. Термин и внутриязыковое заимствование могут совпадать по форме, но в зависимости от жанра и темы статьи, а также актуализации семантики лексической единицы в контексте предложения и сверхфразового единства являются лишь омонимами. При этом каждое внутриязыковое

заимствование может иметь целый ряд контекстуальных значений и оттенков, что обязательно следует учитывать при переводе. Такие заимствования переводятся на русский язык, как правило, с помощью образных выражений.

Из вышесказанного можно заключить, что термин – это лексическая единица, имеющая в рамках своего направления однозначное прямое толкование, тогда как внутриязыковые заимствования – это метафоры, пришедшие в газетно-информационные тексты из разных областей науки, техники, культуры, искусства, спорта, производственной и рекреативной деятельности людей, и вводимые в текст с художественно-эстетическими или прагматическими намерениями.

При рассмотрении проблем и особенностей перевода с французского языка на русский терминов и внутриязыковых заимствований, бытующих в газетно-информационных материалах нами были проанализированы тексты таких периодических изданий как ежедневные газеты Le Monde (Лё Монд), 20 Minutes (20 Минут) и журнал Science et Vie (Сьянс е Ви).

Термины – основная, базовая лексическая единица научной периодики и информационных статей в научно-популярных журналах. Термин – это «слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Суперанская 2007, с. 188]. Как лексема, служащая для точного определения специальных понятий, термин не характеризуется многозначностью и предполагает единичную интерпретацию в рамках определенной научной дисциплины или сферы. Такие свойства терминологической лексической единицы позволяют снять трудности при переводе оригинальных текстов, содержащих подобные лексемы с языка оригинала на переводящий язык. При этом, несмотря на наличие единичных соответствий, переводчик принимает окончательное решение по передаче той или иной единицы после анализа контекста употребления термина, например, в статье и узуальных предпочтений при создании текстов на целевом языке.

Анализ перевода терминов с французского языка на русский мы осуществили на материале статьи из журнала Science et Vie «Découverte exceptionnelle: Un rhinocéros laineux doté de "caractéristiques inédites" et vieux de 32 000 ans dévoilé par le pergélisol sibérien» от 02.10.2024 [3], ключевыми словами которой являются терминологические лексические единицы сфер палеонтология, геология, география, биология, т.е. входящих в круг естественных наук.

Depuis plusieurs années, le dégel du pergélisol sibérien révèle des spécimens fossilisés d'une qualité de conservation exceptionnelle… En 2020, des chercheurs de l'Institut de géologie des métaux précieux et des diamants, affilié à l'Académie des sciences de Sibérie, ont mis au jour une carcasse de rhinocéros laineux remarquablement préservée.

Ce spécimen, surnommé le « rhinocéros d'Abyisky », a été étudié et ses caractéristiques anatomiques analysées, notamment une bosse graisseuse inédite. Publiée dans Doklady Earth Sciences, cette étude a permis de mieux comprendre l'adaptation de ces herbivores géants aux rigueurs du Pléistocène.

Вот уже несколько лет процесс таяния вечной мерзлоты в Сибири открывает миру окаменелости в исключительно хорошем состоянии… В 2020 году исследователи Института геологии алмаза и благородных металлов Сибирского отделения РАН обнаружили идеально сохранившиеся останки шерстистого носорога.

Ученые изучили данный экземпляр, получивший название «Абыйский носорог», и проанализировали его анатомические особенности, в том числе и ранее неизвестный жировой горб. Их исследование, опубликованное в журнале «Доклады Российской академии наук. Науки о земле», помогло лучше понять, каким образом эти гигантские травоядные животные смогли адаптироваться к суровым условиям плейстоцена.

1. «le dégel du pergélisol» – таяние вечной мерзлоты. Процесс является следствием глобального потепления, которое приводит к повышению температуры и изменению климата земли. «le dégel» – французское существительное, которое состоит из корня «gél», означающего заморозку, лёд, и отрицательного префикса «dé-», который дает минус значению корня, что суммарно обозначает процесс таяния. «pergélisol» – интернациональный термин, использующийся французским и английским языком в области геологии и почвоведения, имеет постоянный эквивалент в русском языке «вечная мерзлота», который отечественные ученые употребляют в своих трудах чаще, чем пергелизол. Если терминологическая единица, этимологически восходящая к латинским корням, адекватно воспринимается в научном тексте и не представляет трудности для интерпретации исследователями, то в газетно-информационных материалах, адресованных широкому кругу читателей, более приемлемым будет введение постоянного эквивалента.

При переводе двух терминов, образующих словосочетание, были использованы постоянные эквиваленты, представляющие частотное словоупотребление в текстах научного и научно-популярного стиля, в частности, информационных материалах экологической тематики, что соответствует узусу русского языка.

2. «des spécimens fossilisés» – окаменелости, остатки организмов, которые сохранились в геологических слоях. «spécimen» – французское существительное, со значением «пример» или «образец» имеет латинские корни. «fossilisés» – причастие прошедшего времени, которое образовано от глагола «fossiliser». В данном выражении, в сочетании с существительным, играет роль прилагательного.

Российскими палеонтологами используется единица «окаменелости» и переводчик преимущественно передает французский термин через устоявшийся и точный эквивалент.

3. Направление исследовательской деятельности «géologie des métaux précieux et des diamants» представляет собой терминологическое словосочетание, которому переводчик без труда подбирает полный эквивалент «геология алмазов и благородных металлов». Между тем корректность русского эквивалента можно проверить через поиск названия отделения соответствующего исследовательского института, ведущего работу, направленную на открытия в области геологии.

При переводе выражения «géologie des métaux précieux et des diamants» сохраняется структура оригинальной единицы, предполагается лишь прием перестановки, обусловленный нормами синтаксиса русского языка.

4. «rhinocéros d'Abyisky» – «Абыйский носорог». В научной сфере данный термин употребляется специалистами для обозначения палеонтологической находки. «rhinoceros» – одно из самых крупных животных на планете Земля из семейства непарнокопытных. Термин является французским существительным, которое берет свои корни из греческого языка «rhinókerōs». «Abyisky» – прилагательное, которое не является типичным для французского языка. Оно представляет собой транслитерацию русского топонима «Абый», обозначающего центр сельского поселения в Якутии. Для переводчика на русский язык проблема решается просто, т.к. осуществляется обратный перевод прилагательного, подвергшегося транскрипции.

Внутриязыковые заимствования – слова, характерные для одной сферы человеческой деятельности, перешедшие в другую и используемые в последней образно, метафорически. В отличие от межъязыковых заимствований, к примеру, из французского языка в русский, внутриязыковое заимствование происходит внутри одного языка. Более подробно проблема рассматривается в работе по переводу В.Г. Гака и Б.Б. Григорьева [Гак, Григорьев 1999].

В ходе нашего исследования был проведен анализ перевода с французского языка на русский внутриязыковых заимствований в газетно-информационных материалах. Для изучения функционирования этой группы лексем мы обратились к статьям нескольких номеров газеты 20 Minutes, большую часть которых можно отнести к категории общественно-политического текста.

«Avec *le raz-de-marée* provoqué par la venue d'Elon Musk l'année dernière, VivaTech a *franchi un nouveau cap*» [4]. – *Благодаря приливной волне идей, вызванной появлением Илона Маска в прошлом году, компания VivaTech вышла на новый уровень.*

1. «le raz-de-marée» – термин из области географии, который буквально означает «цунами» или «приливная волна»; в специальном тексте описывает природное явление, стремительное, мощное, непреодолимое, подчас разрушительное. В статье Лорана Бэнье «À VivaTech, IA de grands noms», посвященной выставке новых технологий, термин обретает статус внутриязыкового заимствования, используется метафорически, создавая образное сравнение личности американского предпринимателя и неконтролируемой стихии: цунами по имени Илон Маск вывел фирму на новый уровень. При переводе метафору удается сохранить, поскольку русский язык порождает аналогичные ассоциации, но при передаче контекста прибегаем и к приему добавления: *приливная волна идей.*

Переносное значение данного внутриязыкового заимствования в материале, посвященном медицинской тематике, могло бы отразить, например, стремительный рост заболеваемости, в хронике политической ситуации – победу партии с большим отрывом, в экономике – стремительное развитие кризиса и т.д.

2. Выражение «franchir un nouveau cap» в тексте статьи представляет собой внутриязыковое заимствование. Оно возникло в результате метафорического переноса морской терминологии в рутинную речь. Словосочетание «franchir un nouveau cap» буквально переводится, как *пересечь мыс, обогнуть мыс,* и первоначально использовалось моряками, чтобы обозначить преодоление, достижение важного удаленного географического объекта, например, мыс Горн. В переносном значении терминологическая лексическая единица применяется для обозначения преодоления трудностей или достижения новых целей. В переводе используется нейтральный контекстуальный эквивалент более общего значения – выйти *на новый уровень*.

Следующие контексты извлечены из статьи Од Лорио «Paris veut raccrocher le téléphone à l'école» (24.05.2024) [5], темой которой является обсуждение проекта, предусматривающего требование сдавать мобильный телефон на входе в учебное заведение.

«Anne Hidalgo serait prête à *expérimenter le dépôt du portable* à l'entrée du collège, si l'État finance le dispositif. Longtemps regardés comme une solution éducative, les écrans *sont* désormais *dans le viseur* des autorités. » – *Анн Идальго готова провести эксперимент по сдаче мобильных телефонов на хранение при входе в средние школы, если государство профинансирует схему. Долгое время считавшиеся помощниками в обучении, гаджеты теперь находятся под прицелом критики властей.*

3. Выражение «expérimenter le dépôt du portable» означает «введение практики отказа от мобильного телефона в стенах учебного заведения». При переводе метафора нейтрализуется и используется прием экспликации.

4. Терминологическая лексическая единица из области военного дела «être dans le viseur» *быть под прицелом* передается с помощью постоянного эквивалента, также русской военной терминологии, но прием добавления *быть под прицелом критики* уточняет и эксплицирует смысл фразы, обеспечивая ее адекватность в тексте перевода.

« L'idée est bonne, je trouve qu'il y a plein d'enfants qu'il faut *désintoxiquer*.» – *Идея хорошая и я считаю, что многие дети нуждаются в том, чтобы преодолеть зависимость от гаджетов*.

5. Медицинский термин «désintoxiquer» в контексте общественно-политической статьи становится внутриязыковым заимствованием, создавая яркий образ зависимости сродни наркотической. На наш взгляд, словосочетание *провести дезинтоксикацию* как калька с французского глагола будет нарушать узус русского языка, поэтому в переводе применяется генерализация – *преодолеть зависимость*.

Нами были рассмотрены ключевые аспекты перевода терминологических лексических единиц в газетно-информационных материалах. Жанровое разнообразие СМИ (заметка, новость, репортаж) непосредственно влияет на их функционирование в контексте и, следовательно, на перевод. При переводе терминологических лексических единиц в информационных материалах необходимо не только следовать разработанным требованиям к передаче терминов, но учитывать их метафорический потенциал, если лексемы применяются за пределами своей обычной сферы употребления, а также адаптировать к нормам русского языка.

Мы провели четкую границу между терминами, которые используются в прямом значении в границах их традиционных областей бытования и информационных материалах, посвященных соответствующим направлениям деятельности человека, и терминологическими лексическими единицами, которые авторы газетно-информационных материалов вводят в текст, эксплуатируя их стилистические возможности: образность в контексте, эмотивность и т.д. Соответственно, при переводе этих двух вариантов актуализации терминологических лексических единиц в речи, применяются разные переводческие приемы. В первом случае переводчик прибегает к постоянным соответствиям, тем более, что, как правило, речь идет об универсальных, интернациональных наименованиях, и национальным терминам, которые служат для обозначения того или иного явления в переводящем языке. Во втором случае, когда термин используется в переносном значении, являясь элементом художественно-эстетического воздействия на потребителя газетно-информационных материалов, в переводе задействованы разнообразные приемы: отказ от термина и использование нейтрального эквивалента, метафора, добавление, генерализация, модуляция.

Список литературы

1. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – М., Интердиалект +, 1999. 455с.

2. Суперанская А. В. Общая терминология. Вопросы теории [Текст] / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: АСТА, 2007. – С. 16 – 188.

3. Découverte exceptionnelle: Un rhinocéros laineux doté de "caractéristiques inédites" [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.science-et-vie.com/science-et-culture/decouverte-exceptionnelle-un-rhinoceros-laineux-dote-de-caracteristiques-inedites-et-vieux-de-32-000-ans-devoile-par-le-pergelisol-siberien-180281.html. (дата обращения: 20.04.2025).

4. VivaTech, l'un des plus gros événements tech au monde, ouvre ses portes ce mercredi [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.20minutes.fr/high-tech/4092017-20240522-vivatech-plus-gros-evenements-tech-monde-ouvre-portes-mercredi. (дата обращения: 29.04.2025).

5. Anne Hidalgo donne son feu vert pour le dépôt des smartphones à l'entrée du collège [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: https://www.20minutes.fr/paris/4092532-

20240523-paris-hidalgo-prete-experimenter-depot-obligatoire-portable-ecole-financement. (дата обращения: 01.05.2025).

Сведения об авторах:

Илюхина Виктория Андреевна; бакалавр лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

Ilukhina Viktoria Andreevna; Bachelor of Linguistics, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; ilukhina_v_2003@mail.ru; +94862752160.

Козельская Елена Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

Kozelskaya Elena Anatol ‘yevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

УДК 81’25

Об особенностях передачи библионимов на примере перевода названий книг Терри Пратчетта на русский и немецкий языки

Алексей Валерьевич Клочков[1], Максим Константинович Кудрявцев[2]

[1] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заведующий кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, klochkov.a_new@mail.ru

[2] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, институт иностранных языков, студент 1 курса магистратуры, Орёл, Россия, inkweller@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению передачи библионимов на разные языки на основании анализа переводов названий романов Терри Пратчетта из цикла «Плоский мир». В рамках исследования осуществляется сопоставительный анализ названий книг и рассматриваются приемы их перевода. В ходе исследования были выявлены различия в стратегиях перевода англоязычных названий на русский и на немецкий язык.

Ключевые слова: библионим, заглавие, название, стратегия перевода, приемы перевода.

On the features of translating biblionyms using the example of translating Terry Pratchett’s book titles into Russian and German

Alexey V. Klochkov[1], Maxim K. Kudryavtzev[2]

[1]Orel State University named after I.S. Turgenev, Head of the Chair of German Language, associate professor of the Department of German Language, Orel, Russia, klochkov.a_new@mail.ru

[2]Orel State University named I.S. Turgenev, student, Orel, Russia, inkweller@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the study of translating biblionyms into different languages based on the analysis of translations of the titles Terry Pratchett's novels from the Discworld cycle. The study includes a comparative analysis of book titles and examines translation techniques. The study revealed differences in the strategies of translating titles into Russian and German.

Keywords: biblionym, title, name, translation strategy, translation techniques.

Первое, на что мы обращаем внимание, впервые взяв книгу в руки, это её название. Именно оно даёт нам первоначальное представление о возможном содержании, событиях и персонажах произведения. По мнению Н. А. Кожиной, «Заглавие открывает и закрывает произведение в буквальном и переносном смысле. Заглавие как порог стоит между внешним миром и пространством художественного текста и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы. В то же время заглавие – это предел, который заставляет нас вновь обратиться к нему, когда мы закроем книгу» [Кожина 1988, с. 15].

Названия книг как имена собственные в ономастике обозначаются термином – библионимы. Впервые термин был введён Н.В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии», в котором под библионимами понимается – «название, заглавие любого письменного произведения: художественного, религиозного, научного, политического и т. д» [Подольская 1988, с. 42].

Библионимы весьма разнообразны и способны выражать разные функции. Существуют различные классификации библионимов. В данной работе используется классификация А. В. Ламзиной, в рамках которой выделяются четыре типа названий художественных произведений [Ламзина, 1997 с. 76].

1. Заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения.
2. Заглавия, задающие сюжетную перспективу произведения.
3. Персонажные заглавия.
4. Заглавия, обозначающие время и пространство.

Объектом настоящего исследования являются оригинальные англоязычные названия книг Терри Пратчетта из цикла «Плоский мир» и варианты их перевода на русский и немецкий язык, а предметом – особенности их перевода на русский и немецкий язык.

Материалом послужил 21 библионим из цикла «Плоский мир» Терри Пратчетта.

В настоящей статье вслед за Е. Ж. Бальжинимаевой рассматриваются такие приемы перевода библионимов как «прямой перевод, трансформация библионима и полная замена названия» [Бальжинимаева 2009, с. 35].

Первым произведением станет первая книга подцикла «О Смерти», цикла «Плоский мир» изданная на оригинальном языке под названием «Mort». Само название является сокращённым вариантом имени главного героя, «Mortimer». Оригинальное название можно отнести к персонажным заглавиям. Исходя из названия, произведение предстаёт перед читателем в качестве повести о человеке по имени «Mort». В русском варианте перевода, данное произведение носит название «Мор, ученик смерти».

Оригинальное название «Mort» было в особенности игрой слов с отсылкой на смерть. Русский вариант перевода сохраняет данную игру слов. Слово «мор» так же означает смерть, но уже в русском языке. По итогу получился созвучный вариант. Дополнение «ученик смерти» было введено для отражения персонажного характера, ибо просто вариант названия «Мор» в понимании читателя могло предстать ни как имя, а как явление, что могло ввести читателя в заблуждение.

В свою очередь перевод на немецкий получил название: «Gevatter Tod», что является явной отсылкой к одной из сказок братьев Гримм – «Смерть в кумовьях», в которой смерть предстает в персонифицированном образе.

В оригинале и на русском языке, произведение является повестью о человеке по имени Мор. В тоже время немецкий вариант, в глазах немецкоязычного пользователя, может предстать в качестве повести о Смерти. Что смещает вектор восприятия названия с главного героя с Мора на Смерть. Если говорить о стратегиях перевода, применённых переводчиками на русский и немецкий, то в русском варианте перевода была использована трансформация библионима с добавлением пояснения к имени, а в немецком была использована полная замена названия.

Вторая книга подцикла «О Смерти» издана на оригинальном языке под названием «Reaper Man». Данное название в переводе означает «жнец», что является отсылкой к главному персонажу, Смерти. Тем самым, исходя из названия, книга является повестью о Смерти. Само название можно отнести к – персонажным заглавиям. В русском варианте перевода, данное произведение носит название «Мрачный жнец». Изменения в лексическом составе названия объясняются невозможностью передачи названия с языка оригинала на язык перевода с сохранением его структуры. В название было введено прилагательное для придания соответствующей характеристики персонажу. Это не сильно повлияло на начальное восприятие повествования. В немецком переводе произведение носит название: «Alles Sense». «Sense» в немецком обозначает «коса». Переводчик использует отсылку к аллегорическому образу смерти, в немецком языке Sensemann. Если говорить о стратегиях перевода, применённых переводчиками на русский и немецкий, то в русском варианте перевода была использована трансформация библионима, а в немецком – полная замена названия.

Рассмотрим еще один пример. Изданное под оригинальным названием «Soul Musik», данный библионим можно отнести к – заглавию, задающему сюжетную перспективу произведения. Произведение наполнено большим количеством отсылок на музыкальные направления. Само название содержит в себе игру слов – обыгрывается «soul» как душа, и как музыкальное направление. В самом же повествовании тема музыки и смертного бытия идут параллельно.

В русском варианте, данное произведение получило название: «Роковая музыка», в котором так же прослеживается игра слов. Данный вариант перевода является не плохим примером варианта перевода с сохранением языковой игры. В зависимости от постановки ударения название приобретает множество оттенков, удачно отражая тесную связь с идеей книги, ее сюжетной перспективой. В немецком варианте данное произведение носит название – «Rolende Steine». Можно сделать предположение, что автор решил обыграть в заглавии название популярной британской рок-группы The Rolling Stones. Данное название в отличие от оригинала и перевода на русский язык, которые сразу раскрывают музыкальную сюжетную канву произведения, делает это в более завуалированной форме.

Если говорить о стратегиях перевода, применённых переводчиками на русский и немецкий, то в русском варианте перевода была использована трансформация библионима, а в немецком была использована полная замена названия.

Переходим к следующему произведению Терри Пратчетта, получившее в оригинале название «Hogfather», что отсылает нас к одному из персонажей книги, которого в русском варианте перевели, как «Санта-Хрякус». И не смотря на различия, оба эти перевода можно отнести к персонажным заглавиям. Данный персонаж является отсылкой к Санта-Клаусу, только вместо мифического духа рождества, аморфное существо, по признакам похожее на кабана в традиционных одеждах, приписываемых Санта-Клаусу. В русскоязычном варианте перевода отсылка к Санта-Клаусу выражается

в более явной форме. Роман на немецком языке вышел под названием «Schweinsgalopp». Данное название уже является не персонажным заглавием, а заглавием, задающим сюжетную перспективу произведения. Если в оригинале и в переводе на русский была отсылка к одному из главных символов рождества, то в переводе на немецкий это не прослеживается. Можно предположить, что этот перевод является отсылкой к популярной настольной игре в Германии – «Schweinsgalopp», в которой игрокам нужно обогнать своих оппонентов, передвигая по полю фишки в виде свиней. Суть игры перекликается с главным сюжетным вопросом. Исходя из содержания, Санта-Хрякус, в ночь Страшдества, был вынужден галопом бежать через весь мир в образе кабана, спасаясь от преследования. В этом случае, не исключено, что это был своеобразный маркетинговый ход издателей. Если говорить о стратегиях перевода, применённых переводчиками на русский и немецкий, то в русском варианте перевода была использована трансформация библионима, а в немецком была использована полная замена названия.

И вот мы подошли к последней книге подцикла «О Смерти», оригинальное название: «Thief of time». В прямом переводе: «Вор времени», именно под таким названием книга вышла в русскоязычном переводе. Что касается перевода на немецкий, то здесь, переводчик так же использовал прямой перевод – «Der Zeitdieb». Все эти названия являются персонажными заглавиями, означают одно и тоже и описывают одного и того же ключевого протагониста книги.

Теперь перейдем к следующей книге цикла «Плоский мир» – «Small Gods». Фэнтезийный роман о мелких проблемах мелких божеств. Это произведение, как и большинство других произведений автора, наполнено сатирой с отсылками к нашей действительности, в частности религии. Само оригинальное название является заглавием, представляющим основную тему или проблему произведения. В русском варианте книга получила название «Мелкие боги». Прямой перевод, не отличающийся от оригинального, вызывающий и у англоязычных, и у русскоязычных получателей схожие ассоциации. Немецкий же вариант: «Einfach göttlich», хоть и перекликается с оригинальным названием, но всё же изменён. «Einfach» можно перевести как: «просто», а «göttlich» как «божественно». Такой вариант перевода мотивирован не языковыми трудностями передачи названия, а, по всей видимости, стремлением сделать его более броским, ярким для получателей. Говоря о стратегии, переводчиком на немецкий была использована полная замена названия.

Следующее произведение является в своей сути сатирическим детективом. Книга под названием «Feet of Clay» вышла в переводе на русский под названием «Ноги из глины», что является практически дословным переводом. В названии произведения подразумеваются големы, существа из глины, которым в повествовании отводится значительная роль. В книге подчеркивается, что у них пустые головы, и они не обладают собственной волей. В немецком варианте перевода – «Hohle Köpfe», буквальный вариант перевода – «Пустые головы» также подразумеваются големы. Но если русскоязычный вариант перевода больше носит интерлинеарный характер, то немецкоязычный представляет собой результат интерпретации заголовка через содержание произведения. Все варианты названия можно отнести к заглавиям, представляющим основную тему или проблему произведения.

Данное исследование показало разницу в подходах к переводу у русскоязычных и немецкоязычных переводчиков. Отечественные переводчики в основном используют прямой перевод или трансформацию библионима, что говорит о тенденции к сохранению близкой к оригиналу формы. Переводчики на немецкий в большинстве проанализированных случаев прибегают к полной замене названия, по всей видимости, в большей степени интерпретируя его через содержание произведения, а также принимая

во внимание особенности восприятия реципиентов в принимающей культуре. Это позволяет говорить о лингвокультурологических особенностях перевода на немецкий язык, которые выражаются в том, что при выборе варианта перевода переводчик учитывает особенности восприятия представителей принимающей культуры и часто апеллирует к их традиционным образам и представлениям. Схожая тенденция прослеживается и при переводе фильмонимов [Калмазова, 2022, с. 229], при переводе которых также учитываются ассоциации конкретного языкового коллектива, вызываемые каким-либо традиционными для него образами.

Список литературы

1. Кожина, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кожина Н. А.; Московский государственный университет. – Москва, 1988. – 230 с.

2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская; Рец.: Х. Ф. Исхакова; Институт языкознания АН СССР. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с. – Текст : непосредственный.

3. Ламзина, А. В. Заглавие литературного произведения / А. В. Ламзина. – Текст : непосредственный // Русская словесность. – 1997. – № 3. – С. 75– 79.

4. Бальжинимаева, Е. Ж. Стратегия перевода названий фильмов / Е. Ж. Бальжинимаева. – Текст : электронный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2009. – URL: https://refdb.ru/look/3099824.html (дата обращения: 27.09.2025).

5. Калмазова Н. А., Дегтярева Е. А., Кузнецова Ю. А. Национально-культурные особенности и стратегии перевода названий детективных американских фильмов (на материале русского, английского, французского и немецкого языков) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. №204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnye-osobennosti-i-strategii-perevoda-nazvaniy-detektivnyh-amerikanskih-filmov-na-materiale-russkogo-angliyskogo (дата обращения: 30.09.2025).

Сведения об авторах:

Клочков Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого языка института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; klochkov.a_new@mail.ru; +7(4862)752239

Alexey V. Klochkov, PhD in philological sciences, Head of the Chair of German Language, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; klochkov.a_new@mail.ru; +7(4862)752239

Кудрявцев Максим Константинович, институт иностранных языков, студент 1 курса магистратуры, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302000, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 37, inkweller@yandex.ru; 89534142003.

Maxim K. Konstantinovich, institute of foreign languages, student, Orel State University named I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 37, Orel, 302000, Russian Federation, inkweller@yandex.ru; 89534142003.

УДК 81

Стратегии доместикации и форенизации в переводе художественных текстов (на материале романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень»)

Арина Сергеевна Оленина[1], Тимошенко Ирина Владимировна[2]

[1] Орловский государственный университет, магистр 2 курса, Орел, Россия

[2] Орловский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации культурно-маркированной лексики с использованием двух основных переводческих стратегий – доместикации и форенизации в рамках анализа художественных текстов. Материалом для статьи послужила первая книга из серии романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, а также переводы первой книги на русский язык М. В. Спивак и И. В. Оранского. Контрастивный анализ стратегий передачи реалий в переводах «Гарри Поттера» на русский язык позволяет сопоставить выбранные переводчиками приемы и определить применимость конкретных переводческих приемов. Сопоставление параллельных текстов переводов показывает, что переводчик вынужден не только выбрать стратегию, наиболее подходящую для передачи конкретной реалии, но и учесть сочетаемость выбираемых приемов, интерпретируя совокупность лингвокультурных элементов исходного текста таким образом, чтобы сохранить ключевые параметры оригинала и авторский стиль. Переводчик должен создать не просто аналогичный по смысловому наполнению текст на ином языке, а полную функциональную замену для реципиента перевода.

Ключевые слова: Доместикация, форенизация, лингвокультурный анализ перевода, переводческая стратегия, художественный перевод, реалия.

Domestication and foreignization strategies in the translation of literary texts (based on J. K. Rowling's “Harry Potter and the philosopher's stone” novel)

Arina S. Olenina[1], Irina V. Timoshenko [2]

[1] Orel State University named after I. S. Turgenev, 2nd-year master, Orel, Russian Federation.

[2] Orel State University, named after I. S. Turgenev**,** candidate of philological sciences, PhD in Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Orel, Russian Federation.

Abstract. This article is dedicated to the issue of interpreting culturally marked vocabulary by utilization of two main translation strategies: domestication and foreignization by the analysis of literary texts. The material for this article consists of the first book in J. K. Rowling's Harry Potter series, as well as its Russian translations by M. V. Spivak and I. V. Oransky. A contrastive analysis of the strategies for rendering cultural realities in the Russian translations of “Harry Potter” allows for a comparison of the translators' chosen techniques and the determination of the applicability of specific translation methods. The comparison of parallel translated texts demonstrates that the translator is compelled not only to select the strategy most

suitable for conveying a particular cultural reality but also to consider the combinability of chosen techniques when interpreting the set of linguacultural elements of the source text so as to preserve the key parameters of the original and the author's style. The translator must create not merely a text similar in semantic content in another language but a fully functional equivalent for the target recipient.

Keywords: Domestication, foreignization, linguacultural transfer analysis, translator's strategy, literary translation, reality

Интерпретация культурно-маркированной лексики и передача языковых реалий представляет одну из ключевых и наиболее сложных задач, стоящих перед переводчиком художественного произведения. Автор перевода не только перекодирует информацию с одного языка на другой, но и выступает центральным звеном в межкультурной коммуникации. В отечественном переводоведении понятие «стратегия перевода» рассматривается с нескольких точек зрения. По мнению В. М. Илюхина «стратегия перевода – метод выполнения переводческой задачи, заключающийся в адекватной передаче с исходного языка на переводимый язык коммуникативной интенции отправителя с учетом культурологических и личностных особенностей, базового уровня, языковой надкатегории и подкатегории» [Илюхин, 2000, с. 5]. Н. К. Гарбовский определяет стратегию перевода с позиции вынужденной доместикации, то есть в качестве определенного доминирующего подхода переводчика, как стратегию преобразования им исходного текста в виде «как трансформации либо как деформации». [Гарбовский, 2004, с. 358]. Т. А. Казакова в работе «Практикум по художественному переводу» рассматривает переводческую стратегию амбивалентно, где доместикация и форенизация находятся в симбиозе в той или иной мере в зависимости от поставленной коммуникативной задачи: «как систему взаимодействий когнитивно-эмоциональных факторов понимания и переводческой установки, направленных на решение практических задач по созданию художественного подобия оригиналу на другом языке» [Казакова, 2002, с. 18].

Анализируя подходы к пониманию стратегии перевода, мы видим, что перед переводчиком стоят две задачи равной степени важности: во-первых, переводчик должен эффективно использовать ресурсы родного языка для обеспечения адекватной и полной передачи уникальных лингвокультурных элементов исходного языка; во-вторых, переводчик должен создать на языке перевода понятный реципиенту текст, который сможет выступить полноценной заменой иноязычного оригинала. В рамках передачи культурно-маркированной лексики выделяются две основные переводческие стратегии: доместикация и форенизация.

В теории перевода доместикация и форенизация в качестве единиц терминологического аппарата появились только во второй половине 90-х годов. Их исследованием занимался Л. Венути в работе «Скандалы перевода: по направлению к этике различия» [Venuti, 1998]. Однозначно ответить на вопрос, какая из двух стратегий позволяет создать более качественный перевод художественного текста, на наш взгляд, не представляется возможным. Сам Л. Венути придерживается мнения, что лингвокультурные черты оригинального произведения должны отражаться в языке перевода – именно так перекодированный текст становится равнозначной заменой исходного.

Доместикацию можно охарактеризовать как переводческую стратегию, заключающуюся в адаптации текста к лингвокультурному контексту языка перевода. Такой подход позволяет создать прозрачный и легкий для восприятия реципиентом текст, где он воспринимается в качестве полной функциональной замены текста на исходном языке. Л. Венути отмечает, что «каждый перевод, по сути, это в какой-то степени

результат доместикации, т.к. именно родная культура является инициатором перевода» [Шелестюк, 2016, с. 202-207]. При выборе доместикации в качестве стратегии работы переводчик заменяет языковые единицы иноязычной культуры на знакомые для реципиента языка перевода образы с минимальным сохранением культурно-маркированных лексем исходного текста. Основными приемами доместикации являются описательный перевод, компенсация, генерализация, конкретизация, модуляция, адаптация и контекстуальная замена. Основным недостатком данной стратегии является неизбежная утрата культурной самобытности и стилистических особенностей оригинала, что не всегда приемлемо при работе с художественными произведениями.

Форенизация, в отличие от доместикации, сохраняет иноязычные лингвокультурные реалии. При таком методе «акцент делается на лингвокультурную ценность языка перевода, подчеркиваются культурные особенности оригинального текста, приближая читателя к культуре оригинала» [Шелестюк, 2016, с. 202-207]. Стратегия форенизации позволяет реципиенту текста перевода погрузиться в культурную среду исходного текста через бытовые, этнографические, географические и другие реалии и квазиреалии. Основными приемами доместикации являются транскрибирование и транслитерация, калькирование, синтаксическое уподобление и описательный перевод.

Необходимо отметить, что при переводе художественного текста чаще всего невозможно использовать исключительно форенизацию или исключительно доместикацию. Переводчик, как правило, совмещает обе стратегии при работе с оригиналом, а их соотношение в каждом конкретном случае зависит от коммуникативной задачи, типа, жанра текста и целевой аудитории. Использование только одной из стратегий может привести к семантическим искажениям в продукте перевода. Так, при использовании доместикации как единственного способа обработки иноязычного художественного текста уникальные лингвокультурные реалии оригинала, не имеющие полных или частичных аналогов в культуре языка реципиента, требуют сложных ситуационных трансформаций или введения переводческого комментария, что может привести к потерям в смысловом содержании произведения или неверному толкованию авторского замысла, утрате целостности и культурной ценности произведения. При использовании только форенизации языковые и культурные особенности исходного текста сохраняются, однако уникальные для данной культуры реалии усложняют восприятие перевода реципиентом, в языке которого нет аналогичных понятий. В этом случае также требуется введение пояснений или переводческого комментария, что не всегда оправдано с прагматической точки зрения. Целевая аудитория может посчитать текст, снабженный обширными комментариями и изобилующий транслитерированными или транскрибированными лексическими единицами, передающими уникальные языковые и культурные феномены, содержащиеся в исходном тексте, отталкивающим. На современном этапе развития в переводоведении нет исчерпывающих рекомендаций по выбору доместикации или форенизации как доминирующей стратегии при переводе текстов художественной литературы и не приводятся однозначные критерии для выбора в пользу одного их этих методов перевода при работе с отдельными текстовыми фрагментами. Переводчик самостоятельно принимает решение об использовании конкретной стратегии в зависимости от лингвокультурного пространства произведения, важности для реципиента той или иной реалии при знакомстве с текстом.

В рамках проводимого научного исследования нами осуществляется сравнительно-сопоставительный анализ применения стратегий форенизации и доместикации на материале оригинального произведения Дж. К. Роулинг, перевода на русский язык М. В. Спивак (перевод 1) и И. В. Оранского (перевод 2). Здесь и далее фактический языковой материал приводится в соответствующей последовательности.

1) *because Dudley was now having a tantrum and throwing his cereal at the walls. // ибо тот расскандалился и вовсю расшвыривал овсянку по стенам // Он раскачивался взад-вперед на стульчике, ловко выуживал из тарелки кашу и заляпывал ею стены.*

В оригинале автор использует лексему *cereal* со значением “a prepared foodstuff of grain (such as oatmeal or cornflakes)” [Электронный ресурс]. Спивак использует прием конкретизации, тем самым сохраняет культурную реалию Британии, где принято на завтрак подавать овсяную кашу. Оранский опускает культурную реалию через генерализацию (типичный завтрак в России – любая каша: рисовая, манная, овсяная, гречневая и т.д.), что делает текст более прозрачным. Однако, при этом очевидно теряется культурная коннотация.

2) *his parents took him and a friend out for the day, to adventure parks, hamburger bars or the cinema. // родители устраивали Дудли праздник — брали его с кем-нибудь из друзей на аттракционы в парк, кормили гамбургерами или водили в кино. // Дурсли на целый день отвозили сына и его друга в Лондон, а там водили их на аттракционы, в кафе и в кино.*

Спивак сохраняет культурную реалию *hamburger bars*, то есть специфичные для Британии заведения, где продаются гамбургеры – “(British) a restaurant selling primarily hamburgers and similar dishes” [Электронный ресурс], в то время как Оранский обобщает лексему и использует понятное для русского реципиента *кафе*. Во втором случаем мы видим потерю национального колорита оригинала, которая, однако, компенсируется большей понятностью переводимой сцены для русскоязычного читателя.

3) *They heard the click of the letter-box and flop of letters on the doormat. // От входной двери донёсся шум: это почтальон сунул почту в прорезь, и на коврик упали конверты. // Из коридора донеслись знакомые звуки — почтальон просунул почту в специально сделанную в двери щель, и она упала на лежавший в коридоре коврик.*

В обоих вариантах используется описательный перевод для объяснения реалии, так как в России процесс доставки почты выглядит иначе: через специальный почтовый ящик, тогда как в Британии почта доставляется прямо к двери. Однако у Оранского описание кажется нам более удачным: оно исчерпывающе и создает полную картину реалии.

4) *‘It's a Remembrall!’ he explained. // – Это Вспомнивсёль! – объяснил Невилл. // – Это напоминалка! – пояснил Невилл.*

В обоих случаях переводчики придерживаются стратегии доместикации, однако Спивак применяет прием калькирования, что сохраняет структуру фэнтезийной реалии и непосредственного указывает на волшебный характер называемого предмета, но снижает прозрачность восприятия реципиентом. Оранский использует прием адаптации, снижая колорит реалии (магический образ), однако делает ее более понятной при прочтении.

5) *there's another player on each side who's called the Keeper // В каждой команде есть игрок, который называется Охранник, // Затем, у каждой команды есть вратарь.*

В оригинале описывается спортивная игра Квиддич, где *Keeper* – игрок, который защищает ворота. Спивак использует вариант *охоранник*, что кажется нам неуместным, так как в языке перевода уже существует лексема для описания аналогичной роли в спортивной команде – *вратарь*. Оранский использует именно этот вариант.

6) *That's why you have two Beaters on each team. // Поэтому в каждой команде есть два Отбивалы. // Поэтому в каждой команде есть два загонщика.*

Приведенный отрывок тоже относится к игре в Квиддич, то есть к позициям в спорте. Оба варианта перевода *отбивала* и *загонщик* – являются примерами доместикации, они не являются точными эквивалентами, однако прозрачно передают смысл лексемы: из контекста романа следует, что *beater* в игре занимается тем, что гоняется за мячами и защищает от их попадания членов своей команды. Вариант

Оранского кажется нам наиболее удачным, так как он хорошо передает семантику лексемы и наиболее нейтрален.

7) *He had decided to call her Hedwig, // Он решил назвать её Хедвигой // Гарри решил назвать её Букля*

В оригинале кличка совы происходит от имени нарицательного *headwig (парик)*. Спивак при переводе придерживается стратегии форенизации и использует прием транскрипции – *Хедвиг*. Оранский сохраняет коннотацию из текста оригинала и заменяет кличку на эквивалент *Букля* от нарицательного существительного, которое означает прядку или завиток.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что выбор переводчиком стратегий доместикации и форенизации и их соотношения требует углубленной работы с текстом оригинала, где важно учитывать семантику и стилистику материала, лингвокультурный фон произведения и коммуникативные задачи перевода. При работе с художественным произведением лингвокультурные реалии необходимо учитывать и уделять особое внимание их обработке, так как они являются «необходимым условием создания диалога между исходной и целевой культурами» [Берман, 2011, с. 93-113]. Баланс между сохранением уникальных черт исходного текста и адаптацией к языковым нормам языка перевода является решающим фактором для достижения высокой степени адекватности и приемлемости перевода.

Список литературы

1. Илюхин В. П. Стратегии в синхронном переводе на материале англо-русских и русско-английских комбинаций перевода: дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. лингв. ун-т, 2000. 223 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
3. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. М.: Инъязиздат, 2002. 554 с.
4. Venuti, L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London and New York: Routledge, 1998. 224 s.
5. Шелестюк Е. В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е. В. Шелестюк, Э. Д. Гриценко // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки (вып. 100). Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2016. № 4. С. 202-207.
6. Merriam-webster dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 19.09.2025)
7. Collins Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com (дата обращения: 19.09.2025)
8. Берман А. Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии / А. Берман // Логос. Философско-литературный журнал. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. № 5–6. С. 93–113.
9. Rowling, J. K. Harry Potter and the Philosopher’s stone / J. K. Rowling. London: Bloomsbury, 2004. 223 p.
10. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Волшебный камень: роман / пер. с англ. М. Спивак. М.: Махаон, 2015. 432 с.
11. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень: роман / пер. с англ. И. В. Оранского. М.: РОСМЭН, 2002. 399 с.

Сведения об авторах:

Оленина Арина Сергеевна, магистр 2 курса, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95 arienaolenina@gmail.com; +9208047975.

Olenina Arina S., 2nd-year master, Orel State University named after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302026, Russian Federation; arienaolenina@gmail.com; +9208047975.

Тимошенко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, PhD in Philology, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95 timoshenko@outlook.com; +79200844323

Timoshenko Irina V., candidate of philological sciences, PhD in Philology, Associate Professor of Department of English Philology, Orel State University named after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302026, Russian Federation; timoshenko@outlook.com; +79200844323

УДК: 81`25

Проблема перевода окказионализмов в художественном тексте: стратегии и приемы

Галина Васильевна Скрипкина

Орловский государственный университет, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук, Орел, Россия, gws2000@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу проблемы перевода окказионализмов в художественной литературе на материале сказки М. Энде «Пунш желаний». В работе проводится структурно-семантическая и функциональная классификация окказионализмов оригинала и сопоставительный анализ стратегий и приемов их передачи в русскоязычном переводе. Делается вывод о применении переводчиками гибридной стратегии с доминированием доместикации.

Ключевые слова: окказионализмы в художественном тексте, структурные и функциональные особенности окказионализмов, стратегии перевода, доместикация и форенизация, приемы перевода

The problem of translating occasionalisms in literary texts: strategies and techniques

Galina V. Skripkina

Oryol State University, associate professor of the Department of German language, candidate of Philology, Oryol, Russia, gws2000@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of translating occasionalisms in fiction, using Michael Ende's fairy tale "The Night of Wishes" as a case study. The work involves a structural-semantic and functional classification of

occasionalisms in the original text and a comparative analysis of the strategies and techniques for their translation into Russian. It is concluded that the translators employed a hybrid strategy with a dominance of domestication.

Keywords: occasionalisms in literary text, structural and functional features, translation strategies, domestication and foreignization, translation techniques

Перевод художественной литературы неизменно бросает вызов лингвисту, ставя перед ним сложнейшую задачу – не просто перенести смысл, но и воссоздать уникальный авторский мир. Одной из самых трудных преград на этом пути становятся окказионализмы – слова-«однодневки», рожденные фантазией писателя для решения конкретных художественных задач. Их перевод требует не только виртуозного владения языком, но и глубокого погружения в замысел автора, а также применения творческого подхода.

В данной статье речь пойдет о переводе окказионализмов в художественном тексте. Под окказионализмами мы понимаем индивидуально-авторские новообразования, построенные как по нормативным словообразовательным моделям, так и с отклонениями от них. Важно отметить, что окказионализмы реализуются в специфическом контексте и выполняют различные важные функции (например: характерологическую, стилистическую, художественно-изобразительную), что делает их мощным текстообразующим средством.

Крайне важно отличать индивидуально-авторские окказионализмы от неологизмов. Если последние создаются для наименования новых реалий и выполняют интеллектуально-коммуникативную функцию, то окказионализмы являются, по определению О.И. Александровой, *«характеризующими единицами»* [Александрова 1997]. Наиболее полно суть окказионализмов раскрыта в трудах А.Г. Лыкова, который выделяет такие их ключевые признаки, как принадлежность к речи, творимость (невоспроизводимость), словообразовательную производность, ненормативность и экспрессивность [Лыков 1974, с. 106].

Многообразие окказионализмов обуславливает сложность их классификации. Так, по структурно-семантическим свойствам выделяются фонетические, лексические, семантические, грамматические и комбинированные окказионализмы, а также окказиональные словосочетания, построенные на обыгрывании фразеологической основы [Бабенко 1997, с. 12]. Кроме того, ученые традиционно делят окказионализмы на два класса: **потенциальные слова** (созданные по высокопродуктивным моделям) и **индивидуально-авторские слова (эгологизмы)** (созданные по малопродуктивным или уникальным моделям). Как справедливо отмечал В.С. Виноградов, эти классы представляют собой «два полюса своеобразия, новизны и экспрессивности окказионализмов» [Виноградов 2001, с. 64-65]. Важным для переводчика является также понятие **степени окказиональности**, введенное Н. Г. Бабенко: от образований первой степени (стандартные модели) до полностью нестандартных окказионализмов третьей степени, интерпретация которых представляет наибольшую трудность [Бабенко 1997].

Именно это многообразие форм, функций и степеней уникальности и составляет главную проблему перевода. Переводчик окказионализма сталкивается с фундаментальным вопросом: как перенести в другую языковую систему не просто слово, а целый комплекс смыслов, стилистических окрасок и авторских интенций, для которого в языке перевода не существует готового эквивалента. Это требует от специалиста не только внимательного отношения к контексту и глубокого понимания авторского замысла, но и арсенала творческих стратегий.

В переводоведении окказионализмы рассматриваются в рамках безэквивалентной лексики. В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, С. Влахов и С. Флорин и др. выделяют несколько основных путей передачи окказионализмов:

- Транскрипция/Транслитерация + комментарий: прямое заимствование формы слова.
- Калькирование: пословный перевод морфем или слов словосочетания.
- Описательный (разъяснительный) перевод: замена слова описанием его значения.
- Создание собственного окказионализма – наиболее творческий и желательный способ. Переводчик создает в языке перевода новое слово по аналогичным моделям (словообразование, фонетическая игра, семантический сдвиг).
- Контекстуальная замена: использование уже существующего в языке перевода слова, которое выполняет сходную функцию в данном контексте.

Помимо конкретных технических приемов, выбор переводчика определяется общей стратегией, которая отвечает на ключевой вопрос: должен ли перевод читаться как оригинальный текст на языке перевода или он должен сохранять «дух» и культурные маркеры оригинала? Американский переводовед Лоуренс Венути (Lawrence Venuti) на основе идей немецкого философа Фридриха Шлейермахера предложил стратегии доместикации и форенизации. При доместикации переводчик делает текст максимально понятным, привычным и естественным для носителя языка перевода. Иностранный культурный контекст нивелируется, текст адаптируется под нормы и традиции культуры перевода. При форенизации переводчик, наоборот, сохраняет черты исходного языка и культуры, «приближает читателя к тексту». Читатель ощущает иностранное происхождение текста, его инаковость.

Целью данной статьи является анализ и систематизация основных стратегий и приемов перевода окказионализмов различного типа на материале художественных текстов. Материалом для данного исследования послужила сказка известного немецкого писателя Михаэля Энде «Пунш желаний» (переводчики А. Исаева и Л. Лунгина). Выбор данного источника не случаен: язык М. Энде отличается необычайной образностью и богатством, а сам текст изобилует окказионализмами, что предоставляет обширное поле для лингвистического анализа.

Исследование проводилось в несколько этапов:

1. **На первом этапе** был осуществлен методом сплошной выборки отбор окказионализмов из текста оригинала и проведен их контекстуальный анализ для определения их функций в художественном пространстве произведения.
2. **На втором этапе** каждый отобранный окказионализм был подвергнут структурно-семантическому анализу. Мы классифицировали их по типам (лексические, фонетические, словообразовательные и т.д.), определили словообразовательные модели и степени их окказиональности (от потенциальных слов до чистых эгологизмов), а также выявили механизмы мотивированности, связывающие новообразование с производящей основой.
3. **На заключительном, третьем этапе,** был проведен **сопоставительный анализ** оригинальных окказионализмов и их переводческих соответствий в выбранном русскоязычном переводе [Исаевой, Лунгина 2001]. Основное внимание уделялось тому, какие стратегии и приемы (калькирование, описательный перевод, функциональный аналог, опущение и т.д.) были использованы для передачи формы, содержания и, что самое важное, **художественной функции** окказионализма. Полученные решения были критически оценены и сопоставлены с нашим собственным восприятием авторского замысла и потенциальными вариантами перевода.

Анализ произведения показал, что окказионализмы у М. Энде выполняют ключевую роль в построении сказочного мира. Они используются автором для **номинации и характеристики персонажей**, **обозначения сказочных предметов, явлений, качеств и действий**, а также **моделирования особых «волшебных» языков** и речи персонажей. Например, один из главных антагонистов сказки, демон-советник **Beelzebub Irrwitzer** (Беельзебуб Ирренвитцер), получает имя, которое является окказионализмом. Дословно его можно перевести как *«***Вельзевул Сумасшедший***»* или *«***Вельзевул Безумный***».* Это слово-гибрид, соединяющее имя верховного демона (Beelzebub) и слово «сумасшедший» (Irrenwitzer). Первый компонент представляет собой семантический, а второй словообразовательный окказионализм. Данный окказионализм не просто называет персонажа, но и сразу создает его сатирический, гротескный образ: это не просто страшный демон, а нелепый, сумасшедший, хаотичный злодей. Окказионализм выполняет **характерологическую и оценочную функции***,* сразу настраивая читателя на правильное восприятие героя.

Имя колдуньи и тетушки главного антагониста Tyrannja Vamperl, представляет собой окказионализм – смешанного типа, фонетический и лексический. Первая часть имени состоит из слова Tyrann и аффикса ja, характерного для имен женского пола. Второе имя включает слово Vamper и аффикс –l, который является уменьшительно-ласкательным. В данном контексте он скорее имеет ироническую коннотацию. Vamper является, на наш взгляд, производным от Vampir.

Имена героев, противостоящих коварным планам тайного советника и его тетушки, также являются окказионализмами. Волшебный кот называется Maurizio di Mauro, а ворон – Jakob Krakel. Эти окказионализмы относятся также к словообразовательным типам.

Имя Jakob Krakel построено по модели Имя + Фамилия. Окказиональным является фамилия Krakel. За основу М. Энде берет следующие слова 1. krakeln — глагол, означающий «каракули», «небрежно или криво писать/рисовать». Это может отсылать к тому, что вороны оставляют следы-каракули когтями на земле. 2. krachen — «трещать», «грохотать» (звук, который может ассоциироваться с карканьем или скрипом дерева). 3. krächzen — «каркать» (прямое звукоподражание крику ворона). Этот окказионализм выполняет в тексте звукоизобразительную, характерологическую и оценочную функции. Фамилия Krakel наводит на мысль о крикливом, шумном, но в тоже время простом и добродушном персонаже. Это впечатление усиливается именем Jakob.

Особого внимания заслуживает многоуровневая структура окказионализма Maurizio di Mauro. Если на поверхностном уровне мы имеем дело со словообразовательным механизмом (заимствование и контаминация итальянских компонентов), то на глубинном уровне проявляется фонетическая мотивированность. Звуковой обрывок «Mau», повторяющийся в обеих частях имени, является прямой отсылкой к немецкому звукоподражанию кошачьего мяуканья «miau». Таким образом, изысканное аристократическое имя оказывается на фонетическом уровне «кошачьим», что создает дополнительный иронический эффект и укрепляет связь между именем и сущностью персонажа-кота. Данный пример демонстрирует, что окказионализмы М. Энде часто являются комбинированными, использующими сразу несколько языковых уровней для создания сложного художественного образа. В функциональном плане имя стилизует кота как аристократа из старинного рыцарского рода из Неаполя, а через фонетику напоминает о его кошачьей природе. Получается кот-аристократ. В конце повести оказывается, что кота на самом деле зовут Мориц и вырос он среди бродячих кошек и не умеет петь, как миннезингер.

Один из второстепенных персонажей сказки называется М. Энде „Büchernörgele“. Это словообразовательный окказионализм: Bücher- (от нем. Bücher - книги). Этот элемент

сразу задает семантическое поле, связанное с миром книг, библиотек, чтения. Второй компонент -nörgele (от нем. nörgeln - ворчать, брюзжать, придираться; суффикс -е используется для образования названий существ или инструментов. Буквальный перевод этого слова Книжное ворчало или Книгобрюзг. Имя выполняет характерологическую и юмористическую функцию. Через это имя М. Энде выражает ироничное отношение к особенно педантичным читателям, для которых процесс важнее цели, а правила – смысла.

Таким образом, окказионализмы-антропонимы служат у Энде мощным инструментом для создания комичных, запоминающихся и глубоких образов персонажей, сразу задавая читателю вектор их восприятия.

Однако функция окказионализмов в построении художественного мира сказки не ограничивается номинацией персонажей. Она распространяется и на ключевые объекты, двигающие сюжет. Ярчайшим примером такого сюжетообразующего окказионализма является название волшебного напитка – „Wunschpunsch“. Это словообразовательный окказионализм, построенный по стандартной модели композита. Полное название волшебного напитка звучит так: der satanarchäolügenialkohöllische Wunschpunsch. В тексте сказки, объясняется, что слово „satanarchäolügenialkohöllisch“ образовано по принципу телескопа или подзорной трубы с выдвижными частями, так что «начальный или конечный слог одного слова вдвигается в прямом или в искривлённом виде в начальный или в конечный слог другого слова». Всего в этом слове семь составных частей: Satan, Anarch, Archäolog, Lüge, genial, Alkohol, höllisch. Этот пример высшей степени окказиональности выполняет смыслообразующую и юмористическую функции, демонстрируя суть напитка, созданного из древней лжи, гениального злодейства и адского алкоголя, и одновременно создавая комический эффект своей чрезмерной сложностью.

Помимо номинаций персонажей и объектов, окказионализмы у М. Энде выполняют функцию моделирования особой языковой реальности сказочного мира. Одним из волшебных языков является Hexwelsch - вымышленный магический язык, используемый демоническими персонажами. Само название магического языка является окказионализмом, образованным путем слияния основ Hexe (ведьма) и welsch (иноязычный, непонятный; тайный жаргон). Этот окказионализм выполняет в тексте ряд ключевых функций: построение сказочного мира характерологическую (маркирует речь «своих») и сюжетообразующую (язык заклинаний). Hexwelsch представляет собой язык, в котором привычные слова имеют совсем непривычное значение.

Еще более сложным языком является специальный лабораторно-волшебный язык. Вот пример этого языка: „Man nehme kathotyme Phleben und katafalkes Polyglom, «und lasse beides zyklisch schweben in dramoliertem An-Atom. Durch schlemihlierte Ektoplasen purgiert sich schismothymes Myrth, das wiederum mit Antigasen zum Prosten alkoholisiert. Basierend auf humanem Morchel aus ungeflaxtem Proklamat tingiert der aziphere Schnorchel gratinisch mit dem Thermostat. Konjekturiert die Unglykose sodann auf Säureparität, baiionisiert sich die Sklerose zur Hoch-Promille -Qualität; doch ist die Dosis nicht halunkisch durch ganoviertes Krimminol, bleibt die komplexe Drexe flunkisch als unstabiler Ulkohol. Drum achte man aufs Hirngebläse beim diabolischen Kontarkt, denn scheuert die Schimären-Fräse, dann schnibbelt leicht der Sadofarkt. Ist dies erfyllt, so byllt sich thymisch Galaxenparalaxenwachs in pyromanem Salz alchymisch als asdrubales Minimax“. Подавляющее большинство слов в этом заклинании – это окказионализмы, созданные по моделям немецкого языка с использованием научной, медицинской и алхимической терминологии для создания эффекта псевдонаучной сложности и абсурда.

Наиболее сложным является язык Четвертого измерения, Exorbitanisch. На этом языке написано сакральное демоническое заклинание для изготовления Пунша желаний. „Hackamordax furikrass, zuckez krackabule: Irrzefetz drak Hurnehass Lugefluchs gesule!

Zickergifte Schrillerschrie kreischal wutegeife. Tobenorge Killerie boshaut, krax o'keife. Zornemon us flackatas, vknirschur, my molarens, Grieneschaum zergrimme grass schaudaberk Zuharens. Gurgol würg ans Wansteplatz spuckaduck kapuhten, krenkakralla Kretzekratz blutentu - zerwuhten! Wahnwas sauf Dramaulefass? Rülps gigantomule: Hackamordax furikrass. Lugenfluchs gesule!

Особенность этого языка его высшая степень окказиональности, где смысловая нагрузка практически полностью вытеснена фонативной функцией**.** Звуковой облик, ритм и рифма здесь первичны и призваны передавать состояние магической ярости и хаоса.

Анализ перевода 52 окказионализмов показал, что основными приемами перевода были калькирование и транскрипция (около 52% всех приемов). Это основа, которая обеспечивает точность и узнаваемость оригинала. Однако именно творческие приемы – словотворчество (10%), культурная, морфологическая и фонетическая адаптация (15%), семантические сдвиги, компенсация (5%) и описательный перевод (5%) – превращают прямой перевод в художественный, делая его живым и органичным для русскоязычного читателя.

Анализ стратегий перевода окказионализмов выявил использование переводчиками гибридной стратегии с доминированием стратегии доместикации.

Примером калькирования (стратегия форенизации) является перевод прилагательного в словосочетании der satanarchäolügenialkohöllische Wunschpunsch. Всего в этом слове семь составных частей: Satan, Anarch, Archäolog, Lüge, genial, Alkohol, höllisch. Следуя оригинальной словообразовательной модели и используя прием калькирования, переводчики дают следующий перевод: сатананархархеоложногениальалкогольадский. Переводчик максимально сохраняет структуру и иноязычную форму оригинала. Переводчики не просто склеили корни, а создали в русском языке столь же сложное, гротескное и звукописующее слово**.**

В переводе слова Wunschpunsch переводчики использовали стратегию доместикации «Загадай-Спецпунш». Такой перевод делает продукт «маркетинговым» для русскоязычного читателя и соответствует особенностям сказки М. Энде, в которой сказочные элементы сочетаются с современными.

Переводчики активно использовали прием культурной адаптации:

– Blocksbergnacht (Броккен → место шабаша в немецком фольклоре) – (Лысая гора → место шабаша в славянском/русском фольклоре);

– Klugscheißer (типичное немецкое грубое словообразование) → Мудрокак (блестяще созданное русское слово по той же модели, идеально вписывающееся в систему русской бранной лексики).

– Schwester Ghoulchen (образ из общеевропейской готики) → сестрица Пустулька (замена образа на более понятный и ассоциативно близкий русскому читателю окказионализм). Слово «Пустылька» хорошо звучит по-русски и вызывает конкретные ассоциации (пустота, что-то бесполезное, высохшее, мертвое).

– Имя Jakob транскрибируется и адаптируется под русскую языковую норму – Яков. При переводе фамилии переводчики используют прием усечения Karkel – Карк. При этом они мыслят не столько буквами, сколь образами. Перевод фамилии «Карк» идеально рисует образ мрачного, несимпатичного героя, носителя дурных вестей, возможно, связанного со смертью. «Каркель» такого сильного эффекта бы не дал.

– При переводе имени другого сказочного персонажа, кота, переводчики используют прием транскрибирования с «фонетическим сдвигом». Maurizio – Мяурицио, Mauro – Мяуро.

Использование патронимических суффиксов и русских словообразовательных моделей также является проявлением стратегии доместикации.

Vamperl → Вампирьевна. Суффикс -ьевна – чисто русское явление, сразу создающее образ "дочери вампира" и отсылающее к русской сказочной и дворянской традиции. В оригинале Vamperl – фамилия антагониста, превращение фамилии в отчество также делает образ узнаваемым для русскоязычного читателя.

Творческий подход проявляют переводчики при переводе титулов Вельзевула Заморочит: „M.A.S.K.“ (Mitglied der Akademie der Schwarzen Künste), „Dr.h.c.“ (Doctor horroris causa) и „Pr.Doz.a.I.“ (Privatdozent für angewandte Infamie). Переводчики отталкиваются не от буквального значения букв, а от их звучания и внешнего вида и создают русские аббревиатуры, которые визуально и фонетически имитируют лаконичность и загадочность немецких, но при этом их расшифровка идеально ложится на русскую языковую почву.

M.A.S.K. [маск] > ЧАЧИ [чачи]. Переводчики сохраняют краткость (4 буквы) и структуру оригинала. Аббревиатура выглядит столь же непонятной и "технической", но при этом ее расшифровка («Член Академии чёрных искусств») идеально соответствует духу оригинала.

Dr.h.c. [доктор ха-цэ] – ДРУН [друн]. Здесь переводчик обыгрывают не звучание, а столкновение высокого и низкого. h.c. (honoris causa) — знак высшего академического признания. horroris causa — зловещая пародия на него. Переводчик передает это через контраст: уважаемая степень «доктор» и аббревиатура «ДРУН», которая на русском сленге ассоциируется с чем-то грубым, простонародным, даже хулиганским.

Pr.Doz.a.I. – ПДПГИБ. Переводчики сохраняеют сложность и многобуквенность оригинальной аббревиатуры, создавая ощущение бюрократической условности.

M.d.B. – УЧШВНЛГ. Немецкая аббревиатура лаконична (3 буквы), а русская — нарочито длинная и неудобопроизносимая. Это усиливает комический эффект.

При расшифровке аббревиатур переводчики используют приемы калькирования и семантической адаптации.

Mitglied der Akademie der Schwarzen Künste – Член Академии чёрных искусств (прямое калькирование).

Doctor horroris causa – Доктор ужасающих наук. Переводчики используют устойчивую модель «доктор …-их наук», что звучит и академично, и сатирично одновременно.

Privatdozent für angewandte Infamie – Приват-доцент прикладных гнусностей и бесчинств. Здесь используется прием усиления. Немецкое Infamie (подлость, бесчестье) переведено двумя яркими словами – «гнусностей и бесчинств», что усиливает гротескность и сатирический эффект.

Наибольшие трудности возникли у переводчиков при переводе текстов, написанных на языке ведьм, волшебников и на языке Четвертого Измерения. Из трех примеров переводчики полностью перевели только «ведьмячий жаргон».

Текст на лабораторно-волшебном языке, состоящий практически полностью из окказионализмов, опущен.

Текст заклинания, написанный на «внеорбитальном языке», состоит из эгологизмов или окказионализмов третьей степени экспрессивности. Текст представляет собой чистую фонацию (звукоподражание) с минимальной смысловой нагрузкой. Переводчики передали часть этого текста следующим образом

– Руки туки брунча бра

Коми дон кобура.

Макус факус линче тод,

Бука жутум лорингот

Переводчики использовали стратегию форенизации, сохранив экзотичность заклинания, и стратегию доместикации, фонетически адаптировав текст заклинания под

русский язык. Переводчики создали новые слова, сохранили ритмический рисунок заклинания и передали звуковой ряд (грубые согласные "к", "р", "т").

Выводы. Окказионализмы в тексте сказки М. Э. «Пунш желаний» несут важную смысловую нагрузку и являются органичной частью художественной вселенной. Они выполняют функцию создания уникального сказочного пространства, характеризуют персонажей сказки, создают юмористический и сатирический эффект, развивают сюжет, создают ритм и настроение. Для образования окказионализмов М. Энде использует словообразовательные, фонетические, лексические и фонетические механизмы.

Перевод окказионализмов требует творческого подхода. Успешный перевод окказионализмов возможен только при глубоком погружении в авторский замысел и использовании всего арсенала творческих стратегий: от калькирования и транскрипции до создания собственных неологизмов. На материале перевода сказки М. Энде «Пунш желаний» выявлена гибридная стратегия с доминированием доместикации. Переводчики (А. Исаева и Л. Лунгина) адаптируют текст для русского читателя, используя: культурные замены, русские словообразовательные модели, фонетическую адаптацию, создание ярких функциональных аналогов. Стратегия форенизации применяется точечно для сохранения уникальности важнейших окказионализмов. Наиболее трудными для перевода оказались тексты, где смысл полностью вытеснен звуковой игрой (заклинания на «лабораторном» и «внеорбитальном» языках). В этих случаях переводчики либо опускают текст, либо создают фонетическую имитацию.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что перевод окказионализмов – это всегда акт творческого соавторства с писателем. Каждый переводчик, подобно музыканту, предлагает собственную интерпретацию авторского замысла. В этом смысле представляется интересным продолжение исследования для сравнения переводческих решений при переводе окказионализмов, тем более что существует три перевода сказки М. Энде.

Список литературы

1. Александрова О.И. Неологизмы и окказионализмы // Вопросы русского современного словообразования, лексики и стилистики: Научн. тр. Куйбышев. гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1974. Т. 145.
2. Бабенко Л.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Калининигр. ун-т. - Калининград, 1997 – 84 с.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975, - 240 с.
4. Влахов С. и Флорин С. Непереводимое в переводе. - Изд. 4 - е - М.: «Р.Валент», 2009. - 360 с.
5. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). - М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, - 224 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб.для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
7. Энде М. Пунш желаний. - М.: Издательство: Махаон, 2001, - 192 с.
8. Ende M. Der satanarchäolügenialkohöllische Wunschpunsch [Электронный ресурс]– Режим доступа https://www.rulit.me/books/der-satanarch-read-258998-32.html - Дата доступа 02.04.2025.

Сведения об авторе:

Скрипкина Галина Васильевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302012, Российская Федерация, Орел, пр. Фета, д. 16; gws2000@mail.ru; +9961616875.

Skripkina Galina Vasilyevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University, Feta st., 16, Oryol, 302012 Russian Federation; gws2000@mail.ru; +9961616875.

УДК 811.133.1

К вопросу о компонентах и структуре словаря ложных друзей переводчика

Алексей Павлович Чечиль
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры романской филологии, кандидат педагогических наук, Орёл, Россия, tchetchil@inbox.ru

Аннотация. В статье речь идет о некоторых принципах построения словаря ложных друзей переводчика для языковой пары русский/французский, который, благодаря перекрестной структуре его словарных статей, а также выбору авторами этимологически обусловленных омонимов в качестве базового словарного материала, может оказать существенную помощь начинающим переводчикам в их профессиональной деятельности.
Ключевые слова: ложные друзья, словарь, перевод, лексическая интерференция, межъязыковая омонимия, этимологическая обусловленность.

On the components and structure of the “false friends” dictionary

Aleksei P. Chechil
Ivan Turgenev Oryol State University, associate professor of the Department of Romance philology, candidate of Pedagogical Sciences, Oryol, Russia, tchetchil@inbox.ru

Abstract. This article discusses some principles for constructing a “false friends” dictionary for the Russian/French language pair, which, thanks to the cross-structure of its dictionary entries, as well as the authors' choice of etymologically determined homonyms as basic vocabulary material, can provide significant assistance to novice translators in their professional work.
Keywords: false friends, dictionary, translation, lexical interference, interlingual homonymy, etymological determinacy.

В профессиональной деятельности переводчика присутствие в переводимом материале «ложных друзей» зачастую является причиной возникновения некоторых сложностей у переводчиков, особенно если речь идет о молодых специалистах в этой области, при этом «разнообразие точек зрения, связанных с пониманием явления межъязыковой омонимии, свидетельствуют о том, что в лингвистике до сих пор нет четкого, непротиворечивого определения этого понятия» [1, с. 4]. Обычно считается, что «межъязыковые омонимы (они же «интернациональные диапаронимы», они же «ложные друзья») – это слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой и/или графической форме, а также различающиеся (в разной степени) по значению» [2, с. 85]. В свою очередь, В.В. Акуленко рассматривает «ложных друзей переводчика» как «межъязыковые единицы, могущие быть отождествленными друг с другом по причине их графического либо фонетического сходства, и, тем не менее, не полностью (или

полностью не) соответствующие друг другу в аспекте содержания и употребления» [3, с. 371]. И.А. Цыбова совершенно справедливо отмечает, что «при анализе «ложных друзей» исследователи часто сталкиваются с феноменом интерференции и паронимии слов в различных языках» [4, с. 4].

В данной статье мы возьмем в качестве базовой дефиниции краткое, однако, вместе с тем, весьма емкое определение, которое сформулировал применительно к этим лексическим единицам Р.А. Будагов. По мнению исследователя, «ложными друзьями переводчика» обычно именуются межъязыковые омонимы, т.е. слова, имеющие при одинаковом звучании разные значения» [5, с. 63].

Рассматриваемый феномен уже сравнительно давно является объектом исследования переводоведов. Так, еще в конце 18 века в Зальцбурге опубликован труд А. Портитора, посвященный межъязыковым лексическим соответствиям омонимичного характера в немецком и французском языках. Сам же термин «ложные друзья переводчика» вошел в обиход благодаря работе М. Кёсслера и Ж. Дероккиньи [6] «Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais».

Русский язык в ходе многовекового взаимодействия с французским языком заимствовал из последнего достаточно большое количество лексических единиц, и студенты, изучающие любой из этих языков, часто констатируют обилие такого рода заимствований. Сталкиваясь с соответствиями вроде *carpe – карп, BCG – БЦЖ*, учащиеся приходят к абсолютно некорректному выводу о том, что такого рода совпадения нормальны, и что эти «языковые биномы» всегда эквивалентны как по форме, так и по содержанию. Однако зачастую такого рода пары оказываются «друзьями ложными», поскольку, как мы понимаем, далеко не все французские слова, попав в русский язык и «растворившись» в нем, сохранили свои первоначальные значения.

Потеряв первоначальные семантические связи, заимствования нередко принимают в новом языке иные значения. Студенты же, в свою очередь, находясь под влиянием внешнего сходства таких биномов, переводят *vinaigrette, rosette* как *винегрет, розетка*, существенно искажая значение данных лексических единиц (в то время как на русский язык такие слова следовало бы передать, скорее, как *уксусный соус* и *орденская ленточка*).

Часто мы можем иметь дело и с совершенно иной ситуацией, при которой в русском языке на протяжении долгого времени заимствование не меняет первичного значения, в то время как французский этимон в данном значении полностью выходит из употребления и заменяется новой лексической единицей.

Наконец, можно выделить еще одну разновидность «ложных друзей переводчика». Речь идет о так называемых «псевдорусских» словах, которые иностранные студенты придумывают самостоятельно и которых в действительности в русском языке просто не существует. Так, например, опыт преподавания русского языка как иностранного на факультете подготовки иностранных обучающихся показывает, что франкоговорящие студенты нередко имеют тенденцию создавать в русском языке слова по образу и подобию французских: «академист» (от фр. académiste), «биологист» (от фр. biolgiste), и т.д., тогда как на самом деле следует сказать: академик, биолог. Согласно В.Л. Муравьеву, «такого рода «ложных друзей» вполне можно назвать либо «номинальными», поскольку в данном случае речь идет лишь о расхождении по форме, либо «фантомными словами», ведь они не существуют в реальности, но появляются лишь в головах франкоговорящих учащихся, недостаточно хорошо владеющих русским языком, особенно на начальных этапах обучения» [7, с. 5].

Отметим, что не бывает «ложных друзей» совершенно «нейтральных» с точки зрения их структурно-семантических особенностей. Например, если такие биномы как *резина – résine, лист – liste*, в полной мере являются «ложными друзьями» как для

русскоговорящих, так и для франкоязычных обучающихся, то слова вроде *маршрут, бельэтаж* могут «сбить с толку» только русскоговорящего студента, изучающего французский язык, поскольку схожих единиц попросту не существует во французском языке.

Предпосылки возникновения «ложных друзей переводчика» восходят к национальной специфике лексического состава языков. Несмотря на изобилие классификаций, предлагаемых исследователями для таких лексических единиц, мы считаем, что глобально такие межъязыковые омонимы вполне можно разделить на две большие категории:

- омонимы, обусловленные этимологическими причинами;
- окказиональные омонимы, сходство которых носит случайный характер.

В данной статье мы склонны сфокусировать внимание исключительно на первой группе, т.к. именно такие биномы могут вызвать существенные сложности у начинающих переводчиков в их профессиональной деятельности. Например, нам совершенно не интересны языковые пары типа *chiottes/счеты* или *cravatte/кровать*, ведь, принимая во внимание случайный характер фонетической схожести данных пар, адекватная семантическая интерпретация омонимов такого типа достаточно очевидна, на наш взгляд.

Принимая во внимание важность проблемы работы с такого рода лексикой на занятиях по переводоведческим дисциплинам (Теория и практика перевода, Письменный перевод, Устный перевод, Перевод специальных текстов и т.д.) на языковых факультетах и в языковых вузах, нельзя недооценивать актуальность справочной литературы, в частности, словарей ложных друзей переводчика. В то же время, к сожалению, приходится констатировать факт недостаточного количества такого рода пособий для языковой пары русский/французский.

Этим и обусловлено появление нашего пособия «Ложные друзья» переводчика во французском и русском языках», совмещающего оригинальный глоссарий, а также серию упражнений, направленных на закрепление и последующую отработку языкового материала. Принципы построения данного словаря, на наш взгляд, достаточно новы.

В представленном учебном пособии читатель может найти наиболее часто встречающиеся биномы «ложных друзей» (фр.-рус/рус.-фр.). Словарь, представленный в начале пособия, несколько отличается от традиционных двуязычных словарей, потому что использовать его непосредственно в процессе перевода, как правило, не имеет абсолютно никакого смысла. Он интересен и полезен сугубо с точки зрения предварительного ознакомления с возможными семантическими различиями представленных биномов.

Указанный словарь ни в коем случае не претендует на всеобъемлющее описание значений такого рода слов. Для нас основным являлось показать те или иные семантические расхождения, которые отнюдь не всегда можно найти в первых значениях биномов, представленных в пособии.

По архитектонике глоссарий несколько разнится с уже существующими словарями «ложных друзей» переводчика. Так, в большинстве опубликованных печатных и онлайн- пособий слова и их значения представлены, как правило, параллельно, тогда как в данном глоссарии каждая словарная статья имеет «перекрестную» структуру, в связи с чем данным материалом в равной степени можно пользоваться при переводе как с французского языка на русский, так и с русского языка на французский.

В представленном ниже примере словарной статьи из глоссария каждая из лексических единиц (*vinaigrette/винегрет*) имеет по одному значению в исходном и

переводящем языках, что облегчает работу переводчика, поскольку на переводческое решение не влияет наличие нескольких вариантов трактовки одного из элементов:

VINAIGRETTE **ВИНЕГРЕТ**

vinaigrette *n. m.* соус, заправка для салатов (на основе уксуса и растительного масла)

винегрет *м.* salade composée (à base de betterave rouge)

В следующем примере видим оппозицию *essence/эссенция*, при этом тот факт, что определения каждого слова также даны на переводящем языке, в большой степени способствует, на наш взгляд, лучшему пониманию расхождений между ними. Так, во французском языке слово *essence* в первую очередь имеет значения *сущность/разновидность,* а также *бензин*, хотя значение *эссенция* также присутствует в списке, но занимает лишь четвертое место:

ESSENCE **ЭССЕНЦИЯ**

essence *n. m.* 1) сущность 2) разновидность, 3) бензин 4) эссенция

эссенция *ж.* essence, huile essentielle

Словарная статья, посвященная языковой паре *tablette/таблетка*, демонстрирует факт наличия, по крайней мере, трех значений каждого слова в двух языках, при этом невозможно констатировать ни одного случая пересечений этих значений:

TABLETTE **ТАБЛЕТКА**

tablette *n. f.* 1) плитка (напр., шоколада) 2) планшет 3) откидной столик

таблетка *ж.* 1) comprimé, cachet, pastille 2) dosette

Искренне надеемся, что данный глоссарий окажется интересным и полезным для широкого круга читателей, изучающих как русский, так и французский языки в качестве иностранных.

В заключительной части пособия мы предлагаем применить полученные знания на практике, для чего помещаем в раздел «Задания для самостоятельной подготовки» фразы из современного французского языка, которые содержат межъязыковые омонимы. Необходимо идентифицировать «ложных друзей» переводчика, после чего предложить свой вариант перевода на русский язык.

Таким образом, выбор этимологически обусловленных омонимов в качестве базового словарного материала, а также «перекрестная структура» представленного словаря в большой степени способствуют, на наш взгляд, пониманию полных либо частичных расхождений между лексическими единицами языковой пары русский/французский, а также запоминанию и дальнейшему использованию такого рода информации в профессиональной переводческой деятельности.

Список литературы

1. Чечиль, А.П. «Ложные друзья» переводчика во французском и русском языках: Учебное пособие. / ФГБОУ ВО ОГУ имени И.С. Тургенева. – Орёл, 2023. – 80 с.

2. Кузнецова, И.Н. Теория и практика лексической интерференции (на материале французского и русского языков): монография / И.Н. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство «Нестор Академик», 2021. – 368 с.

3. Акуленко, В.В. О ложных друзьях переводчика / В.В. Акуленко // Знание. Понимание. Умение. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 1969. – С. 371–384.

4. Цыбова, И.А. «Ложные друзья переводчика» в романских языках: Небольшой словарь в помощь переводчику (на французском языке). – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 48 с.

5. Будагов, Р.А. О новых изданиях словарей типа «ложные друзья переводчика» // Известия АН СССР. Сер. Литература и языки. – 1970. – Т. 29. – Вып. 1. – С. 63-68.

6. Koessler, M., Derocquigny, J. Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. – P. : Vuibert, 1928. – 385 p.

7. Муравьев, В.Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика. Сост. В.Л. Муравьев. – М.: «Просвещение», 1969. – 48 с.

СЕКЦИЯ 4. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ

УДК 81

Лингвистические приёмы воздействия в современных медиатекстах общественно-политической тематики

Елена Викторовна Долгова[1], Анастасия Алексеевна Кравцова[2]

[1] Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, сотрудник Академии ФСО, кандидат филологических наук, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35; г. Орёл, Россия, elenadolg76@mail.ru

[2] Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры иностранных языков института иностранных языков, Орел, Россия, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос применения лингвистических средств в качестве приёмов манипулятивного воздействия, уделяется внимание теоретическому аспекту явления манипуляции в речи на примере англоязычных медиатекстов общественно-политической тематики. Анализ примеров демонстрирует значительный манипулятивный потенциал лингвистических средств, реализующийся при определённых прагматических условиях: коммуникативной ситуации, коммуникативном событии, политики издательства и ряда других.

Ключевые слова: медийный дискурс, медиатекст, манипуляция, информационное воздействие, синтаксические средства.

Linguistic methods of influence in modern media texts of socio-political subjects

Elena V. Dolgova[1], Anastasiya A. Kravtsova[2]

[1] the Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Staff Member, PhD (Philology), Priborostroitelnaya st.,35, Oryol 302015, the Russian Federation, elenadolg76@mail.ru

[2] Oryol State University named after I. S. Turgenev, senior lecturer, Foreign Languages Department, Foreign Languages Institute, Oryol, Russia, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Abstract. The article touches upon the issue of using linguistic tools to actualize speech influence techniques, pays attention to the theoretical aspect of the phenomenon of manipulation in speech using the example of English-language media texts on socio-political topics. The analysis of examples demonstrates the significant manipulative potential of linguistic means, which is realized under certain pragmatic conditions: a communicative situation, a communicative event, the point of view of the publishing company and a number of others.

Keywords: media discourse, media text, manipulation, informational impact, syntactic means

Технический прогресс с его возрастающими возможностями интернет-ресурсов неизбежно приводит к мгновенному распространению больших объёмов постоянно

увеличивающегося информационного контента, и оперативное появления медиатекстов на различных платформах, как может показаться, является хаотичным и неконтролируемым. Тем самым медийный дискурс представляет пространство для живого процесса возникновения медиаматериала, непосредственно формирующего восприятие действительности получателя информации и оказывающего воздействие на формирование его картины мира, поскольку одной из важнейших функций медиадискурса является манипуляция сознанием реципиента.

Принимая во внимание очевидность многовекторности категории информационного воздействия в языке, приведём наиболее известные научные подходы к изучению данного явления. В первую очередь, следует упомянуть явление манипуляции, подробно изучаемое в психологии. Так, Е. В. Доценко определяет манипуляцию как психологическое воздействие в целях получения одностороннего выигрыша в результате скрытого побуждения кого-либо к действиям, выгодным манипулятору [Доценко, 1997]. Явление манипуляции подробно рассматривалось основоположником критического дискурс-анализа Т. А. Ван Дейком, который внёс значительный вклад в понимание информационного воздействия с точки зрения дискурсивного, когнитивного и социального подходов. Учёный определяет манипуляцию как аргументированный дискурс, выделяет негативную интенциональность источника манипуляции, скрытый характер воздействия, а также деструктивность манипуляции [Van Dijk, 2006, p. 359]. И. А. Стернин в свою очередь также разграничивает два понятия «манипулирование» и «речевое воздействие», подчеркивая, что манипулирование, в отличие от воздействия, имеет скрытый характер влияния на собеседника, преследуя цель изменить отношение реципиента вопреки его желанию. [Стернин, 2012, с. 56]

В арсенале медиатекстов имеется обширный запас речевых средств, использованных в манипулятивных целях. Важным является то, что для реципиента факт воздействия остается незамеченным. Различные коммуникативные стратегии актуализируются в дискурсе в зависимости от интенции отправителя информации, что, в свою очередь, манифестируется употреблением определённых лингвистических средств. В данной статье затрагивается лингвистический аспект информационного воздействия, рассматриваются языковые единицы, обладающие манипулятивным воздействием. По мнению Быковой О.Н. важными являются отбор и использование языковых средств, с помощью которых осуществляется скрытое манипулятивное воздействие на читателя, после чего полученная информация воспринимается им как объективная [Быкова, 1999, с. 91]. Единицы лексического и синтаксического уровней, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, регулярно встречаются в канве медиатекстов военно-политической и общественно-политической тематик, что привлекает внимание учёных в области дискурсологии, коммуникативной лингвистики, медиалингвистики и ряда других направлений исследования и обуславливает необходимость описания их активизации в медиатексте.

Нередко для усиления манипулятивного воздействия в прямой речи наблюдается подчёркнутое выделения повторяющегося действия путём смещения наречия времени в начало предложения, тем самым подчёркивая стабильный, предсказуемый политический курс в эпоху великих потрясений. Напр.: *Again and again, at critical moments, we chose unity over disunion, progress over retreat, freedom over tyranny, and hope over fear," the president said on Tuesday night* (The Guardian, 11 July 2024).

Экспрессивный потенциал перечисления как лингвистического средства манифестирован: оно используется как средство выделения и подчёркивания наиболее важной информации практически в любом типе дискурса. Напр.: *Most were for Farage – ending net zero, cutting taxes, quitting the European convention on human rights, shrinking the*

state, stamping out "wokery" and, of course, "maximising the benefits of Brexit" (The Guardian, 16 July 2024).

Перечисление позволяет журналисту выделить наиболее значимые пункты в экономической повестке лидера одной из британских партий Найджела Фаража, представляющие, по его мнению, интерес для потенциальных избирателей.

Использование вопросительных конструкций позволяет автору сымитировать незнание, сомнение, недоумение, а последующий ответ представить как разрешение проблемной ситуации. *So, did India miscalculate the geopolitical response to Modi's trip? Has the visit to Moscow and the public show of warmth towards Putin damaged India's relations with the US? Analysts say the answer lies in a combination of history, New Delhi's confidence in its ability to juggle multiple complex relations and a bet that former US President Donald Trump might well return to power and soften Washington's tough stance against Russia* (Aljazeera, 16 July 2024).

Не менее продуктивным с точки зрения воздействия на мнение реципиента является процесс метафоризации в текстах СМИ. Такие свойства метафоры, как образность, наглядность, ассоциативность, ясность и краткость упрощают восприятие информации, делая ее живой и яркой. В данном случае интерпретация события становится важнее, чем само событие.

But never mind what's hidden when broad daylight is no disinfectant to the influence wielded by a rich minority (The Guardian, 26 Sep 2025).

Фразеологизмы, идиомы выступают в качестве готовых речевых клише, усиливая воздействие на аудиторию, формируя необходимое отношение читателя к новости.

'Water off a duck's back': will Israel's growing isolation make its leadership change course? (The Guardian, 26 Sep 2025).

There was a chance then to get on the front foot, using that minor but shabby embarrassment to declare a great clean-up of the sewage inflow of influence on politics from mega donations. But No 10 missed it. (The Guardian, 26 Sep 2025).

Речевое воздействие в текстах СМИ может оказываться на читателя на графическом уровне. Особую роль в данном случае играют кавычки, которые выделяют прецедентное имя, прямую цитацию, подчеркивающие оценку события.

Trump also said Russia's economy was in big trouble and described its military as a "paper tiger" (The Guardian, 27 Sep 2025).

Since Kirk's killing, Berry has watched the unfolding of Trump's "free speech for me, but not for thee" response with mounting alarm. (The Guardian, 27 Sep 2025).

Earlier this month, Ukraine spotted 92 drones flying towards Poland in a "choreographed" way. (The Guardian, 27 Sep 2025).

Вспомогательную роль при оказании речевого воздействия на графическом уровне может играть и использование разрядки, выделение слова или фразы заглавными буквами.

"I think Ukraine, with the support of the European Union, is in a position to fight and WIN all of Ukraine back in its original form," Trump wrote. (The Guardian, 28 Sep 2025).

Еще одним видом речевого воздействия на читателя на графическом уровне является парцелляция, когда предложение разбивается на несколько частей, связанных между собой по смыслу и грамматически. Многоточия в данном примере усиливают эффект неожиданности для получателя новости.

"For the ultra-orthodox, the outside world starts at the border of their communities, and the nationalist religious Zionists don't care … and there are the others who will support Netanyahu whatever … Together, that makes up 30 to 40% [of the electorate]," says Rahat. (The Guardian, 27 Sep 2025).

С целью воздействия на читателя в медиатекстах используются разговорные, просторечные выражения или слова.

"We criticise, always have done," he said. "We have just always been kind of assholes, cheeky." (The Guardian, 27 Sep 2025).

Совокупность целого ряда манипулятивных приёмов позволяет в полной мере реализовать воздействующий потенциал применяемых лингвистических средств и способствует достижению целей, поставленных адресантом для оказания воздействующей функции в условиях информационной войны.

Список литературы

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
2. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. –№ 17.
3. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
4. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю Культура русской речи. // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Рос. риторич. ассоциации. – Красноярск, 1999. – №. 1 (8). С. 91-103.

Список источников

1. Nato summit achievements overshadowed by looming US election [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/11/nato-summit-achievements-overshadowed-by-looming-us-election (дата обращения: 25.07.2024).
2. I went to see how the Tories are handling defeat – and found Faragism and a total lack of reflection [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jul/16/tory-defeat-faragism-election-conservatives-voters-reform (дата обращения: 27.09.2024).
3. Behind Modi's Putin hug: Is India betting on Trump winning in November? [Электронный ресурс]. URL:https://www.aljazeera.com/news/2024/7/16/behind-modis-putin-hug-is-india-betting-on-trump-winning-in-november (дата обращения: 02.09.2025).
4. Putin preparing to attack another European country, Zelenskyy says [Электронный ресурс].https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/sep/26/labour-keir-starmer-conference-politics-sleaze-donations-westminster (дата обращения: 27.09.2025).
5. Zelenskyy condemns 'vile' and deadly Russian strikes on Ukraine; drones spotted over Danish military sites – Europe live [Электронный ресурс]. https://www.theguardian.com/world/live/2025/sep/28/ukraine-russia-war-volodymyr-zelenskyy-vladimir-putin-nato-europe-latest-live-news-updates(дата обращения: 28.09.2025).

УДК 81

Имя собственное как концепт в речевом воздействии

Мария Валерьевна Кононова[1], Дмитрий Александрович Иванишин[2]

[1] Орловский государственный университет, аспирант, Орел, Россия, kononova-mari-1996@mail.ru

[2] Орловский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена роли имени собственного как концепта речевого воздействия. В работе постулируется идея о том, что СМИ зачастую используют имена собственные в качестве нарицательных с присущим набором коннотативных характеристик для формирования картины мира адресата.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, концепт, речевое воздействие, имя собственное, политический дискурс

Proper name as a persuasion concept

Maria V. Kononova[1], Dmitry A. Ivanishin[2]

[1] Orel State University, post-graduate student, Orel, Russia, kononova-mari-1996@mail.ru

[2] Orel State University, Associate Professor of the Department of the English Philology, Candidate of Philological Sciences, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of a proper name as a persuasion concept. The paper notes that the mass media often use proper names as appellatives with a set of connotative characteristics to form a certain worldview with the recipient.

Key words: worldview, linguistic worldview, concept, persuasion, proper name, political discourse

Гносеологическая составляющая природы человека предполагает непреходящее стремление к познанию действительности, осуществляемое на протяжении всей жизни индивидуума. В процессе данной деятельности происходит формирование картины мира [Евсеева 2011: 90]. Данное понятие является достаточно широким. Для полноты представления обратимся к нескольким определениям. Так, В.И. Карасик указывает, что картина мира есть «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик 2002: 74]. В свою очередь, А.И. Гринюк рассматривает анализируемое понятие как «отражение мира в сознании человека через призму его индивидуальности, складывающейся под влиянием особенностей нации и страны, в которых он родился, особенностей, присущих ему как участнику определенной профессиональной, гендерной, возрастной и прочих групп, а также особенностей его частной жизни, его уникальных отличительных черт» [Гринюк 2013: 31]. Общим в данных трактовках является тот факт, что полученная информация после обработки сознанием человека находит отражение в форме языка, который формирует языковую картину мира [Власова 2012: 62]. Так, по Н.Н. Гончаровой: «отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это картина мира. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это языковая картина мира» [Гончарова 2012: 397].

В свою очередь процесс обработки информации в сознании человека называется концептуализацией. Он включает в себя переосмысление поступающей информации с последующим мысленным конструированием предметов и явлений, что, в конечном итоге, приводит к формированию представлений о мире в виде концептов [Коннова 2012: 34]. Рассмотрение понятия концепта зависит от научной дисциплины, занимающейся его исследованием. С точки зрения когнитивистики, Е.С. Кубрякова определяет концепт как «смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [Кубрякова 1996: 90]. Использование адресантом определенных концептов в том или ином контексте с целью формирования

такой картины мира, которая ему необходима, позволяет оказывать речевое воздействие (далее РВ) [Гришечко 2008: 54]. СМИ также выступают данным адресантом, поскольку зачастую в их задачу входит регуляция деятельности человека, «в известной мере свободного в выборе своих действий и действующего в соответствии со своими потребностями» [Тарасов 1990: 5-6]. В основе большинства современных СМИ лежит «дискурс «активных социальных групп» и, прежде всего, – политиков» [Никулина 2017: 147]. Так, политический дискурс представляет собой особую разновидность институционального общения, при котором целью в широком смысле выступает удержание и завоевание политического авторитета, но в узкой трактовке предоставление почвы для убеждения реципиента и побуждение его к последующему действию [Суханов 2017: 147]. По мнению Ж.Е. Гостевой, дискурс и языковая картина мира взаимосвязаны: «дискурс направляется и строится с опорой на языковую картину мира и изменяется по мере ее обновления. <…> Обратное также верно: политические дискурсы эксплицитно и имплицитно формируют политическую модель мира» [Гостева 2012: 41-42].

Одним из концептов, участвующих в формировании картины мира, является имя собственное, которое выступает «своеобразным заменителем человека, его представителем, как в узком семейном кругу, так и в более широких сферах общения, в официальных документах и т.д.» [Боровикова 2010: 13 цит. по Степанов 2002: 172-179]. Исходя из того, что имя собственное обладает функцией замещения, можем сделать вывод, что оно является знаком, который обладает определенным значением [Никитин 2003: 115]. Несмотря на существующие лингвистические споры относительно наличия у него значения, в настоящее время «все большее число исследователей признают имя собственное полноценным знаком, то есть имеющим денотат, и сигнификат не только на уровне речи, но и на уровне языка» [Боровикова 2010: 14]. Н.В. Боровикова отмечает: «иногда характеристики широко известных референтов закрепляются не только в денотативной части значения, но и отражаются в сигнификате. В этом случае имя собственное получает способность именовать других референтов без утери связи с первичным референтом» [там же: 17]. Если данная связь утрачивается, имя собственное становится нарицательным и «получает все его характеристики как знака» [там же: 19].

Проанализируем примеры, когда имя собственное в политическом дискурсе, переходя в нарицательное, приобретает явные черты концепта, который представляет не одного человека, а ряд характеристик, и становится политическим концептуальным феноменом, с помощью которого возможно оказывать речевое воздействие. Примеры были отобраны методом сплошной выборки в британских и американских СМИ.

В материалах CNN “Trump seemed to be responding to those comments Monday night in Georgia, when he said his father had urged him never to describe people as Nazis or Hitler” мы отмечаем использование слова Hitler [CNN]. Данная лексическая единица является именем собственным политического диктатора нацистской Германии Адольфа Гитлера (Adolf Hitler), развязавшего одну из самых кровопролитных войн в истории человечества. С тех пор употребление его имени ассоциируется у любого человека с трагическими событиями мирового масштаба. Называя кого-либо Гитлером (Hitler), собеседник намеренно сравнивает поведение этого человека с характером или поступками данного немецкого диктатора. Нацистами (Nazis) обозначаются последователи идеологии Гитлера, поэтому зачастую эти слова используются на взаимозаменяемой основе. В указанном примере речь идет о том, что во время президентской гонки 2024 года политические противники Дональда Трампа сравнивали его и его сторонников с Гитлером и его последователями. Трамп, в свою очередь, используя стратегию на повышение собственного политического авторитета, в приведенном примере отмечает, что в его семье прививали идею о том, что с подобными сравнениями нужно быть осторожнее.

Проанализируем цитату из британской газеты The Guardian: “What I find much more worrying than such insults is that Musk is supporting a party like the AfD, which is in parts rightwing extremist, which preaches rapprochement with Putin’s Russia and wants to weaken transatlantic relations,” said Scholz [The Guardian]. Учитывая контекст крайне недружелюбного отношения канцлера Германии Олафа Шольца, а также большей части коллективного Запада к политике президента Владимира Путина и России в целом, словосочетание, состоящее из двух имен собственных, – Putin’s Russia («Путинская Россия») –настраивает западную аудиторию враждебным по отношению к России образом, закрепляя в сознании получателя образ агрессивной, экстремистско консервативной страны, благодаря ассоциации с партией AfD.

Ещё один интересный пример взят из статьи Саймона Тисдэла [The Gurdian] под названием “Forget Risk, Play Fantasy Footbal (FFF) for Fascists: grudge matches, foul play and violent conduct guaranteed”. В подзаголовке статьи говорится, что играть будут команды Дональда Трампа и Владимира Путина, а в самом начале статьи – о том, что данная игра идеальна для диктаторов, авторитарных лидеров, неосталинистов и т.д. Таким образом, в самом начале статьи происходит уравнивание двух имен собственных с набором вышеуказанных характеристик, и в дальнейшем читатель, видя данные имена собственные, понимает под ними не столько конкретных людей, сколько тот набор черт правителя, который автор им приписал с целью оказать влияние.

Проанализированные случаи политического дискурса иллюстрируют, как имена собственные, представляя реального референта с присущими ему характерными особенностями, в ходе употребления в том или ином контексте замещаются набором характеристик, становятся концептом, который в дальнейшем существует в отрыве от реальной политической персоны. Подобная трансформация концепта имени собственного позволяет адресанту оказывать воздействие на картину мира адресата.

Список литературы

1. Боровикова Н.В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1. С.13-19.

2. Власова Е.А. Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Изд. «Грамота». 2012. № 7 (18). С. 61-65.

3. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 396-405.

4. Гостева Ж.Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации // Известия ВГПУ. 2012. № 6 (70). С. 40-42.

5. Гринюк А.И. Языковая картина мира как философская проблема // Credo New. 2013. № 4. С. 31-35.

6. Гришечко Е.Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. – Ростов н/Д.: Южный Федеральный Университет. 2008. № 4. С. 53-59.

7. Евсеева И.В. Категоризация и концептуализация знания: теоретические проблемы // Вестник КемГУКИ. Филология. 2011. № 16. С. 90-96.

8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик // Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.

9. Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2012. 313 с.

10. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 2003. – 277 с.

11. Никулина Д.Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Изд. «Грамота». 2017. № 9 (75). С. 147-149.
12. Степанов, Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской / Ю.С. Степанов. – М.: УРСС, 2002. – 360 с.
13. Суханов Ю.Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Изд. «Грамота». 2017. № 5-1 (71). С. 147-149.
14. Тарасов, Е.Ф. Оптимизация речевого воздействия: монография / Е. Ф. Тарасов, Н. А. Безменова, В. П. Белянин, И. А. Зимняя, Н. В. Уфимцева и др. // Отв. ред. Р. Г. Котов, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1990. – 240 с.
15. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
16. CNN [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://edition.cnn.com/2024/10/28/politics/donald-trump-kamala-harris-fascist/index.html – Дата обращения: 29.10.2024.
17. The Guardian [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.theguardian.com/technology/2025/jan/05/dont-feed-the-troll-german-chancellor-responds-to-elon-musk-comments – Дата обращения: 05.01.2025.
18. The Guardian [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/dec/28/forget-risk-play-fantasy-football-for-fascists-grudge-matches-foul-play-and-violent-conduct-guaranteed – Дата обращения: 06.01.2025.

Сведения об авторах:

Кононова Мария Валерьевна; аспирант, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; kononova-mari-1996@mail.ru; +79200801579.

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; email: ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

Kononova Maria Valeryevna; post-graduate student, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; kononova-mari-1996@mail.ru; +79200801579.

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; email ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

УДК 811.111

Лингвистические ресурсы как оружие информационной войны в медийном дискурсе Великобритании

Татьяна Петровна Филичкина
Академия ФСО России, кандидат филологических наук, доцент, сотрудник, г. Орёл, Россия, e-mail: filitchkina_orel@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются примеры ведения информационной войны на страницах британской газеты *The Guar*dian. Средства языка (коннотативная лексика, фразеологизмы, паремии) создают определённое восприятие реальности, формируют представление о происходящих событиях и их участниках, управляют эмоциями человека.

Ключевые слова: информационная война, медийный дискурс, субъективная модальность, коннотативная лексика.

Language tools as a weapon of information warfare in the UK media discourse

Filichkina Tatiana Petrovna
Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, candidate of Philology, staffer, Orel, Russia.
E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

Abstract. The article analyzes cases of information warfare in the mediatexts of the British newspaper *The Guardian.* Language tools (connotative vocabulary, phraseological units, proverbs) create a certain perception of reality, shape the opinion about events and their participants, manipulate human emotions.

Keywords: information warfare, media discourse, subjective modality, connotative vocabulary.

В эпоху глобальных перемен информационная война становится одним из орудий для достижения целей.

В современном геополитическом противостоянии модернизируется не только материальное вооружение, но совершенствуются и средства информационной (идеологической) борьбы, т.е. методы и способы воздействия на сознание, идеи и мышление противника.

«Информационная война – это прежде всего управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [Панарин 2010, с. 12].

В современной научной и научно-популярной литературе встречается множество определений информационной войны, целью которой является стремление уничтожить или переформатировать взгляды, убеждения, концепции, образы, символы стороны противника. Это способствует изменению поступков, поведения, реакции на происходящие события в желаемом направлении.

Понятие информационная война отражает политическую реальность времени. Условно это понятие можно разделить на две составляющие: информационно-техническая война и информационно-психологическая.

Информационно-техническая война предполагает воздействие на различные информационно-технические, управленческие и телекоммуникационные системы. Информационно-психологическая война «по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении» [Матвиенко 2008, с 5].

Основными признаками информационно-психологической войны считаются наличие конфликта интересов, воздействие на сознание отдельной личности и общества в целом, изменение (переформатирование) парадигмы ценностей, используя семиотические системы (естественный язык, символы).

В современном языкознании возникло новое направление – лингвистика информационно-психологической войны, которое занимается изучением речевых стратегий, тактик, приёмов и языковых средств для создания определённой модальности медийного текста.

Далее мы будем использовать более общий термин «информационная война» для анализа лингвистических средств информационного противоборства.

Ряд авторов рассматривают информационную войну как вербальную войну, войну языковых знаков и дискурсов [Романова 2012, с. 56; Синельникова 2014, с. 96]

Слово как основное орудие ведения информационной войны широко используется в медийных ресурсах. Использование негативно окрашенной лексики, часто инвективов, является основной персуазивной стратегией для создания образа врага и усиления различных фобий в социуме.

К методам исследования лингвистики информационной войны следует отнести дискурсивный анализ, когнитивный анализ, стилистический анализ и другие.

Дискурсивный анализ позволяет проводить лингвистический анализ текста с учетом экстралингвистических факторов (текущих событий и исторического контекста). Когнитивный анализ предполагает исследование модальных (оценочных) компонентов языковых знаков. Наибольший интерес для исследования представляет потенциал субъективных модальностей, которые включает аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальности. Аксиологическая модальность – это рациональная оценка события, факта или действующего лица (хорошо, нейтрально, плохо). Эмотивная модальность представляет весь спектр эмоциональных оценок (одобрение, осуждение, порицание, восхищение). Деонтическая модальность является нормативной оценкой происходящего (запрещено, разрешено, следует, нужно). Стилистический анализ – это анализ тропов, фигур речи и иных приёмов для оказания воздействия на сознание адресата.

Обратимся к анализу языкового материала и рассмотрим примеры, которые репрезентируют события, происходящие вокруг военного конфликта между Россией и Украиной в серьёзном англоязычном издании *The Guardian*.

В качестве примера информационного противоборства проанализируем две статьи газеты *The Guardian*, на страницах которой развертываются настоящие информационные баталии с целью дискредитации России и её руководства в глазах западной, в частности британской, аудитории.

В статье *‘End justifies the means’: high Russian death toll fails to shift opinion on Ukraine war* [Sauer 2024] рассматривается конфликт между Россией и Украиной периода конца 2024 года. Среди арсенала информационной войны в данном медиатексте используются различные коннотативно окрашенные единицы языка и стилистические приёмы, целью которых является создание негативного образа нашей страны и формирование у адресатов враждебного отношения к России и её руководству, которое якобы несправедливо и безосновательно начало военные действия на Украине, и таким образом нарушает все международные нормы и правила.

В заголовке статьи употребляется поговорка *End justifies the means*, которая уже создаёт установку у читателя на негативное восприятие информации о нашей стране, которая ведёт боевые действия, не считаясь с собственными потерями.

Якобы сдавшиеся в плен российские военнослужащие сообщают о том, что командование бросает солдат в «мясорубку», не оставляя шанса выжить.

… Russian soldiers have likened to being thrown into ***a meat grinder****. – … российские солдаты сравнивают происходящее на поле боя с мясорубкой, в которую их отправляют командиры.*

Ведение боевых действий российской армией представлено в тексте метафорическим сравнением с мясорубкой, в которой перемалываются человеческие ресурсы (*Moscow's 'meat grinder' tactics* – тактика «мясорубки», используемая Москвой).

Приказ командира был назван смертельно опасным (*a one-way ticket)* и его выполнение могло привести к гибели.

This mission was ***a one-way ticket****. – Эта боевая задача была билетом в один конец.*

В статье *Joe Biden's big blunder: how the war in Ukraine became a global disaster* [Tisdall 2024] даются характеристики Президента России, используя сравнения, эпитеты и инвективы. В. В. Путина называют диктатором (*Russia's dictator*), трусом (*coward*), его характеризуют как изгоя (*ostracized Putin*) и обвиняют в военных преступлениях (*indicted for war crimes*).

Фразеологизм *one-way ticket* (опасное задание), пословица *the end justifies the means* (цель оправдывает средства), учитывая экстралингвистический контекст, представляют Россию как государство-агрессора, которое ведет несправедливую жестокую войну, не считаясь с гигантскими потерями.

Субъективные модальности анализируемых лексических единиц находятся на отрицательном полюсе оценочной шкалы. Используемые стилистические фигуры речи (метафоры, эпитеты) создают эффектный отрицательный образ нашей страны и её руководства.

Следует отметить, что образ страны или политика, созданный с помощью языковых манипуляций в медиадискурсе, может быть убедительнее любых объективных доказательств и аргументов. Отбор лексических единиц в тексте оказывает воздействие на сознание читателя, создаёт негативное мнение о России и её лидере.

К стратегическим целям Великобритании следует отнести стремление вызвать у населения Соединённого Королевства страх перед возможным нападением России на страны Европы. Это должно поддержать действия правительства на милитаризацию экономики, милитаризацию сознания населения, а также оправдать действия руководства страны по финансовой и военной поддержке Украины, используемой как таран для ослабления и разрушения России.

Наряду с лексическими средствами ведения информационной войны в исследуемых медиатекстах наблюдается искажение информации, манипулирование цифрами потерь на поле боя в пользу украинской стороны, а также игнорирование предшествующих событий и исторического контекста для объяснения причин начала специальной военной операции.

Список литературы

1. Панарин И. Н. Первая мировая информационная война. Развал СССР. Санкт-Петербург: Издательство «Питер», 2010. 256 стр.

2. Матвиенко Ю. А. «Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе». Статья в журнале Академии военных наук «Информационные войны» № 4 (8) 2008г.

3. Романова Т. В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. – М. : Изд-во МГУ, 2012. – Т. 62. № 2. С. 56-68.

4. Синельникова Л. Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор. – Научный журнал «Политическая лингвистика», 2 (48) 2014. С. 95-101.

5. Sauer P. ‘End justifies the means’: high Russian death toll fails to shift opinion on Ukraine war. URL: https://www.theguardian. com/world/2024/oct/22/high-russian-death-toll-fails-shift-opinion-ukraine-war (дата обращения 26.08.25).

6. Tisdall S. Joe Biden’s big blunder: how the war in Ukraine became a global disaster. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/ 2024/oct/26/ukraine-russia-war-nato-biden-putin (дата обращения 26.08.25).

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна; кандидат филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302034, Орёл, ул. Приборостроительная, 35; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

Filichkina Tatiana Petrovna; Candidate of Philology, Staffer, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, 35, Priborostroitelnaya St, Oryol, 302024, Russian Federation; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

СЕКЦИЯ 5. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ

УДК 37.014.5

Европейские педагогические инновации на службе российского образования

Ирина Александровна Бирюкова
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, ibirucova@gmail.com

Аннотация. В статье представлена обобщенная характеристика ряда подходов, активно применяемых в российской образовательной среде. В статье анализируются: активная педагогика, проблемно-ориентированное обучение, перевёрнутая педагогика, перевёрнутый класс, компетентностный подход, Тюнинг-подход и таксономия Блума. Также, обращается внимание на основные особенности каждого подхода и специфику их понимания и применения в разных странах.
Ключевые слова: активная педагогика, проблемно-ориентированный подход, перевёрнутая педагогика, перевёрнутый класс, компетентностный подход, Тюнинг-подход и таксономия Блума.

European Pedagogical Innovations in the Service of Russian Education

Irina A. Birucova, Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the Foreign Languages Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, ibirucova@gmail.com

Abstract. The article provides a generalized description of a number of approaches that are actively used in the Russian educational environment. The article analyzes the following approaches: active pedagogy, problem-based learning, flipped classroom, reversed class, competency-based approach, Tuning approach, and Bloom's taxonomy. The article also highlights the key features of each approach and the specific understanding and application of these approaches in different countries.
Keywords: active pedagogy, problem-based learning, flipped classroom, reversed class, competency-based approach, Tuning approach, and Bloom's taxonomy.

Современный преподаватель стремится постоянно повышать свой профессиональный уровень, в том числе, посредством знакомства с современными образовательными технологиями, подходами и методами обучения, применяя их в своей профессиональной деятельности.

Преподаватель, обладающий высоким уровнем профессиональной педагогической (методической) компетенции, стремится к интенсификации обучения, осуществляя планирование, в рамках которого осуществляет выбор и применение адекватных, наиболее целесообразных для данных дидактических условий образовательных технологий, методов и подходов.

Планирование способствует согласованности программы, помогает организовывать обучение и облегчать управление временем, обеспечивает качество обучения и позволяет мотивировать студентов.

Педагогическое планирование предусматривает определение: целей и задач обучения, средств оценивания, которые позволят проверить реализацию целей и методов обучения (на основе подходов), которые будут использоваться на каждом занятии.

Для обеспечения качества и реализации целей обучения важно соблюдать ряд условий, среди которых важное место занимает согласованность используемых подходов/методов преподавания.

Рассмотрим ряд подходов, активно применяемых в российской образовательной среде. Речь пойдет об активной педагогике, проблемно-ориентированном обучении, перевёрнутой педагогике, перевёрнутом классе, компетентностном подходе, Тюнинг-подходе и таксономии Блума.

Активная педагогика

Активная педагогика (АП) – это метод, направленный на вовлечение учащихся в активный процесс обучения, позволяющий им развивать свои знания, решая конкретные проблемы.

Во французской дидактике АП определяется так: “La pédagogie active désigne un ensemble de méthodes pédagogiques qui ont toutes en commun la volonté de rendre l’étudiant acteur de ses apprentissages. Ce type de pédagogie part du principe que c’est en faisant que l’on apprend” [1].

Американские преподаватели-исследователи писали об АП следующее: “Active learning is "a method of learning in which students are actively or experientially involved in the learning process and where there are different levels of active learning, depending on student involvement“ [2].

Д.п.н. В.Н. Кругликов, исследовавший суть АП в своей докторской диссертации, определял ее как «…такую организацию и ведение учебного процесса, которая направлена на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательно комплексного, использования как педагогических (дидактических), так и организационно-управленческих средств» [3].

Активная педагогика – это подход, при котором интеллектуальное и социальное участие учащихся способствует развитию их знаний, навыков и установок.

Основополагающим элементом активного обучения является концепция проекта. Таким образом, студент сталкивается с конкретной проблемой и должен искать решение, собирая соответствующую информацию.

Этот тип обучения будет более эффективным, если одновременно внедряется система непрерывного совершенствования. Это предполагает представление процессов обратной связи, распределённых во времени и отмечающих работу до её завершения.

Одним из преимуществ этой практики является то, что она помогает уменьшить у учащихся ощущение «потерянности в толпе», делая их активными участниками процесса обучения и способствуя индивидуализации обучения посредством процессов обратной связи, в которых преподаватель играет решающую роль.

В контексте активного обучения используются показатели эффективности, известные как цели SMART (Spécifique, Mesurable, Acceptable, Réaliste, Temporellement défini): конкретность, измеримость, приемлемость, реалистичность, ограниченность по времени (КИПРО). При этом, основой такого обучения является установление целевых результатов обучения (ЦРО).

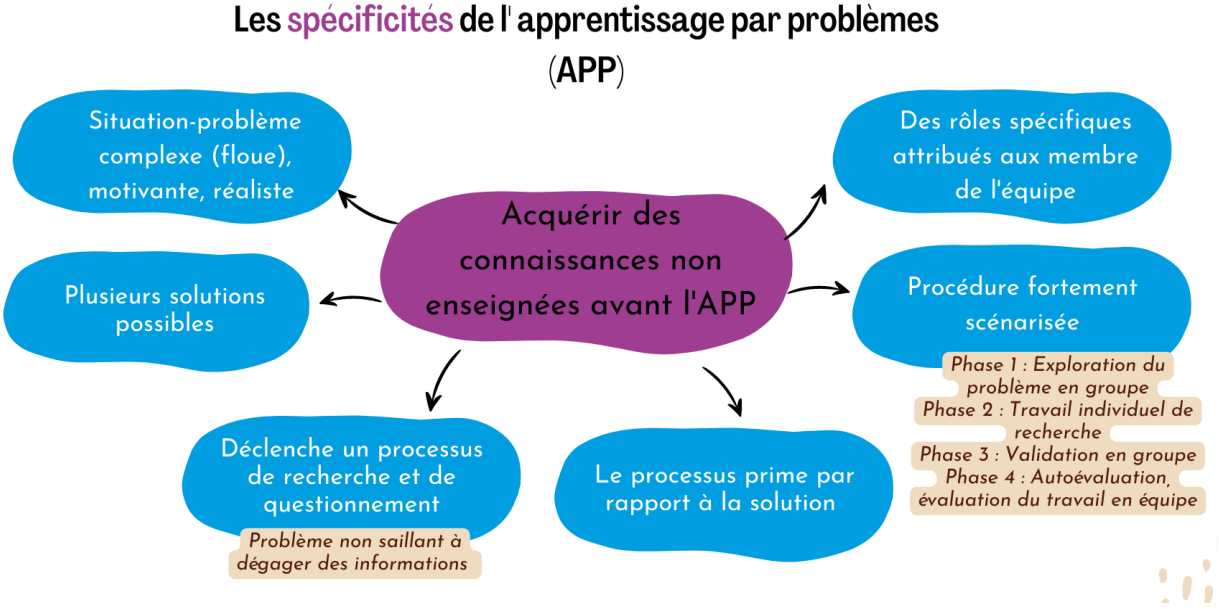
Проблемно-ориентированное обучение (ПОО)

Проблемное обучение – это подход к обучению, направленный на повышение осмысленности обучения посредством постановки перед студентами проблем из профессиональной области. В рамках этого подхода студенты объединяются в команды и работают вместе над решением сложной задачи, к которой у них не было предварительной подготовки.

Родоночальником метода считают американского ученого Джона Дьюи (1859–1952). Одним из первых продолжателей и разработчиков технологии проблемного обучения в России был Б.Е. Райков (1880–1996).

Во Франции метод популярен и широко применяется на всех образовательных уровнях и при преподавании разных дисциплин от математики до иностранных языков. Проблемные ситуации были предметом изучения в Университете Лион-I под руководством Мишеля Манте и Жильбера Арсака задолго до создания университетских институтов по подготовке учителей (IUFM).

Суть проблемного подхода представлена на рисунке № 1. [4].



Поставленная проблема всегда реальна или реалистична. Задача считается сложной, если её невозможно решить, применив систематическую процедуру или уже известные правила. Поэтому для решения поставленной задачи учащиеся должны попытаться объяснить лежащие в её основе явления, формулируя гипотезы, проверяя их посредством информационного исследования и обобщая собранную информацию.

В рамках этого подхода процесс обучения направляется преподавателем, который выступает в роли фасилитатора, а студенты развивают навыки решения проблем, одновременно приобретая предметные знания.

Обучение на основе проблемного подхода призвано сделать применимыми различные специфические дисциплинарные знания, преподаваемые в процессе обучения, одновременно достигая других образовательных целей.

Проблемное обучение должно способствовать формированию ряда специфических компетенций, необходимых современному молодому человеку для его успешной реализации в любой профессии: автономности, развитию коммуникативной компетенции, навыков и умений решения реальных жизненных проблем,

совершенствованию стратегий поиска информации, умению работать в группе, переносу и интеграция знаний и компетенций в новые условия.

Перевёрнутая педагогика

“La pédagogie inversée, théorisée dans les années 1990 par Jonathan Bergmann et Aaron Sams, permet aux apprenants d’étudier les concepts à leur rythme via des ressources comme des vidéos ou des lectures, puis d’utiliser le temps en classe pour des discussions et des activités pratiques. En gros, c’est l’opposé de la méthode traditionnelle où l’enseignement se fait en classe et les apprenants travaillent sur les concepts chez eux“[5].

Аарон Самс и Джонатан Бергман предложили использовать видеоролики с записью лекций – объяснений нового материала для домашнего просмотра с целью экономии времени урока. Ученики смотрели видеолекции дома в комфортных условиях, а в классе практиковались в применении теории.

«Перевёрнутое обучение – это педагогический подход, при котором ученики самостоятельно осваивают теорию, а на уроках создаётся групповая динамичная, интерактивная среда, где обучающиеся под присмотром учителя творчески применяют изученную теорию на практике» [6].

Перевёрнутая педагогика предполагает выполнение дома того, что обычно делается в классе, и в классе того, что обычно делается дома.

Перевёрнутый класс – это подход к обучению, при котором характер занятий в классе и дома меняется по сравнению с традиционным подходом к обучению. Ученик работает дома, чтобы усвоить новые знания и/или концепции, а класс становится местом, где ученики сталкиваются с предметом и углубляют своё понимание посредством активных учебных упражнений, проводимых преимущественно в группах.

Самообучение, выполнение заданий дома может принимать разные формы: поиск и изучение дополнительных источников, работа с аудио- или видеоматериалами пр. Явное преимущество такой автономной деятельности–комфортные условия, удобный темп, отсутствие стресса и др.

Время, проведенное в классе/аудитории, посвящено исключительно командным проектам, общению с учителем/преподавателем и со сверстниками. Таким образом, речь идет о том, чтобы попрактиковаться в решении практических упражнений и принять участие в различных совместных действиях по решению задач.

При таком подходе роль учителя состоит в том, чтобы помочь ученику составить более конкретное представление о компетенциях, которые он начал приобретать, и сопровождать его при решении сложных заданий.

Перевёрнутый класс

Многие отождествляют перевернутый подход (перевернутую школу) и перевернутый класс, однако, речь идет о разных подходах.

Перевернутый класс – это своего рода взаимное обучение.

Подход появился в Англии в XVIII веке и получил распространение во многих странах, включая Францию, еще в 1815 году.

“Le principe fondamental de cette methode consiste... dans la réciprocité de l’enseignement entre les écoliers, le plus capable servant de maître à celui qui l'est moins, et c'est ainsi que l'instruction est en meme temps simultanée, puisque tous avancent graduellement, quel que soit d'ailleurs le nombre d'élèves “ [7].

Перевернутый класс сегодня очень популярен во Франции. Его пропагандистом является Жан-Шарл Кайес: «Imaginez qu’un professeur, le premier jour de sa classe, surprenne vraiment ses élèves,… qu’il leur dise qu’il n’a plus envie de leur faire cours “normalement”, qu’il leur propose une méthode plutôt originale pour remplacer son cours

magistral avec cette petite phrase: “Désormais, vous ferez tout,… je ne ferai plus rien!”. Bienvenue dans la “classe renversée”, l’innovation pédagogique par le changement de posture! Cette sorte de classe inversée audacieuse a été créée à Lille pour rendre la pédagogie plus active et responsabiliser davantage les étudiants » [8, 9-11].

Перевёрнутый класс ломает привычное распределение времени в классе и вне его, и именно в классе ученики вместе приобретают знания, усваивают их и расставляют приоритеты.

Основа перевернутого класса – активность обучающихся, позволяющая им проявлять инициативу в ходе самообучения: студент формирует образовательный контент, который затем должен будет представить преподавателю (обычно, в форме презентации), в случае одобрения, студент пройдет обучение по предложенному им самим материалу и получит оценку.

Основные методы, применяемые на практическом занятии: дебаты, анализ, синтез, критический разбор.

Важные требования к применению подхода:

1. Для того, чтобы студент получал ясную картину об изучаемой дисциплине, рефлексировал, осуществлял самооценку, оценивал качество сформированных у него компетенций, он должен иметь четкое представление о: целях курса; его условиях; структуре и временных рамках.
2. Преподаватель не навязывает, а предлагает студентам поработать над темами, над которыми они сами начали задумываться. Это требует важной предварительной работы для него самого, а также включает в себя умение отказываться от изучения тем, не имеющих образовательной и воспитательной ценности.

Одно из важнейших преимуществ перевернутого класса – развитие у студентов межпредметных (универсальных) навыков.

Перевернутый класс гораздо более требователен, чем многие другие подходы, и к студентам, и к преподавателям. Он является источник активного обучения для первых, источник обучения и обновляемый педагогический опыт для вторых.

Компетентностный подход

Компетентностный подход – это педагогический метод, направленный на развитие у студента способности использовать различные средства для эффективного выполнения задачи в конкретной ситуации.

Компетенция – это не просто то, что мы знаем, и не только то, что мы умеем делать; она также включает в себя способность отчитываться о своих действиях. В рамках подхода, основанного на компетенциях, речь идет не о формировании воспроизводимых моделей поведения, а о развитии готовности к выработке адекватных действий в разнообразных и меняющихся условиях. Болонский процесс требует описания компетенций, подтверждаемых дипломами.

В рамка компетентностного подхода существует подход Tuning.

«Система тюнинг (англ. TUNING Educational Structures in Europe – настройка образовательных структур в Европе) представляет собой проект, разработанный европейскими университетами под руководством университета Деусто (Испания) и Университета Гронингена (Нидерланды) в рамках образовательной программы Европейской комиссии Сократ-Эразмус. Система тюнинг служит инструментом для гармонизации национальных систем европейского пространства Высшего образования, призвана обеспечить сопоставимость, совместимость и прозрачность. Она включает в себя такие категории, как: результаты обучения и компетенции. Предполагается, что компетенции могут обеспечить прозрачность европейской системы Высшего

образования, усилить его профессионализацию и повысить качество учебного процесса» [12, с. 4]

«В методологии TUNING в терминах компетенций…описаны уровневые дескрипторы (показатели прохождения уровня обучения), которые согласуются с Дублинскими дескрипторами, разработанными в рамках Болонского процесса экспертами Совместной инициативы качества и одобренными министрами образования европейских стран в докладе “Рамка квалификаций для общеевропейского пространства высшего образования”» [12].

Вместо преподавания, основанного исключительно на экспертизе преподавателей (согласованность которой не всегда гарантирована), проект Tuning предлагает перейти к программам, ориентированным на методы обучения и сфокусированным на студенте.

“Projet disciplinaire basé sur l'approche par compétence, le projet Tunning permet l'exacte adéquation entre formation et diplôme, entre compétence et ECTS. Ce projet est l'outil de base pour l'application de grandes lignes du processus de Bologne.” [13].

“Dans le cadre du projet Tuning, une méthodologie a été conçue pour comprendre les programmes et pour les rendre comparables.

Quatre lignes d’approche ont été choisies :

1. les compétences générales,
2. les compétences spécifiques à une matière,
3. le rôle de l’ECTS (Европейская система перевода кредитов), comme système d’accumulation,
4. le rôle de l’apprentissage, de l’enseignement, de l’évaluation et de la performance, en relation avec l’assurance et l’évaluation de la qualité” [14].

В ходе реализации этого подхода предлагаются разнообразные виды деятельности (лекции, ролевые игры, анализ кейсов и т.д.). Целевые результаты обучения являются центральным элементом, и их оценка становится ключевым моментом в организации обучения. Подход активно внедряется в России.

Таксономия Блума

Таксономия Блума представляет собой классификацию компетенций, задействованных в обучении, разработанную Бенджамином Блумом в 1956 году [15,16].

Бенджамин Блум, педагог-психолог, в 1956 году совместно с другими американскими учеными предложил педагогическую модель, создав классификацию компетенций, определяющую шесть когнитивных умений, от простых к более сложным:

1. Знание: запоминание информации.
2. Понимание: интерпретация информации, перевод ее на другой язык.
3. Применение: выбор данных, использование методов.
4. Анализ: установление связи между фактами, анализ сложной системы.
5. Синтез: объединение идей для разработки предложения.
6. Оценка: оценка, критика собственной работы или работы других.

Таксономия Блума часто изображается в виде цветка, колеса или таблицы (рисунок 2 [17] и рисунок 3 [18]).

Рисунок № 2. Таксономия Блума.

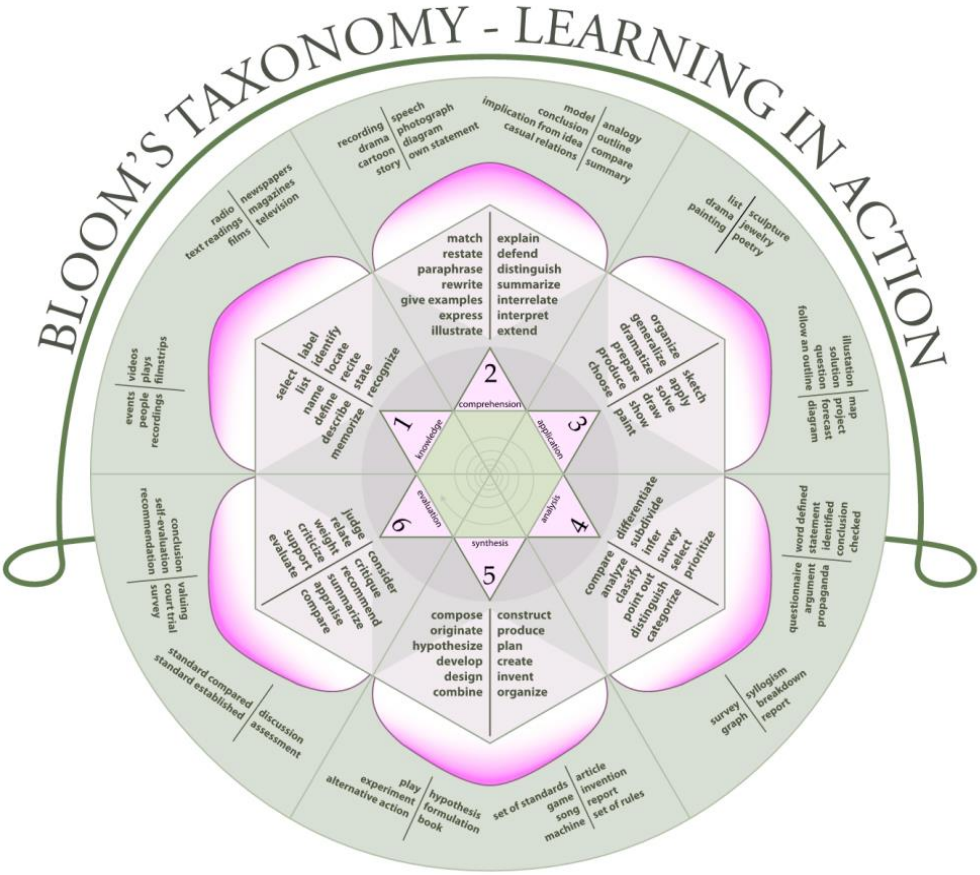


Рисунок №3. Таксономия Блума.

Каждому из этих уровней Блум присваивает список глаголов действия (определять, распознавать, решать, оценивать, проектировать, предсказывать и т. д.). Чтобы быть эффективной, учебная последовательность должна начинаться с самого простого уровня и постепенно переходить к более сложным.

Эта классификация позволяет преподавателям иметь ориентиры для оценки уровня компетенции обучающегося. Таким образом, она является важным инструментом для определения целей обучения.

Рассмотренная информация касалась подходов, разработанных в различных странах (Америке, Англии, Франции, России и др.) представителями разных наук (психологии, математики, химии, иностранных языков и др.). Активная педагогика, проблемно-ориентированное обучение, перевёрнутая педагогика, перевёрнутый класс, компетентностный подход, подход tuning, таксономия Блума и многие другие подходы получили дальнейшее развитие и широкое распространение во всем мире.

Основная цель каждого подхода – оптимизация обучения на всех образовательных уровнях для всестороннего развития личности, обладающей не только дисциплинарными, но и трансверсальными компетенциями, способной к дальнейшему оптимальному саморазвитию во взаимодействии с другими членами коллектива.

Список литературы

1. Pédagogie active. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enseigner.u-bordeaux.fr/pedagogie-universitaire/ pedagogies-actives. – Дата доступа: 11.09.2025

2. Bonwell, C.; Eison, J. Active Learning: Creating Excitement in the Classroom AEHE-ERIC Higher Education Report No. 1. Washington, D.C.: The George Washington University, School of Education and Human Development.1991, –121 p.

3. Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. / В.Н. Кругликов; Воен. инж.-техн. ун-т. – СПб. : ВИТУ, 1998. – 308 с. ил.; 20.

4. Apprentissage par problème. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enseigner.u-bordeaux.fr/pedagogie-universitaire/pedagogies-actives/ apprentissage-par-probleme. – Дата доступа: 13.09.2025

5. Pedagogie inversee. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.teachizy.fr/blog/pedagogie-inversee-definition/. – Дата доступа: 13.09.2025

6. Перевёрнутое обучение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://skillbox.ru/media/education/chto-takoe-perevyernutoe-obuchenie/. – Дата доступа: 13.09.2025

7. Classe inversée. Classe renversée. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enseigner.u-bordeaux. fr/application /files/8516/8484/1845/ FS_difference_ classe_inversee_classe_renversee. pdf. – Дата доступа: 13.09.2025

8. Classe renversée. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ted.com/talks/jean_charles_ cailliez_ la_classe _renversee_innovation _ manageriale. – Дата доступа: 13.09.2025

9. Cailliez, Jean-Charles, 2015. La classe renversée. Jean Charles Cailliez. Tedxlille [vidéo en ligne]. Tedx Talks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www. youtube. com/watch? V =kmaonv3bphs. – Дата доступа: 13.09.2025

10. Cailliez, Jean-Charles. La classe renversée. L'innovation pédagogique par le changement de posture. 2019, 216p.

11. Cailliez, Jean-Charles. Perspectives sur l'enseignement renversé [vidéo en ligne]. Université catholique de Lille. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www. youtube.com / watch?v=abB89ujwBKk. – Дата доступа: 13.09.2025

12. Горылев А.И., Пономарева Е.А., Русаков А.В. Методология TUNING: компетентностный подход при определении содержания образовательных программ:

Электронное методическое пособие. /А. И. Горылев, Е. А. Пономарева, А. В. Русаков. –Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2011. – 46 с. Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/152977 (дата обращения: 15.09.2025).

13. Projet Tuning. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fage.org/formations/catalogue-formation/projet-tuning-bon-usage-des-ECTS.htm. – Дата доступа: 13.09.2025

14. Projet européen Tuning. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.syndicat-infirmier.com/LMD-projet-europeen-TUNING. html. – Дата доступа: 13.09.2025

15. Bloom, B.S. Taxonomy of educational objectives the classification of educational goals. New York London:.– Longmans, 1956 – 207p.

16. Bloom, B.S.; Engelhart, M.D.; Furst, E.J.; Hill, W.H.; Krathwohl, D.R. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Vol. Handbook I: Cognitive domain. New York: David McKay Company. – 1956.

17. Таксономия Блума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/ images/search? img_url=https% %2F%2Fs1. thingpic.com %2Fimages%2FjT%2FnTCkbneDYRHy42vsy3WKZi2E.png&lr=10&ogl_url=https%3A%2F%2Fs1.thingpic.com%2Fimages%2FjT%2FnTCkbneDYRHy42vsy3WKZi2E.png&pos=0&rlt_url=https%3A%2F%2Fwww.geo.tsu.ru%2Fcontent.– Дата доступа: 13.09.2025.

18. Таксономия Блума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?img_url =https %3 A% 2F%2Fs1. thingpic.com%2Fimages%2FjT%2FnTCkbneDYRHy42vsy3WKZi2E.png&lr=10&ogl_url=https%3A%2F%2Fs1.thingpic.com%2Fimages%2FjT%2FnTCkbneDYRHy42vsy3WKZi2E.png&pos=0&rlt_url=https%3A%2F%2Fi.pinimg.com%2Foriginals. – Дата доступа: 13.09.2025.

Сведения об авторе:

Бирюкова Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Орловский Государственный Университет им. И. С. Тургенева, Россия, 302026, Орловская область, г. Орел,ул. Комсомольская, д. 39-б (учебный корпус №8): (4862) 75 21 60 universfrance@yandex.ru, ibirucova@gmail.com

Birucova Irina Aleksandrovna, associate professor, Department of Romance Philology, Orel State University. E-mail: ibirucova@gmail.com

УДК 378.147

Перспективы внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс

Наталия Алексеевна Бондарева[1], Юлия Леонидовна Новикова[2]

[1] Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Орел, Россия, ilin26@yandex.ru

[2] Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент кафедры общей патологии и физиологии, кандидат биологических наук, доцент, Орел, Россия, novikova_julia09@mail.ru

Аннотация. Развивающаяся цифровизация и, в частности, использование искусственного интеллекта (ИИ) в образовании открывают новые возможности обучения. Образование может стать более индивидуализированным и осуществляться без временных и пространственных ограничений. ChatGPT иллюстрирует динамичный характер развития области ИИ. Растущий интерес к ИИ в целом и к ИИ в образовании способствует необходимому обмену опытом между ключевыми заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: цифровизация, междисциплинарное сотрудничество, образовательные технологии, индивидуализация, управление обучением, образовательные стратегии, энергосбережение.

Prospects for the implementation of artificial intelligence in the educational process

Natalia A. Bondareva[1], Julia L. Novikova[2]

[1] Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, associate professor of the Foreign Languages Department, candidate of Philology, associate professor, Orel, Russia, ilin26@yandex.ru

[2] Oryol State University named after. I.S. Turgenev, associate professor of the Department of General Pathology and Physiology, candidate of Biology, associate professor, Orel, Russia, novikova_julia09@mail.ru

Abstract. The developing digitalization and, in particular, the use of artificial intelligence (AI) in education opens up new possibilities for learning. Education can become more individualized and be carried out without time and space constraints. ChatGPT illustrates the dynamic nature of the development of the AI field. The growing interest in AI in general and in AI in education facilitates the necessary exchange of experiences between key stakeholders.

Keywords: digitalization, interdisciplinary cooperation, educational technologies, individualization, learning management, educational strategies, energy saving.

В данной статье представлены сценарии использования ИИ в образовании. Основное внимание уделяется основным вопросам, касающимся предпосылок и условий успешного применения, а также общим направлениям деятельности для ключевых заинтересованных сторон.

Исходя из изложенных будущих сценариев, мы выделили пять направлений использования ИИ в образовании: (1) междисциплинарное сотрудничество, (2) программы обучения и развитие навыков, (3) цифровая инфраструктура и персонал, (4) этика и суверенитет данных, и (5) совместимость данных в образовательном контексте. Цель данного исследования – стимулировать совместный обмен опытом между заинтересованными сторонами.

Вопрос, касающийся искусственного интеллекта в образовании, интенсивно изучается уже несколько лет и уже применяется в некоторых областях. С появлением ChatGPT в конце 2022 года тема ИИ в образовании привлекла внимание СМИ и получила новый импульс.

Ещё до того, как ChatGPT стал общедоступным, было очевидно: искусственный интеллект становится всё более востребованным в повседневной жизни и работе (например, переводы, голосовое управление, автономное вождение). Однако уровень знаний и самооценка компетенций в отношении ИИ значительно различаются среди населения. Влияние ИИ на собственную повседневную жизнь также практически не осознаётся – в репрезентативном опросе только 14% опрошенных граждан заявили, что ИИ оказывает сильное или очень сильное влияние на их жизнь [Дубровский Д.И. 2022, с. 195]. Аналогичным образом, работающие люди часто не знают, что работают с системами на основе ИИ.

Что касается образования, ИИ всё чаще продвигается и интегрируется в качестве учебного контента и метода в рамках цифровизации и будущих стратегий. Национальные программы финансирования направлены на решение вопросов цифровизации в высшем образовании в целом и, в частности, в отношении ИИ.

Кроме того, ИИ продвигается как структурный элемент цифровизации посредством различных программ финансирования в образовательных учреждениях.

Но как насчёт применения ИИ в образовании («Обучение с помощью ИИ»)? Международные данные также имеют смысл, поскольку ИИ исследуется и используется в образовании, особенно в англоязычных странах, а также в Китае.

Образование в значительной степени формируется следующими ключевыми заинтересованными сторонами:

• Микроуровень: учащиеся, преподаватели и пользователи.

• Мезоуровень: учреждения (например, университеты, школы, поставщики услуг непрерывного образования), лица, принимающие решения в образовательных учреждениях (например, руководство университетов, администрация школ), (образовательные) компании и фонды.

• Макроуровень: политики на местном и федеральном уровнях.

Благодаря цифровизации образования компании, работающие в сфере образовательных технологий (так называемые EdTech-компании), всё чаще становятся вспомогательным фактором в образовании наряду с этими ключевыми заинтересованными сторонами. Технологический прогресс и использование ИИ в образовании усиливают эту тенденцию.

В статье рассматриваются следующие основные вопросы:

• Будущие сценарии: Каковы примерные будущие сценарии использования ИИ в образовании?

• Предпосылки и условия успеха: Каковы предпосылки и условия успеха использования ИИ в образовании на микро-, макро- и мезоуровнях?

• Сотрудничество: Каковы отправные точки для взаимного обмена между ключевыми заинтересованными сторонами в области ИИ и образования?

Следует выделить три сценария будущего использования искусственного интеллекта в образовании.

Сценарий 1: Искусственный интеллект в контексте высшего образования. Преподаватели, особенно в государственных учреждениях и университетах, сталкиваются с необходимостью одновременного обучения большого количества студентов в больших группах. Состав таких групп может варьироваться в зависимости от учреждения – по возрасту, происхождению, полу, стилю мышления и т. д. Высшие учебные заведения в основном используют платформу с открытым исходным кодом Moodle.

По собственному опыту заметим, что использование Moodle в образовательном процессе требует большого объема ручной работы и за годы своего существования зарекомендовало себя как хранилище дополнительных материалов. Преподаватели

обычно заполняют каждый курс индивидуально. Таким образом, они следуют индивидуальной структуре, что приводит к тому, что студенты все больше путаются, поскольку им приходится адаптироваться к разной структуре и различным дополнительным материалам от курса к курсу. Более того, структура Moodle заставляет студентов продвигаться по списку сверху вниз. Приложения ИИ в Moodle в основном используются для мониторинга посещаемости, уровней компетенций или прогресса обучения в системе, но не для фактического определения стратегий обучения, стилей обучения, интеллекта, компетенций, сильных сторон, интересов или потенциала.

Технологии на основе ИИ используются в образовании с конца прошлого века. В то время исследователей волновал вопрос о том, могут ли компьютеры заменить персональную поддержку человеку и в какой степени [Сысоев П.В. 2023, с. 28]. В ранних экспериментах использовались методы ИИ, основанные на правилах, для автоматической адаптации к каждому отдельному учащемуся [Сысоев П.В. 2023, с. 29].

Технологии на основе ИИ в образовании развивались по трем направлениям: (1) ИИ, ориентированный на обучающегося, (2) ИИ, ориентированный на учителя, и (3) ИИ, ориентированный на администрирование/систему. ЮНЕСКО подразделяет применение ИИ в образовании на три категории: (1) управление образованием и его реализация, (2) обучение и оценка, и (3) расширение прав и возможностей учителей и повышение квалификации преподавателей [Сысоев П.В. 2023, с. 29].

Эти соображения основаны на существующих системах управления обучением на основе ИИ, обнаруженных в результате поиска, по ключевым словам, в поисковых системах Google и Yandex в сентябре 2022 года. Использовались следующие поисковые запросы: «системы управления обучением на основе ИИ», «системы управления обучением на базе ИИ» и «технологии обучения на основе ИИ» [Евсеенко С.М. 2021, с. 41].

Сценарий 2. Сценарий управления образованием. Преподаватели тратят много времени на подготовку, загрузку и адаптацию контента для студентов. Системы управления обучением на основе искусственного интеллекта будущего будут предлагать преподавателям существующие учебные материалы в период подготовки к семестру на основе описания курса, целей обучения или необходимых навыков, которые преподаватели будут интегрировать в очное обучение, поддерживая и дополняя его цифровыми инструментами.

Обработка языка лежит в основе связывания различных учебных материалов: анализируя термины в названии и описании курса, можно выявить параллели с существующими учебными материалами и курсами, создавая тем самым перекрестные ссылки. Учебные материалы можно гибко интегрировать в очное обучение, расширять или систематизировать с помощью адаптивных шаблонов. Студенты могут свободно выбирать языки учебных материалов и получать их перевод в режиме реального времени. Это позволяет сосредоточиться на информации, не охваченной в существующих учебных материалах. Это упрощает контекстуализацию или более глубокое изучение конкретных тем курса.

Сценарии учебных материалов генерируются автоматически. Компетенции, способности, навыки и сильные стороны студентов постоянно анализируются на основе профилей. Это позволяет систематически планировать и контролировать учебную программу. Экзамены и содержание курса, а также обусловленная этим учебная способность и временные затраты персонализируются, оцениваются и экстраполируются. Также учитываются стили обучения и типы успеваемости, что может влиять на сроки, форматы и методы обучения, предлагаемые студентам системой. Система активно объясняет студентам, какой стиль или стратегию обучения они используют для повышения своей успеваемости.

Для защиты конфиденциальности студентов студенты могут самостоятельно выбирать, какие данные предоставлять преподавателям в анонимном или персонализированном формате. Таким образом, преподаватели могут проводить анализ в любое время, даже если задания конкретным лицам невозможно выполнить без их предварительного согласия. Учебная ситуация разрабатывается совместно профессором и преподавателем. Реализацию процесса осуществляют преподаватели.

Сценарий 3. Обучение и оценка. В будущем обучение и его оценка будут персонализированными и будут поддерживаться компьютером. Системы на основе искусственного интеллекта (ИИ) предоставляют обратную связь по успеваемости в процессе обучения и предлагают дальнейшие шаги (например, «Сделайте перерыв!», «Посмотрите видео!», «Поговорите с однокурсниками!», «Получите консультацию!»). Эти рекомендации призваны помочь учащимся в устойчивой рефлексии над собственными процессами саморегуляции.

Тесты, экзамены и контрольные работы автоматически создаются и исправляются на основе изображений и текста с помощью нейронных сетей. Чат-боты предоставляют в режиме реального времени обратную связь об ошибках (орфографических), предлагают варианты формулировок (ChatGPT), предлагают иллюстрации, альтернативные методы расчёта или более эффективные решения. В частности, рискованные или опасные учебные ситуации моделируются с помощью виртуальной реальности (например, химические реакторы, посредничество в войнах, деэскалация задержаний, изучение методов лечения и т. д.).

Карьера по-прежнему будет определяться человеком; системы на основе искусственного интеллекта лишь дают рекомендации. Система отслеживает предназначение, видение, цели и интересы и использует их в качестве основы для разработки учебного контента и коучинга ботами и инструкторами. Слепые зоны в отношении себя расширяются благодаря анализу общения в группах, который позволяет понять существующие сильные стороны, конструктивную или деструктивную динамику, ценности или поведение.

Помимо освоения будущих навыков, основное внимание уделяется развитию личности и достижению личных жизненных целей. Уровень мотивации и производительности сообщается с помощью голосовых помощников или чат-ботов и подкрепляется позитивным подкреплением или активируется осознанно.

Данные студентов и преподавателей собираются и анализируются экономно, чтобы экономить энергоресурсы. Основное внимание уделяется приобретению навыков и повышению производительности. Кроме того, качество и структура данных постоянно оптимизируются благодаря вовлечению заинтересованных лиц и использованию методов машинного обучения. Например, преподаватели проверяют оценки и исправляют неверные переводы, а студенты предоставляют обратную связь по составу групп и их соответствию. Специалисты по вопросам разнообразия и предвзятости обеспечивают качество результатов анализа систем искусственного интеллекта.

В начальной и средней школе уже формируется информация о потенциале и интеллекте людей. Более того, аналитика социальных сетей может использоваться для выявления различных интересов и стилей общения в группах учащихся.

Эти данные затем анализируются с помощью машинного анализа, и вырабатываются предложения по осмысленному составу групп или дополнительным курсам к стандартной учебной программе. На основе существующего потенциала составляются индивидуальные учебные планы, а также подбираются преподаватели и коллеги. Можно использовать глобальный резерв сотрудников и студентов. Учреждения больше не работают в сети в одиночку, а сотрудничают с местными и международными партнёрскими организациями. Преподаватели также получают поддержку от

педагогических экспертов и могут обмениваться идеями на регулярных встречах с коллегами. При формировании сетей учитываются критерии разнообразия.

Выделенные области деятельности наглядно демонстрируют, что для успешного внедрения ИИ в образование необходимы сетевое взаимодействие и совместные усилия всех заинтересованных сторон. Цель данной дискуссионной статьи – дать импульс расширению обмена опытом, сотрудничества и взаимодействия между заинтересованными сторонами в сфере образования. Целью должно быть воплощение выявленных областей деятельности в конкретные меры, принимаемые сетями и межотраслевыми рабочими группами, для обеспечения устойчивой стратегической интеграции ИИ в образовательные сценарии в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Дубровский Д.И. Может ли интеллектуальный робот обладать этическими свойствами? / Д.И. Дубровский, А.Р. Ефимов, Ф.М. Матвеев // Вопросы философии. - 2022. - № 9. - С. 193-197.
2. Евсеенко С.М. Этапы развития технологий искусственного интеллекта и уточнение терминологии / С.М. Евсеенко // Инновации. - 2021. - № 4. - С. 39-48.
3. Резаев А.В. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? / ChatGPT and AI in the Universities: An Introduction to the Near Future /А.В. Резаев, Н.Д. Трегубова // Высшее образование в России. - 2023. - № 6. - С.19-37.
4. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности / Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness and Practice of Using Artificial Intelligence Technologies in Professional Activities by University Faculty / П.В. Сысоев // Высшее образование в России. - 2023. -№ 10. - С.9-33.
5. Эртель В. Введение в искусственный интеллект / В. Эртель; пер. с англ. А. Горман. - Москва: Эксмо, 2019. – 448 с.

УДК 81-139

Ассоциативные словари как инструмент обучения иностранным языкам: методические решения и практическое применение

Ольга Игоревна Жарких
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ст. преподаватель, Орел, Россия, mrsoz@inbox.ru

Аннотация. В статье представлена система методических приёмов по использованию ассоциативных словарей (АС) в обучении иностранным языкам на разных уровнях. Под ассоциативным словарём понимается база связей между словами и их ассоциативными откликами, отражающими как семантические, так и эмоциональные, фонетические и контекстные связи. Рассматриваются формы работы с готовыми АС и личными ассоциативными базами учащихся, приводятся конкретные упражнения для аудиторной и самостоятельной работы, а также примеры интеграции с цифровыми

платформами (Anki, Quizlet, Obsidian). Приведён список электронных ресурсов, включая национальные и международные ассоциативные словари, корпуса и коллокационные базы. Обосновывается эффективность приёмов с точки зрения когнитивной психологии и методики преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, коллокация, мнемотехника, полисемия, речевой сценарий, лексическая сеть, обучение иностранным языкам.

Associative dictionaries as a tool for teaching foreign languages: methodological solutions and practical application

Olga I. Zharkikh
Oryol State University named after I.S. Turgenev, senior lecturer, Oryol, Russia, mrsoz@inbox.ru

Abstract. The article presents a system of methodological techniques for using associative dictionaries (ADs) in teaching foreign languages at different levels. An associative dictionary is a database of connections between words and their associative responses, which reflect both semantic and emotional, phonetic, and contextual connections. The article discusses the forms of working with ready-made ADs and students' personal associative databases, provides specific exercises for classroom and independent work, and offers examples of integration with digital platforms (Anki, Quizlet, and Obsidian). A list of electronic resources is provided, including national and international associative dictionaries, corpora, and collocation databases. The effectiveness of these techniques is justified from the perspective of cognitive psychology and foreign language teaching methodology.

Keywords: associative dictionary, collocation, mnemonics, polysemy, speech scenario, lexical network, foreign language teaching.

Введение: место ассоциативного подхода в современной методике

Современные исследования когнитивной психологии показывают, что память человека устроена в виде сети взаимосвязанных узлов (слов, понятий, образов). Чем больше и разнообразнее связи, тем быстрее и точнее происходит извлечение информации. В языковом обучении это означает, что слово, окружённое множеством устойчивых ассоциаций, запоминается лучше, активируется быстрее и используется уместнее.

Ассоциативные словари (АС) — это не только справочники “слово → набор реакций”, но и инструмент для построения личных сетей смыслов, коллокаций и сценариев употребления. В отличие от линейного списка слов, АС позволяет моделировать лексическую память ближе к реальному устройству языка в голове носителя.

1. Личный ассоциативный словарь как база для долговременного запоминания

Методическая идея: создать у учащегося персональный АС, который будет пополняться не только новыми словами, но и их связями.

Формат карточки:

- Лемма на изучаемом языке.
- Краткое толковое определение (L2).
- 3–5 ассоциаций (синонимы, антонимы, тематические связи).
- Коллокации.

- Типовые речевые ситуации.
- Образ/метафора.
- Примеры из корпуса.
- Ссылки на связанные слова.

Практика в классе:

- Учитель даёт список 5–7 ключевых слов по теме урока.
- Учащиеся в парах/группах составляют ассоциативные “паутинки”.
- Результаты обсуждаются, учитель добавляет естественные коллокации и исправляет ошибки

2. Коллокационные “паутинки” для естественной речи

Коллокация — ключ к звучанию как носитель. АС помогает фиксировать устойчивые сочетания.

Пример: глагол take → a break, responsibility, a photo, into account, place.

Методическое упражнение:

1. Разделить класс на группы, каждая работает с одним “центральным словом”.
2. Найти в корпусе 5–7 устойчивых коллокаций.
3. Составить диалог, где все коллокации употреблены в естественном контексте.

3. Карты многозначности (polysemy maps)

Слова с несколькими значениями часто вызывают трудности. Радиальные карты помогают разделить смыслы.

Пример — run:

- Движение: run fast.
- Функционирование: the engine runs.
- Управление: run a company.
- Серия событий: a run of successes.

Задание: учащиеся получают слово и должны создать карту значений с примерами.

4. Профилактика “ложных друзей переводчика”

АС — инструмент для выявления и закрепления различий между похожими словами в L1 и L2.

Пример:

- actual ≠ “актуальный” (правильно — current).
- sensible ≠ “чувствительный” (правильно — reasonable).

Методика: составление мини-диалогов с обеими лексемами.

5. Тематические фреймы

Для отработки речевых сценариев (e.g., “встреча”, “покупка билета”) в АС фиксируются роли, этапы, ключевая лексика и формулы.

Пример — “встреча”:

- Роли: ведущий, участник.
- Лексика: agenda, align on, action items.
- Фразы: Let’s get started, Could you clarify….

6. Морфологические “семьи” и производные

АС помогает группировать слова по общим корням/аффиксам: create → creation → creative → creativity.

Упражнение: найти и связать 5 слов с одной приставкой.

7. Фонетические ассоциации

Для произношения можно фиксировать рифмы, ритмические пары, жесты.

Пример: through — свистящий звук, жест “проталкивания”.

8. Error Mining

Разбор ошибок учащихся и превращение их в узлы АС: фиксировать правильную форму, коллокации и анти-примеры.

9. Интеграция с цифровыми инструментами

- Anki: теги для тем и связей.
- Notion/Obsidian: страницы-узлы с двусторонними ссылками.
- Корпусные ресурсы: проверка естественности коллокаций.

Педагогическое обоснование эффективности

1. Когнитивная экономика: повтор через разные связи увеличивает шанс долговременного запоминания.
2. Мотивация: работа с ассоциациями творческая и вариативная.
3. Гибкость в речи: многосвязные слова быстрее извлекаются в нужном контексте.

Заключение

Ассоциативные словари позволяют выстраивать в сознании учащегося многосвязную лексическую сеть, что повышает скорость и точность речи. При правильной методической организации они становятся не только вспомогательным, но и центральным инструментом овладения лексикой.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

2. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание и межкультурная коммуникация. – М.: ИЯ РАН,. – 250 с.

3. Толстая С. М., Апресян Ю. Д. (ред.) Исследования по лексической семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 527 с.

4. Уфимцева Н. В. Русское языковое сознание: ассоциативный аспект. – М.: ИЯ РАН, 2000. – 318 с.

5. Русский ассоциативный словарь. Т. 1–2. / Под ред. Ю. Н. Караулова, Ю. А. Сорокина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Г. А. Черкасовой. – М.: АСТ, Астрель, 2002.

6. Словарь ассоциативных норм русского языка. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2014.

7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.09.2025).

8. Корпус ассоциативных норм «Русский ассоциативный тезаурус» (РАТ). URL: http://www.tesaurus.ru (дата обращения: 01.09.2025).

Список ресурсов

1. Small World of Words — база ассоциативных норм (английский и др.).
2. Edinburgh Associative Thesaurus — классические ассоциативные данные.

3. WordNet — лексическая база с синонимами и гиперонимами.
4. Sketch Engine — корпус с функцией Word Sketch.
5. COCA — корпус современного американского английского.
6. Just The Word — поиск коллокаций.
7. Ozdic.com — словарь коллокаций.
8. Reverso Context — примеры в реальном контексте.
9. Forvo — произношение слов носителями.
10. YouGlish — видео-примеры произнесения

УДК 372.881.111.1

Ориентировочная основа действий как фасилитатор построения дискуссии на английском языке

Елена Леонидовна Макарова
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, старший преподаватель кафедры английского языка, Орел, Россия E-mail: engkafosu@yandex.ru

Аннотация: Статья акцентирует внимание проблемах, связанных с ведением дискуссии на первом курсе, и рассматривает использование ориентировочной основы действий как фактор, позволяющий оптимизировать работу над организацией хода дискуссионного диалога. В рамках данной статьи представлен ряд примеров, иллюстрирующих мысль автора.
Ключевые слова: ориентировочная основа действий, построение дискуссии, эффективность, теория поэтапного формирования умственных действий

The orientation basis of activity a facilitating factor in discussion making

Elena L. Makarova
Oryol State University named after I.S. Turgenev, a senior lecturer at the English Language Department, the Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, engkafosu@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the problems of structuring a discussion in the first year and considers the use of an orientation basis of activity as a facilitating factor on the way of making up a discussion. It sets its aim to offer some ways to improve the in-class discussion by working out an orientation basis of activity.
Keywords: orientation basis of activity, discussion making, efficiency, theory of stage-by-stage formation of mental actions.

Одним из эффективных средств формирования коммуникативной компетенции на занятиях английского языка является продуцирование идей и обмен ими в ходе интерактивного речевого взаимодействия при решении различного рода проблемных заданий. В учебной деятельности это можно осуществить только в процессе обсуждения, дискуссии, спора. В связи с этим, возникает проблема развития умений участвовать в

этих видах речевого взаимодействия, иначе говоря, проблема дискутивных умений как инструмента разрешения возникающих проблемных ситуаций.

Коста А. утверждает: «При совместном генерировании и обсуждении идей люди выходят на уровень мышления, значительно превосходящий возможности отдельных индивидуумов» [Мухина 2004, с. 26].

Обучающий эффект дискуссии очевиден и определяется предоставляемой участнику возможностью получить разнообразную информацию от одногруппников, продемонстрировать и повысить свою компетентность, проверить и уточнить свои представления и взгляды на обсуждаемую проблему, и что не иене важно, применить имеющиеся языковые знания в процессе совместного решения учебных задач.

Однако же, сам процесс построения дискуссии часто бывает неэффективен и плохо структурирован. Студент – первокурсник зачастую испытывает проблемы не только и не, сколько с лексическим ее наполнением, сколько с неумением правильно организовать ее ход.

Условия эффективного проведения дискуссии универсальны и часто представлены в следующем виде: информированность и подготовленность учащихся к дискуссии, свободное владение материалом, привлечение различных источников для аргументации отстаиваемых положений; правильное употребление понятий, используемых в дискуссии, их единообразное понимание; корректность поведения, недопустимость высказываний, задевающих личность оппонента; установление регламента выступления участников; полная включенность группы в дискуссию, участие каждого учащегося в ней. И хотя их правоверность очевидна, не стоит упускать из вида необходимость более детально остановиться на технологии выстраивания самой структуры дискуссии. Речь идет о том, что многие студенты ведут обмен мнениями хаотично, высказывают два суждения в один speak-out, соглашаются с услышанным и одновременно выражают идею, противоречащую сказанному. Не зная, как построить дискуссию корректно и грамотно, собеседники часто все сводят к обмену плохо взаимосвязанных монологов. Стоит ли говорить, что ценность дискуссии как средства проверки знания языкового материала учащегося и его умения думать говоря и говорить думая, практически пропадает.

Хорошим решением данной проблемы может быть обращение к теории поэтапного формирования умственных действий П.Я. Гальперина. Теория поэтапного формирования умственных действий применяется в обучении английскому языку и представляет собой психологическую теорию управления учением, построенную с учётом закономерностей процесса усвоения.

Необходимо отметить, что система поэтапного формирования умственных действий состоит из четырех подсистем: 1) условия становления адекватной мотивации; 2) условия обеспечения приобретения действием требуемых свойств; 3) условия становления полноценной ориентировочной базы действия; 4) условия, которые обеспечивают перенос действия в умственный план.

П.Я. Гальперин утверждает, что теория поэтапного формирования умственных действий предусматривает такое построение учебной деятельности, при котором на базе внешних предметных действий, организованных по конкретным правилам, развиваются знания, умения, навыки. В процессе практической деятельности у индивида развивается ориентировочная база действия, то есть система представлений о цели, плане и средствах реализации предстоящего осуществляемого действия. Согласно теории планомерного, поэтапного формирования умственных действий и понятий П.Я. Гальперина предметом формирования должны стать действия, понимаемые как способы решения определенного класса задач. Для этого необходимо выделить и построить такую систему условий, учет

которых не только обеспечивает, но даже и «вынуждает» ученика действовать правильно и только правильно, в требуемой форме и с заданными показателями.

Эта система включает три подсистемы:

1) условия, обеспечивающие построение и правильное выполнение учеником нового способа действия;

2) условия, обеспечивающие «отработку», т. е. воспитание желаемых свойств способа действия;

3) условия, позволяющие уверенно и полноценно переносить выполнение действий из внешней предметной формы в умственный план.

Очевидно, что решающую роль в формировании действия играет ориентировочная часть. *Ориентировочная часть действия* направлена: а) на правильное и рациональное построение исполнительной части; б) на выбор одного из возможных исполнений.

Она определяет быстроту формирования и качество действия. Успех ориентировочной части действия зависит от содержания ООД (ориентировочной основы действий). В свою очередь, эффективность ООД зависит от степени общности входящих в нее знаний (ориентиров) и от полноты отражения в них условий, объективно определяющих успешность действия, а также от способа ее получения [Гальперин 1985, с. 9].

Возвращаясь к предмету данной статьи, следует отметить, что для корректно структурированной дискуссии студент должен быть обеспечен такой ООД, которая позволит ему обеспечить правильный выбор очередного хода дискуссии. Иными словами, во избежание коммуникативного фиаско студент должен быть оснащен неким алгоритмом действий, который, по сути, является четко очерченным и ясно изложенным операциональные составом действий для принятия правильного решения в ходе диалога.

С точки зрения полноты выделяют полный, неполный и избыточный виды ООД. Полнота ориентировочной основы действия является объективной, но относительной характеристикой. Несмотря на относительность полноты ориентиров, следует считать следующее: если действие, построенное на некоторой ООД, систематически и безошибочно выполняется в целой области проблемных ситуаций, то ООД считается полной. По общности представленных в ней знаний ООД может быть представлена либо в частном виде, применимом только для единичного, конкретного случая, либо в общем виде, отражающего сущность целого класса частных случаев и пригодного для ориентировки в каждом из них. Если говорить о способе получения ООД, то можно выделить ООД, которое дается студенту в готовом виде, либо же ООД может составляться самостоятельно.

Как видим, вид и подача ООД для выработки стратегии ведения дискуссии могут варьироваться, но важно понимать, что успех ориентировочной части действия, прежде всего, зависит от содержания ориентировочной основы.

Так, к необходимым элементам наполнения ООД следует отнести нижеизложенные принципы организации диалога-беседы.

1. Student 1 introduces Idea1.
2. Student 2 A- action: Step 1 demonstrates full agreement and substantiates his standpoint. Step 2 Initiates a new idea.
3. Student 2 B- action: Step 1 demonstrates partial agreement and explains his standpoint. Step 2 initiates a new idea.
4. Student 2 C- action: Step 1 demonstrates disagreement and comes up with the reasons for it Step 2 Initiates a new idea.
5. Student 2 D-action: fails to understand the above introduced Idea 1 and asks for the additional explanation on the part of Student 1.

Еще раз подчеркну, что система ориентиров и указаний, информация обо всех этапах ведения дискуссии может быть разной степени наполненности и детальности. Ценность же данной ООД состоит еще и в том, что она не носит частный характер и не является применимой только для единичного, конкретного случая. Данная ООД отражает сущность целого класса частных случаев и пригодного для ориентировки в каждом из них. Другими словами, данная ООД эффективно работает в независимости от темы дискуссии.

Список литературы

1. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М., 1985. — 45 с.

2. Мухина С. А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении: учеб. пособие / С. А. Мухина, А. А. Соловьева. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2004. – 384 с.

Сведения об авторе:

Макарова Елена Леонидовна; старший преподаватель кафедры английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, email engkafosu@yandex.ru

Makarova Elena Leonidovna; a senior lecturer at the English Language Department, The Institute of Foreign Languages, Oryol State University named after Insurgence, email engkafosu@yandex.ru

УДК 81

Особенности работы над устной темой на младших курсах факультета иностранных языков

Светлана Леонидовна Насонова[1], Лариса Михайловна Страждина[2]

[1]Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева, старший преподаватель Россия, Орел, nasonovasvetl@yandex.ru

[2]Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева, старший преподаватель Россия, Орел, strazhdina@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает особенности работы над устной темой на младших курсах языкового вуза. Авторы предлагают образцы заданий, обеспечивающих формирование необходимых языковых и социокультурных компетенций, что позволяет решить проблему мотивации и интереса к изучаемому языку, а также эффективно готовит к решению задач в сфере профессиональной деятельности.

Ключевые слова: тема устной речи, образцы заданий, языковая компетенция, эффективность, профессиональная деятельность.

The peculiarities of working on oral speech topics in the junior years of the faculty of foreign languages

Svetlana L. Nasonova[1], Larisa M. Strazhdina[2]

[1]Orel State University after I.S.Turgenev, Senior teacher, Orel, Russia

[2]Orel State University after I.S.Turgenev, Senior teacher, Orel, Russia

Abstract. The article considers the peculiarities of working on an oral topic in junior courses of a language university. The authors offer examples of tasks that ensure the formation of the necessary linguistic and socio-cultural competencies, which solves the problem of motivation and interest in the language studied, and prepares for effective functioning in the professional field.

Keywords: oral speech topics, sample tasks, language competence, efficiency, professional activity.

С развитием общества и науки в сфере профессиональной деятельности человека не только появляются новые понятия и слова, требующие осмысления, а также темы, дающие интересный материал для изучения и обсуждения в соответствии с принципами проблемного обучения. Работа над темами устной речи является неотъемлемым компонентом процесса обучения иностранным языкам в вузе и способствует более прочному формированию различных видов компетенций, реализуемых Ф ГОС нового поколения. Наши пособия рассматривают мало разработанные в учебной литературе темы деятельности современного специалиста, такие как «Особенности профессий учителя, переводчика», «Преимущества и недостатки, преодоление трудностей». В них предлагается систематизированный по теме материал, обеспечивающий расширение лексического запаса и развития речевых навыков и умений на английском языке. Проблемный материал, используемый в пособиях, носит популярный характер и знакомит с реалиями стран изучаемого языка, он заимствован из оригинальных источников США и Великобритании. В данной статье авторы обобщают опыт составления учебных пособий по устным темам на младшем этапе обучения английскому языку. Обучающие материалы тесно связаны с проблемами, обсуждаемыми в курсе практического обучения второкурсников института иностранных языков.

Разработанные к ним задания представляют собой определенную систему. Одни направлены на формирование и развитие у студентов лингвистической компетенции, другие имеют целью помочь глубже понять содержание текста статьи и высказать свое отношение к данному явлению, формируя и развивая у них коммуникативные компетенции, третьи предусматривают обогащение страноведческих и социокультурных знаний студентов. Каждый раздел пособия начинается с заданий, формирующих лингвистические компетенции, интегрируемые в речь. Это задание под рубрикой «vocabulary», включающее в себя работу с лексическими единицами, направленную на обогащение словарного запаса, как активного, так и пассивного, а также на развитие продуктивных лексических навыков Активируемые лексические единицы включают наиболее актуальные и разговорные слова и выражения, фразеологизмы, фразовые глаголы. Настоящая система заданий представляется эффективной, поскольку она позволяет сконцентрироваться на наиболее важных для понимания текста способах его анализа и охватывает все виды речевой деятельности и разнообразные аспекты языка, использует многообразие форм работы и поощряет творческую активность студентов.

В данной статье мы приводим образцы системы заданий по темам.

Interpreting: Making the World More Understandable

A. Pre-reading Activities.

1. What attracts young people in the profession of an interpreter?
2. What other professions are considered to be prestigious and popular with young people nowadays? Why?

B. Read the article written by a school leaver to find out the motives that predetermined her choice of profession.

Do you remember what happened to those workers who were building the Tower of Babel in their foolish and vain attempt to reach the sky? Yes, God made them speak different languages and hindered their understanding of one another. No wonder their work turned into complete chaos. Since those days people have been speaking different languages and there has always been (and, no doubt, always will be) a great need of interpreters, who can help speakers of different languages communicate efficiently and, ultimately, find understanding. Now that I am about to graduate from school, it is time for me to make a decision about my future career. The job of an interpreter seems to me to be one of the most appealing options. And at this point, I have to be aware not only of all its advantages and challenges, but my own abilities and strengths as well. One of the major benefits of interpreting is that it can make the world a better place to live. Interpreters can help people overcome a misunderstanding or even a conflict and make peace and bury the hatchet of war. Another advantage is that you can kill two birds with one stone and combine work and travel. And last, I am certainly not one who can resist the temptation to have an opportunity to expand my own outlook and discover new cultures and ways of life. As for the challenges, I believe that being an interpreter requires a lot from a person. First of all, you have to be extremely proficient in languages to be able to convey the subtle meaning of the message in the most accurate manner. Moreover, to interpret eloquently, you ought to have a large vocabulary and the guts to use it. Second, you have to have the ability to remain calm and the nerve to overcome the unpleasant feeling of butterflies in your stomach when finding yourself in a strange, unusual and unpredictable situation. Last but not least, not only must you be knowledgeable, self-disciplined, and professional, but also flexible and tolerant, which is not always easy. Why should I hope to be able to handle such a responsible and stressful job? In my view, every person has her own abilities and strengths of which she needs to be aware. Being good at languages, keen to achieve goals, and being flexible and motivated, I am optimistic about the future. I am sure that, eventually, my motivation will determine what I do with my life.

C. Vocabulary

1. *Transcribe and pronounce the following words correctly:*

chaos, subtle, accurate, eloquent, hatchet.

2. *Give definitions to the following:*

eloquent; a feeling of butterflies; to have the guts to do smth; the subtle meaning of the message; to kill two birds with one stone; last but not the least; accurate.

3. *Fill in the gaps with appropriate prepositions where necessary:*

to be proficient … languages; to be optimistic … the future; a great need … interpreters; to be good … languages; to be aware … the advantages; to require … a person; to hinder the misunderstanding … one another; to be … to graduate; to turn … a complete chaos; to handle … a stressful job.

D. Comprehension

Give detailed answers to the following questions.

1. What does the author allude to in the first paragraph?
2. What should one be conscious of when choosing the profession of an interpreter?
3. What are the advantages of interpreting, in the author's opinion?
4. Why does the author believe interpreting to be an extremely challenging job?
5. What bents and abilities are of paramount importance for an efficient interpreter?

6. Why does the author point out the ability to remain calm as one of the crucial factors for a good interpreter? What other personal qualities are indispensable for making a proficient interpreter?

E. Discussion

1. What kind of person is the author of the article in your opinion?
2. Do you agree with the author that interpreting is a responsible and stressful job?
3. Do you agree that the profession of an interpreter appeals to young people because:
   - it doesn't require boring and long studies?
   - it enables a person to make (earn) a reputation in the outside world?
   - the life of an interpreter is extremely exciting?
   - it's easier to make a good living being an interpreter?
   - they dream of becoming prominent public figures?
   - they find it interesting to speak on different topics?
   - an interpreter spends most of his day talking and listening to other people?
   - they have a genuine and deep interest in other people?
   - they want the world to know their name?
   - they want to experience the thrill of meeting important people?

Add some *more ideas to the list.*

Мы считаем, что данные пособия способствуют реализации компетентностного подхода к обучению студентов и формированию таких компетенций как: готовностью к коммуникации в устной и письменной форме на иностранном языке для решения задач профессиональной деятельности; способность свободно пользоваться иностранными языком как средством делового общения.

Список литературы

1. Кесельман И.С., Рудакова Л.С., Костомарова Е.Л., Насонова С.Л., Страждина Л.М. Выбор профессии. Профессия учителя. Профессия переводчика. Учебное пособие для студентов II курса факультета иностранных языков. Орел, 2004 - С.90
2. Longman Exams Dictionary - Pearson Education Limited, 2006.- 1833 p.
3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. - 2nd edition- Macmillan Publishers Limited, 2007.-1747 p.

Сведения об авторах:

Насонова Светлана Леонидовна; старший преподаватель кафедры английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, ул. Комсомольская, д.41; nasonovasvetl@yandex.ru;

Страждина Лариса Михайловна; старший преподаватель кафедры английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, ул. Комсомольская, д.41; strazhdina@mail.ru,

Nasonova Svetlana Nason ova teacher, Orel State University after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st.,41, Russian Federation; nasonovasvetl@yandex.ru;

Strazhdina Larisa Michailovna; Senior teacher, Orel State University after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st.,41, Russian Federation; strazhdina@mail.ru.

УДК 81

Особенности работы с грамматическим материалом на младших курсах обучения иностранному языку в вузе

Светлана Леонидовна Насонова[1], Лариса Михайловна Страждина[2]
[1]Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, старший преподаватель Россия, Орел, nasonovasvetl@yandex.ru
[2]Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, старший преподаватель Россия, Орел, strazhdina@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает особенности работы над грамматикой на младших курсах языкового вуза. Авторы предлагают образцы заданий, обеспечивающих формирование необходимых грамматических и коммуникативных компетенций, что позволяет изучать и усваивать грамматические явления не как отдельно взятые формы и структуры, а как средства выражения определённых мыслей, отношений и коммуникативных намерений.
Ключевые слова. образцы заданий, грамматическая компетенция, коммуникативная компетенция, профессиональная деятельность.

From the experience of working on grammar in the junior courses of teaching a foreign language at a university

Svetlana L. Nasonova[1], Larisa M. Strazhdina[2]
[1]Orel State University after I.S. Turgenev, Senior teacher, Orel, Russia
[2]Orel State University after I.S. Turgenev, Senior teacher, Orel, Russia

Abstract. The article examines the specifics of working on grammar in junior courses of a language university. The authors offer sample assignments that ensure the formation of the necessary grammatical and communicative competencies, which allows studying and mastering grammatical phenomena not as separate forms and structures, but as means of expressing certain thoughts, relationships and communicative intentions.
Keywords. sample assignments, grammatical competence, communicative competence, professional activity.

Грамматическая компетенция является одной из составляющих коммуникативной компетенции, которая представляет собой способность решать средствами иностранного языка актуальные для учащихся задачи общения в бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения. Как показывает практика, некоторые преподаватели вузов и исследователи данного вопроса считают нецелесообразным акцентировать внимание на коммуникативной компетенции в процессе обучения грамматике, поскольку главной задачей для них становится усвоение и закрепление необходимых грамматических структур в рамках академического образования, что, по их мнению, предполагает детальное теоретическое

описание грамматических явлений и их сопоставительный анализ в отдельных случаях (как например, при изучении времён или модальных глаголов). Обучение грамматике также может сводиться к анализу определённых грамматических структур на уровне предложения или ограничиваться использованием письменной речи. Мы считаем, что реализация коммуникативной компетенции в языковом вузе невозможна без регулярного использования устной разговорной речи как эффективного инструмента в развитии многих языковых навыков. Если преподаватель имеет целью не только обучить определённым правилам грамматики, но и подготовить студентов к реальной коммуникации, то он понимает, что устная речь должна быть аутентичной, т.е. максимально приближенной к той, которая используется носителями языка в повседневных разговорах. Коммуникация должна быть естественной, и только тогда она может считаться абсолютно успешной. Мы обобщили опыт работы над грамматикой в вузе в пособии по грамматике Focus on Grammar. Обучающийся наделяется способностью к успешному общению не только в официальной обстановке, но и к налаживанию более тесных межличностных отношений. Без изучения особенностей и норм разговорной речи невозможно эффективное преподавание языка; при разделении классических и разговорных грамматических правил на разные курсы обучения возникает известный диссонанс между языком, на котором говорит изучающий иностранный язык на первых курсах, и языком, на котором говорит носитель языка. При тщательно продуманном распределении письменных и устных упражнений в процессе обучения правила классической грамматики успешно закрепляются в письменных упражнениях, большинство из которых являются частью домашней работы (делать и корректировать данные упражнения предлагается не только непосредственно на аудиторных занятиях, но и дистанционно, через онлайн-платформы); правила устной речи отрабатываются в устных упражнениях на аудиторных занятиях. Данный механизм работы обеспечивает, на наш взгляд, реализацию грамматической компетенции даже в условиях ограничения аудиторного времени.

Тематика нашего пособия и его структура строго следуют тематике и последовательности изучения грамматического материала. Представленные в пособии упражнения призваны формировать у обучаемого следующие умения:

1. умение анализировать значение грамматической структуры в контексте;
2. умение сопоставлять грамматические структуры по их значению и осуществлять выбор структуры в конкретной речевой ситуации (например, Present Simple – Present Continuous; Present Perfect – Past Simple, Active Voice – Passive Voice, clauses of real and unreal condition, modal verbs, the forms of verbals);
3. умение определить синтаксическую функцию неличной формы глагола; придаточного предложения;
4. умение употребить активизируемое грамматическое явление. Таким образом, в данный комплекс упражнений включены аналитические упражнения на идентификацию и дифференциацию грамматического явления, его стилистических особенностей; подстановочные и трансформационные упражнения, а также коммуникативные упражнения. Авторы стремились сделать упражнения информативными, содержательными, интересными для студентов. В них включены упражнения, отражающие тематику устного общения, продиктованную программой курса «Практика устной и письменной речи» («Спорт», «Путешествие», домашнее чтение и др.).

SPEECH PRACTICE

Conduct a tour of the English Department (fourth floor of the building). Speak in a way that answers questions like those below:

Where is the stuff room situated?

Where are lectures delivered?

Where are teaching aids kept?, etc.

Changes in the classroom (present perfect passive)

Ask a student or students to leave the room. Make some changes in the classroom, e.g. knock some books onto the floor, turn the lights out, erase the board etc. Ask the students to come back into the room and guess what has been changed.

Changes in your life (past passive or passive with* used to*)

Think about when you were a child. Write sentences in the past passive, or *used-to* passive with these verbs. For example:

When I was eight years old…

I was called Chuckie.

I was taught to listen in class and never question the teacher.

I always used to be blamed for hitting my little brother.

In pairs or threesomes, discuss what should be done to prepare (a) for a test in Grammar; (b) for a groupmate's birthday celebration; (c) for the New Year Night dinner; etc.

Write down some changes in your town over the past fifteen years.

e.g., *A new hospital has been built*.

Include things that haven't been changed, but that you would like to see changed.

e.g. The new sports stadium still hasn't been opened.

Apply a similar structure to your home reading text.

For example: "If Kitty and Charlie hadn't been dating at the Fane's house they wouldn't have been caught by Walter" (On "The Painted Veil" by W. S. Maugham).

Большая часть упражнений рассчитана на самостоятельную работу студентов, которая может выполняться как дома, так и в аудитории (индивидуально и в парах). Контроль правильности выполнения упражнений осуществляется как самими студентами (самоконтроль, взаимоконтроль), так и преподавателем. Таким образом обучение грамматике на первом и втором курсах языкового вуза предполагает активное использование устной речи в тесной комбинации с лексическим материалом практических дисциплин, поскольку такой подход значительно повышает эффективность обучения и поддерживает мотивацию студентов.

Список литературы

1. Кесельман И.С., Рудакова Л.С., Костомарова Е.Л., Насонова С.Л., Страждина Л.М. "FOCUSONGRAMMAR" Учебное пособие для студентов II курса факультета иностранных языков. Орел, 2010 - С.112

2. Longman Exams Dictionary. - Pearson Education Limited, 2006.-1833p.

3. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners - 2nd edition- Macmillan Publishers Limited, 2007. - 1747 p.

Сведения об авторах:

Насонова Светлана Леонидовна; старший преподаватель кафедры английского

языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, ул. Комсомольская, д.41; nasonovasvetl@yandex.ru;

Страждина Лариса Михайловна; старший преподаватель кафедры английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, ул. Комсомольская, д.41; strazhdina@mail.ru.

Nasonova Svetlana Leonidovna; Senior teacher, Orel State University after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st.,41, Russian Federation; nasonovasvetl@yandex.ru;

Strazhdina Larisa Michailovna; Senior teacher, Orel State University after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st.,41, Russian Federation; strazhdina@mail.ru

УДК 908:81’243

Развитие краеведческой компетенции на уроках иностранного языка

Тамара Юрьевна Терновых

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка, кандидат педагогических наук, доцент, Орёл, Россия, t-ju-7@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятие краеведческой компетенции и её компоненты, предлагаются методы и формы работы для формирования и развития данной компетенции на занятиях по иностранному языку, такие как метод проектов, презентации, инсценировки, интервью, уроки-экскурсии и другие.

Ключевые слова: краеведческая компетенция, краеведение, ключевые компетенции, коммуникативная компетенция, метод проектов, урок-экскурсия

Development of Regional Studies Competence in Foreign Language Classes

Tamara Yu. Ternovykh

Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the German Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, t-ju-7@yandex.ru

Abstract. The article considers the reasons for emergence of barriers in foreign language speaking, suggests their classification, offers possible ways to remove or prevent them and gives examples of practical tasks aimed at removal of foreign language speaking barriers in the course of foreign language learning.

Keywords: foreign language speaking, linguistic, psychological, communication barriers, instructional skills, modeling technique, gaming technique

Одной из значимых целей в процессе образования является воспитание патриота своей Родины, достойного гражданина своей страны, который понимает и чтит традиции, исторические и духовные ценности как всей России, так и своей малой родины. Обучающиеся должны быть знакомы с историей, культурой, географией того места, где они родились и живут. Поэтому в образовательном процессе следует формировать и развивать у учеников краеведческую компетенцию. В данной статье мы рассмотрим это

понятие и опишем возможности развития данной компетенции в процессе обучения иностранным языкам.

Обратимся к тому, что такое краеведение. Это «научная дисциплина, область гуманитарного знания, занимающаяся изучением природы, населения, хозяйства, истории, культуры какой-либо территории («края») или объекта от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома главным образом силами местного населения» [1].

Перейдём к понятию «краеведческая компетенция». Под ней подразумевается «совокупность знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для продуктивной познавательно-краеведческой деятельности и проявляющаяся в осознании ценностей родного края» [Шемшурина 2011, с. 44].

Отметим, что данная дефиниция отражает важные моменты, являющиеся составной частью ключевых компетенций, которыми обязаны владеть обучающиеся по завершению обучения. А. В. Хуторской выделяет 7 групп таких компетенций: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые и компетенции личностно самосовершенствования [Хуторской 2002]. Задачи формирования двух первых групп компетенций во многом совпадают с задачами развития краеведческой компетенции. Коммуникативная компетенция затрагивает также вопрос необходимости овладения иностранными языками, владения способами выстраивать общение и взаимодействие.

Краеведческая компетенция – комплексное понятие, состоящее из нескольких компонентов: мотивационно-потребностного, эмоционально-волевого, когнитивного, деятельностно-коммуникативного, аксиологического и рефлексивного [Шемшурина 2011, с. 11]. Учителю необходимо учитывать их, выстраивая работу по формированию данной компетенции в учебном процессе.

Рассмотрим возможности развития краеведческой компетенции при обучении иностранным языкам. В уроки можно включать краеведческую информацию любого характера: по истории, географии, литературе, искусству и т.д. Согласуя отбираемый материал с программными требованиями и темой, учитель даст возможность обучающимся познакомиться с важными сторонами жизни родного края, научит гордиться им, ценить достижения и подвиги своих земляков.

Для развития краеведческой компетенции возможно использовать следующие методы и формы работы:

- проектный метод;
- проведение и защиту презентаций;
- подготовку инсценировок;
- подготовку и проведение экскурсий;
- интервью и т.д.

Рассмотрим подробнее возможность подготовки проведения экскурсии на уроке иностранного языка. Урок-экскурсия включает три этапа.

Подготовительный этап. На уроке учитель и ученики обсуждают тему будущей экскурсии. Затем также совместно выдвигаются предложения объектов, которые войдут в план. Происходит распределение учеников на малые группы или пары и закрепление за каждой группой / парой объекта экскурсии. Ученики в ходе исследовательской деятельности находят информацию, на данном этапе также возможно обращение к учителям по профильным дисциплинам в зависимости от темы экскурсии. Ученики переводят текст на иностранный язык. Проходят консультации с учителем иностранного языка.

Экскурсия. Учитель и ученики непосредственно в городе / селе проводят экскурсию, передвигаясь к объектам в соответствии с обсуждённым на предыдущем этапе работы планом. Каждая пара / группа на иностранном языке рассказывает о своём объекте, остальные ученики делают краткие записи услышанного.

Рефлексия. Для следующего урока в классе учитель готовит упражнения различного типа, в которые включаются материалы, подготовленные учениками для экскурсии. Таким образом обучающиеся имеют возможность ещё раз воспроизвести в памяти события недавней экскурсии. Также проводится рефлексия непосредственно процесса подготовки и проведения урока-экскурсии, учитель и ученики обсуждают трудности, которые возникали, и совместно предлагают возможные решения проблем. Также ученики обмениваются и положительными впечатлениями, обсуждают перспективы дальнейшего проведения подобного вида уроков.

Для проведения уроков, нацеленных на развитие краеведческой компетенции обучающихся, можно предложить следующие темы: «Литературная слава Орловщины», «Орёл в годы Великой Отечественной войны», «Орёл исторический», «История улиц Орла», «Известные люди Орловщины», «Орёл спортивный», «Архитектура Орла», «Фольклор Орловщины» и другие.

Темами для презентаций и интервью могут стать: «Известные тренеры и спортсмены Орловщины (В. И. Амелехин, А. П. Варакин, К. М. Наумова, Ю. П. Сёмин, Л. Дмитриева, Ф. Е. Егоров, С. В. Кирьяков, П. Козлов, Л. В. Удобкина и другие)», «Знаменитые творческие личности Орловщины (И. А. Бунин, Н. С. Лесков, И. С. Тургенев, А. А. Фет, Г. В. Дышленко, А. И. Курнаков, В. С. Калинников, И. К. Хрисаниди и другие)», «Учёные и инженеры Орловщины (М. Б. Бахтин, Н. Н. Поликарпов, В. А. Русанов и другие)».

Таким образом, подчёркивая необходимость развития краеведческой компетенции у учащихся, мы предлагаем привлекать на уроки иностранного языка задания, связанные с тематикой истории, географии, культуры малой родины, воспитывать у обучающихся патриотические чувства и прививать чувство гордости своим краем.

Список литературы

1. Краеведение. URL: https://znanierussia.ru/articles/Краеведение (дата обращения: 15.09.2025).

2. Шемшурина С. А. Формировние краеведческой комптенеции подростков в дополнительном образовании // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Ижевск: ГОУ ВПО Удмуртский государственный университет, 2011. 22 с.

3. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. URL: https://khutorskoy.ru/books/2002/0423 (дата обращения: 15.09.2025).

Сведения об авторе:

Терновых Тамара Юрьевна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 39 б; t-ju-7@yandex.ru ; +74862752239.

Ternovykh Tamara Yuryevna; candidate of pedagogical sciences, assistant professor, Oryol State University, 302026, Russian Federation, Oryol, Komsomolskaya St., 39b; t-ju-7@yandex.ru ; +74862752239.

УДК 811.111

Исследовательский подход в обучении английскому языку как иностранному: основные этапы

Галина Анатольевна Титова
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, к.филол.н., доцент, Орёл Россия, g.titova@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена применению исследовательского подхода (inquiry-based learning) в преподавании английского языка как иностранного. В последнее время данный подход становится все более популярным на практике и все чаще попадает в фокус внимания исследователей. В статье освещаются преимущества данного подхода, подробно рассматриваются его основные этапы, такие как знакомство с темой, формулировка вопросов, исследовательская фаза, презентация результатов. Даются рекомендации для учителя по каждому этапу.

Ключевые слова: обучение через исследование, этапы исследования, исследовательское задание, презентация результатов, обратная связь.

Inquiry-based learning in teaching english as a foreign language: main stages

Galina A. Titova
Orel State University named after I.S. Turgenev, PhD in Philology, Associate Professor, Orel, Russia, g.titova@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to using inquiry-based learning in teaching English as a foreign language. The approach is becoming increasingly popular in practice nowadays and is often at the focus of researchers' attention. The article highlights the advantages of this educational approach and elaborates on each of its stages, such as introducing the topic, formulating questions, research phase and presentation of results. It also provides recommendations for the teacher on each stage.

Key words: inquiry-based learning, research stages, introducing the topic, research task, presentation of results, feedback.

Исследовательский подход или обучение через исследование (inquiry based learning) – это образовательный подход, который делает акцент на вовлечении учащихся в учебный процесс посредством опроса, исследования и решения проблем.

Обучение через исследование изначально появилось на уроках математики и естественных наук, однако вскоре выяснилось, что эта система имеет потенциал и для гуманитарных дисциплин. Подход постепенно распространился и на преподавание иностранных языков, в т.ч. английского как иностранного. Однако, очевидно, что использование обучения через исследование при изучении языка имеет свою специфику.

В самом общем виде подход предполагает предоставление учащимся материалов и побуждение их к самостоятельным исследованиям, разумеется, с оказанием любой необходимой помощи. Такой подход соответствует современным образовательным практикам, которые ставят во главу угла вовлеченность и активное обучение.

Применительно к обучению иностранному языку этот подход возможно задействовать для развития всех необходимых умений и навыков (чтения, письма, аудирования, разговорной речи, лексических и грамматических навыков).

В процессе обучения через исследование необходимо, чтобы учащиеся задавали себе три основных вопроса: “Что я знаю?”, “Что я хочу знать?” и «Что я узнал?»

«Что я знаю?» – это то, что уже известно учащимся, их предварительные знания. Учитель не должен заставлять учащихся выполнять учебное задание, пока у них не будет предварительных знаний, этой базы, с которой можно начинать исследование. Это могут быть знания, приобретенные перед уроком или курсом, или же это может быть то, что разбирается в самом начале урока, при знакомстве с темой. «Что я хочу знать?» – это основной вопрос, который должны задавать ученики во время исследования. Учащиеся задают этот вопрос, а затем проводят исследование, чтобы найти ответ на него и поделиться им с другими. «Что я узнал?» – вопрос, который они должны задать себе в конце исследования. Учащимся всегда полезно проанализировать то, чему они научились, что выяснили в ходе исследования.

Исследовательский подход в ESL включает следующие этапы:

1) презентация темы;

2) формулировка вопросов, касающихся использования языка, национально-культурного контекста или конкретной темы;

3) исследование поставленных вопросов с помощью различных ресурсов, включая тексты, мультимедиа и дискуссии;

4) презентация учащимися результатов своего исследования, в ходе которой совершенствуются языковые навыки и понимание.

5) рефлексия, анализ проделанной работы.

При использовании исследовательского подхода на уроках иностранного языка на первом этапе учитель знакомит учащихся с темой. Это должна быть тема, соответствующая уровню и возрасту учеников и способная вызвать их интерес. Исследование может служить достижению любой цели: обучению грамматике, новой лексике, чтению, письму, реферированию или другим аспектам английского языка. Для исследования подойдет практически любая тема устной речи, например, обсуждение планет, просмотр видео о животных или краткое ознакомление с историей какого-то периода. Примечательно, что «красота» исследовательского проекта на иностранном языке состоит в том, что его тема и физический результат могут быть связаны с любой другой областью знаний [Gray, 2021].

Преподаватель может предоставить статьи и видеоролики для обсуждения в классе и попросить учащихся выделить основные идеи и выявить связи. Возможно, учащиеся сами смогут придумать вопрос для исследования. Если нет, то учитель может задать студентам наводящие вопросы, или учащиеся могут выбрать один вопрос из списка, предложенного учителем. Например, если тема посвящена выбору профессии, карьере и трудоустройству, можно исследовать вопросы: What are the highest paying jobs in your country? What are the most common jobs in your town? What do you think about a 4-day work week? How do salaries in your country compare with its neighbors? Do you think it's acceptable for women to be in the military?

Следующим шагом будет разбиение учащихся на пары или группы для выполнения исследовательского задания. Конечно, можно попросить их работать в одиночку, однако в командной работе есть много преимуществ. В группах учащиеся смогут обмениваться информацией и идеями и учиться друг у друга. Совместная работа необходима и в том случае, если результатом работы является групповой проект, дебаты, групповая презентация, информационный бюллетень или дискуссия. Но даже если учащиеся самостоятельно работают над личными эссе, учитель может попросить их

провести экспертный опрос среди одногруппников для получения дополнительной информации и представить свои выводы классу, тем самым предоставляя им более широкую аудиторию.

Далее идет собственно исследование, но студенты не смогут провести его, не имея необходимых материалов. Задача учителя предоставить эти материалы. Тип материалов будет зависеть от темы и от того, каким навыкам они должны обучиться.

Если речь идет о развитии навыков понимания прочитанного, учитель снабжает учащихся книгами и просит их найти конкретные словарные выражения или проанализировать контекст, в котором используются конкретные слова. Если речь идет о навыках устной речи, аудирования и письма, учитель может предложить учащимся опросники по определенной теме, чтобы задавать друг другу вопросы и записывать ответы.

При использовании исследовательского подхода для развития навыков аудирования, чтения и наблюдения можно предоставить студентам видеоролики для просмотра и попросить их выписать слова и выражения по определенной теме, либо обратить внимание на конкретную информацию. Таким образом, материалы, предоставляемые учителем, могут включать тексты, книги, аудиотексты, видео, опросники и пр. Если предполагается собственной сбор материала учащимися, то учитель должен предварительно показать учащимся, как эффективно собирать информацию и оценивать достоверность источников. Можно указать и такие параметры, как количество и тип источников, а также способы представления их данных (текст, таблица, график и др.).

Пока учащиеся работают над темой, учитель должен наблюдать за ними, поддерживать их и предоставлять обратную связь. Ели исследование проводится во время занятия, то пока ученики работают над изучением своих вопросов, записывают ответы, читают, смотрят видео или делают что-то еще, учитель проходит по классу и наблюдает за ними, чтобы убедиться, что они продуктивно выполняют задания. Может понадобиться оказать им поддержку, если возникнут какие-либо вопросы. Но ради поощрения самостоятельного мышления, лучше по возможности подсказывать им ответы, не отвечая прямо. Таким образом, исследовательская модель обучения меняет роли учителя и ученика. Учащиеся становятся исследователями, а учитель принимает на себя роль их ассистента [Dobbler et al. 2017, c. 205].

Разумеется, если учитель видит, что учащиеся делают что-то контрпродуктивно, либо уходят в сторону от поставленной задачи, то можно вмешаться, но лучше сделать это в форме предложения, а не критики. Если исследовательское задание покрывает не один, а несколько уроков, учитель может задать на дом посмотреть видео, посвященные соответствующим грамматическим и языковым структурам. Это позволит сократить время на уроке и использовать его для ответов на возникшие у учащихся вопросы.

На следующем этапе учащиеся делятся своим результатами с преподавателем, сверстниками и может быть даже миром в целом через социальные сети в виде поста или видео. Это может быть сделано в письменной форме (письменный отчет), с помощью средств массовой информации (видео или инфографика), устного общения или сочетания всех трех способов (мультимедийный проект). Следует поощрять использование наглядных пособий и мультимедиа, чтобы сделать презентации более увлекательными. Этот этап способствует развитию убедительной речи и способности понимать и формулировать различные точки зрения. Презентация результатов исследования в классе предоставляет учащимся аутентичную аудиторию, от которой можно услышать альтернативные точки зрения, и с которой можно проверить обоснованность своих идей [Ismael & Elias 2006, c.19].

После того, как ученики изучили и представили ответы на свои вопросы, полезно спросить их, как они подошли к изучению проблемы. Для мониторинга прогресса исследования рекомендуется использовать таблицы KWL (Знаю-хочу(знать)-узнал), впервые предложенные Донной Огл [Ogle, 1986]. В этих таблицах учащиеся заполняют разделы: “Что я знаю?”, “Что я хочу знать?”, “Что я узнал?”

Так, например, для исследования темы World Heritage возможны следующие колонки:

Know: “UNESCO has a list of sites of outstanding value called World Heritage List.”	**Want:** “Does this list include any sites in our country? Which ones?”	**Learned:** “It lists 25 Russian sites, including the Kremlin and Red Square in Moscow, and 5 natural sites such as Lake Baikal and the Volcanoes of Kamchatka”.

Помимо этого, учитель может спросить: «Насколько сложным показалось вам задание?», «С какими проблемами вы столкнулись, выполняя задание?», «Что вы можете сделать, чтобы углубить свои знания?», «Что может сделать ваш учитель?». Это поможет учащимся определить и описать проблемные области, и дает учителю понимание того, как лучше организовать исследовательское обучение в будущем.

В целом, чтобы обучение через исследование на уроке иностранного языка было успешным, учитель должен грамотно содействовать проведению исследований, предоставить ресурсы и инструменты, которые позволят учащимся проводить исследования и находить ответы на свои вопросы. Это может включать доступ к интернету, книгам, статьям или мультимедийным ресурсам. Кроме того, учитель должен создать в классе атмосферу, в которой учащиеся будут чувствовать себя комфортно, задавая вопросы, он должен быть готов проявить гибкость, отдать учащимся часть контроля над уроком.

Если обучение через исследование происходит с соблюдением данных требований, то его применение на уроке английского будет иметь много преимуществ, таких как пробуждение интереса к теме, рост мотивации учащихся, развитие самостоятельности, повышение эффективности взаимообучения в ходе совместной работы и др.

Список литературы

1. Kyleen Gray Inquiry-Based Learning in English Classrooms. URL: https://www.edutopia.org/article/inquiry-based-learning-english-classrooms (дата обращения: 24.08.2025).

2. Dobbler, M., Tanis, M., Zward, R.C., & Oers, B. (2017). Literature review: The role of the teacher in inquiry-based education. Educational Research Review, 22, 194-214.

3. Ismael, N. & Elias, S. (2006). Inquiry-based learning: A new approach to classroom learning. English Language Journal, 2(1), 13-22.

4. Ogle, D.M. (1986). K-W-L: A teaching model that develops active reading of expository text. Reading Teacher, 39, 564–570.

Сведения об авторе:

Титова Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Комсомольская 39б; g.titova@yahoo.com; +9(4862) 75-29-93.

Titova Galina Anatolyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University, 39b Komsomolskaya str., Orel, 302026, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya str. 39b; g.titova@yahoo.com; +9(4862) 75-29-93.

УДК 81

Вторичная языковая личность как цель обучения иностранному языку: к вопросу об обоснованности подхода

Вадим Станиславович Филиппов

Орловский государственный университет, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ph131174@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос о внутренней противоречивости понятия вторичной языковой личности и переоценки подхода, при котором формирование вторичной языковой личности следует рассматривать как цель изучения иностранных языков.

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, уровни языковой личности.

Secondary linguistic identity as the goal of foreign language education: revisiting the validity of the approach

Vadim S. Philippov

Oryol State University, associate professor of the Department of English, candidate of Philology, Oryol, Russia, ph131174@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issue of the inherent inconsistency of the concept of a secondary linguistic identity and a reassessment of the approach under which the formation of a secondary linguistic identity should be considered as the goal of learning foreign languages.

Key words: linguistic identity, secondary linguistic identity, tiers of linguistic identity.

Понятие вторичной языковой личности (далее «ВЯЛ»), введенное в понятийное поле лингвистики И. И. Халеевой [Халеева 1990], не только прижилось, но и приобрело определенную популярность, так, многие исследователи признают формирование ВЯЛ целью обучения иностранному языку. Между тем, само понятие ВЯЛ, безусловно, противоречиво, и его использование в качестве центрального концепта лингводидактики (а если мы заявляем формирование ВЯЛ как цель, мы, несомненно, делаем это понятие центральным), на наш взгляд, никак не оправдано.

Вообще говоря, факторы, приведшие к возникновению концепции ВЯЛ, можно разделить на две группы. С одной стороны, идеологически эту концепцию, на наш взгляд,

формирует линия, восходящая через гипотезу языковой относительности (она же гипотеза Сэпира-Уорфа) к гумбольдтианской идее языка как духа народа, с другой, мотивационно ее обусловили настроения, превалировавшие в российском обществе на рубеже 80-90 годов прошлого века: идеи открытого мира, контакта культур, межкультурной коммуникации во многом формировали тогдашний гуманитарный дискурс. К первому аспекту мы вернемся несколько позже, о втором же хотелось бы сказать несколько слов сразу.

Итак, бегло вспомним исторический контекст возникновения понятия ВЯЛ. И. И. Халеева, вообще говоря, сформулировала идею ВЯЛ в рамках попытки переосмысления подхода к подготовке переводчиков, т. е. лингвистов-профессионалов. Утверждалось, в частности, что переводчик должен рассматриваться как участник «межъязыкового и межкультурного общения» и должен обеспечит взаимопонимание «между носителями не просто разных языков, но и, как правило, разных социокультурных "кодов"» [Халеева 1990, с. 1]. Диссертация И. И. Халеевой была защищена в 1990 г., соответственно, тема разрабатывалась в конце 80-х годов прошлого века. Раскрывавшиеся в то время возможности международного сотрудничества, действительно, ошеломляли, идеи межкультурной коммуникации захватывали умы, что, в частности, привело к созданию факультета иностранных языков и регионоведения МГУ в 1988 г. Профессия переводчика в этом свете приобретала определенную романтичность: «Если … принять … во внимание, что переводчик-профессионал является не вспомогательной, а скорее центральной фигурой международного общения и взаимопонимания, то становится очевидным, что всякий дефект … в процессе обучения переводчиков оборачивается в конечном счете дефектной коммуникацией и ущербом во взаимопонимании между народами и нациями» [Халеева 1995, с. 8]. Сейчас, много лет спустя, мы можем наблюдать следующую картину: одна из наиболее популярных услуг переводческих бюро — редактирование машинного перевода, многие компании отказываются не только от услуг письменных переводчиков, но и от услуг устных переводчиков в ходе переговоров, поскольку компьютерные алгоритмы справляются с соответствующими заданиями вполне удовлетворительно, при этом ни о каких языковых личностях в этих случаях речь не идет, ни о первичных, ни о вторичных: алгоритмы работают исключительно со статистикой.

Как известно, понятие ВЯЛ представляет собой попытку развития понятия языковой личности (далее «ЯЛ»), предложенного Ю. Н. Карауловым. Очевидно, в таком контексте имеет смысл сказать несколько слов о понятии исходном.

Само понятие ЯЛ дуалистично: с одной стороны, мы говорим о социальном характере ЯЛ, которая проявляет себя во множестве порождаемых ею текстов, с другой, мы рассматриваем ЯЛ как некую сложную когнитивную структуру, которая и выступает в качестве механизма генерации и восприятия этих текстов. Собственно, этот дуализм отражается в дефинициях, предложенных Ю. Н. Карауловым: ЯЛ есть и «...личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987, с. 38], и «...совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов)» [Караулов 1987, с. 245].

При этом факт эти два аспекта рассматриваются не совсем равноправным образом: фактически, социальность ВЯ некоторым образом «выносится за скобки» при рассмотрении уровней организации когнитивных образований в структуре ЯЛ: ЯЛ имеет вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный уровень, и каждый из них признается социально обусловленным. Между тем, социальность вербально-семантического уровня и социальность тезаурусного и мотивационного уровня – это далеко не одно и то же.

Напомним, что, несмотря на то, что уровней организации ЯЛ выделяется три, счет этих уровней останавливается на цифре «два»: вербально-семантический уровень признается «нулевым». В этом, если подумать, нет ничего удивительного: этот уровень является наиболее объективным, поскольку непосредственно «дан нам в ощущениях», зафиксирован в словарях и грамматиках и, что существенно более важно, в огромных массивах текстов, интерпретация которых именно на языковом уровне в существенно меньшей зависит от личности конкретного коммуниканта. Собственно же коммуникант, человек говорящий, реализуется в системе координат, заданной коммуникативно-прагматическими и ценностными факторами.

Соответственно, социальность вербально-семантического уровня имеет куда более абстрактную природу, чем социальность двух других – настолько, что декларирование этой социальности в свое время сделало возможным такой подход, при котором оторванность языка от индивида понималась как предварительное условие для его, языка, научного изучения. Социальность тезаурусного и, в еще большей степени, мотивационного уровня куда более конкретна, ситуативна, индивидуальна и, самое главное, многоаспектна, и то, насколько эта многоаспектность в принципе является формализуемой, вопрос открытый.

На наш взгляд, слабым местом концепции ВЯЛ является допущение о том, что освоение второй языковой системы в принципе должно сопровождаться такими изменениями на тезаурусном и мотивационном уровне, что результат этих изменений можно будет рассматривать как отдельную сущность. При этом, что характерно, никак не предполагается, что такие изменения будут вызваны именно этим освоением как таковым, скорее, ожидается, что эти изменения нужно будет дополнительно формировать. Такой подход изначально порочен, поскольку он, фактически, прямо отрицает целостность ЯЛ, причем сразу по нескольким измерениям.

В этой связи нам нужно будет вернуться к тому, что мы выше назвали идеологическим источником концепции ВЯЛ, а именно, к гипотезе, согласно которой язык формирует сознание. По большому счету, можно говорить о том, что на современном этапе представление о языке как силе, определяющей и формирующей отношение человека к миру, в сухом остатке свелось к концепции «языковой картины мира». Языковая же картина мира, сколько бы мы ни говорили о ее уникальности для каждого народа, по сути, представляет собой сетку номинативных (в широком смысле) средств языка, и несоответствие разных сеток друг другу совсем не обязательно предполагает разницу в восприятии и интерпретации окружающей действительности: то, как между собой соотносятся языковая картина мира и картина мира per se, вопрос дискуссионный, в частности, знаменитейший пример Б. Уорфа о том, что индейцы хопи воспринимают время как-то иначе, чем носители европейских языков [Уорф 1960], до сих пор существует как гипотеза, споры о которой ведутся по сей день. В любом случае, остается непреложным тот факт, что в языке мы находим определенным образом структурированное знание о мире, причем в разных языках оно структурировано по-разному. Язык это, помимо прочего, когнитивный механизм, причем это свойство языку имманентно. Этот факт, кстати говоря, заставляет достаточно критически отнестись к изначальной модели ЯЛ Ю. Н. Караулова, который и сам признавал, что выделение тезаурусного уровня ЯЛ совсем не очевидно, и существует мнение о том, что «семантика в лексиконе как раз и воплощает сам тезаурус личности» [Караулов 1987, с. 90].

Чрезвычайно интересно то, каким образом эта мысль отразилась в модели ВЯЛ И. И. Халеевой: в этой модели тезаурусный уровень разделен на два: тезаурус-I и тезаурус-II, где «тезаурус-I будет означать способ формирования языкового сознания, восходящего к языковой картине мира, и тем самым напрямую связанный с ассоциативно-вербальной сетью языка, в отличие от тезауруса-II, который в нашем

понимании соотносится собственно со знаниями о мире» [Халеева 1990, с. 18]. Выходит, что существенная часть тезаурусного уровня формируется все-таки непосредственно языком, с одной стороны, а с другой стороны, существенная часть тезаурусного уровня к языку вообще отношения не имеет. Может показаться, что это утверждение слишком сильно и вообще является аргументом reductio ad absurdum, тем более что И.И. Халеева всячески подчеркивает тесную связь и взаимное влияние тезауруса-I и тезауруса-II, если бы не одно «но»: ознакомление с рядом статей с заголовками, построенными по общей модели «Формирование вторичной языковой личности на уроках N-ского языка» показало, что формирование это ведется в основном за счет введения информации культурологического, если не просто страноведческого характера. Виновата ли концепция ВЯЛ в том, что ее интерпретируют со столь сильным акцентом на условно «культурологической» части? На наш взгляд, да.

Сама постановка вопроса о том, что без способности к «диалогу культур» ВЯЛ не существует, приводит к тому, что эта способность воспринимается как дифференциальный признак, перенося акцент на энциклопедические (декларативные), а не языковые (процедурные) знания, при этом некоторым образом уравнивая их (тезаурус-I и тезаурус-II как проявления одного тезаурусного уровня). Однако такое уравнивание совершенно не обосновано: с сугубо языковой точки зрения декларативные знания мы характеризуем количественно, по их объему, в то время как процедурные – качественно, по навыку их применения. С этой точки зрения правомерно задать вопрос: следует ли считать, что лицо, прочитавшее замечательную книгу Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами», вложилось в развитие вторичной языковой личности, независимо от того, изучает оно английский язык, или нет? Ведь полученные этим лицом знания позволят ему лучше понимать англичан при взаимодействии с ними как напрямую, так и через переводчика. С другой стороны, правомерно ли говорить о том, что переводчик с английского языка только тогда подлинно состоялся как профессионал, когда он специализируется на работе только с англичанами/американцами/австралийцами? Какую культурологическую специфику должна иметь работа с индийцами или киприотами?

На наш взгляд, то, что расширение фонда декларативных знаний не вносит каких-либо качественных изменений в структуру личности, самоочевидно. Культурологические знания могут повлиять на поведения индивида, это несомненно, но личность они сами по себе формируют не в большей степени, чем, допустим, знания техники безопасности. Практика применения этих знаний, в свою очередь, может сказаться на развитии личности, но в результате мы должны будем говорить о динамическом развитии все той же личности, а не о формировании какой-то дополнительной личности (или аспекта личности), которую можно было бы противопоставить исходной.

Безусловно, все, что было сказано выше, носит полемический характер и требует более развернутого изложения, однако, мы полагаем, что показали, почему мы считаем формирование ВЯЛ негодной целью обучения иностранному языку: во-первых, сама концепция ВЯЛ внутренне разорвана и противоречит идее целостности языковой личности, будто бы лежащей в ее основе, во-вторых, идея формирования ВЯЛ в большей степени ориентирована на декларативные (энциклопедические) знания, в противовес процедурным, языковым. Мы уверены, что концепция ВЯЛ в целом возникла как дань конъюнктуре момента и в целом сводится к мысли о том, что неплохо, если человек не только владеет языком, но и кое-что знает о стране этого языка. Впрочем, с этим можно согласиться: действительно, неплохо.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., Наука, 1987. 261 с.

2. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. - В сб.: Новое в лингвистике, вып. 1, М., Издательство иностранной литературы, 1960. С. 135-168.
3. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н.Караулова. М., Институт русского языка РАН, 1995. – С. 277-285.
4. Халеева И.И. Основы обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков) Автореф… док. пед. наук, М., 1990, 36 с.

Сведения об авторе:

Филиппов Вадим Станиславович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302040, Российская Федерация, Орел, ул. Приборостроительная 17-99, ph131174@yandex.ru;

Philippov Vadim Stanislavovich; Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University, Priborostroitelnaya St., 17-99, Oryol, 302040, Russian Federation; ph131174@yandex.ru.

УДК 811.1/.8:004

Использование искусственного интеллекта в освоении иностранных языков

Наталья Валерьевна Шульдешова [1], Данила Ерофеевич Шульдешов [2]

[1] Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент, Орел, Россия, E-mail: fnatalja@yandex.ru

[2] Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, студент (специалитет), Орел, Россия, E-mail: shuldeevdanila@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются перспективы и способы применения искусственного интеллекта в процессе изучения иностранных языков. Автор подчеркивает, что данный инструмент актуален для всех участников образовательного процесса, что обуславливает его комплексное применение. Ключевая особенность искусственного интеллекта в изучении иностранных языков – его адаптивность и разнообразие форм. Важно отметить, что использование этих технологий должно сопровождаться критическим осмыслением, стимулирующим познавательную деятельность обучающихся. Бессистемное использование искусственного интеллекта может не только не улучшить, но и ухудшить качество обучения иностранному языку. В связи с этим делается вывод о необходимости рационального применения искусственного интеллекта в образовательном процессе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательный процесс, иностранный язык, образовательные технологии, освоение языков.

The use of artificial intelligence in learning foreign languages

Natalia V. Shuldeshova [1], Danila E. Shuldeshov [2]

[1] Orel State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor of the Department of Foreign Languages in the Field of Professional Communication, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orel, Russia, E-mail: fnatalja@yandex.ru
[2] Orel State University named after I.S. Turgenev, student (specialty), Orel, Russia, E-mail: shuldeevdanila@yandex.ru

Annotation. This article discusses the perspectives and ways of using artificial intelligence in the process of learning foreign languages. The author emphasizes that this tool is relevant for all participants in the educational process, which determines its comprehensive application. The key feature of artificial intelligence in learning foreign languages is its adaptability and variety of forms. It is important to note that the use of these technologies should be accompanied by critical reflection that stimulates the cognitive activity of students. The unsystematic use of artificial intelligence may not only not improve, but also worse the quality of foreign language teaching. In this regard, it is concluded that the rational use of artificial intelligence in the educational process is necessary.
Keywords: artificial intelligence, educational process, foreign language, educational technologies, language mastery.

Современные образовательные методики претерпевают значительные изменения, связанные с технологическим прогрессом и изменением доступных инструментов, а также с потребностями самих обучающихся. Глобальная цифровизация оказывает влияние на способы восприятия информации, что снижает актуальность традиционных методов обучения. Современные учащиеся отличаются повышенной отвлекаемостью, что необходимо учитывать при разработке учебных программ. Исследования показывают, что снижение вовлеченности в обучение связано с переизбытком информации и развитием цифровых технологий, включая социальные сети, мессенджеры и искусственный интеллект [2]. Одним из решений этой проблемы является адаптация этих ресурсов под образовательные цели.

Искусственный интеллект предоставляет возможности для оперативного и персонализированного изучения различных тем. Важную роль играет грамотно составленный запрос, позволяющий получить индивидуальный ответ [6, с. 40]. Рассеянность и невнимательность современных студентов создают новые вызовы при организации учебного процесса. Использование искусственного интеллекта в изучении иностранных языков позволяет разнообразить и упростить процесс. Он предоставляет широкий выбор образовательных методов, таких как ИИ-переводчики, чат-боты и виртуальные ассистенты, которые позволяют переводить материалы, проверять грамматику и практиковать навыки общения [4, с. 117]. Преподаватели могут использовать искусственный интеллект для создания образовательных материалов, адаптируя программы под конкретные цели, что экономит время и ресурсы. Тем не менее, человеческий фактор остается важным, поскольку искусственный интеллект может допускать ошибки. Преподаватель играет ключевую роль, используя искусственный интеллект в качестве инструмента.

Искусственный интеллект предлагает новые решения для изучения иностранных языков, создавая возможности для организации языкового образования и формирования глобального сообщества. Четкое понимание возможностей искусственного интеллекта и его интеграция в образование являются оптимальным путем его использования.

Чат-бот Mondly – помощник в освоении бытового общения предлагает пользователям готовые сценарии из повседневной жизни, которые помогают улучшить навыки общения в каждодневных ситуациях. Эти навыки особенно важны для студентов, участвующих в программах обмена или стажировках за рубежом, а также для тех, кто

живет в общежитии с иностранными студентами или взаимодействует в рамках учебного процесса. Помимо повседневных диалогов, Mondly включает аудиоуроки с функцией распознавания речи. Это позволяет практиковаться в режиме реального времени, что особенно ценно при дистанционном обучении. Интеграция Mondly с социальными сетями и мессенджерами дает возможность делиться успехами и создавать языковое сообщество. Для преподавателей это удобный инструмент для удаленного отслеживания прогресса студентов через рабочие группы. Чат-бот Mondly становится отличным «собеседником» для тренировки произношения. С ним легко экспериментировать и не бояться ошибок. Он гибко подстраивается под тему беседы и уровень владения языком, а доступ к нему не ограничен ни временем, ни местом, ни устройством. Продвинутые сервисы даже способны имитировать эмоциональную окраску речи, что помогает лучше понимать живую, разговорную речь, отличающуюся от формальной академической.

При изучении иностранных языков ключевую роль играют примеры использования слов и выражений в реальных ситуациях. Искусственный интеллект (ИИ) оперативно предоставляет такую информацию по запросу, часто с указанием источников. В традиционном обучении для этого требуется кропотливый анализ большого объема материалов, что сложно в условиях современного быстрого темпа жизни и сниженной концентрации внимания студентов. Поэтому ИИ становится важным инструментом для поддержания высокого качества языкового образования.

Стоит также подчеркнуть, что некоторые сервисы (LingQ, Kansei, LanGeek и подобные) предлагают функцию сжатого пересказа длинных текстов. Такая возможность полезна для изучения иностранной литературы и при написании научных работ. Благодаря своей мультимедийной природе искусственный интеллект, на базе которого работают эти платформы, способен обрабатывать контент различных форматов, включая видео, текст и графику [4, с. 120]. Сервис работает на основе аннотирования предоставленных данных и создания образовательных карточек. Эти карточки автоматически сохраняются для повторения правил, необычных слов или особых формулировок. ИИ-сервисы предлагают возможность изучать материал на примерах, которые понятны и интересны пользователю, что повышает вовлеченность обучающихся в процесс обучения и укрепляет их способность ассоциативно запоминать информацию.

Хотя искусственный интеллект обладает универсальностью и эффективностью, его предназначение должно ограничиваться ролью рабочего инструмента, а не заменой познавательной деятельности обучающихся. Ключевая проблема ИИ-технологий заключается в сложном взаимоотношении языка и культуры, которое ему не всегда удается осмыслить [8, с. 317]. Деликатные оттенки юмора, поведенческих контекстов, вежливости, которые для человека очевидны на интуитивном уровне, система интерпретирует некорректно. Исключительное понимание данных аспектов позволит грамотно использовать различные лингвистические конструкции.

Таким образом, крупные успехи в сфере технологий искусственного интеллекта не в состоянии полностью обеспечить глубокое понимание языковых и культурных особенностей [9, с. 375]. В связи с этим обучение иностранным языкам предполагает комплексность, при которой нейросети выступают в роли одного из компонентов образовательного процесса, а не становятся его главным источником [10, с. 318].

Итак, в данной статье представлен комплексный анализ роли искусственного интеллекта в изучении иностранных языков. Было отмечено, что внедрение подобных цифровых технологий актуально не только для обучающихся, но и для преподавателей, которые стремятся усовершенствовать свои методы и образовательные программы.

Нейросети продолжают постоянно эволюционировать, выступая теперь не только как инструменты для быстрого перевода иностранного текста, но и как безграничные хранилища информации, коммуникативные тренажёры, конструкторы упражнений, а

также аналитики результатов и прогресса. Ключевая особенность искусственного интеллекта — это его высокая степень персонализации, что позволяет выстраивать учебный процесс с учётом уникальных навыков и особенностей каждого обучающегося. Слежение за прогрессом и выявление слабых мест помогают нейросетям создавать исключительные образовательные траектории, на разработку которых у преподавателей ушло бы огромное количество времени и ресурсов.

Тем не менее не стоит полностью перелагать ответственность за процесс обучения на технологии ИИ, поскольку это может негативно сказаться на качестве образовательного результата. Помимо этого, важно помнить, что даже самые современные нейросети несовершенны и подвержены ошибкам. Следовательно, современные технологии необходимо правильно настраивать и использовать в разумных объёмах.

Список литературы

1. Бялик, М. Искусственный интеллект в образовании / М. Бялик, У. Холмс, Ч. Фейдел. – М.: Альпина ПРО. – 2022. – 304 с.

2. В ритме клипа: почему у современного поколения возникают сложности с концентрацией внимания // наука.рф. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://наука.рф/journal/v-ritme-klipa-pochemu-u-sovremennogo-pokoleniya-voznikayut-slozhnosti-s-kontsentratsiey-vnimaniya/ (дата обращения: 16.10.2025).

3. Ефремова, А.Э. Потенциал искусственного интеллекта в обучении иностранному языку в ВУЗе // Учёные записки Забайкальского государственного университета. – 2024. – Т.19 – №3. – С. 113-122.

4. Ковальчук, С.В., Тараненко, И.А., Устинова, М.Б. Применение искусственного интеллекта для обучения иностранному языку в ВУЗе // Современные проблемы науки и образования. – 2023. – № 6. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33000 (дата обращения: 16.10.2025).

5. Костюнина, С.А. Роль искусственного интеллекта в изучении иностранных языков // Вестник науки. – 2022. – №2 (47). – С. 38-42. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-iskusstvennogo-intellekta-v-izuchenii-inostrannyh-yazykov (дата обращения: 15.10.2025).

6. Лютова, Л.И. Возможности применения технологий искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе / Л.И. Лютова, Л.В. Гончар, Т.В. Частухина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №7 (145). – URL: https://research-journal.org/archive/7-145-2024-july/10.60797/IRJ.2024.145.182 (дата обращения: 15.10.2025).

7. Рольгайзер, А.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в практике преподавания иностранного языка // Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. ст. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т. – 2022. – С. 243-248.

8. Шульдешова, Н.В. Интернет в обучении иностранному языку и иностранной специализированной терминологии / Н.В. Шульдешова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции., Орел, 10.10.2024 - 11.10.2024. - Орел: ФГБОУ ВО "Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева", 2025. - С.317-322. - URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=78064754 (дата обращения: 15.10.2025).

9. Шульдешова, Н.В. Интернет в обучении специализированной терминологии иностранного языка / Н.В. Шульдешова // Ученые записки Орловского

государственного университета. - 2024. - № 2(103). - С.374-377. Doi: 10.33979/19982720-20241022374376. - URL: https://oreluniver.ru/public/file/archive/notes_2(103)2024.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

10. Шульдешова, Н.В. Цифровые инструменты преподавания / Н.В. Шульдешова // Ученые записки Орловского государственного университета. - 2024. - № 3(104). - С.317-322. Doi: 10.33979/1998272020241043317320. - URL: https://oreluniver.ru/public/file/archive/notes_3_104.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

Сведения об авторах:

Наталья Валерьевна Шульдешова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия, E-mail: fnatalja@yandex.ru

Данила Ерофеевич Шульдешов, студент 1-го курса (специалитет), Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Орел, Россия, E-mail: shuldeevdanila@yandex.ru

УДК 81

Small talk как феномен английской лингвокультуры: специфика и проблема обучения

Ирина Николаевна Щекотихина[1], Тураносова Елизавета Евгеньевна[2]

[1] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент, заведующая кафедрой английского языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, shchekotikhina69@mail.ru

[2] Единый центр обучения и подготовки специалистов, методист, Орел, Россия, turanosoval@yandex.ru

Аннотация. В статье дается краткий обзор лингвокультурных особенностей феномена small talk: рассматривается история возникновения данного феномена в английском обществе, перечисляются выполняемые им функции и описываются его когнитивно-дискурсивные характеристики. Также обозначаются проблемы, связанные с практикой обучения русскоязычной аудитории данному жанру коммуникации.

Ключевые слова: small talk, фатическая коммуникация, английская лингвокультура, английская вежливость, обучение small talk

Small talk as a phenomenon of English linguoculture: specifics and teaching challenges

Irina N. Shchekotikhina[1], Elizaveta E. Turanosova[2]

[1] Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor, head of the English Language Department, Foreign Language Institute, PhD in Philology, Oryol, Russia, shchekotikhina69@mail.ru

[2] Unified Educational and Training Centre for Specialists, methodologist, Oryol, Russia,

turanosoval@yandex.ru

Abstract. The article provides a brief overview of the linguocultural features of small talk: its origins in English society, its functions, and its cognitive-discursive characteristics. It also identifies challenges in teaching this communication genre to Russian-speaking learners.

Keywords: small talk, phatic communication, English linguoculture, English politeness, small talk teaching/training

Социальные взаимодействия в повседневной жизни часто включают так называемые «короткие разговоры», для обозначения которых обычно используют английский термин “small talk”. Small talk понимается как «non-task-oriented conversation about neutral topics whose primary functions are to mitigate face threats, provide an initial time interval in which the interlocutors can «size each other up», establish an interactional style, and establish some degree of mutual trust and rapport» («беседа на нейтральные темы, направленная не на решение конкретных задач, а на то, чтобы сгладить возможные неловкости, дать собеседникам время оценить друг друга, установить стиль общения и создать основу для взаимного доверия и понимания») [20, с. 87].

Соответственно, small talk выполняет несколько функций: *социальную* (помогает установить контакт и наладить взаимодействие); *психологическую* (снижает уровень тревожности и устраняет неловкость); *когнитивную* (позволяет оценить собеседника, его намерения и стиль общения); *эмотивную* (способствует созданию дружелюбной атмосферы).

Культурная специфика играет важную роль в восприятии small talk. Так, в *китайской культуре* такие беседы (liao talk), выполняют функцию поддержания гармонии в общении и закрепления иерархии [26]. В *русскоязычном культурном пространстве* small talk часто воспринимается как пустой и необязательный разговор [9, с. 43]. В *англоязычной (англосаксонской) культуре* small talk – важная часть социальной жизни, способ налаживания контактов и поддержания вежливой беседы.

Small talk, как характерное явление английской/британской лингвокультуры, имеет глубокие исторические корни, сформированные под влиянием социальных, культурных и экономических факторов.

Исследователи датируют зарождение этого феномена XVII-XVIII веками, когда первые модели того, что сейчас называется small talk, начали появляться в салонах, чайных и клубах Англии эпохи раннего Нового времени. В это время рост городской среды, развитие торговли и развитие буржуазии способствовали созданию новых форм общения, позволяющих людям из разных социальных классов взаимодействовать в непринужденной, но вежливой манере [21; 22].

В викторианскую эпоху XIX века, когда манеры и этикет стали важнейшими элементами социальной идентичности, small talk достиг значительного развития и стал важной частью этикета, регулирующего нормы общения. Умение вести такого рода беседу стало показателем высокого статуса и принадлежности к «вежливому обществу». Малые разговоры прочно утвердились в качестве необходимого компонента официальных мероприятий, таких как визиты, приемы и прогулки [28].

В XX веке small talk эволюционирует, становится менее формальным, более гибким и адаптированным к ситуациям [27]. Он превращается в важный инструмент социального взаимодействия в рабочих и общественных местах. С развитием массовой культуры расширяется его тематика. Новые формы делового общения усиливают важность малых разговоров в офисах и на бизнес-мероприятиях. Small talk в деловом контексте становится своего рода «обязательным» элементом, без которого трудно наладить эффективные взаимоотношения [23].

В конце XX – начале XXI века развитие интернета и социальных сетей переводит small talk в онлайн-формат, что приводит к развитию его новых форм и средств, например, реакция на посты и мемы, использование эмотиконов и сокращений. Тем не менее он сохраняет ключевые черты дружелюбного и вежливого общения.

В английской/британской лингвокультуре small talk является отражением *категории вежливости*, концепция которой подробно разработана в трудах П. Браун и С. Левинсона [21]. Английская вежливость, согласно концепции указанных лингвистов, основывается на двух основных стратегиях: *позитивной вежливости (стратегии сближения)* и *негативной вежливости (стратегии дистанцирования)*. Позитивная вежливость направлена на установление взаимопонимания, подчеркивание общего опыта или интересов, формирование чувства вовлеченности. Негативная вежливость подчеркивает важность уважения личного пространства и минимизации навязывания и воздействия. Обе стратегии очевидны в практике small talk, что проявляется в использовании нейтральных тем, косвенных выражений, ненавязчивого подхода к разговору, сглаживании социальных и культурных различий, избежании неловких и некомфортных моментов в общении.

С коммуникативно-дискурсивной точки зрения, small talk рассматривается как *жанр непрямой, фатической коммуникации*, в которой важен не сам смысл обсуждаемого, а установление контакта и поддержание социальных отношений, поэтому его называют праздноречевым жанром [7]. Как жанр, small talk предъявляет ряд требований к содержанию и форме речи. На основе исследований [6; 7; 21; 22; 24] выделим следующие.

В содержательном плане ученые отмечают у small talk отсутствие актуальной практической целесообразности речи, «отсутствие содержания, выходящего за пределы самого факта контакта и его состояний» [19, с.16]. Однако, по мнению В.И. Карасика, «выделение жанров фатического общения (В.В.Дементьев) свидетельствует о высокой информативной насыщенности этого типа дискурса (даже в его прототипном виде "small talk")» [12, с.27]. При этом отмечается, что порождаемые в таких разговорах смыслы «не равны «прямым» значениям и требуют специальной этнокультурной интерпретации» [14, с.88]. Таким образом, мы не можем отрицать наличие информационной составляющей, но обмен информацией не является коммуникативной целью фатического общения.

Коммуникативной целью small talk, как праздноречевого жанра, является «приятное совместное времяпровождение, стремление развлечь и доставить удовольствие партнеру и себе» [7, с.340]. Однако, исходя из перечня функций small talk, мы можем говорить и о других целях. Так, целью small talk на стадии инициации контакта может быть определение статусно-ролевых характеристик коммуникантов и формирование стратегий дальнейшей коммуникации, выбор стиля и тональности общения, а на стадии завершения общения – смягчение ситуации расставания и заложение основы для хороших отношений в будущем [14, с.89-90].

С точки зрения тематической специфики small talk, следует говорить о наличии ограничений на тематику, о рекомендуемых и табуированных темах. Не принято обсуждать подробности своей личной жизни (заработную плату, семейное положение и т.п.), следует избегать конфликтные темы, такие как политика, религия. Наиболее типичные темы — это *новости и текущие события, случайные темы из текущей ситуации, погода, общие знакомые, планы и интересы, путешествия, спорт и т.п.*

Следующий параметр – тональность общения. Small talk отличается *тональностью дружелюбия и согласия*, т.е. нужно проявлять заинтересованность, внимательно слушать, эмоционально и позитивно реагировать, соглашаться, поддакивать. Прагматика речи максимально ориентируется на *косвенные речевые акты*, в которых коммуникативная интенция выражена неявно/непрямо. Например,

инициальная реплика должна восприниматься не как прямой вопрос, а как приглашение к общению. Важно соблюдение стратегий вежливости, например, *проявлять заботу об интересах и нуждах собеседника, подчеркивать заинтересованность, сочувствие, одобрение, избегать расхождения во взглядах, проявлять оптимизм, смягчать категоричность высказываний, дарить комплименты, извиняться и т.д.* Вполне допустимым является использование *доброжелательного юмора*.

Small talk носит этикетный характер и базируется на определенных шаблонах вербального и невербального поведения. *Шаблонность поведения* реализуется соответствующими средствами, например, *ритуальными приветствиями, дежурными выражениями,* ***средствами согласия и поддакивания, уточняющими вопросами, фонетическими, грамматическими и лексическими м****аркерами вежливости и т.п.*

Шаблонность small talk проявляется и в наличии *четкой, вполне предсказуемой структуры*, которая немного варьируется в зависимости от контекста, но в целом придерживается определенных коммуникационных стратегий [21; 24]. Такая структура выполняет важные социальные и коммуникативные функции и включает ряд этапов, которые направляют участников от начала разговора до его завершения. Эти этапы являются не только продуктом культурных норм, но и прагматических целей, которые направлены на установление взаимопонимания и контакта, управление социальными ролями и обеспечение вежливости. Они помогают сделать беседу естественной и плавной [21]:

1. Начало разговора (Opening Phrases) – стандартные приветствия и комментарии, задающие тон беседы (например, “Nice day, isn’t it?”).
2. Ответ на приветствие (Responses to Openings) – поддержка разговора, выражение согласия или заинтересованности (“Absolutely, the weather is fantastic!”).
3. Развитие беседы (Follow-up Questions) – дополнительные вопросы для поддержания разговора (“Have you heard the forecast for tomorrow?”).
4. Обмен личной информацией (Sharing Personal Information) – обсуждение собственных впечатлений и опыта (“I had to cancel my plans because of the rain.”).
5. Проявление интереса (Showing Interest) – использование реактивных фраз для вовлечения собеседника (“That sounds amazing!”).
6. Переход к другой теме (Transitioning to a New Topic) – плавная смена темы разговора, если беседа затухает (“Oh, by the way…”)
7. Завершение диалога (Ending the Conversation) – использование вежливых заключительных фраз (“It was nice chatting with you. Have a great day!”).

Средствами реализации обозначенных выше стратегий являются языковые единицы и структуры, типичные для вежливого общения, Используя материалы исследований [4; 10; 15; 18], к таким средствам мы можем отнести: специальную интонацию и ее модели, которые демонстрируют вежливое и дружелюбное отношение; вежливые слова и выражения (лексические маркеры вежливости), например, please и kindly, которые звучат учтиво; коммуникативные формулы/клише (Fancy meeting you); лексические единицы гиперболизированной оценочности (terrific, incredible); слова, которые усиливают прагматический эффект позитивно окрашенных лексем (very, really, truly, absolutely); слова, которые снижают негативное воздействие малоприятных выражений (a bit, hardly, just); отглагольные прилагательные, которые обладают позитивной оценочностью (amazing, exciting); прилагательные/наречия, которые негативно окрашены и приобретают положительную коннотацию в определенных ситуациях общения (awfully, terribly); лексические заполнители пауз (well, so); специальные формы обращения, в том числе и «нулевые» (Excuse me); модальные глаголы в значениях, которые не содержат модальности долженствования (can, could, may, might); квазимодальные глаголы (have (got) to, need to, had better); модальные

выражения (to be going to, to be able to); модальные фразы-модификаторы с семантикой субъективности, сомнения, с прагматикой смягчения (If I am not mistaken, I am afraid); модальные слова со значением сомнения и вероятности (perhaps, maybe, possibly, probably); формы сослагательного наклонения (If I were you, I would do that); разделительные вопросы (Sunny day, isn't it?); конечные формативы-уточнения (right, will you); квазивопросы (Isn't it a gorgeous day?); косвенно-вопросительные конструкции (I wonder whether you enjoy picnicking).

Немаловажная роль отводится невербальным сигналам (улыбке, открытости поз, активной мимике), которые дополняют вербальную структуру, играя решающую роль в передаче эмоционального состояния говорящих и их отношения к разговору.

Описанные характеристики дают нам основание считать small talk культурным (лингвокультурным) скриптом – интерактивным событием, которое характеризуется стереотипностью (поведением по заданному образцу), сценарностью (алгоритимизацией коммуникативного события) и прескриптивностью (выбором определенных поведенческих ходов в соответствие с ценностями и нормами культуры) [11, с.291-292].

Таким образом, small talk – это структурированная разговорная стратегия, которая позволяет начинать, поддерживать и завершать беседу, сохраняя при этом личное пространство и создавая атмосферу дружелюбия и взаимопонимания. Это механизм регулирования социальных границ и этикетных норм и обеспечения условий для укрепления доверия, который реализует потребность в уважении и общении, гибко адаптируется к различным контекстам и в то же время остается прочно укоренившимся в культурных ожиданиях.

Овладение нюансами small talk и стратегиями, лежащими в его основе, обеспечивает более глубокое понимание социолингвистических моделей английского языка и культурных ценностей, которые формируют подобное взаимодействие. Однако для русскоязычных студентов освоение small talk представляет собой проблему, обусловленную культурными различиями в восприятии этого жанра общения. По словам исследователей [9; 16; 17; 25], опыт преподавания иностранных языков в высших учебных заведениях показывает, что многие российские студенты испытывают трудности с осуществлением спонтанного социального общения в ситуациях small talk.

Многие студенты не понимают смысла и необходимости такой формы общения, поскольку она не является для них привычной, не используется в их повседневных разговорах на родном языке и воспринимается как искусственная и лишенная смысла. Такое восприятие обусловлено различиями в восприятии социокультурных функций фатического диалога в целом [8, с. 74–96.]. По данным исследования В.В. Фениной, подавляющее большинство британцев и американцев (78,7%) считают, что речевым жанром small talk должен владеть каждый человек. Русские же информанты соотносят беседу такого типа с посещением престижных мероприятий и лишь 16,9% связывают ее с умением свободно общаться на нейтральные темы [19].

В русской культуре общение чаще сосредоточено на глубоких и значимых темах. Поэтому для наших соотечественников этот важный для англичан социальный ритуал кажется порой бессмысленным, неестественным и даже некомфортным. Студенты отмечают такие проблемы, как сложность инициации разговора «ни о чем», особенно с незнакомым или малознакомым человеком, трудность спонтанного нахождения темы для вовлечения человека в разговор, недостаточный уровень владения языковым репертуаром small talk. Исследователи также называют такие факторы, как «лень, нежелание начинать и поддерживать контакт, делать коммуникативное усилие, сохранять позитивное и уважительное отношение к собеседнику» [16, с. 57].

Все это ведет к тому, что внедрение small talk в учебный процесс для формирования коммуникативной компетенции на английском языке сталкивается с

психологическим сопротивлением со стороны учащихся, которое выражается в их нежелании овладевать этой формой общения.

Кроме того, на коммуникативное поведение студентов могут оказывать влияние и индивидуальные особенности. Среди таких характеристик важнейшими являются темперамент студента и тип базовой привязанности, которые бессознательно влияют на его поведение в коммуникации и формирование психологического сопротивления участию в малопонятном и кажущемся бессмысленным диалоге. Такие особенности, как активность и эмоциональность, могут непосредственно или косвенно влиять на комфортность и успешность студента при ведении small talk.

Данные наблюдения подтверждаются и результатами нашего исследования, проведенного среди обучающихся испытуемой группы, в которой планировалось обучение small talk. Разработанная нами анкета включала в себя вопросы и задания на диагностику всех необходимых компетенций для владения жанром small talk: лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, дискурсивную и стратегическую.

Диагностика показала, что студенты в целом понимают суть и функции такого общения, знакомы с допустимой и табуированной тематикой, с некоторым репертуаром речевых клише и конструкций, используемых в разговорах такого типа. Однако знания о коммуникативном стиле англичан, о стратегиях вежливости и техниках ведения small talk оказались крайне ограниченными, как и диапазон языковых средств, необходимых для подобного рода беседы. Студенты также отмечают непривычность и неестественность таких разговоров для их повседневного общения.

Недостаток знаний и, соответственно, умений и навыков проявился при выполнении практических заданий, особенно направленных на продукцию собственных диалогов. Составленные студентами диалоги звучат в целом грамотно с точки зрения правил использования лексики и грамматики, но не вполне корректно с точки зрения норм английской фатической коммуникации. Здесь можно отметить недостаточную сформированность умения выбирать тональность общения и адекватные ей языковые знаки. Наблюдается стилистический разнобой, т.е. сочетание в одном диалоге разных уровней вежливости. Ощущается недостаток умения деликатно инициировать и завершать разговор, использовать речевые акты и прагматические средства, характерные для английской культуры, например, различные проявления эмотивности, демонстрирующие заинтересованность в разговоре и собеседнике, дружелюбие и уважительное отношение. Многие диалоги выглядят из-за этого искусственными и механическими, что свидетельствует о нехватке опыта в управлении ходом разговора, поддержании логичности и связности. Заметна также ограниченность запаса вербальных инструментов фатической коммуникации, которая мешает легкости и гибкости в их применении и естественности общения. Следует также обратить внимание на недостаточную способность менять модель невербальной коммуникации.

Дополнительной проблемой является отсутствие целенаправленного обучения культуре англоязычного фатического общения. Вопросы методики обучения данному виду разговора русскоязычной аудитории до сих пор не получили основательного изучения. Авторы публикаций [1; 3; 5; 13] отмечают теоретическую и практическую неразработанность вопросов обучения small talk. Знакомство с публикациями и учебной литературой по обучению английскому языку выявляет дефицит специальных пособий и материалов, направленных на комплексную и системную работу на формирование всех необходимых компетенций для осуществления small talk как особого жанра со свойственными ему характеристиками, стратегиями и тактиками и с учетом его тесной взаимосвязи с категорией вежливости и культурными особенностями речевого поведения англоязычных коммуникантов.

Однако появление свежих публикаций на эту тему свидетельствует о росте интереса к данной проблематике, что наш взгляд, вполне обосновано. Мы разделяем мнение тех, кто считает, что обучение ведению small talk является важным аспектом в обучении английскому языку, особенно студентов языковых вузов. Для решения данной задачи необходима система заданий поэтапного формирования требуемых умений и навыков. В рамках нашего исследования была предпринята попытка разработки и апробации такой системы. Полученные результаты будут представлены в отдельной публикации.

Список литературы

1. Балло, Ю.А. Small talk как неотъемлемая часть общей коммуникативной компетенции студентов [Электронный ресурс] / Ю.А. Балло // Языковая компетентность: методические аспекты практико-ориентированного образования: сборник научных статей / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: С.В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – С. 20-25.

2. Белоус, А.С. Эволюция жанра светской беседы: small-talk: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Белоус Анна Сергеевна; [Место защиты: Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова]. – Нижний Новгород, 2010. – 193 с.

3. Вершицкая, Е.Р. Smalltalk в обучении студентов иностранному языку / Е.Р. Вершицкая, Г.А. Гольдберг // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы II Международного научного конгресса, Симферополь, 03–28 апреля 2017 года / Редактор Е.В. Полховская. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2017. – С. 489-492.

4. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Пер. с англ. / Л. Виссон. – М.: Р.Валент, 2003 –192с.

5. Данилова, В.И. Обучение профессиональной коммуникации посредством совершенствования навыков ведения светской беседы (small talk) / В.И. Данилова, И.Ю. Мишота // Научный вестник МГИИТ. – 2018. – № 2(52). – С. 127-134.

6. Дементьев В.З. Фатическая коммуникация как тип речевого взаимодействия // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 22–34.

7. Дементьев В.З. О фатических речевых жанрах: коммуникативно-дискурсивный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 26–33.

8. Демина, М.А., Карташевская, Ю.В. Гендерно-маркированные модели просодической согласованности коммуникантов в small talk / М.А. Демина, Ю.В. Карташевская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 5(776). – С. 9-31.

9. Дмитрусенко М., Тишевский И. Вежливость и small talk в англоязычной и русскоязычной культурах: сопоставительный анализ // Филология и культура. 2020. – № 4 (62). – С. 43–47.

10. Ерзинкян, Е.Л. Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика / Е.Л. Ерзинкян. – Ереван: ЕГУ, 2018 – 410 с.

11. Карасик, В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406с.

12. Карасик, В.И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики/ Карасик В.И. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1(21). – С.17-34.

13. Карташова, В.Н. Small talk как средство развития умений делового общения студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 72-74.

14. Косова, К.И. Функции smalltalk в институциональном и бытовом дискурсах / К. И. Косова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 5. – С.87-93.

15. Ларина, Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т. В. Ларина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2009. – № 4. – С. 310–311.

16. Меркулова, Э.Н. О некоторых сложностях при овладении дискурсом small talk. Взгляд с позиции обучаемого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/05/02/1098030982/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

17. Романова, М.В. Формирование умений ведения светской беседы как компонента межкультурного делового общения: автореф. дис. … канд. филол. наук / Романова М. В. – Москва, 2012. – 198 с.

18. Селезнева, В.В. Английский разделительный вопрос как лингвоэкологичный феномен межличностного общения / В.В. Селезнева, Е.А. Евсикова, А.Ш. Тарвердян // Научный диалог. – 2019. –№7. – С. 107-123.

19. Фенина, В.В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: автореф. дис. … канд. филол. наук / Фенина В. В. – Волгоград, 2005. – 253 с.

20. Bickmore T. Social dialogue with embodied conversational agents // Advances in Natural Multimodal Dialogue Systems. Springer, 2005. – P. 23–54.

21. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

22. Fox K. Watching the English: The hidden rules of English behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2004. – 424 p.

23. Holmes J. Politeness, power and provocation: How humour functions in the workplace // Discourse Studies. – 2000. – Vol. 2(2). – P. 159–185.

24. Holmes J. An Introduction to Sociolinguistics. 2nd ed. London: Pearson Education, 2001. – 244 p.

25. Lei, Zh., Dmitrusenko, Inna N. Development of Journalism Students Small Talk: Pilot Study Findings / Zhao Lei, Inna N. Dmitrusenko // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2024. – №1. – С.37-47.

26. Shuming L. Intercultural conversation: A discourse analysis of Chinese and American students' conversational styles // Journal of Intercultural Communication Research. – 1997. – Vol. 26, No. 1. – P. 1–16.

27. Tannen D. Gender and Discourse. New York: Oxford University Press, 1993. – 203 p.

28. Thornton S. The Victorian Social Etiquette. London: Routledge, 1990. –198 p.

Сведения об авторах:

Щекотихина Ирина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; shchekotikhina69@mail.ru;

Shchekotikhina Irina Nickolaevna; PhD in Philology, associate professor, head of the English Language Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; shchekotikhina69@mail.ru;

Тураносова Елизавета Евгеньевна; методист Единого центра обучения и

подготовки специалистов, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Октябрьская, д. 38; turanosoval@yandex.ru;

Turanosova Elizaveta Evgenyevna; methodologist, Unified Educational and Training Centre for Specialists, Oktyabrskaya st., 38, Oryol, 302028, Russian Federation; turanosoval@yandex.ru.

УДК 373.016:811.1/.8

Организация работы разговорного клуба для старшеклассников, изучающих английский язык

Юлия Михайловна Яковлева[1], Юлия Игоревна Гревцева[2]

1 Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, julia_for_friends@rambler.ru

[2] Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, магистр 1 курса Института иностранных языков, Орел, Россия, Uliagrevceva6129@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается организация разговорного клуба по изучению английского языка в качестве эффективного способа преодоления языкового барьера и развития коммуникативных навыков у старшеклассников. Определяются цели, содержание и методы работы такого клуба, а также предлагается их классификация. Подробно описывается модель проведения встречи на примере темы «Music is My Life!» с пошаговым сценарием заданий. Делается вывод о том, что интерактивный формат клуба повышает мотивацию учащихся, делая учебный процесс более эффективным.

Ключевые слова: разговорный клуб, старшеклассники, коммуникативные навыки, языковой барьер, мотивация, внеаудиторная деятельность.

Organization of a conversation club for high school students studying English

Yulia M. Yakovleva [1], Yulia I. Grevtseva [2]

[1] Orel State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor of the Department of English Philology at the Institute of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Orel, Russia, julia_for_friends@rambler.ru

[2] Orel State University named after I.S. Turgenev, 1st year Master's student at the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, Uliagrevceva6129@gmail.com

Abstract. The article explores the organization of an English language conversation club as an effective way to overcome the language barrier and develop communication skills among high school students. It defines the goals, content and methods of such a club as well as proposes its classification. The article provides a detailed description of a meeting based on the topic "Music is My Life!" with step-by-step instructions for the tasks. The conclusion is that the interactive format of the club enhances students' motivation making the learning process more effective.

Keywords: conversation club, high school students, communication skills, language barrier, motivation, extracurricular activities.

В современном обществе овладение английским языком приобретает статус неотъемлемого компонента успешной жизнедеятельности и карьерного роста. Английский язык выступает в качестве международного средства коммуникации, и его изучение открывает обширные горизонты для личностного и профессионального развития.

Одним из актуальных способов повышения возможностей для разговорной практики обучающихся является организация разговорного клуба. Такой клуб предоставляет учащимся уникальную возможность взаимодействовать друг с другом на английском языке в непринужденной обстановке, что способствует развитию уверенности в своих силах и улучшению языковых навыков. Эти занятия позволяют дополнить традиционное обучение и преодолеть языковой барьер. В настоящее время формат разговорного клуба стал популярным инструментом для развития и поддержания навыков говорения на неродном языке.

Целью данной статьи является определение значение разговорного клуба с точки зрения его роли в процессе овладения старшеклассниками английским языком и его влияние на развитие отдельных умений и навыков, а также описание этапов организации разговорного клуба и создание эффективной модели работы, учитывающую возрастные особенности учащихся и их потребности в изучении языка.

Главным объектом исследования является организация работы разговорного клуба для старшеклассников, изучающих английский язык, в то время как предмет исследования – это цели, содержание, методы и приёмы организации работы разговорного клуба для повышения уровня владения английским языком старшеклассниками.

Разговорный клуб – это организованная преподавателем встреча заинтересованных в разговорной практике учащихся в свободное от основных занятий время с целью отработки навыка говорения преимущественно в неформальной обстановке [1].

Участники разговорного клуба получают дополнительную возможность развивать свои коммуникативные навыки, навыки спонтанной монологической и диалогической речи, обогащают словарный запас, получают новые знания о культуре страны изучаемого языка, общаясь с учителем языка, благодаря возможности проводить разговорный клуб на любую выбранную тему учениками и учителями. Стоит отметить высказывание Е. А. Сергиевской, преподавателя с опытом ведения разговорного клуба: «Студенты, посещающие заседания клуба, впоследствии переносят свои сугубо позитивные клубные ощущения на свои рутинные занятия, что приводит к большей уверенности в себе, а следовательно, к повышению мотивации и результативности их учебной деятельности» [2].

В зависимости от особенностей и специфики работы разговорных клубов, их можно условно классифицировать на три основные категории: дискуссионные клубы, киноклубы и книжные клубы (Таблица 1) [1].

Таблица 1 – Классификация разговорных клубов

Виды разговорных клубов	Основная цель разговорного клуба

Дискуссионный клуб	Развивать критическое мышление и коммуникативные навыки через открытые диалоги на различные темы, способствуя уважительным дебатам и умению выражать свои мысли.
Читательский клуб	Развивать критическое мышление и коммуникативные навыки через обсуждение литературы, поощряя уважительные дебаты и выражение разнообразных точек зрения.
Киноклуб	Развивать критическое мышление и коммуникативные навыки через обсуждение фильмов, способствуя уважительным дебатам и выражению разнообразных точек зрения.

Рассмотрим примерный сценарий встречи дискуссионного клуба, рассчитанной на 60 минут и посвящённой теме "Music is My Life!"

В самом начале встречи учитель приветствует участников разговорного клуба, задаёт им вопросы об их настроении и планах на выходных, а также вопросы, относящиеся к теме встречи, параллельно озвучивая тему разговорного клуба. Далее педагог записывает слово "music" на доске и просит учащихся вспомнить слова или выражения, относящиеся к данной теме, выписывая их предположения на доску.

После этого он знакомит учащихся с новой лексикой, снабжая их раздаточным материалом в виде таблиц с лексическими единицами по теме «Музыка». Основной задачей преподавателя на данном этапе является снятие лексических трудностей, поэтому он громко читает слова, прося учеников повторять за ним, акцентируя внимание на лексических единицах, которые могли вызывать трудности при произнесении или переводе. В качестве примера преодоления трудностей в произношении лексических единиц по теме "Music is My Life!" приводим Таблицу 2.

Таблица 2- Подбор лексических единиц по теме "Music is My Life!"

Basic terms	Instruments	Musical artists and groups	Verbs/Phrases	Feelings/Descriptive Words	Genres
Genre Melody Rhythm Harmony Lyrics Chorus Verse Bridge Tempo Beat	Guitar Piano Drums Violin Flute Saxophone Bass guitar Keyboard	Solo artist Band Duo Composer Conductor Vocalist	To compose To perform To rehearse To record To tour To collaborate To download music To be a fan of	Emotional Catchy Uplifting Melancholic Energetic Soulful Loud Quiet Peaceful Upbeat	Pop Rock Hip-hop Electronic Classical, jazz Folk Country R&B Metal Punk

После этого каждый старшеклассник получает раздаточный материал в виде короткого диалога, который ему необходимо будет прочесть за 5-7 минут, после чего последуют вопросы на понимание текста. Так же преподаватель должен обратить внимание учащихся на фразы, которые были использованы в диалоге для выражения

своих предпочтений, учитель задаёт вопросы ученикам про их музыкальные вкусы, чтобы они смогли потренировать встречающиеся в тексте конструкции, поощряя разнообразные ответы. В качестве примера работы над данной темой приведен Рисунок 1.

Рисунок1 - Работа по теме "Music is My Life!"

Следующим этапом встречи является тренировка новых лексических единиц и речевая практика, в ходе которой старшеклассники выполняют задания на сопоставление слова с его определением и на подбор верных синонимов, а также отвечают на эти вопросы, которые они по очереди тянут из мешочка:

1. What is your favorite music genre and why do you think it resonates with you? Can you describe a song from that genre that has a catchy melody?

2. Can you name a song that has emotional lyrics? What do those lyrics mean to you, and how do they make you feel?

3. Have you ever attended a concert or music festival? Describe the atmosphere, the performers, and how the rhythm of the music affected your experience.

4. If you could collaborate with any musical artist or band, who would it be and what type of music would you want to create together?

5. How do you feel about the importance of harmony in music? Can you give an example of a song where the harmony stands out?

Завершающим этапом встречи является подведение итогов и обратная связь. Учитель спрашивает у учащихся, что они узнали или что им понравилось во время встречи и просит заполнить небольшой опросник, ответив на вопросы от 1 до 5.

Все виды описанных выше заданий носят интерактивный характер. Именно благодаря им старшеклассник развивается как личность, учится доказывать свои идеи перед публикой, прислушиваться к чужому мнению и общаться с другими участниками дискуссии без учителя-посредника. Данные задания повышают мотивацию у школьника, вовлекая его в активный диалог с учителем и другими участниками клуба.

Апробация урока подтвердила наш теоретический вывод о том, что проведение разговорных клубов позволяет улучшить качество обучения и повысить

заинтересованность обучающихся. Благодаря данным встречам обучение становятся более персонализированным и эффективным.

Организация разговорного клуба как вида внеаудиторной деятельности – это перспективное направление в развитии внеурочной активности в общеобразовательных школах для учеников, изучающих иностранный язык. Такие встречи клуба дарят потрясающую возможность организации досуговой деятельности тем, кто заинтересован в изучении английского языка.

Список литературы

1. Надха, С.Э. Разговорный клуб как особый вид учебной деятельности в преподавании РКИ базового уровня / С.Э. Надха // Наука и школа. – 2019. – № 2. – С. 145-151.

2. Сергиевская Е.А. Лингвострановедческий компонент в полипредметном пространстве как средство мотивации к изучению иностранного языка (из опыта работы). - СПб.: Изд-во «КультИнформПресс», 2015. - С. 60-62.

Сведения об авторах:

Яковлева Юлия Михайловна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 39-б (учебный корпус №8); julia_for_friends@rambler.ru;

Грецева Юлия Игоревна, магистр 1 курса Института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 39б (учебный корпус №8); Uliagrevceva6129@gmail.com;

Yakovleva Yulia Mikhailovna; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, 302001, Komsomolskaya st., 39b, Orel, Russian Federation; julia_for_friends@rambler.ru;

Gretseva Yulia Igorevna, 1st year Master's student of the Institute of Foreign Languages, Orel State University named after I.S. Turgenev, 302001, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya Street, 39b; Uliagrevceva6129@gmail.com.

УДК 373.016:811.1/.8

Практический аспект организации внеурочной деятельности «Английский книжный клуб» для учащихся основной общеобразовательной школы

Юлия Михайловна Яковлева[1], Дарья Михайловна Рыжова[2]

[1.] Орловский государственный университет имени И. С Тургенева, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков, кандидат педагогических наук, доцент, Орел, Россия, julia_for_friends@rambler.ru

[2.] Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, магистрант 1 курса института иностранных языков, Орел, Россия, daryzhova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена решению актуальной педагогической проблемы — развитию навыков смыслового чтения у учащихся основной общеобразовательной

школы в условиях распространения клипового мышления. В качестве эффективного инструмента предлагается модель внеурочной деятельности «Английский книжный клуб». Представлена разработанная модель программы книжного клуба с описанием практических методов и результатов её апробации, показывающих положительное влияние на когнитивное и коммуникативные навыки учащихся. Книжный клуб рассматривается как действенный метод формирования культуры чтения, соответствующий современным стандартам образования.

Ключевые слова: клиповое мышление, смысловое чтение, мотивация учащихся, внеурочная деятельность, книжный клуб

Practical aspect of organising extracurricular activity “English book club” for secondary school students

Yulia M. Yakovleva[1], Darya M. Ryzhova[2]

[1] Orel State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor of the Department of English Philology at the Institute of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Orel, Russia, julia_for_friends@rambler.ru

[2] Orel State University named after I. S. Turgenev, 1st year Master’s student of the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, daryzhova@gmail.com

Abstract. The article addresses the relevant pedagogical challenge — the development of semantic reading skills among secondary school students in the context of the widespread clip thinking. It proposes an extracurricular activity in the format of a book club as an effective tool to solve the problem. The article presents a developed book club program model, detailing practical methodologies and the outcomes of its implementation, which demonstrate a positive impact on students’ cognitive and communicative competencies. The book club is regarded as an efficacious method for cultivating a reading culture that aligns with contemporary educational standards.

Keywords: clip thinking, semantic reading, student motivation, extracurricular activities, book club

Чтение вот уже на протяжении многих веков — средство получения информации и способ удовлетворения своих познавательных потребностей. В эпоху цифровых технологий основным источником информации стала глобальная сеть Интернет. За последние несколько лет в современном обществе можно проследить значительный спад интереса к чтению как форме досуга среди населения, в том числе и подростков. Причиной такого явления безусловно являются быстрое распространение технологий и изменение культурных предпочтений. На смену понятия «культура чтения» приходит «интернет культура», а книга престаёт быть ценным источником информации. Скорость, краткость, отсутствие глубины и языковая упрощённость — основные характеристики преподнесения информации в цифровом мире [11, с.1-3].

Результатом таких изменений стало клиповое мышление, которое постепенно «захватывает» умы молодого поколения. Так, своей работе Н. Карр пишет, что такой типа мышления формируется как адаптационный механизм когнитивных процессов в условиях цифровизации, где высокая скорость обработки информации и многозадачность становятся нормой [12, с 45]. Под клиповым мышлением стоит понимать когнитивный процесс, который связан с поверхностной обработкой значительных массивов данных, характеризующий-ся: игнорированием логических связей (информация воспринимается вне кон-текста причинно-следственных связей);

фрагментарностью (хаотичное усвоение сведений без их систематизации); дефицитом аналитической глубины (снижение способности к синтезу, обобщению и структурированию); быстрым переключением внимания между несвязанными информационными блоками; мозаичной картиной мира (формирование представлений о действительности через разрозненные «кадры», а не целостные концепции) [10, с. 320].

Именно поэтому, в Федеральном государственном образовательном стандарте [4] и Федеральной рабочей программе [5; 6; 7; 8] обращается пристальное внимание на глобальный процесс информатизации общества, возникновение особых требований к анализу, скорости переработки большого количества информации. Из этого следует, что умения смыслового чтения и умения работать с информацией — наиболее важные метапредметные результаты освоения примерных основных программ на всех ступенях школьного образования.

Следует отметить, что формирование умений смыслового чтения на иностранном языке невозможно без владения техникой чтения. Поэтому в обучении чтению на иностранном языке условно выделяют две составляющие:

- техническую: формирование навыков техники чтения и навыков соотнесения формы слова с его значением;
- смысловую: формирование умений понимать содержание читаемого текста с разной степенью глубины.

Перед тем как перейти к понятию «смысловое чтение», важно обозначить, что чтение — вид речевой деятельности, направленный на извлечение информации из текста через взаимодействие языковых и экстралингвистических знаний [1, с. 45]. С точки зрения изучения иностранного языка, чтение выступает ключевым элементом педагогического процесса, объединяя воспитательные и образовательные аспекты. Этот вид деятельности способствует достижению коммуникативных целей, а также служит инструментом для обмена и усвоения знаний, накопленных обществом в разных сферах жизнедеятельности. Во время работы с текстом обучающиеся не только извлекают информацию, но и развивают навыки критического анализа, что усиливает их способность к межкультурному взаимодействию и применению полученных данных в практических ситуациях [2].

Характеризуя чтение как многоаспектный вид речевой деятельности, нельзя не упомянуть о существовании различных его видов, каждый из которых ориентирован на решение конкретных коммуникативных задач. Согласно классификации С.К. Фоломкиной, существует четыре вида чтения: ознакомительное, изучающее, просмотровое и поисковое. Это разделение позволяет дифференцировать подходы к обучению, учитывая, как лингвистические особенности материала, так и практические потребности обучающихся [9].

Под ознакомительным чтением (extensive reading) следует понимать чтение с целью с целью понимания общего содержания. Оно осуществляется на иноязычных текстах достаточно большого объёма и не предполагает внимательного чтения.

Изучающее чтение (intensive reading) представляет собой чтение с целью точного/детального понимания информации, содержащейся в иноязычном тексте. В данном случае читатель обращается к более коротким текстам и читает их внимательно.

Просмотровое чтение (skimming) осуществляется с целью понимания главной мысли/идеи, содержащейся в тексте.

Поисковое чтение (scanning) предполагает беглый просмотр иноязычного текста с целью нахождения в нём фрагмента искомой информации [3, с. 31].

Рассмотрев виды чтения, можно с уверенностью сказать, что смысловое чтение — комплексный процесс, направленный на глубокое понимание и интерпретацию текста через анализ его содержания, структуры и контекста. Из этого следует, что смысловое

чтение включает в себя все виды чтения. Такое чтение становится инструментом познания мира и развития критического мышления, особенно в условиях цифровизации.

К сожалению, поколение современных школьников не обладает навыками смыслового чтения. Как было упомянуто ранее, на смену критического мышления пришло клиповое мышление. Всё больше школьников отмечают ряд трудностей, которые они испытывают:

- утрата аналитических способностей, рефлексии;
- неспособность к пониманию, а также к полному анализу больших объёмов текста;
- снижение уровня концентрации на информационных материалах;
- усвоение визуальной информации (графики, иллюстрации) происходит лучше, чем текста;
- запоминание большого объёма текста без полного осмысления, прочитанного;
- трудности с выделением главного и второстепенного;
- небогатый словарный запас или лингвистический минимализм, являющиеся препятствием для выражения собственных мыслей;
- снижение уровня знаний и мотивации на фоне отсутствия внутреннего стимула;
- легко поддаются манипуляциям, концентрация внимания на эмоциональной подаче информации, игнорирование сути проблем [13, с.2225].

Именно поэтому так важно, чтобы современное поколение школьников обладало навыками смыслового чтения. Оно не только поможет в преодолении перечисленных трудностей, но и станет фундаментом для интеллектуальной

Мы считаем, что для решения данной проблемы прекрасно подойдёт внеурочная деятельность в формате книжного клуба. Внеурочная деятельность — образовательная деятельность, направленная на достижение планированных результатов освоения основных образовательных программ (личностных, метапредметных и предметных), осуществляемая в формах, отличных от урочных. Кроме того, планирование и организация деятельности происходит с учётом индивидуальных особенностей и потребностей ученика, что особенно важно на этапе основной школы, когда одной из главной потребности школьника-подростка является реализация через общение со сверстниками [4].

На все эти запросы отвечает книжный клуб, организация которого имеет следующие преимущества: учёт индивидуальных запросов учащихся; гибкий формат, который подойдёт для учеников с разным уровнем владения языка; чтение литературы на языке оригинала способствует знакомству с культурой и бытом страны изучаемого языка; участие в книжном клубе помогает развитию всех видов речевой деятельности; анализ и дискуссия литературного произведения развивают критическое мышление; сплочение коллектива.

В ходе нашего исследования была разработана и апробирована модель программы внеурочной деятельности «Английский книжный клуб» для учащихся 7 класса. Наши наблюдения показали, что систематическая работа в рамках книжного клуба не только повышает интерес учащихся к чтению на иностранном языке, но и существенно улучшает их когнитивные и коммуникативные навыки. В ходе экспериментального внедрения клуба, были зафиксированы следующие изменения:

1. У учащихся увеличилась скорость и точность анализа текстов, включая умение выделять ключевые тезисы и аргументы;
2. Учащихся продемонстрировали рост мотивации к самостоятельному чтению за счёт выбора произведений, соответствующих их интересам;

3. Постепенно стало сокращаться количество трудностей при выполнении заданий, связанных с выражением своих мыслей в устной и письменной формах;

4. Улучшилась способность критически оценивать информацию.

Ключевыми элементами успешной реализации книжного клуба послужили интерактивные форматы работы такие, как ролевые игры, создание ментальных карт, участие в групповых проектах, проведение дебатов, участие в «суде» над персонажами и т. д.

Таким образом, книжный клуб как форма внеурочной деятельности не просто компенсирует дефициты клипового мышления, но и трансформирует чтение в социально-значимый процесс. Вовремя работы с текстами школьники постепенно начинают осваивать умение распознавать глубинные идеи, которые прячутся за буквами, и понимать значимость прочитанной информации. Данный подход отвечает положениям ФГОС, в которых подчеркивается необходимость формирования готовности к саморазвитию и непрерывному обучению. Можно заключить, что книжный клуб превращается из простого дополнения к учебной программе в площадку, где формируется новая культура чтения, основанная на глубоком анализе, осознанности и критическом подходе.

Список литературы

1. Бим И. Л., Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам / И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова. – М.: Академия, 2009. – 336 с. – Текст: непосредственный.

2. Дорохов Р. С. Роль, содержание и специфика обучения чтению на занятиях по английскому языку / Р. С. Дорохов. – Текст: электронный // Ученые записки Курского гос. ун-та. – 2018. – № 4 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-soderzhanie-i-spetsifika-obucheniya-chteniyu-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku (дата обращения: 29.03.2025).

3. Иностранный язык. Реализация ФГОС основного общего образования: методическое пособие для учителя / М. З. Биболетова, Н. Н. Трубанева; под ред. И. Н. Добротиной. – М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2022. – 103 с.

4. Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 N 370 (ред. от 19.03.2024) «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования». – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.04.2025).

5. Федеральная рабочая программа начального общего образования иностранный (английский) язык (для 2-4 классов образовательных организаций). – Текст: электронный // URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/03_%D0%A4%D0%A0%D0%9F-%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-2-4-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%8B.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

6. Федеральная рабочая программа основного общего образования иностранный (английский) язык (для 5-9 классов образовательных организаций). – Текст: электронный // URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_ooo_frp_angl_5-9.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

7. Федеральная рабочая программа среднего общего образования иностранный (английский) язык (базовый уровень) (для 10-11 классов образовательных организаций). – Текст: электронный // URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/4_frp-angl-yaz_10-11-klassy_baza.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

8. Федеральная рабочая программа среднего общего образования иностранный (английский) язык (углублённый уровень) (для 10-11 классов образовательных организаций). – Текст: электронный // URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/05_frp-angl-yaz_10-11-klassy_ugl.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

9. Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: Учеб.-метод. пособие / С. К. Фоломкина. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 2005. – 255 с. – Текст: непосредственный.

10. Цветков В. Л., Павлова А. А. Клиповое мышление как актуальная психологическая проблема // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/klipovoe-myshlenie-kak-aktualnaya-psihologicheskaya-problema (дата обращения: 30.03.2025).

11. Шмелева Т. В. Культура чтения человека медийного // Ученые записки НовГУ. 2016. №3 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-chteniya-cheloveka-mediynogo (дата обращения: 30.03.2025).

12. Carr N. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. — New York: W.W. Norton, 2010. — 280 p.

13. Clip Thinking of Modern Pupils/Students: Observation of Teachers of Ukraine / S. Skvortsova, T. Symonenko, L. Nichugovska, R. Romanyshyn // ICERI2021 Proceedings 14th annual International Conference of Education, Research and Innovation, Spain, 8–9 ноября 2021 года. – Spain : IATED Academy, 2021. – P. 2223–2230.

Сведения об авторах:

Яковлева Юлия Михайловна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 39-б (учебный корпус №8); julia_for_friends@rambler.ru;

Рыжова Дарья Михайловна, магистр 1 курса Института иностранных языков, Орловский государственный институт имени И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 39-б (учебный корпус №8); daryzhova@gmail.com;

Yakovleva Yulia Mikhailovna; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev, 302001, Komsomolskaya st., 39b, Orel, Russian Federation; julia_for_friends@rambler.ru;

Ryzhova Darya Mikhailovna, 1st year Master's student of the Institute of Foreign Languages, Orel State University named after I.S. Turgenev, 302001, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya Street, 39b; daryzhova@gmail.com.

УДК 372.881.1

Использование аутентичных видеоматериалов в обучении иностранным языкам в вузе

Максим Валерьевич Якушев

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, директор института иностранных языков, доцент, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, yakuschev.m@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена дидактическая разработка к видеоматериалам немецкого телеканала «ARD». Дается описание этапов работы, типов и видов заданий к аутентичным видеоматериалам, размещенным в сети Интернет. Обоснована необходимость детальной проработки содержания предлагаемых материалов и дидактического сопровождения к ним.

Ключевые слова: видеоматериалы, дидактическое сопровождение, рабочие листы, упражнения и задания, этапы работы

Use of authentic video materials in teaching foreign languages at university

Maksim V. Yakushev

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Candidate of Pedagogie, Associate Professor, the Head of the Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, yakuschev.m@yandex.ru

Abstract. The article presents a didactic development for the videos of the German TV channel "ARD". The description of the stages of work, types of tasks for authentic videos posted on the Internet is given. The necessity of a detailed study of the content of the proposed materials and didactic support to them is substantiated.

Key words: video materials, didactic support, worksheets, exercises and tasks, work stages.

В данной статье речь пойдет о разработке дидактического сопровождения к видеоматериалам сети Интернет для работы на старших курсах языковых факультетов.

Существуют разнообразные типологии видеоматериалов, как специально созданных / препарированных для учебных целей, так и собственно аутентичных. Нас, в первую очередь, интересуют аутентичные блоки новостей, фрагменты документальных фильмов и интервью, специально отобранные для учебных целей с учетом программы обучения и группы обучающихся. Именно такие видеоролики, с грамотно разработанным дидактическим сопровождением, способствуют, во-первых, повышению мотивации обучающихся посредством актуальности, реальности и ситуативности сюжета, во-вторых, развитию навыков аудирования, а также побуждению к самостоятельному высказыванию и суждению по какой-либо значимой проблеме, затронутой в сюжете.

Нередко образовательные платформы уже содержат видеоматериалы с методическими разработками к ним. Вместе с тем, их анализ свидетельствует о некоторых типичных недостатках: монотонность предлагаемых сценариев и режимов работы, однотипность упражнений, преобладание заданий на контроль понимания, невозможность учета специфики группы и условий обучения.

Более подробно имеющиеся пробелы и требования к рабочим листам сформулированы нами ранее [2]. На основе изложенного подхода мы попытались создать дидактическое сопровождение к видеофрагментам телеканала «ARD», в частности - интервью: «Über das neue Gesetz zur Arbeitnehmerfreizügigkeit». Следует отметить, что предлагаемые нами задания носят открытый характер, позволяя преподавателю варьировать порядок и формы работы при выполнении заданий, а также ориентироваться на уровень подготовки студентов, время, которое преподаватель готов посвятить работе на том или ином этапе.

Видеофрагмент «Über das neue Gesetz zur Arbeitnehmerfreizügigkeit» представляет собой интервью, которое берется телеведущей у представителя Института занятости

населения Герхарда Боша. Гость в студии высказывает свое мнение о нынешней ситуации на рынке труда в Германии.

Работа с данным видеоматериалом состоит традиционно из 4-х этапов.

I Подготовительный этап

Цель этапа — снять трудности при восприятии видеоматериалов, ввести обучающихся в тему обсуждения, а также познакомить с ранее не употреблявшимися лексическими единицами.

Для более продуктивного запоминания новых лексических единиц мы предлагаем такие задания, как «попытаться объяснить значение слова на немецком языке на основе языковой догадки, его компонентов, а также с помощью контекста; заполнить пропуски в тексте, используя слова из списка», например:

Schauen Sie sich die neuen Vokabeln an. Wählen Sie dann eine und versuchen Sie ihre Bedeutung auf Deutsch den Mitstudenten zu erklären, damit sie sie verstehen können (die Arbeitnehmerfreizügigkeit, der Fachkräftemangel, der Mindestlohn, die Bandbreite, die Zuwanderung, das Dumping, u.a.***)***

Далее следует ввести обучающихся в тему интервью, этому способствует следующее задание:

Lesen Sie den Auszug über das Gesetz zur Arbeitnehmerfreizügigkeit und füllen Sie die Lücken; Arbeiten Sie in Paaren. Benutzen Sie dabei folgende Wörter: Mindestlohn, deutsche, flächendeckend, den Bürgern, Arbeitnehmerfreizügigkeit, Einschränkungen

…«Bis zum 1. Mai dieses Jahres soll in Deutschland ein gesetzlicher _____ von mindestens 7,50 Euro pro Stunde _____ eingeführt werden. Dies fordert die Fraktion Bündnis 90/Die Grünen in einem Gesetzentwurf mit Blick auf die _____ innerhalb der Europäischen Union, die zu diesem Zeitpunkt beginnt. Dann steht der _____ Arbeitsmarkt allen Arbeitnehmern aus Estland, Lettland, Litauen, Polen, Slowakei, Slowenien, Tschechien und Ungarn offen. Die Arbeitnehmerfreizügigkeit gestattet es _____aus nahezu allen EU-Staaten ab dem 1. Mai ohne eine _____ Beschäftigung in Deutschland aufzunehmen.»

Таким образом, студенты получают необходимую информацию и готовы к первичному просмотру и последующему выполнению заданий.

II Рецептивный этап

Цель этапа – облегчить понимание после первичного просмотра и сконцентрировать внимание учащихся на наиболее важных моментах видеоматериала. Для этого мы предлагаем ряд упражнений. Первое из них нацелено на общее/глобальное понимание просмотренного кинофрагмента:

1) Schauen Sie sich das Interview zum ersten Mal an und sagen Sie, worum es hier geht? Benutzen Sie dabei die neuen Vokabeln (4-5 Sätze).

Последующее задание позволяет сконцентрировать внимание студентов на наиболее значительных моментах сюжета:

2) FalschoderRichtig?

		Falsch	**Richtig**
	Die Lust auf den deutschen Arbeitsmarkt hält sich durchaus in Grenzen		
	Der deutsche Arbeitsmarkt ist attraktiv für die Ausländer		
	In Deutschland bekommt man einen Mindestlohn von 9 Euro		

	Die Angst, dass deutsche Löhne runter gehen, ist nicht berechtigt		
	Deutschland ist nicht auf einen offenen Arbeitsmarkt in Europa vorbereitet		
	In Frankreich gibt es keine Angst vor der Zuwanderung aus Mittel- und Osteuropa, weil es zu viele Arbeitsplätze gibt		
	Deutschland hat schon den flächendeckenden Mindestlohn eingeführt		
	Die Mindestlöhne kommen in Frankreich und Belgien nur tropfenweise in einzelnen Branchen		
	Die Zuwanderung löst das Problem des Fachkräftemangels völlig		

Заключительное задание в рамках рецептивного этапа предусматривает контроль детального понимания:

3) Beantworten Sie die Fragen:

- Warum ist der deutsche Arbeitsmarkt nicht mehr so attraktiv für die Arbeitnehmer?

- In welchem Sektor benutzt man ausländische Arbeitskräfte?

- Wie groß ist der Lohn der polnischen und tschechischen Arbeiter in Deutschland?

- Warum gibt es keine Angst vor der Zuwanderung aus Mittel- und Osteuropa in Frankreich oder in Belgien?

- Gibt es heute einen flächendeckenden Mindestlohn oder nur in einzelnen Branchen?

Проверив понимание сюжета, переходим к повторному просмотру видео и, соответственно, к репродуктивному этапу работы с ним.

III Репродуктивный этап

Цель этапа – развитие умений говорения. Для осуществления поставленной цели в рамках данного этапа нами предлагаются задания на изложение информации, полученной после просмотра видео. Этот этап является заключительным в понимании видеофрагмента и подготавливает учащихся непосредственно к монологическому высказыванию в рамках продуктивного этапа.

Предложенные упражнения могут выполняться с опорой на задания, предложенные на рецептивном этапе, нацелены, прежде всего, на воспроизведение полученной информации:

1) Sehen Sie sich das Interview noch einmal an und beschreiben Sie das besprochene Problem (7-9 Sätze).

2) Bestimmen Sie die wichtigsten Punkte im Interview. Arbeiten Sie in Paaren.

3) Versuchen Sie dieses Interview zu reproduzieren. Arbeiten Sie in Paaren. Benutzen Sie dabei die ausgesuchten Punkten aus der Aufgabe 2.

IV Продуктивный этап

Целью данного этапа является обеспечение практики в общении. Следовательно, для него характерны упражнения, предполагающие неподготовленную речь, которая осуществляется в индивидуальном, парном и групповом режимах. Нами предлагаются следующие задания:

1) Bilden Sie 2 Gruppen und besprechen Sie das nötige Gesetz zur Arbeitnehmerfreizügigkeit in Form einer Diskussion. Eine Gruppe sucht die Argumente für die Einführung dieses Gesetzes und die andere drückt die Gegenargumente aus.

2) Was würden Sie mit dem Problem der ausländischen Arbeitnehmer tun, wenn Sie ein Minister wären?

3) Wie sieht es in Russland aus? Gibt es bei uns günstige Arbeitsbedingungen für die Ausländer? Recherchieren Sie im Internet und finden Sie entsprechende Informationen.

Подобные упражнения совершенствуют не только умения устной речи, но и способствуют формированию умений вести дискуссию, работать в парах, умения сравнивать, а также аргументировать свою точку зрения.

Следует еще раз подчеркнуть, что разработка носит открытый характер, поэтому выполнение упражнений может варьироваться в зависимости от таких факторов, как: этап обучения (возраст, языковая подготовка), цели и задачи урока, его тематика, возможности учебного заведения, психологическая характеристика группы и т.д. Предложенные нами упражнения выполняются в различных формах работы –парная, индивидуальная, групповая.

Таким образом, при составлении дидактического сопровождения к видеофрагменту необходимо соблюдать наличие каждого из 4-х этапов и постараться сделать упражнения разнообразными и разнонаправленными, предлагать различные формы взаимодействия с целью повышения мотивации студентов, что в конечном итоге приведет к заинтересованному обсуждению проблемы, затронутой в сюжете и эффективному усвоению материала.

Использование видеоматериалов в процессе обучения иностранным языкам способно существенным образом повысить эффективность обучающей деятельности учителя, так как они представляют собой образцы аутентичного языкового общения, создают атмосферу реальной коммуникации, делают процесс усвоения иноязычного материала более живым, интересным, проблемным, убедительным и эмоциональным.

Список литературы

1. Комаров Ю.А. Использование видео в процессе обучения иностранному языку в средней школе. // Методики обучения иностранным языкам в школе/ Отв. ред. М.К. Колкова. – Спб.: КАРО, 2006. – С. 188-203.

2. Якушев М.В. Дидактическое сопровождение к ресурсам медиатеки // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции (14-15 октября 2021 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева) – Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2021. С. 307-312.

3. Brandi M. Video im Deutschunterricht. Berlin: Langenscheidt, 1996. 189 S.

Сведения об авторе:

Якушев Максим Валерьевич; кандидат педагогических наук, доцент, директор Института иностранных языков Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; yakuschev.m@yandex.ru;

Yakushev Maxim Valerjevich; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Foreign Languages of the I. S. Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya str., Orel, 302028, Russian Federation; yakuschev.m@yandex.ru.

Научное издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Сборник научных трудов
IX Международной научно-практической конференции
(г. Орёл, 15-16 октября 2025 г.)

Материалы печатаются в авторской редакции
Технический редактор А. Д. Бакина

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

Подписано к печати 08.12.2025 г. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 23,3. Тираж 500 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе ОГУ имени И.С. Тургенева
302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.
oreluniver.ru